64 01/34 т22
БФ 1

Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи

Вып. XXII.

Древности

Киргизской степи и Оренбургскаго края.

I. A. КАСТАНЬЕ.

Travaux de la Commission Scientifique des Archives d'Orenbourg. (Russie).

Tome XXII.

ANTIQUITÉS

DES STEPPES KIRGHIZES ET DU PAYS D'ORENBOURG

J. A. CASTAGNÉ.

Типо-лит. Т-ва „Каримовъ, Хусаиновъ и К-о" въ Оренбургѣ.

01/34

Бер

64 01/34

С 5 7/26

64

Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи.

Вып. XXII.

Древности Киргизской степи и Оренбургскаго края.

СОСТАВИЛЪ І. А. КАСТАНЬЕ.

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТЪ ОРЕНБУРГСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССІИ, ХРАНИТЕЛЬ МУЗЕЯ.

Travaux de la Commission scientifique des Archives d'Orenbourg. (Russie).

Tome XXII.

ANTIQUITÉS DES STEPPES KIRGHIZES ET DU PAYS D'ORENBOURG.

Par J. A. Castagné.

VICE-PRÉSIDENT DE LA COMMISSION SCIENTIFIQUE DES ARCHIVES, CONSERVATEUR DU MUSÉE D'ORENBOURG.

Типо-лит. Т-ва „Каримовъ, Хусаиновъ и К-о" въ Оренбургѣ.

1910.

279552

СОДЕРЖАНІЕ

Стр.

Введеніе.

Краткій историческій очеркъ киргизскихъ степей съ объяснительной картой.

Древности Оренбургской губ.

Свѣдѣнія о курганахъ и городищахъ. . . 1.

Общій обзоръ раскопокъ.—Раскопки Р. Г. Игнатьева, Ф. Д. Нефедова, Петри, И. С. Назарова, А. В. Попова, учителя Баранова, священника А. Инфантьева, священника И. Инфантьева, А. Л. Аниховскаго, Н. Е. Макаренко, І. А. Кастанье, членовъ Оренб. Уч. Арх. Ком., Н. Минко и пр. раскопки . . . . . 27—35.

Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ . . . . . 36.

Свѣдѣнія о доисторическихъ рудникахъ 37.

Становище каменнаго вѣка . . . . . 39.

Развалины, могилы, киргизскія святыни, преданія и пр. памятники Оренб. губ.

Оренбургскій уѣздъ—Остатки стѣнъ татарской мечети . . . . . 41.

Остатки стариннаго строенія . . 41.

Остатки двухъ татарск. мечетей 41.

Развалины обширныхъ зданій 41.

Елизаветинскія ворота (съ фиг. въ текстѣ) . . . . . 41.

TABLE GÉNÉRALE

Pages.

Avant-Propos.

Aperçu historique des steppes kirghizes avec carte explicative.

Antiquités du gouvernement d'Orenbourg.

Tumulus ou kourganes et goroditchés . . 1.

Aperçu général des fouilles archéologiques de M.M. R. G. Ignatieff, Néfédoff, Pétri. P. Nazaroff, A. V. Popoff, Baranoff, A. Infantieff, I. Infantieff, A. L. Anikhovsky, N. Makarenko, I. Castagné, N. Minko, d'un groupe de membres de la soc. scientifique des Archives d'Orenbourg, etc . . . 27-35.

Statues-babas . . . . . 36.

Mines préhistoriques . . . . . 37.

Station de l'âge de pierre . . . . . 39.

Ruines, tombeaux, lieux vénérés, légendes kirghizes s'y rattachant etc.

District d'Orenbourg—Ruines d'une ancienne mosquée tartare . . . . . 41.

Ruines d'un ancien édifice . . . 41.

Ruines de deux mosquées tartares 41.

Ruines de vastes édifices . . . 41.

Porte Elisabeth avec fig. dans le texte . . . . . 41.

Камни съ арабскими надписями 42.
Памятникъ Абулхаира . . . . . 42.

Землянка Стеньки Разина и пр. памятники Донецкой станицы 43.

Кузнечная гора близъ р.Донгузъ 43.
Каменныя пирамиды . . . . . 43.

Каменные мосты пос. Переволоцкаго . . . . . 43.
Оренбургскій уѣздъ. Остатки татарской мечети . . . . . 43.
Остатки стариннаго каменнаго строенія . . . . . 43.
Древныя могилы . . . . . 44.
Могила Булата . . . . . 44.
Могила на горѣ Ташъ-Уба . . . 44.

Гора Верблюдъ съ преданіемъ . 44.
Верхнеуральскій уѣздъ. Остатки стариннаго зданія . . . . . 46.
Зданіе Кисене . . . . . 47.
Гора Буйдъ съ пред. . . . . 50.
Могила Ляйли — Мяжнунъ съ пред. . . . . 50.
Троицкій уѣздъ. Остатки стариннаго строенія . . . . . 53.
Священная гора Аушкуль . . . 53.

Древности Тургайской области.

Свѣдѣнія о курганахъ и городищахъ . . 57.
Общій обзоръ раскопокъ—Раскопки Ф.Д. Нефедова, Петри, И. С. Назарова, А. Л. Аниховскаго, І.А. Кастанье и пр. раскопки . . . . 65.
Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ . . . . . 71.

Развалины, могилы, киргизскія святыня, преданія и пр. памятники Тург. обл.

Актюбинскій уѣздъ. Древнія киргизскія могилы . . . . . 73.
Айтолконъ-Тамъ съ преданіемъ 73.

Кызылъ-Тамъ съ преданіемъ . . 74.
Гора Корсакъ-басъ съ преданіемъ . . . . . 77.
Кызъ-Мола . . . . . 78.

Stèles avec inscrptions arabes . 42.
Monument funéraire du sultan kirghize Aboul-Khaïr . . . . . 42.
Anciens monuments de la stanitza de Donetzkoï . . . . . 43.
Mont du „Forgeron“ près de Dongouz . . . . . 43.
Monuments en forme de pyramides . . . . . 43.
Anciens ponts du village de Perevolotzk . . . . . 43.
District d'Orsk—Ruines d'une mosquée tartare . . . . . 43.
Ruines d'un ancien édifice . . 43.

Anciens tombeaux. . . . . 44.
Tombeau de Boulata . . . . . 44.
Ancien tombeau sur le mont Tach-Ouba . . . . . 44.
Mont du „Chameau“ avec légende 44.
District de Verkhneouralsk—Ruines d'un ancien édifice . . . . . 46.
Le „Kissené“ . . . . . 47.
Le mont „Bouïd“ avec légende . 50.
Tombeau de Liaïli-Miajnoun avec légende . . . . . 50.
District de Troïtzk—Ruines d'un ancien édifice . . . . . 53.
Montagne sacrée „Aouchkoul“. . 53.

Antiquités de la prov. de Tourgaï

Tumulus et goroditchés . . . . . 57.
Aperçu général des fouilles archéologiques de M. M. Néfédoff, Pétri, Nazaroff, Anikhovsky, Castagné etc . 65.

Statues-babas . . . . . 71.

Ruines, tombeaux, lieux vénérés des Kirghizes, légendes et autres monuments anciens.

District d'Aktioubinsk—Anciens tombeaux kirghizes . . . . . 73.
Tombeau „Aïtolkon-Tam“ avec légende . . . . . 73.
Tombeau du Kizil-Tam avec légende 74.

Mont du Korsak-Bass avec légende 77.
Tombeau de Kiss-Mola. . . . . 78.

Пещеры Чіили и Джилъ-Тау (Мыктэнъ-уй) . . . . . 79.
Атъ-Тасъ или Акъ-Тасъ . . . . 79.

Древнее сооруженіе въ видѣ долмена . . . . . 79.
Кара-Мола . . . . . 79.
Кутебай-Батыръ-Мола . . . . . 79.
Развалины каменной мечети . . 80.
Кустанайскій уѣздъ. Ксюп-Оба . . . . 80.
Могила Шокей . . . . . 80.
Становище каменнаго вѣка . . 80.
Иргизскій уѣздъ. Развалины Болгасынъ 80.
Могила Ходжи . . . . . 82.
Могилы Акчай . . . . . 82.
Могила Шимана . . . . . 82.
Тургайскій уѣздъ. Кладбище древнихъ народовъ. Слѣды древняго города. Древнее зданіе. Древнія могилы. 82.
Развалины Кара-Яръ . . . . . 83.

Древности Уральской области, Букеевской степи и Усть-Урта.

Свѣдѣнія о курганахъ и о кам. бабахъ Уральской области . . . . . 87.

Развалины, могилы, киргизскія святыни, преданія и пр. памятники Уральской обл.

Уральскій уѣздъ—Байтакъ-Тамъ съ преданіемъ . . . . . 90.
Развалины городовъ . . . . . 92.
Могила Бетьхъ-Ходжи . . . . 92.
Могила батыря Кульджана . . 93.
Могила Машбетъ-Тау-Мола или Молбаса . . . . . 93.
Могила Джиренъ-Батыря . . . 93.
Могила Хобланды съ преданіемъ 93.
Историческая пѣсня „Бозмнай“ 93.
Памятники древности . . . . . 94.
Остатки вала . . . . . 94.
Гора Ишке-Карганъ . . . . . 95.
Киргизское преданіе о Хабардинѣ и о Токтамышъ-ханѣ . . . 95.
Темирскій уѣздъ. Могила Ауліе . . . . 95.
Могила Джалимбета . . . . . 95.
Гурьевскій уѣздъ и Усть-Уртъ. Развалины Сарайчика . . . . . 95.

Grottes de Tchili et de Djil-Taou „Muikten-ouy“ . . . . . 79.
Pierre appelée „At-Tass“ ou Ak-Tass . . . . . 79.
Ancien monument en forme de dolmen . . . . . 79.
Kara-Mola (tombeau) . . . . 79.
Tombeau de Koutebaï-Batyr . . 79.
Ruines d'une mosquée . . . . 80.
District de Koustanaï—Le Ksioup-Oba . 80.
Tombeau de Choqueï . . . . . 80.
Station de l'âge de pierre . . . 80.
District d'Irghiz—Ruines de Bolgassine . 80.
Tombeau du Khodji. . . . . . 82.
Tombeaux d'Aktchaï . . . . . 82.
Tombeau de Chimane . . . . . 82.
District de Tourgaï—Ancienne nécropole, Traces d'une ancienne ville. Ancien édifice. Vieux tombeaux . . . . 82.
Ruines de Kara-Iar . . . . . 83.

Antiquités de la prov. d'Ouralsk, de la steppe de Boukeï et de l'Oust-Ourt.

Tumulus et babas de la prov. d'Ouralsk . 87.

Ruines, tombeaux, lieux vénérés des Kirghizes légendes et autres monuments de la province.

District d'Ouralsk—Tombeau de Baïtak avec légende . . . . . 90.
Ruines de villes . . . . . 92.
Tombeau de Bethk-Khadji . . . 92.
Tombeau du chevalier Kouldjane 93.
Tombeau de Machbet-Taou ou Molbassa . . . . . 93.
Tombeau de Djiren-Batyr . . . 93.
Tombeau de Khoblandi avec légende 93.
Chanson historique de Bozmanaï 93.
Anciens monuments . . . . . 94.
Anciens retranchements . . . . 94.
Mont Ichkè-Kargane . . . . . 95.
Légende kirghize sur Khabardine et Toktamuich-khan . . . . . 95.
District de Témir—Tombeau d'Aouliè . . 95.
Tombeau de Djalimbett . . . . 95.
District de Gourieff et Oust-Ourt—Ruines de Saraïtchik. . . . . . 95.

Старая ногайская дорога . . . 96.

Астраханская губернія
Букеевская орда.

Раскопки кургановъ Букеевской степи 100.
Каменныя бабы Букеевской степи . . . 101.

Древности Акмолинской области.

Свѣдѣнія о курганахъ, городищахъ и раскопкахъ. Раскопки А. Селиванова и А. Козырева . . . 105.

Развалины, могилы и пр. памятники Акмолинской области:

Надгробныя сооруженія кочевниковъ. Киргизское зодчество. 108.
Развалины г. Белянъ-Ана . . . 109.
„ г. Татагай . . . . 109.
„ Якши-Кунъ . . . 110.
„ г. Джупанъ-Ана . 110.
Святыня Мамай-Молла . . . . 110.
Доисторическіе рудники . . . . . 111.

Древности Семипалатинской обл.

Курганы и городища Семипалат. обл. . 115.
Обзоръ археологическихъ раскопокъ; раскопки священ. о. г. Васильева, Сухомлинова и пр. раскопки . 131.
Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ . . . . 133.
Камни съ надписями или изображеніями 136.
Доисторическіе рудники . . . . . 139.

Развалины, древ. могилы, преданія и пр. памятники Семипалатинской обл.:

Семипалатинскій уѣздъ. Развалины Семи Палатъ . . . . . 141.
Павлодарскій уѣздъ. Развалины . . . 143.
Калбасунская башня . . . . . 144.
Каркаралинскій уѣздъ—Развалины . . 145.
Могила султана Клыша . . . 145.
Древнія укрѣпленія . . . . . 145.
Кентскій или Кызылъ-Гянчскій дворецъ . . . . . 145.
Устькаменогорскій уѣздъ. Развалины Аблайкитскія . . . . . 147.

Ancienne route dite des Nogaïss . 96.

Gouvernement d'Astrakhan. Horde kirghize de Bouquei

Fouilles de tumuli dans la steppe de Bouquei 100.
Babas des steppes de Bouquei . . . . . 101.

Antiquités de la province d'Akmolinsk.

Tumulus, goroditchés et fouilles archéologiques-Fouilles de M. M. Selivanoff et Kozyreff . . . . . 105.

Ruines, tombeaux et autres monuments de la province d'Akmolinsk.

Monuments funéraires des nomades. L'art kirghize . . . . . 108.
Ruines de la ville de Belian-Ana 109.
„ *de la ville de Tatagaï* . 109.
„ *de Iakchi-Koun.* . . . 110.
„ *de la ville de Djoupan-Ana* 110
Lieu sacré de Mamaï-Molla . . 110.
Mines préhistoriques . . . . . 111.

Antiquités de la province de Semipalatinsk.

Tumulus et goroditchés . . . . . 115.
Fouilles archéologiques de M. M. Vassilieff, Soukhomlinoff etc . . . . . 131.

Statues-babas . . . . . 133.
Inscriptions rupestres . . . . . 136.
Mines préhistoriques . . . . . 139.

Ruines, anciens tombeaux, légendes et autres monuments de la province de Semipalatinsk

District de Semipalatinsk—Ruines de Semi Palat (Sept palais) . . . . . 141.
District de Pavlodarsk—Ruines . . . . 143.
La tour de Kalbassoun . . . 144.
District de Karkaralinsk—Ruines . . 145.
Tombeau du sultan Klycha . . 145.
Anciennes fortifications . . . 145.
Ruines du palais de Kentsk ou Kizyl-Guiantschk . . . . . 145.
District d'Oustkaménogorsk—Ruines d'Ablaykitt . . . . . 147.

Остатки небольшой крѣпости . 148.
Зайсанскій уѣздъ—Развалины древняго зданія . . . . . 149.
Замѣчательныя пещеры . . . . . 150.

Древности Сыръ-Дарьинской обл.

Свѣдѣнія о курганахъ . . . . . 155.
Свѣдѣнія о раскопкахъ: раскопки Остроумова, Кала, Баронина . . . 162.
Свѣдѣнія о глиняныхъ погребальныхъ урнахъ (съ иллюстр.) . . . . 165.
Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ . . . . 167.
Камни съ надписями . . . . . 169.
Свѣдѣнія о пещерахъ и становище каменнаго вѣка. . . . . 171.

Развалины, древ. могилы, преданія и пр. памятники Сыръ-Дарьинской обл.

Слѣды древнихъ городовъ по Сыръ-Дарьѣ. . . . . 173.
Развалины Сютъ-Кента . . . . 173.
Чимкентскій уѣздъ—развалины города Отрара (съ иллюстр.) . . . . 174.
Развалины древняго замка Бабъ Ата . . . . . 183.
Древняя могила Бабъ-Ата . . 184.
Развалины г. Суда-Кента . . 185.
„ г. Кумъ-Кента . . 185.
Древности г. Туркестана . . . 186.
Развалины г. Саурана . . . . 186.
Сауранская башня . . . . . 187.
Перовскій уѣздъ—зданіе Кокъ-Кесене 187.

Развалины древняго гор. Саганакъ или Сунакъ . . . . . 189.
Свѣдѣнія о гор. Сунакѣ (киргизскій текстъ) . . . . . 192.
Выписка изъ соч. Абдулъ-Гази Багадуръ-Хана شجرهٔ ترك о завоеваніи сыномъ Чингизхана Джучиханомъ древнихъ городовъ: Саганака, Узгента, Асната и Дженда (киргизскій текстъ) . . 194.
Развалины древняго гор. Бишъ-Тамъ . . . . . 194.

Ruines d'une ancienne forteresse 148.
District de Zaïssansk—Ruines d'un ancien édifice . . . . . 149.
Cavernes offrant quelque intérêt archéologique. . . . . . 150.

Antiquités de la province du Syr-Daria.

Tumulus . . . . . 155.
Fouilles archéologiques de M. M. Ostroumoff, Kal, Baronine . . . 162.
Urnes funéraires en argile avec illustrations . . . . . 165.
Statues-bubas . . . . . 167.
Inscriptions rupestres . . . . . 169.
Cavernes et stations de l'âge de pierre . 171.

Ruines, anciens tombeaux, légendes et autres monuments historiques de la prov. du Syr-Daria.

Traces d'anciens lieux habités sur les bords du Syr-Daria . . 173.
Ruines de Suitt-Kent . . . . 173.
District de Tchimkent—Ruines d'Otrar avec illustrations . . . . . 174.
Ruines de l'ancien château de Bab-Ata . . . . . 183.
Tombeau de Bab-Ata . . . . 184.
Ruines de Souda-Kent 185
„ *de Koum-Kent* . . . . 185.
Antiquités de la ville de Turkestan 186.
Ruines de Saouran . . . . . 186.
La tour de Saouran . . . . 187.
District de Pérovsk—Le monument Kok-Kèssené . . . . . 187.
Ruines de Saganak ou de Sounak 189.

Quelques détails sur Sounak d'après un texte kirghize . . 192.
Extraits de l'ouvrage d'Abdul-Ghazi Bahadour khan شجرهٔ ترك *sur la prise des villes de Saganak, d'Ouzguent, d'Asnach et de Djend par Djoutchi fils de Gengis-Khan (texte kirghize)* . 194.
Ruines de Bich-Tam . . . . . 194.

„ Кызылъ-Кала . . . 195.
„ Окше-Ата . . . . . 195.
„ Копъ-Рабатъ . . . 195.
„ Абызъ-Тюбе или Кутликентъ . . . . . 196.
„ Акъ-Тюбе . . . . . 196.
„ Урдакента . . . . 196.
„ Балапанъ-Тюбе . . 196.
Развалины и прочія древнія сооруженія около Перовска . . 196.
Развалины древняго гор. Ашнасъ или Эшнасъ . . . . . 197.
Развалины древ. гор. Джендъ. 198.
Сообщеніе муллы Алима Абулкасымова о городѣ Джендѣ (киргизскій текстъ) . . . . . 199.
Развалины Ишки-Узгентъ или Сырчи-Узгентъ . . . . . 200.
Древній мазаръ Курасанъ-Ата или Хорасанъ-Ата . . . . . 200.
Легенда о Хорасанъ-Ата (киргизскій текстъ) . . . . . 200.
Развалины древней могилы Баксаисъ-Ата . . . . . 201.
„ Алгыръ-Салгыръ. . 201.
Списокъ надписей на столбахъ мазара Хусаинъ-Баба, сына Хорасанъ-Ата (киргиз. текстъ) . 202.

Переводъ статьи о городѣ Сунакѣ или Сокнакѣ, о его гибели и развалинахъ . . . . . 203.
Переводъ разсказа о походѣ Джучи-хана въ Джендъ, Узгентъ, Саганакъ, Аснашъ изъ соч. Абдуль-Гази Багадуръ-Хана 204.

Переводъ статьи Муллы Алима Абдулкасымова о городѣ Джендѣ . . . . . 206.
Переводъ легенды о Хорасанъ-Ата . . . . . 207.
Переводъ надписей на столбахъ мазара Хусаина-Баба, сына Хорасана-Ата . . . . . 208.

Слѣды древнихъ крѣпостей по старому руслу рѣки Сыръ-Дарьи (Угузъ-Жилгасы) . . . . . 209.

„ *de Kizil-Kala* . . . . 195.
„ *d'Okche-Ata* . . . . . 195.
„ *de Kop-Rabat* . . . . 195.
„ *d'Abuis-Tubè ou de Koutlikent* . . . . . 196.
„ *d'Ak-Tubè*. . . . . 196.
„ *d'Ourdakent* . . . . . 196.
„ *de Balapan-Tubè* . . . 196.
Ruines et autres monuments historiques près de Pérovsk . 196.
Ruines d'Achnos ou Echnas . 197.

Ruines de Djend . . . . . 198.
Communication du mullah Alime Aboul-Kassime sur l'ancienne ville de Djend (texte kirghize 199.
Ruines d'Ichke-Ouzguent ou Syrgui-Ouzguent. . . . . . 200.
Ancien tombeau de Kourassan-Ata ou Khorassan-Ata. . . . 200.
Légende de Khorassan-Ata (texte kirghize) . . . . . 200.
Ruincs de l'ancien tombeau de Baksaïs-Ata . . . . . 201.
„ *d'Alguir-Salguir* . . . 201.
Liste des inscriptions sur les colonnes du mausolée de Khoussaïne-Baba, fils de Khorossan-Ata (texte kirghize) . . . . . 202.
Traduction en russe des textes kirghizes sur la ville de Sounak, sa destruction et ses ruines . . 203.
Traduction du récit des campagnes de Djoutchi-khan à Djend, Ouzguent, Saganak, Asnacha d'après l'ouvrage d'Abdul-Ghazi Bahadour-khan . . . . . 204.
Traduction du récit d'Alime Abdul-Khassim sur la ville de Djend . . . . . 206.
Traduction de la légende sur Khorassan-Ata 207
Traduction des inscriptions sur les colonnes du mausolée de Khoussaïne-Baba, fils de Khorassan-Ata . . . . . 208.
Ruines d'anciennes forteresses sur les bords du lit auj. desséché du Syr-Daria (Ougouz-Djilgassi) 209.

Развалины Мулла-Курганъ 210.
„ Тубесы-Оюкъ или Касымъ-Ата . . . 210.
„ гор. Узгента или Кыргы-Узгента . 210.
„ Джиты-Асаръ . . 211.
„ Оренбая по р. Яны-Дарьѣ . . . . . 213.
„ Шерикъ-Рабата . 214.
Развалины и мавзолей Сырлы-Тамъ . . . . . 214.
„ Мійрамъ . . . . 215.
„ Акъ-Кургана . . 215.
Могила святого Кармакчи-Ата 216.
Могила Шике-Ніазъ . . . . 216.
Могила святого Хорхутъ-Ата 216.
Легенда о Хорхутѣ . . . . . 218.
Киргизское надгробное сооруженіе въ Хорхутѣ . . . . . 218.
Казалинскій уѣздъ—развалины Джанкента . . . . . 218.
Легенда о Джанкентѣ . . . . 222.
Башня Сараманъ-Коса . . . 225.
Развалины Куюкъ-Кала . . . 226.
Развалины Курганчи . . . . 226.
Могильный памятникъ близъ ст. Бикбаули . . . . . 226.
Башня Бегимъ-Мунара . . . 226.
Ауліеатинскій уздъ—развалины древняго города Тараза или Таласа нынѣ г. Ауліеата. . . . . 227.
Мазаръ святого Ауліеата или Карахана . . . . . 228.
Мазаръ Айша-Биби . . . . . 229.
Памятники древности . . . . 231.
Древнія постройки . . . . . 232.
Развалины гор. Акъ-Тюбе . . 232.
Киргизская легенда объ Акъ-Тюбе . . . . . 232.
Древнія мѣстности . . . . . 233.
Древнее зданіе Ахыръ-Ташъ . 234.

Древности Семирѣченской области

Свѣдѣнія о курганахъ Семирѣченской области . . . . . 241.
Свѣдѣнія о раскопкахъ . . . . . 246.
Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ . . . . 251.
Камни съ надписями или изображеніями 257.
Христіанско-несторіанскіе памятники . 261.

Ruines de Mulla-Kourgan . . . 210.
„ *de Toubessi-Oück ou Kassime-Ata* . . . . 210.
„ *d'Ouzguent ou Kirgui-Ouzguent* . . . . . 210.
„ *de Djite-Assar* . . . 211.
„ *d'Orenbaï sur la rivière Iani-Daria* . . . . . 213.
„ *de Cherik-Rabat* . . . 214.
„ *du mausolée de Sirle-Tam.* . . . . . 214.
„ *de Miiram.* . . . . . 215.
„ *d'Ak-Kourgan* . . . . 215.
Tombeau du saint Karmaktchi-Ata 216
„ *de Chike-Niaz* . . . . 216.
„ *du saint Khorkhout-Ata* 216.
Légende de Khorkhout . . . . 218.
Monument funéraire kirghize de Khorkhout . . . . . 218.
District de Kazalinsk – Ruines de Djankent 218

Légende de Djankent . . . . 222.
Tour de Saraman-Kossa . . . 225.
Ruines de Kuŕuk-Kala . . . . 226.
„ *de Kourgantchi* . . . 226.
Monument funéraire près de Bikbaouli . . . . . 226.
Tour de Béguime-Mounara . . 226.
District d'Aouliéatinsk—Ruines de l'ancienne ville de Taraza ou Tallasa auj. Aouliéata . . . . . 227.
Tombeau (mazar) du saint Aouliéata ou Karakhana . . . . . 228.
Mazar d'Aïcha-Bibi . . . . . 229.
Anciens monuments . . . . . 231.
Anciens édifices . . . . . 232.
Ruines d'Ak-Tubé . . . . . 232.
Légende kirghize d'Ak-Tubé . 232.

Anciens lieux . . . . . 233.
Ancien édifice Akhir-Tach . . 234.

Antiquités de la province de Semirietchensk

Tumulus de la province de Semirietchensk 241.

Fouilles archéologiques . . . . . 246.
Statues-babas . . . . . 251.
Inscriptions rupestres . . . . . 257.
Anciens monuments chrétiens-nestoriens 261.

Древнія укрѣпленія, развалины, киргизскія святыни, преданія, могилы и пр. памятники Семирѣченской области.

Копальскій уѣздъ. Остатки крѣпости. 263.
Ровъ Тамерлана . . . . . 263.
Могила Чохана-Валиханова . 264.
Могила Танеке . . . . . 265.
Памятникъ Келинчекъ-Тасъ . 265.
Токмакскій уѣздъ.—развалины крѣпости . . . . . 265.
Башня Бураны 265
Памятникъ въ видѣ обелиска . 267.
Пржевальскій уѣздъ—мусульманская святыня Чешь-Тюбе . . . . . 267.
Ташъ-Рабатъ . . . . . 268.
Развалины крѣпости Кошой-Курганъ. . . . . 270.
Киргизскія надгробныя сооруженія. . . . . 271.
Джаркентскій уѣздъ.—Могила Акъ-Тамъ 271.
Легенда объ Акъ-Тамъ . . . 272.
Лепсинскій уѣздъ.—Древній памятникъ Денгекъ. . . . . 273.
Памятникъ Козу-Керпечъ съ преданіемъ . . . . . 276.
Древности Иссыкъ-Куля . . . 293.
Древнія мусульманскія кладбища . . . . . 296.
Историко-сравнительный этюдъ о каменныхъ бабахъ киргизскихъ степей и Россіи вообще въ связи съ каменными изваяніями Франціи, Германіи и прочихъ странъ.—Разные виды воспроизведенія чертъ лица умершихъ въ связи съ поклоненіемъ предкамъ . . . . . 301.
Списокъ рисунковъ, помѣщенныхъ на таблицахъ . . . . . 321.
Опечатки . . . . . 331.
Таблицы.

Anciennes forteresses, ruines, lieux saints, tombeaux et légendes kirghizes de la province de Sémirietchensk.

District de Kopalsk. Anciennes forteresses 263.
Fossé de Tamerlan . . . . . 263.
Tombeau de Tchokhan—Valikhan 264
Tombeau de Teneke . . . . . 265.
Monument Kelinguek-Tass . . 265.
District de Tokmak—Ruines de forteresses 265.
Tour de Bourani . . . . . 265.
Monument en forme d'obélisque 267.
District de Prjevalsk—Lieu saint musulman de Tchech-Tubé . . . . . 267.
Le Tach Rabat . . . . . 268.
Ruines de la forteresse de Kochoï-Kourgan . . . . . 270.
Monument funéraire kirghize 271.
District de Djarkent—Tombeau d'Ak-Tam 271.
Légende d'Ak-Tam . . . . . 272.
District de Lepsinsk—Ancien monument Denguek . . . . . 273.
Monument de Kozou-Kerpetch avec légende . . . . . 276.
Antiquités de l'Issyk-Koul . . 293.
Ancien cimetière musulman . . 296.
Etude historique et comparative des statues-babas des steppes kirghizes et de Russie dans leurs rapports avec les sculptures primitives de France, d'Allemagne et d'autres pays d'Europe. Différentes manières de reproduire les traits des morts dans leurs rapports avec le culte des ancêtres . . . . . 301.
Explication des dessins contenus dans les planches . . . . . 321.
Errata . . . . . 331.
Planches

ВВЕДЕНІЕ.

Древности южной половины (южнѣе параллели усть-Урта) Средней Азіи вслѣдствіе своей роскоши и грандіозности (мечети Самарканда и др.) затмили скромные и бѣдные памятники сѣверной ея половины въ то время, какъ послѣдніе по своей древности и многочисленности заслуживаютъ едва-ли не большаго вниманія, чѣмъ первые. Однако, именно ихъ многочисленность, разбросанность изслѣдованій и извѣстій о нихъ въ разныхъ брошюрахъ и книгахъ, издаваемыхъ русскими и заграничными учеными обществами, въ журналахъ не только ученыхъ, но и просто литературныхъ, и въ газетахъ, не даютъ никакой возможности окинуть ихъ однимъ общимъ взглядомъ и сдѣлать о нихъ какіе либо общіе выводы. Громадность территоріи, занимаемой описываемыми нами древностями, при отсутствіи общаго ихъ обзора, или хотя бы перечня, точно также затрудняютъ ихъ изученіе.

Въ виду того, что при изученіи археологіи, этнографіи, исторіи, зодчества и пр. Оренбургскаго Края постоянно приходится сталкиваться съ древностями сѣверной части Ср. Азіи, вызывающими такимъ образомъ ихъ изученіе, и что таковое должно начинаться съ предварительнаго приведенія ихъ въ извѣстность, я рѣшилъ по возможности перечислить ихъ всѣ, насколько это позволяетъ мѣстопребываніе автора въ провинціи.

Настоящій трудъ охватываетъ бывшія области Оренбургскихъ, Сибирскихъ и Семипалатинскихъ киргизъ, изъ которыхъ впослѣдствіи, по указу 1868 года, образовались области Тургайская, Уральская, Акмолинская и Семипалатинская. Сюда же я присоединилъ территорію киргизъ Букеевской орды въ Астраханской губ. и значительную часть Сыръ-Дарьинской области, въ предѣлахъ по широтѣ отъ Ташкента до устья рѣки Сыръ-Дарьи, съ уѣздами Чимкентскимъ, Ауліеатинскимъ, Перовскимъ и Казалинскимъ; наконецъ Семирѣченскую область и Оренбургскую губернію.

Я придалъ своему труду названіе „*Древности киргизской степи и Оренбургскаго Края*“, хотя съ перваго взгляда можетъ показаться, что нельзя объединять подъ такимъ названіемъ разнообразныя древности, встрѣчающіяся въ названныхъ степяхъ; не отстаивая во что бы-то ни стало взятаго мною названія, я только укажу, что, во первыхъ, самъ читатель при чтеніи моего труда отмѣтитъ нѣчто однообразное и связую-

щее всѣ эти древности, и, во вторыхъ, населеніе киргизскихъ степей едва ли когда-либо рѣзко мѣнялось въ своемъ этническомъ составѣ; тѣмъ менѣе было перемѣнъ въ бытѣ —населеніе здѣсь искони вѣковъ было кочевое. Будущіе изслѣдователи будутъ имѣть возможность точнѣе разобраться въ вопросахъ археологіи и этнографіи нашихъ степей.

Я не считаю свой трудъ полнымъ, такъ какъ въ провинціи не всегда можно достать всѣ необходимые источники.

Въ описаніи памятниковъ древности киргизской степи я старался помѣстить какъ можно больше подробностей, приводя то цѣликомъ статьи разныхъ изслѣдователей, то лишь выдержки, то рецензіи о нихъ, не дѣлая при этомъ никакой личной окраски.

Желая дать наиболѣе точное представленіе о памятникахъ древности, я скопировалъ съ фотографическихъ снимковъ, гравюръ и пр. виды этихъ памятниковъ. Я довелъ свой трудъ до 1911 года.

Матеріалъ мною распредѣленъ по областямъ, но строго придерживаясь предметной системы, которая въ свою очередь распредѣлена по уѣздамъ, волостямъ и т. д.

Однако здѣсь нужно внести поправку: многія извѣстія о древностяхъ напечатаны 80—100 и болѣе лѣтъ тому назадъ, когда современнаго административнаго дѣленія киргизскихъ степей совершенно не было, а потому многія древности приходилось распредѣлять по волостямъ и уѣздамъ почти наугадъ. Это же относится даже къ Оренбургской губ. и ко времени далеко не столь отдаленному, напр.: г. Игнатьевъ писалъ въ 60 г.г. прошлаго столѣтія; однако, когда я рѣшилъ разнести описанные имъ курганы и городища сообразно съ послѣдними Списками нас. мѣстъ Оренб. губ., то къ этому представились непреодолимыя трудности. Кромѣ того, древности, описанныя г. Шукшинцевымъ и др. всего въ 1900 г., точно также я не рѣшился разнести по волостямъ и станицамъ. Постоянное употребленіе терминовъ „поправую, полѣвую сторону“ безъ указанія, куда становиться лицомъ или куда смотрѣть, или откуда считать, или „на Илецкомъ трактѣ„, на „Земляхъ Оренб. Каз. Войска“, на „Земляхъ Міасскихъ золотыхъ промысловъ, вѣдомства казенныхъ промысловъ, Златоустовскихъ заводовъ“ и т. п. совершенно лишаютъ возможности правильно оріентироваться въ современномъ мѣстонахожденіи древностей.

Поэтому я предпочелъ по возможности дословно перепечатывать извѣстія авторовъ, оріентировка же въ нихъ возможна только на мѣстѣ, съ ихъ записями въ рукахъ, что уже не входило въ мою задачу.

Однако я думаю, что мой трудъ можетъ оказать услугу при составленіи археологической карты описываемыхъ мною мѣстностей.

Точно также читатель встрѣтитъ иногда, что одно и тоже мѣсто или древность на двухъ строкахъ названы разными именами напримѣръ: Сунакъ, Саганакъ или Сонакъ, Козу-Керпечъ или Кузу-Курпешъ и т. п. это уже вина авторовъ, къ которымъ я и отсылаю.

Мой трудъ содержитъ свѣдѣнія о курганахъ, городищахъ, каменныхъ бабахъ, развалинахъ крѣпостей, старинныхъ могилахъ, городахъ и пр. сооруженіяхъ кочевниковъ, а также обзоръ раскопокъ, свѣдѣнія о христіанско-несторіанскихъ памятникахъ, о надписяхъ и изображеніяхъ на камняхъ, о мусульманскихъ святыняхъ и прочихъ достопримѣчательныхъ мѣстахъ, доисторическихъ рудникахъ. Я помѣстилъ народныя сказанія, пріуроченныя къ разнымъ древностямъ, имѣя въ виду ихъ тѣсную и неразрывную связь съ послѣдними и съ степнымъ бытомъ, а также быть можетъ древность нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ концѣ труда читатель найдетъ особый этюдъ о каменныхъ бабахъ; это единственный отдѣлъ древностей, въ отношеніи котораго я позволилъ себѣ высказать свой

личный на нихъ взглядъ, основанный на долголѣтнемъ изученіи этого вопроса.

Мной былъ составленъ въ началѣ длинный списокъ всѣхъ опечатокъ, но затѣмъ я рѣшилъ оставить въ немъ только опечатки, искажающія смыслъ или имена собственныя; за прочія же приношу извиненіе передъ читателемъ: онѣ неизбѣжны при положеніи печатнаго дѣла въ провинціи.

Редакціонный комитетъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи не принималъ никакого участія въ редактированіи моего труда.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ принести глубокую благодарность Его Превосходительству г. профессору А. В. Никитскому, бывшему попечителю Оренб. Учеб. Округа, за исходатайствованіе отъ М—ва Народ. Просвѣщенія 300 руб. вспомоществованія Архивной Комиссіи на напечатаніе моего труда, А. В. Попову, предсѣдателю Архивной Комиссіи, за постоянное дружеское содѣйствіе при его редактированіи и печатаніи, Н. Н. Пантусову, предоставившему любезно снимки бабъ и нѣсколько рукописей, Туркестанскому кружку Люб. Археологіи за присланныя клише съ предметовъ Ташкентскаго музея и всѣмъ прочимъ лицамъ, оказавшимъ мнѣ содѣйствіе при составленіи моего труда.

І. Кастанье.

AVANT-PROPOS

La présente étude archéologique embrasse l'ancien pays des Kirghizes d'Orenbourg, de Sibérie et de Sémipalatinsk, c'est-à-dire quatre provinces: celles de Tourgaï, d'Ouralsk, d'Akmolinsk et de Sémipalatinsk, créées en 1868, soit un territoire aussi grand que quatre des plus importants Etats d'Europe. A ce territoire essentiellement kirghize, j'ai ajouté le territoire des Kirghizes de la horde Bouqueï (gouv. d'Astrakhan), quatre arrondissements de la province du Syr-Daria, la totalité de la province de Semirietchensk où la population kirghize est encore en majorité, et le gouvernement d'Orenbourg dont la plus grande partie fut autrefois habitée par les Kirghizes.

Les matériaux recueillis ont été classés avec le plus de soin possible; chaque province a été traitée séparément dans l'ordre suivant:

1°. Kourganes ou tumulus et „goroditchés"

2°. Fouilles archéologiques.

3°. Sculptures primitives (statues-babas, dessins rupestres, figures et inscriptions).

4°. Mines préhistoriques.

5°. Grottes offrant un intérêt archéologique.

VORREDE

Die gegenwärtige archäologische Übersicht umfasst das alte Land der Kirgisen von Orenburg, Sibirien und Semipalatinsk, d. h. der vier im Jahre 1868 geformten Provinzen Turgay, Uralsk, Akmolinsk und Semipalatinsk Dieses Territorium ist so gross, wie vier geräumige Reiche Europas. An dieses durchaus kirgisische Territorium schliessen sich das Gebiet der Bukeewschen Horde (Gouvernement Astrachan), vier Bezirke von Syr-Daria, jene von Semiretchensk, wo die Bevölkerung meist kirgisisch ist, und das Gouvernement Orenburg, das vorher grösstenteils von Kirgisen bewohnt war.

Die gesammelten Materialien sind aufs sorgfältigste in Klassen eingeteilt in folgender Ordnung:

1. Grabhügel oder Tumuli und Goroditsche (Erdbefestigungen).

2. Archäologische Nachgrabungen.

3. Ursprüngliche Sculptur (Statuen-Babas, Zeichnungen auf Stein, Figuren und Inschriften).

4°. Vorgeschichtliche Erzgruben.

5°. Grotten, die archäologisches Interesse darbieten.

6°. *Tombeaux et lieux saints, ruines, etc. Légendes kirghizes se rapportant aux monuments décrits.*

Pour faciliter l'étude de ces monuments, j'ai ajouté le plus possible de dessins et de croquis; on voudra bien ne pas oublier qu'ils ne sont pas l'œuvre d'un artiste; bien, qu'imparfaits, ils suffiront cependant à donner une idée des monuments décrits.

A la fin de cet ouvrage on trouvera une étude historique et comparative des statues-babas des steppes kirghizes et de Russie dans leurs rapports avec les sculptures primitives des divers pays d'Europe.

J. C.

6°. *Gräber und heilige Stätten, Ruinen u. s. w. Kirgisische Legenden, die sich auf die geschilderten Denkmäler beziehen.*

Um das Studium dieser Denkmäler zu erleichtern, habe ich so viel als möglich Zeichnungen und Skizzen hinzugefügt. Man möge nicht vergessen, dass dieselben von keinem Künstler ausgeführt sind; obgleich unvollkommen, geben sie doch einen Begriff von den erwähnten Denkmälern.

Beigefügt ist dieser Arbeit am Schlusse eine vergleichende historische über Studie die steinernen Babas in kirgisischen Steppen mit ähnlichen Kunsterzeugnissen Europas.

J. C.

Краткій историческій очеркъ

киргизскаго края.

Археологическія изслѣдованія киргизскихъ степей и различные предметы каменнаго періода, найденные во многихъ мѣстахъ, указываютъ на слѣды пребыванія въ вышеупомянутой области первобытнаго человѣка, какъ напр., каменныя орудія, молотки, топоры, наконечники стрѣлъ и грубыя металлическія издѣлія [1]). Древнѣйшіе памятники-курганы и городища, можно отнести къ *„чуди“*. Этотъ курганный народъ жилъ въ укрѣпленныхъ городахъ, представляющихъ изъ себя небольшія сооруженія изъ глины, дерева или камня. Такія *городища* были неоднократно открываемы въ разныхъ мѣстахъ Киргизской степи—по берегамъ Урала, Илека, Ори, Тобола, Ишима, Иртыша или по берегамъ озеръ. Въ городищахъ находили мѣдныя и бронзовыя орудія и разнообразную глиняную посуду. Можно предположить, что народъ *чудь* жилъ въ Киргизской степи извѣстный періодъ времени который заходитъ въ эпоху каменнаго вѣка, чтобы постепенно перейти черезъ бронзовый и мѣдный періоды къ желѣзному.

[1]) Становище каменнаго вѣка близъ дер. Идильбаевой къ С.-В. отъ города Орска. Кучи т. наз. кухоннаго сора на земляхъ Златоустовской лѣсной дачи. Становище каменнаго вѣка въ Биштабинской вол. Тургайск. обл. и т.д.

Разбросанный народъ *чудь* имѣлъ свою религію, свои опредѣленные обряды и обычаи, наконецъ, свое искусство и промышленность. Больше всего у нихъ было развито горное дѣло: *„Чудскія копи“* разсѣяны по Акмолинской области (Каркаралинск. уѣздъ), по Оренбургской губ. (Каргалинск. рудники) и по Тургайской области.

Еще за пять вѣковъ до Р. Х. Геродотъ, описывая Скиѳію, упоминаетъ (кн. IV гл. 21). что „перешедши Танаисъ рѣку будетъ уже не Скиѳская (*земля*), а первая изъ областей, принадлежащихъ савроматамъ, которые живутъ отъ дальняго угла Меотійскаго озера въ сторону сѣвернаго вѣтра на протяженіе 15 дней пути въ странѣ лишенной какъ дикихъ, такъ и плодовыхъ деревьевъ; вторую область выше (т. е. сѣвернѣе) ихъ занимаютъ *Вудины*, страну заросшую густымъ разныхъ породъ лѣсомъ. (Гл. 22) А выше *Вудиновъ* на сѣверъ сначала идетъ пустыня на протяженіи 7 дней пути, а за пустынею этою, болѣе въ сторону восточнаго вѣтра, живутъ *Ѳиссагеты*, народъ многочисленный и особый; питаются они охотою. Совмѣстно съ ними и въ тѣхъ-же мѣстахъ живутъ (люди), называемые *Іирки*, также занимающіеся охо-

тою..... Выше-же этихъ и уклоняясь къ В. (т. е. на С.-В.) отъ Θиссагетовъ живутъ *Скиθы*, отдѣлившіеся отъ царскихъ скиθовъ и пришедшіе въ эту страну. (гл. 23) До земли этихъ скиθовъ вся страна равнинная и съ глубокою почвою, а за нею каменистая и неровная. А по ту сторону неровной страны у подножія высокихъ горъ (Уралъ) живутъ люди, какъ говорятъ. лысые отъ рожденія...; названіе ихъ—Аргиппеи (Быстроконники) (гл. 24)... Когда кто либо изъ скиθовъ доходитъ до нихъ, долженъ пользоваться семью переводчиками и семью языками.“

Къ востоку отъ „*аргиппеи*“ жили „*исседоны*“ приблизительно въ предѣлахъ теперешней Семипалатинской области [2]). Выше ихъ „*аримаспы*“ и „*гриппы*“, оберегавшіе золото. Въ южной части Оренбургской губ. по Уральской обл. и на востокъ отъ нея до Яксарта жили „*массагеты*“ [3]).

По китайскимъ лѣтописямъ, за 200 лѣтъ до Р. Х. въ предѣлахъ киргизской степи появился народъ тибетскаго племени „юэ-чжи“ и вмѣстѣ съ нимъ голубоглазое и русоволосое племя „*усунъ*“ на древн. кирг. яз. „Хэу-сунъ“. По историческимъ даннымъ юэ-чжи, стѣсненные „*гуннами*“, бѣжали на западъ, къ Арало-Каспійскому басейну, а усуны поселились на самомъ Исыкъ-Кулѣ и въ окрестностяхъ Балхаша. По словамъ китайскихъ лѣтописцевъ, въ богатой пастбищами холодной дождливой долинѣ Иссыкъ-Куля усунами былъ основанъ городъ *Чи-гучинъ* т. е. „городъ красной долины“. Усунскій городъ Чи-гу-чинъ все еще существовалъ въ V вѣкѣ, усуны владѣли Иссыкъ-Кульскимъ краемъ, но съ этого времени китайскіе историки не говорятъ болѣе ни о городѣ ни объ усунахъ. Слѣдовательно, можно предположить, что исчезновеніе города *Чи-гу-чинъ* въ водахъ озера совершилось около VI-го вѣка. Въ первой половинѣ VII вѣка мимо озера проходилъ китайскій миссіонеръ буддизма Хюнъ-цзанъ, который о гор. Чи-гу-чинъ ничего не упоминаетъ.

Уже съ 119 г. по Р. Х. усунскій народъ смѣшался съ тюркскими племенами, и съ этихъ поръ имя усуновъ исчезаетъ съ исторической сцены. Въ 177 г. по Р. Х. усуны, юэ-чжи и прочія тюркскія племена, обитавшія въ восточной части киргизскаго края, были или истреблены, или ассимилированы или оттѣснены къ западу вышедшими изъ китайскихъ предѣловъ *гуннами*. Такимъ образомъ со II-го вѣка по Р. Х. до V-го вѣка, въ киргизскихъ степяхъ мы видимъ царство гунновъ, если только подъ словомъ „царство“ можно разумѣть нѣчто организованное, благоустроенное и крѣпко сплоченное.

Начиная съ V-го вѣка, новые монгольскіе народы изъ племенъ „*хунь-хе*“ или „*уйгуры*“ спустились съ Алтая въ киргизскія степи и, покоривъ гунновъ, смѣшались съ ними. До VII вѣка продолжается безпрерывное движеніе тюркскихъ племенъ, большинство которыхъ исповѣдываетъ *буддизмъ* *)

Въ этнографической смѣси племенъ киргизскаго края въ VIII и IX в.в. приняли участіе „*печенеги*“, впослѣдствіи оттѣсненные „*торками*“ въ современную Уральскую область, вплоть до Волги. Въ свою очередь торки и печенеги съ новыми кочующими племенами „*половцами*“ были оттѣснены другимъ тюркскимъ племенемъ, которое,смѣшавшись съ ними, двинулось на западъ, въ южно-русскія степи.

Приблизительно въ это-же время въ южномъ Уралѣ осѣли „*тюрки башкиры*“,между тѣмъ какъ новыя тюркскія племена, извѣстныя подъ общимъ названіемъ „*киргизъ-казаковъ* или „*кайсаковъ* “, выступили на историческую сцену.**)

---

[2]) Послѣ смерти отца сынъ покрывалъ позолотой черепъ его, а потомъ поклонялся ему. По словамъ Забѣлина, черепъ замѣнялъ чашку для питья.

[3]) Массагеты были солнцепоклонниками: они приносили своихъ коней въ жертву божеству, которое освобождало ихъ отъ ужасовъ зимы.

*) Сопредѣльно съ турками-уйгурами, канглами и кыпчаками жили „карлуки“. Во время Чингизъ-Хана, царемъ карлуковъ былъ Арсланъ. Турки-уйгуры кочевали по восточному берегу озера Балхаща.

**) Словомъ „киргизъ“ въ старину обозначали одно изъ самыхъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ.

По историческимъ даннымъ киргизы образовались изъ смѣшенія нѣсколькихъ тюркскихъ племенъ, среди которыхъ нѣкогда выдѣлялись: *кереи найманы, кыпчаки, алчины и аргыны.* Кереи издавна жили вперемѣжку съ монголами на р.р. Керуленѣ и Ононѣ, родинѣ Чингизхана, Найманы еще въ XII вѣкѣ кочевали по сосѣдству отъ кереевъ между р.р. Орхономъ и Иртышемъ. Кыпчаки и алчины кочевали въ сѣверо-западной половинѣ степей, занимаемыхъ теперь Семипалатинской и Акмолинской областями. *) Во время походовъ Чингизхана и Батыя полчища монгольскихъ завоевателей смѣшались съ тюрками. Найманы и аргыны вошли въ улусъ второго сына Чингизхана Джагатая и въ XIV вѣкѣ кочевали отъ р. Имиля на юго-западъ до Каратала и на западъ до р. Нуры, кереи осѣли на Черномъ Иртышѣ, а кыпчаки и алчины вошли въ составъ улуса старшаго сына Чингизхана Джучія, составляя такимъ образомъ ядро Золотой или Кыпчакской орды. **)

При распаденіи Золотой орды и въ частности улусовъ Джагатая и Джучія, въ первой половинѣ XV вѣка, киргизы получили первенство надъ другими тюркскими племенами. Первыми ханами киргизъ-кайсаковъ или казаковъ были Гирей и Джаны-Бекъ изъ потомства Джучія. Сынъ Джаны-Бека, Касымъ-ханъ объединилъ весь киргизскій народъ, владѣнія котораго распространялись отъ китайскихъ предѣловъ до Уральскаго хребта. Послѣ смерти Касымъ-хана, около 1520 г., союзъ киргизъ-казаковъ раздробился и спустя 200 лѣтъ раздѣлился на три политическихъ союза, извѣстныхъ подъ названіями: старшей, средней и младшей ордъ, Изъ всѣхъ нихъ самой могущественной была средняя орда; резиденціей ея хановъ былъ г. Ташкентъ.

Къ этому времени надо отнести появленіе калмыковъ. Уже въ концѣ XVI вѣка калмыки показались въ южной части киргизскаго края, оттѣсняя киргизъ на сѣверо-западъ. Этотъ народъ представлялъ изъ себя союзъ нѣсколькихъ племенъ: торгоутовъ, хонзовъ, хошоутовъ и джунгаровъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ *„ойратскаго союза“*, а у русскихъ подъ именемъ *„калмыковъ“*. *)

Въ XVII вѣкѣ внутреннія усобицы и борьба съ монголами расшатали ойратскій союзъ и скоро онъ распался, при чемъ въ 1628 г. торгоуты, выдѣлившись изъ союза, ушли на западъ, къ верховьямъ Тобола и Урала, и въ 1630 г. далѣе къ Волгѣ. Оставшееся племя „джунгары“ объединилось съ другими калмыцкими племенами, и именемъ *„Джунгарія“* сталъ называться прежній союзъ.

Въ началѣ XVII вѣка Джунгарское царство простиралось отъ Алтая до Аральскаго моря, занимая южную часть Семипалатинской, Акмолинской и Тургайской области. Въ 1739 г. джунгары напали на киргизъ и оттѣснили ихъ до р. Урала.

Послѣ разгрома китайцами Джунгарскаго царства киргизы начали подпадать подъ вліяніе Россіи.

Такова въ общихъ чертахъ политическая исторія кочевыхъ народовъ киргизскихъ степей съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Какъ мы видѣли, по этимъ обширнымъ равнинамъ двигались одни за другими десятки азіатскихъ народовъ, поэтому-то эти равнины и получили названіе „историческихъ воротъ народовъ“. Естественно, что каждый изъ нихъ долженъ былъ оставить послѣ себя слѣдъ своего пребыванія. Эти слѣды, эти нѣмые свидѣтели сѣдой старины—курганы, могилы, каменныя изваянія (бабы), надписи, высѣченныя на камняхъ, развалины городовъ, крѣпостей, зданій и прочихъ мелкихъ памятниковъ различной эпохи, разбросанныхъ всюду по краю.

*) По другимъ свѣдѣніямъ кыпчаки, найманы и узбекъ-гирей жили въ могульской землѣ, нынѣ Семирѣченская область.

**) Въ началѣ XIX вѣка магометанство усиленно распространяется въ киргизскихъ степяхъ, между тѣмъ какъ въ южныхъ ея частяхъ и главнымъ образомъ на Иссыкъ-Кулѣ съ XIII вѣка проникаетъ уже христіанско-несторьянская религія.

Древнѣшія несторіанскія могилы Семирѣченск. области относятся къ 1249 г., т. е. въ той эпохѣ, когда въ семирѣчьи господствовали „кара-китаи“, Появленіе самыхъ послѣднихъ могилъ совпадаетъ со временемъ владычества Тимура.

*) Религія калмыковъ-ламаизмъ.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ КАРТА

Къ Древностямъ Киргизскихъ степей и Оренбургскаго края.

Лит.-Тип. Литографія Кармаевъ, Хусаиновъ и К. въ Оренбургѣ

ДРЕВНОСТИ

Оренбургской губерніи.

Печатано по постановленію Оренб. Ученой Архивной Комиссіи.

Курганы и городища Оренбургскаго уѣзда.

Первыя указанія на курганы и городища Оренбургской губ. мы находимъ у Палласа*).

Въ своихъ „Пособіе къ топографическому изученію Россійск. госуд." Фалькъ на стр. 187 упоминаетъ, что еще въ 1785 г. въ степи, около Оренбурга, на русской сторонѣ, находился перерытый курганъ, который назывался „Бугарской маръ". „Маръ" башкирцы называютъ всякій большой курганъ, въ которомъ находятъ предметы изъ драгоцѣнныхъ металовъ; а „*мазанъ*"—маленькіе, бѣдные. (*Перев. съ нѣмецк*).

Больше всего свѣдѣній о курганахъ Оренбургск. губ. мы находимъ у Р. Г. Игнатьева. **) Въ одномъ Челябинскомъ уѣздѣ авторъ насчитываетъ до 543 кургановъ и 3 городища. Курганы, встрѣчающіеся здѣсь, всѣ одинаковой формы: они кольцеобразны, насыпь ихъ состоитъ или изъ земли, или изъ огромныхъ камней. Всѣ курганы здѣсь зовутся „чудскими", за исключеніемъ кургановъ Верхнеуральскаго у., гдѣ они называются „ордынскими"; городища тоже зовутся или „чудскими", или „ногайскими", или же „чертовыми городищами".

Въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ по мнѣнію мѣстныхъ башкиръ городища и курганы—это могильные памятники, да и самыя городища не болѣе, какъ могилы князей и богатырей. Нѣкоторые курганы имѣютъ особыя мѣстныя прозвища, какъ то: *Мурапауба, Селимъ, Гаитабай, Ташъ, Сазъ-Таасъ, Акъ-тюби, Салъмянъ и Услуларъ*.

Многочисленныя свѣдѣнія о курганахъ Орен. губ. и преданія о нихъ разработаны г. Шукшинцевымъ въ VI в. Трудовъ Оренб. Уч. Арх. Ком., 1900 г. стр. 74—128.

Болѣе мелкія литературныя ссылки будутъ приведены нами своевременно.

Нижеслѣдующія свѣдѣнія о курганахъ нами взяты у Р. Г. Игнатьева (Изв. Имп. Археол. Ком., вып. V) и статьи г. Шукшинцева.

Новотроицкая вол. Въ 5 вер. отъ с. Нижняго Гумбета, по направленію къ с. Булановскому, 3 кургана; при раскапываніи одного изъ нихъ было найдено нѣсколько вещей.

При с. Верхнемъ Гумбетѣ 3 кургана (на высокомъ мѣстѣ): одинъ съ гладкимъ верхомъ, а два въ срединѣ имѣютъ ямы, изъ которыхъ

---

*) Физическое путешествіе по разнымъ провинціямъ Росс. Имп., бывшее въ 1768 и 1769 г. П.С. Палласса. 1809 г. Ч. 1, стр. 330 и слѣд.

**) Труды перваго Археолог, съѣзда въ Москвѣ 1869 г. Т. 1. стр. 153; см. также Изв. Имп. Арх. Ком., вып. V, стр. 65 и „Къ объясненію археологической карты Оренбургской губ. сост. Черниковымъ—Анучинымъ", рукоп. Игнатьева въ архивѣ Имп. Моск. Археолог. Об-ва.

одна вмѣстѣ съ насыпью обложена камнемъ (Игн.).

Буранная ст. Пос. Филипповскій, въ урочищахъ: Чернышева балка, Назаровъ рудникъ, Гавриловы курганы, Вдовкина, Рубцова, находится 16 кургановъ, выс. 1½—3 арш., окр. 31—50 саж. При хищническихъ раскопкахъ найдено было: кости человѣка, лошади, 4 мѣдныхъ бляхи съ ремнями.

Линевскій пос.—Урочища: Верхняя дорога, р. Песчанка, 27 кургановъ, выс. 3—5 арш., окр. 35—60 с.

Изобильный пос.—Урочища: р. Джерик-сай, Полковницкій лѣсъ, Клюевъ лѣсъ, Деревенсковъ лѣсъ; въ нихъ 16 кургановъ; при хищн. раскопк. найдено: жженый кирпичъ и 2 мѣдныхъ браслета (Шук.).

Слоновская вол. — Курганъ при с. Романовкѣ, на высокомъ мѣстѣ, не раскапывался и обросъ ковыльной травой. (Игн.)

Рождественская вол. На казенномъ оброчномъ участкѣ №121/235, въ 1 вер. отъ д. Гавриловой (Димитріевск. вол.) курганъ вышиною 4 арш., въ окр. 30 саж. (Игн.)

С. Илькульганское. Урочище Шишка разбойниковъ—1 курганъ, выс. 8 саж., окр. 50 саж.

Близъ с. Рождественскаго, Общій Сыртъ, 3 кургана, выс. 3 с., окр. 25 с., при хищн. раскопк. найдено: нижняя челюсть человѣка, сабля, черепки (Шук.).

Михайловская вол. 1) Три кургана въ 8 вер. отъ с. Михайловскаго (на высокомъ мѣстѣ), раскапывались.

2) Въ 8 вер. отъ села Михайловскаго, по лѣвую сторону Старо-Казанскаго тракта „Чудская шишка“ съ 6-ю обвалами наверху насыпи, происшедшими, по увѣренію мѣстныхъ жителей, отъ пастьбы скота на этомъ мѣстѣ. Въ 2 верстахъ на С. по теченію р. Нети двѣ „Чудскія шишки“, одна отъ другой на разстояніи 50 саж.; вышина этихъ кургановъ 4½, 3 и 2¾ саж., а окр.—50, 34 и 20 саж.

Городищенская стан. На земляхъ станицы, на правомъ берегу оз. Городища, въ 184 саж. отъ него на С.-В. и въ 1½ вер. отъ р. Урала „Шутова шишка“. Названіе станицы объясняютъ городьбой, окружавшей селеніе. Въ окрестностяхъ нѣсколько кургановъ: а) близъ дороги изъ Городищенской станицы въ Илекъ, на С.В. и по лѣвую ея сторону, въ степи; б) въ 50 саж. отъ оз. Травянаго; в) на проселочной дорогѣ въ поселокъ Никольскій, по лѣвую ея сторону въ 200 саж. разбросаны 4 кургана, на разстояніи между собою въ 42, 70, 64 и 134 саж. Одинъ изъ нихъ называется „Сусыгевъ“, а другой „Макрушинъ“, но эти названія были даны по прозвищамъ казаковъ, табуны которыхъ паслись тутъ въ началѣ XIX столѣтія; г) близъ поселка Дѣдуровскаго 3 кургана, на правомъ берегу р. Крестовки, на разстояніи 145, 271, 295 саж. другъ отъ друга; д) въ 2 вер. отсюда, по лѣвую сторону дороги изъ Оренбурга въ Илекъ, къ С.-В. въ 200 саж. 1 курганъ; е) въ томъ же станичномъ юртѣ, въ 2¾ вер. отъ пос. Никольскаго, въ 218 саж. на С.-В. отъ Оренб. тракта—1 курганъ; ж) въ 2 вер. на С. близъ ручья Безымяннаго—6 кургановъ, на разстояніи другъ отъ друга въ 180, 149, 211, 320 и 350 саж.

Вышина всѣхъ этихъ кургановъ отъ 2½ до 3¾ саж., окружность—отъ 20 до 42 саж., съ ямами на вершинахъ, которыя служатъ, быть можетъ, слѣдами давнишнихъ хищническихъ раскопокъ, производившихся, какъ видно, всегда начиная отъ вершины до основанія съ цѣлью дорыться до самыхъ могилъ (Игн.)

Близъ Городищенскаго поселка въ урочищахъ: Кривое озеро, Первый Сухой оврагъ, Мысъ Залавокъ 4 кургана, выс. 3—12 арш., окр. 15—130 саж. При хищн. раск. найденъ мѣдный божокъ (бурханъ).

Близъ пос. Дѣдуровскаго, при оз. Крестовкѣ 26 кургановъ, выс. 1½—4 арш., окр. 30—142 с. (Шук.)

Павловская вол. Въ 1½ вер. отъ с. Подгородной Покровки, по правую сторону Самарскаго тракта, въ 2 вер. отъ него, находится курганъ „Комаровъ маръ“, неизвѣстно почему такъ названный, ибо здѣсь пришлаго населенія изъ сѣверныхъ губерній, гдѣ словомъ „маръ“ обозначается курганъ, нѣтъ; Комаровымъ, по преданію, курганъ этотъ названъ

отъ имени какого-то князя, убитаго на этомъ мѣстѣ въ сраженіи.

Имангуловская вол. По правую сторону Уфимскаго тракта, на С.-В. отъ него, находится курганъ, называемый башкирами Горнымъ или Кара-уба и признаваемый ими могилою неизвѣстнаго чудского богатыря.

Насыпь этихъ двухъ кургановъ черноземная, окружность 32 и 39 саж., а вышина 3 и $3^1/_4$; на вершинахъ—осыпавшіяся ямы.

На Илецкомъ трактѣ. По правую его сторону, въ 60 вер. отъ Оренбурга, на пространствѣ $1^1/_2$ вер. разсѣяно до 36 кургановъ, въ разстояніи между собой отъ 74 до 134 саж., съ песчанымъ и суглинистымъ грунтомъ насыпей; всѣ эти курганы весьма невелики: отъ 15 до 27 саж. въ окружности и отъ $1^1/_2$ арш. до $1^1/_4$ саж. вышины. Въ народѣ ихъ называютъ „чудскими могилами“ или „шишками“; объ ихъ происхожденіи никакихъ преданій не сохранилось.

На томъ же трактѣ, въ $2^3/_4$ вер. на С.-В. отъ р. Илека, находятся три чудскія шишки, въ разстояніи между собою въ 102, 284 и 301 саж., окружностью въ 30, 42 и 38 саж., а вышиною въ $1^1/_3$, $2^3/_4$, и $3^3/_4$ саж. (Игн.)

Богуславская стан. Елшанскій пос. Въ окрестностяхъ 7 кургановъ, выс. $2^1/_2$—$4^1/_2$ арш., окр. 18—35 саж.

Угольный пос. Въ урочищахъ Песчаный и Водяной оврагъ, Безымянная гора, Пушечная гора, Сухая рѣчка имѣется 13 кургановъ, выс. 1—2 ар., окр. 3—15 саж. При хищн. раскопк. найдено: уголь, кирпичъ, алебастръ, куски желѣза, кости человѣка, пушка (выпахана), горшокъ изъ черной глины, старинная шашка съ вызолоченымъ эфесомъ, боевой ремень съ волотыми бляхами.

Ветлянскій пос. Въ окрестностяхъ и въ уроч. Могила Султана имѣется 20 кург., выс. 1—3 ар., окр. 10—40 с. При хищн. раскопк. найдено: кости и мѣдныя вещи.

Григорьевскій пос., въ уроч. Бишъ-Уба и Вышка имѣется 6 кург., выс. 3 арш., окр. 20 саж.

Павловская станица. Въ уроч. Губернаторскіе луга имѣется у Песчанаго озера 1 курганъ, 2 ар. выс., 50 саж. окр.; въ немъ недавняя магометанская могила.

По р. Донгузу и въ лугахъ по р. Уралу много кургановъ.

Чернорѣченскій пос.—въ уроч. Острый Шиханъ 1 курганъ, выс. 6 ар., окр. 20 саж., при хищн. раскопк. найдено: лоскуты парчевыхъ матерій, человѣческія кости, металлическій прутъ въ $1^1/_2$ ар., мѣдная посеребреная пороховница, лука отъ ленчака и кожаная калта.

Донгузскій пос.,—въ уроч. Кузнечная гора 1 курганъ, выс. 6 арш., окр.—33 с., при хищн. раск. найдено: шлаки, зола, кирпичи (Шукш.).

„Нѣсколько сотъ шаговъ отъ Тонгузскаго форпоста (нынѣ пос. Донгузскій) находится сложенный изъ камней знатный курганъ, котораго древность заключить можно изъ обросшей мхомъ поверхности“. (Палласъ, т. II, стр. 355).

Краснохолмская стан. Филлипповскій пос. Въ дачахъ пос. имѣется 16 кургановъ, выс. 3—21 ар., окр.—2 с., при хищн. раск. найденъ уголь.

Пречистенская стан., Пос. Изякъ-Никитенскій, въ уроч. Песчаная гора 1 курганъ, выс. 5 ар., окр. 20 саж.

Пречистенск. пос., въ уроч. Бугоръ 1 кург., выс. $2^1/_2$ ар., окр., 24 саж., при хищн. раск. найденъ черепъ человѣка.

Нижне-Чебенскій пос., въ дачахъ пос. 4 кургана, выс. $^1/_2$—$1^1/_2$ ар., окр. 12—36 с.

Кардаиловская стан. Красноярскій пос., въ дачахъ пос. 3 кургана, выс. $4^1/_2$ ар., окр. 52—80 саж.

Кардаиловскій пос., въ дачахъ 17 кург., выс. 1—2 с., окр. 56—75 с., при хищн. раск. найдены глиняныя и металлическія вещи.

Донецкая ст., въ дачахъ пос. Донецкаго 1 курганъ, окр. 92 с., при хищн. раск. найдены камни.

Алексѣевскій пос., въ уроч Шиханъ, Бавыкино устье 3 кургана, выс. 2 арш., окр. 20 с., при хищн. раск. найдено: сабля, мѣдная монета въ 2 коп., кирпичъ, шлаки.

Мамалаевскій пос., въ дачахъ 1 кург., выс.

1½ арш., окр.—5 саж., при хищн. раск. найденъ горшокъ съ углями.

Воздвиженская ст., Александровскій пос., по Старо-Исетскому Коммерческому тракту 3 кургана, выс. 1½—2½ ар., окр. 50 саж.

Разсыпная ст., пос., Разсыпной. въ дачахъ 7 кургановъ, выс. 1½—2 ар., окр. 20—70 саж.

Татищевская ст., 2-й Зубочистенскій пос., въ уроч Пикетъ 1 курганъ, выс. 3 ар., окр. 10 саж.

Каменно-озерная ст., въ дачахъ Островного пос. 3 кургана, выс. 2 с., окр. 8 саж., при хищн. раск. найдены угли.

Нижне-озерная ст., пос. Нижне-озерный, въ уроч. Пикетъ, Городищенская гора, 2 кургана, выс. 2—3 саж., окр. 30—50 с., при хищн. раск. найдено: старинныя мѣдныя монеты, могильные камни съ татарскими надписями.

Алексѣевская вол., село А-ое, въ уроч. Кладовая шишка 1 курганъ, выс. 1½ ар., окр. 5 саж., при хищн. раск. найденъ горшокъ съ углями (Шук.).

Въ трудахъ Оренбургской Уч. Арх. Ком. за 1898 г., вып. IV, стр. 65, помѣщена „Замѣтка о курганахъ“, составленная М. Юдинымъ. Эти курганы расположены въ Зауральной степи по близости отъ пос. Дѣдуровки Павл. стан.

1) За Дѣдуровкой, по выѣздѣ изъ поселка, вправо отъ дороги въ пос. Никольскій,—курганъ овальной формы; окружность подошвы около 70 саж. Этотъ курганъ извѣстенъ у дѣдуровцевъ подъ названіемъ „Большой маръ“ и между жителями существуетъ легенда, что подъ этимъ бугромъ зарытъ большой кладъ.

На Ю. отъ Большого мара расположено еще нѣсколько кургановъ. Первый, не особенно большой, расположенъ прямо на Ю. отъ Большого мара, ровно въ 13 в. отъ него, а дальше въ 5-ти вер. по тому же направленію есть другой курганъ, большого размѣра, почти такой же, какъ и Большой маръ; къ западу отъ этого второго кургана въ 3-хъ вер. расположенъ также большой курганъ, извѣстный у дѣдуровцевъ подъ названіемъ Студеникинскаго мара, по находящемуся вблизи его гумну казака Студеникина; тутъ же проходитъ межа, отдѣляющая дачи дѣдуровцевъ отъ дачъ сосѣдняго Никольскаго пос. Къ В. отъ южнаго большого кургана расположено еще три или 4 кургана, составляя съ большимъ и Студеникинскимъ цѣлый рядъ кургановъ, какъ бы гряду или цѣпь древнихъ могилъ.

2) На Ю. отъ Краснохолма, ближе къ Филипповскому поселку, есть нѣсколько кургановъ, расположенныхъ цѣлой группой, въ родѣ большого городища.

Всѣхъ кургановъ вблизи Филипповскаго поселка—10.

№ 1-й, ближайшій къ поселку, находится отъ послѣдняго въ верстахъ пяти, у самой дороги въ пос. Краснохолмскій, саж. въ 13 лѣвѣе дороги. Жители Филипповскаго пос. пробовали было нѣсколько лѣтъ тому назадъ раскапывать этотъ курганъ, причемъ на глубинѣ 2-хъ арш. показался древесный уголь; но мѣстныя власти воспретили продолженіе раскопки и вырытая яма была засыпана.

№ 2, вправо отъ дороги саж. въ 350 и въ 5½ в. отъ поселка; окружность основанія кургана—около 150 саж.

3) Третій курганъ, находящійся въ 5½ в. отъ пос. и въ верстѣ отъ дороги вправо, имѣетъ продолговатую форму; высота по сѣверному боку до 8 саж., а по южному 3 саж., окружн. около 90 саж.

4) Далѣе за нимъ саж. въ 100 впередъ и въ сторону (вправо отъ дороги) расположенъ 4-й курганъ.

5) Пятый курганъ такой же формы. Послѣдніе два кургана находятся въ земельномъ надѣлѣ казаковъ Краснохолмскаго пос., а всѣ остальные въ дачахъ Филипповцевъ—причемъ 4-й курганъ расположенъ у самой межи, разграничивающей поселковыя земельныя угодья.

6-10) Влѣво отъ дороги и отъ перваго большого кургана расположено еще пять небольшихъ круглыхъ однообразныхъ кургановъ.

Въ Трудахъ Оренб. Уч. Арх. Ком. за 1906 г. вып. XVI, стр. 91, помѣщена замѣтка о курганахъ, встрѣченныхъ Г. Макаренко на пути отъ Оренбурга по Орскому тракту до пос. Красногорскаго.

1) Въ 8 верстахъ отъ Оренбурга на возвышенности, гдѣ поставлена часовенка,—4 кургана, нѣсколько далѣе въ лѣвую сторону отъ тракта—4 невысокихъ кургана.

1) На 13-й вер. въ правую сторону отъ тракта—три кургана (надъ самымъ спускомъ къ низменности). Пос. Нѣженскій—верст. въ 3—4-хъ отъ пос., у суходола Нѣжинскаго, —7 кургановъ. На 6-7 вер.—два кургана. Еще дальше у большого оврага, не доѣзжая р. Елшанки,—4 кургана.

3) Далѣе за рѣкой Елшанкой, въ различномъ разстояніи другъ отъ друга тянутся вдоль дороги и надъ низменностью, окаймляющей р. Уралъ,—18 кургановъ.

Проѣхавъ еще нѣсколько—одинъ курганъ.

4) Почти у самой ст. Каменноозерной группа изъ 4 кургановъ (не доѣзжая).

5) Ст. Каменноозерная.—За Ветлянскимъ оврагомъ расположено два кургана.

6) У р. Грязнушки, въ одной верстѣ разстоянія, (по направ. къ Вязовой) на спускѣ въ луговую долину—4 кургана.

7) Не доѣзжая ст. Островной лежитъ группа изъ трехъ кургановъ, дальше за ними, въ разст. приблизительно въ 1½ вер. не доѣзжая Островной,—9 кургановъ.

На 13-й вер. отъ Вязовки на возвышенности—6 кургановъ.

9) На 22-й вер. 7 кургановъ.

Въ протоколахъ Оренб. Уч. Арх. Ком. за 1907 г. (прот. № 10) имѣется слѣдующее сообщеніе предсѣдателя: „Земскій начальникъ 1 участка Оренб. уѣзда г. Мазинъ сообщилъ комиссіи, что значительное число кургановъ находится на возвышенности Сырта между деревнями Петропавловской, Хлѣбородомъ, с. Екатериновкой и с. Григорьевкой Никольской волости Оренбургскаго уѣзда".

На засѣданіи Оренб. Уч. Арх. Ком. въ Февралѣ 1908 г. г. Аниховскимъ были доложены слѣдующія свѣдѣнія о курганахъ Оренб. уѣзда:

Дер. Нижніе Кузлы—Зобовской волости. Къ Югу отъ дер., на южномъ берегу р. Теттеръ, въ 150 саж. отъ рѣки, расположены 4 кургана. Одинъ курганъ, находящійся на краю пашни и выгона, былъ, вѣроятно, значительной величины, но въ настоящее время распаханъ. На восточной сторонѣ его, у подножья кургана, нѣсколько лѣтъ тому назадъ была выпахана желѣзная кольчуга, развалившаяся на куски. Къ С. З. отъ этого кургана въ 25 саж. расположенъ самый большой изъ всей группы курганъ—15 саж. въ діаметрѣ, 60 саж. въ окружности. Первоначальную высоту опредѣлить нельзя, ибо онъ разрытъ мѣстными крестьянами, кои въ насыпи нашли нѣсколько наконечниковъ стрѣлъ и каменную тарелку (очевидно, т. наз. блюдо).

Къ С.З. въ 50 саж. расположенъ 3-й курганъ небольшой величины, еще къ С.З. въ 50 саж. расположенъ 4-й курганъ значительной величины.

На поляхъ д. Кузлы, а также на сосѣднихъ земляхъ—расположено много кургановъ; въ одномъ изъ нихъ, расположенномъ на С.В. отъ дер. въ 4—5 верст., нашли желѣзную кольчугу. При распашкѣ земли въ прежніе годы находили разныя желѣзныя и мѣдныя вещи и оружіе.

Между д. Сарманаевой Зоб. в. и Карманкой, по Старо-Казанскому тракту, близъ Карманки большой величины курганы на возвышенностяхъ.

Между д. Мустафиной Рожд. в. и д. Никольской 5 кургановъ, 2 къ Западу въ 3 верст. отъ тракта и 2 къ Востоку—между трактомъ и рѣкой, 1 за рѣкой Салмышемъ.

Между д. Никольской и д. Егорьевской Рожд. в. 2 кург.—1 на половинѣ пути между Никольской и Колычевой и 1 кург. въ 2—2½ вер. къ Ю.З. отъ д. Колычевой.

Между д. Булановкой Бѣлоз. в. и д. Новотроицкой 7 кург.—3 къ Ю.З. и къ Ю. отъ Булановой, 3 къ ЮВ. между трактомъ и р. Салмышемъ и 1 курганъ къ Ю. В. за рѣкой.

Между ст. Имангуловой и Янгизомъ, въ 8 вер. отъ Имангулова между трактомъ и р. Салмышемъ 3 кургана въ одну линію и на 13 верст. 1 кург.

Въ 2—3½ вер. отъ ст. Сакмарской къ С.З.--3 кург. Вокругъ с. Исаева (Дѣдово) 8 кургановъ, изъ которыхъ одинъ заслуживаетъ особаго вниманія по своей величинѣ и конструкціи. Расположенъ онъ къ Ю.В. отъ с. Исаева верст. въ 8—8½, на границѣ крестьянскаго надѣла с. Исаева и земли бывшей Аносовыхъ; большой величины курганъ 20 саж. въ діаметрѣ и до 60 саж. въ окружности, 4 саж. высотой къ Югу пологій, къ Сѣверу крутой, въ срединѣ глубокая яма яйцевидной формы, у подножія сѣвернаго ската четыреугольныя ямы правильной формы.

Къ Сѣверу отъ с. Никольскаго въ 5—6 верст. 2 кургана и къ С.З. въ 7—8 вер. 1 курганъ.

По дорогѣ изъ х. Хлѣбороднаго въ дер. Екатериновку, на половинѣ дорогѣ, съ правой ея стороны-3 кургана и съ лѣвой 2 кургана.

На поляхъ хут. Алексѣевскаго нѣсколько кургановъ; нѣсколько лѣтъ т. н. была выпахана кольчуга безъ рукавовъ. Хут. Алексѣевскій къ сѣверу отъ д. Алабердиной въ 8 в.

Вокругъ ст. Каменно-Озерной 5 кургановъ.

По дорогѣ изъ ст. Каменно-Озерной въ пос. Студенецкій, верстахъ въ 6—7 къ западу, на вершинахъ горъ 2 кургана къ Ю.З. и къ Ю.В. отъ пос. Изякъ Никитинскаго въ 1—1½ верст. 2 кургана.

Около пос. Красногорскаго много кургановъ (описаны и раскоп. Макаренко).

Въ архивѣ Оренб. Уч. Архив. Комиссіи имѣется рукопись Д. Н. Соколова, трактующая о кур-ганахъ Оренб. уѣзда.

Рѣпьевская вол. Къ С.-В. отъ с. Рѣпьевки въ 1 в. 1 кург., попереч.—10 с., окр. 31 с. На вершинѣ холма.

Дер. Козловка. Отъ нея на С. въ 4 вер., на верш. холма, близъ лѣса 1 кург., выс. 1½ с., окр. 32 с., съ проваломъ на вершинѣ.

Покровская вол. Близъ дер. Мальковой въ 200 с. на В. отъ хут. Сербулова, на бер. р. Кувая 1 кург., съ проваломъ на вершинѣ; въ уроч. Березовый Колокъ, на холмѣ нѣсколько кургановъ—Калмыцкія могилы.

Затѣмъ г. Соколовъ описываетъ много кургановъ между ст. Каменно-Озерной, пос. Нѣжинскимъ и г. Оренбургомъ. (Сок.)

Городища Оренбургскаго уѣзда.

Новотроицкая вол. Въ 5 в. отъ с. Нижняго Гумбета, по направленію къ с. Булановскому есть городище четыреугольной формы, на высокомъ ровномъ мѣстѣ, длиною 20 с., шир. 16 с. Поверхность площади городища ровная, рвы плохо сохранились. Вблизи городища 3 кургана, одинъ хищнически раскопанъ (Игн.).

Буранная станица. Въ 6 вер. отъ пос. Филиповскаго по направленію къ пос. Линевскому есть городище („батарея"), дл. и шир. по 18 с., четыреугольной формы, на ровномъ мѣстѣ. Площадь ровная, поросшая травой, окружена рвомъ (Игн.).

Близъ Линевскаго пос., въ уроч. Верхняя дорога, р. Песчанка—двѣ „батареи" (городища?) (Шук.]

Въ 2 верст. отъ с. Софіевки **(Зобовской волости)** къ С. В., на вершинѣ Бакчевой или Кладовой горы, есть остатки валовъ бывшаго городища. Вершина Бакчевой горы оканчивается плоскогоріемъ, на которомъ въ С. концѣ расположено самое городище. Въ настоящее время вся внутренняя площадка, а такъ-же и валы, ограждающіе ее, распаханы и засѣваются хлѣбами. Внутренняя площадка городища съ С. на Ю. имѣетъ 17 саж. и съ В. на З.-12 саж. Въ Восточномъ углу виднѣется пролетъ, якобы ворота до 2 саж. Валы, хотя и распаханы, но ясно видны. Бакчевая гора состоитъ изъ известняка, краснаго песчанника и красной глины, внутри городища тонкій культурный слой земли.

Николаевская вол. Въ 1½—2 в. отъ хут. (дер.) Рождественки по дор. въ с. Александровку видны валы бывшаго городища вправо отъ дороги; за городищемъ группа въ 4—5 кург. [Анихов. Засѣд. февр. 1908 г.]

КУРГАНЫ и ГОРОДИЩА ОРСКАГО УѢЗДА.

Нижеслѣдующія свѣдѣнія взяты нами изъ вышеуказанной статьи г. Шукшинцева.

Ильинская стан. Подгорный пос., въ урочищѣ Страшный оврагъ, Сухорѣченскій надъ, Макарьева рѣчка, рѣчка Коноплянка—5 кургановъ, выс. 1½—2½ ар., окр. 13—15 с.

Губерлинскій пос., въ дачахъ поселка 26 кургановъ, выс. 1½—2½ ар. окр. 5—15 ар.

Новоорская стан.. Кумацкій пос. въ дачахъ 5 кургановъ, выс. ½ арш.—7 саж., окр. 15—50 с., при хищн. раск. найдены: осколки глиняной посуды и котла.

Орскій пос., въ уроч. Татарскія кладбища, Песчаное озеро, Ибрагимовъ колокъ, Каменный оврагъ 5 кургановъ. выс. 6—7 саж., окр., 22—26 саж.

Хабарный пос., на р. Климовкѣ 3 кургана выс. 1½ ар.—1 с. окр. 7—10 с.

Кваркенская стан.. Екатерининскій пос., въ урочищ. Урусъ Кисканъ и Сосновый долъ 2 кургана выс. 1½—2½ ар., окр. 7—10 саж.

Кульмскій пос. Близъ р. Караганки 1 кург., при хищн. раскоп. найдено: угли и зола.

Бріенскій пос. На р.р. Акъ-Яръ и Куксай (Алляна) 8 кург., выс. 5 –12 с., окр. 20 – 71 саж.; при хищ. раск. найдено: гнилыя деревья, мѣдная пряжка.

Тереклинскій пос. При горѣ Чубаръ-Тау 6 кург., выс. 1—2½ ар., окр. 5—12 с.

Севастьяновскій пос. При р. Сувундукѣ 1 кург., окр. 30 с.; при хищн. раск. найд.: кости, 3 глиняныхъ корчаги, роговая мѣрка, мѣдный кинжалъ, желѣзная отъ сундука накладка.

Таналыцкая стан.. Банный пос., въ дачахъ пос. 2 кургана, выс. 4 ар. окр. 40 с.; при хищн. раск. найдено: копье, черепки глиняной посуды, кости.

Гирьяльская стан., Новочеркасскій пос., р. Полкоушка – 7 кургановъ, выс. 3 ар. окр—8 саж.

I-я Бурзянская вол.. дер. Чингизова, уроч. Аселе-Тамакъ, Киръ-алаша-баше—4 кургана, выс. 2—3 ар., окр. 8—30 с.

Дер. Юмашева, уроч. Макъ-тянь-баше, Тяуанай Уба—2 кургана, выс. 1—1½ ар., окр. 15—20 саж.

Дер. Яратова, уроч. Токтамышъ-колка—6 кургановъ, выс. 2½—3 ар., окр. 9 с.

Дер. Асылова, р. Таналыкъ—1 курганъ, выс. 2½ ар., окр.—10 с.

Дер. Иткулова 1-ая. При овр. Типкесъ 1 1 кург., выс. 2½, окр. 10 с.

Воздвиженская стан. Пос. Воздвиженскій. Въ уроч.: гора Маякъ, Караванная и Желтинская дороги 3 кург., выс. 2—3 ар., окр. 42—45 с.

Нижеслѣдующее описаніе кургановъ нами взято у Р. Г. Игнатьева *).

Тангаурская вол. Въ 5 вер. отъ д. Салимовой, на лѣвомъ берегу р. Базавлыка, на горѣ Тлякай-Касанъ, 5 кург. (одинъ отъ другого на разстояніи 5 саж.), конусообразной формы съ вершиною, округленною въ видѣ стога.

Кваркенская ст. Двѣ земляныя насыпи. Первая въ 1½ вер. отъ Кваркенской станицы, по направленію къ пос. Аланскому, на ровномъ высокомъ мѣстѣ, кругообразной формы (въ окр. 42 саж.); поверхность площади ровная, окружена рвомъ. Вторая въ 15 вер. отъ той же станицы, по направленію къ р. Аксаркѣ (въ 3 вер. отъ дороги и въ 6 вер. отъ р. Кайракты), на высокомъ мѣстѣ, кругообразной формы (окружность 51 саж.); на ней находится яма, глубиною 2½ саж., шир. 4 саж. Обѣ насыпи нѣсколько разрушены.

Таналыцкая стан. Курганъ въ 4 вер. отъ пос. Уртазымскаго на высокомъ мѣстѣ, въ окружности 66½ саж., вышиною 3 саж., на срединѣ его яма, имѣющая въ окружности 18 саж., а глубина ея 1½ саж. Курганъ въ 5 вер. отъ того-же поселка и въ 1½ вер. отъ р. Уртазымки, въ окружности 14½ саж., въ

*) Изв. Имп. Археол. Ком. Вып. V.

срединѣ его яма, окр. 9 саж., глуб. 1½ арш. Курганъ въ 10 вер. отъ пос. Орловскаго и р. Урала, окруж. 27 саж., вышин. 2½ арш.; въ срединѣ его яма, въ окр. 4 с. 2 арш. и глубиною въ 2¼ арш. Курганъ въ 4 вер. отъ станицы Таналыцкой и въ 50 саж. отъ р. Таналыка, въ окр. 12 с., выш. 1 арш.; посреди яма, окр. 6½ саж., глуб. 1½ арш. Курганъ въ 7 вер. отъ пос. Тереклинскаго и въ 1½ вер. отъ р. Урала, на горѣ, въ окр. 20 саж.; на немъ яма, въ окружности 7 саж., глуб. 2 арш. Маръ въ 7 вер. отъ пос. Орловскаго и въ 1 вер. отъ р. Урала (изъ камней), въ окружн. 7 саж. 2 арш. Маръ въ 3 вер. отъ того же поселка, по направленію къ р. Нижней Орловкѣ (изъ камней), на горѣ, въ окр. 11 саж. Маръ изъ камней и крупныхъ галекъ въ 5 вер. отъ стан. Таналыцкой и въ 200 саж. отъ поселка Калпацкаго, на горѣ, въ окружн. 21 саж., выш. 1½ арш.

Первая Усерганская вол. Въ 1 верстѣ отъ д. Сабитовой, въ 159 саж. отъ дороги изъ д. Андреевки въ д. Аскарову и въ ½ вер. отъ р. Ика (въ мѣстности Акъ-Кушъ-Атканъ-Яръ) на вершинѣ горы Булакъ есть признаки могилы.

Усерганская вол. 1) Въ 4 вер. отъ дер. Канчуриной, на правомъ берегу р. Сакмары, въ 200 саж. на В. отъ проселка въ дер. Бурангулову, на горѣ Мунга-тау—4 кургана съ насыпью изъ зеленоватаго камня—змѣевика. Высота всѣхъ ихъ, равно какъ и окружность, приблизительно одинаковая: первая—въ 3¼, а вторая—въ 33 саж. Мѣстные башкиры называютъ эти курганы ногайскими или татарскими,

2) Въ 1½ вер. отъ рѣчки Арки-илга и въ 1 вер. отъ дороги изъ дер. Исянгуловой въ дер. Тазларову на горѣ Ташъ-уба –курганы, вышиной 3 саж., въ окруж. 28 саж.

3) На землѣ дер. Муйнаковой, въ 240 саж. на С. отъ дороги въ дер. Айсарову, на лѣвомъ берегу р. Ика, на горѣ Булашъ-тау курганъ, называемый „Булашъ-уликъ“ или ногайскій, съ разрушенною до половины насыпью, такъ что вышина не болѣе 2 арш., а окружн.—до 30 саж.

4) Курганы въ окрестностяхъ гор. **Орска**

а) По дорогѣ въ пос. Хабарный, въ 7 вер. отъ города на горѣ Поперечной—1 курганъ.

б) Въ 15 вер. отъ города и въ 1½ в. отъ проселка, ведущаго въ башкирскія земли—5 кургановъ.

в) Въ 10 вер. отъ города, по дорогѣ въ пос. Банный въ 50 саж. на С.—1 курганъ.

г) По той-же дорогѣ, на горѣ Безымянной—2 кургана въ 120 саж. одинъ отъ другого по направленію къ С.

д) По той же дорогѣ въ 8½ вер. на Ю. отъ Каменнаго оврага на горѣ—2 кургана.

е) Въ 2 вер. на С. отъ послѣднихъ на горѣ Каменной 5 кургановъ.

ж) По той-же дорогѣ въ 17 вер. отъ города, къ С. отъ дороги въ 4 вер. на горѣ Юлькей—1 курганъ.

з) По той-же дорогѣ на С. въ 5 вер. отъ мѣста, называемаго „Татарскіе хутора“, на горѣ Кутюръ—1 кург.

и) По дорогѣ изъ Орска въ пос. Хабарный, на 4-й верстѣ, въ 100 саж. вправо, на холмѣ —1 курганъ.

к) Въ Орскомъ станичномъ юртѣ, въ 1 вер. отъ пос. Баннаго на З., близъ проселка —1 курганъ.

л) Въ 2½ вер. отъ послѣдняго на С.—1 курганъ.

5) Въ 7 вер. отъ пос. Калпацкаго близъ проселка, въ 200 саж. отъ р. Калпачки—1 курганъ.

6) По лѣвую сторону дороги отъ пос. Калпацкаго къ Банному, на Ю., въ 50 саж. отъ озера, не имѣющаго названія, и близъ дороги въ гор. Орскъ—1 курганъ.

7) Въ 3 вер. отъ пос. Калпацкаго, въ 10 саж. отъ проселка, ведущаго къ р. Уралу, на В.—1 курганъ.

8) Въ 1½ вер. отъ пос. Хабарнаго на З. между рѣчекъ Плакунки и Каменовки, впадающихъ въ 150 саж. отсюда въ р. Уралъ, —3 кургана, а въ 1½ вер. къ З. отъ этого мѣста—1 курганъ.

9) Въ 6 вер. на В. отъ пос. Хабарнаго, въ 25 саж. отъ Ольховаго лѣса, на равнинѣ 1—курганъ.

Насыпи всѣхъ кургановъ въ окрестностяхъ г. Орска и въ Орскомъ станичномъ юртѣ песчано-черноземныя; высота ихъ отъ $2^1/_2$ до $3^1/_2$ саж., а окружность—отъ 18 до 30 саж. Только 5 кургановъ на горѣ Каменной имѣютъ въ окружности отъ 40 до 50 саж., а высоту до $3^1/_4$ саж.

1-я Бурзянская вол. По лѣвую сторону хребта Ирендыкъ, въ 10 вер. отъ дер. Баюшевой, близъ дор. въ пос. Уртазымскій, въ 200 саж. на В. отъ озера Ялтыръ-куль 4 кург., среди нихъ Асылай.

2) Въ $2^1/_2$ вер. отъ этихъ кургановъ—курганъ „Салимъ".

3) Въ 3 вер. отъ кургана Салимъ, на Ю. кур. „Ташъ".

4) Между дер. Бахтыгиреевой и Файзуллиной, въ 6 вер. на В. курганъ „Каршики-сазъ-ташъ".

5) Въ 20 вер. отъ тѣхъ же деревень на В., близъ генеральной межи, въ 200 саж. отъ оз. Карагайли-узянъ—курганъ „Акъ-тюби".

6) Въ 3 верстахъ отъ кургана Акъ-тюби на В.—курганъ „Сальмянъ".

Преданіе приписываетъ всѣ эти курганы временамъ Чингизъ-Хана, который будто бы долго кочевалъ здѣсь со всей ордой, и считаетъ ихъ могилами татарскихъ князей и богатырей, а курганъ Акъ-тюби, что значитъ —бѣлый или свободный, принимается за могилу жены Чингизъ-Хана.

Высота послѣднихъ кургановъ, начиная съ Асылая, отъ $2^1/_2$ до 4, а окружность отъ 10 до 30 саж. Самые курганы поросли молодымъ березнякомъ, елью, шиповникомъ, а на вершинѣ кургана Сальмянъ—дупло огромной срубленной сосны.

7) Курганы по р. Сакмарѣ (въ 1-й Бурзянской вол).

а) Въ 3 вер. отъ дер. Баюшевой на З. на лѣвомъ берегу курганъ „Услуларъ".

б) Въ 2 вер. отъ дер. Кинзебулатовой на В., на лѣвомъ же берегу при истокѣ р. Мазанъ—курганъ безъ названія.

в) Въ 5 вер. отъ дер. Чингизовой на правомъ берегу курганъ „Биленъ-тау".

Насыпь этихъ кургановъ изъ дикаго камня и кремнистаго сланца; высота ихъ 3—$3^1/_4$ саж. окружн. отъ 30 до $39^1/_2$ саж.

По преданію это могилы богатырей Чингизъ-хана.

8) Въ 2 вер. отъ дер. Кинзебулатовой, на лѣвомъ берегу верховьевъ р. Мазанъ, притока Сакмары, находится каменный курганъ безъ всякаго названія и прозвища, вышиной въ 3 саж., а въ окружности 34 саж.; на вершинѣ его 3 обвала глубиною отъ 1 до $2^1/_4$ аршина.

2-я Бурзянская вол. 1) Близъ дер. Трухменевой и р. Худолаза разбросано въ разныхъ направленіяхъ 38 кургановъ, вышиной отъ 2 до $3^1/_4$, въ окружн. отъ 12 до 27 саженъ.

Изъ этихъ кургановъ три были разрыты въ 1857 году маіоромъ Досъ-Ктимирскимъ, причемъ найдено въ каждомъ курганѣ по скелету, по нѣсколько желѣзныхъ копьянокъ отъ стрѣлъ и черепковъ чугуннаго горшка. Находки были представлены тогдашнему начальнику башкирскаго войска генер. Балкашину и по его приказанію положены опять на свои мѣста, а курганы приведены въ прежнее положеніе.

2) Въ 5 вер. отъ дер. Ахмеровой, на горѣ „Булалигыръ", близъ ключа Янтъ-кама-иткань находится каменный курганъ, имѣющій въ окружности 7 саж., а въ вышину около 2 аршинъ.

3) Въ 13 вер. отъ дер. Трухменевой, внизъ по теченію р. Худолаза, на лѣвомъ берегу, въ 100 саж. отъ него находится поросшій травой курганъ черноземной насыпи, имѣющій въ вышину до 2-хъ арш., а въ окружн. около 9 саж.

4) Въ 4 вер. отъ дер. Мукасевой, наверху оврага, называемаго Кара-узякъ, находится курганъ до 8 саж. въ окружн. и до 2 арш. въ вышину.

3-я Бурзянская вол. —Въ 4 верстахъ на С. отъ дер. Кулчуриной, на горѣ Урта-Карагай (отрогъ хребта Ирендыкъ) находится курганъ въ окружн. 17, въ вышину $2^1/_2$ саж. На вершинѣ кургана обложенный большими камнями обвалъ, глубиною въ $2^1/_4$ арш.

2) Въ 18 вер. отъ указаннаго кургана, на горѣ Субанъ близъ р. Сансалы, на землѣ дер. Муллакаевой находятся три кургана, высотой въ $2^1/_4$, $2^1/_3$ и $2^3/_4$ саж., а въ окружности въ 10, 7 и 16 саж. На вершинѣ насыпей обвалы. (Игн. l. c.)

Въ 1 вер. отъ д. Кусевой на С., въ урочищѣ „Уванъ-Ташъ“ 1 курганъ; отсюда на С. В. въ 1 вер. при уроч. Салинъ 3 кург. На верш. горы Мурунъ 1 кург.; въ 1 в. отъ нея на С.-В. въ полѣ разбросано 10 кург.; при уроч. Тапяшикъ-Белянъ, близъ горы Узугуръ 8 кург.; вершины нѣкоторыхъ изъ этихъ кургановъ обложены большими камнями, поросли молодыми соснами и березняком.

Тангауровская волость. По восточному склону хребта Ирендыкъ (Ярындыкъ) имѣется 3 группы кургановъ: 1) Въ 1 вер. отъ д. Таняновой, въ 200 с. отъ р. Кизила 5 кург.; 2) Въ 10 вер. отъ этого мѣста на В., на берегу оз. Атаула 10 кургановъ: 3) Въ 3 в. на югъ отъ оз. Атаула и въ 100 с. на югъ отъ оз. Айры 3 кург. На вершинахъ кургановъ ямы; высота кург. 2—4 саж. (Рук. Игн.).

Въ трудахъ Оренб. Уч. Арх. Ком. за 1900 г. вып. VI стр. 161 мы читаемъ слѣдующую выдержку изъ протоколовъ этого общества: „Князь Н. А. Черкасскій сдѣлалъ сообщ. о томъ, что, по словамъ башкиръ 3-ей Усерганской вол., у деревни Чебаклиной имѣются 2 клада и третій на границѣ волости; кромѣ того въ Губерлинскихъ горахъ есть остатки какого то сооруженія, извѣстнаго у окрестнаго населенія подъ названіемъ „Пугачевскаго стана“. Послѣдній былъ осмотрѣнъ докладчикомъ, который нашелъ уцѣлѣвшими остатки какого то укрѣпленнаго лагеря“.

На засѣданіи Оренб. Уч. Арх. Ком. въ февралѣ 1908 г. г. Аниховскимъ были доложены слѣдующія свѣдѣнія о курганахъ и городищахъ Орскаго уѣзда:

По дорогѣ изъ д. Яльчибаевой въ д. Ишанову, 3 Усерган. вол., въ 10—11 вер. отъ Яльчибаева къ С.-З.—3 кургана.

По дорогѣ изъ д. Ишановой на хут. Шубинскій—1 курганъ. Къ Ю.-В. отъ х. Шубинскаго въ 3—4 вер. и за х. Шубинскимъ въ 5 вер. къ С.-З.—1 курганъ.

По дорогѣ изъ д. Байкускарово въ д. Сабырову, въ 10 вер. отъ Байкускаровой къ С.-З.—10 кургановъ, а еще черезъ 5 вер.—2 кургана.

Около села Петропавловскаго (Сары) много кургановъ весьма большой величины. (Раскопки части ихъ производилъ П. С. Назаровъ).

Къ югу отъ села Чупарей въ верстѣ—большой курганъ куполообразной формы.

Въ Верхне-Озерной станицѣ, около озера Черепашьяго, есть береза, близъ березы, по преданіямъ, двѣ землянки.

Городища Орскаго уѣзда. Въ $1^1/_2$ в. на югъ отъ деревни Чингизовой (нынѣ 1-ой Бурзянской вол.) на лѣвомъ берегу р. Сакмары, при впаденіи въ нее р. Асили (?) находится городище, называемое Чингизовымъ: оно состоитъ изъ круглаго вала изъ чернозема и входовъ во внутренность городища на В. и З.; окружность вала 84 с., высота 1—$2^3/_4$ ар. (Рукоп. Игнат.).

Другое городище въ 50 в. отъ Чингисова называется „Кипчакскимъ“. По преданію, оно лежитъ на мѣстѣ кочевокъ кипчакской орды и находится въ 5 в. отъ башкирской дер. Биляловой, на Ю. В., на вершинѣ ключа Сукъ-карагача, близъ горы Ирендыка. Около него 8 кургановъ разной величины. (Карагай-Кипчакск. вол.) (Игн.)

Въ 18 верст. отъ пос. Губерлинскаго по направленію къ с. Сары, возлѣ участка Назарова, есть городище, обнесенное валами, подъ названіемъ „Чертово городище“ (Аних.).

КУРГАНЫ и ГОРОДИЩА ВЕРХНЕУРАЛЬСКАГО УѢЗДА.

Въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ много кургановъ истреблено искателями кладовъ и золотопромышленниками въ башкирскихъ и казачьихъ земляхъ (Игн.).

Авзяно-петровская вол. Авзяно-петровскій заводъ. Дорога въ Челябинскъ. 1 кург. выс. 1 арш., окр. 4 саж., раскопанъ. (Шукш.).

Николаевская стан. Два кургана въ 8-ми и 16 вер. отъ ст. Николаевской на ровномъ мѣстѣ, недалеко отъ займищъ.

Кромѣ того: 1) по тракту въ г. Уфу, въ 30 вер. отъ г. Верхнеуральска и въ 200 саж. отъ дер. Исламгуловой на С.-В. находятся три кургана:

а) курганъ въ окружности 16, въ вышину $2^1/_4$ саж.

б) курганъ на С.-В. отъ перваго въ 240 саж.

в) курганъ въ 240 саж. на Ю.-З. отъ 2-го и въ 192 саж. отъ р. Мазара, имѣющій въ окружности 10 саж., въ вышину же—$^3/_4$ саж. Эти три кургана называются „мазарками“ и по словамъ башкиръ дер. Исламгуловой представляютъ собою могилы богатырей какого-то неизвѣстнаго народа. Другихъ преданій объ этихъ памятникахъ между башкирами, поселившимися здѣсь около 1820 г., не сохранилось.

2) Въ 40 вер. отъ дер. Исламгуловой, въ 2 вер. отъ дер. Бурангуловой на С.-З. и въ 100 саж. отъ озера Бѣлаго или Аккуль, на возвышенномъ мѣстѣ находится курганъ, осыпавшійся отъ времени. Онъ имѣетъ въ окруж. до 17, въ высоту до $2^3/_4$ саж.

Тептяро-Учалинская вол. 1) По лѣвую сторону почтоваго тракта изъ г. Верхнеуральска въ г. Троицкъ, въ 2-хъ вер. отъ мещерякской дер. Ахуновой, въ 1 верстѣ на С-В. отъ р. Кумачь-Узанъ, и на Ю.-З. отъ дороги и дер. Ахуновой-курганъ черноземнаго грунта, имѣющій въ окр. $19^1/_2$, въ вышину $2^1/_4$ саж., насыпь обросла травой; на вершинѣ обвалъ глубиною болѣе $1^1/_2$ арш.

2) Въ 1 верстѣ отъ дер. Ахуновой на В., налѣво отъ проселка, ведущаго къ станицѣ Уйской, въ 200 саж. на В. отъ рѣчки Ямъ-Ялга (т. е. Ямской) находится каменный курганъ съ насыпью изъ дикаго камня.

3) Въ 200 саж. отсюда на С.-В., въ полѣ близъ р. Кидышъ и въ 25 саж. отъ поскотины находится другой точно такой же каменный курганъ изъ камней, имѣющій въ окружности 35, въ вышину до 1 саж. съ углубленіемъ на вершинѣ въ 2 саж. Насыпи этихъ кургановъ круглой формы съ небольшимъ откосомъ на В.

4) На З., въ 62 саж. отъ кургана видна круглая же насыпь бывшаго здѣсь чернозем-наго кургана, которая теперь почти сравнялась съ землей.

Въ $1^1/_2$ вер. отъ дер. Ахуновой, по лѣвую сторону проселка въ дер. Учалы, на разстояніи 100 саж. въ полѣ по направленію къ С.-З., близъ озера Карагайлы находятся два кургана, отстоящіе одинъ отъ другого въ 400 саж. на С. и С.-В., оба они черноземнаго грунта.

Кубелякъ-Телевской вол. 1) Въ 4 вер. отъ дер. Туишевой на С.-В. и въ 70 саж. отъ проходящаго здѣсь проселка въ стан. Верхне-кизильскую, въ полѣ, находится курганъ, называемый „Мурапа-Уба,“ въ окружн. 17, въ вышину $2^3/_4$ саж.

Въ 20 вер. отсюда и въ $^1/_2$ вер. отъ дер. Баталовой въ полѣ два кургана, расположенные на разстояніи 44 саж. одинъ отъ другого, въ окружн. 7 и 6, въ вышину 1 саж.; насыпь у обоихъ кургановъ поросла травой, наверху ямы, глубиною въ 1 и 2 арш.

Въ 17 верстахъ отсюда и въ 1 вер. отъ дер. Алпановой, по дорогѣ или проселку въ дер. Рахметеву, около самаго проселка—1 курганъ, и въ 1 верстѣ отсюда около дер. Чурамановой и безымянной рѣчки, близъ проселка въ дер. Бурангулову, другой курганъ.

Въ 15 вер. отъ послѣдняго по напр. на С.-В. въ $^1/_4$ вер. отъ дер. Мурапаевой, въ полѣ, на разстояніи 20, 32, 17 и 100 саж. другъ отъ друга разбросаны курганы. Высота

ихъ простирается отъ 2 до 3 саж., окружн. отъ 8 до 19 саж. На вершинѣ насыпей у всѣхъ кургановъ ямы, глубиною отъ 1/2 до 1 1/2 арш.

Курганы въ земляхъ Кубелякъ-Телевской башкирск. волости называются „татарскими," тогда какъ въ прочихъ мѣстахъ Верхнеуральскаго уѣзда курганы зовутся „чудскими" или „мазарками".

Въ 6 верстахъ отъ дер. Махмутовой близъ рѣчки Кизила, и разстояніи 21, 70, 61 и 106 саж. другъ отъ друга разбросаны 4 кургана черноземнаго грунта съ дикимъ камнемъ; окружность кургановъ простирается отъ 11 до 17 1/2, вышина отъ 1 1/2 до 3 саж.

Тамъяно-Тангауровская вол. На степной или луговой сторонѣ хребта Ирендыкъ (отрогъ Урала) по восточному склону этого хребта три группы кургановъ: 1-я группа въ 1 верстѣ отъ дер. Таняковой на В., близъ р. Кизила, состоитъ изъ 5 кургановъ, изъ которыхъ 4 на разстояніи между собой отъ 4 до 5 саж.-а послѣдній—въ 300 саж. отъ нихъ; 2-я группа находится въ 10 верстахъ отсюда и состоитъ изъ 10 кургановъ, разбросанныхъ безъ симметріи по восточной сторонѣ берега озера Атаула, на пространствѣ одной квадратной версты; 3-я группа изъ 3 кургановъ находится въ 3 вер. отсюда на южномъ берегу оз. Айры, въ 190 саж. отъ берега. Курганы разбросаны на разстояніи между собою 20, 32, 17 саж.

1) Въ 14 вер. отъ ст. Магнитной, близъ рубежа съ башкирской дачей дер. Таштемирой, въ 279 саж. на В. отъ оз. Горькаго, находится курганъ „Змѣиный", названный такъ по сходству насыпи кургана съ трещинами змѣиныхъ норъ. Этотъ курганъ имѣетъ въ окружн. 8, въ вышину 2 саж.

2) Въ 16 вер. отъ стан. Магнитной на С.-В., въ полѣ, есть курганъ, называемый „Могилой"; окружн. 10 3/4, выш. 2 1/4 саж.

3) Въ 4 вер. отъ стан. Кизильской въ 230 саж. на С.-В. отъ р. Урала и 270 отъ впадающей въ р. Уралъ рѣчки Кизила разбросаны на растояніи 106 саж. три кургана, а въ 200 саж. по прямому направленію отъ р. Урала на В. находится еще курганъ, къ которому примыкаетъ бывшее киргизское кладбище.

4) Въ 2 вер. отсюда на горѣ безъ названія, которую окружаетъ небольшая березовая рощица, находится курганъ.

5) Въ 8 вер. отъ поселка Сыртинскаго и въ 1 1/2 вер. на С.-В. отъ р. Урала, близъ Березоваго лога, находится курганъ, имѣющій въ окружности 13 3/4, въ вышину 3 3/4 саж.

6) Отъ этого кургана по направленію на Ю.-З., въ 2 вер., на горѣ безъ названія, принадлежащей къ отрогамъ Урала, расположенъ другой курганъ, неизвѣстно почему называемый „Черемаровъ кустъ"; насыпь его тоже черноземно-песчаная, вершина по окраинамъ обложена дикимъ плитнякомъ; имъ же, въ видѣ правильнаго круга, обложена находящаяся на вершинѣ насыпь, въ самомъ центрѣ которой яма, глубиною теперь болѣе 1 1/2 арш. Курганъ въ окружн. 17 3/4, въ вышину до 3 саж.

7) Въ 2 1/4 вер. отъ поселка Коельскаго на З., на горѣ „Острой" находится курганъ, а въ 470 саж. на С.-В. на вершинѣ такъ называемой „Шелудивой горы" другой, окружность обоихъ 16 и 14, вышина 2 и 3 саж.

8) Въ 2 вер. отсюда на Ю.-В. между двумя небольшими озерами „Чебаки" и „Пустое", на разстояніи между собой въ 324 саж., разбросаны въ полѣ 3 кург., называемые „Чудскими мазарками", окружностью отъ 12 до 24 саж., вышиною до 5 саж.

9) На берегу оз. Аскуль, въ растояніи 30 саж. отъ берега, находится курганъ окр. въ 19, выш. до 3 саж.

10) Въ 4 вер. на Ю.-З. отъ поселка Кассельскаго, на горѣ „Лѣсной" находится курганъ, насыпь котораго изъ дикаго камня-тутъ же добываемаго, съ примѣсью чернозема. Онъ въ окр. 20, а въ вышину 3 саж.—Въ 1 вер. отъ того же Кассельскаго, на лѣвомъ берегу рѣчки Гумбейки, находятся 3 кургана.

11) Въ 12 вер. на Ю.-В. отъ г. Верхнеуральска, въ 250 саж. отъ оз. „Малый Бугадакъ" и въ 211 саж. отъ р. Урала разбросано 5 кургановъ (Игн).

Магнитная станица. Пос. Магнитный. Въ да-

чахъ поселка 26 кургановъ, выс. 1—3 арш., окр. 22—33 с. При хищн. раск. найдено: обломки дерева, глиняные черепки, кости, уголь.

Пос. Верхне-Кизильскій. По р. р. Уралу, М. Кизилу и Кизилу 50 кург., выс. 1½-3 арш., окр. 10-20 с. При хищн. раск. найдено: угли, кости человѣка., черепки глин. горшковъ, зола.

Пос. Кваркенскій. Въ дачахъ пос. 9 кург., выс. 2½-15 арш., окр. 30—68 с.; при хищн. раскопк. найдены: угли.

Пос. Бобарыкинскій. Въ дачахъ пос. 4 кургана., выс. 1½ арш., окр. 16—25 арш.; при хищн. раскопк. найдено: черепъ человѣка, ногайка, уголь.

Кизильская станица. Измайловскій пос. По дорогѣ въ пос. Браиловскій 4 кургана, выс. 3 арш., окруж. 6—7 с.

Пос. Браиловскій. Въ дачахъ поселка 7 кург.; выс. 2 арш., окр. 12 с.

Пос. Грязнушенскій. По Обручевской дорогѣ 29 кург. выс. ¾, 2 ар., окр. 15—30 с., при хищ. раск. найдено: бревно, кости человѣка, глиняные черепки, зубъ длиною 1½ в., шир. ½ в.

Карагайская станица. Петропавловскій пос. Близъ р. Кидыпъ 20 кург., выс. ¾ ар., окр. 17 с.

Пос. Краснинскій. Въ дачахъ пос. 15 кург., выс. 1—5 ар., окр. 11—56 с., при хищн. раск. найдено: 5 золотыхъ пластинокъ, кинжалъ длиною ¾ арш., 3 мѣдныхъ стрѣлы, кости.

Велико-петровская станица. Пос. Великопетровскій, по р. р. Тогузакъ и Ольховкѣ, 6 кург., выс. ½—2½ арш., окр. 30—45 с., при хищн. раск. найдено: угли, зола.

Пос. Варнинскій. Въ дачахъ 4 кург., выс. 1—2 ар., окр., 3—5 с.

Пос. Полтавскій. Въ дачахъ 4 кург., выс. 1—3 арш., окр. 3—10 с.

Березинская станица. Пос. Углицкій. Въ дачахъ 7 кургановъ, выс. 1—4 ар., окр. 28—72 с.; при хищн. раскопк. найдено: кости человѣка, уголь.

Пос. Чесменскій. Въ урочищахъ: Оз. Жаманъ—Чубаръ, Тюгумскій боръ, 3 кургана, выс. 2—3 арш., окр. 15—25 с.

Пос. Березинскій. Въ дачахъ 4 кург. выс., 1—½ арш., окр. 5—8 с.

Пос. Бородиновскій. Въ дачахъ 15 кург., выс. 1½ ар.—4 с., окр. 8—38 с.; при хищн. раск. найдено: уголь, человѣческія кости, мѣдныя копьянки, глиняные черепки.

Пос. Анненскій. Въ дачахъ 7 кург., выс. 1—2½ арш., окр. 20—52 с.

Куликовскій пос. Въ дачахъ 4 кург., выс. 4—6 арш.

Фершампенуазскій пос. Въ дачахъ 4 кург., выс. 1—2 ар., окр. 25—40 с.

Астафьевскій пос. По р. Кизилъ-Чиликъ 3 кург., выс. 3—4 ар., окр. 17—37 с.; при хищн. раск. найдены угли.

Николаевская станица. Константиновскій пос. Въ дачахъ 3 кург., выс. 3—6 ар., окр. 25—40 с.

Николаевскій пос. Въ дачахъ 12 кург., выс. 1—3 ар., окр. 5—18 с.

Катенинскій пос. Въ урочищахъ: озера Караба, Чикатай, р. Караталъ, Аятъ 4 кург., выс. 2—8 ар., выс. 22—48 с. При хищн. раск. найдено: кусокъ мѣди, каменныя ступени, ведущія внизъ.

Александровскій пос. Въ дачахъ 2 кург., выс. 3 арш., окр. 30—36 с.

Кулевчинскій пос. Въ урочищ. Бѣлое озеро, Александровская дорога 2 кург. выс. 2½—3 арш., окр. 26 с.

Наслѣдницкая станица. Рымникскій пос. Въ дачахъ 4 кург., выс. 6 арш., окр. 9 саж.; при хищн. раск. найдены угли.

Варшавская станица. Елизаветпольскій пос. Въ дачахъ 3 кург., выс. 1½—3 арш., окр. 6—10 с.

Неплюевскій пос. Въ уроч. Кладъ 1 кург., выс. 3 арш. окр. 30 с.

Георгіевскій пос. Въ дачахъ пос. 4 кург., выс. 5—6 ар., окр. 15—20 с; при хищн. раск. найд: угли, зола.

Черниговскій пос. По р. Куйсакъ 5 кург., выс. 3—4 арш., окр. 8—10 саж; при хищн. р. найдены кости и стрѣлы (Шукш.)

Въ Трудахъ Оренб. Уч. Арх. Ком. за 1905 г. в. XIV стр. 164, напечатаны слѣдующ. указанія:

1) „По порученію Арх. Ком. Г. Лысовъ отправился для осмотра кургановъ близъ поселка Атаманскаго Наслѣдницкой станицы. Изъ распросовъ Н. П. Лысовъ узналъ, что вокругъ поселка Атаманскаго и въ киргизской степи раскопано очень много кургановъ (около 50) съ единственною цѣлью добыванія древеснаго угля. Старинныхъ вещей и предметовъ вооруженія находили очень немного.

Г. Лысовымъ были осмотрѣны три кургана: одинъ по дорогѣ изъ пос. Атаманскаго въ Наслѣдницкій, другіе два на Ю. отъ пос. Атаманскаго въ 5 вер. по обѣ стороны дороги, ведущей въ степь; эти курганы оказались разрытыми."

2) По дорогѣ изъ поселка Требій въ Фершампенуазъ направо отъ дороги въ 50 саж., отъ пос. Требій въ 6 вер. находится курганъ высотою до 5 саж., хорошо сохранившійся.

КУРГАНЫ И ГОРОДИЩА ТРОИЦКАГО УѢЗДА.

Нижеслѣдующій перечень кургановъ нами заимствованъ у Р. Г. Игнатьева. *)

На земляхъ Оренбургскаго казачьяго войска.

1) Въ 10 вер. отъ стан. Степной, въ 104 саж. на С.-В. отъ рѣчки Курасанъ, налѣво отъ проселка изъ Степной въ Сухтеленскій поселокъ, въ полѣ разбросано 4 кургана.

2) Въ 6 вер. отъ той же стан. Степной, на лѣвой сторонѣ проселка въ поселокъ Подгорный, въ полѣ же безъ симметріи разбросано 5 кургановъ.

3) Въ 2½ вер. отъ пос. Осиповскаго на С.-З., на берегу рѣчки Санарки, въ 100 саж. отъ нея на В. 4 кургана.

4) На трактѣ въ г. Троицкъ изъ ст. Степной, на 7-й верстѣ по обѣимъ сторонамъ трак. та разбросаны курганы, по правую сторону 6, а по лѣвую 4; послѣдніе расположены по прямой линіи; вершины обложены большими камнями.

5) По лѣвую сторону того же Троицкаго тракта изъ ст. Степной 4 кургана, имѣющіе въ окружности 25, 18, 34, 16 саж., а въ вышину 2, 2½, 1, 1½ арш.

6) Въ 8 вер. отъ поселка Подгорнаго на В., на проселкѣ изъ Подгорнаго въ выселокъ Осиповскій, въ 450 саж. отъ проселка, по правую сторону на берегу р. Ая, въ 100 саж. отъ берега, на казенной оброчной землѣ № 5 находится каменный курганъ, называемый Чудской горой; онъ имѣетъ въ окружности 84¾, въ вышину 3½ саж.; насыпь его, вся изъ большихъ сѣродикихъ камней; на вершинѣ насыпи три углубленія.

7) Въ 2¼ вер. отъ выселка Устинова на С.-В., при рѣчкахъ Тишковкѣ и Журавлевкѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ первая вытекаетъ изъ горы Тишковки, а вторая изъ ручья безъ названія, въ гористой мѣстности, между обѣими рѣчками, разбросаны три кургана. Одинъ изъ нихъ, отъ р. Тишковки на З. въ 100 саж., имѣетъ въ окружности 10 саж., а въ выш. 1½ саж., второй, отъ р. Журавлевки въ 74 саж., имѣетъ въ окр. 20, въ выш. 3½ саж.; третій, отсюда на В. въ 44½ саж., имѣетъ въ окружн. 17, въ выш. до 2 саж.

8) Въ 1 вер. отъ выселка Чернорѣченскаго, на берегу р. Міасса, въ 250 саж. отъ бора, называемаго „Березовымъ", разбросано 5 кургановъ. На вершинахъ первыхъ трехъ кург. симметрически разложены большіе камни.

9) На землѣ Уйскаго станичнаго юрта, близъ границы казачьихъ земель съ башкирскими Тунгатаровской волости, на мѣстѣ, называемомъ башкирами Агиръ, при рѣчкѣ того же имени, въ 230 саж. на С-З. отъ нея, находится курганъ, имѣющій въ окружности 17, въ вышину 2¾ саж.

*) Изв. Имп. Археол. Ком. вып. V.

10) Въ 2½ вер. отъ пос. Чебаркульскаго на В. и въ 174 саж. отъ озера Чебаркуля на Ю-В., находятся 4 кургана.

11) Въ 2¼ вер. отъ выселка Медвѣдева на В. въ полѣ три кургана.

12) Въ 7 вер. отъ выселка Мельникова, въ полѣ же, на С-З. отъ выселка, 4 кургана.

13) Въ 2¼ вер. отъ стан. Травниковской на З., въ полѣ 3 кургана.

14) Въ 3½ вер. отъ стан. Коельской на С.-В., въ полѣ девять кургановъ.

15) Въ 4 верстахъ отъ выселка Токтубаевскаго, на Челябинскомъ трактѣ, по лѣвую его сторону въ 300 саж. 4 кургана, разбросанные безъ симметріи. Въ окружности они имѣютъ 11, 17, 20 и 24¾, въ вышину 2, 2½, 3 и 3¼ саж. (Игн.).

Ключевская стан. Отдѣльные курганы: 1) Въ 1½ вер. отъ поселка Клястицкаго, по направленію къ г. Троицку.

2) Въ 2½ вер. отъ того же поселка.

3) Въ 1 верстѣ отъ стан. Ключевской, по направленію къ г. Троицку.

4) Въ 1 вер. отъ той же станицы, по лѣвую сторону Ржавченской дороги.

5—7) Въ 1 вер. отъ той же станицы, по Каракульской дорогѣ, три насыпи.

8) По той же дорогѣ въ 14 верстахъ отъ Ключевской.

9—10) Въ 1½ вер. и 3 вер. отъ поселка Бобровскаго по направленію къ стан. Ключевской.

11) Въ 3 верст. отъ пос. Берлинскаго по направленію г. Троицку.

12) Въ 1½ верст. отъ пос. Тарутинскаго, по направленію къ пос. Лейпцигскому, близъ озера Бузгуля. Всѣ эти 12 кургановъ расположены на высокихъ мѣстахъ и никогда не раскапывались. (См. Изв. Имп. Археол. Ком. за 1903 г. стр. 67).

На земляхъ башкиръ Тунгатаровской вол. 1) Въ 2¼ верстахъ отъ границы башкирскихъ земель съ дачами Міасскаго завода, при подошвѣ горы Большой Кумачъ, одного изъ отроговъ Урала, 2 кургана, насыпанные на природныхъ холмикахъ.

2) Въ 2½ вер. отъ д. Каримовой на В., въ полѣ, курганъ, въ окружн. 15, въ вышину 1½ саж.

3) Въ 2½ вер. отъ с. Поляковскаго по проселку въ с. Вознесенское у подножія горы и близъ болотъ, называемыхъ Сокольницкими, находится курганъ. Одна сторона его разрыта, какъ объяснили сторожилы, еще въ 1811 г., по приказанію тогдашняго управляющаго Міасскимъ заводомъ Свиридова, при чемъ найденъ глиняный кувшинчикъ, обвитый желѣзною проволокой, и въ немъ будто бы были мелкія серебряныя монеты, похищенныя рабочими.

4) Въ 3 вер. отъ с. Вознесенскаго или Кизникеевскаго на С.-В., въ полѣ, 2 кургана, на разстояніи между собою въ 58 саж.

На земляхъ Міасскихъ золотыхъ промысловъ вѣдомства казенныхъ Златоустовскихъ заводовъ.

1) Въ районѣ Мулдакаевскомъ, въ 3½ вер. на С.-З. отъ Мулдакаевскаго рудника и башкирской дер. Мулдакаевой, на берегу р. Убалы, близъ проселочной дороги въ башкирскую деревню Мулдашево, по обѣ стороны этой дороги, пересѣкаемой р. Убалой, находится 10 кургановъ. По народному преданію на этомъ мѣстѣ было сраженіе пугачевскихъ шаекъ съ отрядомъ генерала Деколонга, шедшаго въ 1774 г. на освобожденіе города Троицка, занятаго Пугачевымъ, почему народъ и курганы относитъ къ этому же времени, называя ихъ „Пугачевскими“.

2) Въ 5 вер. отъ Каскиновскаго рудника, при склонѣ горы Кавелинской (отрога Урала) разбросаны безъ всякаго порядка на протяженіи 110 саж. 21 курганъ, но изъ этого числа только 5 сохранились (до раскопки ихъ въ 1865 г.) отъ расхищенія, въ остальныхъ же 16 курганахъ въ самой срединѣ и до дна были выбиты ямы и самыя насыпи были обрыты (Игн.).

Слѣдующій перечень кургановъ взятъ нами изъ статьи И. С. Шукшинцева (в. VI Тр. Арх. Ком.).

Кундравинская станица. Кундравинскій пос., Въ уроч. Царевъ Курганъ—1; выс. 3 саж.

окр. 9 с.; при хищн. раск. найдена: желѣзная кольчуга.

Уштаганскій пос. По р. Караталъ 3 кург. выс. 2 ар., окр. 8 ар.; при хищн. раск. найдено: человѣческія кости, угли.

Коельская станица. Верхнеуральскій пос. по р. Увелькѣ 3 кургана: выс. 1—1½ арш., окр.—10—15 с.; при хищн. раск. найдены камни.

Коельскій пос. Въ дачахъ 27 кург. выс. 1—3 арш., окр. 13—15 с.; при хищн. раскоп. найдены: угли, скелетъ человѣка, мѣдная копьянка, небольшая кирпичная печка, до 2 пуд. бѣлаго крахмалистаго вещества.

Поповскій пос. Въ дачахъ 1 кург., выс. 7½ арш., окр. 20 с.

Міасская станица. Севастьяновскій пос. Озеро Тунгузлы. 29 кург.; выс. 2—3 арш., окр. 7—19 с.; при хищн. раск. найдено: желѣзная чашка, нѣсколько желѣзныхъ иголокъ длиною 2 вер., мѣдная манерка, угли, кости человѣка.

Міасскій пос. Въ дачахъ 1 кург., выс. 2 арш. окр. 15 с.; при хищн. раск. найдено: кости людей и животныхъ.

Худяковскій пос. Въ дачахъ 2 кург. выс. 1½—2 арш., окр. 10—12 с.; при хищн. раск. найдены: кости человѣка.

Притчинскій пос. При оз. Камышномъ, кург. выс. 4 арш., окр. 40 с.

Баландинскій пос. Въ дачахъ 1 кург., выс. 3 арш., окр. 20 с.

Шумовскій пос. При оз. Мыркай—2 кург., выс. ½—1 арш., окр. 20 с.

Таукаевскій пос. Въ уроч. Кумутъ—Бай, Кумъ—Башъ 3 кург., выс. 1½ арш. окр. 10 с.

Нижне—Увельская стан. Дуванкульскій пос. Въ дачахъ 14 кург., выс. 1—1½ ар., окр. 13—25 с.; при хищн. раск. найдено: кости человѣка, черепки глиняной посуды, угли, желѣзныя трубочки.

Кичигинскій пос. Въ уроч. Таушканъ, Чалпанъ, Согрина мельница, Челябинская дорога, Сарыкуль, 37 кург., выс. ½—3 ар., окр. 14—39 с.; при хищн. раск. найд. уголь.

Хуторской пос. Въ уроч. Хуторъ Синицина 3 кург., выс. 1½—2 ар., окр. 4—7 саж.; при хищн. раск. найдено: кинжалъ, мѣдная копьянка, черепъ человѣка.

Карсинскій пос. Въ дачахъ 4 кург., выс. 1—1½ арш., окр. 8—18 с.

Травниковская стан. Чебаркульскій пос. Въ ур. Озера Чебаркульское и Мисяшъ 2 кург. выс. 1½—2 арш.

Шахматовскій пос. Въ уроч. Бугрикъ 1 кург., 1½ арш. выс. и 12 ар. окр., при хищн. раск. найдено: кости человѣка, кинжалъ, около 150 мѣдн. копьянокъ, колчанъ.

Нижне-Карасинскій пос. Въ дачахъ 3 кург., выс. 2—2½ ар., окр. 22—25 с.; при хищн., раск. найдено: черепъ человѣка, угли, мѣдн. копьянка, камни съ дырочками, обоюдоострый ножъ.

Мельниковскій пос., Въ дачахъ 1 кург., выс. 2 ар., окр., 20 ар.

Кособродская стан. Подгорный пос., Чудская гора—1 кург., выс. 6 с., окр. 30 с.

Ключевская станица. Каракульскій пос. По берегамъ р. Уя 7 кург., выс. 2½—6 ар., окр. 32—49 с.

Березовскій пос. Въ дачахъ 7 кург., выс. 1¼—¼ ар., окр. 25—45 с.; при хищн. раск. найд.: угли, полусгнившее березовое бревно.

Ключевской пос. Въ дачахъ 15 кург. выс. 1½—2½ ар. окр.; 25—43 с., при хищн. раск. найдено: зола, кости.

Степная станица. Сухтеленскій пос., хуторъ Кузнецова, 8 кург., выс. 1—1½ с., окр., 20—25 с.

Кидышевскій пос. По р. Карасанкѣ и въ дачахъ поселка 22 кург., выс. 1½—2½ ар., окр. 10—25 с.

Чернорѣченскій пос. Въ дачахъ 18 кург., выс. 1—4 ар., окр. 10—35 с.

Стрѣлецкій пос. Въ дачахъ 5 кург., выс. 1½—2½ ар., окр. 16—32 с.

Степной пос. Въ дачахъ 20 кург., выс. 1—1½ ар., окр. 3—8 с.

Бирюковскій пос. По р. р. Гусаръ и Каратайка 5 кург., выс. 1¼ ар., окр. 4 с.; при хищн. раск, найдено: черепъ человѣка, серебряное кольцо и пряжка.

Михайловская станица. Тарутинскій пос. Въ уроч.: озеро Бузь-Куль, Сухой Лиманъ, оз. Камышное, Милліонная земля, Малая Кара-Бугa 7 кург., выс. 3—5 ар., окр. 42—45 с.

Вѣринскій пос. Въ уроч.: озера Б. и М. Карабашъ, Межевой логъ, Бурова гора--4 кург., выс. 3—9 ар., окр. 50—60 с.; при хищн. раск. найдено: лѣсъ, уголь, кирпичи.

Уйская станица. Глазуновскій пос. Чудская горка—1 кург., выс. 2 ар., окр. 7½ с.

Верхне-Усцелемовскій пос. Въ уроч. Масловская земля 1 кург., выс. 1 ар., окр. 7 с.; при хищн. раск. двѣ мѣдныя старинныя вещи.

Красно-каменскій пос. Въ дачахъ 1 кург., выс. 2 ар., окр.—5 с.

Замотохинскій пос. Въ дачахъ 2 кург., выс. 1½ ар., окр. 5 с.

Воронинскій пос. При Свѣтломъ озерѣ 2 кург., выс. 1—1½ ар., окр. 20—30 с.

Нижне-Усцелемовскій пос. Въ дачахъ 2 кург., выс. 2—2¾ ар., окр.—6 с.

Константиновская вол. Село Новокумлякское, въ уроч. Борокъ 1 кург., при хищн. раск. найдены сгнившія бревна, угли (Шукш.)

☆ ☆ ☆

КУРГАНЫ И ГОРОДИЩА ЧЕЛЯБИНСКАГО УѢЗДА.

Нижеслѣдующее описаніе кургановъ нами взято у Р. Г. Игнатьева *).

О курганахъ здѣсь такое преданіе. Курганы устроила чудь съ разнымъ назначеніемъ: въ однихъ похоронены ея князья, воины и люди набольшіе, въ другихъ курганахъ сама чудь пряталась отъ войны, или по обычаю жить въ ямахъ, отъ чего-де и на всѣхъ насыпяхъ вверху ямы видны; можетъ быть еще и такъ бывало, если который человѣкъ изъ чуди или чудаковъ умиралъ, то его тутъ же, въ томъ же курганѣ и закапывали; были у чуди и такіе курганы, чтобы съ вершинъ ихъ сторожить непріятеля, и сюда же чудь зарыла и закляла свои клады на тысячу человѣческихъ головъ.

Въ Земляхъ Оренбургскаго казачьяго войска.

1) Въ ½ вер. отъ стан. Міасской, по дорогѣ на Кыштымскій и Каслинскій заводы, Пермской губ., около воротъ, по направленію на З. находится курганъ въ 22 саж. въ окружн. и вышиною 1 саж. и 1 арш. Отъ этого кургана на С.-З. въ 60 саж. такой же курганъ, находящійся въ лѣсной мѣстности. Отсюда въ ½ вер. по прямой линіи на В. тоже курганъ, имѣющій въ окружн. 21 саж. въ выш. 2¼ саж. Этотъ курганъ въ 1853 г. разрытъ шурфовавшей здѣсь золотопоисковой партіею какого-то частнаго золотопромышленника; были ли найдены при этомъ какія либо древности, неизвѣстно.

2) Въ 10 вер. отъ ст. Міасской, около оз. Тріустантъ, на горѣ находится курганъ.

3) Въ 25 вер. отъ Міасской стан. по дорогѣ въ башкирскую дер. Аджитарово, на горѣ, близъ оз. Тріустантъ находятся 2 кургана.

5) Въ 18 вер. отъ с. Міасской при выселкѣ Причинномъ, на В., въ 200 саж. отъ проселка въ с. Чумляцкое, въ полѣ, безъ симметріи разбросано 10 кургановъ.

5) Въ ½ вер. отъ выселка Чурилова, на Ю. между двумя озерами „Горькими“ находится курганъ.

6) Близъ дор. изъ г. Челябы въ Міасскую станицу, по правую сторону озера Горькаго, въ полѣ, три кургана.

7) Въ 4 вер. отъ выс. Сычева на Ю. по лѣвую сторону проселка въ поселокъ Петровскій—1 курганъ. По правую сторону проселка изъ выселка Клювалова въ гор. Челябу, въ 300 саж. отъ дороги, между озерами „Горькими“ два кургана, а въ ½ вер. отсюда на Ю.-З. еще третій курганъ.

8) Въ 1 вер. отъ выселка Черкасова на В. по правую сторону, на правомъ берегу р. Міаса—1 курганъ.

*) Изв. Имп. Археол. Ком. вып. V.

9) Въ 1½ вер. отъ выселка Контеева на С., на берегу р. Міасса—1 курганъ.

10) Въ 1½ вер. отъ поселка Прохорова и ½ вер. по правую сторону отъ р. Міаса, на С.-З., тоже 1 курганъ. Окружность у всѣхъ кургановъ одинаковая—20 саж., а вышина отъ 2 до 3 саж.

11) Въ 7 вер. отъ ст. Долгодеревенской, на С.-З., близъ рѣчки „Изюзелга“ и оз. „Касаргово“ въ 40 саж. отъ послѣдняго три кургана, а въ 80 саж. отсюда еще 1 курганъ.

12) Въ 2½ вер. отъ отряда Селезянскаго на З. и въ 1 вер. отъ оз. Малаго Саракуля, въ полѣ, разбросаны въ разныхъ направленіяхъ 34 кургана, представляющіе собою видъ кладбища. Всѣ эти курганы въ окружн. 10 саж. и высотою по 2 и 2½ саж.

13) Въ 2 вер. отъ выселка Аткульскаго, между оз. Зелезяна и Аткуля, находится курганъ.

14) Въ 7 вер. отъ того же выселка Аткульскаго чрезъ озеро Аткуль, на пашнѣ казака Ивана Сухорукова, между дорогъ изъ выселка Бѣлоусова и дер. Султановой чрезъ рѣчку Чумлякъ въ поселокъ Севастьяновскій и дер. Ханжину, курганъ, имѣющій въ окружности 18 саж., а въ вышину 1 саж. и 1 арш.

15) Въ 6 вер. отъ выселка Устьянцевскаго, на В., въ 40 саж. отъ оз. Песчина 3 кургана, въ разстояніи между собою 5, 8 и 10 саж.

16) Въ 2 вер. отъ выселка Бѣлоусовскаго на З., близъ полевого хутора казака Гаврилы Мельшенина, въ пос. Каратабанскій, курганъ, имѣющій въ окружности до 6 саж., въ вышину 1 арш.

17) Въ 5 вер. отъ поселка Еманжелинскаго и въ 4 вер. отъ оз. Большого Саракуля, близъ дороги въ гор. Троицкъ, курганъ, имѣющій въ окр. 10 саж.

18) Въ 2 вер. отъ поселка Еманжелинскаго на З., въ 2½ вер. отъ Челябинскаго почтоваго тракта и 200 саж. отъ р. Еманжелки, курганъ въ окружности 9 саж., въ выш. 1½ арш. Близъ поселка Полетаевскаго, въ 22 саж. на С. по лѣвую сторону р. Міасса, въ 80 саж. отъ проселка въ выселокъ Малышевъ, въ 15 саж. отъ большого тракта въ гор. Челябу, курганъ, въ окружн. 10 саж., въ выш. 2 арш.

19) Въ 10 саж. отъ этого кургана на С.-В. другой курганъ, точно такой же вышины.

20) Въ 1½ вер. отъ выселка Киселева на З., въ 450 саж. отъ р. Бильшиды и въ 158 саж. отъ почтоваго тракта въ г. Челябу, курганъ, имѣющій въ окр. 16¾ саж.

21) Въ 4 вер. отъ ст. Звѣриноголовской на С.-З. за р. Тоболомъ, близъ оз. Половиннаго и бора Зарѣчнаго, по лѣвую сторону отъ проселка въ дер. Черкасову есть курганъ.

22) Въ 17 вер. отъ гор. Челябы, на проселкѣ изъ Челябинской станицы въ Глубокинскій поселокъ, 4 кургана.

На земляхъ Государственныхъ Имуществъ.

Въ 2½ верстахъ отъ с. Таловки, на проселкѣ въ дер. Скоблину, въ 1¼ вер. отъ дер. Камаганъ и въ 244 саж. на С.-В. отъ рѣчки Таловки, по лѣвую сторону проселка, идущаго отъ села Таловки, находится 12 кургановъ.

2) По дорогѣ отъ с. Иванкова въ с. Воскресенское, въ ½ вер. отъ перваго, по лѣвую сторону дороги на С.-В., на пашнѣ—8 кургановъ.

3) Далѣе по этой же дорогѣ, въ 70 саж. на С.-З., 3 кургана, а отъ нихъ въ 1½ вер. на С.-В., за небольшимъ перелѣскомъ, въ полѣ, еще курганъ.

4) По той же дорогѣ изъ Иванкова въ Воскресенскую слободу, противъ дер. Окуневой, около воротъ поскотины, гдѣ дорога на дер. Салимову, слѣдуя по послѣдней на 35 саж., при самой дорогѣ—курганъ.

5) По дорогѣ отъ гор. Челябы, не доѣзжая 3 вер. до с. Воскресенскаго, въ 10 саж. отъ дороги, направо, три кургана черноземнаго грунта.

6) По дорогѣ изъ с. Воскресенскаго въ д. Корчажкину, близъ р. Міаса и озерка находится 6 кургановъ.

7) Въ 1½ вер. отъ дер. Черноярской на С-В., въ полѣ—три кургана.

8) Въ ¼ вер. отъ дер. Сартассвой на З., —въ полѣ четыре кургана.

9) Въ 1¾ вер. отъ с. Куликовскаго на С-В., при самомъ оз. „Куликовомъ“—4 кург.

10) Въ 2¼ вер. отъ дер. Линевой на С.-В., въ полѣ—4 кургана.

11) Въ 3 вер. отъ дер. Егориной, въ 280 саж. отъ оз. „Корабельнаго“ на С.-З.—3 кургана.

12) Въ 2¼ вер. отъ дер. Штанской на Ю., въ полѣ—четыре кургана.

13) Въ 1½ вер. отъ дер. Большой Субботиной, на С.-В., въ полѣ—4 кургана.

14) Въ ½ вер. отъ с. Карасинскаго, на С.-В., въ полѣ—4 кургана.

15) Въ 2¼ вер. отъ дер. Малой-Бѣлы, при оз. Малобѣльскомъ—6 кургановъ.

16) Въ 3 вер. отъ дер. Воробьевой на В. и въ 200 саж. отъ оз. „Пустого“, между дорогами изъ с. Столбовскаго въ башкирскую дер. Майлыкъ, въ 50 саж. находится курганъ.

17) Въ 250 саж. на С. отъ него другой такой же курганъ.

18) Въ 2 вер. отъ с. Горшкова и въ 1 вер. отъ рѣчки Сижъ, въ полѣ—3 кургана.

19) Въ 250 саж. отъ сельца Медвѣдскаго на С. и въ 20 саж. отъ оз. Медвѣдскаго курганъ, имѣющій въ окружн. 5 саж.

20) Въ 2 вер. отъ дер. Малой Дерягиной и 80 саж. на З. отъ оз. Малаго Тетерья, отъ проселка въ дер. Сажину налѣво въ 100 саж. находится 1 курганъ.

21) Въ ½ вер. отъ той же дер. Малой Дерягиной на С., въ полѣ, курганъ такого же грунта и такого-же размѣра.

22) Въ 1½ вер. отъ дер. Карандышевой, около болота „Песчанаго“ три кургана въ равномъ между собою разстояніи.

23) Въ 4 вер. отъ дер. Кипельской, въ 6 саж. отъ проселка въ с. Чумлякское, на З.—два кургана.

24) Въ 2 вер. отъ с. Сухоборскаго, на З.—1 курганъ.

25) Въ 2½ вер. отъ этого кургана, по прямому направленію на В.—курганъ.

26) Въ 1½ вер. отъ дер. Щучьей, въ 50 саж. на С.-З. отъ оз. Песчанаго—курганъ. Отъ этого кургана въ 37 саж. такой же курганъ. Въ 5 саж. на З., еще курганъ. Чрезъ 5 и 7 саж. еще 3 кургана.

27) Въ 100 саж. отъ оз. Оринина и въ 50 саж. отъ послѣдняго кургана—курганъ.

28) За селомъ Островскимъ близъ оз. Островскаго, при кладбищѣ, находится „Княжескій“ курганъ. Около него разбросано безъ симметріи еще 5 кургановъ.

29) Въ ½ вер. отъ дер. Пивкиной на С.-В., около загороди или поскотины, находятся 10 кургановъ.

30) Въ 3 вер. отъ дер. Пивкиной на С.-В., въ 200 саж. отъ оз. Акъ-Куль, въ сторонѣ отъ дороги изъ г. Челябы въ слоб. Воскресенскую, направо въ 28 саж.—10 кургановъ, а налѣво въ 100 саж.—8 кургановъ.

31) Въ 1½ вер. отъ с. Чумляцкаго на В., въ полѣ—курганъ. Отъ этого кургана на С. по прямому направленію въ ½ вер.—курганъ.

32) Въ 3 вер. отъ с. Чумляцкаго на В., въ полѣ, находится курганъ.

33) Въ 184 саж. на В. еще курганъ.

34) Въ 1 вер. отъ этого кургана, въ полѣ еще курганъ.

35) На выѣздѣ изъ слоб. Куртамышъ, на проселкѣ въ дер. Растотурскую, въ 1 вер. на С.-В. и Ю.-В. по обѣимъ сторонамъ проселка по два кургана.

36) Въ 1½ вер. отъ с. Доновки, на проселкѣ въ дер. Бѣлоноговку, на С.-В. въ 200 саж. отъ проселка—курганъ.

37) Въ ½ вер. отъ с. Костылева на Ю., за оз. Цари, въ 100 саж. отъ берега этого озера—4 кургана.

38) Въ 7 вер. отъ дер. Песчаной, при оз. Песчаномъ находятся 2 кургана.

39) Въ 6 вер. отъ с. Становскаго, въ 1 вер. на С.-В. отъ р. Чесноковки и 50 саж. отъ проселка въ ст. Усть-Уйскую находятся 3 кургана.

40) Въ 3¼ вер. отъ с. Становскаго, между оз. Угловатымъ и Пѣтушьимъ-два кургана.

41) Въ 1½ вер. отъ дер. Березовой на Ю.-В. при оз. Малыхъ домовъ безъ симметріи разбросано 8 кургановъ.

Много кургановъ расположено по границамъ Челябинскаго у. съ Тобольскою губ., по

берегамъ Тобола и Куртамыша, впадающаго въ р. Тоболъ.

Курганы въ мѣстахъ пограничныхъ съ Тобольскою губ. нижеслѣдующіе:

1) Въ 2½ вер. на В. отъ с. Каменскаго въ 230 саж. на С. отъ р. Тобола, на равнинѣ, разбросано въ разныхъ направленіяхъ 18 кургановъ.

2) Въ 2¼ вер. отъ дер. Игнашина на С.-В., въ полѣ—4 кургана.

3) Въ 2½ вер. Разуева на С.-В., въ полѣ —2 кургана,

Въ 14½ вер. отъ дер. Закоулова на С.-В., въ полѣ-одинъ курганъ.

5) Въ 2½ вер. отъ дер. Толстопятовой, въ полѣ—4 кургана.

6) Въ 2 вер. отъ дер. Грызанова на С.-В., въ полѣ—три кургана.

7) Въ 3 вер. отъ дер. Камышной на С.-В., въ полѣ—три кургана.

8) Въ 3¼ вер. на С. В. отъ дер. Межевой, въ полѣ – четыре кургана.

9) Въ 238 саж, на С.-В. отъ дер. Бугровой, такъ прозванной, какъ говорятъ сами здѣшніе жители, отъ кургановъ или бугровъ, въ полѣ разбросано въ разныхъ направленіяхъ 14 кургановъ.

10) По большому тракту изъ Г. Челябы на гор. Шадринскъ, чрезъ стан. Міасскую, на выѣздѣ изъ города, на городской выгонной землѣ, по лѣвую сторону тракта видно основаніе большого кургана, насыпь котораго, повидимому, срыта, неизвѣстно зачѣмъ.

11) По той же дорогѣ въ 1½ вер., около часовни, называемой Ильинскою, на С.-В. въ сторону отъ дороги, въ 100 и 160 саж., находятся 2 кургана.

На владѣльческихъ земляхъ.

Въ ½ вер. отъ с. Петровскаго помѣщиковъ г.г. Качко, на проселкѣ въ дер. Васильевскую (г. Степового) и на винокуренный заводъ, бывшій г. Дурасова, въ 2 вер. отъ д. Васильевской, въ полѣ 11 кургановъ, разбросанныхъ въ разныхъ направленіяхъ и въ разстояніи 200 саж. отъ рѣчки Юргамышь.

Одинъ изъ этихъ кургановъ, самый большой, былъ разрытъ въ 1860 г. землевладѣльцами г. г. Качко, причемъ, по словамъ крестьянъ с. Петровскаго, найдены человѣчскіе черепа и кости, желѣзныя стрѣлы и еще какія-то мелкія серебряныя и мѣдныя вещицы.

Въ 2 вер. отъ с. Петровскаго по дорогѣ или проселку въ с. Кипельское, въ полѣ есть курганъ вышиною до 3 саж. По словамъ мѣстныхъ жителей, и этотъ курганъ былъ раскопанъ г. г. Качко.

На земляхъ башкирскихъ. Имѣются курганы при деревняхъ Новобахаревой (6),

Каксарлиной (5), Сафакулевой (3), Сюлюклиной (7),

Аджитаровой (17), Мансуровой (3), Карасевой (34).

Въ 3 вер. отъ дер. Бухаровой и ½ вер. отъ оз. Турналы есть курганъ. Въ 30 саж. на В. другой курганъ.

Въ 2½ вер. отъ дер. Мурзабаевой въ полѣ—2 кургана.

Въ 1½ вер. отъ дер. Сулеймановой на Ю-В. въ полѣ – 3 кургана.

Въ 2½ вер. отъ дер. Убалина на С-З. въ полѣ—4 кургана.

Въ 1½ вер. на Ю. отъ дер. Антыкаевой въ полѣ—2 кургана.

На земляхъ государственныхъ крестьянъ. Въ 2½ вер. отъ дер. Косулиной на С-В.—2 кургана.

Въ 1½ вер. отъ дер. Перушкина—курганъ.

Въ 1½ вер. на Ю-В. отъ дер. Кузнецовой въ полѣ—2 кургана.

Въ 2 вер. отъ дер. Монастырской на С-В въ 100 саж. отъ оз. Монастырскаго—3 кургана.

Въ 1½ вер. отъ с. Горшкова на Ю-В. въ полѣ—3 кургана.

Въ 2¼ вер. отъ дер. Колмаковъ -Камышъ на В. близь оз. Колмаковъ-Камышъ—4 кургана.

Въ 2 вер. отъ дер. Антиповки на Ю-В. въ полѣ—3 кургана.

Въ 1½ вер. отъ дер. Журавлевки на С-З. въ полѣ—4 кургана.

Въ 2¼ вер. на С-В. отъ дер. Татарской въ полѣ—2 кургана.

Въ 240½ саж. на Ю-В. отъ дер. Могильной, въ 120 саж. отъ оз. Идяшъ—14 кургановъ. Мѣстность, гдѣ находятся курганы зовется въ народѣ Чудскимъ кладбищемъ, отчего и самая деревня прозвана „Могильной“.

Становская вол. Въ 6 вер. отъ с. Становскаго въ казенномъ Верхне-Чесноковскомъ участкѣ—2 кургана; близъ дер. Островской, по направленію въ пос. Прорывному—6 кургановъ.

Челябинская стан. 10 кургановъ въ 1 вер. отъ пос. Сосновскаго, около р. Міяса, на ровномъ мѣстѣ; 3 насыпи въ 4 вер. отъ пос. Глубокинскаго, на возвышенномъ мѣстѣ.

Кипельская вол. Въ 2 вер. отъ дер. Гороховой, на высокомъ мѣстѣ 5 кургановъ; въ 1½ вер. отъ дер. Васильевской 3 кургана.

Долгодеревенская стан. Два кургана въ 3 вер. отъ пос. Касаргинскаго и въ 100 саж. отъ оз. Касарги, на высокой мѣстности; 6 кургановъ близъ с. Есаульскаго, на ровной мѣстности; 2 кургана близъ пос. Харлушевскаго, въ общественной казачьей рощѣ на высокой мѣстности.

Карачельская вол. Два кургана: въ ½ вер. отъ с. Карачельскаго и въ 1 вер. отъ д. Благовѣщенской; оба на высокомъ мѣстѣ.

Окуневская вол. 14 кургановъ при дер. Скоробогатовой и 5 при д. Игнатевой; всѣ на высокомъ мѣстѣ.

Куликовская вол. 2 кургана въ 1 вер. отъ с. Куликова и 2 близъ д. Егориной, около оз. Корабельнаго, всѣ расположены на возвышенной мѣстности. При раскопкѣ одного кургана, расположеннаго близъ с. Куликова (1860 г.), не найдено ничего.

Маслейская вол. 2 кургана близъ д. Никольской, на высокомъ мѣстѣ, и 1 курганъ въ 4 вер. отъ с. Островнаго, на ровномъ мѣстѣ.

Карасинская вол. 2 кургана близъ с. Карасинскаго, 1 близъ с. Щучьяго, 1 близъ д. Корчажинской, 4 близъ д. Редутской, 5 близъ д. Вилкиной и 2 на берегу рѣчки.

Таловская вол. 8 кургановъ близъ с. Таловскаго и д. Скоблиной, около р. Таловки.

Чумляцкая вол. сопки при с. Чумляцкомъ на высокомъ мѣстѣ.

Долговская вол. 20 кургановъ въ нарѣзкахъ: Пепелиной (5), Верхней (3), Косулиной (2), Рыбиной (2) Телѣгиной (6), при селѣ Долговскомъ (2) Раскопки нѣкоторыхъ кургановъ производились, но неизвѣстно, было ли что найдено.

Еткульская стан. Незначительные курганы въ разныхъ мѣстахъ Еткульской станичной дачи.

Березинская стан. По одному кургану: 1) въ 8 вер. отъ пос. Крутоярскаго, на высокомъ мѣстѣ; 2) въ 9 вер. отъ того же поселка на ровномъ мѣстѣ; 3) въ 8 вер. отъ того же поселка 4) въ 4 вер. отъ того же поселка, на высокомъ мѣстѣ. 5) въ 15 вер. отъ ст. Березинской, близъ озера; 6) въ 12 вер. отъ той же стан на ровномъ мѣстѣ; 7) въ 4 вер. отъ пос. Каракульскаго, на высокомъ мѣстѣ.

Куртамышевская вол. Городищъ нынѣ не сохранилось, но по народному преданію, около 1773 г. въ ожиданіи набѣга Пугачева, вокругъ с. Куртамыша былъ устроенъ земляной окопъ, длиной 1 вер., шириной 2½ саж. 4 кургана близъ с. Куртамыша; 1 курганъ близъ дер. Плоской, по дорогѣ въ с. Костылево.

Міасская вол. Курганы въ 1 вер. отъ Міясской крѣпости, (?) недалеко отъ р. Міяса; 1 курганъ въ 20 вер. отъ этой крѣпости, около Міясской горы; 2 кургана въ 23½ вер. отъ крѣпости, по дорогѣ къ пос. Петровскому. (Игн.)

Таловская волость. Въ 2½ в. отъ с. Таловскаго, на проселкѣ въ д. Скоблину, въ 1¼ в. отъ дер. Камаганъ и въ 244 с. на С. В. отъ р. Таловки—12 кург.

Около дер. Скоблиной имѣется валъ, идущій треугольникомъ: концы вала оканчиваются курганами. отъ одного кургана треугольникомъ идетъ валъ (не майданъ ли?), оканчивающійся снова курганами; всего въ валу 5 кург.

Въ 1863 г. кто-то изъ Таловскихъ крестьянъ раскопалъ одинъ изъ этихъ 5 кургановъ и нашелъ глиняную синюю чашечку, но изъ суевѣрнаго страха снова ее закопалъ.

По правую сторону отъ дороги изъ с. Таловскаго въ д. Скаблину противъ вала въ 1½ в. имѣется перелѣсокъ „Чудской или ямный боръ„, въ которомъ расположено въ рядъ 115 осыпавшихся отъ времени полуквадратныхъ ямъ 4×2 саж. Преданіе называетъ ихъ чудской деревней.

По дорогѣ изъ с. Иванова (Ивановской вол?.) въ слободу Воскресенскую также имѣются признаки такихъ же землянокъ.

Бѣлоярская вол. По дорогѣ изъ с. Краснояркаго въ д. Мокрый Логъ, противъ церкви 1 кург.

Ивановская вол. Въ с. Ивановѣ противъ домовъ бр. Бухаровыхъ и Бродникова 3 кург.

Бѣлоярская вол. Въ 3 в. отъ дер. Пивкиной на С. В. близъ оз. Акъ-Куль 8 кург. съ ямами на вершинахъ. По лѣвую сторону дороги въ с. Воскресенское 10 кург.

Чумлякская вол. Въ 1½ в. отъ с. Чумлякскаго на В. 2 кургана. Въ 3 вер. 2 кургана.

Далѣе, близъ с. Становскаго въ 1½ в. отъ дер. Березовой на Ю. В. при оз. Малыхъ Домовъ 9 кур., съ ямами на вершинахъ.

Въ 2½ в. отъ с. Каминскаго, въ 230 с. отъ р. Табола 18 кург. съ ямами на вершинахъ.

Въ 2¼ в. отъ д. Игнашино на С. В. 4 кург. съ провалами на верху.

На С. В. отъ д. Разуевой 2 кург.

Въ 1½ в. отъ дер. Закоулова на С. В. въ полѣ 1 кург.

Въ 2½ в. отъ дер. Толстопятовой 4 кургана, на верху провалы.

Въ 3 в. на С. В. отъ д. Каминной въ полѣ 3 кург.

Въ 3¼ в. на С. В. отъ д. Межевой въ полѣ 4 кург.

Въ ¾ в. на С. В. отъ д. Бугровой 14 кург.

Въ 2½ в. на С. В. отъ дер. Косулиной 2 кург.

Въ 1½ в. на Ю. В. отъ дер. Петрушкиной 1 кург.

Въ ½ в. Ю. В. отъ дер. Кузнецовой 2 кург.

Въ 2 в. отъ д. Монастырской близъ оз. Монастырскаго на С. З. 3 кург.

Въ 2 в. отъ с. Петровскаго по дорогѣ въ с. Капельское 1 кург. 3 с. высотою. (Рук. Игн.)

Нижеслѣдующія свѣдѣнія о курганахъ взяты нами изъ статьи И. С. Шукшинцева (l. c.).

Андреевская вол. Село Покровское. Въ дачахъ 2 кургана, выс. 4 арш., окр. 15—30 с; при хищн. раск. найдено: лѣсъ и человѣческія кости.

Дер. Татарская. Въ дачахъ 3 кург, выс. 1½—4 арш. окр. 30—40 саж.

Дер. Андреевка; въ дачахъ 2 кург. выс. 2—3 арш., окр. 35—40 саж.

Бѣлоярская вол. Село Пивкино. Въ дачахъ 5 кургановъ, выс. 2—3 арш., окр. 35—40 с.

Долговская вол. Въ нарѣзкахъ деревень и селъ: Жукова, Сорокина, Верхняя, Долговское, Пепелино 7 кург., выс. 2—4 ар., окр. 10-20 с., при хищн. раск. найдено: кости человѣка, угли, зола, мѣдныя копьянки, камешки.

Введенская вол. Село Введенское. При оз. Пятки 1 кург. выс. 2 ар., окр. 5 с.

Заманиловская вол. Дер. Фроловка, Бѣлочинка тожъ. Въ дачахъ 2 кург, выс. 1 с., окр, 5 с.

Иванковская вол. Дер. Ушакова. Въ дачахъ 1 кург, выс. 1½ с., окр.-10; при хищн. раск. найдено: на глуб. 14 ар. деревянные столбы, доски.

С. Иванково. Въ дачахъ 3 кург. выс. 2½ ар., окр. 8—10 с.

Каменная вол. Село Каменное, въ дачахъ 8 кург., выс. 1½ ар.

Каминская вол. Въ дачахъ с. Закоулово, дер. Игнашиной, Черкасовой и Язеевой 7 кург., выс. 4—5 арш.

Карачельская вол. Сел. Карачельское. По бер. Міаса 4 кур., выс. 1½ 2 арш., окр. 29—36 с.

Дер. Благовѣщенская, въ дачахъ 12 кург. окр. 25—56 с.

Кипельская вол. Близъ с. Кипельскаго между дер. Бараховой и Токаревой 2 кург. выс. 1—2 с., окр. 20—25 с.

Кислянская вол. С. Островское, близъ него 1 кург. выс. з. с., окр. 250 с.

С. Малобѣловодское, Въ уроч. Бугоръ 1 кург. выс. 1½ с., окр. 15 с. При хищн. раскоп. найдены угли.

Метелевская вол. При с. Метелевскомъ при оз. Кадагачъ 2 кург.

Сухоборская вол. При с. Сухоборскомъ и дер. Шучьей 2 кург. выс. 4½ ар., окр. 34 с.; при хищн. раск. найденъ черепъ человѣка, удила, мѣдный сѣдельный приборъ.

Чумлянская вол. При с. Чумлякѣ, по бер. р. Міасъ 7 кург. выс. 1½—2½ ар. окр., 20—30 с. На поверхн. находили ножи, кинжалы, черепки.

Долгодеревенская стан. Бухаринскій пос. При р. Изюлгѣ 2 кург. выс. 1 ар., окр. 3 с.

Кременкульскій пос. Въ уроч. Барханъ (Сорочій Логъ) 1 кур., выс., 1 арш., окр. 21 с.

Еткульская стан. Кораблевскій пос. Въ дачахъ 2 кург. выс. 1½—2 ар., окр. 35 с.

Еманжелинскій пос. Въ дачахъ 9 кург., выс. 1½ – 2½ ар., окр , 15—25 с.

Каратабанскій пос. Въ дачахъ 2 кург., выс. 1—1½ ар. окр , 15 с

Селезянскій пос. Въ дачахъ 9 кург., выс. 1 – 1½ ар., окр. 10 - 12 с., при хищн. раск. найд. кости человѣка, глиняные черепки.

Аткульскій пос. Въ дачахъ 2 кург., выс. 3 - 4 ар., окр. 10—30 с.

Журавлевскій пос. Въ дачахъ 10 кург., выс. 1—1½ ар., окр. 7—10 с.

Еткульскій пос. При оз. Топкое, М. Сарыкуль 20 кург., выс. 2½—3 арш., окр. 18—30 саж.

Сухоруковскій пос. Въ дачахъ 3 кург., выс. 2 ар., окр. 6 с. при хищн. раск. найдены угли и кости.

Соколовскій пос. При оз. М. Сары-Куль 5 кург., выс. 2—3 ар., окр. 15—25 с.

Звѣриноголовская ст. Озерный пос. Въ уроч. Озеро Поспѣлово, Горькое, Черкасова дорога 7 кург., выс. 1½—2 ар., окр. 7—30 с.

Звѣриноголовскій пос. Въ дачахъ 2 кург., выс. 2 с., окр. 15 с.

Прорывный пос. Въ дачахъ 2 кург., выс. 6—9 с., окр. 8—28 с., при хищн. раск. найдено: кости человѣка, глиняныя черепки.

Міасская станица. Баландинскій пос. Въ дачахъ 1 кург., выс. 3 ар., окр. 20 с.

Тумовскій пос. При оз. Мыркай 3 кург., выс. ½—1 ар., окр. 20 с.

Таукаевскій пос. Въ уроч. Кумутъ-бай, Кумъ-башъ 3 кург., выс. 1½ ар., окр. 10 с.

Усть-Уйская станица. Кочердыкскій пос. Въ дачахъ 1 кург., выс. 4 ар., окр. 42 с.

Бутаковскій пос. Въ дачахъ 7 кург., выс. 1½—2 ар., окр. 5—10 с.

Полетаевскій пос., при р. Биргильды, Кара-Елга 13 кург., выс. ½—2 ар., окр. 4—25 с.; при хищн. раск. найдены: кости живот., чугун. горшокъ.

Киселевскій пос. Въ дачахъ пос. 40 кург., выс. 2—3 арш., окр. 2—10 с.

Черняковскій пос. по бер. р. Міаса 70 кург., выс. 2 ар., окр. 10 с.; при хищн. раск. найдено: кости человѣка, каменная треугольная плита 2½ арш. толщиною. (Шукш.)

Въ своемъ частномъ письмѣ ко мнѣ отъ 20 марта 1909 г., г. Н. Минко, занимающійся раскопками въ Челябинскомъ уѣздѣ, сообщилъ слѣдующее:

„Мной болѣе или менѣе подробно осмотрѣны окрестности города Челябинска радіусомъ 20-25 верстъ во всѣ стороны. Курганы встрѣчаются около всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ озеръ и по берегамъ какъ рѣки Міасса, такъ и всѣхъ его даже совсѣмъ незначительныхъ притоковъ. Встрѣчаются большими группами до 60 и болѣе кургановъ большей частью разбросанныхъ безъ сколько-нибудь замѣтнаго порядка,но иногда правильными рядами. Почти всѣ весьма незначительной величины: имѣющіе до 2-3 арш. высоты попадаются очень рѣдко и почти всегда стоятъ одиноко. По внѣшнему виду всѣ курганы можно разбить на три вида:

1) Обыкновенная земляная насыпь, имѣющая видъ опрокинутаго блюдца, иногда съ незначительной впадиной на вершинѣ.

2) Таковая же, но съ незначительной канавой вокругъ основанія и

3) Основаніе земляной насыпи обложено небольшими каменными плитами.

Курганы третьей категоріи, насколько мнѣ удалось выяснить, содержатъ въ себѣ трупосожженія, хотя послѣднія попадались мнѣ и въ курганахъ первой категоріи.

Кургановъ второй категоріи (кстати сказать послѣднихъ я встрѣтилъ только пять, около поселка Чурипово) мнѣ вскрывать пока не приходилось.

Еще могу добавить, что только въ указанной мною мѣстности имѣется кургановъ болѣе 800, изъ какого числа мной вскрыто въ теченіи трехъ лѣтъ около 70-ти". (Кастанье).

Городища Челябинскаго уѣзда.

Бѣлоярская вол. Въ 2 вер. отъ дер. Косулиной, въ 30 саж. отъ р. Міасса, въ 60 саж. отъ водяной мельницы Крылова, на высокомъ мѣстѣ-городище четыреугольной формы, длиной 68 саж. шир. 60 саж. и 35 саж., окруженное съ Ю. окопомъ, а съ остальныхъ рвами. Это городище извѣстно подъ именемъ Зимовье Ермака Тимоѳеевича.

Становская вол. Въ 6 вер. отъ д. Сѣтовой на казенной оброчной землѣ подъ названіемъ Андроновскій участокъ № 27, на ровномъ, степномъ, нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ-городище.

Кислянская волость. Городище въ 200 с. отъ с. Островскаго, по направленію къ выс. Вахмянскому (нынѣ дер. Вохминская) на высокомъ мѣстѣ, на бер. оз. Тишкова.

Въ 54 в. отъ г. Челябы, близъ д. Мокрый Логъ, на берегу р. Міаса есть городище, называемое „Чертовой городьбой". Городище это круглое, безъ входовъ, 79 саж. въ окружности; насыпь вала состоитъ изъ черноземнаго съ примѣсью песчанаго грунта; высота вала отъ осыпа неравномѣрная; мѣстами она достигаетъ 1 саж. и 2 арш.; внутри городища густо разрослись тальникъ, береза и ветла.

Въ 100 саж. отъ городища на востокъ находится курганъ, вышиною въ 2 саж. и 14— въ окружности, а близъ самой дер. Мокрый Логъ, на противоположномъ берегу той же рѣки—3 кургана приблизительно той же высоты, что и первый.

Другое городище—у деревни. Гороховой, близъ рѣки Юргамышъ; въ народѣ оно зовется „чудскимъ городкомъ". Городище это точно такой-же формы, но окружено канавой и имѣетъ 2 входа съ В. и З. стороны; окружность вала и рва $47^1/_3$ с., вышина вала 1 саж.; глубина канавы $1^1/_4$ арш; со стороны входа канавы нѣтъ; насыпь вала суглинистая. (Игнат.)

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ РАСКОПОКЪ.

Обзоръ научныхъ раскопокъ, произведенныхъ въ степныхъ мѣстностяхъ Оренб. Края, былъ представленъ мною на засѣданіи Оренб. Уч. Арх. Ком. 19 окт. 1906 г. Изъ этого обзора видно, что первыя извѣстныя раскопки, предпринятыя въ указанномъ выше раіонѣ, принадлежатъ Р. Г. Игнатьеву, который ихъ произвелъ въ 1865 г. по близости отъ Міасса въ Тунгатаровской вол. Троицкаго уѣзда Орен. губ.

Курганы, раскопанные г. Игнатьевымъ, расположены въ числѣ 21 на склонѣ Кавелинской горы; они представляются въ видѣ плоской круглой насыпи діаметромъ 3—7 арш. высотою 3—7 четв. арш. Раскопано 5 кургановъ. По снятіи дерна и слоя въ 2 верш. чернозема въ насыпи были находимы мелкіе угли, древесная зола, кости человѣка, зубы и копыта лошади. Затѣмъ глубже тѣ и другіе кости встрѣчались перемѣшанными. Въ 3 курганахъ были найдены плиты камня, которыми повидимому была обложена насыпь.

Авторъ заключаетъ, что курганы были уже расхищены. Въ центрѣ 2-хъ кургановъ, на глубинѣ 1 саж., найдены желѣзныя стрѣмена, удила и ихъ обломки и нѣсколько другихъ желѣзныхъ предметовъ сбруи. Въ одномъ неразграбленномъ курганѣ найдено 2 скелета, лежавшіе ногами крестъ на крестъ, головами отъ востока къ западу (на востокъ?), при скелетахъ никакихъ вещей не найдено. Въ раскопанныхъ курганахъ найдены главнымъ образомъ серебряные предметы, какъ то: обломки браслета, серегъ, колецъ и другихъ украшеній, гвоздики, бляхи, главнымъ образомъ разломанныя серебряныя трубочки, затѣмъ золотая серьга, стеклянная синяя бусина, 2 мѣдн. након. стрѣлъ, глиняные черепки.

Затѣмъ, раскопано 2 изъ 10 кургановъ, находящихся въ 3½ в. къ С.-В. отъ Мулдакаевскаго рудника близъ р. Убалы. Насыпь кургановъ изъ чернозема и красной глины, мѣстность—гористая, лѣсная, при раскопкѣ канавами (траншеями) найдены въ курганѣ кости человѣческія и животныхъ, повидимому верблюжьи; было погребено 2—3 трупа, вещей никакихъ не найдено, курганъ повидимому расхищенъ; въ другомъ курганѣ найдены разрозненныя и разломанныя человѣческія кости, лошади, верблюжьи. Изъ вещей серебряныя—подобныя Кавелинскимъ, но никакого оружія, красноглиняные съ разводами черепки и т. п. Трупъ въ послѣднемъ курганѣ положенъ на землю, а не въ яму, и сверхъ насыпанъ курганъ.

Почти всѣ находки были представлены въ Импер. Арх. Общ. Часть предметовъ изъ раскопокъ г. Игнатьева была передана въ Уфимскій

музей. (Сбор. ст., истор. и археолог. свѣд. по бывш. Оренб. нынѣ Уфим. губ. Уфа, 1868 г., Труд. I Археол. Съѣз. 1869 г. М т. I, стр.154).

Часть перечисленныхъ выше вещей изъ кургановъ близъ Кавелинской горы представлена Н. И. Булычевымъ въ его изданіи „Древности изъ Восточной Россіи“ М. 1902 г. стр. 23 таб. IX и X. Вещи совершенно тѣхъ же типовъ (кромѣ чугунной маски) найдены въ кунгурскомъ Бродовскомъ могильникѣ, относящемся къ IX—отчасти къ VIII в. А. Спицынъ. Изв. Арх. Ком. в. V.

Затѣмъ г. Игнатьевъ произвелъ раскопки въ Челябинскомъ уѣздѣ близъ д. Скоблиной Таловской вол. въ урочищѣ Чудской боръ, на мѣстѣ коего будто-бы въ старину стояла чудская деревня изъ землянокъ. Онъ разрылъ 30 ямъ, изъ которыхъ въ каждой на глубинѣ 3 аршинъ находилъ очаги (каменки), угли и черепки битой посуды (по Нефедову — Археологическія изслѣдованія въ Южномъ Прiуралье стр. 2, ссылка на Уфим. Губ. Вѣд. 1876 г. № 31. Также рукоп. Игн.)

II.

Вторымъ крупнымъ изслѣдователемъ былъ Ф. Д. Нефедовъ, производившій раскопки кургановъ въ Приуральи въ 1876—1888 г. г.

Лѣтомъ 1887 г. онъ раскопалъ 5 кургановъ въ 2—3 вер. отъ станицы Верхнеозерной Орен. у. (у автора, стр. 5, сказано Нижнеозерной, но очевидно ошибочно) близъ Ильменя (озера). Курганы оказались очень древними, всѣ скелеты истлѣвшими, вещей при нихъ не оказалось, кромѣ глиняныхъ черепковъ и горшковъ, оказавшихся большею частью въ ногахъ; одинъ разъ пять горшковъ стояло передъ лицомъ и согнутой рукой скелета. Скелеты лежали въ вытянутомъ положеніи, на спинѣ или на боку и головою на западъ.

Вторыя раскопки г. Нефедовъ произвелъ около д. Пчельникъ, въ 1 в. отъ Илецкой Защиты. На курганахъ, которыхъ въ 1884 было замѣтно до 60, а въ 1888 г. 12—построена самая деревня. Изслѣдовано 7 кургановъ. Погребенія довольно разнообразныя; одно верхомъ на лошади (женское ? авт.) подъ заливомъ; при этомъ погребеніи около шеи найденъ бронзовый аграфъ въ видѣ изогнутой змѣи съ тѣломъ изъ головъ грифоновъ. Отмѣчается присутствіе на груди бронзовыхъ бляхъ или латунныхъ зеркалъ, съ остатками подъ ними тканей (шерстяныхъ), бересты около стана или головы, предметовъ бронзовыхъ, желѣзныхъ, чугунныхъ и пр. Жители со словъ казаковъ называютъ эти курганы чудскими.

Третьи раскопки—около пос Мертвецовскаго. Изъ множества прежде бывшихъ кургановъ сохранилось до 200; раскопано 19. Въ первыхъ двухъ особый типъ погребенія—въ деревянныхъ гробницахъ, на спинѣ, головою на З. и Ю-З. Кожаная обувь, вещей нѣтъ. Въ остальныхъ курганахъ—масса желѣзныхъ предметовъ, береста, на груди бронзовыя бляхи, обернутыя въ ткань, стеклянныя бусы, горшечные черепки. Въ курганѣ № 3 въ ногахъ скелета найдена группа изъ двухъ фигуръ, сдѣланныхъ изъ желѣза и прикрѣпленныхъ къ желѣзному или чугунному подножью: одна фигура изображаетъ голову птицы, другая извивающуюся змѣю.

Четвертыя раскопки—произведены сотрудниками г. Нефедова: учителемъ г. Барановымъ у пос. Ветлянскаго и студ. г. Дмитревскимъ около ст. Изобильной, но безрезультатно.

Пятыя.—Въ $5^1/_2$ в. къ С. отъ Илецкой Защиты, по старому караванному тракту, на песчаномъ пологомъ берегу р. Песчанки 7 кургановъ, изслѣдовано 4. Обнаружено присутствіе серебряныхъ височныхъ колецъ, круглыхъ бронзовыхъ бляхъ съ тканями на груди и т. п.

Шестыя.—На Ю. отъ пос. Мертвецовскаго по направленію къ р. Ветлянкѣ въ 7 в. находится низкій долъ-лиманъ—заливаемый весенними водами р. Илека. Между этимъ лиманомъ и лѣвымъ берегомъ р. Ветлянки находится на возвышенности болѣе 10 кургановъ; было изслѣдовано 7. Въ одномъ курганѣ прекрасно сдѣланный каменный гробъ, заключавшій одинъ песокъ, рядомъ съ гробомъ найденъ прекрасно сохранившійся скелетъ, на спинѣ, головою на Ю.-В., при немъ желѣзныя удила и др. предметы, подъ пра-

вой плечевой костью остатки колчана, украшеннаго костяными пластинками съ орнаментомъ. Одинъ курганъ со сводомъ изъ залива, въ курганѣ— костякъ съ берестой, на груди кольцо и пластинка.

Седьмыя раскопки.—На правомъ берегу р. Елшанки, въ 8 в. къ С.-З. отъ Илецкой Защиты, близъ Казенной мельницы находятся 8 кургановъ сохранившихся и много разрушившихся, изслѣдовано 8 кургановъ; отмѣчаются на груди остатки матеріи, зеркальца, серебряныя височныя кольца, стеклянныя бусы и т. п.; въ курганѣ № 2 берестяный колчанъ; курганъ № 8 съ заливомъ изъ песку и извести въ 3 в. толщиною, подъ которымъ гробница (каменная?) и костякъ въ сидячемъ положеніи.

Восьмыя раскопки.—На горѣ Мертвыя Соли; изслѣдовано 4 кургана—на одномъ женскомъ скелетѣ ожерелье изъ 4 продолговатыхъ коралловыхъ пронизокъ и 7 янтарныхъ бусъ грубой работы. На поясахъ мужскихъ скелетовъ бронзовыя пряжки, рядомъ желѣзныя удила и др. желѣзные предметы. На восточной сторонѣ горы изъ 25 кургановъ изслѣдовано 10. Эти курганы авторъ относитъ къ Ногаямъ; вершины нѣкоторыхъ провалились. Всѣ характеризуются устройствомъ могилы: въ землѣ, на глубинѣ 2—3 аршинъ устраивался деревянный склепъ; въ ногахъ и головахъ ставились вертикально толстыя колья, а между ними (и стѣнами?) въ длину и ширину плахи, скелетъ клался на спину, головою къ С.-З, Ю.-З. Въ ногахъ клались древесные угли. Вещей не было.

Девятыя раскопки.—Близъ станицы Павловской на бер. р. Урала, въ 7 в. отъ дороги въ пос. Дѣдуровскій, изслѣдовано 4 кургана. Въ курганѣ № 1—погребеніе на материкѣ; на черепѣ—бронзовая круглая шапка—въ родѣ таза изъ листовой мѣди, надъ погребеніемъ куски сгнившаго дерева; въ курганѣ № 2—погребеніе верхомъ на конѣ; при бедрѣ желѣзный кинжалъ; № 3—женскій скелетъ, на спинѣ, головою на Ю.-В.; въ ногахъ глиняный сосудъ и угли. На груди половина бронзоваго медальона; около лѣвой руки морская раковина, подлѣ правой кусокъ мѣла и грубое подобіе чашечки, выдолбленой изъ куска легкаго ноздреватаго камня, наполненной краснымъ веществомъ.

Десятыя раскопки.—На выгонѣ ст. Павловской, по лѣвому берегу р. Донгусъ раскопано 7 кургановъ, характеризующихся погребеніемъ въ могильной ямѣ въ 1 арш. глубиною; надъ могилою дѣлался заливъ изъ песка и алебастра, поверхъ котораго клалось дерево—доски, скелеты то на спинѣ, то на боку, почти всѣ головою на З., вещей не оказалось.

Одинадцатыя раскопки.—Произведены были около Алебастровыхъ горъ, въ 10—12 в. къ Ю-В. отъ Павловской станицы, гдѣ находилось до 150 кургановъ; изслѣдовано 20; всѣ оказались одинаковаго устройства. Въ алебастровомъ грунтѣ выкапывали могилу длиною $2^3/_4$ арш., глубиною 2 арш., трупы прямо клали въ могилу и засыпали алебастромъ и камнемъ; костяки прекрасно сохранились; положены на спину, головою къ В., вещей никакихъ не найдено. Въ одной могилѣ въ головахъ стояла каменная, кверху закругленная плита съ начертаніемъ султанской тамги. Здѣсь же раскопанъ курганъ, извѣстный у казаковъ подъ названіемъ Ханской могилы, увѣнчанный чалмою, сдѣланною изъ бѣлаго камня. Обнаружено погребеніе на конѣ; на поясѣ бронзовая пряжка, у лѣваго бедра длинная прямая сабля; въ ногахъ всадника угли и зола.

Раскопки г. Нефедова пояснены прекрасно изданными таблицами рисунковъ. Въ „объясненіи таблицы 3“ сказано, что въ одномъ изъ кургановъ близъ д. Пчельникъ (вторыя раскопки по номераціи) были найдены двѣ восточныхъ монеты династіи Шейбанидовъ, Абдулъ-Латифъ-Хана—947-956 г. г., битыхъ вѣроятно въ Бухарѣ, позволяющія отнести эти курганы къ XVI вѣку. (Археологическія изслѣдованія въ Южномъ Приуралѣ 1887—1888 г. г. и Прикамьи 1893—1894 г.г. Ф.Д. Нефедовъ. Отд.отт. изъ „Матеріаловъ по арх. восточныхъ губерній“, изд. Имп. Моск-археол. общ. Т. 3.)

III.

Въ 1889 году г. Петри произвелъ раскопки внутри развалинъ извѣстнаго древняго

зданія Кисене близъ пос. Варнинскаго Великопетровской станицы въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ. При удаленіи мусора изъ зданія найдена темянная кость человѣка и множество бараньихъ и лощадиныхъ костей, помѣченныхъ красной краской. Кости животныхъ занесены киргизами съ цѣлью отвода отъ себя болѣзней. Почти весь полъ былъ уже изрытъ кладоискателями. Г. Петри произвелъ раскопки у сѣверной стѣны, противуположной входнымъ дверямъ. Сначала былъ цементный, крѣпкій, хотя и не толстый полъ; ниже его на 3/4 арш. найденъ уголь и мелкіе, повидимому, обожженныя кости, не человѣка. На 1 1/2 арш. глубинѣ найдены лубокъ и доски, обрисовавшіе до нѣкоторой степени человѣческую фигуру. Въ лубкѣ, покрывавшемъ черепъ, сдѣланы были отверстія для глазъ и для рта.

Подъ этимъ покровомъ былъ найденъ женскій скелетъ длиною 2 арш. 6 в. Вокругъ шеи скелета была обмотана шелковая ткань, отчасти сохранившаяся. При черепѣ были найдены 2 золотыя серьги съ друмя жемчужинами и яхонтомъ на каждой. Подобныя серьги, по сообщенію мѣстныхъ жителей до сихъ поръ цѣнятся у калмыковъ. На рукахъ найдены 2 золотыхъ перстня съ арабесками и зеленовато голубыми камнями. Черепъ монгольскаго склада, не типичный. У западнаго окна найденъ цѣльный черепъ монгольскаго типа и бараньи кости. Ближе къ центру обломки третьяго черепа и обломки небольшой деревянной палицы, окрашенной въ малиновый цвѣтъ. По показаніямъ жителей, подобныя палицы въ настоящее время употребляются при охотѣ на волковъ. Древности изъ раскопокъ г. Петри находятся въ Историч. музеѣ. (Отчетъ. Имп. Археол. Ком. за 1889 г.)

IV

Въ 1889 году Петръ С. Назаровъ изслѣдовалъ нѣсколько кургановъ въ Орскомъ уѣздѣ между р. Сакмарой и Губерлинскими горами. Курганы были круглой формы и сверху усыпаны камнями. Скелеты лежали по направленію С. на Ю. и С.-З. на Ю.-В. Изъ предметовъ найдены браслеты изъ красной мѣдной проволоки, мѣдные наконечники стрѣлъ и глиняные сосуды. (Замѣтка о курганахъ Орскаго уѣзда Оренб. губ. Дневн. Антроп. Отд. Вып. III, 1890 г. Труд. Антр. Отд. Т. XII. Изв. И. об. Люб. Е. Антр. и Этн. Моск. Унив., а также: Курганы Бук. орды, А. Харузина, стр. 27).

Въ отчетѣ Археологической комиссіи за 1894 г. можно читать слѣдующее сообщеніе, касающееся Оренбургск. губ. Выкопана костяная рукоять съ изваяннымъ на ней изображеніемъ фантастическаго звѣря и 6 мѣдныхъ маленькихъ наконечниковъ стрѣлъ, найденныхъ въ курганѣ „**Черная гора**“ на землѣ Абрамовки Оренб. уѣзда и подаренные Археологической коммиссіи въ даръ А. В. Толстымъ.

Оффиціальныя свѣдѣнія о хищническихъ раскопкахъ за 1895 г. мы находимъ въ Отч. Имп. Арх. Ком. 1895 г. стр. 190; замѣтка гласитъ: „Въ Казанск. Общ. Арх. Ист. и Этногр. поступили изъ хищнической раскопки изъ с. Воздвиженскаго Оренб. уѣзда бронзовые и желѣзные наконечники стрѣлъ и обломки бронзовой бляхи.“

V

Въ 1897 году г. Поповъ произвелъ изслѣдованіе 4 кургановъ вблизи г. Оренбурга. Одинъ курганъ находится къ С.-З. отъ города въ 7 вер. въ поемныхъ лугахъ р. Сакмары, на берегу Шиханного озера, близъ р. Каргалки. Въ насыпи кургана встрѣчалось много плитъ краснаго песчаника, кости лошади, барана, человѣка, собаки, птицъ, грызуновъ, рогатаго скота-большею частью въ обломкахъ. На глубинѣ 2 арш. въ насыпи, въ центрѣ кургана, найденъ полный скелетъ крупнаго рогатаго скота, лежавшій на лѣвомъ боку, головою къ югу

Подъ этимъ скелетомъ еще на 2 1/2 арш. почти на уровнѣ материка оказались черепъ, передъ и задъ лошади. Въ насыпи же, отъ центра къ Ю. Ю.-З., въ 8.-6, арш. на глубинѣ отъ поверхности насыпи въ 1 1/2 арш., найдено 5 скелетовъ человѣка, въ 2 слоя, въ верхнемъ 2, въ нижнемъ 3 скелета; скелеты

лежали горизонтально, на спинѣ, ногами на В. тѣсно другъ къ другу, всѣ мужскіе; къ нимъ найдено 2 черепа безъ нижнихъ челюстей, отъ 2-хъ череповъ только основныя кости, необыкновенно тонко отдѣленныя отъ череповъ, положенныя на груди скелетовъ; къ пятому скелету черепа не оказалось. Между центромъ кургана и скелетами найденъ разломившійся отъ тяжести земли горшокъ ручной работы.

На 3. отъ центра кургана въ 7—8 арш., въ насыпи кургана на глубинѣ 1/2 арш., найдена правая малоберцовая кость человѣка. Нѣсколько къ Ю. отъ этой кости, глубже на 1 арш. найденъ скелетъ человѣка безъ правой малоберцовой кости, лежавшій лицомъ внизъ горизонтально, ногами на востокъ. Правая малоберцовая кость найдена на 1 арш. къ В. отъ большеберцовой, прямо по линіи скелета.

Относительно скелетовъ человѣка и скелета быка можно сказать, что они всѣ лежали приблизительно въ одномъ уровнѣ насыпи. Подъ головнымъ концомъ послѣдняго скелета человѣка глубже его на 1 арш. найдены 2 горшка цѣлые, наполненные землею. Курганъ не оконченъ изслѣдованіемъ.

Вторыя раскопки произведены г. Поповымъ на Бердинской горѣ, на С. отъ Оренбурга въ 1 1/2 в. Здѣсь изслѣдовано 3 кургана. Въ первомъ курганѣ (по плану Макаренко №4, Отд.рук.Ком.) найдено 3 не вполнѣ полныхъ скелета въ разнообразныхъ и странныхъ положеніяхъ, хотя курганъ несомнѣнно не разграбленъ. Въ насыпи встрѣчались мелкіе отломки костей лошади, барана и человѣка, черепки, угли. Изъ предметовъ найдено: остатки кожанаго колчана съ 22 мѣдн. наконечниками стрѣлъ съ слѣдами древковъ, мѣдное зеркало, полный раздавленный горшокъ, нѣсколько проржавѣвшихъ предметовъ изъ желѣза, расколотое на 4 части блюдо изъ кварцеваго песчаника съ орнаментомъ на нижней части.

Во второмъ курганѣ (на планѣ Макаренко № 3) найдено 2 погребенія, въ одномъ была погребена только правая половина скелета, у черепа не было нижней челюсти, въ насыпи встрѣчались внизу ямы отдѣльныя человѣческія кости.

Въ третьемъ курганѣ (по плану № 2) найдено одно чрезвычайно истлѣвшее погребеніе. Съ лѣвой стороны головы лежалъ проржавѣвшій ножъ или кинжалъ, подъ черепомъ осколокъ горшка. (Труд. Оренб. Уч.Арх. Ком. вып. IV. 1898 г.)

VI

Въ томъ же 1897 г. сельскій учитель г. Барановъ произвелъ разслѣдованіе кургана близъ с. Вознесенскаго Троицкаго уѣзда. При раскопкахъ были найдены: желѣзный наконечникъ копья съ немного уцѣлѣвшимъ древкомъ переломленный желѣзный кинжалъ, мѣдные наконечники стрѣлъ и черепки глинянаго сосуда. (См. отдѣлъ рукописей въ Архивѣ Комиссіи).

VII

Въ 1901 г. священникъ Александръ Инфантьевъ разслѣдовалъ 1 курганъ въ 2 в. на С.-З. отъ села Редутскаго Каминской волости Челябинскаго у. Окружность кургана 14 саженъ, діаметръ 4 саж. 2 арш., высота 1 арш. На глубинѣ отъ вершины кургана на 4 1/4 арш. найдено погребеніе головою на С.-З., ногами на Ю.-В. на спинѣ. Въ головахъ былъ поставленъ глиняный сосудъ, найденный разбитымъ. Съ лѣвой стороны скелета на С.-В. найденъ изоржавѣвшій желѣзный предметъ, какъ бы кинжалъ.

Выше этого погребенія на 1 1/4 арш. найдены въ центрѣ кургана изоржавѣвшіе желѣзные слитки. (См. отдѣлъ рукописей въ Архивѣ комиссіи.)

VIII.

Въ томъ же 1901 г. священникъ Илья Инфантьевъ изслѣдовалъ 3 кургана: 1) курганъ въ 1 в. на Ю. отъ села Ерохинскаго Кипельской волости, Челябинскаго уѣзда, на склонѣ сѣвернаго берега р. Клепичихи. Въ насыпи кургана на 1/4 арш. найдены кости лошади. Въ материкѣ оказалась могильная яма 2 арш. длины, 2 арш. ширины и 1 арш. глубины. Трупъ повидимому былъ похороненъ въ сидячемъ положеніи, надъ нимъ былъ

настланъ потолокъ изъ дерева, который совершенно сгнилъ, обрушился и раздавилъ скелетъ. Вблизи погребенія найдена была синяя стеклянная буса на желѣзномъ крючкѣ и кусокъ проржавѣвшаго желѣза. 2) Курганъ въ 1/2 в. на С. отъ с. Ерохинскаго, находится на равнинѣ, имѣющей наклонъ къ югу, гдѣ въ 1/2 в. течетъ р. Юргамышъ. Найденная въ курганѣ могильная яма имѣла размѣры длина 2 3/4 арш. ширина 1 1/2 арш., глубина 2 арш., Размѣры самаго кургана: высота 2 аршина, діаметр. 7 аршинъ. Скелетъ, весьма плохой сохранности, лежалъ головой на югъ, на спинѣ, руки раскинуты въ стороны. Съ правой стороны головы лежали мѣдныя удила, нѣсколько дальше—глиняный горшокъ. Съ лѣвой стороны скелета, противъ бедра, мѣдный наконечникъ стрѣлы. Здѣсь же найдены три синихъ стеклянныхъ бусины. 3) Третій курганъ начатъ былъ раскопкой, но за наступившей осенней непогодой недоконченъ (См. отдѣлъ рукописей въ Архивѣ Комиссіи).

IX.

Въ 1902 году г. Аниховскій началъ раскопкой курганъ близъ пос. Красногорскаго. Оренб. уѣзда.

При осмотрѣ кургана г. Аниховскимъ оказалось, что жителями названнаго поселка были начаты раскопки съ цѣлью кладоискательства (о чемъ было своевременно сообщено Арх. Ком. сотникомъ Литвиновымъ). Предметы найденные кладоискателями, какъ то: три желѣзныхъ совершенно изъѣденныхъ ржавчиной и развалившихся на множество кусковъ меча, сплюснутый красной мѣди котелъ, обломки желѣзной трубки и мѣди были отобраны и препровождены въ музей Комиссіи г. Литвиновымъ.

Курганъ, или шиханъ, какъ называютъ мѣстные жители, находится къ С.-З. въ 1 1/2 в. отъ поселка, въ вершинѣ Сухой рѣчки, между большимъ Орскимъ трактомъ и Сакмарской дорогой, въ 75 в. отъ Оренбурга. Внѣшній видъ шихана и другихъ Красногорскихъ кургановъ представляетъ какъ бы опрокинутые вверхъ дномъ блюдечки. Діаметръ окружности описываемаго шихана у основанія 15 саж.; высота насыпи до 6 арш. Подъ насыпью видны были прослойки въ 1—2 пальца толщиною совершенно струхлѣвшаго соснового дерева, какъ бы досокъ, закрывающихъ образованную подъ ними въ материкѣ круглую яму, діаметромъ въ 5 арш., яма книзу немного суживается. Подъ слоемъ гнилого дерева (верхъ ямы) находился пластъ дерна въ 1 арш. толщиною; куски дерна длиною 8—5 вершковъ, толщиною 3—4 верш. положены въ нѣсколько рядовъ и травою внизъ. Подъ дерномъ находился слой прекрасно сохранившагося отличнаго качества березоваго угля; толщина пласта угля 1 1/2 арш. Вынимая землю, рабочіе, первые же организаторы хищнической раскопки этого кургана—указали мѣста найденныхъ ими мечей и бронзоваго котла*). Отыскать самую могилу г-ну Аниховскому не удалось, т. к. по отсутствію средствъ раскопка кургана не была доведена до конца (Труд. Оренб. Уч. Арх. Ком. вып. XVI, 1906 г.).

X

Въ 1908 году Н. Е. Макаренко дослѣдовалъ Красногорскій курганъ, Орскаго уѣзда, не докопанный г. Аниховскимъ по отсутствію средствъ. Изъ сообщенія г. Макаренко видно, что курганъ принадлежитъ къ разряду могильныхъ, такъ какъ на губинѣ 2 арш., отъ поверхности въ особой могилѣ, ясно очерченной составомъ насыпной земли, найденъ костякъ погребеннаго человѣка, несомнѣнно знатнаго происхожденія. Костякъ оказался безъ головы. Скелетъ лежалъ съ протянутыми вдоль руками и съ ногами, но берцовыя кости послѣднихъ отняты и лежали въ стороны.

Подъ правымъ бедромъ положенъ былъ мечъ въ деревянныхъ ножнахъ, покрытыхъ съ одной наружной лицевой стороны тонкой золотой оправой, которая была закрѣплена въ двухъ мѣстахъ золотой пластинчатой перевязью, и нѣсколько мѣдныхъ стрѣлъ, изъ коихъ одна оказалась вонзенной въ лопатку. Надъ костякомъ тонкій прослой показываетъ, что мертвецъ былъ покрытъ плащемъ, вѣро-

*) То и другое нынѣ хранится въ музеѣ Оренб. Уч. Арх. Ком.

ятно кожанымъ, который былъ изукрашенъ тонкими золотыми нашивками, каковыя были Макаренко всѣ собраны. Влѣво отъ костяка и ближе къ поверхности земли найдены были слѣды сожженія другого трупа, причемъ обугленныя части лежали на пространствѣ 2 арш. въ четверть глубиной. На мѣстѣ шеи найдены здѣсь остатки желѣзнаго браслета. Затѣмъ нѣсколько въ сторонѣ на глинѣ оказалось масса сожженныхъ бѣлыхъ костей. Тутъ же на глинѣ найденъ имъ еще одинъ мечъ, копье, разные черепки посуды и пр., каковыя вещи отправлены въ Петербургъ. (Труд. Ор.Уч. Арх. Ком. Вып. XIV стр. 148 и Вып. XVI стр. 76).

Въ томъ же 1903 году Н. Е. Макаренко раскопалъ три кургана на Бердинской горѣ. расположенной на С. отъ Оренбурга, въ растояніи $1^1/_2$ в. дорогѣ въ пос. Бердскій. Въ курганѣ № 1 (по плану г. Макаренко) на глубинѣ 1 арш. отъ поверхности т. е. на материкѣ обнаружена могильная яма; на днѣ ямы обнаруженъ костякъ въ весьма плохомъ состояніи.

Въ курганѣ № 6 на глубинѣ 1 арш. среди пространства, ограниченнаго каменной обкладкой, обрисовалась могильная яма и на глубинѣ $2^1/_4$ арш. въ западномъ углу ямы обнаруженъ костякъ, прикрытый сверху плитами. Кости лежали какъ бы въ безпорядкѣ. Въ Ю.-З. части ямы лежалъ вверхъ дномъ глиняный сосудъ.

Курганъ № 7. Совершенно ограбленъ и признаковъ погребенія совсѣмъ не найдено. (Труд. Оренб. Уч. Арх. Ком. Вып. XVI—1906 г. стр. 88).

Въ 1904 году мною произведены были раскопки двухъ кургановъ въ имѣніи Малаховское земскаго начальника г-на Биберштейна верстахъ въ 15 отъ станціи Ново-Сергіевской въ селѣ Малаховка, на границахъ Оренбургской и Самарской губ. Раскопки кургана № 1 не дали никакихъ результатовъ. Раскопки кургана № 2 не были окончены изъ за дурной погоды.

(См. Труд. Оренб. Уч. Арх. Ком. Вып. XVI —1906 г. стр. 40. Раскопки І. А. Кастанье).

Здѣсь на горѣ виднѣются нѣсколько кургановъ, а по дорогѣ отъ села Малаховка на СВ. цѣлая группа кургановъ.

XII.

Въ 1905 году члены Оренб. Уч. Арх. Ком. изслѣдовали послѣдніе курганы на Бердинской горѣ. Въ курганѣ № 5 (см. планъ г. Макаренко въ архивѣ Комиссіи) *) на глубинѣ 60 сантим. обозначилась могильная яма 1 м. 64 сантим. длиною и 1 м. шириною. По угламъ ямы оказались куски сгнившаго дерева, толщиною въ руку, повидимому остатки кольевъ, воткнутыхъ по 4 угламъ погребенія. Затѣмъ, въ ямѣ на глубинѣ 1 саж. отъ поверхности кургана оказался слой сгнившаго дерева, покрывавшій, повидимому, самое погребеніе, т. к. по снятіи его непосредственно подъ нимъ обнаруженъ костякъ лошади и человѣка. Костякъ человѣка лежалъ головою на В. рядомъ съ конскимъ, къ С. отъ него, на спинѣ, съ протянутыми руками и ногами. Вдоль лѣвой бедреной кости были найдены остатки сильно попорченнаго временемъ и ржавчиной желѣзнаго клинка, въ родѣ кинжала. Около разрушившагося таза найденъ красный камешекъ, видомъ похожій на хромистое кали. Около праваго плеча обнаружены остатки малосохранившагося кожанаго колчана, 18 мѣдныхъ наконечниковъ стрѣлъ съ остатками древковъ, немного ниже по правой рукѣ, около ея кисти найденъ полукруглый обломокъ, слившагося уже съ пескомъ и сильно проржавѣвшаго желѣза, быть можетъ остатки браслета? Около поясницы ближе къ скелету лошади, костяная игла длиною до 25 сант. Въ головахъ, соотвѣтственно промежутку между скелетами коня и человѣка, выше ихъ на 1 четверть арш. найденъ глиняный горшочекъ, ручной работы, хорошо сохранившійся, безъ украшеній. Всѣ найденые предметы были переданы въ Музей Комиссіи.

XIII

Кромѣ того въ Труд. Оренб. Уч. Арх. Ком. въ вып. XIV, 1905 г. стр. 150 есть со-

*) См. Труды Оренб. Уч. Арх. Ком. вып. XVI стр. 202 1906 г. Раскопки І. Кастанье.

общеніе члена Ком. Аничкова, касающееся хищническихъ раскопокъ, произведенныхъ разными лицами въ предѣлахъ Оренбургск. губ. и Тургайск. обл. Въ Кустанаѣ г. Аничкову удалось узнать, что тамъ проживаетъ страстный любитель археологіи крестьянинъ И. П. Самойловъ. Онъ долго занимался разрытіемъ кургановъ съ г. Назаровымъ, но онъ крайне скупъ на сообщенія. Однако вотъ что г. Аничкову удалось записать изъ его наблюденій.

1) Въ Кособродской станицѣ, за Троицкомъ, казаки разрыли курганъ и нашли мечъ въ 22 ф.

2) Около Вѣринской станицы есть курганъ, который копали, дошли до толстаго лѣса, но дальше не копали.

3) На р. Уѣ за Троицкомъ около поселка Подгорнаго разрытъ большой курганъ; въ срединѣ образовалась яма.

4) Въ Наслѣдницкой ст. казаки разрыли курганъ и нашли въ немъ скелетъ въ лежачемъ положеніи внизъ лицомъ, около него мечъ, щитъ, 70 стрѣлъ, и былъ онъ прикованъ мѣдной цѣпью къ приколу раскопки остановилъ атаманъ 2-го отдѣла.

5) Около Андреевскаго пос. былъ курганъ; казаки разрыли и нашли кувшинъ золотой (или бронзовый), который былъ закрытъ крышкой; въ курганѣ была зола и пепелъ.

XIV.

Наконецъ, въ изданіяхъ Имп. Моск. Археолог. Общества есть указаніе, что М. А. Веселовъ произвелъ археологическія изслѣдованія въ Татьяно-Тангаторовской вол. Похожая по названію волости есть въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ—Тамьяно-Тангауровская и въ Троицкомъ—Тунгатаровская. Ничего болѣе объ этихъ раскопкахъ неизвѣстно. По-видимому отчетъ о нихъ хранится въ бумагахъ Общества.

XV.

На собраніи 20 февр. 1906 года г. Подъяконовъ сказалъ нѣсколько словъ о представленныхъ находкахъ изъ раскопанныхъ имъ кургановъ около Дуванкульскаго поселка Нижнеувельской ст. Челяб. уѣзд.

XVI.

На засѣданіи 30 ноября 1906 года священникъ Е. А. Орловъ доложилъ, что въ бытность его на службѣ при церкви пос. Смѣлаго имъ случайно были замѣчены у троицкаго купца Тимофеева, древняя стальная кальчуга и 2 наконечника желѣзныхъ копій, каковыя вещи были найдены при раскопкахъ башкирами 2-хъ кургановъ значительной величины, находящихся въ 15 вер. на Ю. З. отъ пос. Смѣлаго, по дорогѣ на мельницу Тимофеева.

Изъ рукописей архива Комиссіи извѣстно о слѣдующихъ случайныхъ находкахъ:

1) Въ Уйской станицѣ на берегу р. Иматы есть курганъ, около котораго атаманомъ Уйской ст. найденъ мѣдный кинжалъ *(хран. въ Музей Ком.)*.

2) Близъ поселка Донскова Абрамовской волости при хищнической раскопкѣ кургана найдены наконечники стрѣлъ. *(17 стр. препровождены были въ Музей Ком.)*

3) Въ 7 верст. отъ ст. Каменно-Озерной есть курганъ 10 саж. въ діам., высоты 3-хъ саж. На глубинѣ одной саж. отъ поверхности найд. металлич. предметы.

4) Въ 6 аулѣ, Буртинской вол. около Гирьяльской станицы расположены курганы въ которыхъ найдены наконечники стрѣлъ.

5) Близъ деревни Куссевой, 2-ой Бурзянской волости въ Орскомъ уѣздѣ, у подошвы кургана найдены глиняный горшокъ, 3 черепка, 5 мѣдныхъ украшеній.

Въ засѣданіи Общества Археологіи, Исторіи и Этногр. при Казанскомъ Университетѣ 31 января 1897 г. секретарь Общ. доложилъ собранію, что Имп. Археол. Ком. прислала

въ даръ Обществу слѣдующіе предметы древности: обломки мѣднаго зеркала, 10 мѣдныхъ и 2 желѣзныхъ наконечника стрѣлъ, найденныхъ въ 1895 г. въ курганѣ въ 12 вер. отъ с. Воздвиженскаго, Оренб. губ. и уѣзда.

Подъ № 18 каталога музея Урал. Общ. Люб. Ест. хранится коллекція предметовъ изъ раскопки кургана на 32-й верстѣ отъ станціи Курганъ, въ 2 верст. отъ д. Ванюшей Челябинскаго уѣзда.

Подъ №№ 6388—1765, хранится бронзовое украшеніе, имѣющее форму круглой пластинки, на которой изображено во всю ширину пластинки человѣческое лицо. Найдено при распашкѣ земли около одного изъ кургановъ Троицкаго уѣзда.

Подъ №№ 6691—52 хранится кольчуга, желѣзная, вырытая изъ земли въ Амурскомъ поселкѣ Верхнеуральскаго уѣзда.

XVII.

Въ своемъ частномъ письмѣ ко мнѣ отъ 1-го ноября 1908 г. Н. Минко занимающійся раскопками въ Челябинскомъ уѣздѣ, сообщилъ слѣдующее:

Начиная съ 1906 года г. Н. Минко, раскапывалъ курганы въ окрестностяхъ Челябинска, намѣтивъ себѣ районъ въ 25 вер. отъ города во всѣ стороны.

Въ 1906 г. раскопаны были—3 кургана.

Въ 1907 г. раскопаны были—18 кургановъ.

Въ 1908 г. раскопаны были—39 кургановъ.

Здѣсь я приведу in extenso часть письма г. Минко, касающуюся раскопокъ.

Всего раскопано 60 кургановъ. Число далеко небольшое, но все же и по этимъ даннымъ можно уже выяснить хотя-бы нѣкоторые типы погребеній, которыя, къ слову сказать, въ окрестностяхъ Челябинска отличаются большимъ разнообразіемъ.

Изъ рѣзко выдѣляющихся и притомъ повидимому наиболѣе древнихъ могу отмѣтить:

1) Погребенія въ глубокихъ (2-3 арш.) грунтовыхъ могилахъ съ находками изъ мѣди и костяными. Къ сожалѣнію такихъ погребеній мнѣ удалось найдти всего два; причемъ въ обоихъ случаяхъ съ правой стороны черепа найдены небольшія, грубо выточенныя изъ камня, чашки.

2) Небольшія, не глубже $^1/_2$ арш., могилы, обложенныя съ 2-3 и 4-хъ сторонъ сосновыми плахами, камнями или (въ одномъ случаѣ) каменными плитами. Могилы содержатъ въ себѣ либо остатки трупосожженія, либо перемѣшанныя кости и 1-2-4- горшка, иногда еще совершенно своеобразныя блюда изъ глины. Курганы этого типа встрѣчаются всегда большими группами по берегамъ озеръ. Наконецъ, попадались также погребенія въ скорченномъ положеніи въ неглубокихъ могилахъ (не окрашенные костяки, хотя большое сходство съ погребеніями этого типа), погребенія въ берестѣ съ одними желѣзными издѣліями, и однихъ горшковъ и наконецъ въ одномъ изъ кургановъ въ текущемъ году (1908) найдена каменная скамейка подобная Самарскимъ и Уфимскимъ и описаннымъ Нефедовымъ и Спицынымъ при несовсѣмъ понятномъ погребеніи.

Совершенно своеобразна также одна группа кургановъ съ коллективными могилами, подобными Томскимъ, раскопаннымъ Кузнецовымъ (Зап. Рус. Арх. Общ. т. XI)

XVIII

Въ іюнѣ 1909 г. учитель Смолинскаго училища (Челябинскаго уѣзда) г. Черноскутовъ сообщилъ Оренб. Ученой Архивной Комиссіи, что имъ въ прошломъ 1908 г. въ окрестностяхъ г. Челябинска производились археологическія раскопки кургановъ. Имъ присланы въ Музей Ком. нѣкоторыя изъ найденныхъ имъ вещей, какъ напр. горшокъ съ художественной орнаментировкой (свастикой, и пр.).

Каменныя бабы.

Изъ всѣхъ каменныхъ бабъ, найденныхъ до сего времени въ Оренбургской губ., мнѣ извѣстны слѣдующія:

ОРЕНБУРГСКІЙ УѢЗДЪ.

Между Новосергіевскимъ и Полтавскимъ редутомъ*) Палласъ (l. c. стр. 332) проѣхалъ мимо разрытаго могильнаго холма, „на которомъ поставленъ былъ отесанный каменный *болванъ* и еще лежалъ камень, на которомъ высѣчено лицо человѣка.

Разрытый могильный холмъ, на которомъ лежали камни, находится недалеко отъ р. Самары. Сказываютъ, что въ немъ находили драгоцѣнныя вещи.

Между каменными горами по ту сторону Самары есть много сложенныхъ изъ камней могильныхъ холмовъ, на которыхъ еще больше наставлено *каменныхъ болвановъ*. Кажется, что сіи могильные бугры произошли либо отъ Нагайскихъ татаръ или отъ киргизовъ, конхъ могилы еще и нынѣ съ оными сходствуютъ“.

Донецкая станица. Въ Трудахъ Оренб. Уч. Арх. Ком. за 1905 г. Вып. XIV стр. 13 можно встрѣтить слѣдующее указаніе:

„Въ 1902 г. поступили отъ канцеляріи оренбургскаго губернатора обломки *бабы* изъ краснаго песчаника, выпаханой въ дачахъ Донецкой станицы крестьянами села Крутодола Абрамовской волости, на участкѣ гг. Лебедевыхъ.

Общ. Сыртъ. Въ этомъ же XIV выпускѣ стр. 26 находимъ слѣдующее сообщеніе г. Гра. „Лѣтомъ 1901 г. на общемъ Сыртѣ была выпахана *каменная баба*, которую одинъ изъ крестьянъ поставилъ у себя на дворѣ.

Наступило засушливое лѣто. Причину этого усмотрѣли въ идолѣ и торжественно бросили его въ рѣчку“.

При раскопкѣ однаго кургана на Бердинской горѣ А. В. Поповымъ былъ найденъ камень, высѣченный въ видѣ грубаго подобія *каменной бабы*. (Труды, вып. XVI).

Въ 1909 г. у крыльца музея Архивной Ком. врыта была въ землю каменная баба, высотою до 5 арш., доставленная въ музей изъ деревни Ново-Петровки, Никольской вол., В. П. Базилевой. Баба была расколота крестьянами на 3 части (см. таб. XVI рис. 1).

ОРСКІЙ УѢЗДЪ.

1) Подъ № 201 въ музеѣ Оренбург. Учен. Археолог. Ком. хранится каменная баба, вырытая изъ кургана въ Орскомъ

*) Нынѣ Платовка.

уѣздѣ въ 1871 г. Распоповымъ (см. таб. XVI рис. 10).

2) Подъ № 2801 въ музеѣ Оренб. Уч. Арх. Ком. хранится каменная баба изъ Орловскаго поселка. Эта баба нѣкогда стояла у крыльца дома урядника Кораблева въ Орловскомъ поселкѣ (см. таб. XVI рис. 7).

ТРОИЦКІЙ УѢЗДЪ.

Въ трудахъ Оренбургской Учен. Архивной Ком. за 1905 г. вып. XIV стр. 152 имѣется слѣдующая замѣтка:

Г. Аничковъ доложилъ, что казакъ Нижне-Увельской станицы нашелъ каменную бабу въ полѣ и отбилъ у ней руку, за это приставъ оштрафовалъ его на 3 рубля; тогда казакъ бабу закопалъ въ землю.

ДОИСТОРИЧЕСКІЕ РУДНИКИ

и случайныя археологическія находки.

Интересныя свѣдѣнія о доисторическихъ рудникахъ имѣются въ „Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. при Имп. Каз. Унив. Т. XI вып. 4". Эта статья заключаетъ въ себѣ общій обзоръ рудниковъ и мѣднаго дѣла въ Приуральскомъ Краѣ. Въ виду его важности, я приведу здѣсь статью полностью.

Въ Оренбургской губ. находятся залежи мѣдной руды. Эта руда залегаетъ въ Пермской формаціи, между рѣками Ураломъ и Илекомъ, въ видѣ углекислыхъ окисловъ мѣди, свободныхъ отъ примѣсей сѣры, сюрьмы и мышьяка. Кромѣ залежей мѣдной руды въ Общемъ Сыртѣ и за Ураломъ *) углекислыя мѣдныя руды извѣстны только въ С. Америкѣ въ области Великихъ Озеръ. Замѣчательно, что мѣдныя руды Оренб. края и Тургайской области эксплоатировались уже въ глубокой древности неизвѣстнымъ народомъ. Работы этихъ древнихъ рудокоповъ носятъ въ простонародіи названіе „ординокъ". Нѣкоторые приписываютъ эти работы племенамъ, обитавшимъ по берегамъ р. Урала въ періодъ владычества татарскаго, но едвали это справедливо. У татаръ и племенъ, входившихъ въ составъ татарскихъ государствъ, было въ общемъ употребленіи желѣзо, между тѣмъ горнорабочіе, оставившіе намъ „ординки", работали мѣдными инструментами, донынѣ попадающимися въ старыхъ работахъ: въ Каргалинскихъ рудникахъ гг. Пашковыхъ, на башкирскихъ дачахъ Сеитовскаго посада (Каргала) и казаковъ Сакмарской станицы въ 60 верст. отъ Оренбурга на

*) Рудникъ Сайгачій недалеко отъ западнаго берега рѣчки Бердянки, которая выше Оренбурга впадаетъ въ Яикъ съ лѣвой стороны (см. П. С. Палласъ. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Росс. Имп, Т. 1. (1768—1769.)

С.-В.*) Очевидно, что племена, добывавшія мѣдь, не знали желѣза или оно было имъ по своей рѣдкости и дороговизнѣ недоступно, что опять таки указываетъ на глубокую древность этихъ работъ и во всякомъ случаѣ на ихъ до-татарское происхожденіе. Только правильныя археологическія изслѣдованія, въ связи съ раскопками кургановъ, встрѣчающихся на С.-З. отъ Илецкой Защиты, могутъ пролить свѣтъ на доисторическихъ піонеровъ мѣднаго дѣла по обоимъ берегамъ р. Урала.**) Доисторическіе рудокопы вели свои работы сводообразными корридорами безъ всякихъ крѣпленій—по крайней мѣрѣ слѣдовъ крѣпленій нигдѣ не обнаружено; извлекали единственно только черную мѣдь или окисъ этого металла, не рѣдко попадающуюся въ жилахъ, пренебрегая даже самыми богатыми рудами, какъ малахитъ и красная мѣдная руда—вѣроятно по неумѣнью извлекать изъ этихъ рудъ металлъ. *П. Хантинскій.* „Мѣдноплавильный заводъ бр. А. и Т. Эмерикъ". *Тург. Обл. Вѣд. за 1893 г. № 7—8.*

О доисторическихъ рудникахъ Оренбургской губ. писалось уже давно; такъ напримѣръ у П. И. Рычкова***) имѣется слѣдующая замѣтка:

„Впрочемъ не надлежитъ оставить и сего безъ объявленія, что при всѣхъ заводахъ, нынѣ находящихся въ Оренбургской губерніи, имѣющіеся рудники по большей части суть старинныя копи, по которымъ довольно означается, что древніе здѣшнихъ мѣстъ обыватели въ горныхъ дѣлахъ, а наипаче въ плавкѣ мѣди, въ свое время великіе и сильные имѣли промыслы, и имѣли такое достаточное въ томъ искусство, какого въ татарскихъ народахъ, называемыхъ по древности скиѳами и ногайцами, какъ отъ кочующихъ и кромѣ скотоводства почти никакихъ рукодѣлій неимѣвшихъ, конечно быть не могло. Самыя тѣ копи и находящіяся въ нихъ разныя вещи доказываютъ, что оные горные промыслы и доставаніе рудъ были прежде нашествія татаръ, ибо сверху нынѣшнихъ рудниковъ на нѣсколько аршинъ находящаяся наносная земля довольно подтверждаетъ, что та работа въ давнія времена происходила. Тутъ же находятъ и инструменты на подобіе серповъ или кривыхъ ножей, можетъ быть, за недостаткомъ желѣза изъ мѣди сдѣланныя, у коихъ наружный видъ не малую древность изъявляетъ...

Такія же свѣдѣнія о доисторическихъ мѣдныхъ рудникахъ Оренбургскаго края имѣются у Палласа,*) такъ напр., на стр. 369 говорится о „мѣдномъ рудникѣ по названію Сайгачій, находившемся недалеко отъ западнаго берега рѣки Бердянки, которая выше Оренбурга впадаетъ въ Яикъ съ лѣвой стороны; (прежде онъ принадлежалъ графу А, И. Шувалову). Онъ былъ найденъ по находящимся тамъ старинным шурфамъ и штольнямъ... При Сайгачемъ рудникѣ найдена кромѣ многихъ шурфовъ чрезвычайно пространная и во многихъ мѣстахъ разработачная штольня въ еще хорошемъ состояніи, при разчищиваніи которой найдены не только лепешки сплавленной мѣди, но и много круглыхъ, изъ бѣлой глины сдѣланныхъ горшковъ, въ которыхъ мѣдь плавили, да и костей засыпанныхъ землею работниковъ, но не видали ни малѣйшаго слѣда плавильныхъ печей".

Свѣдѣнія о доисторическихъ рудникахъ имѣются у Ивана Лепехина**), часть вторая

*) Г. Игнатьевъ въ „Городища и Курганы Оренб. губ." Изв. Имп. Археол. Ком. за 1903 г. вып. 5, говоритъ, что въ Троицкомъ уѣздѣ встрѣчаются мѣста выработокъ мѣдныхъ рудъ, тоже называемыя „чудскими" какъ и курганы. Стр. 96.

**) Въ Пашковскихъ рудникахъ, по сообщенію А. В. Попова, лѣтъ 5 тому назадъ открыли древнюю штольню въ Правомъ рудникѣ на глубинѣ 34 арш.; длина ея около 130 саж., ширина 2 арш., высота 1½ до 2 арш.; найдены печурки съ остатками углей и черепками горшковъ.

***) Топографія Оренбургской губ. П. И. Рычкова, 1762 г. Изд. Оренб. Отд. Имп. Русск. Геогр. общ. 1887 г. стр. 376.

*) См. П. С. Палласъ—Путешествіе по разнымъ пров. Росс. Имп. т. I. 1768—1769 гг.

**) см. Дневныя записки путешествія академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Росс. госуд. въ 1770 г. Спб. 1802 г.

стр. 97. "Въ 4-хъ верстахъ отъ Кананикольскаго завода на рѣчкѣ Куртлы находится старинная или такъ называемая Чудская копь... Всѣ рудопромышленники единогласно увѣряютъ, что жившая нѣкогда тутъ чудь только самолучшую руду выбирала, оставляя все прочее потомству, изъ чего не безъ основанія заключить можно, что рудные ихъ промысли только для собственныхъ нуждъ отправлялися. Самый ихъ родъ добыванія кажется явно о семъ свидѣтельствуетъ. Они никогда порядочно рудъ не добывали, но лазя подъ землею на подобіе кротовъ отковыривали лучшую руду кабаньими клыками, почему мнѣ кажется, что тщетно прилагаютъ стараніе тѣ, которые ищутъ примѣтъ бывшихъ въ сихъ мѣстахъ плавильныхъ, заводовъ. Наша чудская копь казалася намъ доказательницею и того, что древніе сея страны обитатели промышляли и высокіе металлы..."

Стр.100. „Не доѣзжая до Сакмары, верстъ за 20, при рѣчкѣ Ширлы наѣхали на высунувшійся гребень горы, а въ 5 верстахъ отъ онаго мѣста въ косогорѣ, котораго имени намъ Башкирцы сказать не могли, была старинная копь, гдѣ мѣдные въ кварцѣ признаки и съ золотою чернью находилися".

Стр. 168. „Перебравшися черезъ Уйскія вершины, пріѣхали на такъ называемый Кукушинскій рудникъ, который не подалеку отъ сей рѣчки находился. Надежду (на хорошую мѣдную руду) сего мѣста усугубляютъ около находящіяся старинныя чудскія копи".

На стр. 184, 185, 186, 187 и 188 имѣются еще свѣдѣнія о мѣдныхъ копяхъ.

Въ „Запискахъ Уральск. Общ. Люб. Естеств. т. VII Вып. 4" имѣется нѣсколько свѣдѣній о доисторическихъ предметахъ, найденныхъ въ Уральскомъ краѣ. Изъ этихъ свѣдѣній, оказалось, что лѣтъ 30 тому назадъ на глубинѣ 20 аршинъ при добываніи золотоносныхъ песковъ, около Троицка найденъ былъ буддійскій идолъ. По каталогу музея общества, гдѣ хранится этотъ идолъ, видно, что его нашли въ 1854 г.

Въ Ново-Павловскомъ пріискѣ М. Д. Важдаева близъ пос. 2-го Ключевскаго, Кундравинской станицы, Троицкаго уѣзда, по скату, падающему къ р. Куртмакъ, на глубинѣ 1½ арш., въ рѣчныхъ пескахъ найдена каменная форма для отливки ножей различной величины, съ другой стороны долотобразное углубленіе.

Въ засѣданіи Общества Археологіи, Исторіи и Этногр. при Казанск. Университетѣ, 20 декабря 1896 г. предсѣдатель О. Г. Мищенко доложилъ объ одной римской медали, найденной въ Оренбургской губ. на 3-хъ саженной глубинѣ въ то время, когда обрушилась стѣна лѣтомъ въ Каргалинскомъ рудникѣ, въ 60 верст. отъ Оренбурга. Это—бронзовая медаль времени Императора Траяна 116 г. по Р. XV..

Подъ №№ 5049—5050. 424. 425, каталога музея Уральскаго Общ хранятся обломки мѣдныхъ предметовъ, найд. въ Новгородскомъ пріискѣ Оренб. губ.

Въ музеѣ Оренб. Уч. Архивной Ком. хранится кельтъ изъ чистой мѣди; найденъ въ Оренб. губ. на р. Сувундукѣ. Въ Крестовоздвиженскомъ пріискѣ Троицкаго уѣзда при добычѣ золотосодержащихъ песковъ, на глубинѣ 12 арш., найденъ былъ перстень неполный, изъ красной мѣди. (Замѣтка О. Е. Клера).

Въ концѣ 1883 года удалось г. К. А. Шишковскому (см. его замѣтку) открыть остатки жилищъ человѣка, употреблявшаго каменное орудіе и кучи такъ называемаго кухоннаго сора. Мѣсто это находится на земляхъ Златоустовской лѣсной дачи, приграниченныхъ по Уралу къ Міаской К° для выработки золота, на правомъ берегу озера Кисыкуль, около двухъ верстъ выше его истока, и представляетъ собою черноземную насыпь у устья довольно крутаго лога, падающаго въ озеро.

СТАНОВИЩЕ КАМЕННАГО ВѢКА.

По сообщенію П. С. Назарова (см. Проток. и сообщенія членовъ Туркест. Кр. Люб.

Арх. за 1906/7 г. стр. 78) къ С.-В. отъ гор. Орска, близъ деревни Идельбаевой на р. Губерлѣ имѣется становище каменнаго вѣка.*)

Здѣсь найдено кромѣ кремневыхъ орудій множество костей двухъ видовъ вымершихъ быковъ, лошади, волка, собаки, лося и сѣвернаго оленя. Два послѣднихъ животныхъ совершенно не свойственны этой степной, теперь жаркой, мѣстности.

Близъ ст. Кваркенской Орскаго уѣзда, въ берегу р. Байтунъ найденъ былъ топоръ неолитическаго періода, превосходно сдѣланный изъ діорита. Этотъ топоръ находится также въ коллекціи Пав. С. Назарова (въ Ташкентѣ).

*) Подъ №№ 6387—1764 каталога музея Уральскаго Общ. хранится каменный топоръ, найден. въ верховьевъ р. Ур. Оренб. губ.

Развалины,

киргизскія святыни, могилы, преданія и пр. памятники Оренбург. губ.

ОРЕНБУРГСКІЙ УѢЗДЪ

Остатки стѣнъ татарской мечети. Въ своихъ «Пособіе къ топографическому изученію Россійск. госуд.“ Фалькъ на стр. 187, упоминаетъ, что еще въ 1785 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ Оренбургъ, онъ видѣлъ остатки стѣнъ татарской мечети.

Остатки стариннаго строенія. У Палласа „Путешествіе по разнымъ провинціямъ Рос. Имп. Ч. I, 1768-1769 г.„ на стр. 378 мы находимъ слѣдующія указанія: По ту сторону Яика, противъ Гирьяльскаго редута, при рѣчкѣ Бердъ, видны остатки стариннаго изъ кирпичей складеннаго строенія.

Остатки двухъ татарскихъ мечетей. Противъ Нижне Озерной крѣпости, по ту сторону Яика, видны остатки двухъ татарскихъ мечетей. (Палл.)

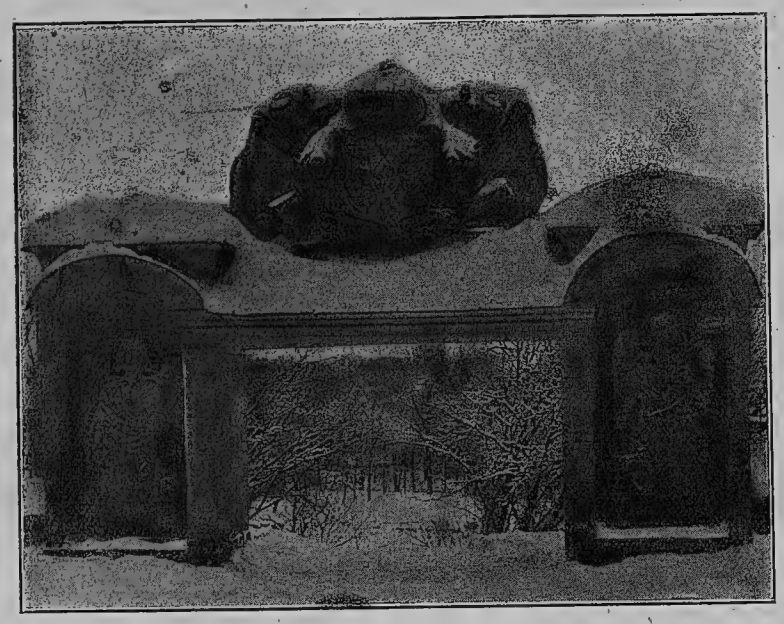
Развалины обширныхъ зданій. На очередномъ засѣданіи членовъ Оренб. Уч. Архив. Ком. 3-го сент. 1907 г. А. В. Поповъ доложилъ, что лѣтомъ при домашнихъ земельныхъ работахъ на хуторѣ Старцевомъ близъ пос. „Гребени“ Сакмарской станицы, найд. въ землѣ развалины обширныхъ зданій, обломки сабель, ножницъ и пр.

Елизаветинскія ворота въ Оренбургѣ. Въ „Оренбургскомъ Листкѣ“ за 1890 г. № 30 бывшимъ членомъ Комиссіи Королевымъ-Антошечкинымъ была помѣщена замѣтка о каменныхъ воротахъ съ гербами и арматурами и какими то аллегорическими изображеніями человѣческихъ фигуръ; ворота эти въ концѣ 50-хъ годовъ были перенесены съ Водяной улицы (Водяныя ворота) и помѣщены противъ зданія, нынѣ занимаемаго казенною палатою. *) По словамъ старожиловъ, какъ сообщаетъ г. Королевъ-Антошечкинъ, ворота эти воздвигнуты по приказанію императрицы Елизаветы Петровны въ память усмиренія Неплюевымъ башкирскаго бунта 1755 г.

---

*) Въ настоящее время ворота эти извѣстны подъ названіемъ „Елизаветинскія ворота“.

Въ виду отсутствія какихъ либо документальныхъ свѣдѣній объ этомъ распоряженіи Оренб. уч. Арх. Комиссія въ засѣданіи 25 ноября 1897 г. не могла признать, что эти ворота есть дѣйствительно памятникъ Неплюеву за его энергичныя распоряженія по усмиренію бунта 1755 года.*)



Елизаветинскія ворота въ Оренбургѣ.

Камни съ арабскими надписями. Въ Оренбургской газетѣ за 1898 годъ была помѣщена замѣтка о двухъ могильныхъ памятникахъ, находившихся на высокомъ берегу р. Песчанки въ 7 верстахъ отъ пос. Линевскаго, Буранной станицы, по дорогѣ къ поселку Филипповскому. Въ то время здѣсь стояли на мѣстѣ два очень искусно обдѣланные камня съ арабскими надписями, одинъ больше, другой меньше. Не прошло нѣсколькихъ лѣтъ какъ „большой памятникъ" совсѣмъ изчезъ, а „малый" расколотъ пополамъ: низъ стоитъ на мѣстѣ, а верхъ, съ большею частью надписи, валяется подъ горой, въ далекомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ ранѣе.

Въ 1906 и 1907 г.г. Д. Н. Соколовъ, производя геологическія обслѣдованія зауралск. частей Оренб. губ., видѣлъ надгробный камень на Большомъ Яру и рѣчкѣ Линевской Песчанки съ отлично высѣченною надписью и тамгою рода Табынъ, отдѣленія Джулькеше, рисунокъ котораго онъ представилъ въ Архив. ную Комиссію (*см. Труды Оренб. Уч. Арх. Ком. ВыпXIX стр. 212).*

Памятникъ Абулхаира. Въ этомъ же выпускѣ Оренб. Уч. Арх. Ком. стр. 213, г. Соколовъ говоритъ объ одномъ памятникѣ, теперь изчезнувшемъ. Нѣкогда онъ видимо стоялъ на высокомъ холмѣ „Паная, Ханьшина Могила" нынѣ называемый „Мечетка". Можно предполагать, прибавляетъ авторъ, что на холмѣ Мечетка, гдѣ нынѣ виднѣется едва замѣтный издали бугорокъ, была могила и памятникъ вдовы хана Абулхаира, вѣроятно такого же приблизительно вида, какъ и памятникъ ея мужа. Г. Соколовъ здѣсь даетъ описаніе этого послѣдняго памятника взятое изъ рѣдкаго теперь изданія:**) „Памятникъ Абулхаира сложенъ изъ сѣроватаго кирпича и имѣетъ видъ

*) Свѣдѣнія объ этомъ памятникѣ имѣются еще въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1899 годъ стр 961 съ рис. статья П. Юдина.

**) Энциклопедическій словарь изд. Плюшара С.-ПБ. 1834 Т. I. стр. 54. Авторъ статьи-князь Д. Эристовъ.

усѣченнаго конуса, покрытаго полушаромъ.*) Вышина его—аршина 4, поперечникъ при основаніи саж. 3. Въ вершину полушара воткнуто, по обыкновенію, копье, обвѣшанное разными лоскутьями, ложками, чашками, конскими хвостами и узелками съ пшеномъ. При совершеніи ежегодной тризны копье вынимается, въ ямку кладутъ снѣди и мясо, вѣшаются новыя лоскутья и копье ставится опять на свое мѣсто". Теперь изъ мѣстныхъ жителей никто не помнитъ о существованіи памятника и не можетъ объяснить происхожденіе названія „Мечетка"; вѣроятно при самомъ поселеніи русскихъ памятникъ разобранъ и кирпичи изъ него пошли на устройство печей.

Землянка Стеньки Разина и проч. памятниковъ Донецкой ст. Въ „Оренбургской газетѣ" отъ 28 ноября 1906 г. за № 2736 помѣщена замѣтка о нѣсколькихъ памятникахъ древности въ станицѣ Донецкой Оренб. уѣзда. Замѣтка гласитъ: Въ урочищѣ станицы до сего времени сохранились памятники древности, едва ли извѣстные Оренбургскимъ любителямъ древностей. По лѣвую сторону протекающей р. Сакмары расположено восемь холмовъ, подъ общимъ названіемъ „восемь чудскихъ кургановъ". Одинъ изъ нихъ господствующій по своему положенію и объему. Точныхъ указаній ни словесныхъ, ни письменныхъ объ этихъ памятникахъ не имѣется, но судя по событіямъ, происходившимъ здѣсь во время оно, въ нѣдрахъ означенныхъ памятниковъ должны содержаться вещественныя доказательства времени ихъ возникновенія. Холмъ „Землянка Стеньки Разина", представляетъ остатокъ развалившейся древней постройки. Еще холмъ „Стеньки Разина дворъ" содержитъ также остатки древнихъ сооруженій. (См. также Труды Оренб. Уч. Арх. Ком. Вып. XIX стр. 66).

Кузнечная гора близъ р. Донгузъ. Въ XIV Вып. Оренб. Архивной Ком. стр. 149. г. А. И. Мякутинъ сообщилъ, что на Кузнечной горѣ, въ 40 в. къ югу отъ Оренбурга, на правомъ берегу р. Донгузъ по преданію мѣстныхъ казаковъ находилась раньше кузница для заковыванія плѣнниковъ, которыми вели торгъ купцы Зайчиковы. По другому преданію, сообщенному А. В. Поповымъ, здѣсь у Ногайскихъ хановъ былъ монетный дворъ для чеканки серебрянныхъ монетъ, почему и гора называется иначе „Серебряной". Какъ бы то ни было, на курганахъ находится большой провалъ, и равно шлаки, туфообразная масса и проч.

Каменныя пирамиды. Членъ Московск. Археологич. Общ. Р. Г. Игнатьевъ сообщаетъ слѣдующее: *) Около станицы Сакмарской, на Старо-Уфимскомъ трактѣ виднѣются двѣ каменныя пирамиды съ датами „1726"; это старинные верстовые столбы.

Каменные мосты села Переволоцкъ. По сообщенію того же г. Игнатьева, на Старо-Самарскомъ трактѣ между поселками Татищевскимъ и Переволоцкимъ стоятъ три каменные моста, замѣчательной конструкціи. Высота мостовъ 3-4 саж. Они имѣютъ по 3 арки въ мавританскомъ стилѣ. Основанія мостовъ сдѣланы изъ камня, а всѣ остальныя части изъ кирпича. Мосты очень давней постройки.

ОРСКІЙ УѢЗДЪ.

Остатки татарской мечети. У Палласа „Путешествіе по разнымъ провинціямъ Росс. Имп. ч. 1 стр. 378 за 1768—1769" мы находимъ слѣдующія указанія: Въ полуденной гористой странѣ отъ Орска находятся остатки малой четвероугольной татарской мечети.

Остатки стариннаго каменнаго строенія. Дальше стр. 381 за три версты не доѣзжая до Никольскаго редута, видны на высокомъ мѣстѣ по лѣвую сторону (смотря по направ. къ Орску) удалившейся отъ Яика дороги остатки стариннаго каменнаго строенія, которое

*) Могила отца Абулъ-Хаиръ-Хана находится въ Тург. обл. въ верхов. рѣки Иргизъ и на берегу Улкіака (Пут. кап. Ник. Рычкова 1769—1770 г. 2-я ч. стр. 44).

*) См. Оренб. Вѣд. за 1868 г. № 22.

примѣчанія достойно только потому, что стѣны онаго складены безъ извести изъ однихъ плитъ, коихъ здѣсь вездѣ много. Помянутыя стѣны нынѣ много выше аршина, но прежде оное строеніе, какъ то сказываютъ было гораздо выше, стѣны толщиною до $1^1/_2$ арш. и складены квадратно одна отъ другой на $1^1/_2$ саж.; кажется, что двери были на южной сторонѣ. Около сего строенія не могъ я примѣтить ни одного могильнаго кургана и, можетъ быть, оно представляетъ знатное кладбище".

Древныя могилы. Стр. 382. «Не доѣзжая до поставленнаго на полудистанціи (между Никольскимъ Редутомъ и Ильинскою кр.) пикета и Маяка находится на высокомъ мѣстѣ при непроточномъ рукавѣ Яика много каменныхъ могилъ, изъ коихъ одна только примѣчаніе достойна и состоитъ изъ каменнаго круга, который вышиною $1^1/_2$ арш. а въ поперечникѣ до 5 саж.

Могила Булата. Въ 1 верстѣ отъ д. Сабитовой, въ 150 саж. отъ дороги изъ дер. Андреевки въ дер. Аскарову и въ $^1/_2$ вер. отъ р. Ика (въ мѣстности Акъ-Кушъ-Атканъ-Яръ)на вершинѣ горы Булатъ есть признаки могилы подъ названіемъ Булатъ-Уликъ могила Булата,длиною $4^1/_2$ саж. шир. $4^1/_4$ саж. окр. 15 саж. Когда то эта могила была огорожена камнями, отъ которыхъ теперь осталась только каменная осыпь. Съ юго-западной стороны могилы находится яма „въ которой былъ поставленъ большой камень или деревянный столбъ, какъ это дѣлается у магометанъ въ видѣ памятника"; посреди ея очень маленькое углубленіе. (см. Свѣд. 1873 г. о городищахъ и курганахъ Оренб. губ.—Изв. Имп. Археол. Ком. Вып. V. 1903 г. стр. 66).

Могила на горѣ Ташъ Уба. Въ этомъ же V выпускѣ Изв. Имп. Арх. Ком. имѣются еще свѣдѣнія объ одной могилѣ, расположенной въ 5 вер. отъ дер. Тазларовой и въ 1 вер. отъ рѣки Аркры-Илга, на вершинѣ горы Ташъ-Уба. Могила куполообразной формы, длиною $7^1/_2$ саж. шир. 7 саж., въ срединѣ ея—углубленіе. Могила была огорожена каменной стѣной, которая отъ времени разрушилась, образовавъ каменную осыпь. Эти могилы не разрывались.

Гора-Верблюдъ Верхнеозерной станицы. Въ Тургайской газетѣ за 1896 годъ № 1, мы находимъ описаніе „Горы-Верблюда" съ пріуроченнымъ къ ней преданіемъ. *) Красота слога и самый интересъ этого народнаго преданія побудили меня передать его цѣликомъ:

Давно это было... Надъ землей пронеслись сѣдые вѣка, Уралъ обмелѣлъ: испарились болота и гигантскіе камыши, въ которыхъ царилъ кровожадный тигръ, отцвѣли... Тамъ, гдѣ въ настоящее время слышится голосъ лихого казака или бѣднаго переселенца, гдѣ раздается теперь торжественный могучій звонъ церковнаго колокола—вѣстникъ любви и всепрощенія, въ то отдаленное время спокойный воздухъ оглашался только дикими окриками да заунывной, монотонной пѣснью жалкаго кочевника... Степь спала...

Но въ богатой ставкѣ Тугай-Хана шли спѣшныя приготовленія: ждали знаменитыхъ врачей. Уже давно Тугай-Ханъ прихварывалъ... Лѣтъ десять уже мучила рана въ паху, полученная отъ мѣткой стрѣлы русскаго батыря Джиранъ Сакала, черепъ котораго хранился среди многочисленныхъ трофеевъ Тугай-Хана. Теперь положеніе степного владыки было опасно: рана опухла и производила такую страшную боль. которую не могъ выдумать и самъ коварный шайтанъ. И вотъ сотни молодыхъ джигитовъ съ первыми лучами утренняго солнца отправлены были во всѣ концы широкой степи отыскивать знаменитыхъ врачей...

Мурумъ Карамышъ, прославленный на тысячи верстъ, старый лѣкарь, жившій на границахъ Башкиріи и владѣній Тугай-Хана, только что собирался справить вечерній намазъ. Онъ уже совершилъ омовеніе, какъ вдругъ у дверей его богатой кибитки оста-

*) Записано А. Степнымъ въ Джалтырѣ близъ Орска.

новился покрытый пылью ханскій джигитъ. Его конь былъ въ мылѣ и походилъ на воплощеніе Акъ-фаришты...

— „Благословеніе Кудая да будетъ надъ очагомъ славнаго Мурумъ Карамыша"! произнесъ скромно джигитъ и рукой коснулся земли.

— Что привело тебя ко мнѣ, сынъ мой? спросилъ Карамышъ послѣ обычнаго привѣтствія.

Джигитъ сѣлъ на землю и, поджавъ подъ себя ноги, печальнымъ голосомъ началъ:

— Могущественный, лучезарный Тугай-Ханъ болѣнъ. Смерть двигается къ нему съ каждой минутой шагами аргамака. Въ ставкѣ владыки царитъ черная печаль. Молитвы возносятся къ престолу Кудая. Спѣши къ нему и своимъ искусствомъ возврати ханству угасающее свѣтило! Много сокровищъ обѣщано въ награду...А теперь—прости: я ѣду къ врачу, мудрому Иръ-Уртасы. Сказавъ это, джигитъ сѣлъ на коня и скрылся изъ очей Карамыша...

II.

Мурумъ-Карамышъ былъ корыстолюбивъ. Если-бы Кудай подарилъ ему всѣ сокровища міра —онъ пожелалъ бы большаго. Всякій разъ, когда заходила рѣчь о сокровищахъ, его узенькіе каріе глаза, острые, какъ у степного беркута, загорались зловѣщимъ, фосфорическимъ блескомъ. Искусство его равнялось невѣжеству, но онъ доставлялъ больнымъ утѣшеніе своимъ важнымъ, гордымъ видомъ, своими дорогими одеждами и пышнымъ ханскимъ убранствомъ своего красиваго, бѣлаго и мохнатаго верблюда. Онъ ѣздилъ на практику только на этомъ дорогомъ верблюдѣ. Все его лѣченіе заключалось въ пріемахъ больными порошка изъ толченаго копыта гнѣдой лошади, къ которому примѣшивалась ковыльная труха. Самъ знаменитый лѣкарь былъ непоколебимо убѣжденъ въ цѣлительныхъ свойствахъ этого снадобья... Пятдесятъ лѣтъ онъ уже пользовалъ своими лѣкарствами бѣдныхъ сыновъ обширной степи, но ни разу онъ ни примѣнялъ своего искусства къ ханамъ. И вотъ, теперь его зовутъ...

Теперь представляется случай разбогатѣть, удовлетворить пылающей жаждѣ корыстолюбія и сдѣлаться еще болѣе знаменитымъ, подорвавъ авторитетъ своихъ собратьевъ по ремеслу... Необходимо было спѣшить. Онъ скоро отдаетъ приказаніе изготовить, какъ можно пышнѣй, бѣлаго верблюда, а самъ становится на священный намазъ. Онъ молится, но демонъ корыстолюбія не даетъ ему покоя... И не въ состояніи вознести славословіе Кудаю, Карамышъ на половинѣ обрываетъ молитву...

III

Уже солнце давно спустилось за высокимъ хребтомъ Уралъ-Тау. На землю легла неслышно тихая, теплая лѣтняя ночь. Высокая, серебристая луна, только что омытая живительной росой, задумчиво глядѣла на землю съ прозрачнаго неба. Въ это время Мурумъ Карамышъ спѣшилъ къ хану... Вдали стояли гигантскіе камыши и свѣсивъ свои мохнатыя головы къ водѣ, сладко дремали, залитые блескомъ мѣсячныхъ лучей. Многоводный Уралъ фантастически переливался серебристыми змѣйками по береговымъ отмелямъ. Надъ спящей землей высился необъятный лазоревый сводъ неба и уходилъ куда-то далеко-далеко, въ міровую безконечность. Его спокойная синева, полная томной грусти, была усѣяна какъ будто умирающими звѣздами. Они то загорались, то потухали, то искрились, какъ блуждающіе огоньки, ласково улыбаясь рѣзко очерченному кругу луны. Временами Карамышу чудилось, что не спитъ только онъ, да верблюдъ, да эти небесныя жемчужины неба.

Лѣкарь то и дѣло подгонялъ своего верблюда, который отъ боли время отъ времени оглашалъ дремавшую степь жалкими, пронзительными криками.

О многомъ думалъ Мурумъ Карамышъ въ ночной тишинѣ... Онъ составилъ уже себѣ цѣлый планъ вымогательства ханскихъ сокровищъ.

Если я спасу его—выпрошу въ награду всю его богатую ставку, или дамъ себѣ отрубить голову. Слава моя прогремитъ до предѣловъ Китая. Мои драгоцѣнности сравнятся съ сокровищами Тимура... Я буду лѣчить отнынѣ только хановъ да мудрыхъ бегіевъ далекой Бухары... Такъ думалъ Мурумъ Карамышъ...

Онъ уже приближался къ Уралу, онъ уже слышалъ какъ липкая волна нѣжно лизала берегъ степной рѣки. Вдругъ бѣлый верблюдъ остановился и палъ на колѣни. Карамышъ судорожно дернулъ шелковый поводокъ, но верблюдъ не двигался съ мѣста. Напрасно Мурумъ билъ его, называлъ его шайтаномъ, напрасно дергалъ поводокъ, то умолялъ, то проклиналъ—безотвѣтное животное молчало и не двигалось. Тогда Карамышъ пришелъ въ бѣшенство: онъ спрыгнулъ на землю и, отуманенный приступомъ злобы, началъ грысть у верблюда уши... Но въ это время ясный, спокойный мѣсяцъ задернулся тучкой, звѣзды такъ нервно замигали, заискрились и Мурумъ Карамышъ увидалъ предъ собой грознаго Акъ-Фаршита. „Корыстолюбецъ“! заговорилъ въ гнѣвѣ посланникъ Кудая; возвратись назадъ и влачи свое жалкое существованіе въ бѣдности! Знай—твои стада, твоя кибитка, твои домочадцы, твои сокровища,—все разграблено по волѣ Кудая людьми, пришедшими съ запада... Гнѣвающій Владыку небесъ и земли получитъ свою награду. А что это такъ-тому свидѣтелемъ будетъ Гора-Верблюдъ“! Съ этими словами Фаришта исчезъ.

Мурумъ Карамышъ сидѣлъ, какъ громомъ пораженный...

Когда поднялось на небѣ солнце и золотистыми лучами заиграло надъ проснувшейся землей—Мурумъ очнулся. Онъ сидѣлъ у подножія высокой горы, которая представляла изъ себя гигансткаго верблюда...

Тутъ только понялъ корыстолюбивый лѣкарь, что Фаришта превратилъ его бѣлаго верблюда въ каменную гору...

Гордый Карамышъ точно переродился: онъ всталъ и, поднявъ очи къ синему прозрачному небу, тихо и смиренно произнесъ:

„Да будетъ благословенно имя всесильнаго Бога!“...

Тугай-ханъ умеръ; а Мурумъ Карамышъ долго еще бродилъ по степи въ одеждѣ байгуша, выпрашивая милостыню и славя мудрость всемогущаго Кудая.

Гора-Верблюдъ, находящаяся верстахъ въ семи отъ Верхнеозерной станицы по Орскому тракту, молчаливо стоитъ до сихъ поръ, грустно посматривая на растилающуюся предъ ней равнину, на полузасыхающій мелководный Уралъ, напоминая собою кочевникамъ о гнѣвѣ Кудая и о его наградѣ за корыстолюбіе.

ВЕРХНЕУРАЛЬСКІЙ УѢЗДЪ.

Остатки стариннаго зданія. Одинъ изъ первыхъ изслѣдователей Оренбургскаго Края П. И. Рычковъ оставилъ намъ въ своемъ трудѣ „Топографія Оренб. губ. 1762 г.“ описаніе нѣсколькихъ древнихъ памятниковъ, напр., Т. II стр. 242 онъ пишетъ: „На Заяицкой степи между сею и Степною крѣпостьми, отъ Верхояицка прямо верстъ въ 60 есть въ степи старинное каменное зданіе, но отъ кого построено, никто не знаетъ“.

Дальше, стр. 249, Рычковъ упоминаетъ о палатѣ*), расположеной въ Киргизъ-Кайсацкой степи, около вершинъ рѣчки Таузаха, отъ Троицка верстъ въ 50. О ней говоритъ, „что никакого поврежденія не имѣетъ“.

О подобныхъ же памятникахъ говоритъ Палласъ на стр. 396, 401, 402, 406; на стр. 150, часть вторая, книга первая.

---

*) Близъ станицы Михайловской Троиц. уѣзда См. Сбор., Ист. и Археол. Свѣд. по Оренб. губ. Уфа, 1868 г. г. Статья Игнатьева, стр. 37.

Зданіе Кисене. На стр. 388 „Путешествія по разнымъ пров. Росс. Имп. ч. I. 1768-1769 г." находится у Палласа описаніе, знаменитаго зданія „Кошена" или „Кисене". Переправившись черезъ Улу-Тогузакъ, пишетъ авторъ, ѣхали мы еще часа полтора прямо къ югу и увидѣли наконецъ на открытой возвышенной полянѣ тотъ *Татарскій молитвенный домъ* (?), коего ради я сюда и ѣхалъ. Близъ сего молитвеннаго зданіе—соленое озеро и потому *Кошена-куль имянуется.*

Сей упоминаемый молитвенной домъ имѣетъ свое положеніе почти по срединѣ между Тагузакомъ и далѣе къ югу въ Тоболъ вливающимся Каятомъ; онъ еще въ хорошемъ состояніи и смотря на деревянную онаго работу кажется быть не весьма великой древности, но за всѣмъ тѣмъ ни башкирцы ни киргизы не помнятъ времени его сооруженія. Окрестъ сего зданія вырытъ круглообразной ровъ, которой по причинѣ песковатой земли не глубокъ и обширностію саженъ во сто будетъ. Во рвѣ пріуготовлено кладбище для усопшихъ, и киргизы, если кочуютъ гдѣ въ близи, погребаютъ здѣсь своихъ покойниковъ весьма съ великимъ удовольствіемъ. (Здѣсь слѣдуетъ описаніе зданія и вышеупомянутыхъ могилъ.) Въ концѣ перваго тома помѣщенъ рисунокъ Кисене, который здѣсь прилагается (см. Таб. 1 рис. 1.)

Не лишне будетъ привести здѣсь описаніе зданія Кошена (теперь Кисене) такъ, какъ оно помѣщено въ довольно рѣдкомъ теперь изданіи Палласа. Книга I, 1770 г. „Подножіе или низъ сего зданія имѣетъ видъ четыреугольника, 13 арш. ширины и 17½ длины; лицо строенія со входными враты лежитъ къ югу и на основаніи нижняго отдѣленія возвышено камнемъ въ полтора аршина; протчія три стороны украшены карнизомъ изъ девяти родовъ выпуклыхъ кирпичей состоящимъ, которыхъ три середнія углами наружу торчатъ; для прикраски личного фасада проведенъ кругомъ наличникъ, каковъ и около входной двери по обѣимъ сторонамъ сдѣланъ. Входная дверь сведена готическимъ сводомъ и надъ оною впадина въ кирпичу глубины. Ширина двери четыре аршина безъ четверти, а вышина семь аршинъ. Внутри дверей по обѣимъ сторонамъ находятся кругло-сводные ниши вышиною четырехъ арш., а шириною и глубиною седми четвертей и изъ оныхъ пошла сквозь стѣну четвероугольная продушина. Внутренняя въ самой храмъ входная дверь также съ круглымъ сводомъ, но изъ внутри сей сводъ задѣланъ каменною узкою стѣною, на перекладинѣ основанною, и потому вышина двери отъ порога до перекладины только два аршина съ половиною, а ширина семь четвертей. Понеже внутренній храма полъ отъ выкладки тесанымъ камнемъ возвысился, то предъ дверями сдѣлали изъ кирпича нѣсколько ступеней и на самой высшней ступени положена сосновая перекладина, которая ни мало еще не сотлѣла, а только отъ хожденя нѣсколько испорчена. Пространство храма на всѣ стороны по 9 аршинъ со стѣнами, 2 арш. толщины имѣющими. Главной онаго сводъ круголъ, весьма разумно сдѣланъ и на срединѣ украшенъ глинянымъ куполомъ; углы сокрыты круглыми сводами и на оныхъ кругло обсѣченными чешуечно складенымн убраны кирпичами. Сей части служатъ подкрѣпленіемъ два въ нихъ пущенные изъ кирпича сдѣланные наличники. На всѣхъ четырехъ стѣнахъ въ самой срединѣ оставлены утробистыя впадины и окрестъ оныхъ какъ бы въ кирпичину пустое мѣсто, представляющее либо сквозное раздѣленіе, либо двойную стѣну вкладины; онѣ сверху закладены. На В. и З. сторонѣ для свѣта отъ низу 7 четвертей сдѣланы четвероугольныя аршинъ и 3 вершка пространныя окошки, сверхъ коихъ въ подкрѣпленіе стѣнѣ лежитъ перекладина; подъ самыми окошками на всѣхъ 4—хъ стѣнахъ проведена кругомъ въ 5 вершковъ ширины и въ кирпичъ глубины впадина, въ которой примѣчательно что горѣли свѣчи; во оной оставлены на Сѣверной стѣнѣ три, а на боковыхъ по двѣ продушины; о прочихъ же по угламъ находящихся несквозныхъ дирахъ, къ чему они служили, отгадать нельзя. Надъ фундаментомъ пущена опять такая же какъ и подь окошками изъ нутри впадина, и что еще удивительнѣе, и снаружи прямо противъ

оной находится таковаяжъ; черезъ что стѣна не только тонѣ, но и слабѣе сдѣлалась, такъ что и теперь уже почти вся храмина осѣла и кирпичины повыпадали.

Сверхъ сего четыреугольнаго зданія, кое само собою 8½ аршинъ вышиною, не на срединѣ зданія, но надъ сводомъ, взведена прямая четыре съ половиною аршина вздымающаяся стѣна 14 вершковъ широкимъ наличникомъ окруженная, и на оной стоитъ куполъ. Сей островоздвигнутый куполъ 8 арш. высокъ и на верху открытъ; позади же онаго сдѣланъ скрытой входъ, а внутри накрестъ положено множество перекладинъ, по коимъ на самой верхъ взлѣсть можно; а чтобъ взлѣсть удобно на крышку сего зданія и достигнуть до входу въ куполъ, то приставлена къ верху береза съ ея вѣтьвями, весьма опасною лѣсницею служащая.

Красные кирпичи, изъ коихъ все зданіе сооружено, величиною и образомъ подобны обыкновеннымъ въ Европѣ дѣлаемымъ кирпичамъ, длиною полшеста шириною полтретья вершка; однѣ только плиты, коими внутри вымощенъ полъ, четыреугольны по полъ-шеста вершка квадратно и также какъ и кирпичи, немного болѣе полутора вершка толщиною; извѣстковой между кирпичей составъ очень крѣпокъ и чистъ, а кровля обросла не много мхомъ.... По обѣимъ сторонамъ описанныхъ выше входныхъ вратъ лежитъ нѣсколько березовыхъ шестовъ обвѣшенныхъ волосами изъ конскихъ гривъ и хвостовъ и лоскутьевъ бумажныхъ и полушелковыхъ матерій; да и вообще у татаръ вошло въ обычай въ таковыхъ молитвенныхъ или другихъ, ими обожаемыхъ и поклоненія ради посѣщаемыхъ, мѣстахъ оставлять что либо изъ своего добра".

•

Сто лѣтъ спустя въ 1868 году Р. Г. Игнатьевъ посѣтивъ зданіе Кисене далъ о немъ слѣдующее описаніе, помѣщенное въ „Оренб. Вѣд." за 1868 г. №№ 20—22.

Въ Троцкомъ уѣздѣ, пишетъ авторъ статьи, „на бывшей нѣкогда киргизской, а теперь казачьей, землѣ близъ отряда Варны и станицы Великопетровской, сохранилось кирпичное зданіе извѣстное подъ именемъ „Кисене" или „Кирка". Именемъ Кисене называется и протекающая вблизи зданія рѣчка. Киргизы-магометане и язычники почитаютъ Кисене храмомъ неизвѣстной вѣры и мавзолеемъ надъ прахомъ святого царя неизвѣстнаго народа, когда-то тутъ жившаго и ушедшаго въ Китай. Каждый киргизъ не пройдетъ и не проѣдетъ мимо Кисене, не совершивъ моленія и не оставивъ, какъ бы въ родѣ жертвоприношенія, лоскута сукна, ситца, полотна и пр. Зданіе въ самомъ дѣлѣ чудно сохранилось въ теченіи многихъ вѣковъ и ничѣмъ незащищенное отъ вліянія стихіи все еще крѣпко. Кисене сложено изъ кирпичей кубической формы, длиною ²/₄ каждый. Одинъ изъ этихъ кирпичей находится въ музеѣ Уфимск. Статист. Ком. Но кто же былъ этотъ неизвѣстный народъ удалившійся въ Китай и по видимому народъ осѣдлый, а можетъ быть и образованный, судя по оставленному имъ памятнику? Не были ли это *сакмны* (скиѳы-саки?), жившіе въ киргизскихъ земляхъ за Ураломъ и почитаемые, какъ говоритъ Карамзинъ, родоначальниками киргизъ, которыхъ отсюда выгнали Монголы въ XIII вѣкѣ? Но это конечно одно предположеніе. Рычковъ въ своей Оренбургской топографіи, говоритъ, что на киргизскихъ и башкирскихъ земляхъ есть остатки древнихъ зданій, приписываемыхъ народу, въ послѣдствіи удалившемуся въ Китай. Рычковъ не могъ говорить неправду, но куда же дѣвались эти развалины, если не самыя зданія, еще существовавшія въ его время, въ XVIII вѣкѣ. Теперь этого ничего нѣтъ, но очень можетъ быть, что Рычковъ, причислялъ сюда, кромѣ извѣстнаго Кисене, гдѣ въ его время жили киргизы, 2 древнихъ зданія въ нынѣшнемъ Уфимскомъ уѣздѣ, близъ башкирской дер. Нижнихъ-Термовъ и при озерѣ Акъзіяратѣ тоже на башкирской землѣ. Впрочемъ зданія Уфимскаго уѣзда по надписямъ, въ нихъ сохранившихся, принадлежатъ ногаямъ, никогда не уходившихъ въ Китай. Въ первомъ зданіи, близъ дер. Термовъ, погребенъ ханъ Тураханъ, родственникъ Кучума, переселившійся сюда изъ нынѣшней Тобольской губ.,

во 2 зданіи погребенъ миссіонеръ изъ Туркестана Хаджи-Хусеинъ-Бекъ, а самый мавзолей Хусеинъ-Беку поставленъ Тамерланомъ (?) во время перехода его, мимо здѣшняго мѣста, на погромъ русскихъ князей. Описаніе этихъ зданій помѣщено въ „Уфимскихъ Вѣдомост. 1866 года“, въ статьѣ: „о древнихъ памятникахъ въ Уфимскомъ уѣздѣ“. *) Русскіе, живущіе близъ Кисене Оренбургскіе казаки, впрочемъ поселенные сюда только лѣтъ около 30 тому назадъ, ничего не знаютъ о Кисене или „Кирка“, какъ они его называютъ, кромѣ того, что слышатъ отъ киргизъ своихъ сосѣдей, часто кочующихъ недалеко отъ чтимаго ими мѣста.

Кисене не походитъ на мечеть, а скорѣе на храмъ нли вообще на немусульманское молитвенное зданіе, оно полуквадратное, а верхъ сведенъ конусообразно; въ конусѣ отверстіе, можетъ быть, или нарочно устроенное или происшедшее отъ выпаденія кирпичей. Входъ съ западной стороны и надъ нимъ остатки башни или можетъ быть балюстрады, имѣвшей неизвѣстно какое назначеніе.

Точно такая же балюстрада, входъ, да и самое зданіе похоже на находящееся въ Уфимск. уѣздѣ близъ дер. Нижнихъ-Термовъ и тамъ сводъ также конусообразный. Кисене имѣетъ въ длину вмѣстѣ съ пристройкой, служащей какъ бы преддверіемъ или сѣнями, около 6 саж., въ ширину 3 саж., въ вышину отъ подошвы до самаго верха 9 саж., до свода $4^1/_4$ саж. Пола въ нижнемъ этажѣ не замѣтно, его кажется и не было, точно также замѣчается и въ обоихъ древнихъ зданіяхъ въ Уфимск. у., но зданіе такъ называемое Кисене было 2-хъ этажное и со стороны балюстрады сохранился входъ (дверь) во 2-й этажъ, потолкомъ 1-го и поломъ 2-го этажа, кажется тоже, служилъ каменный дугообразный сводъ; здѣсь во 2-мъ этажѣ вмѣсто пола на сводъ насыпана земля; оконъ во 2-мъ этажѣ нѣтъ, онъ освѣщается теперь отверстіемъ вверху. Въ верхнемъ этажѣ вездѣ по всѣмъ сторонамъ положены перекладинами деревянныя бревна со стойками и теперь еще сохранившимися. Нижній этажъ освѣщается четвероугольнымъ окномъ съ сѣверной стороны, а надъ нимъ полукруглое отверстіе въ родѣ окна, но не насквозь, а глухое; подъ первымъ окномъ было вдѣлано въ стѣну бревно со скважинами при концахъ, бревно это обгорѣло. Съ южной и восточной сторонъ зданіе оконъ не имѣетъ, что же касается 2-го этажа, то не замѣтно откуда могъ быть туда входъ: со стороны башни ничего похожаго на входъ нѣтъ, а теперь сюда входятъ по стѣнѣ съ сѣверной стороны, гдѣ самая стѣна уступами или лѣсенкой; такъ вѣроятно и всегда входили во 2-й этажъ, а другого входа не было.

Входъ въ Кисене или сѣни, надъ которыми остатки башни, длиною 2 саж.; съ правой и лѣвой сторонъ сѣней 2 сторожки, но безъ оконъ; потомъ слѣдуетъ предверіе, отдѣленное нѣсколько отъ сторожекъ на $1^1/_2$ арш., ширина предверія $1^1/_4$ саж. и длина $1^1/_2$ арш. съ выемкою около двери. Надъ дверью 2 углубленія въ видѣ арокъ, одно вышиною $2^1/_4$ саж., шир. $1^1/_2$ саж., другое внутри перваго надъ самою же дверью, вышины $1^1/_4$ саж., ширины $^3/_4$ саж. Дверь или пролетъ для входа въ капитальной стѣнѣ, четвероугольная, вышины около $1^1/_4$, шир. $^3/_4$ саж., но были-ли въ этомъ пролетѣ навѣшаны створцы или двери признаковъ нѣтъ, какъ напримѣръ петлей, но входъ или пролетъ былъ съ каменнымъ порогомъ, который сохранился и теперь въ цѣлости и толщиной въ самую стѣну. Толщина стѣнъ болѣе $1^1/_4$ арш., а кладка ихъ сдѣлана на цементѣ, въ фундаментѣ видны большіе бутовые камни. Какъ незамѣтно, какая была дверь въ пролетѣ, одностворчатая или 2-хъ створчатая, такъ точно и въ единственномъ окнѣ, освѣщающемъ нижній этажъ, невидно, чтобы была когда или рѣшетка или рама. Зданіе служило только мавзолеемъ и потому, конечно, не было ничѣмъ украшено, а башня вѣроятно служила для наблюденія за окрестностями. Въ нижнемъ этажѣ не оказывается ни мо-

*) См. также „Памятникъ съ арабско-татарскою надписью въ Башкиріи“ 1857 года В. В. Вельяминова—Зернов; Проток. Туркест.. Кружка за 1900 г.; Историческій Вѣстникъ за 1895: Развалины древняго города въ Уфим. губ. съ рис. П. Юдинъ.

гильныхъ плитъ, ни надписей, самое преданіе не можетъ указать мѣста погребенія святого царя, виновника постройки мавзолея, хотя киргизы и вѣшаютъ свои жертвоприношенія на восточную стѣну, но это ничего не значитъ кромѣ обычая во время молитвы обращаться на востокъ. Кисене обнесено земляным валомъ и рвомъ. (Въ Уфимск. Статист. Ком. имѣются фотограф. снимки этихъ памятниковъ). *)

Не лишне будетъ теперь привести описаніе этого самаго зданія со словъ г. Петри, посѣтившаго Кисене лѣтъ 20 послѣ г. Игнатьева.

Развалины Кисаня (Кисене), пишетъ г. Петри (см. Отчетъ Имп. Археолог. Ком. 1889 г.), представляютъ собою четыреугольное съ надломаннымъ верхомъ зданіе, приблизительно въ 8 саж. вышины, съ двѣнадцатигранной пирамидальной башней. Оно сложено изъ плоскихъ и почти квадратныхъ кирпичей большаго или меньшаго размѣра, причемъ фундаментъ доведенъ у входныхъ дверей до глубины 1 арш. 10 в. Кирпичъ не глазурованъ, превосходнаго качества. (Авторъ здѣсь напоминаетъ что кирпичи все болѣе и болѣе расхищаются). Внутри зданіе представляетъ собою квадратъ, стороны котораго равны 8 шагамъ. Потолокъ куполообразный, покрытый известью; въ центрѣ его находится деревянная втулка, а въ ней металлическое черное кольцо. Въ каждомъ углу зданія находится по нишѣ, съ изящнымъ филенчатымъ потолкомъ. Въ центрѣ зданія виднѣется яма арш. въ 1 1/2 глубины, въ родѣ могилы. По удаленіи всего мусора внутренняго помѣщенія обнаружилось что кладоискатели работали не только въ центрѣ, но и у входныхъ дверей и у обоихъ оконъ. Описаніе раскопокъ см. выше въ „Обзорѣ раскопокъ Оренб. губ.“

Размѣры кирпича изъ развалинъ Кисене (образцы изъ музея Ком.) слѣдующіе:

длина . . . 5 3/8 вершковъ
ширина . . 5 1/4 „
толщина . . 1 1/4 „

Зданіе „Кисене“ окружено со всѣхъ сторонъ четыреугольнымъ валомъ, дл. 25 саж., шир. 2 саж., и канавой дл. 27 саж., шир. 1 саж. Внутри и снаружи вала находится до 700 мазарокъ. Зданіе отъ дѣйствія погоды разрушается. Въ разныхъ мѣстахъ станичнаго юрта находится до 30 древнихъ могилъ. (Свѣдѣнія 1873 г. о городищахъ и курганахъ Оренб. губ. стр. 65, Изв. Имп. Археолог. Ком., Вып. V, 1903).

Гора Буйдъ. Въ Трудахъ Оренб. Уч. Арх. Ком. за 1898 г. вып. IV стр. 28 напечатана записка урядника Батурина „О зарытыхъ въ землѣ на горѣ Буйдѣ сокровищахъ во время Пугачевскаго бунта“. Гора эта находится въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ.

Могила Ляйли-Мяжнунъ. Въ Тургайск Газ. за 1908 г. въ № 20 помѣщено интересное киргизское преданіе, пріуроченное къ могилѣ святой Ляйли-Мяжнунъ.

Преданіе это сообщено Н. Ивановымъ и гласитъ слѣдующее.

Въ 10 верстахъ отъ Наслѣдницкой станицы Верхнеуральскаго уѣзда имѣются древнія мазарки. Здѣсь особенно бросается путнику въ глаза одинъ холмъ, покрывающійся весной шелковистой травой и цвѣтами. На этомъ холмѣ еще недавно находилась каменная плита, на которой невѣдомый поэтъ начерталъ по-арабски слѣдующій афоризмъ въ стихахъ:

„Какъ солнце степи выжигаетъ,
Такъ страсть людская сердце жжетъ;
Одинъ отъ страсти умираетъ,
Другой родится и цвѣтетъ...
Любовь—великое начало:
Она не духъ, она не твердь,
Она—прекрасное сначала—
Въ концѣ даетъ лишь зло и смерть“.

Если вы спросите киргиза въ той мѣстности, чья это могила, то услышите такой поэтическій разсказъ.

*) Фотографическіе снимки этого памятника были сняты въ прошломъ 1908 г. горнымъ инженеромъ Подъяконовымъ и переданы мнѣ. Прилагаемые рисунки 2 и 3 на таб. I. мною срисованы съ вышеупомянутыхъ снимковъ. I. К

Здѣсь когда-то имѣлъ ставку богатый и знатный киргизъ Курабай. У Курабая была дочка, по имени Ляйли-Мяжнунъ, бывшая утѣхой и радостью для старика. Какъ мѣсяцъ среди звѣздъ, блистала Ляйли-Мяжнунъ красотой среди дѣвушекъ и женщинъ своего аула. Много джигитовъ вздыхало по красавицѣ, но она была глуха къ ихъ мольбамъ, знать ждала иного красавца—героя.

Есть много и теперь среди киргизовъ красивыхъ батырей, но нѣтъ такого, какимъ былъ Арасланъ. Происходя изъ знатнаго рода султановъ, онъ былъ красивъ и богатъ: четыреста кобылъ поили его кумысомъ; двѣ тысячи овецъ давали ему молоко; сотни косяковъ лошадей паслись на привольѣ; бархатные халаты его блистали золотомъ и серебромъ, дорогое оружіе имѣлъ Арасланъ.

А какъ былъ добръ Арасланъ! Богачъ и байгушъ—всѣ шли къ нему, ночью и днемъ, для всѣхъ были открыты двери его юрты, а въ ней для всѣхъ былъ готовъ самый радушный пріемъ. Слава объ Арасланѣ прошла далеко; пѣвцы восхваляли его отвагу и доброе сердце; о немъ прошла молва отъ Тобола до сибирскихъ диванов; о немъ шумѣлъ безпокойный Аралъ; о немъ вторило эхо въ ущельяхъ далекихъ туманныхъ горъ. Вотъ этого-то Араслана и увидѣла однажды на „байгѣ“ Ляйли-Мяжнунъ, увидѣла и полюбила, полюбила страстно, до безумія, какъ только и можетъ любить истая дочъ восточныхъ степей... Она грезила о немъ въ своихъ сновидѣніяхъ, молилась о немъ Аллаху. Какъ роза Персіи раскрывается на зарѣ отъ весенней росы, такъ раскрывалась красота Ляйли-Мяжнунъ отъ перваго страстнаго біенія сердца, отъ чудодѣйственной силы любви... И понынѣ пѣвцы, вспоминая несчастную любовь Ляйли-Мяжнунъ, такъ говорятъ [1]) о ней въ своихъ пѣсняхъ:

„Жила красавица одна,
Ляйли-Мяжнунъ. Красой блистая
Среди подругъ своихъ, она
Была подобна пери рая;
Горѣла пылко въ ней любовь,
Какъ солнца яркое сіянье,
Не гасло страстное желанье,
Не стыла розовая кровь“.

Ляйли-Мяжнунъ была дѣвушка высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; красота ея была поразительна: ея черные выразительные глаза, густые черные волосы, доходящіе до пятъ, алыя губы поражали своей необыкновенной пышностью, даже яркостью.

Узнавши случайно о любви къ себѣ молодой и богатой ханикей [1]) Ляйли-Мяжнунъ, Арасланъ и самъ воспылалъ къ ней любовью. Недолго думая, онъ сѣлъ на своего аргамака, черезъ нѣсколько часовъ былъ въ аулѣ Курабая. Старикъ на просьбу отдать ему Ляйли-Мяжнунъ, далъ согласіе, но просилъ повременить, такъ какъ не хотѣлось ему сразу разстаться съ своимъ сокровищемъ. Пришлось покориться на время прихотямъ старца и молодые люди съ нетерпѣніемъ ждали того радостнаго дня, когда великій и милосердый Кудай соединитъ ихъ для совмѣстной жизни.

Но часто и солнце заслоняютъ облака и тучки; часто мутится свѣтлая струя источника; но всего чаще измѣняетъ человѣку судьба —она гораздо измѣнчивѣе рѣчной волны, измѣнчивѣе погоды осенней.

Наступила зима, жестокая, буранная зима, начались гололедицы, падежъ скота и голодъ въ степи... выдался несчастный годъ--„куайнжыл“ покиргизски. Какъ при живительныхъ лучахъ весенняго солнца быстро сбѣгаетъ снѣгъ со степи, такъ и у Араслана несчастіями суровой зимы стало быстро разрушаться богатство и къ веснѣ осталось у него всего на всего одна лишь кибитка. Впалъ въ уныніе и скорбѣлъ сердцемъ никогда раньше не знавшій невзгодъ Арасланъ: какъ онъ осуществитъ теперь свои завѣтныя мечты, какъ явится на глаза къ скупому Курабаю, какъ

[1]) Киргизы исполняютъ свои импровизаціи—рапсодіи обыкновенно речитативомъ, подъ аккомпаниментъ домбры, почему мы и употребляемъ слово „говорятъ“ вмѣсто „поютъ“. Н. И.

[1]) Ханикей—титулъ знатной дѣвушки.

возметъ себѣ въ жены его красавицу дочь Ляйли-Мяжнунъ, когда у него отъ всего богатства осталась одна лишь кибитка, а кибитку одну не приметъ въ калымъ Курабай и откажетъ ему...

Дѣйствительно, узнавъ про бѣду Араслана, отказалъ ему Курабай, онъ продалъ красавицу дочь старику, беззубому и хромому Найану [1]), разбогатѣвшему еще въ юные годы разбоемъ и барантой. Много урусовъ [2]) по ту сторону Тобола пострадало отъ этого хищника, много добра и коней увезено и угнано изъ русскихъ поселковъ.

Какъ громомъ пришибла Араслана такая несправедливость, осунулся онъ, похудѣлъ, завялъ, зачахла и гордость аула Ляйли-Мяжнунъ, поблекла ея красота, какъ блекнетъ при первомъ морозѣ степная трава. Долго думалъ Арасланъ, долго строилъ разные планы, пока не рѣшилъ: не быть Ляйли-Мяжнунъ за Найаномъ. Сначала онъ думалъ убить Найана, пока еще не досталась ему красавица, но скоро рѣшеніе свое измѣнилъ: онъ надумалъ во что бы то ни стало свидѣться со скучавшей по немъ дѣвушкой и увезти ее тайкомъ отъ отца въ свой аулъ. Во всякомъ аулѣ есть старухи, которыя за малую сравнительно плату готовы исполнить всякое порученіе, будь оно даже связано съ рискомъ потерять голову. Но что стоитъ голова бѣдной старухи-киргизки. Была такая старуха и въ аулѣ Араслана; она взяла на себя обязанность устроить Араслану свиданіе съ Ляйли-Мяжнунъ.

Нужно-ли говорить, что подосланная Аралановъ старуха была принята дѣвушкой радостно и вернулась въ свой аулъ щедро награжденная и съ извѣстіемъ, что красавица истомилась любовью по дорогомъ ея сердцу джигитѣ и что предстоящее свиданіе сулитъ рай наслажденій для нихъ...

Свиданіе состоялось скоро, такъ какъ старуха, получивъ богатые подарки и расчитывая на щедрость дѣвушки и впредь, приняла всѣ мѣры къ ускоренію этого свиданья между молодыми людьми. Ляйли-Мяжнунъ съ этого времени всѣмъ существомъ своимъ принадлежала Араслану, который и заторопился привести свой планъ окончательно въ исполненіе, т. е. увезти дѣвушку и тѣмъ спасти ее отъ будущихъ терзаній стараго мужа...

И взмолился тогда Арасланъ: „Великій Аллахъ! ты былъ всегда справедливъ, помоги же и теперь мнѣ, несчастному твоему сыну, украсть Ляйли-Мяжнунъ“!

Бывало не разъ онъ помогалъ друзьямъ своимъ въ умыканіи невѣстъ, дабы не платить за нихъ выкупъ (калымъ), теперь настала очередь и имъ помсгать ему...

Съ больной душой и съ истерзаннымъ сердцемъ передалъ онъ свое намѣреніе молодцамъ джигитамъ. Выслушали они его, покачали головами, посовѣтывались, и такъ какъ любили всѣ Араслана, то одобрили его планъ и такъ утѣшали его возможнымъ выполненіемъ задачи:

— Хорошо, хорошо батырь Арасланъ, мы поможемъ тебѣ! У насъ есть лихіе аргамаки, а ночь бываетъ и темной...

Такая ночь скоро наступила...

Аулъ Курабая спалъ крѣпкимъ сномъ, какимъ можетъ тольо спать степнякъ, наѣвшись вдоволь „махана“ и запившиего хмельнымъ кумызомъ. Не спала только Ляйли-Мяжнунъ, извѣщенная старухой; млѣя отъ страсти, металась въ своей кибиткѣ на грудѣ перинъ, прислушиваясь къ звукамъ ночи; гдѣ-то ржали лошади и выль шакалъ.. Наконецъ, отчетливо она разслышала два ружейныхъ выстрѣла за горой, которые прокатились по степи и замерли. То былъ условный знакъ для Ляйли-Мяжнунъ... Она быстро собрала свои драгоцѣнности, закуталась въ шаль; быстро выйдя изъ юрты, сѣла на приготовленнаго заранѣе арабскаго жеребца и какъ стрѣла полетѣла прочь отъ аула отца...

За горой снова раздался выстрѣлъ, на который и помчалась безстрашная дѣвушка.. Вотъ она слышитъ уже ржаніе коней, вотъ

---

[1]) Найанъ—уменьшительное отъ Наурузъ.
[2]) Урусъ—русскій.

проѣхала больше половины пути... Но что это?! Сзади слышится тоже топотъ и ржаніе коней. Неужели погоня? Она летѣла стрѣлой, такъ что духъ захватывало, она не не разбирала пути. Вотъ она почти и у цѣли, но вдругъ раздается выстрѣлъ, на этотъ разъ уже сзади ее, и несчастная дѣвушка валится съ лошади мертвою...

Услышали этотъ выстрѣлъ Арасланъ и его друзья—джигиты, услышали и изумились: неужели это Ляйли-Мяжнунъ? и послѣ недолгаго совѣщанія помчались къ ней на встрѣчу. Вотъ мимо нихъ промчался лихой жеребецъ... Гдѣ же Ляйли-Мяжнунъ и что значитъ подозрительный выстрѣлъ? Скоро они услыхали впереди себя лошадиный топотъ и черезъ нѣсколько минутъ джигиты натолкнулись на... Найана, который розыскивалъ трупъ убитой имъ невѣсты Ляйли-Мяжнунъ... Выстрѣлъ сталъ сразу понятенъ джигитамъ. Они съ помощью Найана отыскали тѣло несчастной дѣвушки, а надъ Найаномъ совершили свой самосудъ; только ночь была свидѣтельницей этой расправы...

Ляйли-Мяжнунъ была похоронена въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее нашли джигиты, а замученный Найанъ былъ брошенъ на съѣденіе голоднымъ шакаламъ.

Надъ могилой Ляйли-Мяжнунъ молодые джигиты насыпали холмъ, который и покрывается весной, какъ ковромъ, шелковистой травой и цвѣтами, тогда какъ сосѣдніе холмики стоятъ голые, и только на одномъ изъ нихъ растетъ кустъ саксаула.

Ночью здѣсь каркаетъ воронъ и кричитъ сова: они поютъ погребальную пѣснь несчастной Ляйли Мяжнунъ, которую киргизы считаютъ святой...

ТРОИЦКІЙ УѢЗДЪ.

Остатки стариннаго строенія. Въ своемъ трудѣ „Топографія Оренб. губ.“ 1762 г., I. II стр. 242“ П. И. Рычковъ упоминаетъ, что „по рѣкѣ Увелкѣ, по теченію ея, на лѣвой сторонѣ отъ Троицкой кр. въ 27 в., находится прежде жившихъ здѣсь народовъ Палатка, кладена изъ немалаго жженнаго кирпича квадратнаго, въ которой вмѣсто связей положены сосновыя брусья; но нынѣ, киргизы сказываютъ, большею частью она разломана и кирпичъ отъ обывател й Троицка въ крѣпость перевоженъ“.

Священная гора Аушкуль. Р. Г. Игнатьевъ сообщаетъ въ Оренб. Вѣд. за 1868 г. № 22, что въ Троицкомъ уѣздѣ близъ озера Аушкуль, на горѣ этого имени, живущіе тамъ башкиры предполагаютъ могилы трехъ Багдадскихъ миссіонеровъ, неизвѣстныхъ по имени, и что эти трое святыхъ мужей были посланы изъ Багдада для обращенія башкиръ язычниковъ. Гора Аушкуль по этому также привлекаетъ богомольцевъ, даже ключъ на на этой горѣ зовется святымъ и богомольцы мусульмане, прежде нежели подходятъ къ чтимымъ могиламъ, совершаютъ омовеніе въ святомъ ключѣ.

ДРЕВНОСТИ

Тургайской Области.

Свѣдѣнія о курганахъ и городищахъ.

АКТЮБИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ „Путешествіи изъ Оренбурга въ Бухару Эдуарда Эверсмана въ 1820 г.“ *) мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о курганахъ и пр. древнихъ могилахъ Тургайск. обл. и главнымъ образомъ Актюбинскаго уѣзда.

Такъ напр., стр. 11 **), во время дневки на р. Буртѣ ***) г. Эверсманъ пишетъ: Затѣмъ взошли на близлежащую возвышенность, гдѣ мы нашли много старыхъ могилъ; онѣ состояли изъ каменныхъ кучъ, по большей части съ углубленіемъ посрединѣ. Разнообразный мохъ былъ на камняхъ. Могилы должны имѣть происхожденіе киргизское, но это нельзя утверждать, если принять во вниманіе поросшіе мохомъ камни, тогда какъ киргизы обитаютъ эту мѣстность лишь 260 лѣтъ.

Дальше, на стр. 13, мы читаемъ слѣдующее: Приблизительно пройдя 21 версту (послѣ Бурти), достигли мы издалека видной возвышенности; тамъ находится песчаный, около 150 шаговъ въ окружности, съ углубленіемъ посрединѣ холмъ, по виду котораго ясно видно, что онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ рукамъ человѣческимъ; вокругъ находятся нѣсколько меньшихъ холмовъ, набросанныхъ изъ камней, подобныхъ тѣмъ, которые я описалъ выше. Когда я спросилъ нашего проводника каравана, то онъ сказалъ, что подъ большимъ холмомъ лежитъ погребеннымъ татарскій князь, каждый изъ его народа принесъ туда полу, полную земли, и отъ этого образовался этотъ холмъ; вокругъ него, продолжалъ онъ, лежатъ его сыновья. У татаръ такъ-же, какъ теперь у киргизовъ, былъ общій обычай погребать своихъ покойниковъ на самыхъ высокихъ мѣстахъ; всѣ могилы, которыя мы видѣли позднѣе, подтверждали это.

На стр. 20 мы читаемъ: 25 Октября пройдя 10 верстъ (послѣ Буссаги), нашли мы вправо отъ дороги много травой поросшихъ кургановъ, еще нѣсколько верстъ дальше, направо, на возвышенности, много могилъ, указанныхъ камнями; у многихъ выдавался неправильный красивый камень съ разнообразными знаками, которые, вѣроятно, обозначаютъ лишь слова корана „Лахъ-илахъ-иллалахъ“ и доказываютъ, что эти могилы не очень древни и временъ магометанства; знаки были по отношенію съ камнями одинаковой старости, что можно было видѣть изъ мховъ,

*) Reise von Orenburg nach Buchara von Eduard Eversmann. 1820.
**) Перев. А. П. Гра.
***) Притокъ Илека въ Буртинской волости (Актюб. у.).

которые одинаково покрывали какъ углубленія знаковъ, такъ и остальной камень. Среди этихъ кургановъ г. Эверсманъ нашелъдревнее сооруженіе изъ кирпичей, отчасти разрушенное.

Еще на стр. 29 мы читаемъ: Около 3-хъ верстъ отъ того мѣста на Куванбушурѣ, гдѣ мы ночевали, находится на одной возвышенности мѣсто стараго погребенія, гдѣ, какъ думаютъ киргизы, погребены калмыки; они разсказываютъ, что они за 100 и болѣе лѣтъ не знали ничего о томъ, похоронены-ли тамъ магометане или невѣрные, по этому рѣшили они открыть нѣсколько могилъ, гдѣ тогда нашли человѣческіе скелеты верхомъ на лошади, много издѣлій изъ серебра, также сабли, стремена и т. д. Нашли также и женщинъ, у которыхъ ихъ шейныя украшенія, состоящія изъ бусъ и драгоцѣнныхъ камней, были вложены въ ротъ. Курганы состояли изъ каменныхъ круговъ, по серединѣ углубленныхъ, какъ раньше приведенныя на стр. 11; они относятся къ такъ называемымъ чудскимъ могиламъ. Что киргизы дѣйствительно вскопали могилы, можно этому вѣрить, и при томъ не для того, чтобы искать сокровища, но чтобы узнать, не похоронены ли тамъ магометане изъ старинныхъ временъ, потому что такія мѣста для нихъ святы и только въ нихъ хоронятъ они своихъ покойниковъ; вездѣ, гдѣ находится татарская могила, видны кругомъ и киргизскія.

Въ Трудахъ Арх. Ком. за 1906 г. вып. XVI стр. 55 напечатаны слѣдующія указанія:

С. П. Банновъ сообщилъ о городищѣ, находящемся въ дачахъ № 5 аула Каратугайской волости Актюбинскаго уѣзда, отъ г. Актюбинска на С. въ 40 верстахъ, отъ русскаго поселка Каракудукъ въ 3—5 вер. Городище четыреугольное, размѣрами 15×15 с., окружено валомъ вышиной до $1^1/_2$ с. и наружнымъ рвомъ до 2—3 арш. глубиной.

Въ 4 вер. на западъ отъ городища стоятъ 5 весьма большихъ кургановъ, носящихъ у киргизъ названіе „Бис-оба“.

Еще далѣе, въ 7 вер. также имѣются курганы Кара-оба. Среди множества видѣнныхъ имъ кургановъ выдѣляются своей величиною: 1) курганъ Кара-оба, въ № 3 аулѣ Актюбинской волости, 2—3 саж. высотою; 2) подобный же курганъ при устьѣ Жаманъ-Каргалы, въ № 1 аулѣ Актюб. волости, въ 10 вер. отъ г. Актюбинска.

Въ 9-мъ аулѣ Каратугайской волости, въ 200 саж. отъ берега р. Илека, вверхъ по теченію, въ 150 вер. отъ Илецкой Защиты, имѣется много кургановъ. Здѣсь около аула вырыта изъ кургана кольчуга. (Изъ рук. Оренб. Арх. Ком.)

Во время моихъ поѣздокъ по Тургайск. обл. мнѣ удалось видѣть немало кургановъ весьма разнообразной формы и размѣровъ (см. рисунки кургановъ, помѣщ. въ концѣ моихъ трудовъ). Особенно ихъ много въ Актюбинскомъ уѣздѣ и главнымъ образомъ въ Илекской волости, именно *):

1) **Курганы Илекской волости.** Между станціями Акъ-Булакъ и Сагарчинъ, вправо отъ линіи желѣзной дороги, по направл. къ Актюбинску, встрѣчается много кургановъ куполообразной формы, они расположены группами отъ 4 до 5; число ихъ увеличивается по ту сторону р. Илека. Въ урочищѣ Байчулакъ-Сагасы, въ 15 верстахъ отъ Акъ-Булака, на лѣвомъ берегу р. Илека, виднѣется цѣлый рядъ кургановъ, тянущихся по одной линіи и группами отъ 5 до 6, по направленію къ Корсакъ-басъ. Форма ихъ куполообразная, размѣры ихъ отъ 100 до 115 метровъ въ окруж., высота ихъ отъ 50 до 90 сант.

У нѣкоторыхъ замѣтно углубленіе въ серединѣ и по размѣрамъ они меньше, чѣмъ вышеупомянутые.

Не доѣзжая до горы Корсакъ-басъ, встрѣчается киргизское кладбище, называемое Акъ-

*) См. отчетъ объ экспедиціи въ Актюбинскій уѣздъ лѣтомъ 1904 г. въ трудахъ Оренб. Уч. Арх. Ком. вып. XIV. стр. 188—200 І. Кастанье.

мола. Здѣсь среди киргизскихъ могилъ виднѣется большой курганъ.

У подножія Корсакъ-басъ, на границѣ 3-го аула Илекской вол съ 6-мъ ауломъ Хобдинской волости, замѣчается нѣсколько кургановъ куполообразной формы.

2) **Каратугайск. вол.** Между ст. Мартукъ и р. Илекъ по дорогѣ встрѣчается нѣсколько кургановъ.

За рѣкой Илекомъ, при устьяхъ р. Акъ-су. имѣется группа кургановъ небольшихъ размѣровъ.

3) **Хобдинская волость.** Крестьянскій начальникъ Поповъ словесно мнѣ передалъ, что въ Хобдинской волости масса кургановъ. Они также расположены группами и нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ большихъ размѣровъ. Форма ихъ куполообразная.. Встрѣчаются курганы, обставленные камнями.

3) **Актюбинская волость.** На берегу рѣки Жаксы-Каргалы, верстъ около 8 отъ Актюбинска, по Орской дорогѣ, около могилы раскопано мною въ 1904 г. нѣсколько кургановъ.

Двѣ версты дальше, нѣсколько сотъ шаговъ вправо отъ Орской дороги, верстъ за 10 отъ Актюбинска, встрѣчается множество кургановъ; они расположены на узкой продолговатой возвышенности среди степи, являющейся послѣднимъ отрогомъ холмовъ, подножіе которыхъ омываетъ рѣка Жаманъ-Каргала, притокъ Жаксы-Каргалы. Этотъ выступъ земли въ видѣ языка своимъ господствующимъ положеніемъ долженъ былъ привлечь вниманіе кочевниковъ и служить имъ даже обороной во время войны. Многіе народы оставили здѣсь слѣды своего пребыванія, судя по множеству разнообразныхъ надгробныхъ памятниковъ, которыми эта мѣстность усѣяна. Расположеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ даетъ возможность предположить, что здѣсь нѣкогда имѣли мѣсто кровопролитныя сраженія, гдѣ разнообразные народы взаимно истребляли другъ друга.

Здѣсь мнѣ удалось насчитать до 30-ти кургановъ, куполообразной формы, высота которыхъ начиная отъ полуметра, доходила до 12 метровъ отвѣсной высоты. Одинъ изъ нихъ высотой 12 метровъ, 110 метровъ окружности, 8 метровъ въ діаметрѣ; онъ возвышается вначалѣ этого „языка“ и окруженъ рвомъ; передъ нимъ расположены 6 кургановъ, которые всѣ похожи другъ на друга и одинаковой высоты, которая равняется почти половинѣ главнаго кургана т. е. приблизительно четыремъ метрамъ, за ними идутъ 23 другихъ кургана еще меньшихъ размѣровъ. Среди нихъ, и главнымъ образомъ въ противоположномъ концѣ отъ высокаго кургана, виднѣется 10 надгробныхъ памятниковъ въ видѣ кучи камней. Наконецъ въ этомъ же концѣ встрѣчаются 7 киргизскихъ могилъ, одна изъ нихъ помѣщена на краю кургана. (См. таб. VI, рис. 6.) У подножія этого „языка“ на юго-западной сторонѣ возвышаются двѣ киргизскихъ мазарки. Здѣсь лѣтомъ 1906 и 1909 г.г. мною были раскопаны 3 кургана.

Проѣзжая немного дальше по Орской дорогѣ, встрѣчаемъ цѣлую группу кургановъ куполообразной формы, средній размѣръ которыхъ слѣдующій: окружность—120 метровъ, діам.—35 метр., высота $1^1/_2$ метра.

Здѣсь въ 1904 г. мною былъ раскопанъ курганъ—могильникъ, окруженный большими лежащими плитами. Линія кургановъ тянется вправо отъ дороги съ С-В на Ю-З, пересѣкая Орскую дорогу. Удаляясь отъ г. Актюбинска по направленію къ Орску, курганы попадаются все чаще и чаще. Урочище Аще-Сай особенно богато курганами. Линія ихъ переходитъ рѣку Чійли и доходитъ до Жаксы-Каргалы.

Здѣсь на возвышенностяхъ Чійли и Аще-Сая были мною раскопаны нѣсколько кургановъ въ 1904 и 1906 г. г.

См. мои отчеты въ трудахъ Оренб. уч. Арх. Ком.

Въ верховьяхъ р. Чійли и между ней и рѣкой Жаксы-Каргалой, по обѣимъ сторонамъ Орской дороги, разбросано множество кургановъ маленькихъ размѣровъ, но попадаются и большіе, особенно въ 3-емъ аулѣ, противъ горы Жилъ-тау. Здѣсь недалеко отъ Орской дороги и въ 45 слишкомъ верстахъ отъ Актюб., лѣтомъ 1906 г. мною былъ раскапанъ курганъ.

У подножія горы Джиланъ-тау, по ту сторону р. Жаксы-Каргалы, курганы рѣже попадаются, но они больше по размѣру. Здѣсь на правомъ берегу рѣки Жаксы-Каргалы, на маленькой возвышенности, верстъ за 12 отъ г. Актюбинска въ 1906 г. мною былъ разрытъ курганъ съ тремя погребеніями. По близости еще нѣсколько кургановъ куполообразной формы, средняя высота ихъ около 2-хъ метровъ.

Курганы еще виднѣются около Суматовскаго оврага и вблизи зимовки султана Суматова.

На вершинѣ горы Жилъ-тау, противъ пещеръ и проваловъ того-же названія, имѣются курганы. Одинъ изъ нихъ на горѣ состоитъ изъ груды камней.

Между р. Жаксы-Каргалой и ея притокомъ Терезбутакъ, по дорогѣ черезъ горы Джиланъ-тау, попадаются курганы среднихъ размѣровъ. Число ихъ увеличивается за Терезбутакомъ, между этой рѣкой и Илекомъ. Тутъ, по большой дорогѣ къ г. Актюбинску, вправо и влѣво, виднѣется много кургановъ, большинство изъ нихъ куполообразной формы и весьма значительныхъ размѣровъ.

Въ восьми верстахъ отъ пос. Степного въ урочищѣ Аще-Сай, на вершинѣ Купухты имѣется курганъ въ 3 саж. высоты, сложенный изъ камней.

Вблизи вышеупомянутаго Аще-Сай, на нѣсколько сотъ саженей растоянія, виднѣется много кургановъ и что-то въ родѣ крѣпости изъ камней. Камни сливаются почти съ землей и тянутся на нѣсколько сотъ саженей въ видѣ полукруга.

На городской землѣ, по ту сторону Актюбинска и въ пяти верстахъ отъ города, съ лѣвой стороны рѣки Тамды, былъ одинокій курганъ, сложенный изъ камней. Этотъ курганъ былъ раскопанъ хищническимъ путемъ и въ немъ было найдено много предметовъ.

Вообще окрестности Актюбинска изобилуютъ курганами.

5) **Бистамакская волость.** На правомъ берегу рѣки Илека, въ 6-мъ аулѣ, на горѣ, верстъ 12—13 къ Ю. отъ Актюбинска и верстъ около 3-хъ отъ зимовки киргиза Таира, я видѣлъ древнее сооруженіе. Оно составлено изъ цѣлаго ряда огромныхъ камней въ видѣ обширной подковы, въ нѣсколько сотъ саженей окружности. На самомъ концѣ и на высшей точкѣ поднимается курганъ, сложенный изъ разноцвѣтныхъ камней. Это сооруженіе, на которое киргизы с отрѣли какъ на древнюю крѣпость неизвѣстнаго народа, было разрушено во время постройки желѣзной дороги. Камни стѣны были разобраны подрядчиками и увезены на линію, верстахъ въ 15-ти; остались только самые большіе, которые все еще обозначаютъ прежнее направленіе ограды.

У подножія горы, саж. 100 отъ зимовки киргизы Таира, около киргизскаго кладбища расположенъ курганъ куполообразной формы небольшихъ размѣровъ. Отъ него справа и слѣва простирается непрерывная линія кургановъ, расположенныхъ по одному направленію, въ десяти шагахъ другъ отъ друга, но они почти сравнялись съ землею. Линія эта кончается съ одной стороны у оврага Аще-Сай, а съ другой—у рѣки Илека.

КУСТАНАЙСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ „Изв. Имп. Археол. Ком. за 1903 г. прибав. къ вып. VI стр. 79“. Н. Ивановымъ помѣщена статья, гдѣ онъ указываетъ, что въ Кустанайскомъ уѣздѣ и во всей территоріи Тургайской области, лѣтъ 250 тому назадъ, по свѣдѣніямъ киргизовъ, жили калмыки,

которыми насыпано 5 сопокъ по р. Тоболу. Одна изъ нихъ, ниже истока Тобола на 100 верстъ, подъ названіемъ Акъ Карга (бѣлая ворона); другая, ниже Акъ Карги на 60 верстъ, Житы-кара (въ переводѣ: издали виденъ черный предметъ); третья—Хан-Кельды (въ переводѣ: мѣсто-посѣщеніе хана); четвертая - Кокъ-басъ (въ переводѣ синяя голова) и пятая—Аякъ-кок-уюкъ (въ переводѣ: Зеленый оазисъ).

Здѣсь найденъ въ 1901 г. идолъ вышиною въ 3 слишкомъ вершка, на мѣдномъ пьедесталѣ, въ видѣ листа лотоса, съ изображеніемъ четырехъ рукъ. Глаза идола, видимо для придачи имъ блеска, сдѣланы изъ бѣлаго яркаго металла, а губы изъ красной мѣди. [1])

Калмыки-зайсаны буддійскаго исповѣданія и можно предполагать, что найденный мѣдный идолъ есть божество-бурханъ.

Въ трудахъ Оренб. Арх. Ком. за 1905 г. вып. XVI стран. 52 появилась интересная статья г. Аниховскаго *„Древніе курганы-могильники въ Кустанайскомъ уѣздѣ Тургайской области“*. Авторъ статьи даетъ нѣсколько свѣдѣній о курганахъ этого уѣзда. Особенное скопленіе и густота древнихъ кургановъ наблюдается въ гористыхъ и холмистыхъ мѣстахъ уѣзда, гдѣ нѣтъ ни одной горки, ни одного болѣе или менѣе значительнаго холма, чтобы вершина ихъ не была занята курганомъ большей или меньшей величины, съ земляной насыпью или кучей камней вмѣсто насыпи. Нужно при этомъ замѣтить, прибавляетъ авторъ, что выдающіяся, такъ сказать командующія надъ мѣстностью точки, почти всегда заняты курганами большей величины и конструкціи, такъ называемыми близнецами или покиргизски *„Кос-оба“*.

Часто можно встрѣтить, что вокругъ расположеннаго на вершинѣ кургана значительной величины группируются курганы меньшей величины, образуя цѣлое кладбище.

Изъ всего великаго множества разсыпанныхъ по степи кургановъ $^3/_5$ смѣло можно отнести къ разряду обыкновеннаго типа, съ правильной куполообразной земляной незначительной величины насыпью, отъ 1 до 5 саж. въ діаметрѣ и до 1 саж. отвѣсной высоты. Эти курганы встрѣчаются вездѣ и извѣстны у киргизъ подъ общимъ названіемъ „Оба“. Расположены они и по одиночкѣ, и по два и по три, и по пяти и болѣе штукъ вмѣстѣ.

Средней величины кургановъ уже значительно меньше и они отличаются отъ первыхъ не только величиною насыпи, но и формой, а такъ-же и конструкціей; насыпь отъ 5 до 15 саж. въ діам. и до $2^1/_2$ саж. отвѣсной высоты. Эти курганы обыкновенно занимаютъ болѣе почетныя мѣста на вершинахъ горъ и холмовъ, располагаясь въ большинствѣ случаевъ по одиночно или по два, рѣдко въ большемъ числѣ. Форма насыпи или правильная куполообразная или же неправильная съ значительно повышенной сѣверной стороной и крутымъ скатомъ къ сѣверу, а къ югу болѣе пологимъ и низкимъ. Иногда сѣверный скатъ такихъ кургановъ бываетъ укрѣпленъ камнями (см. таб. VII рис. 12); встрѣчаются такъ-же курганы съ удлиненной насыпью, съ куполообразной насыпью и котлообразнымъ углубленіемъ въ срединѣ.

Вокругъ средней величины кургановъ зачастую идетъ кольцеобразно обхватывающая ихъ насыпь и довольно глубокій и широкій ровъ; тогда съ южной или даже съ южной и сѣверной сторонъ ровъ прерывается и грунтъ остается нетронутымъ, образуя какъ бы мостики для проѣзда, шириною въ 3—5 арш. (см. таб. VIII рис. 17) Противъ этихъ мостиковъ или пролетовъ насыпь болѣе полога, чѣмъ съ остальныхъ сторонъ.

Весьма вѣроятно, что при сооруженіи насыпи по этимъ мостикамъ подвозили землю. Встрѣчаются такъ-же курганы, у которыхъ за рвомъ идетъ еще такой-же кольцеобразный валъ до 2—3 арш. высоты и ширины (См. таб. VIII рис. 18).

Изъ болѣе интересныхъ и единственныхъ въ своемъ родѣ кургановъ, выдѣляющихся

---

[1]) Идолъ этотъ переданъ на храненіе въ музей Оренбургской ученой архивной ком.

изъ общей массы своею величиною, особенностью формы и конструкціей, суть слѣдующіе:

„*Кугуюкъ-оба*“ (Кугуюкъ мола)
„*Сара-Біикъ-оба*“
„*Орл-оба*“

Кугуюкъ-мола находится въ 18 вер. къ югу отъ Кустаная, на земляхъ, нынѣ отведенныхъ подъ переселенческій участокъ Садчиковскій Аракарагайской волости и представляетъ усѣченную пирамиду, сложенную изъ пластовъ дерна, причемъ, какъ общая форма, такъ и наружныя грани угловъ старательно выполнены. Площадь основанія этой пирамиды около 225 кв. саж., высота по ребру до 10 саж. Стороны или бока пирамиды очень круты, такъ что взобраться на верхнюю ея площадку дѣло не совсѣмъ легкое. Вся она густо обросла травою и очень еще крѣпка.

„Орл-оба“ расположенъ на вершинѣ холма въ 5-мъ аулѣ Кумакской волости при дорогѣ, идущей изъ Тургайской обл. въ пос. Елизаветинскій Оренбургской губ. Курганъ интересенъ тѣмъ, что онъ не куполообразной формы, какъ большинство кургановъ, а квадратный и значительныхъ размѣровъ. Этотъ интересный курганъ разрытъ киргизами; въ немъ, какъ говорятъ, была найдена желѣзная кольчуга и шлемъ.

Въ Джитыгаринской волости, на границѣ 7—8 ауловъ, влѣво отъ Уркаческой дороги, на вершинѣ высокаго холма, есть очень интересное сооруженіе подъ названіемъ „Біикъ-Сара-оба“, напоминающее скорѣе небольшую крѣпостцу, приспособленную для защиты отъ непріятеля, чѣмъ курганъ-могильникъ. Устройство его слѣдующее: снаружи идетъ правильный, кольцеобразный, земляной валъ до 3 арш. высоты, за валомъ находится въ 3 арш. глубиной и шириной такой-же кольцеобразный ровъ, за рвомъ подымается высокая крутая насыпь, съ котлообразнымъ углубленіемъ во всю свою ширину, въ которомъ могъ-бы помѣститься небольшой отрядъ. Все сооруженіе сдѣлано весьма прочно, такъ что до сихъ повъ сохранилось превосходно. Слѣдовъ кладоискательства не видно.

Изъ кургановъ средней величины съ куполообразной насыпью, рвами, окружающими насыпь, и мостиками или пролетами, какъ болѣе выдающіеся и болѣе сохранившіеся, заслуживаютъ вниманія слѣдующіе:

„*Бес-оба*“ (пять бугровъ) Убаганской волости, 1 аула, у оз. Палы.

„*Улконъ-оба*“ (большая шишка) 5-го аула, Аракарагайской вол., у р. Тобола.

„*Сара—оба*“ Дамбарской вол., у зимовокъ того-же имени „*Тюлебай оба*“ „*Саръ-оба*“, „*Кисекъ-оба*“ и др. Джитыгаринской вол. 7-го и 8-го ауловъ, верстахъ въ 7—12 отъ оз. Чекей.

„*Ботанъ-оба*“, „*Сар-оба*“, „*Акмола*„ и др. Кумакской вол. 5-го аула.

Большинство разсыпанныхъ по степи кургановъ особыхъ названій не имѣютъ, а извѣстны у киргизъ подъ общимъ названіемъ „*Оба*“, т. е. бугоръ, шишка; только сравнительно весьма немногіе, преимущественно большой величины или особой какой-либо конструкціи, имѣютъ особыя названія въ зависимосги отъ мѣстонахожденія, величины, формы, а чаще отъ цвѣта земли насыпи. Кара-оба (черная шишка), Сар-оба (желтая ш.) Кызыль-оба (красная шишка) и др.

Современные обитатели Тургайской области—киргизы довольно часто хоронятъ своихъ покойниковъ, устраивая могилы въ срединѣ или на краю насыпи древнихъ кургановъ, тогда такой курганъ носитъ названіе по имени погребеннаго киргиза: Альмуратъ-оба, Темирбай-оба, Ахметъ оба, и др. (см. Таб VI рис. 6.)

Кстати надо замѣтить, что киргизы очень остроумно воспользовались курганами. Они у нихъ играютъ роль пограничныхъ межевыхъ знаковъ, отдѣляющихъ владѣнія общинъ, ауловъ и волостей другъ отъ друга.

Большого вниманія заслуживаютъ такъ-же курганы, у которыхъ земляная насыпь

замѣнена кучей разной величины необтесанныхъ глыбъ камня. Эти курганы, такъ-же какъ и вышеописанные, бываютъ самой разнообразной величины и формы; чаще всего встрѣчаются каменные курганы, сложенные изъ бѣлаго или розоваго зернистаго кварца. Величина ихъ самая разнообразная: отъ незначительной кучки въ 2—3 десятка камней до цѣлой чуть-ли не горы въ нѣсколько сотъ возовъ. Кладка камней производилась различно, а посему и внѣшняя форма трехъ типовъ:

1) сплошной конусообразной кучей,
2) правильнымъ кубомъ (болѣе рѣдкая)
3) кольцеобразнымъ валомъ.

Изъ послѣдняго типа болѣе интересны слѣдующіе: Джангыз-агаш-оба находится въ Джитыгаринской волости, въ 7-мъ аулѣ, влѣво отъ караванной дороги на оз. Уркачъ. Названъ онъ такъ потому, что въ срединѣ его растетъ большая, впрочемъ на половину уже высохшая, береза.

Кара-оба—въ Кумакской вол., въ 5-мъ аулѣ. Онъ занимаетъ очень высокую точку и, будучи значительной величины, виденъ издалека; несмотря на то, что онъ сложенъ изъ глыбъ бѣлаго кварца, онъ всегда издалека кажется чернымъ, отчего его и назвали „*Кара-оба*“. Въ Кумакской волости по берегамъ или вблизи прѣсныхъ источниковъ, преимущественно въ мѣстахъ съ хорошей растительностью, расположены цѣлыя кладбища съ большимъ числомъ курганныхъ насыпей самой разнообразной величины. Такія кладбища несмотря на скученность могилъ занимаютъ иногда значительныя площади земли.

Большое „*Калмыкское кладбище*“ (какъ называютъ его киргизы), расположенное на самомъ берегу р. Рис-бiике-сай, въ 5-мъ аулѣ Кумакской волости, занимаетъ площадь до 4 дес. Обыкновенно на такихъ кладбищахъ центромъ служитъ самый большой курганъ изъ всѣхъ его окружающихъ. Насыпь его куполообразной формы, съ очень крутыми боками, 3—5 саж. въ діаметрѣ и до 2—4 арш. отвѣсной высоты. Вокругъ всей насыпи онъ обставленъ стоймя зарытыми до половины въ землю необтесанными каменными плитами; такой же необтесанный камень зарытъ въ центрѣ насыпи. Вокругъ главнаго или центральнаго кургана тѣснятся десятки, а иногда и сотни самой разнообразной величины кургановъ ,также обставленныхъ кругомъ зарытыми до половины въ землю камнями и также имѣющими въ центрѣ насыпи зарытымъ до половины камень

Чаще всего такія кладбища встрѣчаются по берегамъ слѣдующихъ рѣкъ: Рис-бiике-сай, Джа-сай, Джангыз-агаш-сай, Джарлы-бутакъ, Айдарлы-бутакъ и Кумакъ.

Замѣчательно то, что изъ всего великаго множества разсыпанныхъ по степи кургановъ только на очень немногихъ изъ нихъ сохранились до нашего времени и то далеко не въ цѣломъ видѣ, такъ называемыя, каменныя бабы, т. е. грубое подобіе человѣческой фигуры, вытесанной изъ цѣлаго куска песчаника, гранита или другого камня. Весьма вѣроятно, что прежде такіе каменные болваны стояли на многихъ курганахъ, но въ настоящее время стали рѣдкостью.

Въ Трудахъ Оренб. Уч. Арх. Ком. за 1906 г. вып. XVI стр. 29 напечатано заявленіе лѣсного кондуктора П. В. Полякова о двухъ курганахъ, находящихся въ 35 верстахъ отъ г. Кустаная, къ С.-В. отъ Горѣлова кордона верстахъ въ 6, и въ 3 верстахъ къ Ю.-З отъ кордона Сѣрикова, на полянѣ, въ лѣсу, въ діаметрѣ они имѣютъ около 10 саж. каждый и хорошо сохранились.

Въ Оренб. Уч. Арх. Ком. имѣется карта кургановъ Кустанайскаго уѣзда, исполненная топографами г.г. Загряжскими подъ наблюденіемъ д. ч. ком. А. Л. Аниховскаго, на основаніи матеріаловъ, имѣющихся въ Тургайской партіи топографовъ.

ИРГИЗСКІЙ УѢЗДЪ.

Во время моихъ поѣздокъ по Челкарской степи мнѣ удалось видѣть, хотя и рѣдко,

нѣсколько памятниковъ старины, главнымъ образомъ по дорогѣ къ развалинамъ Болгасынъ.

Курганы встрѣчаются на той возвышенности, гдѣ лежатъ развалины Болгасынъ, среди киргизскихъ могилъ; курганы маленькихъ размѣровъ, многіе изъ нихъ едва замѣтны.

Между развалинами Болгасына и ж. д. ст. Соленой надъ возвышенностями, господствующими надъ рѣкой Болгасынъ, имѣются курганы среднихъ размѣровъ.

За рѣкой Болгасынъ, по направленію ж. д. ст. Улпанъ, въ степи виднѣются курганы большихъ размѣровъ.

За Челкаромъ, вправо отъ линіи ж. д. верстъ 4—5 не доѣзжая до ст. Копъ-мула, около озера виднѣется нѣсколько большихъ кургановъ. Тутъ же имѣются киргизскія мазарки. (І. К.)

ТУРГАЙСКІЙ УѢЗДЪ.

На общемъ собраніи членовъ Оренб. Уч. Арх. Ком. отъ 9 октября 1909 г. Б. А. Скаловымъ было доложено, что на правой сторонѣ средняго теченія р. Сары при впаденіи въ нее Талды Сая, на высокомъ водораздѣлѣ, въ предѣлахъ 1-й Наурзумской волости находится замѣчательное число кургановъ, расположенныхъ въ рядъ, образующихъ геометрическія фигуры въ родѣ треугольниковъ и четыреугольниковъ. Нѣкоторые курганы замѣчательной величины, остальные маленькіе, расположены на одинаковымъ другъ отъ друга разстояніи.

Обзоръ археологическихъ раскопокъ

ВЪ ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ.

Первыя археологическія изысканія въ предѣлахъ Тургайской области принадлежатъ Ф. Д. Нефедову.

Первыя раскопки Г Нефедовъ произвелъ по правой сторонѣ р. Теръ-Бутака, въ двухъ вер. отъ ея впаденія въ р. Илекъ и въ 4 отъ кочевокъ № 5 аула; здѣсь было вскрыто 4 кургана, всѣхъ ихъ находится тамъ до 40. Въ насыпи одного кургана найденъ слой сгнившаго дерева въ $2^1/_2$ арш., далѣе сводъ изъ залива (суглинокъ съ известью) и необожженныхъ кирпичей.

Подъ сводомъ трупосожженіе. Во второмъ курганѣ погребеніе въ вытянутомъ положеніи, головою на югъ, въ ногахъ глиняный горшокъ, выше головы бронзовое зеркало и др. каменные предметы. Въ 3—4 курганахъ подобныя же погребенія.

Вторыя раскопки г. Нефедовъ произвелъ на Синемъ Яру, въ 5 в. отъ Теръ-Бутака; всѣхъ кургановъ 32, разрытъ 1. Скелета не оказалось, но яма заполнена была белемнитами, шлакомъ, кольцами (каменными?), цилиндриками съ просверленными отверстіями (изъ камня?), стрѣлками, овальными и плоскими камешками, круглыми маленькими голышами и каменными осколками.

Третьи раскопки — близъ Тамаръ-Уеткеля (чынѣ Тамаръ-Уткуль?) на лѣвомъ берегу Илека. Разрыто 4 кургана. Въ 1 курганѣ „Золотомъ“ найдено 6 скелетовъ, золотыя вещи, стеклянныя бусы, бронзовыя стрѣлы. зеркала; въ 3 курганѣ въ верхнемъ слоѣ найдено 2 скелета, во второмъ 3, одинъ изъ нихъ безъ нижней челюсти, найдены бронзовые наконечники стрѣлъ, черепки отъ горшковъ, кости животныхъ, уголь.

Четвертыя раскопки — въ мѣстности Кулугаши около аула № 4, въ 3 $^1/_2$ в. отъ р. Илека съ лѣвой стороны; всѣхъ кургановъ 20, раскопано 3, не вполнѣ внимательно, найдено 2 погребенія на материкѣ въ вытянутомъ положеніи, головою на Ю. В.

Пятыя раскопки— въ Каратугайской вол. (Актюбинскаго уѣзда) около оз. Кара-Бутакъ. Здѣсь виднѣлось до 500 кургановъ, но боль-

шая часть уже разрушена, раскопано 6 курганов. Одни погребенія на материкѣ, другія въ могильныхъ ямахъ. Въ общемъ отмѣчается большое количество издѣлій изъ кости и бронзовыя створчатыя височныя кольца.

(Археолог. изслѣд. въ южномъ пріуральи 1887—1888 отд. изъ „Матеріаловъ“ по археологіи восточныхъ губ. изд. Имп. Москов. Археол. общ. Т. 3.)

II

Вторымъ изслѣдователемъ былъ г. Петри, который въ 1889 г. произвелъ археологическія изслѣдованія въ Кустанайскомъ уѣздѣ.

Изъ множества кургановъ, находящихся близъ озера Убалы-Куль, при урочищѣ Бишъ оба, г. Петри раскопалъ три кургана; въ нихъ найдены слѣды трупосожженія. Приблизительно посреди кургана (на материкѣ?) проходилъ слой древеснаго угля. У подножія холма, гдѣ раскопаны эти курганы, находится группа чрезвычайно низкихъ кургановъ, усыпанныхъ камнями и напоминающихъ киргизскія могилы. При раскопкѣ одного изъ этихъ кургановъ въ немъ оказалась *каменная баба*, очень грубой отдѣлки; ничего болѣе въ курганѣ не найдено. Не вдалекѣ отъ него была найдена еще каменная баба, тоже весьма грубой отдѣлки. (Древности изъ раскопокъ г. Петри находятся въ Историческомъ музеѣ. Отчетъ Имп. Археол. Ком. за 1889 г.)

III

Иванъ С. Назаровъ раскопалъ курганъ *“Кокъ-Ійюкъ“* (зеленый горбъ) въ 12 в. отъ г. Кустаная на правой сторонѣ р. Тобола, въ 7—8 в. отъ него, у дороги изъ Кустаная въ Уркачъ. Курганъ до 4 саж. высотою, имѣлъ въ насыпи остовъ изъ составленныхъ въ видѣ конуса березовыхъ жердей. Г. Назаровъ заявляетъ, что въ курганѣ ничего не нашелъ. „Отчетъ по раскопкамъ кургана „Кокъ-Ійюкъ“ въ Николаевскомъ (нынѣ Кустанайскомъ) уѣздѣ Тург. обл.“. Древности, т. XV стр. 185, прилож. къ протоколу № 350—20 февр. 1890 г.

Въ Тургайск газетѣ отъ 14 іюля 1902 г. № 167 напечатана слѣдующая замѣтка [1]) „Въ 15 вер. отъ г. Актюбинска къ Оренбургу, около караванной дорогѣ, разрывается въ настоящее время древній курганъ (могильный). Онъ весь сложенъ изъ камня, вышиной до 1 саж. По разсказу старой киргизки, въ такихъ курганахъ (ихъ нѣсколько около Актюбинска) похоронены какіе то богатыри, о которыхъ и преданіе говоритъ только смутно. По ея разсказу курганъ состоитъ весь изъ камня, при чемъ вверху аршинъ на 6 наложенъ довольно мелкій камень, а ниже еще на сажень долженъ быть крупный плитнякъ. Подъ этимъ крупнымъ плитнякомъ (на 3 саж глубины (?) и похороненъ богатырь во всемъ вооруженіи съ кольчугой, серебряными украшеніями и конемъ. Курганъ разрываетъ киргизъ Куктлей и доставляетъ камень на линію ж. д. для моста.

Въ 1903 году А. Л. Аниховскій произвелъ раскопки двухъ кургановъ въ Актюбинскомъ уѣздѣ, въ Тереклинской волости, въ урочищѣ Жангызъ-Агашъ, не доѣзжая верстъ 9 до пос. Новоуральскаго, въ 100 саж. вправо отъ дороги.

Первый курганъ имѣлъ размѣры: высота $5^1/_2$ арш. діам. 100 окружность 35 с. Вся насыпь оказалась изъ кирпича, неправильно лежавшаго, цѣльнаго и въ осколкахъ; размѣры кирпича: $5^1/_2$ в. $\times 5^1/_2 \times {}^1/_8$ в. и рѣже $5^1/_2 \times 2^1/_2 \times {}^1/_8$ в. По расчисткѣ насыпи въ ней найдены какъ бы остатки стѣнъ четыреугольнаго зданія съ дверью въ 3 арш. шириною. Стѣны сложены изъ того же кирпича на глинѣ, высота ихъ $2^1/_2$ арш.; толщина до 2 арш. Внутри стѣнъ разстояніе 8—9 арш. Въ ю.-з углу зданія изъ пола торчало четырехгранное струхлѣвшее бревно, стоявшее, какъ оказалось, въ головахъ могильной ямы. Послѣдняя помѣщалась въ полу зданія въ Зап. его половинѣ, содержала 2 погребенія, мужское и женское, оба на спинѣ, головою на ю., ногами на с. Оба отдѣленія могилы были тща-

[1]) Перепеч. въ Изв. Имп. Арх. Ком. прибав. къ вып. V за 1903 г. стр. 55.

тельно выложены плитами песчаника и кромѣ того мужскій скелетъ былъ заключенъ въ деревянный гробъ, отъ котораго сохранились угловыя желѣзныя скобки. Никакихъ вещей или слѣдовъ одежды не найдено.

Второй курганъ имѣлъ размѣры: 5 с. въ діаметрѣ и 2 арш. высоты. Насыпь состояла изъ чернозема; въ ней обнаружены стѣны въ видѣ четыреугольника (размѣры 6×6 арш.), въ 2 кирпича толщиною и 3/4 арш. высоты, сложенныя безъ цемента изъ кирпича того же размѣра, какъ и предыдущее зданіе. У сѣверной стѣны въ материкѣ обнаружена погребальная яма въ 4 арш. длины, 1 1/2 арш. глубины и столько же ширины. Въ ямѣ подъ с. стѣну была вырыта ниша во всю длину, куда и помѣщенъ трупъ въ положеніи спящаго на правомъ боку, головою на вост., лицомъ къ югу. Въ ногахъ найдены положенными на кости голеней истлѣвшіе кожаные сапоги въ родѣ татарскихъ ичеговъ. Болѣе ничего не найдено. (Раскопки древнихъ кургановъ могильниковъ въ Актюбинскомъ уѣздѣ Тур. обл. Тр. Оренб. Арх Ком. Вып. XIV 1905 г.).

Изъ сообщенія члена Оренб. Арх. Ком. Аничкова [1]) извѣстно, что крестьянинъ И. П. Самойловъ вмѣстѣ съ г. Назаровымъ раскопали немало кургановъ въ Кустанайскомъ уѣздѣ.

На Уркачѣ есть 6 кургановъ, которые Самойловъ изслѣдовалъ, „билъ дудки“, что бы удостовѣриться въ томъ, что они насыпные курганы; одинъ курганъ онъ началъ копать, но бросилъ; насыпь огромныхъ размѣровъ, около 21 аршина вышиной, до плиты былъ сланецъ, земля, потомъ уголь и зола и на высотѣ 9 арш. кургана оказался заливъ въ родѣ цемента, который очень было трудно пробить, до конца не дошелъ, но рабочіе нашли на верху 2 камня небольшіе въ родѣ жертвенника, и одну каменную чашку. Костей и предметовъ не нашли. Но самый интересный курганъ былъ раскопанъ на Сазѣ, около озера Ебизей. Въ немъ нашли 2 золотыя вещи, щитъ, шишакъ, бронзовыя стрѣлы, а мечъ и кольчуга съ сѣдломъ, вѣроятно остались; золотыя вещи Самойловъ передалъ Подвинцеву и Назарову, а шишакъ въ Археол. ком. въ С.-Петербургъ черезъ начальника уѣзда.

Въ 1904 году мною произведены были археологическія изслѣдованія въ Актюбинскомъ уѣздѣ: [1])

1) Произвелъ раскопки въ пещерахъ Чійли, близъ рѣки Чійли въ 25 в. на С.–В. отъ Актюбинска, въ 3 в. отъ рѣки Жаманъ-Каргалы. Найдены были сгнившія кости животныхъ, затѣмъ зола. Раскопки пробныя.

2) Здѣсь же раскопано 3 кургана, одинъ заключалъ только небольшое количество золы. Никакихъ предметовъ не было найдено.

3) Раскопанъ курганъ Ашу-Сай въ 2 в. отъ рѣки Чійли на В., во 2 аулѣ Актюбинской вол. Насыпь кургана была обложена камнями, въ насыпи скрывалась круглая стѣна, сложенная изъ камней, размѣръ внутренняго пространства около 40 м., толщины стѣны 35 с. вышины—15 с. Въ насыпи попадался уголь, зола. Найдены слѣды 2-хъ скелетовъ, кости разбросаны, изъ предметовъ найдена бронзовая бляха.

4) Могила около р. Жаманъ-Каргалы, по дорогѣ изъ Ашу-Сай въ Актюбинскъ. Могила представляла кругъ изъ каменныхъ плитъ, поставленныхъ въ степи, діаметромъ 6 м., плиты достигали 1 м. и болѣе длины и лежали по своей длинѣ. Посреди круга былъ врытъ камень. На глубинѣ 20 с. подъ степнымъ покровомъ найдено погребеніе; скелетъ весьма истлѣлъ, лежалъ на спинѣ, головою на В., ногами на З. У ногъ скелета найденъ разбитый горшокъ; въ выброшенной землѣ подобранъ мѣдный листочекъ. (Таб. IX рис. 27).

---

[1]) См. Протоколъ Оренб. Арх. Ком. за 1903 г. № 9. Вып. XIV. Стр. 151—152.

[1]) См. отчетъ объ экспедиціи въ Актюб. уѣздѣ лѣтомъ 1904 стр. 187—199 І. Кастанье.

5) Могила на берегу р. Жаксы-Каргалы, въ 10 в. отъ Актюбинска, оказалась подобной кургану въ раскопкахъ г. Аниховскаго въ урочищѣ Жангызъ-Агашъ. Могила оказалась расхищенной. Найдены: пепелъ, разрозненныя кости человѣка и животныхъ, послѣднія подвергались дѣйствію огня, кусокъ желѣза, видимо отъ удилъ и маленькій листокъ мѣди. (Отчетъ объ экспедиціи въ Актюб. уѣздѣ лѣтомъ 1904 г. І. Кастанье. Труды Оренб. Арх. Ком. вып. XIV. 1905 г.)

Въ 1906 году мною вторично произведены были раскопки въ бассейнѣ рѣки Жаксы-Каргалы въ Актюбинскомъ уѣздѣ [1]). Здѣсь было раскопано 6 кургансвъ, изъ которыхъ:

4 съ однимъ погребеніемъ,
1 съ двумя погребеніями,
1 съ тремя погребеніями.

Курганъ № 1, съ однимъ погребеніемъ, расположенъ въ степи, версты за полторы на востокъ отъ р. Жаксы-Каргалы, въ третьемъ аулѣ, противъ горы Жилъ-тау, по близости отъ Орской дороги и въ 45 слишкомъ верстахъ отъ Актюбинска. Это курганъ куполообразнаго вида, высотою почти въ метръ при 35 метрахъ окруж.

Скелетъ лежалъ съ запада на востокъ, головой на сѣверо-западъ, лицо обращено на сѣверъ. Кости истлѣли такъ, что не удалось ничего собрать.

Кромѣ бронзовой бляхи и куска бронзовой крученой проволоки, напоминающей браслетъ, никакихъ другихъ предметовъ не было найдено.

Курганъ № 2, съ двумя погребеніями, расположенъ на высокой горѣ. У ея подножія на разстояніи 2—3 в. рѣка Чійли (Грязнушка) омываетъ сѣверные склоны горы, которые за рѣкой составляютъ рядъ пещеръ и проваловъ Чійли.

Окружность кургана у подножія 55 метровъ, высота насыпи 1 метръ 55 сант.

Видъ кургана куполообразный, онъ весь обложенъ плитами, которыя расположены правильными рядами и образуютъ какъ бы кольца; въ центрѣ кургана нами была поднята глубоко врытая въ землю плита съ вырѣзаннымъ знакомъ съ обѣихъ ея сторонъ; плита эта безъ сомнѣнія нѣкогда стояла надъ курганомъ; форма ея продолговатая, высота ея—одинъ метръ, ширина—35 сант., толщина—10 сант. Знакъ вырѣзанъ довольно правильно и напоминаетъ маленькую латинскую букву h. (см. таб. VIII рис. 15). Здѣсь было найдено мѣдное зеркало съ рукояткой, бронзовое колесо съ четырьмя спицами, два желѣзныхъ гвоздика, одинъ зубъ свиньи или кабана, горшокъ съ боковыми дырочками изъ жженой глины. 11 бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, бронзовая пластинка. Скелеты лежали рядомъ, въ вытянутомъ положеніи, головою на сѣверъ; у ногъ скелетовъ стоялъ еще горшокъ большихъ размѣровъ, наполненный пескомъ, какъ и первый, на груди западнаго скелета было найдено круглое каменное колесо съ маленькимъ отверстіемъ въ центрѣ.

Курганъ № 3 (одно погребеніе). Рядомъ съ вышеописаннымъ курганомъ на той же горѣ видно нѣсколько старыхъ киргизскихъ могилъ и выше всѣхъ большое нагроможденіе камней въ видѣ памятника. Этотъ памятникъ имѣетъ конусообразную форму, высотой въ 60 сант. и 3 метра въ діаметрѣ. Но то, что меня особенно поразило, это присутствіе на памятникѣ нѣсколькихъ круглыхъ камней, напоминающихъ человѣческія головы. Два изъ нихъ были мною взяты и привезены одинъ въ Оренбургъ, *) а другой оставленъ въ Актюбинскѣ у крестьянскаго начальника Сухина. (См. таб. VIII рис. 22).

Скелетъ лежалъ съ сѣвера на югъ въ вытянутомъ положеніи, головой на сѣверъ. Мнѣ удалось собрать только нѣсколько кус-

[1]) См. отчетъ о раскопкахъ шести кургановъ въ Актюбинскомъ уѣздѣ стр. 101—116 І. Кастанье. Труды Оренб уч. Арх. Ком. за 1907 г. вып. XIX.

*) Эти каменныя фигуры хранятся въ музеѣ Оренб. уч. Арх. Ком.

ковъ черепа, часть челюсти и нѣсколько зубовъ. Особый интересъ представляютъ эти скудные остатки въ виду ихъ свинцоваго цвѣта, которымъ они были окрашены изнутри и снаружи. Здѣсь были найдены нѣсколько предметовъ: желѣзный кинжалъ, бронзовое зеркало скиѳскаго образца, миніатюрный горшочекъ хорошей отдѣлки, изъ жженной глины, высотой 5 сант., зубъ, напоминающій клыкъ кабана, конусообразной формы камень съ отверстіемъ посрединѣ, который можетъ быть принятъ за пряслицу (Fusaïole), 26 бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ и три маленькихъ раковины; въ одной изъ нихъ можно было еще замѣтить слѣды какого-то порошка ярко-голубого цвѣта, въ другой раковинѣ кусокъ какого-то бѣлаго состава, повидимому мѣла; что касается до третьей раковины, она содержала зеленоватый составъ, сильно смѣшанный съ землею.

Курганъ № 4 (одно погребеніе). Этотъ курганъ состоитъ, какъ и предыдущіе, изъ правильной кучи круглыхъ камней, возвышающихся приблизительно на полметра надъ землею. Окружность его 25 метровъ. (См. таб. VIII рис. 19).

Этотъ памятникъ расположенъ на узкой продолговатой возвышенности среди степи, являющейся послѣднимъ отрогомъ холмовъ, подножіе которыхъ омываетъ рѣка Жаманъ-Каргала, притокъ Жаксы-Каргалы.

Орская дорога проходитъ недалеко и отсюда даже виденъ г. Актюбинскъ, верстахъ въ 10-ти приблизительно.

Здѣсь мнѣ удалось насчитать до 30-ти кургановъ, куполообразной формы, высота которыхъ, начиная отъ полуметра, доходила до 12 метровъ отвѣсной высоты.

Раскопанный мною курганъ состоитъ изъ груды камней. Скелетъ лежалъ съ залада на востокъ въ вытянутомъ положеніи, головой на западъ, лицо обращено на югъ.

Длина скелета 1 метръ 87 сан. Рядомъ съ нимъ былъ видимо положенъ желѣзный обломокъ пики; въ ногахъ сложены одно на другое два желѣзныхъ стремени, желѣзная пряжка и обломокъ лошадиныхъ удилъ.

Курганъ № 5-й (одно погребеніе). Этотъ курганъ куполообразнаго вида, высотой полтора метра и 25 метровъ въ окружности, расположенъ на этомъ же самомъ плато. Скелетъ лежалъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ, лицо обращено на югъ, головой на сѣверо-западъ. Въ этомъ курганѣ никакихъ предметовъ не оказалось.

Курганъ № 6-й (съ тремя погребеніями). Этотъ курганъ расположенъ у подножія горы Жиль-тау, на правомъ берегу рѣки Жаксы-Каргалы и на маленькой возвышенности, верстъ за 12 отъ Актюбинска. (См. таб. VI, рис. 2). Размѣры его слѣдующіе: окружность отъ 40 до 42 шаговъ, діаметръ 3 метра 65 сант. высота 2 метра 10 сант.

Скелеты лежали съ запада на востокъ, головами на западъ, каждый изъ нихъ въ отдѣльной ямѣ, которая окружена колышками въ видѣ ограды. Всѣ лежали въ вытянутомъ положеніи, развѣ только у праваго скелета ноги какъ будто были немного согнуты; лицо каждаго изъ боковыхъ скелетовъ было обращено къ ребенку, который занималъ центральную яму. Здѣсь были найдены: глиняный горшокъ грубой отдѣлки, длинный колчанъ изъ березовой коры; въ немъ лежали 4 древка и большіе желѣзные наконечники стрѣлъ. У ногъ скелета меньшаго размѣра съ правой стороны была найдена маленькая коробка вродѣ табакерки; тутъ же былъ кайденъ кусочекъ матеріи съ золотыми нитками и куски кожи.*) (І. К.)

Въ засѣданіи Оренб. Арх. Ком. отъ 22 апрѣля 1908 г. доложено было г. предсѣдателемъ о раскопкахъ кургана „Сара-уба“; г. Аниховскимъ подробныя свѣдѣнія объ этихъ раскопкахъ еще не доставлены. Этотъ

*) См. отчетъ о раскопкахъ шести кургановъ въ Актюбинск. уѣздѣ лѣтомъ 1906 г. съ картой и рисунками І. А. Кастанье—Труды Оренб. Уч. Арх. Ком. вып. XIX, стр. 102—116.

курганъ находится въ Кустанайскомъ уѣздѣ, въ 5—6 вер. отъ поселка Давыденковскаго; онъ имѣетъ полушаровидную форму до 5 саж. въ діаметрѣ и до 2 арш. высотой. Здѣсь г. Аниховскимъ было найдено 16 черепковъ съ орнаментами и одинъ оригинальный скребокъ.

Въ 1909 году мною произведены были раскопки большого кургана, расположеннаго на узкой продолговатой возвышенности среди степи, являющейся послѣднимъ отрогомъ холмовъ, подножіе которыхъ омываетъ рѣка Жаманъ-Каргала, притокъ Жаксы-Каргалы. Орская дорога проходитъ не далеко и отсюда даже виденъ городъ Актюбинскъ верстахъ въ 12-ти приблизительно.

Здѣсь-же въ 1906 г. мною раскопаны были два кургана изъ 30-ти кургановъ, расположенныхъ на этой возвышенности (см. выше.).

Раскопанный мною курганъ высотой 12 метровъ, 110 метровъ окружности, 8 метровъ въ діаметрѣ, возвышается въ началѣ этого „языка“ и окруженъ рвомъ (см. таб. VIII рис. 16). Насыпь состояла изъ мелкой гальки, крѣпко осѣвшей. Найдены были четыре скелета, въ разной глубинѣ, но всѣ они расположены съ С.-В. на Ю.-З. Первый костякъ лежалъ въ вытянутомъ положеніи и на спинѣ. Рядомъ съ нимъ оказались кости лошади (голова и копыта). Здѣсь же видны были обломки желѣзныхъ удилъ, кинжала и горшка. На скелетѣ, прикрѣпленный ремнемъ, отъ котораго осталась только мѣдная пряжка, лежалъ колчанъ изъ березовой коры. Въ немъ находились восемь стрѣлъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, такъ назыв. татарскаго типа.

Второй костякъ, повидимому юноши, лежалъ въ скорченномъ положеніи. На лбу виднѣлась дыра величиной съ серебряный рубль, образовавшаяся при жизни отъ какого то болѣзненнаго процесса (сифилисъ?). Рядомъ съ нимъ видны были слѣды какого-то желѣзнаго оружія. На глубинѣ пяти метровъ оказались еще два костяка, расположенныхъ также съ С.-В. на Ю.-З., одинъ въ скорченномъ положеніи, съ отрубленной головой. Голова положена была рядомъ съ нимъ на площадкѣ изъ красной глины. Другой костякъ лежалъ въ вытянутомъ положеніи, немного позади того, о которомъ только что говорилесь, его головы не оказалось. Предметовъ тутъ не было найдено.

Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ.

АКТЮБИНСКІЙ УѢЗДЪ.

1) На очередномъ засѣданіи Оренб. Арх Ком. 5 ноября 1904 г. (см. Труды Ком. за 1906 г. Вып. XVI стр. 38) топографъ Н. П. Сердобовъ сообщилъ, что въ Каратугайской волости, въ 5 верстахъ на западъ отъ устья р. Тангры-Бергеня около аула № 5, имѣются двѣ каменныя бабы.

2) На общемъ собраніи членовъ Оренб. уч. Арх. Ком. 24-го февраля 1907 г. М. В. Шкуновымъ было сообщено, что въ Бистамакской волости около аула № 2, на берегу рѣки Тамды, на одномъ изъ кургановъ была каменная баба, которая недавно изчезла. Несмотря на самые тщательные поиски, отыскать ее г. Шкунову не удалось; онъ получилъ только неясное свѣдѣніе, что эта баба заложена въ фундаментъ дома одного изъ киргизъ упомянутаго выше аула.

3) На очередномъ засѣданіи членовъ Оренб. уч. Арх. Ком. 10-го марта 1907 г. А. Л. Аниховскій сообщилъ, что въ Илекской волости въ 4 аулѣ Кайнъ-Сай у киргиза Козбата есть каменная баба, закопанная около зимовки, находящейся въ 12 в. между ст. Сагарчинъ и Яйсанъ.

КУСТАНАЙСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ трудахъ Оренб. Арх. Ком. за 1905 г. Вып. XIV стр. 61. г. Аниховскій сообщаетъ, что ему извѣстны три каменныя бабы.

1) Въ Джитыгаринской волости въ 4 аулѣ, въ уроч. Тас-булак-сай, на горѣ того же имени, курганъ, на немъ стоитъ верхняя половина бабы, а нижняя половина валяется у подножія кургана. По слухамъ, на этой бабѣ имѣется надпись, плохо сохранившаяся.

2) Въ той-же волости и аулѣ, въ вершинѣ р. Уш-Карасу, на лѣтовкѣ Кулубая и Тулубая Мурзабековыхъ, есть курганъ подъ названіемъ „Конуспай-оба“, на вершинѣ его лежитъ разбитая на двѣ части каменная баба.

3) Въ Дамбарской волости, въ 7-мъ аулѣ есть курганъ подъ названіемъ „Бес-оба“, у подножья его, въ ямѣ, лежитъ каменная баба.

Въ этихъ-же трудахъ Оренб. Арх. Ком Вып. XIV стр. 154 есть сообщеніе г. предсѣдателя Ком. о томъ, что благодаря любезности Кустанайскаго уѣзднаго нач. г. Дитрихся и его помощника г. Кочергина музей

комиссіи обогатился двумя каменными бабами изъ Кустанайскаго уѣзда; отъ одной къ сожалѣнію доставлены только куски; она давно была разбита кочевниками; первая изъ нихъ (на т. лѣвая), найдена въ Убаганской вол., а вторая, разбитая, въ Бистюбинской волости*. (См. таб. XVI рис. 3, и 11.).

Въ Трудахъ Оренб. Арх. Ком. за 1907 г. вып. XIX стр. 53, есть указаніе, что въ Кустанайскомъ уѣздѣ, въ Джетыгаринской волости, въ одной верстѣ отъ какой-то горы, возвышающейся надъ общей поверхностью саженъ на 30—40, лежитъ каменная баба, мѣстами поврежденная.

При раскопкахъ кургановъ близъ озера Убалыкуль, въ уроч. Бисъ-оба, г. Петри нашелъ двѣ каменныя бабы весьма грубой отдѣлки (см. раскопки г. Петри).

ТУРГАЙСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. при Имп. Казанскомъ унив., т. XX вып. 4—5 за 1904 г. ст. 199 помѣщено описаніе трехъ каменныхъ бабъ, найденныхъ г. Добросмысловымъ въ Тургайскомъ уѣздѣ и находящихся въ музеѣ Арх. Ком.

№ 1 найдена на урочищѣ Симъ-Тасъ, расположенномъ въ аулѣ № 4, Каратургайской волости, верстахъ въ 150 на Сѣверо-Востокъ отъ г. Тургая.

Баба въ моментъ ея осмотра г. Добросмысловымъ находилась на срединѣ кургана и была врыта въ землю нижнимъ концомъ на пол-аршина и на $1^1/_4$ арш. возвышалась надъ поверхностью земли.

Баба имѣетъ видъ четырехграннаго столба, за исключеніемъ верхней круглой части, изображающей человѣческую голову. Въ самомъ широкомъ мѣстѣ (въ плечахъ) ширина передней и задней поверхности $5^1/_2$ вершковъ, а боковыхъ сторонъ 4 вершка. Приблизительный вѣсъ бабы пудовъ 10. Баба сдѣлана изъ гранита. Курганъ, на которомъ помѣщалась баба, имѣетъ высоту 4 аршина, діаметръ около 60 арш., окруженъ рвомъ, который имѣетъ и въ настоящее время еще глубину арш. $1^1/_2$; съ двухъ противоположныхъ сторонъ оставлены перемычки, шириною аршина въ 4 для входа на курганъ. (См. таб XVI рис. 8).

№ 2. Найдена на урочищѣ Бектурганъ-Сай, на правомъ берегу рѣки Каратургай, въ аулѣ № 4 Сарытургайской волости, на возвышенномъ мѣстѣ, она врыта нижнимъ концомъ въ землю почти на 9 вершковъ. Баба сдѣлана изъ гранита. Она имѣетъ видъ круглаго каменнаго столба съ изображеніемъ въ верхней части головы человѣка. Высота 1 арш. 10 вершковъ, наибольшая окружность въ плечахъ $19^1/_2$ вершковъ; вѣсъ около 10 пудовъ. (См. таб. XVI рис. 9).

№ 3. Найдена на мѣстности Мейке, расположенной по правому берегу рѣки Каратургай, въ аулѣ № 5 Сарытургайской волости, на ровномъ мѣстѣ, поставлена среди груды камней. Сдѣлана также изъ гранита. Имѣетъ видъ четырехграннаго, короткаго столба, съ закругленіемъ въ верхней части. Высота 1 арш. $3^1/_2$ верш., наибольшая ширина передней и задней поверхности $9^1/_2$ вершковъ и боковыхъ $3^1/_2$ верш. Вѣсъ 6—7 пудовъ. (См. таб. XXI рис. 6).

На общемъ собраніи членовъ Оренбург. уч. Арх. Ком. отъ 9 октября 1909 г. Б. А. Скаловымъ было доложено, что въ предѣлахъ Сары Тургайской волости, Тургайск. у. на Улькуль-Каинды вблизи Ауліе-тасъ въ степи, недалеко отъ зимовки народнаго судьи 3 аула, находятся двѣ высѣченныя изъ плитъ сланца каменныя бабы вышиной около 2-хъ арш. Лицо отбито, руки сложены на груди накрестъ; въ правой, по словамъ киргизъ была чашка—теперь отбита, въ лѣвой—нѣчто вродѣ прямого короткаго меча. На другой бабѣ замѣтны только очертанія головы и плечъ.

---

*) Первая баба найдена въ предѣлахъ 5-го аула Убаганской волости, на холмѣ, среди могилъ. Она хранится въ музеѣ Оренб. Арх. ком. подъ № 2466. См. таб. XVI, рис. 11.

Вторая баба, найденная въ Бистюбинск. вол., хранится въ музеѣ Оренб. Арх. Ком. подъ № 2467. (См. таб. XXI рис. 3.).

Разсказы,

киргизскія святыни, могилы, преданія и пр. памятники Тургайской области.

АКТЮБИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Древнія киргизскія могилы. У Палласа „Путешествіе по разнымъ провинціямъ Росс. Имп. ч. I стр. 392“ мы находимъ слѣдующія указанія: 13 іюля 1769 г. Палласъ изъ Орска ѣздилъ за 8 верстъ на югъ отъ Урала къ Аспидной горѣ, вокругъ которой „на каждомъ холму находятся киргизскія могилы, которыя въ ихъ родѣ можно назвать господскими, потому что всѣ состоятъ изъ лучшей яшмы. Нѣкоторыя изъ сихъ могилъ не очень стары да и сказываютъ, что киргизцы части въ сей странѣ кучующіе еще и нынѣ дѣлаютъ такія могилы. Куски яшмы на нихъ были наложены кучами или составляли круги“.

Стр. 478., „Сказываютъ, что въ сей же странѣ, по ту сторону Яика, противъ Гирьяльскаго Редута, при рѣкѣ Бердѣ видны остатки стариннаго изъ кирпичей сложеннаго строенія, вокругъ котораго находится много сложенныхъ изъ камней могильныхъ бугровъ“.

Айтолконъ-тамъ. Въ Тургайск. газетѣ 1-го января 1896 г. помѣщена очень интересная статья г. Полферова. Авторъ этой статьи описываетъ древнюю могилу съ пріуроченнымъ къ ней преданіемъ:

„Въ Актюбинскомъ уѣздѣ, на вершинѣ р. Тересъ-бутакъ, на высокомъ песчаномъ холмѣ возвышается древнее сооруженіе—могила „*Айтолконъ*“ (Айтолконъ-Тамъ)*.

Форма могилы киргизская—простой четыреугольникъ, выложенный изъ камня—плитняка. Высота стѣнъ до 2-хъ аршинъ, толщина до ½ арш., площадь, занимаемая сооруженіемъ, до 4 кв. саж. Какъ видно много снѣжныхъ бурь и песчаныхъ смерчей претерпѣло это сооруженіе со дня своего появленія: отъ глины, толстымъ слоемъ покрывавшей камни, остались только одиночные куски; мѣстами замѣтны отверстія, изъ которыхъ при малѣйшемъ прикосновеніи выпадаютъ мелкіе куски камня, а въ трещинахъ между отдѣльными камнями проростаютъ жалкіе лишаи. Вокругъ могилы холмы на-

*) Айтолконъ—у киргизовъ подъ этимъ извѣстно одно изъ созвѣздій и дается въ имя красивымъ дѣвушкамъ. Тамъ—могила.

носнаго песку, на которыхъ пробиваются неприхотливые бурьянъ, перекати-поле и молочай. Внутри видна небольшая могильная насыпь, совершено заросшая травой, а по стѣнамъ остались едва замѣтные слѣды желто-сѣрой краски да куски глины...

Вотъ что гласитъ преданіе объ этой могилѣ.

Мирно кочевали сыны Джагалбайлина на раскинутыхъ вокругъ этой рѣки тучныхъ пастбищахъ и стада ихъ множились; приволье и довольство виднѣлось во всемъ. Но злой Абу-Ниранъ не могъ выносить счастливыхъ людей и наслалъ на Джагалбайлинцевъ злого хана Аблая. Давно этотъ ханъ просилъ и требовалъ себѣ дани отъ сыновъ Джагалбайлина и скотомъ и дѣвушками, но такого позора не хотѣли нести Джагалбайлинцы и провожали посланныхъ хана съ простыми подарками.

Вскипѣлъ Аблай, поклялся отмстить непокорнымъ и, взявъ съ собой тысячу лучшихъ джигитовъ, пошелъ наказывать Джагалбайлинцевъ.

Какъ тать подкрался онъ къ мирно спящимъ сынамъ Джагалбайлина, раздѣлилъ свое войско на два отряда и одному изъ нихъ велѣлъ отбить стада, а съ другимъ, въ главѣ котораго сталъ самъ, бросился на спящій аулъ. Рядомъ съ Албаемъ, на кровномъ аргамакѣ, неслась и его единственная дочь--красавица Айтолконъ. Она, какъ и отецъ, любила набѣги, батырство, прекрасно владѣла и пикой, и лукомъ, и ятаганомъ.

Проснулся аулъ, и завязался отчаянный бой..... Джагалбайлинцы, сбитые сразу, не могли отправиться и дать отпоръ врагу, тѣмъ болѣе что и лошади ихъ были уже далеко отъ аула, но все же они дорого продали свое добро и свою жизнь, и долго врагъ будетъ помнить этотъ бой. Красавица Айтолконъ пала въ немъ....

Аблай-ханъ, глубоко пораженный смертью дочери, велѣлъ похоронить вмѣстѣ съ нею и награбленныя сокровища, чтобы послѣднія не напоминали ему о тяжелой утратѣ.

Заработали заступы, и незамѣтно вырось большой курганъ съ красивой могилой.

Въ трудахъ г. Эверсмана (Reise von Orenburg nach Bushara von Eduard Eversmann, 1820 г.) мы находимъ описаніе одной могилы.

„Пройдя 28 вер. (т.-е. 50 в. послѣ Бурти), мы расположились лагеремъ на небольшой весеней рѣкѣ, которая теперь состояла только изъ отдѣльныхъ болотъ; она впадаетъ въ Илекъ и называется Тамбутакъ (?), отъ расположенной рядомъ могилы одного татарскаго князя, которая состоитъ изъ кирпичнаго четырехугольника, приблизительно 15 футовъ шир. и длины и 10 футовъ вышины; толщина стѣнъ около $4^1/_2$ футовъ; наружные кирпичи обожжены, внутренніе только изъ сушеной глины, въ каждой сторонѣ этого квадрата оставлена четырехугольное отверстіе.“*)

Въ Тургайской газетѣ 14 апрѣля 1896 г. помѣщена чудная статья г. Полферова „Среди киргизскихъ могилъ“. Авторъ этой статьи описываетъ древнюю могилу со связанной съ ней поэтической былиной киргизскихъ пѣвцовъ о красавицѣ Уйли и калмыкѣ Зайсѣ.

Кизылъ-Тамъ. Звонко катитъ свои чистыя воды Косъ-Истекъ, причудливо извиваясь въ стройной чащѣ ольховаго лѣса, и немолчный говоръ этой рѣки веселымъ шумомъ наполняетъ широкую долину. Но вотъ въ проходѣ Басъ-Истекъ ея русло стѣснили отроги, ровное дно усѣяно камнями, и волны съ силой начинаютъ ударять въ подножье скалы, образуя милліарды брызгъ. Съ глухимъ рокотомъ катятъ они по дну камни и бросаютъ ихъ на берегъ, при крупныхъ изгибахъ рѣки, или разбиваются на мелкую рябь по широкимъ отмелямъ и плесамъ... Съ шумомъ вырываются волны, пѣнясь, и дробясь, изъ

*) Перев. А. П. Гра.

узкаго прохода, и, готовыя снова вступить въ отчаянную борьбу съ преградами русла, мгновенно попадаютъ въ объятья красавицы Джаксы-Каргалы, широко разлившейся по долинѣ безъ шума, рева, безъ брызгъ, и пѣны... По берегамъ ея, вмѣсто камней, высятся стройныя ивы, точно бордюромъ обведенныя у корней густымъ зеленымъ тростни комъ, а тамъ дальше, въ глубинѣ долины, пестрѣютъ кибитки, и воздухъ наполненъ веселыми звуками кочевой жизни, въ которыхъ слышны и гортанные крики верблюдовъ, и зычное ржаніе табуновъ, и грустные напѣвы номада...

Противъ слянія этихъ двухъ красавицъ —рѣкъ молчаливо высится холмъ Истекъ-Тау, покрытый по склону небольшими кустарниками и засѣянный камнями, обросшими мхомъ... Вершину холма вѣнчаетъ большая могила.

Свѣтало... Долина Косъ-Истекъ начинала просыпаться. Жаворонки звонко заливались въ выси, еще окутанной утреннимъ туманомъ, сойки немолчно „тукали“, перепархиваясъ куста на кустъ, степной лунь, лѣниво взмахивая сѣдыми крыльями, низко пролеталъ надъ склономъ холма. Граціозно потягиваясь, при звукахъ пробуждающейся природы, осторожно спускалась къ рѣкѣ степная лань... Вотъвершина Истекъ-Тау сбросила съ себя сѣрый туманный покровъ и зазолотилась отъ лучей восходящаго солнца. Яркая полоса свѣта, разрастаясь все больше и больше, спускалась въ долину, и... снопъ лучей брызнулъ въ ея глубину и мягкимъ веселымъ свѣтомъ разлился кругомъ, Оживился зеленый коверъ, закипѣла въ немъ дремавшая до этого жизнь. Бабочки красиво переливались на лету своими нарядными крыльями, кузнечики на перебой затрещали въ густой травѣ

По берегу Каргалы пестрѣли разноцвѣтные шатры и въ аулѣ съ первымъ разсвѣтомъ закипѣла жизнь—въ этотъ день гордый и славный Бадмай, вождь калмыковъ, принимаетъ пословъ знаменитаго хана Хорезмскаго Арапъ-Магомета*). Дорогіе гости почиваютъ въ „кунацкой“, утомленные долгимъ и труднымъ переѣздомъ, а Бадмай давно уже сидѣлъ на коврѣ и, нервно теребя свою рѣдкую бороду, старался разгадать, зачѣмъ къ нему Арапъ-Магометъ посылаетъ пословъ съ цѣнными подарками. Давно ли они были врагами, давно-ли онъ, Бадмай, съ отрядомъ своихъ удальцевъ напалъ на владѣнія хана и отбилъ много скота... Жаркая была схватка, и самъ ханъ былъ уже въ плѣну, да дочь Бадмая сжалилась и отпустила на волю сѣдого вождя. Но вотъ доложили ему, что послы просятъ принять отъ нихъ подарки и привѣтъ хана другу своему Бадмаю.

Десять бѣлыхъ верблюдовъ, навьюченныхъ дорогими коврами, халатами, вышли изъ небольшой рощи, въ которой поставлена была „кунацкая“ кибитка, и, мѣрно покачиваясь, шли за послами. Послѣдніе въ богатыхъ халагахъ, опушенныхъ лисой, туго перехваченныхъ дорогими поясами, въ бѣлыхъ чалмахъ, важно выступали впередъ на кровныхъ оргамакахъ, убранныхъ въ расшитую сбрую.

Кончилась церемонія встрѣчи и обмѣнъ льстивыми привѣтствіями, приняты подарки, и началось празднество. Наѣздники вихремъ понеслись по долинѣ, отчаяннно джигитуя на всемъ скаку, хоръ дѣвушекъ, во главѣ съ красавицей Уйля—дочерью Бадмая, кружился на зеленной лужайкѣ, полунагіе борцы показывали свою ловкость, а мальчуганы состязались въ бѣгѣ.... Большія серебряныя чашки съ нѣжнымъ мясомъ молодого жеребенка и другими яствами стояли предъ гостями, молча созерцавшими игры и поощрявшими побѣдителей подарками.

Солнце давно уже склонилось къ западу и отъ лѣса легли по долинѣ длиныя тѣни.

Въ цвѣтномъ шатрѣ калмыцкаго агида тихо бесѣдовали послы и Бадмай сталъ грознѣе тучи, темнѣе ночи осенней....

---

*) Арапъ-магометъ, Эренкъ-или Арабъ, былъ ханомъ Хивы въ концѣ XVII ст.

Да благословитъ васъ вашъ Богъ—произнесъ послѣ нѣкотораго молчанія Бадмай—передайте славному хану Арапъ—Магомету, что дочь свою, вопреки завѣтамъ отцовъ и дѣдовъ, я неволить не стану. Предложеніе вашего хана мнѣ лестно; и если моей Уйля любъ онъ и согласится она быть женой человѣка не нашего рода и крови, не нашей вѣры и бычаевъ, то пусть ханъ присылаетъ калымъ...

Съ этими словами онъ вышелъ изъ кибитки и не замѣтилъ, какъ чья—то тѣнь быстро проскользнула по травѣ...,

Стемнѣло. Къ долинѣ Косъ—Истекъ осторожно пробирался всадникъ—калмыкъ. Онъ боявливо озирался кругомъ, нѣсколько разъ останавливалъ лошадь, чутко прислушиваясь къ отдаленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленнымъ звукамъ засыпающей природы, полной вечерней истомы и нѣжной прохлады...

Переѣхавъ въ бродъ Каргалу, всадникъ слѣзъ съ лошади, закинулъ на руку поводья и тихо свиснулъ—умный аргамакъ беззвучно скрылся въ темнотѣ, а властелинъ его осторожно сталъ пробираться къ подножью Истекъ—Тау. Вдали тускло сверкали огни потухающихъ костровъ и аулъ погруженъ былъ въ глубокій сонъ.... Тихо... Раздался по долинѣ жалобный крикъ совы и, переливаясь, замеръ въ дали.... Все смолкло. Только Каргала тихо—тихо катила свои волны и колыхала ими высокій камышъ...

Вдругъ, около неподвижно—лежавшаго въ высокой травѣ калмыка послышался шорохъ, кто—то сдавленнымъ шопотомъ произнесъ его имя „Зайса“, и у подножія холма неясно обрисовался силуэтъ женщины.... Зайса быстро подскочилъ къ ней и, страсно обнявъ, сталъ подниматься на вершину Истекъ—Тау.

— Уйля, моя звѣзда, моя жизнь.... Ты любишь, ты пришла.... безсвязно шептали его губы, и онъ безумно покрывалъ поцѣлуями лицо, шею, полуобнаженную грудь красавицы, которая, крѣпко обвивъ руками шею возлюбленнаго, полузакрыла глаза и дала волю сладострастью, широкой струей разлившемуся по ея молодому тѣлу, заставляя его сладостно трепетать...

— Милый Зайса.. Ты не знаешь, какъ мучилась твоя Уйля, долго не видя милаго. Сколько черныхъ думъ пережила твоя звѣзда. Теперь я снова счастлива, снова вижу черныя очи, снова слышу твои чудныя слова —шептала дѣвушка, перебирая черные волосы Зайсы, который любовно глядѣлъ въ ея сверкающіе огнемъ страсти глаза.

Вдругъ онъ повернулся назадъ и, наклонившись внизъ къ рѣкѣ, напряженно прислушался. Уйля испуганно прижалась къ возлюбленному и точно замерла.

— Мнѣ послышался шорохъ—проговорилъ тихо Зайса—но это вѣрно камень скатился по склону.

Зайса, возьми меня, возьми скорѣе. я боюсь, сердце мое чуетъ большую бѣду... —горячо заговорила дѣвушка.—Жестокій ханъ Арапъ-Магометъ прислалъ своихъословъ сватать меня, и отецъ желаетъ видѣть свою дочь его женой.... О коварные и льстивые люди!.. Возьми, возьми...

Дѣвушка съ мукой заломила руки и порывисто дышала.

Зайса низко опустилъ свою голову и крѣпко задумался. Потомъ, энергично взмахнулъ руками, страстно обнялъ дѣвушку.

— Успокойся, моя звѣзда, моя жизнь.. —произнесъ онъ.

— Лишь только коварный Арапъ-Магометъ пошлетъ своихъ сватовъ, я увезу тебя къ себѣ на Узень, и тогда твой отецъ, ненавидящій весь мой родъ, родъ его враговъ, и самъ ханъ не страшны намъ. Не успѣетъ новая луна обмыться, какъ...

— Лжешь, коварный рабъ, узенская собака! прежде чѣмъ она будетъ твоя, я убью тебя!

На холмѣ неожиданно, точно изъ земли, появился самъ грозный Бадмай и съ ножемъ въ рукахъ бросился на Зайсу. Завязалась отчаянная борьба.... Оба страшно ненавидѣли другъ друга, какъ кровные враги, и Уйля, очнувшись отъ поразившей ее неожиданности, бросилась между врагами и умоляла оставить, прекратить страшную борьбу. Но вотъ Зайса зашатался—острый ножъ глубоко проникъ въ его грудь и желѣзная сила сразу покинула его. Какъ снопъ, свалился онъ на край обрыва и не успѣлъ произнести прощальное „милая“, какъ Бадмай злобно толкнулъ его ногой; трупъ молодца Зайсы глухо покатился по обрыву, глухо ударился о берегъ и изчезъ подъ водою...

— Будь-же ты проклятъ, злой человѣкъ! да поразятъ тебя и весь твой коварный родъ громы неба... Ты хочешъ продать свою дочь гнусному Арапу, такъ нѣтъ-же...

Дѣвушка взмахнула руками, ея гибкая фигура отдѣлилась отъ обрыва, и... черезъ мгновеніе глухой всплескъ нарушилъ тишину.

Какъ безумный смотрѣлъ Бадмай въ теченіе двухъ дней, съ непокрытой головою и съ окровавленнымъ ножемъ въ рукѣ, на то мѣсто, гдѣ скрылась его любимица, пока не достали трупы. А когда на самой вершинѣ выросла могила—хранилище праха влюбленныхъ, Бадмай умертвилъ ханскихъ пословъ, собралъ отрядъ удальцовъ и пошелъ на Арапъ-хана войной, видя въ немъ виновника его страшнаго несчастья. Но скоро погибъ Бадмай: въ схваткѣ при р. Аму-Дарьѣ онъ былъ убитъ и память о немъ исчезла безслѣдно.

Только могила, по преданію киргизовъ, говоритъ о прошломъ этого храбраго калмыка и, точно нѣмой укоръ, свидѣтельствуетъ объ его жестокомъ поступкѣ. Но скоро время разрушитъ и этотъ древній памятникъ, и ничто не будитъ напоминать киргизамъ о владѣніяхъ калмыковъ, оборвется нить въ несложной исторіи кочевниковъ. (Полф)

Могила Кизылъ-тамъ находится въ 50 верстахъ отъ г. Актюбинска и названа такъ потому что, сдѣланная изъ жженаго кирпича, представляется издали ярко красной (Кизыль-красный). Форма могилы четыреугольная, постепено суживающаяся къ верху. Верхъ, по преданію, былъ наглухо закрытъ

Высота могилы $1^1/_2$ саж., длина кирпичей отъ 6 вершк., ширина $3^1/_2$ вершк. Въ настоящее время могила эта на половину уже развалилась, но еще и до сихъ поръ далеко-далеко видны ея развалины, принявшія видъ огромнаго кресла, и долго еще хранимая ею тайна прошлаго будетъ служить предметомъ вечернихъ бесѣдъ киргизовъ, долго еще былина киргизскихъ пѣвцовъ о красавицѣ Уйля и калмыкѣ Зайса будетъ туманить очи дѣвушекъ, навѣвать грустныя думы на слушателей-киргизовъ и волновать пытливый умъ туриста (І. К.)

Гора Корсакъ-басъ. Корсакъ-басъ, голова-лисицы *), находится на границѣ 3-го аула Илекской волости съ 6-мъ ауломъ Хобдинской волости Актюбинск. уѣзда, на разстояніи 35 верстъ отъ ст. Акъ-булака. Ея высокая вершина господствуетъ надъ сосѣдними возвышенностями и является среди степи какъ бы маякомъ, который виденъ за 100 в. кругомъ, а у подножія его пересѣкается нѣсколько караванныхъ дорогъ.

Корсакъ басъ имѣетъ около 900 метровъ въ окружности, высота ея 70 метровъ; вершина продолговата, имѣетъ 30 метровъ длины и 10 метровъ ширины.

Киргизы придаютъ этому холму таинственное значеніе, считая его сооруженіемъ человѣческихъ рукъ.

Въ силу своего одинокаго положенія среди степи, онъ съ незапамятныхъ временъ долженъ былъ казаться чѣмъ-то сверхъ естественнымъ кочевникамъ, которые всегда жадны до различныхъ таинственныхъ сказаній

*) См. „Отчетъ объ экспедиціи въ Актюб. у. лѣтомъ 1904 г. І. Кастанье“. Труды Оренб. уч. Арх. Ком. 1905 г. вып. XIV.

Маленькое отверстіе, находящееся на половинѣ дороги къ вершинѣ холма и обращенное къ югу, дало поводъ киргизамъ къ легендѣ, которая далеко распространилась между ними и которая гласитъ, что въ давнія времена отверстіе это вело въ гротъ, если можно такъ назвать родъ углубленія въ холмѣ, которое служило убѣжищемъ одному киргизу, удалившемуся отъ свѣта и устроившему тамъ свое жилище; но по неизвѣстнымъ причинамъ этотъ пустынникъ не могъ прожить въ немъ болѣе 3-хъ мѣсяцевъ, послѣ чего гротъ опустѣлъ.

Поднявшись на вершину холма и удостовѣрившись, что тамъ не было никакого древняго сооруженія, я осмотрѣлъ гротъ, который собственно не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ гротомъ. *) Дѣйствительно, отверстіе въ 40 сант. высоты ведетъ въ углубленіе, которое сейчасъ-же дѣлается до того узкимъ, что рука едва можетъ пролѣзть; однѣ только хищныя птицы посѣщаютъ это природное жилище и тамъ устраиваютъ свои гнѣзда. Снявъ фотографію съ холма, я покинулъ Корсакъ-басъ, глубоко убѣжденный, что холмъ этотъ есть естественный и только отдѣлившійся отъ сосѣдней возвышенности дѣйствіемъ сильныхъ и постоянныхъ вѣтровъ, а также размываніемъ дождевой и снѣговой водой.

Кызъ-мола. Около горы Базаръ-бай поблизости отъ верховья рѣки Туе-тасъ, которая впадаетъ въ Илекъ около ж. д. станціи Чапканъ, находится интересная могила Кызъ-мола. Преданіе гласитъ, что нѣкогда въ этой области кочевалъ богатый киргизъ изъ дальнихъ мѣстъ киргизской степи, у котораго въ это время умерла дочь. Здѣсь онъ ее и похоронилъ. Памятникъ изготовленъ на мѣстѣ ея родины и привезенъ впослѣдствіи. Онъ состоитъ изъ монолита въ видѣ прямоугольнаго параллепипеда, поставленнаго узкой стороной на пьедесталъ. Въ верхней сторонѣ этого монолита сдѣланъ глубокій вырѣзъ во всю длину, причемъ стороны вырѣза обращены выпуклостью къ верху (см. рис. 1, таб. X). [1]) Пьедесталъ состоитъ изъ двухъ плитъ, нижняя имѣетъ форму правильнаго прямоугольника, а верхняя имѣетъ съ двухъ узкихъ сторонъ вырѣзы такой же формы, какъ описанный вырѣзъ на монолитѣ. На одномъ изъ боковъ виднѣются три фигуры въ видѣ елки напарапанныя ножемъ или остроконечнымъ орудіемъ, сдѣланныя повидимому позднѣе.

Памятникъ поставленъ по словамъ киргизъ уже нѣсколько поколѣній тому назадъ.

Пещеры Чіили и Джилъ-тау. Въ этомъ же 1904 г. я посѣтилъ пещеры Чіили, расположеныя у подножія холма Чіили, вправо отъ Орской дороги, верстъ около 30 на С-В. отъ Актюбинска. Рѣка Чіили (Грязнушка) омываетъ подножіе холма. Мною были произведены пробныя раскопки въ одной изъ пещеръ. Дно пещеры состоитъ изъ чернозема, а холмъ изъ гипса.[2]) При раскопкахъ въ траншеѣ были найдены на глубинѣ одного метра сгнившія кости животныхъ.

Пещеры Чіили въ археологическомъ отношеніи не представляютъ особаго интереса. Киргизы съ большимъ страхомъ и уваженіемъ относятся къ пещерамъ и называютъ ихъ „*Мугтынъ* или *Мыктэнъ-уй*“—домъ мыка или муга. Что значитъ Мыкъ—они не могли объяснить.

Присутствовавшій при чтеніи моего доклада профессоръ В. В. Бартольдъ далъ слѣдующее объясненіе названію „Муктэнъ-уй“. Подъ этимъ словомъ можно разумѣть исповѣдниковъ огнепоклонничества (религіи Зороастра-древнѣйшей въ Туркестанѣ) Муговъ или Маговъ, которымъ современное населеніе Туркестана приписываетъ многое выдающееся

*) Возможно, что раньше гротъ былъ больше, но впослѣдствіи онъ разрушился.

[1]) Эти сообщенія записаны со словъ Д. Н. Соколова, а рисунокъ также исполненъ по его указаніямъ.

[2]) Подробное описаніе пещеръ и гипсовыхъ проваловъ Чіили помѣщ. въ Трудахъ Оренб. уч. Арх. Ком. за 1905 г. вып. XIV. Стр. 190—194.

въ области археологіи и исторіи. Такимъ образомъ названіе „Муктэнъ-уй“ надо переводить „жилище муговъ или огнепоклонниковъ“.

По мнѣнію г-на Бартольда, терминъ “Муктэнъ-уй“ недревняго происхожденія въ Тургайской области и въ недавнее время занесенъ изъ Туркестана путемъ сношеній.

Слово „мыгъ“ еще упоминается въ протоколахъ за 1901 г. Туркестанск. кружка люб. арх. „Народъ, по туземному названію „мыгъ“, жилъ когда-то въ Семирѣченской и Ферганской обл. и хранилъ свои богатства въ пещерахъ“*)

Атъ-тасъ. На склонѣ горы Джиланъ-тау на правомъ берегу рѣки Жаксы-Каргалы, верстъ 13 отъ г. Актюбинска и въ одной верстѣ отъ кургана № 6, раскопаннаго мною въ 1906 г.,**) имѣется большой камень, который выдѣляется на окружающей мѣстности своимъ бѣлымъ цвѣтомъ. Киргизы говорили мнѣ, что онъ имѣетъ видъ лежащей лошади, поэтому его называютъ „Атъ-тасъ“, иногда „Акъ-тасъ“. Видимо, камень раньше стоялъ и благодаря его бѣлому цвѣту виднѣлся издалека. Впослѣдствіи его подкопали и свалили, при чемъ онъ онъ разбился; ни надписей, ни изображеній на немъ не видно.

Древнее сооруженіе. На одномъ изъ отроговъ Джиланъ-тау, близъ гипсовыхъ проваловъ, посѣщенныхъ мною по близости рѣки Терезъ-бутакъ, на горѣ, въ приблизительно верстахъ 12 отъ г. Актюбинска, возвышаются громадные тесаные камни, напоминающіе долмены. Ихъ расположеніе наводитъ меня на мысль, что не простая случайность создала здѣсь это титаническое сооруженіе, а руки человѣка. Камень продолговатый образуетъ эллипсисъ, толщиной отъ 30 до 40 сант.; другой камень, теперь обрушившійся, видимо, служилъ крышей и опирался съ одной стороны на вершину горы, а съ другой на вышеописанный камень, врытый ниже; боковыя стороны закрыты были громадными плитами, которыя въ настоящее время глубоко врѣзались въ землю. Это древнее сооруженіе видно издалека; ни знаковъ, ни надписей на немъ не замѣтно.

Кара-мола. Въ Трудахъ Оренб. Арх. Ком. за 1907 г. Вып. XIX стр. 53 напечатано слѣдующее указаніе г. А. Н. Реезе:

Въ 1-мъ аулѣ Бестамакской волости, на южной окрайнѣ Актюбинскаго уѣзда, имѣется старинная могила, по имени *Кара-мола*— „Черная могила“. Съ одной стороны она обложена четырехугольными плитами съ изразцами. Въ землѣ, у основанія могилы сохранились простые и обожженные кирпичи, наружная сторона которыхъ была съ поливой.

Кутебай- атыръ-мола. Сообщеніе того же г. Реезе:

Въ 1-мъ аулѣ тойже волости, на рѣкѣ Коктюбэ въ 15-ти верстахъ отъ ж. дорожной станціи, имѣется могила, подъ названіемъ „Кутебай батыр-мола“, сложенная изъ кирпичей. Въ ней, говорятъ, похоронена только одна рука богатыря Кутебая, который былъ убитъ въ борьбѣ съ какимъ то народомъ. Камни и кирпичи могилы съ поверхности обобросли травою. Форма могилы-круглая.

Изъ наведенныхъ мною справокъ оказалось, что эта могила существуетъ уже сто лѣтъ. Потомство Кутебая все еще живетъ въ Актюбинск. уѣздѣ. Батыръ Кутебай былъ убитъ враждебнымъ родомъ, который, осквернивъ его могилу, вытащилъ его останки и унесъ ихъ въ степь, забывъ одну изъ рукъ Кутебая въ прежней могилѣ *).

*) Въ Зайсанск. уѣздѣ Семипалатинск. обл. имѣются курганы, одинъ изъ нихъ, слывущій подъ названіемъ „Мыктынъ-уй“, отличается крупными размѣр.

**) См. Карту въ Трудахъ Оренб. уч. Арх. Ком. за 1907 г. Вып. XIX. Стр. 102, статья І. Кастанье.

*) Въ послѣдней моей поѣздкѣ въ Бистамакск. вол. въ 1909 г. я узналъ, что переселенцы растаскиваютъ камни этой почитаемой киргизами могилы. Она почти разрушена и скоро отъ нея останется одно только воспоминаніе. (І. К.)

Развалины. У истоковъ рѣки Ори, въ южной части Актюбинскаго уѣзда, нѣкогда виднѣлись развалины каменной мечети. См. Поѣздка изъ Орска въ Хиву и обратно 1740—1741 Гладышева и Муравина. Изд. Я. В. Ханыковъ С.-ПБ. 1851 г.

КУСТАНАЙСКІЙ УѢЗДЪ.

Ксюп-оба. Въ трудахъ Оренб. Арх. Ком. за 1905 г. Вып. XIV, стр. 59. г. Аниховскій сообщаетъ, что въ Джитыгаринской вол. въ 7-мъ аулѣ, у р. Шортанды, сложена киргизцами изъ камня конусообразная куча въ память посѣщенія аула чтимымъ странникомъ Ксюпомъ, подъ названіемъ Ксюп-оба.

Въ Дамбарской волости у оз. Джаугашты есть каменная пирамида того-же имени сложенная киргизами въ память побѣды надъ калмыками.

Могилы Шокей. Въ Кумакской вол., въ 5-мъ аулѣ, на берегу рѣки Джарлы-Бутакъ около зимовки киргиза Танишпая, виднѣются нѣсколько интересныхъ могилъ „Шокей". Рисунки съ фотогр. А. Л. Аниховскаго здѣсъ прилагаются. (См. таб. II, рис. 5.).

Становище каменнаго вѣка. Въ протоколахъ и сообщеніяхъ членовъ Туркест. кр. люб. арх. за 1906/7 г. стр. 78 помѣщена замѣтка П. С. Назарова о находкахъ орудій каменнаго вѣка въ Средней Азіи. Изъ его сообщеній видно, что въ его коллекціи находится нѣсколько предметовъ каменнаго вѣка „Въ Тургайской области, въ Биштабинской волости, въ близи оз. Эбелея имъ найдено въ песчаныхъ барханахъ, носящихъ признаки прежде существовавшаго тамъ хвойнаго лѣса, становище каменнаго вѣка, заключавшее въ себѣ множество осколковъ кремня, кремневыхъ скребковъ и пр.'

ИРГИЗСКІЙ УѢЗДЪ.

Развалины Болгасынъ. Въ очередномъ засѣданіи Оренб. Арх. Ком. 14 октября 1897 г. было заслушано сообщеніе А. И. Матова „О развалинѣ Болгасынъ и о преданіяхъ, связанныхъ съ нею." Сообщеніе г. Матова помѣщено въ Труд. Оренб. Арх. Ком. за 1898 г. Вып. IV стр. 28. Башня, о развалинахъ которой сообщилъ г. Матовъ, находится въ 200 вер. къ югу отъ г. Иргиза,*) достигаетъ высоты 10 саж. и видна изъ далека. Построена она надъ прахомъ благочестивой дѣвушки, по одному преданію, ея отцемъ, по другому—башня сама выросла изъ земли въ три дня. Третье преданіе сообщаетъ, что ее строили пять тысячъ татаръ три дня: въ первый день они доили своихъ женъ, во второй дѣлали, смѣшивая глину съ женскимъ молокомъ, и обжигали кирпичъ, въ третій—сложили башню и скрылись неизвѣстно куда. Киргизы весьма чтутъ Болгасынъ и вѣрятъ, что ночь, проведенная у развалинъ ея съ пріятными сновидѣніями, помогаетъ при женскомъ безплодіи. Ежегодно, съ наступленіемъ хорошей погоды, начинаютъ стекаться сюда во множествѣ киргизки-паломницы, страдающія безплодіемъ. За 500 или 1000 верстъ ѣдутъ сюда верхомъ испросить у святой потомства. Пилигримки, обыкновенно, проводили подъ сводами башни, одну только ночь..... Преданіе говоритъ, были случаи, что нѣкоторыя изъ нихъ рожали въ дорогѣ, другія—по возвращеніи домой.

Еще болѣе подробное описаніе башни Болгасынъ г. Матовымъ мы находимъ въ №№124 и 125 Тургайской газеты за 1897 г.

Башня, пишетъ А. И. Матовъ, возведена на фунтаментѣ изъ краснаго, удивительно прочнаго кирпича Сѣверная сторона развалины имѣетъ 13 шаговъ въ длину, восточная до обвала 10 шаговъ; надо полагать, что длина башни была не менѣе 20 шаговъ. Наружная часть купола выложена изъ прекрас-

*) Отъ станціи Челкара верстахъ въ 50 къ С-В. [примѣч. автора.]

наго голубого глазированнаго кирпича..... Башня достигаетъ саженъ 10 вышины. Южная часть ея обвалилась. Внутренность облицована штукатуркой, входъ въ башню былъ съ южной стороны, потому что на остальныхъ сторонахъ пробиты окна. Описываемая башня построена изъ сплошного кирпича. Вмѣсто извести употреблена простая глина сѣроватаго цвѣта. Кирпичи разной формы и съ неправильными сторонами.

Три года спустя г. Хохловъ посѣтилъ Болгасынскую башню; она все еще стояла, какъ видно изъ сообщенія г. Хохлова [см. Поѣздка къ Аральскому морю, съ 20 ноября до 20 декабря 1900 г.] «Недалеко отъ Талды-Кумовъ, пишетъ г. Хохловъ, находится древняя мечеть въ видѣ башни (а можетъ быть, какой-нибудь памятникъ). Теперь она уже наполовину разрушена. Замѣчательна прочность постройки этой мечети. Она сложена изъ довольно большихъ красныхъ кирпичей, квадратной формы. На бокахъ нѣкоторыхъ кирпичей доселѣ хорошо сохранилась глазурь голубого цвѣта. Кирпичи такъ прочны, что и въ настоящее время вполнѣ годятся на постройки; при постукиваніи они издаютъ звукъ, похожій на металлическій. Киргизы говорили мнѣ, что эта башня или мечеть стоитъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ; очень жаль, что киргизы разрушаютъ этотъ древній памятникъ и увозятъ изъ него кирпичи въ свои зимовки на разныя хозяйственныя надобности.“

Въ послѣднихъ числахъ іюня 1907 года я посѣтилъ башню Болгасынъ, *) которая уже представляла изъ себя ни что иное, какъ груду кирпичей. Все-разрушающее время пронеслось надъ этимъ памятникомъ старины и не оставило ни одпаго цѣлаго кирпича.

По словамъ г. Матова башня Болгасынъ, покрытая точно бирюзой, производила сильное впечатлѣніе. Она видна была верстъ за 15. Кругомъ ни одного живого существа, кромѣ сайгаковъ, то и дѣло перебѣгающихъ дорогу. Ея кладка и особенно распоръ купола напоминали верхнюю часть кибитки кочевниковъ, которую, повидимому, магометанскіе зодчіе и брали за свой первоначальный образецъ.

Башню Болгасынъ можно отнести, по всей вѣроятности, къ типу тамерлановскихъ построекъ. *) Я склоненъ думать, что подъ развалинами Болгасынъ покоится какой нибудь полководецъ, современникъ Тамерлана, пораженный смертью во время похода. Это отчасти подтверждается разсказами одного стараго киргиза, который, согласно преданію, приписываетъ этотъ памятникъ какому-то татарскому хану, который умеръ въ походѣ.

Верстахъ въ 5 отъ Болгасына имѣется старый заброшенный арыкъ, который по описанію г. Матова, беретъ начало изъ соленогорькаго озера Кара-Соръ. Арыкъ этотъ говоритъ объ осѣдлости, которая, повидимому, была не чужда этимъ мѣстамъ, теперь совершенно занесеннымъ пескомъ. Сохранилось преданіе, что вблизи Болгасына когда-то давно существовалъ городъ, построенный изъ обожженнаго кирпича, обнесенный стѣной. Нѣкоторые будто бы находили остатки этой стѣны.

Въ моемъ докладѣ, напечатанномъ въ Трудахъ Оренб. Арх. Ком. вып. XIX стр. 217, я высказалъ слѣдующее мнѣніе: Болгасынъ никогда не могъ быть населенъ; Болгасынъ есть ничто иное, какъ обширное кладбище, гдѣ кочевники хоронятъ своихъ умершихъ въ сосѣдствѣ и подъ покровительствомъ святого, похороненнаго подъ башней. Могилы, находящіяся тамъ, разнообразны какъ по формѣ, такъ и по величинѣ, такъже, какъ и тамги, вырѣзанныя на плитахъ. *)

Тутъ же, шаговъ на 50 отъ развалинъ возвышается красивая мазарка съ куполообразнымъ сводомъ, построенная изъ кирпичей башни Болгасына.

---

*) См. Развалины Болгасынъ и Челкарская степь. I. Кастанье (Вып. XIX за 1907 г. стр. 217.) Труды Оренб. уч. Арх. Ком.

*) См. рисунокъ г. Матова въ Труд. Оренб. уч. Арх. Ком. къ ст. Кастанье „Оразвалинахъ Болгасына, вып. XIX“

*) Рисунки этихъ тамгъ приложены къ статьѣ о развалинахъ Болгасына (Вып. XIX. Труд. Ор. Арх. Ком.)

Древняя могила хаджи въ уроч. Кауль-Джуръ*. Въ 1820 году барономъ Георгіемъ Мейендорфомъ было предпринято путешествіе изъ Оренбурга въ Бухару. Это путешествіе было описано А. Жоберомъ на франц. языкѣ. **) На 29 стр. мы читаемъ слѣдующее сообщеніе: „Мы слѣдовали за нашимъ новымъ проводникомъ въ продолженіе 2-хъ или трехъ верстъ и прибыли наконецъ въ 8 часовъ вечера на берега Хаджи-куля, сдѣлавши въ этотъ день около сорока пяти верстъ. Это озеро обязано своимъ именемъ хаджѣ, или киргизскому святому, похороненному около берега, среди нѣсколькихъ другихъ могилъ. Всѣ эти могилы сооружены изъ глины, смѣшанной съ рубленой соломой, за исключеніемъ однако могилы хаджи, которая сооружена изъ кирпичей, сушеныхъ на солнцѣ. Внутри этого памятника находится могила. Киргизы приходятъ сюда, чтобы помолиться на могилѣ хаджи".

Акчайскія могилы. Мѣстность около рѣки Кауль джура заключаетъ нѣсколько могилъ; хотя въ археологическомъ отношеніи онѣ не представляютъ особаго интереса, но выдѣляются своей красивой архитектурой, такъ напримѣръ верстахъ въ 10 отъ ст. Челкаръ расположены Акчайскія могилы, устройство которыхъ напоминаетъ вышеописанную могилу хаджи. (См. таб. II рис. 2).

Могила Шимана Не менѣе интереса представляетъ могила Шимана, въ видѣ пирамиды, расположенная на западной сторонѣ озера, не далеко отъ устья Кауль джура въ оз. Челкаръ. Этотъ памятникъ сдѣланъ изъ глины, онъ съ четырьмя сторонами, образующими пирамиду, на каждой сторонѣ которой находится маленькое отверстіе (метровъ въ 3-хъ отъ пола) въ видѣ окна. Входъ въ памятникъ съ юго-восточной стороны. Внутри виднѣется 8 нишъ, расположенныхъ по двѣ на каждой сторонѣ. Крыша поддерживается колесомъ отъ телѣги. которое вдѣлано въ глину. Здѣсь, кромѣ могилы Шимана, имѣется нѣсколько другихъ полуразрушившихся могилъ. (См. таб. II рис 3).

*) Эта выписка сообщена А. П. Гра.

**) Voyage d.' Orenbourg à Boukhara fait en 1820. Amédée Iaubert Paris 1826.

ТУРГАЙСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ рукописи г. Генса тетр. XIV стр. 137.*) мы читаемъ: „Извлеченіе изъ дневныхъ записокъ путешествія капитана Николая Рычкова въ Киргизъ-Кайсацкой степи 1776."

Стр. 58. „Около Кара-Тургая кап. Рычковъ нашелъ оставленныя пашни. Киргизы ему сказали, что прежде ихъ жили въ сихъ мѣстахъ Ногайцы."

Стр. 59 „Лагерь при рѣкѣ Кара-Тургай 641 в. отъ Орской крѣпости. Къ полудню отъ сего мѣста. разстояніемъ въ 4 верстахъ, видно такое огромное кладбище древнихъ народовъ, какового по всему пространству здѣшней степи едва найти возможно. Оно осыпано простою землю и поднято въ вышину болѣе 15 саж., окруженіе же онаго 135 саженъ. По сему можно представить, сколь высокое число народа должны быть созидателями сея громады и сколь велики были ихъ старанія отличить сію могилу отъ всѣхъ другихъ. Киргизы повѣдаютъ, что тамъ погребенъ необычайнаго возраста человѣкъ, коего предки обитали въ сихъ мѣстахъ... Впрочемъ вѣроятнѣе кажется, что могила воздвигнута въ честь какого-нибудь Скиѳскаго царя или героя. Могила сія разрыта русскими, которые собирались большими артелями ходить за тѣмъ далеко въ лѣсъ. Киргизцы почитаютъ за крайнее беззаконіе искать сокровищъ въ прахѣ умершихъ людей.

Стр. 63 „Лагерь на восточной сторонѣ большого Тургая 683 в. отъ Орскѣй крѣпости. Наутріе, отправляясь въ нашъ путь, прибыли мы къ нѣкоему старинному городищу, пространными валами и рвами укрѣпленному. Городъ сей сдѣланъ на подобіе

*) Свѣдѣнія доставлены мнѣ А. В. Поповымъ.

четвероугольнаго замка, имѣя во всѣ четыре стороны видимыя тамъ земляныя ворота, отворяющія свободный путь внутрь сего укрѣпленія. Упадшіе валы и рвы, прежней глубины своей лишенные, свидѣтельствуютъ о древности сего мѣста, но примѣчанія достойныхъ развалинъ ни внутри ни внѣ валовъ не видно, кромѣ черепицы и камня, валяющагося въ градскихъ мѣстахъ.

Къ полудню отъ сего мѣста разстояніемъ въ двухъ верстахъ, на вост. сторонѣ р. Карага или Тургая, находятся остатки древняго зданія, сдѣланнаго изъ кирпича и плитнаго камня на подобіе молитвеннаго дома. Древность времени не совсѣмъ лишила его прежняго вида, ибо твердость его стѣнъ понынѣ еще не поколебима, и вышина онаго, простирающаяся понынѣ болѣе 9 саж., показываетъ, сколь огромно было сіе зданіе въ свое время. На восточной сторонѣ онаго сдѣлано пространное отверстіе, служащее вмѣсто вратъ сего храма, въ кои входятъ изъ подъ выкладенной весьма искусно плитнымъ камнемъ двери; семь саженъ въ ширину и въ длину сіе зданіе, и два небольшія окна освѣщаютъ внутренность оного. Вокругъ него стоятъ множество надгробковъ, изъ которыхъ три достойны большого примѣчанія, потому что сдѣланы съ уступами изъ кирича, вымазаннаго бѣлою известью, въ чемъ знать вкусъ и нарочитое искусство древнихъ строителей."

Краткія свѣдѣнія объ этихъ же памятникахъ старины мы имѣемъ еще у Левшина, такъ напр., на стр. 208—209 сказано: „На берегахъ Тургая есть нѣсколько древнихъ могилъ съ строеніями каменнымм и кирпичными. Одна изъ нихъ особенно замѣчательна величиною. Она состоитъ изъ насыпи, болѣе 15 саженъ вышиною и до 135 саженъ въ окружности. Киргизы почитаютъ ее святою и сказывали капитану Рычкову, видѣвшему ее въ 1771 году, будто она скрываетъ въ себѣ прахъ одного богатыря необыкновеннаго роста.

Нѣсколько далѣе видно было (на Тургаѣ же) четвероугольное городище съ развалившимися валами, воротами и зданіемъ, коего стѣны имѣли до 9 саженъ высоты; кругомъ его-могилы. (См. Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей А. Левшина 1832 г. стр. 208—209.)

Развалины Кара-Яръ. Въ Изв. Имп. Археол. Ком. за 1903 г., прибав. къ вып. VI стр. 79 есть указанія „О найденномъ по р. Джалдамы-Тургай, на урочищѣ Кара-Яръ, жженомъ кирпичѣ" изъ дѣлъ архива Тургайскаго уѣзднаго управленія. *)

Здѣсь я приведу описаніе этихъ интересныхъ развалинъ и ихъ окрестностей.

„При слѣдованіи отъ г. Тургая къ урочищу Кара-Яръ, отстоящему отъ укрѣпленія примѣрно въ 200 верстахъ, не доѣзжая до названнаго урочища верстъ 40 на востокъ, бросаются въ глаза утесы, расположенные дугообразно по правому берегу р. Карыксалды-Тургая. При приближеніи къ рѣкѣ начинается привлекательная древесная поросль разныхъ породъ, опушающая весь берегъ этой рѣки и подходящая къ подошвѣ утеса. Вершина утеса представляетъ ровную площадь; на разстояніи 4-хъ верстъ отъ утеса, къ юго-востоку, тянется цѣпь небольшихъ холмовъ, представляющихъ довольно красивую картину на гладкой равнинѣ степи. На поверхности утеса видны слѣды заросшихъ бурьяномъ и занесенныхъ пескомъ могилъ. Между могилами въ двухъ мѣстахъ видны кирпичныя развалины, покрытыя земельною насыпью. Нѣкоторые изъ киргизовъ были склонны думать, что эти развалины — „ауленин-моласы" (могила святого), но большинство утверждало, что здѣсь ничто не напоминаетъ кладбища, а что это скорѣе старинная кумирня какого-то жившаго здѣсь, Богъ вѣсть когда, народа. Лежащіе на поверхности земли кирпичи покрылись плѣсенью и обросли мохомъ и даже отъ давности превратились въ дикій камень;

*) Дѣло по донесенію начальника 53 дистанціи къ г. предсѣдателю пограничной ком. „О найденномъ, на урочищѣ Кара-Яръ жженомъ кирпичѣ" нач. 28 сент. 1858 г., конч. 13 мая 1859 г., на 11 листахъ. При дѣлѣ имѣется обстоятельно составленный планъ этихъ развалинъ.

самое значеніе кирпича изобличается его четвероугольностью. Кирпичъ лакированный, бирюзоваго цвѣта. При расчисткѣ одной развалины оказалось, что это стѣны четыреугольнаго зданія, квадратныя, размѣромъ каждая въ 15 арш. длины и 2 арш. толщины; цѣлость укладки сохранилась только въ нижней ихъ части. Что было выше, къ кровлѣ—неизвѣстно; стѣны снаружи и внутри были покрыты штукатуркою изъ бѣлой извести; полъ состоялъ изъ каменныхъ плитъ; при стукѣ въ нихъ слышался глухой звукъ Входъ въ зданіе съ горной стороны. Кровля этого зданія, по всѣмъ признакамъ, была на стропилахъ изъ лакированнаго же бирюзоваго цвѣта кирпича, притесаннаго плотно, съ опредѣленною со всѣхъ сторонъ покатостью. Архитектура зданія довольно красива и привлекаетъ взоръ искусственностью отдѣлки. На полу развалины найдены двѣ доски, одна изъ не лакированнаго кирпича, разбитая на части, а другая изъ кирпича лакированнаго бирюзоваго цвѣта; на этихъ доскахъ сдѣланы надписи, вперемежку, красною и черною красками. Отдѣльныя части надписи имѣли большее сходство съ іероглифами, чѣмъ съ письменами извѣстныхъ народовъ, все сокрушающее время тогда еще стерло многіе изъ знаковъ. При дальнѣйшей разсчисткѣ развалинъ нашли разбросанные обтесанные камни, имѣющіе видъ большихъ кирпичей, большіе куски металлическаго сплава и древесный уголь.

Кирпичъ этихъ зданій оказался трехъ сортовъ толщиною въ вершокъ:

1 сортъ—длиною 9 вершк., шириною—6 вершковъ.

2 сортъ—квадратный, равномѣрный въ длинѣ и ширинѣ—6 вершк.

3 сортъ—длиною 6 вершк. и шир. 3 верш.

При расчисткѣ развалинъ другого зданія, отстоящаго отъ перваго въ 10 саж., особенныхъ признаковъ архитектуры опредѣлить было невозможно, но можно заключить, что зданіе это было двухъ-этажное, основаніе его покоилось на буту, вымощенномъ изъ дикаго каменнаго щебня, стѣны квадратныя, размѣромъ больше, чѣмъ у перваго зданія. Полъ въ палатахъ былъ выложенъ изъ кирпича. Кирпичъ твердый, какъ камень, при растираніи рукою даетъ блескъ. По особымъ признакамъ можно заключить, что здѣсь были кирпичныя печи и что вообще эти развалины изображали изъ себя человѣческое жилище.

Можно предполагать, говорится въ донесеніи, что на большомъ пространствѣ здѣсь были лѣса, а также, что люди занимались хлѣбопашествомъ и сѣнокошеніемъ; даже сохранились слѣды обыкновенныхъ телѣжныхъ дорогъ.

По отзывамъ ордынцевъ, въ окрестностяхъ этихъ развалинъ имѣется въ разныхъ мѣстахъ масса подобныхъ же кирпичныхъ развалинъ и пирамидъ, довольно искусно сдѣланныхъ какъ бы одною мастерскою рукой. Красота и прочность такихъ построекъ могутъ служить образцомъ и въ наше время.

Пусть не существуетъ теперь описанныхъ развалинъ, но благодаря основательному описанію, легко добраться до того мѣста гдѣ онѣ найдены были полвѣка тому назадъ.. “

ДРЕВНОСТИ

Уральской Области,

Букеевской степи и Усть-Урта.

Свѣдѣнія о курганахъ Уральской обл.

Въ архивѣ Оренбургской Комиссіи хранится интересное дѣло *„о котлѣ необыкновенной величины,“* найденномъ близъ устья рѣки Утвы. Вышеупомянутый котелъ былъ найденъ глубоко зарытымъ въ землѣ киргизам и близъ устья рѣки Утвы по близости *трехъ кургановъ* „Кара-оба“, противъ кирсановскаго форпоста, въ 12 в. отъ Урала. Относительно этихъ трехъ кургановъ вотъ что доносилъ г. Ларіоновъ[1]): „Первый изъ оныхъ круглый, имѣетъ съ одной стороны высоты $3^1/_2$ саж., а съ другой около 5 саженъ. На поверхности сего кургана есть яма глубиною до 2 саж., а въ ямѣ плоскость въ поперечникѣ до 4 саж. Курганъ сей въ окружности при основаніи имѣетъ около 150 саж. Въ округѣ его ровъ шириною до 8 саж. а глубиною около 2 арш. Сей ровъ вѣроятно прежде былъ глубокъ, но отъ весенней воды и отъ растоптанія скотомъ, какъ видно, заровнялся.

Другой и третій отъ онаго кургана на югъ въ 30 саженяхъ состоящіе одинъ подлѣ другаго; но сіи курганы не круглы, а имѣютъ видъ совершенно похожій на сѣнные ометы (скирды). Изъ сихъ послѣднихъ одинъ имѣетъ длины около 55 саж., ширины до $15^1/_2$ саж., а высоты до $2^1/_2$ саж. А другой въ длину до 35 саж., въ ширину до 7 и высотою до $1^1/_2$ саж. Какъ между сими курганами, такъ и вкругъ оныхъ есть рвы, имѣющіе ширины до 5 саж. и болѣе, глубиною около 2 арш. Они также были глубоки, какъ и около круглаго кургана, но отъ времени по тѣмъ же причинамъ заровнялись; сверхъ сихъ трехъ кургановъ видны еще въ сторонѣ и другіе, которые должны быть также насыпные.“

Объ этихъ курганахъ Д. Н. Соколовъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: „Лѣтомъ 1909 года я проѣзжалъ (съ западной стороны) мимо кургановъ Кара-оба и обратилъ вниманіе на необыкновенную, „скирдобразную“, по выраженію Ларіонова, форму южной пары кургановъ. Я тогда-же объяснялъ ихъ себѣ какъ укрѣпленіе, сооруженное кочевниками, чтобы укрываться тамъ въ случаѣ нападенія непріятеля. Рвы, проведенные вокругъ каждаго кургана отдѣльно и соединявшіе ихъ между собою по описанію Ларіонова, (я близко не подъѣзжалъ) подтверждаютъ эту догадку. Круглый курганъ служилъ наблюдательною башнею и кромѣ того могъ служить сигнальною (на немъ могли зажигать сигнальный костеръ). Подобная-же группа

[1]) Рапортъ надворнаго совѣтника Ларіонова отъ 2 декабря 1829 г.

расположена на З. отъ описанной. Группа Кара-оба расположена на водораздѣлѣ возвышенной равнины между рѣками: Ураломъ, Утвою и впадающимъ въ послѣднюю Кара-оба-саемъ.

Такимъ образомъ курганы Кара-оба представляютъ повидимому, своего рода „городище“, сооруженное кочевымъ народомъ.“

Въ Трудахъ Оренб. уч. Арх. Ком. за 1906 г. Вып. XVI. стр. 4 имѣется небольшая замѣтка А. Ѳ. Корчагина о томъ, что въ Уральской области отъ станціи Чаганакской курганы тянутся систематически въ юго-западномъ направленіи верстъ на 50, при чемъ разстояніе между ними небольшое, а размѣры ихъ различные.

На стр. 55 въ того-же выпуска Ком. имѣется сообщеніе В. В. Карлсона: 1) о трехъ интересныхъ курганахъ, находящихся въ Уральскомъ уѣздѣ, въ 3 аулѣ Карагайской волости; высота ихъ до $1^1/_2$ с., на вершинѣ каждаго изъ нихъ имѣется стѣна въ видѣ круглой ограды, сложенная безъ цемента, изъ плитняка. Высота стѣнъ до $2-2^1/_2$ арш., толщина до 1 арш., діаметръ ограды около 2 саж. 2) Особенно большіе курганы г. Карлсонъ видѣлъ въ № 1 и 4 аулахъ Джіирень-Купинской волости Уральскаго уѣзда, напр., въ 18 в. на западъ отъ поселка Джіирень-Купы.

По словамъ завѣдывающаго партіей г. Цабеля въ Уральской области кургановъ очень много; они уменьшаются въ числѣ по направленію къ западу, хотя встрѣчаются по нижнему теченію р. Урала до Гурьева.

По собщенію топографа г. Котковскаго (см. Труды Оренб. Ком. вып. XIX стр. 54) въ 5-мъ аулѣ Чингырлауской вол. Уральскаго уѣзда есть возвышенный курганъ „Оба“. На этой возвышенности устроенъ четыреугольный валъ, въ одномъ мѣстѣ имѣющій выходъ; стѣна вала высотой $1^1/_2$ аршина, толщиною тоже $1^1/_2$ арш., и каждая сторона длиною въ 30 саж. Валъ находится на плато и насыпанъ изъ земли. Около вала разрытый холмъ.

Киргизы говорятъ, что валъ этотъ сдѣланъ для защиты отъ нападенія калмыковъ. Теперь всѣ стѣны поросли ковыломъ.

Г. Хворостанскій словесно мнѣ сообщилъ что въ Бурлинской волости отъ Бурлинскаго базара на Ю-З въ 18—20 верстахъ, Уральск. у., находится огромный курганъ, извѣстный подъ названіемъ „*Дынъ-кара-оба*“, (см. таб. VI, рис. 5.).

Около кургана Дынъ-кара-оба имѣется еще курганъ большихъ размѣровъ. Рисунки этихъ кургановъ и фотограф. снимки г. Хворостанскаго здѣсь прилагаются.

По сообщенію топографа А. А. Скобейко (см. Труды Оренб. Уч. Арх. Ком. зо 1907 г. вып. XIX стр. 54) въ верховьяхъ рѣчки Кара-Оба, въ юго-восточной части Бурлинской волости имѣется замѣчательная насыпь „*Кара-Оба*,“ устроенная на плоской возвышенности, съ углубленіемъ. Стѣны насыпи вышиною около 15 саж., діаметръ углубленія 6-8 саж., по наружному виду насыпь представляетъ съ запада усѣченный конусъ, съ другой стороны эллиптическую форму. Выемка настолько глубока, что въ ней можно спрятаться верхомъ на лошади.

Кругомъ эта насыпь окружена рядомъ насыпей меньшей величины.

Въ отчетѣ Имп. Археолог. Ком. за 1895 г., стр. 79, имѣются свѣдѣнія о хишническихъ раскопахъ въ Уральск. обл.: 1) въ курганѣ на 336-й верстѣ Покровско-Уральской желѣзной дороги найдены два бронзовыхъ наконечника стрѣлъ и бронзовая кнопка, 2) въ Илецкомъ округѣ, въ Большомъ Мару, близъ Бородинской стеницы найдены три круглыя бронзовыя ожурныя и украшенныя филигранью бусы (у двухъ вставленъ въ головкахъ бирюзовый глазокъ.)

Въ Трудахъ Оренб. Уч. Арх, Ком., вып. XIX стр. 56., имѣется слѣдующая замѣтка. Д. чл. д-ръ Бенедиктовъ сообщилъ предсѣдателю выписку изъ письма доктора Блажеевича о найденной имъ каменной бабѣ; баба

лежала на землѣ въ дачахъ 2-го аула Эмбо-Темировской волости Темирскаго уѣзда; баба разбита пополамъ по грудь, верхняя часть (голова и грудь) цѣла, туловище разбито на куски. Ранѣе она была по словамъ киргизъ цѣла и стояла. Баба изъ плоскаго песчаника крупныхъ размѣровъ (верхній обломокъ $1^1/_4$ арш.), замѣтны черты лица, очертаніе женскихъ грудей и, повидимому, на шеѣ ожерелья. Д-ръ Блажеевичъ отправилъ ее въ этнографическій музей въ Варшавѣ. Д-ръ Бенедиктовъ опредѣляетъ, что мѣстность нахожденія бабы находится близъ желѣзнодорожной ст. „Мугоджарская.“

Развалины,

могилы, святыни, преданія и пр. памятники Уральской области.

УРАЛЬСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ Тургайской газетѣ за 1896 г. № 6 помѣщено описаніе могилы Байтака съ относящимся къ ней народнымъ преданіемъ. „Среди киргизскихъ могилъ“ Я. Я. Полферова. (См. таб. II рис. 1).

Байтакъ-тамъ. Далеко протянулась хобдинская степь, широко раскинулись ея глубокія долины, покрытыя сочною пеленою травъ... Красавица р. Хобда серебряной лентой сверкала среди луговъ и звонко катила свои чистыя изумрудныя воды въ славный Илекъ, а густыя заросли камыша близко спустились къ водѣ и своимъ немолчнымъ шелестомъ принимали участіе въ стройныхъ аккордахъ всплеска волнъ... Вдали точно окутанныя синеватою дымкой вырисовывались отроги Мугоджаровъ и вѣнчали собой чудный степной пейзажъ...

Привольно, свободно дышалось въ этихъ мѣстахъ кочевнику калмыку. Его богатыя юрты тонули въ густой зелени, стада паслись по тучнымъ пастбищамъ и множились безъ ухода и заботъ. Игры, забавы, веселыя пѣсни подъ чибызгу, дивные разсказы про славныя дѣла батырей наполняли жизнь хобдинскаго калмыка. Цѣлыми днями онъ съ гикомъ и свистомъ носится по ровной степи на кровномъ аргамакѣ и только его баранья шапка мелькаетъ изъ за высокаго ковыла; онъ на всемъ скаку ловко срываетъ подъ самый корень пушистую траву и вѣнчаетъ имъ лобъ аргамака, а беззаботная пѣсня, несмолкая, будитъ степь... Вечеромъ весело трещатъ костры, разносится запахъ свѣжаго мяса...

Застонала хобдинская степь отъ немолчнаго конскаго топота и говора людского, съ жалобнымъ крикомъ кружатся въ воздухѣ потревоженные хищники изъ пернатаго царства, повалилась высокая трава отъ тяжелыхъ копытъ... Дрогнулъ кочевникъ, утихъ веселый шумъ ауловъ и зловѣщая тишина царила въ ихъ кибиткахъ... Да и было отъ чего... Точно туча черная, двигались полчища татарскія изъ глубн степей азіатскихъ, брали и жгли села, аулы, вытаптывали хлѣба, пастбища, женъ и дѣтей всѣхъ забирали въ полонъ.

Это могучій Батый поднялся войной на великую Русь, хотѣлъ завладѣть всѣмъ мі-

ромъ. Самъ онъ, съ лучшими наѣздниками и съ несмѣтными полчищами, перешелъ рубежъ далеко выше Мугоджарскихъ горъ, чтобы завоевать всѣ среднія страны Европы, а брата своего Байтака-батыря молодого направилъ на калмыцкія степи и велѣлъ ему пройти отъ моря Аральскаго до Узеня, не щадя невѣрныхъ и съ мечемъ въ рукѣ проповѣдуя Исламъ.

Жестокъ былъ Байтакъ... Отъ его злодѣйствъ стонала вся калмыцкая степь и кровь непокорныхъ ручьями лилась, обагряя высокій ковыль...

Крѣпко задумались хобдинскіе калмыки.... Знали они, что не будетъ имъ пощады, такъ какъ промѣнять свою вѣру-вѣру отцевъ и вѣковую свободу на татарскія цѣпи они не рѣшатся, а биться горсти противъ цѣлаго полчища, значитъ, идти на вѣрную смерть. Близко уже былъ врагъ. Запылала Уральская степь и появились передовыя шайки татаръ въ хобдинской степи.... Калмыки-хобдинцы зарыли въ землю всѣ свои сокровища, отослали женъ, дѣтей и скотъ въ глубь степи къ родичамъ-калмыкамъ, кочевавшимъ по Узеню, и приготовились встрѣтить врага.

Въ крѣпкихъ кольчугахъ, съ колчанами, полными стрѣлъ, и тонкими дротиками засѣли хобдинцы въ непроходимыхъ джунгляхъ.... Недолго имъ пришлось ждать-Байтакъ разбилъ свой лагерь на Хобдѣ и послалъ гонцовъ кличъ кликать, чтобы шли къ нему калмыки со всей степи хобдинской съ повинной головой и съ готовностью принять Исламъ. Но напрасно.... Пусто въ степи и только одиночные животные до брошенный скарбъ указывали, что покинуты они недавно. Въ первую-же ночь запылали хобдинскія степи. Быстро огонь слизывалъ подсохшую траву, обжигая тальникъ, а какъ забрался въ камыши-только трескъ пошелъ.... Съ ревомъ и воемъ несутся звѣри отъ ужасной стихіи, съ жалобнымъ крикомъ мечутся въ воздухѣ птицы, а Байтакъ съ своими татарами ликуетъ и не нарадуется своей власти, своему могуществу.

Вдругъ въ крайнихъ отрядахъ послышался шумъ. Не стерпѣли хобдинцы обиды, не могли видѣть, какъ ихъ родная степь гибнетъ отъ руки ногая и ударили на врага. Всполошился лагерь, зазвенѣли сзывные рожки, поднялся крикъ людей, ржаніе аргамаковъ... Завязался бой, да такой страшный, что и самъ Байтакъ диву дался. Велѣлъ онъ сѣдлать своего араба, надѣлъ доспѣхи серебряные, вооружился стрѣлами и пикой и полетѣлъ въ самую средину боя. Храбро и съ ожесточеніемъ дрались хобдинцы, они точно угри извивались среди окружавшихъ ихъ сплошнымъ кольцомъ татаръ, пробивались наружу и снова ударяли въ тылъ. Убывали эти удальцы, но и татары валились, какъ молодая трава подъ косой... Разсвирѣпѣлъ Байтакъ, кричалъ онъ голосомъ зычнымъ, сзывая свою рать на поганаго калмыка, котораго онъ думалъ раздавить, какъ червя, бросался въ схватку съ хобдинцами и многихъ поразилъ своею сильною рукой... Вдругъ онъ почувствовалъ, что его арабъ зашатался... Не успѣлъ онъ натянуть поводья, какъ грохнулся о земь его неизмѣнный товарищъ и въ тоже время коварный ударъ калмыка поразилъ Байтака въ правый глазъ... Мгновенье, и... по раненому батырю пронеслись тысячи лошадей, изуродовавъ его трупъ до неузнаваемости.

Заблистала румянная заря, освѣтила она своимъ пурпурнымъ свѣтомъ хобдинскую степь и точно ужаснувшись, подернулась черною тучей... Не высокій ковыль покрывалъ своимъ пушистымъ покровомъ эту красавицу степь, а изуродованные трупы татаръ и калмыковъ, не веселая пѣсня жаворонка оглашала ее, а дикій, раздирающій плачъ оставшихся отъ боя татаръ... Палъ Байтакъ, правая рука и надежда Батыя, а съ нимъ вмѣстѣ пала и надежда покорить орды калмыцкія...

Въ урочищѣ Бесъ-Копа, на лѣвомъ берегу рѣки Улы-Хобды, высится могила и далеко—далеко видна со всѣхъ сторонъ открытой степи. Въ ней похороненъ Байтакъ, вмѣстѣ съ своимъ арабомъ, женами и плѣнными калмыками. Сдѣлана она изъ жженаго кирпи-

ча, двухъ сортовъ—одинъ квадратной формы (6×6 вершк.), другой удлиненной (2×7 верш.) Форма могилы круглая, конусообразная высота до 10 арш. ширина до 8 арш. Верхъ наглухо заложенъ. Внутри на стѣнахъ замѣтны слѣды зеленой краски, а такъ-же какихъ-то надписей.

Сооруженіе сдѣлано на диво и время не скоро-бы разрушило этотъ интересный памятникъ глубокой старины, но къ сожалѣнію самъ кочевникъ безпощадно разрушаетъ его, не вѣдая, что обрываетъ нить историческихъ событій, несмѣнной чредой когда-то проходившихъ въ его степи. Кирпичи съ могилы Байтакъ-Тамъ въ послѣднее время все больше и больше исчезаютъ, то переходя на свѣжія могилы, то... на дымовыя трубы.

Объ этой могилѣ имѣются еще слѣдующія свѣдѣнія:

Въ своей „Топогр. Оренбургск. губ. 1762 г. ч. I стр. 515“ П. И. Рычковъ пишетъ „Въ прошломъ 1750 году посыланной въ Киргисъ-Кайсацкую орду инженеръ подпоручикъ Ригельманъ, будучи въ той ордѣ на рѣкѣ Карасу, впадающей въ Большую Кабду*) (гдѣ тогда было Ханское кочевье), не подалеку отъ устья той рѣки отъ Оренбурга верстахъ въ 150, нашелъ и срисовалъ немалыя каменныя строенія, на подобіе пирамидъ сдѣланныя, которыя у киргизовъ называются „Астаны“, и сказуютъ, якобы тутъ погребены были знатные люди, изъ которыхъ одного называютъ они „Байтанъ“. Они же объявляли ему, Ригельману, что тутъ въ старину и городъ бывалъ. При оныхъ „Астанахъ“ знатные киргизцы понынѣ имѣютъ свои кладбища и молятся за умершихъ“.

Развалины городовъ. На урочищѣ *Байтакъ* при рѣкѣ Большой-Хобдѣ, по увѣреніямъ киргизовъ, былъ нѣкогда городъ. Нынѣ тутъ видны развалины зданій, полуизглаженные каналы и признаки пашенъ. Въ 1750 году еще не всѣ строенія были разрушены; подпоручикъ Ригельманъ видѣлъ ихъ и нѣкоторыя изъ нихъ срисовалъ.

Киргизы весьма уважаютъ сіе мѣсто и за счастіе почитаютъ быть здѣсь погребенными.

Такой же городъ былъ на р. Уилѣ, при урочищѣ Мавли Берди (или Мавлюмъ-Берди). Рычковъ, въ своей „Оренб. топографіи“ пишетъ, что въ половинѣ прошедшаго столѣтія на семъ мѣстѣ еще были видны отъ 30 до 40 кирпичныхъ зданій, каналы для пашенъ и огороды.

Могила Бетьхъ-хаджи. Въ своихъ трудахъ „Этнографическіе и историческіе матерьялы по Средней Азіи и Оренбургскому краю“ 1869 г. стр. 169 г. г. Галкинъ пишетъ: „за симъ предстояла намъ Эмба, куда мы и пришли 30 мая, расположившись у могилъ Бетьхъ-хаджи [1]) На этомъ мѣстѣ, какъ извѣстно, предполагалось бывшимъ начальникомъ края ген. Обручевымъ построить укрѣпленіе и обозрѣніе этого пункта было поручено ген.-м. Бларамбергу. Означенная могила Бетьхъ-хаджи довольно замѣчательна. Она состоитъ изъ двухъ небольшихъ зданій и разбросанныхъ между ними и вокругъ на большомъ довольно разстояніи надгробныхъ камней—все изъ бѣлаго известковаго камня. Изъ двухъ означенныхъ памятниковъ одинъ круглый поставленъ надъ могилой хаджи, давшаго названіе кладбищу. Киргизы разсказываютъ, что онъ, живя на этомъ мѣстѣ въ постоянной молитвѣ, пользовался особеннымъ уваженіемъ за свои чудеса.

Могила батыря Кульджана. Другое зданіе стоитъ надъ тѣломъ отважнаго батыря Кульджана, по происхожденію назаровца, умершаго въ 40 хъ годахъ. Могила довольно обширна, въ ней лежатъ двѣ надгробныя плиты. Одна надъ Кульджаномъ, другая надъ кѣмъ-

*) Притокъ р. Илека на границахъ съ обл. Уральск. и Тургайск.

[1]) На картѣ Бятту-кужа на рѣкѣ Эмбѣ, при устьѣ р. Темира.

то изъ его семейныхъ. Стѣны склепа покрыты надписями изъ карана и сверхъ того испещрены именами приѣзжавшихъ.

Могила Машбетъ-тау мола или „Молбаса“. По сообщенію топографа Котковскаго на границѣ Карабдинской и Бурминской волостей [1]) находится могила, называемая „Машбетъ-тау-мола“ или просто „Молбаса“ (настоящее киргизское названіе); могила сложена въ видѣ свода изъ бѣлаго известняка, очевидно привезеннаго, т. к. сама гора не известковаго происхожденія, и кругомъ извѣсти нѣтъ. Стоитъ она на высокомъ плато. Въ могилѣ похороненъ богатырь Молбаса, къ этой могилѣ ходитъ молодежь (особенно мужская) поклоняться и на камняхъ вѣшаютъ тряпочки съ завернутыми въ нихъ монетами. Есть повѣрье, что отъ этого человѣкъ набирается смѣлаго духа; мѣсто считается священнымъ: такъ напримѣръ, когда при работахъ партіи необходимо было ставить тригонометрическій пунктъ, то жители совѣтовали не лазить на верхъ, т. к. это „грѣшно“, и пришлось устроить пунктъ на сторонѣ.

(Труды Оренб. уч. Арх. Ком. за 1907 г. вып. XIX стр 54.)

Могила Джиренъ-батыря. По сообщенію того же топографа г. Котковскаго въ 12-мъ аулѣ Джамбетинской волости Уральск. уѣзда есть замѣчательная гора Джесенъ-тау (на нѣкоторыхъ картахъ Джиренъ-тау), въ восточной общинѣ. Здѣсь около самой дороги возвышается отвѣсная гора высотою саженъ въ 40, а длиною саженъ 200. По другую сторону образовался въ горѣ провалъ, отчего получился хребетъ. На вершинѣ одной изъ горъ находится могила богатыря, рядомъ съ нимъ по преданію былъ похороненъ его сынъ, но вслѣдствіе провала, образовавшагося въ горѣ, могила сына оказалась отдѣленной и отчасти разрушилась. Взобраться на вершину горы совершенно невозможно. Могила этого Джиренъ-батыря тоже почитается священною. Отъ нея получили свое названіе вся гора и протекающая внизу рѣчка Джиренъ (Исентау), мутная отъ частицъ мѣла, изъ котораго состоитъ гора, и богатая змѣями. Между прочимъ гора замѣчательна тѣмъ, что вечеромъ на разстояніи $^1/_2$ версты отъ нея отдается прекрасное эхо.

[1]) Карабинской и Бурлинской вол. на нѣкоторыхъ картахъ.

Могила Хобланды. По сообщенію В. В. Карлсона (см. Труды Оренб. уч. Арх. Ком. за 1906 г. вып. XVI стр. 56) по тракту изъ Илецкой защиты на Уилъ, около ст. Хобланды, находится небольшой холмъ, весь покрытый обломками кирпича. Это остатки древней могилы, разрушенной населеніемъ. Г. Карлсонъ принесъ въ даръ музею два обломка кирпичей. Они одного типа съ кирпичемъ Байтака, Кисене, раскопокъ Аниховскаго, Кастанье и др. Въ связи съ этими развалинами существуетъ слѣдующее преданіе: [1]) Во времена Акша-хана въ киргизской степи, въ нынѣшней Уральской области, жилъ извѣстный ботачъ Токтарбай. Онъ былъ изъ рода *„Ногайлы“*; жену его звали Аталыкъ. Къ концу ихъ супружеской жизни родился у нихъ сынъ, котораго нарѣкли *„Кобландой“*. На 13-мъ году отъ роду Кобланды женился на дѣвицѣ *„Куртклъ“*. Съ молодыхъ лѣтъ онъ имѣлъ склонность къ разгульной жизни. Кобланды съ своимъ джигитами (дружиной) отправился въ Казань воевать съ казанскимъ ханомъ; въ его отсутствіе калмыки, явившіеся съ востока, разгромили и ограбили родственниковъ и приверженцевъ Кобланды. По прибытіи изъ Казани Кобланды пошелъ войной на калмыковъ, нанесъ имъ жестокое пораженіе и убилъ главнаго ихъ руководителя батыра Кокбекты.

Историческая пѣсня „Бозинай.“ Историческая пѣсня „Бозинай“ имѣетъ тѣсную связь съ „Кобланды“. Содержаніе ея таково: изъ

[1]) Киргизское народное произведеніе „Кобланды“ или „Хобланды“ относится къ тому времени, когда киргизы управлялись своими ханами.

рода Нагайлы былъ богачъ Бозмнай; человѣкъ онъ былъ бездѣтный. У него было 90 рабовъ, которые постоянно пасли его лошадей. Эти рабы задумали убить своего господина и завладѣть его имуществомъ. Разъ, когда Бозмнай пріѣхалъ въ табунъ, рабы сильно его избили. Послѣ этого онъ сталъ грустить очень сильно и жаловаться, что у него нѣтъ сына, который бы не далъ его въ обиду на старости лѣтъ. Разъ во снѣ явился къ нему одинъ старецъ на сивомъ ослѣ, въ чалмѣ и съ палкой въ рукѣ, который предсказалъ, что у него будетъ сынъ.

Дѣйствительно, послѣ этого у него родился сынъ, котораго звали Саимъ-батырь. По достиженіи совершеннолѣтія Саимъ убилъ всѣхъ рабовъ въ отмщеніе за нанесенную его отцу обиду.

Саимъ-батыръ оберегалъ свой народъ отъ враговъ. Въ то время Кобландѣ было 60 лѣтъ; получивъ кое-какія свѣдѣнія о Саимѣ-батырѣ, Кобланды съ 40 джигитами напалъ на Саима-батыря, когда послѣдній находился въ табунѣ (лошадей), для испытанія храбрости Саима. Саимъ былъ одинъ, онъ направился къ врагамъ и стащилъ Кобланду съ лошади. Тогда Кобланды, убѣдившись въ храбрости Саима, открылъ послѣднему, кто онъ такой и для чего явился. Саимъ совершалъ частые набѣги на калмыковъ, отнималъ у нихъ земли. Онъ получилъ благословеніе отъ Кобланды и продолжалъ его политику.

Памятники древности. Въ Изв. Имп. Арх. Ком. за 1903 г., приб. къ вып. V, стр. 56, мы читаемъ слѣдующее сообщеніе:

„Въ іюлѣ мѣсяцѣ казаки, ломавшіе въ окрестностяхъ Круглоовернаго мѣлъ, напали въ „мару“, повидимому насыпномъ, на кирпичную стѣну, сложенную изъ огромнаго размѣра кирпича-желѣзняка. Кирпичъ этотъ казаки наши растаскиваютъ на домашнія потребности, но конца толщѣ стѣны пока не видно и что за ней скрывается-неизвѣстно. Думается, что объ этомъ мѣстнымъ властямъ не мѣшало бы донести областному стат. ком. (Уралецъ 30 іюля № 89 за 1902 г.)

По сообщенію Д. Н. Соколова (см. Труды Оренб. уч. Арх. Ком. за 1907 г. вып. XIX стр. 215) имѣются развалины какого-то сооруженія, построеннаго изъ плоскаго, квадратной формы, жженаго кирпича къ с.—в. отъ озера Черхалъ и къ востоку отъ устья рѣки Исень-Анкаты въ Танасъ-Анкаты.

Въ Джамбейтинской вол. въ 12 вер. отъ Джамбейт. ставки на ю.-в. имѣется деревянная могила, называемая Абель-бейсъ, существующая около ста лѣтъ.

Остатки вала. По сообщенію В. В. Карлсона (см. Труды Оренб. уч. Арх. Ком. вып. XVI стр. 55) въ 3 аулѣ Карагайской волости Уральскаго уѣзда, въ верховьяхъ оврага Исасай, имѣются остатки вала, сложеннаго изъ камней въ видѣ подковы; общая длина вала достигала, повидимому, полуверсты. По разсказамъ киргизъ подобные валы еще имѣются въ степи, но они уже мало замѣтны. Киргизы объясняютъ происхожденіе валовъ тѣмъ, что они устраивались для облавныхъ охотъ на сайгаковъ, которыхъ загоняли во внутренность валовъ и убивали; но когда, кѣмъ валы устроены, никто не могъ указать опредѣленно.

Гора Ишке-карганъ. О горѣ Ишке-карганъ, расположенной въ Джирень-купинской волости, сохранилось слѣдующее преданіе: [1]) Однажды пастухи, пригнавъ стадо козъ къ рѣкѣ Ишке-карганъ, были немало удивлены тѣмъ, что козы ихъ отказывались идти на водопой; ихъ удивленіе перешло въ ужасъ, когда они увидѣли, что ихъ козы превратились въ камни. Отсюда-названіе горы, которая дѣйствительно издали производитъ впечатлѣніе стада козъ, лежащаго въ степи, особенно подъ вечеръ, когда солнце заходитъ и наступаютъ сумерки.

[1]) Это преданіе сообщено мнѣ словесно г. Хворостанскимъ.

Киргизское преданіе о Хабардіинѣ и о Токтамышъ-ханѣ. Въ дѣлѣ „о котлѣ необыкновенной величины“, найденномъ близъ устьярѣки Утвы, (см. выше) сообщается, что вышеупомянутый котелъ былъ найденъ киргизами глубоко зарытымъ въ землѣ близъ трехъ кургановъ „Кара-оба“, противъ Кирсановскаго форпоста, въ 12 верстахъ отъ Урала. Киргизы начали копать яму вокругъ котла, чтобы его извлечь, но видя, что ихъ усилія напрасны и такъ какъ кромѣ того онъ былъ нѣсколько сдавленъ и мѣстами растрескался, они стало отламывать отъ него куски. Отломанные куски разбили еще на части, чтобы ихъ раздѣлить между собою.

По киргизскому повѣрью этотъ котелъ былъ нѣкогда собственностью какого-то великана или „Хабардіина“, могила котораго находится подъ однимъ изъ трехъ кургановъ, расположенныхъ по близости отъ того мѣста, гдѣ найденъ былъ вышеупомянутый котелъ.

Киргизское преданіе гласитъ, что „въ древнія времена сей Хабардіинъ напалъ на Токтамышъ-хана, разворилъ его аулы и взялъ въ плѣнъ дочь его. Предъ тѣмъ временемъ у Токтамышъ-хана былъ нѣкто Идига Мурза изъ ногайцевъ, [1]) который имъ былъ любимъ и пользовался большимъ уваженіемъ. Но по наговорамъ ханской жены, которая всегда говорила, что онъ не былъ ему вѣренъ, ханъ разсорился съ нимъ и Идига надѣлалъ ему грубостей, за что ханъ приказалъ было его казнить, но Идига, узнавъ о семъ, бѣжалъ и направился къ другому хану, по имени Сатымиру, съ тѣмъ, чтобы принести ему жалобу и вооружить его противъ Токтамышъ-хана. На пути Идига встрѣтился нечаянно съ Хабардіиномъ и отъ него узналъ о случившемся съ Токтамышъ ханомъ несчастіи. Идига былъ тронутъ положеніемъ Токтамышъ-хана и, вспомнивъ оказанныя ему милости, рѣшился отомстить Хабардіину, почему, не объявляя о себѣ, поѣхалъ къ нему. Въ одинъ прекрасный день, когда Хабардіинъ и Идига стрѣляли изъ лука, Идига направилъ на него лукъ и убилъ изъ него Хабардіина, а похищенную дочь возвратилъ Токтамышъ-хану“.

[1]) Ногайцами киргизы называютъ вообще татаръ.

ТЕМИРСКІЙ УѢЗДЪ.

Могила Ауліе. Въ № 19 Тургайской газеты отъ 5 мая 1896 г. помѣщена слѣдующая замѣтка:

...Итакъ кибитка моя около могилы „Ауліе“ [1]) Могила эта обложена кругомъ глыбами камня песчаника и известняка: изъ средины могилы растетъ громадный кустъ жимолости, сверху до низу увѣшанный обрывками сукна, ситца, прядями конскихъ волосъ. Каждый киргизъ, проѣзжая мимо Ауліе, творитъ молитву, затѣмъ отрываетъ кусочекъ отъ своей одежды и вѣшаетъ его на дерево, если же одежда у него вполнѣ исправна, то вырываетъ изъ гривы или хвоста своего коня прядь волосъ, которую и привязываетъ къ одной изъ вѣтокъ.“

Могила Джалимбета. Могила Джалимбета расположена на правомъ берегу р. Эмбы, немного выше Эмбенскаго укрѣпленія, въ Эмбо-Темирской, вол. Она построена въ 1858 г. семью сыновьями Джалимбета изъ обожженнаго кирпича. Для работы были наняты сарты за 60 барановъ и 16 лошадей. Внутри постройки виднѣются три большія могилы и нѣсколько маленькихъ (см. Таб. II рис. 4). Сообщ. агронома Тургайской партіи Г. Скалова.

[1]) Эмбо-Темирской волости, Темирскаго уѣзда (точное мѣсто не указано.)

ГУРЬЕВСКІЙ УѢЗДЪ и УСТЬ-УРТЪ.

Развалины Сарайчика. О развалинахъ Сарайчика имѣются свѣдѣнія въ трудахъ П. И. Рычкова. (См. Топографія Оренб. губ. ч. I, стр. 513, за 1762 года.): „Сарайчикъ, признакъ великагожъ города, на берегу рѣки Яи-

ка, не доѣзжая до Гурьева ва пятьдесять восемь верстъ, гдѣ нынѣ Яицкихъ козаковъ форпостъ, называемый Сарайчикъ. Сей городъ, по объявленію Яицкихъ казаковъ, бывалъ ногайскихъ татаръ. Тамъ еще понынѣ въ землѣ находятъ многія палатки; видно, что бывали они кладбища знатныхъ людей; ибо во многихъ находятъ гробы и кости. Сказываютъ, что на строеніе Гурьева городка кирпича много взято изъ сихъ развалинъ. Да и нынѣ Яицкіе казаки, около сего мѣста на форпостахъ находящіеся, на печи и на другія потребности кирпичъ изъ оныхъ развалинъ и изъ тѣхъ палатокъ выбираютъ."

О развалинахъ Сарайчика[1]) имѣются свѣдѣнія въ Трудахъ Оренб. уч. Арх. Ком. вып. XVI, стр. 56. Агрономъ Тургайской партіи Б. А. Скаловъ сообщилъ, что истекшимъ лѣтомъ (1904 г.) онъ посѣтилъ проѣздомъ развалины Сарайчика, представляющія небольшой холмъ и остатки вала, покрытые осколками кирпича и камня. Казаки усиленно разрабатываютъ развалины, отыскивая кирпичъ для своихъ построекъ въ какихъ-то подземныхъ ходахъ. При этомъ находятъ много предметовъ археологіи; у одного казака хранится, напр, большая глиняная карчага, выкопанная въ развалинахъ.

Въ Трудахъ Оренб. уч. Арх. Ком. за 1906 г. вып. XVI стр. 271—272 помѣщено письмо священника Сарайчиковской Покровской церкви о. Лоскутова слѣдующаго содержанія: имѣю честь доложить Комиссіи слѣдующія данныя по поводу остатковъ древняго ордынскаго города „Сарайчика. Г. Сарайчикъ (а теперь станица того же наименованія) находится въ 48 верстахъ отъ города Гурьева вверхъ по теченію р. Урала. Мѣсто, на которомъ стоялъ древній Сарайчикъ, было ограждено съ востока р. Уралomъ, съ запада рѣчкой Сарачинкой (рукавъ Урала), съ юга и съ сѣвера стѣнами. Обѣ стѣны начинаются съ востока, отъ берега р. Урала и, направляясь на западъ, упираются въ рѣчку Сарачинку. Такимъ образомъ, площадь занимаемая древнимъ Сарайчикомъ, представляетъ видъ почти правильнаго четвероугольника (если не считать вигзаговъ, образуемыхъ рѣкою Сарачинкою); каждая такая стѣна будетъ равна одной верстѣ приблизительно. Имѣя сказанное огражденіе, Сарайчикъ былъ изолированъ отовсюду; такая изоляція была обитателямъ Сарайчика необходима въ смыслѣ стратегическомъ: при частыхъ вражескихъ нападеніямъ. Въ настоящее время стѣны имѣютъ видъ простого вала. На выше описанной площади находятся бугры мусора отъ древнихъ Сарайскихъ построекъ. Въ общемъ своемъ составѣ бугры представляютъ изъ себя одно цѣлое возвышеніе. Сказанное возвышеніе имѣетъ въ окружности двѣ версты.

Благодаря обилію на буграхъ жженаго кирпича, кусочковъ изразцовъ и слюды можно заключить, что постройки были грандіозны. Въ южной части расположенія холмовъ имѣется мѣстность, обнесенная валомъ. Этотъ внутренній валъ являлся, видимо, чѣмъ-то въ родѣ кремля среди другихъ построекъ. Названный внутренній валъ имѣетъ въ окружности 250 саж. Пожилой урядникъ Михаилъ Артамоновъ Мохначевъ передаетъ (а ему передавалъ его дѣдъ, теперь давно умершій), что съ южной стороны кремля находилась башня изъ обожженнаго кирпича, эту башню упоминаемый дѣдъ М. А. Мохначева видѣлъ своими глазами. Теперь отъ башни не осталось и слѣда. Кромѣ описаныхъ бугровъ да стѣнъ или валовъ теперь на поверхности земли отъ древнаго Сарайчика ничего не осталось. По разсказамъ казаковъ лѣтъ 30-40 тому назадъ стояли еще остатки каменныхъ стѣнъ. Казаки, не зная цѣны древности, стѣны разобрали и кирпичемъ выслали полы въ своихъ домахъ, Подобнаго кирпича и теперь сколько угодно валяется въ буграхъ мусора. Кирпичъ квадратный, 6×6 вершковъ, толщиною 2 вершка. Въ настоящее время мѣстность, занимавшаяся ордынскимъ Сарайчикомъ, почти наполовину застроена казачьими домами, и кромѣ того, на этихъ же развалинахъ устроено трое кладбищъ: 2 христіанскихъ и 1 мусульманское.

[1]) О развалинахъ татарскаго города Сараиль-Джадита, возлѣ Сарайчиковской крѣпости, упоминается въ Уральск. войск. вѣд. 1867 г. № 2.

Возведеніе построекъ и устройство кладбищъ на развалинахъ объясняется тѣмъ, что въ низовьхъ р. Урала вся мѣстность въ половодье покрывается водою, почему располагаютъ жилища и кладбища на холмахъ. Разрывая холмы для погребовъ и могилъ, люди чаще всего извлекаютъ изъ земли кирпичъ и человѣческія кости. Кромѣ того, осенью прошлаго года, оправляя кладбищенскій ровъ, рабочіе вырыли глиняный сосудъ и шаръ изъ сѣраго мрамора по виду. Сосудъ имѣетъ вышины 1 аршинъ, а шаръ въ діаметрѣ 6 вершковъ. На сосудѣ имѣется надпись, повидимому, арабскаго алфавита. Какъ сосудъ, такъ и шаръ были увезены изъ Сарайчика торговымъ казакомъ г. Уральска И. А. Авичкинымъ для передачи въ Уральскую войсковую библіотеку для храненія: при библіотекѣ хранятся старинныя вещи, отыскиваемыя въ предѣлахъ области. Какъ постройки домовъ на холмахъ, такъ и отведеніе кладбищъ, производятся съ разрѣшенія мѣстной войсковой власти. Если дѣло заселенія пойдетъ тѣмъ же путемъ, то лѣтъ черезъ 15—20 всѣ холмы будутъ застроены.

Въ Трудахъ Оренб. уч. Арх. Ком. вып. XIX стр. 182—193 имѣется интересное сообщеніе А. В. Попова, заимствованное у В. Григорьева, изъ „Описанія Хивинскаго ханства и дорогъ туда изъ Сарайчиковской крѣпости“.[1]) Описаніе этой дороги, извѣстной подъ именемъ „Старой ногайской“, тѣмъ важнѣе, что судя по остаткамъ большихъ и прочныхъ путевыхъ по ней сооруженій, каковы мосты, колодцы, каравансараи, укрѣпленія, должно съ полною достовѣрностью заключать, что во времена монгольскаго владычества и процвѣтанія Сарая на Волгѣ, а быть можетъ и ранѣе того—еще въ періодъ Итиля и Хазарскаго владычества—это былъ главный путь, коимъ ходили торговые караваны изъ Средней Азіи въ Восточную Европу и обратно, переправляясь черезъ Уралъ у Сарайчика, нынѣшняго Сарайчиковскаго форпоста. Теперь этою дорогою караваны не ходятъ вовсе, потому и неизвѣстно, сохраняются ли по ней доселѣ и въ какомъ видѣ разныя путевыя сооруженія, существовавшія, какъ видимъ изъ описанія В. Григорьева, еще въ началѣ настоящаго (XIX) столѣтія.

На стр. 186 говорится: „У сего форпоста (Сарайчиковскаго) переправясь чрезъ рѣку Уралъ, дорога идетъ влѣво до рѣчки Сагизъ разстояніемъ около 80 в.; рѣчку сію переѣзжаютъ по нѣкотораго рода плотинѣ изъ тесанныхъ бѣлыхъ дикихъ камней, сдѣланной такъ, что вода по верху ея течетъ, имѣя глубины меньше четырехъ вершк. Строеніе сіе, по словеснымъ преданіямъ, есть одного изъ Чингизъ-хановыхъ сыновъ“.

По Левшину [1]) это мѣсто называется Узунъ-тамъ.

По Л. Мейеру [2]) на этомъ пути особенно замѣчательна крѣпостца Тасъ-Кичу на Сагизѣ, построенная очевидно съ цѣлью обезпечить переправу каравановъ черезъ эту рѣку.

Стр. 187. „Отъ мосту дорога склоняется вправо до ключей Кайнаръ, разстояніемъ до 20 в., тутъ имѣются развалины каменныхъ и кирпичныхъ зданій.

Отъ сихъ ключей до урочища Баканчинъ около 25 верстъ; къ нему переходъ чрезъ рѣку Эмбу въ бродъ; таковыя же развалины и тутъ имѣются.“

По Левшину, это развалины древняго кладбища, которое зовется не Баканчинъ, а *Бокашъ-аулія*.

„Отъ урочища Баканчинъ, оставя Эмбу, дорога склоняется нѣсколько къ берегамъ Каспійскаго моря до ключей *Учуканъ*. Около

---

[1]) Эти свѣдѣнія, собранныя еще въ 1803 г., появились въ литературѣ только въ 1861 г.

[1]) См. Описаніе Киргизъ—Кайсацкихъ ордъ и степей А. Левшина 1832 г. стр. 209.

[2]) См. Матеріалы для геогр. и статистики Россіи. Киргизская степь Оренб. Вѣдомства С.-ПБ. 1865 г.

ключей имѣются развалины каменныхъ зданій, построенныхъ, по словамъ кочующихъ, ордами Чингизъ-хана."

По Левшину это мѣсто зовется *Учу-канъ*.

„Отъ Учуканъ ключей гладкою безводною степью кочевьями киргизскими до горы Чинъ около 90 верстъ; на всякой станціи въ трехъ мѣстахъ сего разстоянія имѣются развалины каменныхъ строеній изъ бѣлаго дикаго камня, родъ крѣпостей."

Дальше на стр. 188 говорится: „Дорога на гору подымается до 2 верстъ, проѣхавъ 15, къ правой рукѣ есть родникъ хорошей воды; въ лѣвой же, на самыхъ вершинахъ горы (чинкъ) три крѣпости, могущія помѣстить каждая до 300 человѣкъ, разстояніемъ одна отъ другой въ полуверстѣ, построены изъ плитъ бѣлаго крѣпкаго камня. Поднявшись на гору, открывается равнина до 200 в. склоняясь влѣво къ Аральскому озеру.

Отъ родника хорошей воды до палатъ Куптамъ, гдѣ имѣются и другія еще зданія, столько же верстъ. Строенія сіи изъ четвероугольнаго кирпича на известковой смазкѣ, стоятъ по обѣмъ сторонамъ дороги въ разныхъ мѣстахъ; разстояніями одно отъ другого по верстѣ и болѣе. Тутъ же имѣются два колодезя хорошей воды, выложенные кирпичемъ, около коихъ можно насчитать до 10 зданій, а всѣхъ болѣе 30: всѣ безъ крышъ, со сводами, и многія изъ нихъ цѣлы."

Стр. 189. „Отъ копани Кощи до ключа Чурукъ въ лѣвой рукѣ, съ 30 верстъ отъ него, имѣется небольшой лѣсъ, главнымъ образомъ изъ саксаула."

По Левшину при дрочищѣ *Чурукъ* или *Турукъ*, „находятся развалины строеній и могилы. Въ строеніяхъ видны каменья столь необыкновенной величины, что трудно объяснить, какимъ образомъ взнесены оные были на свои мѣста. Тутъ же бьетъ источникъ или ключъ хорошей воды, цѣлительной силѣ котораго киргизы удивляются.

Стр. 190 „Отъ Чурукъ до двухъ колодезей Блявули до 50 верстъ; колодези выложены кирпичемъ; подлѣ нихъ имѣется большая старая каменная палата съ одною башнею, родъ крѣпости, вышиною съ домъ, о двухъ жильхъ со сводами и съ нѣсколькими во внутренности покоями, во многихъ мѣстахъ разбитая. Строеніе сіе, по словеснымъ преданіямъ, есть одного изъ Чингизъ-хановыхъ сыновъ, шедшаго изъ Астрахани обратно въ Хивинскую землю."

По Левшину это мѣсто называется *Беляули-атай* и находится посреди Усть-Урта. На семъ мѣстѣ, пишетъ г. Левшинъ, по словамъ киргизовъ, одинъ изъ ихъ святыхъ построилъ мечеть и медрессе (училище). Строенія сіи еще не совсѣмъ развалились донынѣ. Они были сдѣланы изъ каменныхъ плитъ съ кирпичными сводами. При нихъ находится колодезь, глубиною саженъ въ 30. Стѣна, окружавшая сіи строенія, составляла родъ замка и имѣла четверо воротъ, покрытыхъ сводами. Урочище сіе составляетъ довольно примѣтное возвышеніе.

По объясненію В. Григорьева „въ сей полатѣ долгое время имѣли пристанище разбойники изъ каракалпакъ и трухменцевъ, грабившіе ходившіе мимо сихъ мѣстъ караваны, или бравшіе за водопой съ проѣзжающихъ не малую подать. Киргизцы, лѣтъ 30 тому наскучивъ симъ притѣсненіемъ, выгнали разбойниковъ изъ ихъ убѣжища и колодези забросали пескомъ и камнемъ; съ тѣхъ поръ нѣтъ уже тутъ ни воды, ни разбойниковъ. Въ правую сторону, до 50 противъ сего мѣста верстъ, есть въ землѣ три глубокихъ провала, въ которыхъ шумъ какъ бы текущей воды слышится."

„Скоро дорога, прежде чѣмъ вступитъ въ хивинскія владѣнія, раздѣляется на двѣ. Одна прямо черезъ городъ Старый Урганчи, идетъ въ Хиву чрезъ продолженіе 300 вер., подаваясь болѣе въ правую руку; лѣтомъ безводная идетъ кочевьями каракалпаковъ, имѣя Аральское озеро въ лѣвѣ, разстояніемъ до 50 верстъ. По сей дорогѣ, пишетъ В. Григорьевъ, пройдя 10 в. отъ ея раздѣленія, въ

сторону около пяти, есть островъ, именуемый *Барса- Кильмесъ*, то есть: „*Входящему путь невозвратенъ*“. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ мелкою соленою водою, или лучше соленою тиною до двухъ верстъ ширины. Самъ островъ продолговатъ, имѣя окружности до 15 верстъ; на срединѣ его примѣчается обширное старое зданіе, но невысокое, не извѣстно, кѣмъ и когда построенное; называютъ еще сей островъ *Волшебнымъ*, почитая его житіемъ нечистыхъ духовъ,; по словамъ нѣкоторыхъ, бывавшихъ недалеко отъ сего острова, тамъ слышатся по вечерамъ и чрезъ всю ночь разные голоса звѣрей, лай собаки и крики ночныхъ птицъ, почему никто на оный и не ѣздитъ.

О существованіи посреди этого солонца острова, на которомъ находится замокъ, упоминаетъ и Рукавкинъ, со словъ его вожаковъ киргизовъ.“

На востокъ Усть-Урта и на западномъ берегу Аральскаго моря находятся еще развалины *Девлетъ-Гирей*, о которыхъ упоминаетъ г. Левшинъ. Онѣ лежатъ противъ залива Улу-Кулмагиръ. Киргизы говорятъ, что тутъ прежде былъ городъ, куда съѣзжались купцы для торга. Другіе увѣряютъ, что на Аральскомъ морѣ торговля производилась въ городѣ Кусайтайна, но гдѣ именно лежалъ сей городъ, не извѣстно.

Астраханская губернія.

Букеевская орда.

Свѣдѣнія о раскопкахъ.

Раскопки кургановъ Букеевской степи. Въ 1889 г. секретарь Антроп. отд. Общ. Люб. Е. А. и Э. при Имп. Моск. Унив. г. Харузинъ, первый изслѣдовалъ курганы Букеевскй степи. Всего въ степи Букеевской Орды было изслѣдовано имъ 36 кургановъ а именно:

1) У Ханской ставки 6 кургановъ, изъ которыхъ въ одномъ ничего не было найдено.

2) У татарскаго пос. Ново-Казанки, близъ Камышъ-Самарскихъ озеръ, 27 кургановъ, изъ которыхъ въ 7 ничего не было найдено.

3) У пос. Таловки, въ 150 верстахъ отъ Ново-Казанки на С.-З. три кургана.

Первыя раскопки у Ханской ставки дали слѣдующіе результаты: въ 1-мъ курганѣ въ насыпи найдено много обломковъ и цѣльнаго кирпича, сѣраго, краснаго, простого и голубого глазированнаго. Цѣльные кирпичи 25 сант. въ квадратѣ и 5 сант. толщиною. Скелетъ найденъ въ безпорядкѣ, курганъ, по мнѣніи автора, разграбленъ. Въ 3-емъ курганѣ найдено бронзовое зеркало и скелетъ также въ безпорядкѣ, въ виду чего (безъ фактическихъ основаній) авторъ считаетъ его разграбленнымъ.

Роскопки у Ново-Казанки дали слѣдующее: скелеты лежали на различной глубинѣ; въ большинствѣ случаевъ надъ ними находили остатки сгнившаго дерева, крышеобразно покрывавшаго погребенія; на нѣкоторыхъ костякахъ сохранились куски матеріи.

Изъ вещей найдено бронзовое зеркало, наконечникъ желѣзнаго копья, желѣзная узда и разрисованные куски бересты-остатки колчана. Авторъ отмѣчаетъ сходство его съ найденнымъ г. Нефедовымъ, относя ихъ къ XIV ст. Въ курганѣ № XXIV на глубинѣ 88 сант. скелетъ лошади съ удилами, на глубинѣ 230 сант. скелетъ человѣка, въ ногахъ котораго найдены желѣзныя стрѣмена, сѣдло изъ бересты, наконечникъ копья и желѣзная пряжка.

Раскопки у пос. Таловки дали видъ погребенія отличный отъ предыдущихъ, именно: при скелетахъ найдены горшки, въ одномъ курганѣ у ногъ, во второмъ у правой стороны головы, два у лѣвой кисти, въ третьемъ—съ лѣвой стороны головы. Одинъ изъ найденныхъ череповъ деформированъ.

Въ общей части своего труда авторъ о курганѣ съ кирпичами (у Ханской ставки),

указывая еще подобныя находки въ степи, говоритъ слѣдующее: что касается способа погребенія, то покойникъ клался въ могилу, при этомъ дѣлалась въ ней боковая ниша, куда и вдвигали покойника; затѣмъ (несовсѣмъ ясно говоритъ, повидимому, о другомъ способѣ погребенія въ этихъ же курганахъ), могила выкладывалась досками, на дно клали одну или двѣ доски горизонтально, а надъ покойникомъ 2 доски крышеобразно, образуя такимъ образомъ нѣчто въ видѣ гроба. Такія погребенія авторъ относитъ ко времени перваго появленія Ислама въ степи.

Вообще курганы Ханской ставки и Новой Казанки авторъ относитъ къ XIV ст. къ кочевому народу Тюркскаго племени съ незначительно выраженными монгольскими чертами и аналогіи подобнымъ курганамъ авторъ ожидаетъ найти въ восточныхъ степяхъ. Таловскіе курганы авторъ относитъ къ болѣе древнему времени. (см. Курганы Букеевской орды А. Харузина Изв. И. Общ. Люб. Ест. Антр. и Этногр. при Московск. унив. [Т. XIV 1890 г.]

Каменныя бабы Букеевской степи. Первыя литературныя указанія о „каменныхъ бабахъ“ въ Букеевской степи мы находимъ у Палласа „Путешествіе по разнымъ мѣстамъ Россійскаго государства С.-ПБ. 1786“. Говоря о курганахъ Букеевской степи, авторъ между прочемъ пишетъ, что большіе курганы и нѣкоторые изъ нихъ съ камнями, съ изваянными человѣческими лицами, быть можетъ, принад. лежатъ другой народности, чѣмъ курганы, которые онъ считаетъ ногайскими.

Мы имѣемъ еще одно указаніе въ литературѣ о существованіи въ былыя времена каменныхъ бабъ въ Букеевской степи,—это сообщеніе киргиза Хаджи-Салихъ-Бабаджанова. Статья его о „каменной бабѣ“ въ Буевской степи помѣщена въ Этнограф. Сборн. Имп. Русск. Геогр, Общ. вып.VI за 1864 г. Баба была найдена въ 1862 г. въ Нарынъ-пескахъ, на курганѣ, близъ песковъ Джангызъ-Чагыхъ, недалеко отъ ставки; длина этой бабы 2⅓ аршина, а ширина ея ¼ арш, она изображаетъ сидящую женщину. Авторъ предполагаетъ, хотя безъ достаточно вѣскихъ доказательствъ, что эта баба относится къ калмыцкимъ временамъ; хранится въ ставкѣ.

ДРЕВНОСТИ

Акмолинской области.

Свѣдѣнія

о курганахъ, городищахъ и раскопкахъ Акмолинской области.

Первыя извѣстныя раскопки и изслѣдованія кургановъ въ Акмолинской области принадлежатъ А. В. Селиванову, который по порученію Имп. Археологической коммиссіи въ 1894 г. произвелъ пробныя раскопки нѣсколькихъ мѣстныхъ кургановъ. Изъ отчета г. Селиванова (см. Отчетъ Имп. Археол. Ком. за 1894 г. стр. 30—31) видно, что курганы въ Акмолинской обл. встрѣчаются часто, но къ сожалѣнію между ними весьма рѣдко можно найти нетронутые грабителями. Размѣры курганавъ разнообразны отъ нѣсколькихъ аршиновъ до нѣсколькихъ саженъ. Большинство кургановъ сложены изъ камней, рѣже попадаются земляныя насыпи.

Близъ г. Кокчетава найдена группа земляныхъ кургановъ до 1 саж. и менѣе вышины, отчасти обставленныхъ въ основаніи рядомъ камней, врытыхъ въ землю ребрами. Здѣсь были раскопаны два кургана со слѣдами давняго ограбленія.

Группы расхищенныхъ кургановъ встрѣчены еще въ 6 верстахъ отъ пос. Преображенскаго и близъ аула Качаганъ Кокчетавскаго уѣзда. Курганы сложены цѣликомъ изъ камня или въ перемежку съ землею. Близъ одного такого кургана найдена *каменная баба* изъ сѣраго гранита до 2½ арш. вышины, очень вывѣтрившаяся, съ руками, сложенными на животѣ.

По р. Аргалѣ имѣется группа кургановъ. Близъ пос. Рыбинскаго Акмолинскаго уѣзда имѣется также группа кургановъ съ признаками расхищенія. Въ земляномъ курганѣ близъ пос. Рыбинскаго найдены были кости человѣка и лошади, гладкій черепокъ и остатки дерева.

Близъ Аргалинскихъ кургановъ найдены какія-то двѣ каменныя гробницы, сложенныя изъ плитъ и разгороженныя по срединѣ; здѣсь же была найдена *каменная баба* изъ сѣраго гранита, представляющая воина съ усами, держащаго въ одной рукѣ чашу, а въ другой мечъ.

Въ 6 верстахъ отъ г. Атбасара найдена группа каменныхъ курганныхъ насыпей небольшой вышины. Пробныя раскопки не дали здѣсь никакихъ результатовъ.

Въ 22 вер. отъ г. Атбасара по направленію къ Кокчетаву разбросано много каменныхъ кургановъ небольшой величины. При

раскопкѣ одного изъ нихъ г. Селивановымъ обнаруженъ на днѣ могилы костякъ, головою на С.-В., руки протянуты вдоль туловища. Вещей не оказалось.

Одинъ изъ немногихъ изслѣдователей кургановъ Акмолинской области, горный инженеръ А. Козыревъ произвелъ раскопки одного кургана въ урочищѣ Кара-Агачъ Акмолинскаго уѣзда. (См. Извѣстія Имп. Археол. Ком. вып. XVI за 1905 г.) Прежде чѣмъ описывать раскопки, г. Козыревъ даетъ маленькій обзоръ кургановъ, встрѣченныхъ имъ по дорогѣ, такъ, напр., авторъ пишетъ:

„При своихъ многочисленныхъ поѣздкахъ я поражался обиліемъ древнихъ кургановъ, разбросанныхъ по площади уѣзда. Особенно богата ими южная часть, начиная съ лѣваго берега р. Ишима. Здѣсь встрѣчаются одиночные и групповые курганы, многія вершины сопокъ заканчиваются ими. Курганы встрѣчаются въ видѣ усѣченныхъ конусовъ или квадратныхъ, иногда многоугольныхъ, пирамидъ. Большая часть ихъ покрыта камнемъ, но нерѣдко встрѣчаются и просто задернованные курганы.

Высота кургановъ отъ 1,50 до 15 метровъ. Часто курганы у основанія окружены канавой, прерывающейся съ восточной стороны. Нѣкоторые курганы украшены „каменными бабами“, впрочемъ послѣднія встрѣчаются весьма рѣдко; онѣ, по всей вѣроятности, сняты киргизами и употреблены въ качествѣ строительнаго матеріала. Многіе курганы вскрыты и ограблены киргизами. Ограбленіе кургановъ этой мѣстности началось еще въ глубокой древности и съ неослабной энергіей продолжается до настоящаго времени.

На югъ отъ г. Акмолинска идетъ земскій трактъ черезъ озеро Май-балыкъ и поселки Рожественскій, Черниговскій и Кіевскій, расположенные на правомъ берегу рѣки Нуры. Около поселка Кіевскаго много старыхъ киргизскихъ могилъ, а на вершинѣ сопки Джуванъ-тюбе древніе курганы. Въ $1^1/_2$ вер. отъ Ивановскаго черезъ бродъ Джарыкъ-Уткуль дорога переходитъ р. Нуру; вблизи этого брода по правую сторону Нуры тянется небольшая горная гряда Кертенты, на отдѣльныхъ сопкахъ которой видны задернованные курганы. Дальше встрѣчается урочище Кара-Агачъ; отъ Акмолинска около 300 верстъ. По песчанымъ грядамъ урочище Таныке и Кара-Агачъ встрѣчается масса большихъ и малыхъ кургановъ, высотою отъ 1 до 4,50 м. съ діаметромъ вершинъ отъ 2 до 15 м. Есть курганы вровень съ поверхностью степи, такъ что только разбросанные кругомъ камни указываютъ на мѣсто кургана. На самой высокой сопкѣ „Кара-оба“ горъ Таныке находится курганъ, высотою 5,50 м.; курганъ отъ времени задерновался.

Въ урочищѣ Кара-Агачъ можно встрѣтить дюны, обращенныя руками человѣка въ городища. Такъ дюны, лежащія у сѣверо-восточныхъ склоновъ горъ Ай-мусыкъ, въ срединѣ разрыты; благодаря этому образовалось подобіе большого двора съ воротами, прорытыми съ южной стороны.

Вскрытый г. Козыревымъ и помощникомъ его г. Петровскимъ курганъ находится на песчаномъ увалѣ, въ 4-хъ верстахъ къ С. отъ озера Сары-Куль. Курганъ имѣетъ видъ усѣченнаго конуса; высота его 3, 5 метровъ, діаметръ вершины—10, 5 м. по скатамъ—10, м.; у основанія курганъ обведенъ канавой, большая часть которой осыпалось. Канава имѣетъ перешеекъ съ восточной стороны. При раскопкѣ на глубинѣ 0,90—1 м. обнаружена каменная баба, высотою 0,71 м. Далѣе на глубинѣ 1, 70 м. встрѣтили каменный ящикъ длиною въ 1 м., сложенный изъ плитъ песчаника, безъ цемента. Въ этой гробницѣ найденъ костякъ, по всѣмъ признакамъ женскій, обращенный лицомъ на востокъ. Параллельно человѣческому костяку лежалъ костякъ (неполный) лошади, головою къ ногамъ человѣка.

На черепѣ человѣка былъ надѣтъ золотой вѣнчикъ на мѣдной основѣ. Къ мѣдной части сверху припаяны мѣдныя дуги, на которыхъ висѣли коническія подвѣски изъ тонкаго листоваго золота. Подвѣсокъ оказалось 15.

Рядомъ съ черепомъ найдены еще нѣсколько предметовъ, какъ то: золотыя серьги, пластинки изъ золота, мелкія частицы одного украшенія въ видѣ пластинокъ, трубочекъ и пр. Всѣ эти вещи тонкой, изящной работы. У поясницы костяка найдено 16 янтарныхъ кружочковъ различнаго діаметра, стеклянный бокалъ, высотою 0, 16 м. почти цилиндрической формы, слегка съ уживающійся книзу, на невысокой (35 мм.) подножкѣ; стекло бокала блѣдно-зеленоватаго цвѣта; въ верхней части и на подножкѣ замѣтны слѣды эмали. Мѣстами на бокъ лѣ замѣтны рисунки въ видѣ рубчиковъ.

Предметы погребальной обстановки по мнѣнію г. Козырева, указываютъ, повидимому, на IX вѣкъ по Р. Х. или нѣсколько позже. Покойница, надо полагать, принадлежала къ тюркскому племени.

Развалины,

могилы и проч. памятники Акмолинской области.

Надгробныя сооруженія кочевниковъ. Киргизское зодчество. Въ „Запискахъ Западно-Сибирск. отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ. кн. XVII, вып. I за 1894 г.“ помѣщена статья В. Шнэ подъ заглавіемъ *„Зимовки и другія постоянныя сооруженія кочевниковъ Акмолинской обл.“* Говоря о степныхъ могилахъ, г. Шнэ ихъ дѣлитъ на три типа.

1) Къ первому типу онъ причисляетъ одиноко стоящія могилы; онѣ служатъ усыпальницей или богатому киргизу, или славившемуся нѣкогда своимъ умомъ бію, или просто доброму человѣку; только такія выдающіяся личности имѣютъ право на предпочтеніе быть погребенными отдѣльно у дороги на особенно видномъ мѣстѣ. Могильный курганъ размывается дождемъ, сглаживается временемъ, но долѣе сохраняется могильный памятникъ, который въ безлѣсной полосѣ очень своеобразенъ. Могилы складываются стѣною изъ дерна или камня, въ ростъ человѣка, толщиною около аршина; по угламъ возведеннаго четыреугольника поднимаются изъ того же матеріала конусообразныя башенки, на подобіе куполовъ. Если стѣна въ длину болѣе 2 саж., то посединѣ ея дѣлается такой же куполъ, такъ что нерѣдко встрѣчаются могилы съ 6-ю, 8 башенками. Такая могила издали кажется крѣпостцей, какимъ то бастіономъ. Кладбище, гдѣ подобныхъ могилъ нѣсколько, невольно принимаешь за жилье. Въ дерновыхъ стѣнахъ оставляются узкія продольныя отверстія на подобіе оконъ, гдѣ гнѣздятся кречеты, беркуты, вороны—эти постоянные посѣтители послѣдняго покоя умершихъ правовѣрныхъ.

2) Ко второму типу могилъ г. Шнэ причисляетъ могильный курганъ зауряднаго простого киргиза, окруженный срубомъ изъ молодого лѣса. На два бревна, положенныхъ по краямъ кургана въ длину могилы, кладутся поперечныя бревна по ширинѣ ея - это первый вѣнецъ могильника, не скрѣпляемый врубкою въ уголъ; сверхъ него накладываются другіе вѣнцы до тѣхъ поръ, пока высота сруба не сравняется съ могильной насыпью, тогда кладутся только продольные брусья, которыми такимъ образомъ скрывается курганъ. Вѣнцы скрѣпляются посредствомъ шпонокъ или деревянныхъ гвоздей. Но эти, повидимому, очень простые могильники-достояніе болѣе состоятельнаго усопшаго киргиза.

3) Къ третьему типу принадлежатъ могилы бѣдняковъ, которые, какъ говоритъ авторъ статьи, довольствуются одной покрышкой могилы жердочками или хворостомъ, засыпаемымъ тонкимъ слоемъ земли.

Образцомъ киргизскаго зодчества, говоритъ г. Шнэ, можетъ служить могила Бой-габыла-Букаева, перваго богача Петропавловскаго уѣзда.

„Въ 22-хъ верстахъ отъ Петропавловска, на перепутьи двухъ большихъ дорогъ, эта могила высится и царитъ надъ окружающей равниной. Еще издали рельефно выдѣляются на горизонтѣ башенки ея стѣнъ и широкій конусъ съ золотымъ полумѣсяцемъ на высокомъ шпицѣ. Подъѣзжая ближе, видишь высокую, сажени въ $1^1/_2$, кирпичную стѣну, оштукатуренную снаружи и внутри; широкіе просвѣты съ желѣзной рѣшеткой вмѣсто оконъ, по два въ каждой изъ четырехъ стѣнъ, даютъ полную возможность осмотрѣть внутренность: посреди оцѣпленнаго стѣною пространства возведенъ изъ кирпича высокій, круглый сводъ, подъ которымъ скрывается могила. На сводъ опирается дискъ, уставленный цѣлою системою колонъ и колонокъ. Изъ колонъ одна—самый крупный по толщинѣ деревянный столбикъ—находится въ центрѣ, далѣе въ окружности расположены четыре столбика помельче и наконецъ по окружности диска установлены столбики на подобіе колонады. Всѣ они окрашены въ яркозеленый цвѣтъ и въ верхнихъ концахъ своихъ скрѣплены брусками съ центральной колоной. На колоны возложенъ высокій правильный куполъ, окрашенный въ голубой цвѣтъ; куполъ оканчивается шаромъ, на которомъ на высокомъ вызолоченномъ стержнѣ красуется эмблема религіи усопшаго—золотой полумѣсяцъ; пространство между памятникомъ и окружающею его кирпичною оградою засажено кустами, а въ двухъ углахъ вытянулись двѣ березки съ широкой густолиственной вершиной. Тяжелая желѣзная дверь на замкѣ служитъ входомъ въ ограду."

Развалины гор. Белянъ-ана. Развалины Белянъ-ана лежатъ при рѣкѣ Сары-Су,[1]) на одинъ день ѣзды отъ озера Теле-Куль, въ которое она впала. Длина сихъ развалинъ верстъ 6, ширина около одной версты. (*Левшинъ.* „Описаніе Киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей. 1832 г. стр. 206).

Развалины Белянъ-ана описаны были Рычковымъ (см. *Топографія Оренб. губ. 1762 ч. I стр. 514.)* Киргизцы, пишетъ авторъ, сказываютъ, что имя сіе происходитъ отъ женщины, у нихъ святою почитаемой. По нынѣ пять мечетей видны.

Развалины гор. Татагай. Татагай—развалины воликагожъ города въ Киргизъ-Кайсацкой средней ордѣ, на рѣкѣ Нурѣ,[1]) впадающей въ ов. Каргалджинъ, отъ устья оной рѣки верстъ съ тридцать. По признакамъ былъ сей городъ положеніемъ верстахъ на десяти и еще видны тутъ четвероугольныя палаты на подобіе замка такъ велики, что въ округъ саженъ на триста. Тутъ же одна мечеть и весьма много развалившагося каменнагожъ строенія. Киргизцы сказываютъ, что тутъ въ старину живали ногайцы. *(См. Топографія Оренб. губ. за 1762 г. Рычкова ч. I ст. 513)*

Приведемъ теперь описаніе этихъ развалинъ со словъ г. Левшина: На лѣвой сторонѣ Нуры, впадающей въ озеро Каркалджинъ, въ 27 верстахъ отъ ея устья, былъ нѣкогда городъ по имени *Тотагай* или *Ботагай*, коего многіе остатки донынѣ существуютъ. Г. Шангинъ видѣлъ ихъ и описалъ *(см. Сибир. Вѣстникъ 1820 г.)*. Они простираются изъ развалившихся зданій, по мнѣнію его верстъ на десять. Одно по мнѣнію путешественника, служило храмомъ, было построено изъ кирпича, имѣло внутри столбы истѣны оштукатуренныя. Близъ сего храма стоялъ другой, подобный ему; а изъ развалинъ, нѣсколько далѣе на ходящихся, нѣкоторыя имѣли до 300 саж. въ длину.

Окрестности рѣки Нуры вообще богаты подобными остатками древности. На правомъ

[1]) Рѣка Сары-Су впадаетъ въ оз. Тайлякъ-куль, (Теле-Куль), Али-Куль, Аши-Куль на границ. съ Сыръ-Дар. и Тург. обл.

[1]) Акмолинскій уѣздъ (Акмолинск. обл.)

берегу ея, въ 55 верстахъ отъ озера Кургалджина, еще видны значительныя развалины, также описаныя Шангинымъ *(см. тотъ же Вѣстникъ 1818 года)*, равно какъ и два укрѣпленія, у горы Картъ лежащія, и разрушенная башня въ верховьяхъ Нуры, близь древней *копи* мѣдной руды.

Развалины Якши-Кунъ. Тѣмъ-же путешественникомъ осмотрѣны зданія, лежащія на рѣкѣ Якши-Кунъ,*) одно отъ другого въ 30 верстахъ. Одно изъ нихъ кирпичное, другое камепное, оба съ куполами и двумя отверстіями, одно на югъ, другое на сѣверъ. Киргизы приписываютъ построеніе сихъ зданій калмыкамъ или монголамъ и почитая оныя святыми, совершаютъ въ нихъ молитвы и жертвоприношенія.

Развалины гор. Джупанъ-ана. Джупанъ-ана, признакъ немалагожъ города, на рѣкѣ Кингирѣ**), впадающей въ Сарасу, отъ устья оной верстъ съ восемь. Тутъ понынѣ видимо мечетей до пяти и одни палаты, кои немало опустились въ землю. Киргизцы объявляютъ, что тутъ бывало жилище нѣкотораго ногайскаго хана. *(ст. Топографія Оренб. губ. Рычкова ч. I стр. 514. 1762 г.).*

А. Левшинъ въ своемъ „*Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей 1832 г.*“ говоритъ о развалинахъ палатъ и мечети, называемыхъ Джанъ-ана, вѣроятно тоже что и Джупанъ-ана. Авторъ говоритъ, что тутъ будто бы расположенъ былъ дворецъ одного изъ потомковъ Чингисовыхъ (стр. 206).

Мамай-молла. Въ описаніи своихъ раскопокъ въ Акмолинскомъ уѣздѣ г. Козыревъ говоритъ о развалинахъ древнихъ киргизскихъ могилъ, расположенныхъ вблизи р. Куланъ-Утмесъ.

„... Отъ Нуры дорога идетъ на Ю.-З. на озеро Тасъ-су-атъ и далѣе до р. Куланъ-Утмесъ. Перейдя послѣднюю у сопокъ Тіе-тасъ, дорога идетъ лѣвымъ берегомъ р. Сыртке, притока Куланъ-Утмеса. На лѣвомъ берегу Сыртке, вблизи переѣзда черезъ Куланъ-Утмесъ, видны двѣ старыя разрушенныя могилы Мамай молла, весьма чтимыя киргизами.

(См. Извѣстія Имп. Археол. Ком. вып. XVI за 1905 г. стр. 28).

*) Видимо р. Якши-Конъ, впадающая въ оз. Тенгизъ.
**) Южная часть Акмолинская обл.

Доисторическіе рудники.

Въ „Вѣстникѣ Имп. Р. Г. Общ. за 1853 годъ“ помѣщена статья г. Гуляева *„О древностяхъ, открываемыхъ въ киргизской степи“* На стр. 78 авторъ статьи говоритъ: „Въ киргизской степи находится много бугровъ и горныхъ разработокъ, называемыхъ также, какъ и въ южной Сибири, *„чудскими“*. Въ одной изъ такихъ копей, находящейся въ Каркаралинскомъ округѣ, верстахъ въ 70 отъ Благодато-Стефановскаго завода, были найдены нѣсколько каменныхъ молотовъ; на золотыхъ же промыслахъ г. Попова въ Кокбетинскомъ округѣ, въ розсыпѣ по рѣкѣ Бердыбаевкѣ, одна мѣдная кирка, похожая на согнутую ладонь или на штукатурную лопатку съ закраинами. На тѣхъ же промыслахъ найденъ мѣдный ножъ, хорошо сохранившійся оттого, что со всѣхъ сторонъ вызолоченъ. Длина ножа нѣсколько болѣе 6 вершковъ; лезвіе на концѣ круто загнуто, на подобіе садоваго ножа. На Семено-Воскресенскомъ мѣдномъ рудникѣ, въ одной изъ чудскихъ копей, на глубинѣ до 4 саж. найдено при развѣдкѣ много человѣческихъ костей, вѣроятно задавленныхъ обрушившимися горными выработками древнихъ рудокоповъ.

Изъ словъ г. Козырева (см. Извѣстія Имп. Археол. Ком. Вып. 16 за 1905 г. стр. 29) видно что „памятниковъ первобытнаго человѣка въ видѣ каменныхъ орудій и грубыхъ металлическихъ издѣлій въ предѣлахъ Акмолинскаго уѣзда до сихъ поръ не найдено, но они безъ сомнѣнія есть, такъ какъ во многихъ сосѣднихъ мѣстахъ, напр. по Иртышу и на сѣверъ, въ Кокчетавскомъ уѣздѣ, найдены каменные молотки, топоры, наконечники стрѣлъ и др. предметы, принадлежащіе народу, который, повидимому, только что выступалъ на путь культуры.

Въ Кокчетавскомъ уѣздѣ близъ станицы Котуркульской, въ уроч. Азанбай, при развѣдкахъ жильнаго золота открыта цѣлая фабрика примитивнаго извлеченія золота изъ жильнаго кварца и много каменныхъ орудій. Эти памятники принадлежатъ уже другому племени, стоявшему на болѣе высокой ступени культуры. Племя это современное населеніе называетъ именемъ *„чудь“*

Въ предѣлахъ Акмолинскаго уѣзда, вблизи описываемаго района, этотъ народъ оставилъ многіе памятники въ видѣ такъ называемыхъ *„чудскихъ копей“*, на которыхъ впослѣдствіи возникла горная промышленность края. Особенно много такихъ копей въ сосѣднемъ Каркаралинскомъ уѣздѣ, въ 200—300 верстахъ отъ урочища Кара-Агачъ.

ДРЕВНОСТИ

Семипалатинской области.

Курганы и городища

Семипалатинской области.

Первыя свѣдѣнія о курганахъ въ Семипалатинской обл. имѣются у профессора Миллера, который въ 1734 году произвелъ раскопки въ окрестностяхъ Устькаменогорска. Описаніе древнихъ могилъ и описаніе раскопокъ перепечатано въ „*Матер. по Археол. Россіи—Сибирскія древности—В. Радлова Т. I, вып. 3, стр. 60—62.*“

„Когда мы 11 августа (1734 г.) прибыли въ Устькаменогорскъ, то первою моею заботою было составленіе плана этого города и прилегающей къ нему мѣстности .. а второю вскрытіе нѣсколькихъ, неразрытыхъ еще въ окрестностяхъ этого мѣста, могилъ древнихъ обитателей края въ надеждѣ, что мнѣ удастся найти памятники древности, могущіе пролить больше свѣта на исторію этихъ странъ. Послѣдній трудъ не увѣнчался однако жъ успѣхомъ: употребивъ 2 дня на раскопку этихъ могилъ, лежащихъ въ 5-ти или 6-ти верстахъ по ту сторону р. Ульбы, я нашелъ только всего обломокъ какой-то желѣзной стрѣлы, сильно попорченной ржавчиною.[1])

Такія могилы встрѣчаются чрезвычайно часто по всему пути, начиная съ полдороги между г. Тарой и Омскимъ острогомъ, до самаго этого мѣста, по обоимъ берегамъ Иртыша. Но между ними попадается очень мало могилъ еще не разрытыхъ и не разграбленныхъ и чѣмъ ближе могилы къ городамъ, острогамъ, къ главной проѣзжей дорогѣ и берегу Иртыша, особенно восточному, то такихъ непотревоженныхъ могилъ меньше. До Семипалатинскаго острога мнѣ на восточномъ берегу не удалось увидѣть ни одной нетронутой могилы. Я долженъ впрочемъ сознаться, что при поѣздкѣ своей никогда не уклонялся далеко отъ рѣки или проѣзжей дороги. Тѣ же изъ нашихъ, которые отъ Ямышевскаго острога до Семипалатинскаго поѣхали водою, верстахъ въ 100 ниже послѣдняго мѣста нашли 7 могилъ и вынужденные пробыть тамъ 2 дня въ ожиданіи подмоги изъ этого мѣста занялись расколкою ихъ, но потерпѣли такую-же неудачу, какъ я. Ѣдучи сухимъ путемъ къ Устькаменогорскому острогу, я увидѣлъ между рѣками Шульбой и Ульбой курганъ, въ которомъ судя по величинѣ и внѣшнему виду его, схоронено было особенно важное лицо, но на раскопку этого кургана у меня не было свободнаго времени. На одномъ лишь западномъ берегу повсюду, говорятъ, уцѣлѣло множество кургановъ. Встрѣчаются же курганы не только въ степяхъ, но и на вершинахъ высочайшихъ горъ. Въ этомъ я убѣдился

---

1) У Гмелина (Reise 1,241—242) мы находимъ объ этой раскопкѣ слѣдующую замѣтку: „13 авг. 1734 г. проф. Миллеръ принялся за нѣкоторыя еще нераскрытыя могилы въ этихъ мѣстахъ. Онъ хотѣлъ осмотрѣть внутреннее состояніе ихъ и нашелъ слѣдующее. Покойникъ лежалъ просто въ землѣ, головою на В. Кости всѣ находились въ своемъ естественномъ положеніи, но сильно истлѣли. Кромѣ этихъ костей онъ нашелъ между ними нѣсколько мелкихъ заржавленныхъ кусочковъ желѣза, о первоначальномъ употребленіи которыхъ, однакоже, нельзя составить себѣ понятія, потому что они очень пострадали отъ ржавчины. Могильная яма была наполнена голышами, какіе встрѣчаются по берегамъ тамошнихъ рѣкъ и рѣчекъ.“

самъ въ окрестности этого острога, взобравшись для обзора прилегающей къ нему мѣстности на самую высокую гору, находящуюся здѣсь на восточномъ берегу Иртыша. Около остроговъ Ямышевскаго, Желѣзинскаго и Омскаго, гдѣ чисто песчаная почва, встрѣчаются курганы, на видъ песчаные, вышиною никакъ не болѣе 2-хъ футовъ. Около Семипалатинскаго и Устькаменогорскаго остроговъ, гдѣ почти вся степь богата голышами, и близь каменистыхъ горъ, отъ которыхъ послѣдній острогъ получилъ свое названіе, могилы либо вымощены сверху, на одинаковомъ съ почвою уровнѣ, голышами или добытыми изъ скалъ камнями, либо об ставлены въ кружокъ такими-же камнями, на футъ вышиною, либо (но рѣже) покрыты кучею такихъ камней. Иногда видны поставленные стоймя камни (см. таб. IX, рис, 27) вокругъ мощеной настилки и кружка, вышиною въ 1 или 2 фута; иногда же не подалеку отъ могилъ, на В., стоятъ отдѣльныя глыбы камня, нерѣдко превышающія ростъ человѣческій (см. таб. IX, рис. 30). Надписей или изображеній на нихъ я никогда не встрѣчалъ, за исключеніемъ одного случая, упомянутаго мною въ описаніи такъ называемыхъ Семи Палатъ. Тамъ, гдѣ мѣстность изобилуетъ камнями, могилы внутри на локоть глубины, а иногда вплоть до покойника, наполнены въ перемѣжку съ землею голышами или каменными глыбами или плитами. Довольно часто въ нихъ встрѣчаются и пласты соли изъ такъ называемыхъ горькихъ озеръ, которыхъ въ этихъ степяхъ очень много, особенно вокругъ остроговъ Ямышевскаго и Желѣзинскаго, гдѣ по отсутствію камня кромѣ земли и этихъ соляныхъ пластовъ ничего не выкапываютъ Въ описаніи Семи Палатъ я сказалъ, что и внутри этого укрѣпленія замѣтилъ нѣсколько могилъ, обложенныхъ сырцевымъ кирпичемъ. Къ этому я прибавлю съ чужихъ словъ, что встрѣчаются также, но рѣже, сложенные изъ жженаго и плитъ своды, подъ которымъ покойники лежатъ какъ въ комнатѣ. Покойники, отъ которыхъ уцѣлѣли однѣ только кости, притомъ сильно истлѣвшія, лежатъ на глубинѣ 1—3 локтей, головою всегда на В., безъ всякаго слѣда того, чтобы они нѣкогда были положены въ особый гробъ. Вмѣсто этого довольно часто находили остатки шелковыхъ и бумажныхъ тканей, въ которыя они были завернуты. По такимъ-же остаткамъ видно, что народъ былъ очень богатъ, потому что иногда они состоятъ изъ расплющенаго на тонкія пластинки чистѣйшаго золота, котораго курганщики нерѣдко находили въ одномъ курганѣ до 1 фунта вѣсомъ. Другія драгоцѣнности, добытыя изъ этихъ могилъ, заключаются въ серьгахъ, запястьяхъ и кольцахъ золотыхъ, въ искусно отлитыхъ изъ золота и серебра изображеніяхъ и особенно въ разныхъ сдѣланныхъ изъ серебра на половину смѣшаннаго съ мѣдью конскихъ украшеніяхъ, которыя не очень дорого продаются въ здѣшнихъ мѣстахъ. Драгоцѣнные камни встрѣчались рѣдко. Мечи, стрѣлы и другія издѣлія изъ мѣди и желѣза часто также были найдены.

СЕМИПАЛАТИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ „Извѣстіяхъ Имп. Русскаго Археол. Общ. за 1877 Т. VIII стр. 61.“, Н. А. Абрамовъ даетъ нѣсколько свѣдѣній относительно кургановъ Семипалатинской области. Такъ напр. по тракту изъ гор. Омска въ Семипалатинскъ, противъ казачьей станицы Прѣсной находится много кургановъ разной величины.

Отъ Прѣсной къ станицѣ Чернорѣцкой, по лѣвую сторону дороги въ 5 верстахъ отъ первой, два высокіе кургана.

Между станицами Чернорѣцкой и Черноярской нѣсколько кургановъ.

Между ст. Черноярскою и городомъ Павлодаромъ множество кургановъ.

Не доѣзжая 4 версты до ст. Лебяжьей, въ сторонѣ отъ дороги версты полторы, находятся курганы, одинъ изъ нихъ высокій и въ поперечникѣ 15 саженъ, при немъ кругомъ валъ и ровъ замѣтные.

Между станицею Горчевскою и выселкомъ Известковымъ, около берега Иртыша, множество кургановъ. Всѣ сказанные курганы находятся по правую сторону рѣки Иртыша или по Иртышной казачьей линіи.

Прямо противъ города Семипалатинска, за рѣкою Иртышемъ, или на лѣвомъ его берегу, около слободки находится много кургановъ.

Свѣдѣнія о курганахъ Семипалатинскаго уѣз. имѣются у В. Никитина. *) Самымъ интереснымъ раіономъ уѣзда въ археологическомъ отношеніи, по мнѣнію автора статьи, является южная его граница и главнымъ образомъ раіонъ Чингизскихъ горъ. Здѣсь въ очень многихъ мѣстахъ замѣчаются *каменные круги* съ едва замѣтною насыпью и безъ нея. Это по преданію могилы монголовъ, которыхъ въ этихъ мѣстахъ въ одной изъ битвъ погибли десятки тысячъ.

Въ 15—18 верстахъ отъ пикета Аркатскаго Семипалатинско-Сергіопольскаго почтоваго тракта влѣво отъ дороги находятся курганы; одинъ большой саж. 60 въ окружности и четыре поменьше. Большой курганъ имѣетъ наверху котлообразное углубленіе, въ одномъ боку котораго сдѣлана выемка, какъ бы для выхода наружу. Противъ этой выемки саженяхъ въ пяти отъ кургана находится сложенный изъ камня четыреугольникъ, у котораго со стороны, обращенной къ степи, имѣется проходъ въ $1^1/_2$ арш. шириною. По бокамъ прохода съ той и другой стороны у стѣны четыреугольника поставлены каменные невысокіо столбы, какъ бы для обозначенія прохода. Такіе же столбы (на подобіе бабъ) поставлены въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи по линіи отъ четыреугольника вокругъ всего кургана. Малые курганы стоятъ въ сторонѣ отъ большого и ничѣмъ не замѣчательны. **)

*) См. Изв. Имп. Археол Ком. вып. 2-й за 1902 г. стр. 103—111 и Зап. Имп. Р. Археол. общ. Т. VIII за 1895 г. стр. 211—218.

**) Въ перечисленіи кургановъ Семипалатинскаго и Павлодарскаго уѣздовъ авторъ статьи ограничился описаніемъ тѣхъ которые удалены отъ почтоваго тракта изъ г. Омска на г. Вѣрный, какъ не описанныхъ В. М. Флоринскимъ.

Въ 1900 г. Семипалатинскій Обл. Статистическій Комитетъ предпринялъ собираніе археологическихъ свѣдѣній; разосланы были помимо нѣкоторыхъ частныхъ лицъ программы всѣмъ управителямъ киргизскихъ волостей, атаманамъ казачьихъ станицъ и сельскимъ старшинамъ области*).

Изъ числа 18 киргизскихъ волостей Семипалат. уѣзда управители 11 волостей отозвались, что никакихъ памятниковъ старины въ ихъ волостяхъ не имѣется, управители же остальныхъ 7 волостей сообщили слѣдующія свѣдѣнія о могильныхъ курганахъ.

Въ *Арчалинской волости* на урочищѣ Койтасъ въ предѣлахъ 9-го старшинства есть 3 большихъ кургана, расположенныхъ по одной линіи, и около 30 мелкихъ. На вершинахъ всѣхъ кургановъ находится углубленіе, у нѣкоторыхъ до $2^1/_2$ арш. въ глубь. Углубленіе на самомъ большомъ курганѣ обнесено сверху каменными глыбами въ видѣ какъ бы стѣны кругомъ всего кургана, стѣнки же углубленія выложены каменными плитами. Мелкіе курганы также обнесены камнями въ формѣ то круга, то четырехъугольника. Около кургановъ замѣчаются небольшія углубленія происшедшія, повидимому, отъ того, что тутъ копалась земля, употребленная потомъ на устройство кургана**).

Въ *Кандыгатайской волости* на ур. Джиранды находится курганъ изъ мелкаго камня (покрытый мелкимъ камнемъ?), высотой отъ уровня земли 4—5 арш. съ углубленіемъ на верху. Около этого кургана есть шесть курговъ изъ крупнаго камня, безъ углубленій. На ур. Сынтасъ находится курганъ, обложенный камнями, на которомъ стоятъ 3 каменныя бабы

*) Заимствовано у Н. Коншина; см. его статью „о памятникахъ старшины въ Семипалатинской области“ въ Зап. Семипал. подъотд. Западно-Сибирскаго отдѣла Имп Русск. геогр. общ. вып. I. 1903 г.

**) Авторъ статьи г. Коншинъ въ примѣчаніи пишетъ: въ виду характера предлагаемаго матеріала, я не счелъ возможнымъ сравнить или дополнять его свѣдѣніями изъ литературныхъ источниковъ по археологіи Семипалатинскаго края. Замѣчу только, что насколько я могу судить большая часть такихъ источниковъ сами нуждаются въ тщательной провѣркѣ.

Въ *Малыбаевской волости* большіе могильные курганы есть на урочищахъ Казы и Дужанъ. На первомъ урочищѣ въ 4 вер. на сѣверъ отъ зимовки бывшаго Малыбаевскаго волостного управителя Кареенева находится курганъ, имѣющій въ окружности 69 саж. и въ высоту около 2 саж. На вершинѣ кургана 11 небольшихъ ямъ разной глубины. Въ 40 саж. отъ этого кургана на В. есть 1 могила и въ такомъ же разстояніи на западъ 2 могилы т. е. небольшія земляныя насыпи, обросшія травою На ур. Дужанъ, въ 3—4 в. отъ зимовки киргиза Есемхана Бегембетева есть курганъ, имѣющій въ окружности 43 саж. и въ высоту 4 саж. Въ средней части вершины есть небольшая пологая яма глубиной около 2 арш., обросшая травой. Около этого большого кургана разбросаны маленькіе, обросшіе тровой: на В. 8 и на З. 7 штукъ.

Въ *Семитавской волости* много кургановъ на ур. Кара-мулла. На курганахъ есть углубленія и круги изъ камней.

Въ *Энрикейской вол.* на ур. Крыкъ-оба есть 15 небольшихъ кургановъ, на ур. Балбетере—2 круглыхъ, на ур. Косъ-котынъ—4 круглыхъ, безъ углубленій, и на ур. Косъ-булакъ есть курганъ, около котораго стоитъ сѣрый жерновой камень съ изображеніемъ человѣческаго лица.

Въ *Чингизской вол.* много кургановъ на уроч. Чотколанъ. Одинъ изъ большихъ кургановъ круглой формы обложенъ дикимъ камнемъ на протяженіи въ окружности около 16 саж., съ высотой камней отъ 1—2 арш. На вершинѣ кургана есть углубленіе въ ½ арш. На С-В. отъ этого кургана находится 6 небольшихъ кургановъ, каждый изъ которыхъ обложенъ у подошвъ стойкомъ поставленными камнями четырехъ угольной формы. На томъ же урочищѣ въ 35—40 саж. на В. отъ перваго кургана есть курганъ, имѣющій въ окружности 5 саж. и въ высоту 2 арш. Курганъ обложенъ кругомъ камнями. Изъ нихъ самый большой имѣетъ въ длину до 4 и въ ширину болѣе 1 арш. Камни несомнѣнно подвергались обдѣлкѣ. На С. и В около этого кургана находится 20 небольшихъ кургановъ, также обложенныхъ камнями, поставленными стойкомъ, а на Ю. четыре кургана безъ камней. Къ С. отъ описанныхъ большихъ и маленькихъ кургановъ приблизительно за версту есть нѣсколько подобныхъ же курганныхъ группъ. На С. В. склонѣ горы Джаксыбай около ключа Женытке-булакъ находится земляной курганъ, обложенный камнями, на Ю. В. сторонѣ котораго поставлены три камня, длиной до 2 и шир., въ ½ арш. На двухъ изъ этихъ камней сдѣланы изображенія человѣческаго лица.

Изъ 4 казачьихъ станицъ Семипалатинск. уѣзда свѣдѣнія о памятникахъ старины получены изъ 3-хъ станицъ.

На земляхъ *Долонской станицы* есть 3 кургана на пути отъ Долонскаго станичнаго поселенія къ поселку Грачевскому, на 4, 5 и 7 вер. отъ перваго. Всѣ курганы съ углубленіемъ наверху. Въ поселкѣ Стеклянскомъ въ 2 вер. отъ почтоваго тракта расположено 5 могильныхъ кургановъ.

На земляхъ *Губинской станицы* курганы есть въ раіонахъ поселковъ Пьяноярскаго, Шульбинскаго, Азовскаго и Барашевскаго, изъ которыхъ два послѣднихъ поселка принадлежатъ къ Устькаменогорск. уѣзду.

Въ Пьяноярскомъ поселкѣ курганы находятся: на лѣвой сторонѣ р. Осихи (притокъ Иртыша) по боровой дорогѣ одинъ большой курганъ, усыпанный мелкимъ камнемъ съ углубленіемъ на верху въ 3 арш. Вокругъ этого кургана на разстояніи отъ него около 5 саж. вкопаны два ряда плитняковыхъ камней. На той же сторонѣ Осихи есть еще 12 кургановъ средней величины, а на правой сторонѣ на пашнѣ Красильникова 5 кургановъ. Всѣ они усыпаны камнемъ и на верх имѣютъ углубленія. Шесть такихъ же кургановъ есть на круглой сопкѣ по дорогѣ изъ поселка на ур. Сулуджара.

Въ раіонѣ Шульбинскаго поселка въ разныхъ мѣстахъ по одиночкѣ разбросано 10

кургановъ, съ незначительными углубленіями вверху.

Въ Азовскомъ поселкѣ есть группа изъ 10 кургановъ.

Въ Барашевскомъ поселкѣ есть 12 кургановъ, изъ нихъ 5 расположены вмѣстѣ около р. Барашевки, а 7 по одному и по два на возвышенныхъ мѣстахъ. Всѣ курганы имѣютъ углубленія вверху, на одномъ выложенъ кругъ изъ камня.

Въ Семипалатинской волости есть 4 кургана на участкѣ хорунжаго Мурашкина въ раіонѣ поселка Старо-Семипалатинскаго. Курганы стоятъ въ одну прямую линію; по отзыву г. Мурашкина углубленій на верху ихъ не замѣтно, но у нѣкоторыхъ вершины выложены камнемъ. По сообщенію того же г. Мурашкина, при копаніи въ 1866 г. колодца вблизи этихъ кургановъ былъ найденъ на глубинѣ 2 арш. ножъ красной мѣди длиной въ $^1/_4$ арш.

Въ крестьянской *Александровской вол.* курганы есть на земляхъ деревни Мало Владимірской и села Больше-Владимірскаго.

Въ дер. Мало-Владимірской на ур. Алты-Камышъ есть 9 кургановъ съ углубленіями наверху.

Въ с. Больше-Владимірскомъ археологическими изысканіями занимается мѣстный священникъ о. Васильевъ. По отзыву о. Васильева курганы находятся, часто не по одному, на вершинахъ холмовъ повсемѣстно; всѣ имѣютъ провалы на вершинѣ; могилъ, снаружи выложенныхъ камнями, нѣтъ. Подъ землею во всѣхъ устроены четырехъ угольныя помѣщенія, стѣны каковыхъ выложены изъ смѣси мѣстнаго дикаго камня съ сѣрой глиной, внутри выдѣланы и покрыты колотымъ лѣсомъ и сверхъ потолка задѣланы битой съ камнями глиной и завалены грунтовой землей.

Огромные курганы, группами расположенные, находятся на ур. Самай, верстахъ въ 10—15 отъ дер. Мало-Владимірской. Тамъ встрѣчаются группы въ 5—10 небольшихъ кургановъ расположенныхъ вокругъ одного большого, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ по два провала.

Надо думать, прибавляетъ авторъ статьи г. Коншинъ, судя по сообщенію о Васильева, что въ Семипалат. уѣздѣ гораздо больше могильныхъ кургановъ, чѣмъ можно заключить на основаніи отзывовъ киргизскихъ волостныхъ управителей и станичныхъ атамановъ.

ПАВЛОДАРСКІЙ УѢЗДЪ.

По сообщенію В. Никитина *) курганы въ Павлодарскомъ уѣздѣ имѣются:

1) *Въ Аксуйской волости* у горы Калмакъ-Кыргана, вблизи зимовки Дженая Елизсысова, находятся два выложенныхъ камнемъ круга; на урочищѣ Ечень-булакъ, вблизи зимовки Атаки Кошкенева,—три могилы, обложенныя камнями; при одной имѣется баба съ изображеніемъ лица.

2) *Въ Карамолинской волости*, на рѣчкѣ Уленты на лѣтовкахъ имѣется большая древняя могила, называемая „Коръ-оба“.

3) *Въ Акпетавской волости*, по рѣчкѣ Ащи-су, около сопки Данибанды есть 15 кургановъ изъ камня; около пикета Чакчанскаго Каркаралинскаго тракта два такихъ же кургана; около сопки „Саба“ три кургана большихъ и два малыхъ, тоже изъ камня.

4) Въ Кызылтавской волости, въ горахъ Калмакъ-Кырганъ есть два кургана, обнесенныхъ камнями, и 10 такихъ же кургановъ на Ю. З. отъ горы Калмакъ-Кырганъ, въ долинѣ, прилегающей къ зимовкѣ киргизца Айгуры Корныкбаева.

*) Въ перечисленіи кургановъ Семипалатинскаго и Павлодарскаго уѣздовъ авторъ статьи ограничился описаніемъ тѣхъ, которые удалены отъ почтоваго тракта изъ г. Омска на г. Вѣрный, какъ не описанныхъ В. М. Флоринскимъ.

5) *Въ Баянъ-аульской волости* на урочищѣ Акъ-Кемпе находится группа кургановъ; вершина самаго высшаго изъ нихъ—съ углубленіемъ, въ которое поставлено нѣсколько камней въ видѣ неправильнаго прямоугольника; на уроч. Керче-Танъ находится курганъ, на немъ 3 каменныя бабы съ грубыми изображеніями лицъ; на ур. Джеманъ-Ніазъ (Корпечъ-булакъ) у лѣтнихъ кочевокъ находятся развалины; на ур. Корганъ-куль находится могила, предъ которой поставленъ камень съ неизвѣстною надписью.

По сообщенію Н. Коншина изъ числа 19 киргизскихъ волостей Павлодарскаго уѣзда управители 8 волостей отозвались, что никакихъ памятниковъ старины въ ихъ волостяхъ не имѣется, управители же остальныхъ 11 волостей сообщили слѣдующія свѣденія:

Въ *Аккелинской вол.* болѣе крупные могильные курганы находятся въ слѣдующихъ пунктахъ: на ур. Сары-оба есть два кургана, около которыхъ поставлены каменныя бабы, одна съ изображеніемъ человѣческаго лица. На вершинѣ одного кургана—углубленіе въ ростъ человѣка. Оба кургана окружены нѣсколькими рядами камней. Подобный же курганъ круглой формы есть на ур. Бериктасъ, около зимняго аула киргиза Кенчинбая. По разсказамъ киргизъ въ курганѣ зарыто золото. Желая воспользоваться этимъ золотомъ, киргизы изъ аула Кенчинбая года 4—5 тому назадъ приступили было къ раскопкѣ кургана, но нашли, какъ говорятъ, подъ земляной насыпью такую громадную гранитную плиту, прикрывавшую могилу, что вынуждены были отказаться отъ своей работы. Стѣны могильнаго углубленія оказались сдѣланными изъ обожженаго кирпича такой крѣпости, что разбить ихъ при помощи киргизскаго чета (мотыки) было невозможно.

На урочищѣ Аралъ-тюбе, по рѣчкѣ Ащи, есть 5, а на ур. Жиланды 3 близко другъ отъ друга расположенныхъ кургана. Около кургановъ на послѣднемъ урочищѣ поставлены каменныя бабы.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ по своей величинѣ кургановъ находится на ур. Бактубай, на высокимъ берегу рѣки того же названія. На вершинѣ кургана есть углубленіе изъ двухъ отдѣленій; въ одномъ изъ нихъ растетъ небольшая роща черемухи. Въ прежнія времена это углубленіе съ рощей служило притономъ, гдѣ укрывались киргизскіе барантачи: оставаясь незамѣтными, съ высоты кургана они могли видѣть на далекое пространство, что дѣлается въ окружающей курганъ степи. По киргизскму преданію въ самомъ курганѣ покоится прахъ одного калмыцкаго хана, павшаго въ кровопролитномъ сраженіи съ полчищами Тамерлана. Съ покойникомъ были зарыты въ курганѣ по тому же преданію разное его имущество, оружіе, одежда, лошадь со сбруей, сокровища.

Мелкіе курганы разбросаны въ Аккелинской вол. во многихъ мѣстахъ. На ур. Джаманкуль, Джилъ-тау, Жиланды, Бестюбе и др. есть много могилъ въ видѣ каменныхъ насыпей, причемъ около нѣкоторыхъ поставлены бабы. Всѣ такія могилы киргизы считаютъ калмыцкими.

Въ *Аккульской вол.* могильные курганы въ числѣ 3-хъ, расположенныхъ въ линію съ востока на западъ, находятся въ предѣлахъ 7-го старшинства на ур. Сары-оба.

Въ предѣлахъ того же старшинства около оз. Ауліэ-куль есть небольшой курганчикъ, подъ которымъ погребенъ, по разсказамъ киргизъ, святой Туйтэ. Могилу этого святого (т. е. курганъ) киргизы очень почитаютъ, совершая надъ ней моленія и проч.

Въ Акпетытавской вол., курганы находятся на урочищахъ: Айдарлы—2, Чатъ—3, Чорабай—1, Боранъ-чоку—1, Джиланды—5, Бидаикъ—1, Саржалъ—1, Кызылъ-койтасъ—1, Темирбай—1, Доганай—1. Нѣкоторые изъ этихъ кургановъ состоятъ изъ мелкихъ камней.

Въ Аксуйской вол. большой курганъ находится на лѣвой сторонѣ Иртыша въ 5 саж. влѣво отъ дороги, идущей изъ Семипалатин-

ска въ Петропавловскъ, въ 1 вер. вверхъ отъ оз. Казалы. Курганъ имѣетъ въ окружности не менѣе 15 саж., въ высоту надъ уровнемъ земли—1½ арш. На верхушкѣ кургана большое углубленіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ кто то приступилъ было къ раскопкѣ этого кургана, но, вырывъ яму въ 1 арш., бросилъ работу. Саж. въ 150 отъ большого кургана находится 5 маленькихъ, съ углубленіями на верхушкахъ.

Въ Алкагульской вол. на ур. Матай-тамы есть 3 кургана, съ углубленіями на верхушкахъ.

Въ Бестауской вол. курганы находятся на слѣдующихъ урочищахъ: 1) На ур. Акъчеку въ восточной сторонѣ есть курганъ, сложенный изъ камня, вышиною до 3 арш.

2) Такой же курганъ есть на ур. Сарыадыръ, въ сѣверной сторонѣ, приблизительно въ 1 вер. отъ оз. Тузъ. Около кургана находится 5 выложенныхъ камнями могилъ.

3) На ур. Айдарлы, въ западной сторонѣ, есть сложенный изъ камня курганъ, извѣстный у мѣстныхъ киргизъ подъ названіемъ Кампай-Караба. Высота кургана до 3 арш.

4) На ур. Тасты-булакъ есть курганъ извѣстный подъ названіемъ Тастынъ-обасы, сложенный изъ камня, имѣющій въ высоту до 2½ арш.

5) На ур. Ералбай, въ сѣверо-западной сторонѣ, есть 5 могильныхъ кургановъ, расположенныхъ кругообразно, на разстояніи ½ вер. одинъ отъ другого. На верхушкахъ 3 кургановъ есть углубленія, а на 2 – круги изъ камня.

Всѣ курганы киргизы считаютъ калмыцкими.

Въ Долбинской вол. курганы есть на урочищахъ Джангызъ-агачъ, Карамола и Карасоръ.

Въ раіонѣ, занимаемомъ киргизами *Караобинской вол.*, курганы есть на лѣвомъ берегу Иртыша на арендуемыхъ этими киргизами войсковыхъ участкахъ подъ №№ 83 и 87. На первомъ участкѣ есть большой земляной курганъ, извѣстный подъ именемъ Кара-оба, около котораго, находится до 7 штукъ мелкихъ кургановъ. На участкѣ подъ № 87 есть одинъ курганъ. Всѣ курганы на верхушкахъ имѣютъ углубленія.

Въ Кызылтавской вол. курганы находятся на уроч. Караганды озекъ, Уйтасъ—въ восточной сторонѣ отъ бывшаго дома волостного управленія, Тасъ оба, Кара-чоку—около зимовки Абижана Капкынбаева и еще вблизи зимовки Бакея Укина. Всѣ курганы сложены изъ камня съ углубленіемъ на верхушкахъ.

Въ Маралдинской вол. находится всего до 30 кургановъ, расположенныхъ частью въ одиночку, частью группами въ 2—6 кургановъ. Всѣ они одного типа. Самая большая группа кургановъ, 10 штукъ, находится на ур. Джаманъ-чокча. Группа расположена слѣдующимъ образомъ: 6 кургановъ стоятъ въ рядъ по прямой линіи съ юга на сѣверъ на разстояніи одинъ отъ другого около 10 саж., 2 кургана находятся въ 1 вер. отъ нихъ на западъ и еще 2 кургана въ 1 вер. отъ послѣднихъ, также на западъ. Самый большой изъ этихъ кургановъ имѣетъ въ окружности болѣе 300 шаговъ, а въ высоту отъ уровня земли до 2 саж. Углубленіе на верхушкѣ имѣетъ въ окружности около 30 шаговъ, а вглубь простирается до 1½ арш. Курганъ окружаетъ канава шириной въ 2 саж. Меньшіе курганы имѣютъ въ окружности 150 и болѣе шаговъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть углубленія и канавки, у другихъ нѣтъ.

Въ *Уруковской вол.* кургановъ много на ур. Кызылъ-агачъ: тутъ есть одиноко стоящій курганъ, группа изъ 4 кургановъ, расположенныхъ на разстояніи 50 саж. одинъ отъ другого, и группа въ 6 кургановъ съ разстояніемъ между отдѣльными курганами въ 10 саж. Всѣ курганы на верхушкѣ имѣютъ углубленіе. Въ послѣдней группѣ вокругъ двухъ кургановъ замѣтны слѣды канавъ.

Кромѣ того по 1 кургану съ углубленіемъ на верхушкѣ есть на урочищахъ: Алкагуль, Каракудукъ, Лепись-кудукъ, Сазанъ-кудукъ, Джанокай, Кара-чаликъ, Контра, Исабанъ-кудукъ, Лайсу, Узунъ-су, Чукуръ-куль, Чанды, Ащи-кудукъ, Уртъ-камаганъ, Кара-бидаикъ, Джарыкъ, Баимбетъ, Давалъ-чиликъ, Шикуръ, Уйнякъ, Чанканъ, Атъ-атканъ, Джандырь-гакъ, Козгомысъ. Ешкульмесъ, Саягачъ, Добалъ, Сазыкъ, Кретомаръ, Кудукъ-агачъ, Карачиликъ и при заимкѣ Байбека.

Изъ числа четырехъ казачьихъ станицъ Павлодарскаго уѣзда свѣдѣнія получены только отъ атамана *Баянъ-аульской станицы*. По его отзыву въ станицѣ находятся курганы на слѣдующихъ урочищахъ:

На ур. Боканъ въ 3 вер. отъ станицы есть 9 или 10 кургановъ круглой формы. Вокругъ кургановъ замѣчаются круги изъ необтесанныхъ камней, поставленныхъ ребромъ, съ наклономъ немного къ центру круга.

На ур. Ердесъ въ 2½ в. отъ станицы есть 7 кургановъ съ кругами изъ плитняка и необтесанныхъ камней.

На ур. Узунагачъ въ 13 в. отъ станицы есть 4 точно такихъ же кургана, а на ур. Малай въ 2 вер. есть 2 кургана.

По сообщенію Н. А. Абрамова (см. Изв. Имп. Русск. Арх. Общ. т. VIII за 1877 г. стр. 60) въ 1863 г. по тракту изъ гор. Омска въ Семипалатинскъ онъ видѣлъ много кургановъ. Противъ казачьей станицы Прѣсной находится много кургановъ, разной величины. Отъ Прѣсной къ станицѣ Чернорѣцкой, по лѣвую сторону дороги, въ 5 верстахъ отъ первой, два высокіе кургана.

Между станицами Чернорѣцкой и Черноярской—нѣсколько кургановъ. Между ст. Черноярскою и городомъ Павлодаромъ-множество кургановъ.

КАРКАРАЛИНСКІЙ УѢЗДЪ.

По сообщенію В. Никитина курганы въ Каркаралинскомъ уѣздѣ имѣются:

1) Въ раіонѣ станичныхъ *Каркаралинскихъ* земель, въ разныхъ мѣстахъ болѣе 50 кургановъ различной величины, но почти всѣ уже давно разрытые.

Въ раіонѣ тѣхъ же земель, въ верстахъ 17 отъ станицы, на вершинѣ горы „Мурзучекъ“ недавно еще виднѣлся курганъ средней величины, около котораго попадались разные предметы.

2) *Въ Кентской волости,* въ восточной сторонѣ Кентскихъ горъ, по ключу Кызылъ-кенчъ имѣется 21 курганъ, формой „напоминающіе юрты“. (См. таб. VI рис. 2). На вершинѣ этихъ кургановъ виднѣется или углубленія въ аршинъ и больше глубины или же камни и *бабы*, съ высѣченными лицами и цѣлыми фигурами.

По рѣкѣ Талдѣ, около урочища Кызылъ-Чиликъ—4 могилы. Эти могилы насыпей не имѣютъ, а представляютъ площадки прямоугольной формы средней величины, огражденныя каменными плитами небольшихъ размѣровъ. Такія же могилы встрѣчаются по той же рѣчкѣ, въ мѣстности подъ названіемъ „Бесъ-оба“.

Около горъ Кененбай-джалъ (группа Кентскихъ горъ съ востока) и на урочищахъ Май-узенъ и Кайтасъ тоже имѣются курганы; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ углубленіе на вершинѣ, а иногда и *каменныя бабы*.

По ключу Кадыръ-оль-кесы, въ западной сторонѣ Кентскихъ горъ—10 кургановъ, сложенныхъ изъ земли въ прослойку съ камнемъ и 11 могилъ, подобныхъ Кызылъ-Чиликскимъ.

Въ горахъ „Бахтахъ“ (группа Кентскихъ), въ восточной сторонѣ имѣются 4 кургана средней величины, съ углубленіями.

3) *ВъАбралинской волости*, около горъ Абралы, Маремыкъ, Джангызъ-тау и Джалаулы, по Генеральской дорогѣ изъ г. Семипалатинска въ г. Каркаралинскъ, находятся небольшіе курганы. На вершинахъ этихъ кургановъ замѣтны углубленія, вокругъ же кургановъ расположены стойкомъ камни, въ видѣ ограды.

4) *Въ Беркаринской волости*, на урочищѣ Сары-узень (сопки Сырыкъ-тасъ) близъ Актавской дороги, находятся два большихъ размѣровъ кургана, на вершинѣ которыхъ имѣются углубленія. Курганы кругомъ обведены рвами.

5) *ВъАксаринской волости*, на В. сторонѣ горъ Аксары, въ долинѣ имѣется курганъ въ окружности до 60 саж. и вышины до 10 саж., вершина кургана круглая, безъ углубленія. Въ той же долинѣ, въ разстояніи отъ перваго кургана около версты, на югъ находится группа каменныхъ кургановъ; вторая группа такихъ же кургановъ находится на восточномъ склонѣ горъ Бала-кулбалды и третья по рѣчкѣ Талдѣ, ниже урочища Кызылъ-джаръ.

6) *Въ Кызылтавской волости*, по рѣкѣ Нурѣ, противъ западной стороны горъ Бугулы, находятся два большихъ кургана, кругомъ окопанные рвами, одинъ отъ другого въ $1^1/_2$ верстахъ, по прямой линіи отъ сѣвера на югъ. На вершинахъ ихъ есть углубленія. Около же сопки Серекташъ расположены 10 каменныхъ кургановъ, на вершинахъ которыхъ имѣются поставленныя стойкомъ камни, безъ надписей и изображеній.

7) *Въ Моинтинской волости* находятся курганы въ большомъ количествѣ по Актавской дорогѣ, около горъ Аиртау и весьма замѣчательный по величинѣ на вершинѣ этой горы; по рѣчкѣ Моинты и около горъ Учъ-кызылъ; на горѣ же Бурлы-байталъ, въ группѣ горъ подъ названіемъ Джалгызъ-тау, находится группа кургановъ небольшихъ размѣровъ. Они замѣчательны тѣмъ, что если по вершинѣ какого нибудь кургана ударить ногой, то внутри слышенъ гулъ; это же наблюдается и въ нѣкоторыхъ курганахъ около горъ Учъ-кызылъ.

8) *Въ Акчатавской волости* курганы находятся въ долинѣ съ восточной стороны горъ Аиртау, въ сѣверной стороны горъ Кызылъ-эмчекъ и въ восточной сторонѣ горы Тологай. Всѣ эти курганы имѣютъ на вершинѣ углубленія, а насыпи покрыты мелкими камнями. Повидимому, большинство этихъ кургановъ разграблено.

9) *Въ Нуринской волости* по рѣчкѣ Нуртай-узень, въ окрестности горъ Курпетай и Нуртай, имѣются въ двухъ мѣстахъ небольшіе курганы, вершины которыхъ окружены камнями.

По рѣкѣ Нурѣ у горъ Айлы тоже имѣется группа кургановъ и одинъ изъ нихъ выдѣляется своими большими размѣрами. Про него у киргизъ сложилось вѣрованіе, что въ немъ похороненъ какой-то калмыкъ со всѣмъ своимъ богатствомъ, стоимость, котораго больше стоимости 40.000 лошадей. Киргизы нѣсколько разъ принимались раскапывать эти богатства, но каждый разъ безуспѣшно: кто бы ни началъ работы, тотъ всегда умиралъ.

10) *Въ Токраунской волости*, у подошвы горъ Бегазы есть 4 замѣчательныя могилы, кругомъ которыхъ установлены каменные столбы, числомъ у каждой могилы—18 и болѣе (см. таб. IX рис. 25); столбы вышиною отъ $1^1/_2$ до 2 арш. Въ долинѣ рѣчки Джолоначъ имѣется весьма странная могила. На совершенно плоской мѣстности поставлены стойкомъ небольшія каменныя плиты. Камни эти установлены такъ, что образуютъ видъ лодки, поперекъ которой положены двѣ узкія каменныя плиты, на подобіе скамеекъ (см. рис. 29 таб. IX).

11) *Въ Темирчинской волости*, въ окрестностяхъ горъ Кызылъ-рай и Темирчи существуютъ такіе же курганы, какъ и у Кызылъ-Таса.

12) *ВъЧубартавской волости*, на сѣверо-западной сторонѣ горъ Коктасъ и въ во-

сточной сторонѣ горъ Чубаръ-айгыръ имѣется девять кургановъ, сложенныхъ изъ земли въ прослойку съ мелкимъ камнемъ.

13) *Въ Бюрлинской волости* находятся два кургана: одинъ въ 3-хъ верстахъ отъ южнаго склона горъ Мыржыкъ, а другой на восточной сторонѣ горъ Кызылъ-адыръ, вблизи рѣчки Ащи-су. Оба кургана средней величины и съ небольшими углубленіями на вершинахъ, кругомъ же обложены камнями и обведены едва замѣтнымъ рвомъ.

14) *Въ Кувской волости*, на правой сторонѣ рѣчки Тере-кашканъ, въ 4 верстахъ на юго-востокъ отъ горы Ку находятся въ разстояніи ста саженей другъ отъ друга два кургана, сложенные изъ мелкихъ камней съ землею. Одинъ изъ нихъ въ окружности до тридцати саженей и вышиною болѣе 2 саж., а второй въ окружности до 35 саж. и высотою не болѣе сажени. Къ первому кургану съ сѣверной стороны примыкаетъ невысокая ограда, овальной формы, изъ поставленныхъ стойкомъ каменныхъ плитъ. За оградою, ближе къ кургану, имѣются двѣ небольшія насыпи изъ камней, такая же насыпь имѣется внѣ ограды. Эти насыпи есть, повидимому, на что иное, какъ курганы, но сложенные исключительно изъ однихъ камней; величина ихъ по окружности не болѣе саженей десяти, а высота не болѣе двухъ аршинъ.

По сообщенію Н. Коншина изъ числа 22 киргизскихъ волостей Каркаралинскаго уѣзда управители 9 волостей отозвались, что никакихъ памятниковъ старины въ ихъ волостяхъ нѣтъ, управители же остальныхъ 13 волостей сообщили слѣдующія свѣдѣнія.

Въ Абралинской волости курганы находятся на урочищахъ Большіе и Малые Абралы и др. Курганы стоятъ преимущественно въ одиночку, рѣже группами отъ 2 до 4. На курганахъ есть круги изъ камня, а на ихъ верхушкахъ—углубленія.

Въ Акботинской волости есть до 20 кургановъ на урочищахъ Койтасъ и Ительды. Углубленій на курганахъ незамѣтно, но есть круги изъ камня.

Въ Аксаринской волости, по отзыву управителя, масса кургановъ, но никакого описанія ихъ не представилъ.

Въ Бюрлинской волости курганы есть на уроч. Койтасъ, Майкапчагай, Кара-Уйгуръ, Каражалъ, Кійкъ-су, Тасъ-су и др. Всего въ волости кургановъ 250.

Въ Кызылтавской волости курганы находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ:

На лѣвомъ берегу р. Нуры, въ 5 вер. отъ горы Байгулъ, есть два небольшихъ никѣмъ не развѣдывавшихся кургана. Другъ отъ друга они отстоятъ на 1 вер.

На томъ-же берегу р. Нуры, на западъ отъ зимовки киргизы Кулуке Булхакова есть огромный курганъ съ углубленіемъ на вершинѣ. Вокругъ кургана замѣтны слѣды широкаго и глубокаго нѣкогда рва.

На лѣвомъ берегу р. Сары-су, приблизительно въ 1 вер. отъ зимовки киргиза Кошкынбая Байдасова, есть курганъ, окруженный небольшимъ рвомъ.

На лѣвомъ берегу р. Талды, недалеко отъ могилы киргиза Беркаринской волости Сянкабая, напротивъ горы Байгулъ есть болѣе 10 кургановъ съ кругами изъ поставленныхъ ребромъ четырехъугольныхъ камней.

Въ Моинтинской волости на ур. Акъчокы есть 4 кургана съ кругами изъ камня. Курганы расположены одинъ отъ другого въ разстояніи 500 шаговъ.

Въ Сартавской волости курганы есть на урочищахъ Доголанъ, Сартау, Токай, Койтасъ, Аиртасъ и Джамантасъ. На всѣхъ курганахъ есть круги изъ камня.

Въ Темирчинской волости курганы расположены въ слѣдующихъ мѣстахъ:

При рѣчкѣ Тесикъ-аканъ есть большой курганъ, окруженный рвомъ.

При рѣчкѣ Кузь-джаманъ—4 невысокихъ кургана съ мелкимъ камнемъ.

Въ долинѣ Бурукъ-тасъ—18 кургановъ. Изъ числа этихъ кургановъ 13 плоскіе, безъ углубленій; на 3 есть углубленіе, а передъ 3 поставлены каменныя плиты безъ всякихъ изображеній.

Въ долинѣ между горами Кара-тумсукъ и Пушукъ есть 5 невысокихъ кургановъ, обложенныхъ вокругъ камнемъ.

Въ долинѣ около рѣчки Даулъ—4 кургана.

На сопкахъ Акъ-тюбе—3 группы въ 3, 12 и 4 и отдѣльно стоящій курганъ. Около послѣдняго поставленъ камень безъ всякихъ изображеній.

На ур. Кень-асу вблизи дороги—4 группы въ 3, 2, 10 и 2 кургана. Во второй группѣ одинъ курганъ высокій круглой формы съ углубленіемъ на верхушкѣ, другой поменьше; на обоихъ есть круги изъ камня и плиты безъ изображеній. Въ послѣдней группѣ одинъ курганъ обложенъ каменнымъ кругомъ; возлѣ кургана поставлена каменная баба въ $1^1/_2$ арш. ростомъ.

На ур. Басъ-оба есть 3 кургана.

Въ долинѣ между горъ Акъ-чоку и Балагасъ—17 кургановъ.

На ур. Джаныспай-кабагы—1 небольшой курганъ, около котораго поставлена каменная баба.

Въ *Токраунской волости* на ур. Бегазы есть 10 кургановъ круглой формы съ насыпью изъ мелкаго камня. Около 3 изъ нихъ по четыремъ угламъ поставлено по камню высотой до $2^1/_2$ арш., 3 обложены у основанія крупными камнями въ $^1/_2$ арш. высотой, у остальныхъ же 4 на верхушкахъ поставлено по камню высотой въ 3 арш.

Въ *Чубартавской волости* масса кургановъ находится въ мѣстности Коктасъ. Всего въ волости болѣе 200 кургановъ.

Въ *Эдрейской волости* есть курганъ на вершинѣ горы Эдрей, безъ углубленія. Киргизы называютъ этотъ курганъ „Кара-курганъ".

УСТЬКАМЕНОГОРСКІЙ УѢЗДЪ.

По сообщенію Н. Коншина изъ числа 13 киргизскихъ волостей Устькаменогорскаго уѣзда управители 3 волостей отозвались, что никакихъ памятниковъ старины въ ихъ волостяхъ нѣтъ, управители же остальныхъ 10 волостей сообщили слѣдующія свѣдѣнія.

Въ Аиртавской волости курганы есть на ур. Айдарлы въ 2 вер., на востокъ отъ зимовки киргиза Чолова.

Въ Алтайской волости группы изъ болѣе чѣмъ 20 кургановъ есть на ур. Теректы, Манкій и Тюбекъ.

Въ Колбинской вол. курганы расположены недалеко отъ поселка Маріинскаго и по обѣимъ сторонамъ дороги, соединяющей поселки Георгіевскій и Николаевскій. Часть кургановъ раскопана.

Въ Кулуджунской волости есть 1 курганъ на ур. Буконъ, около волостного дома.

Въ *Нарымской вол.* курганы есть въ раіонѣ 2-го и 5-го старшинствъ.

Въ *Себинской вол.* есть около 8 кургановъ вблизи рѣчки Джелды-узекъ, впадающей съ правой стороны въ рѣчку Себинку, приблизительно въ 17—18 вер. отъ г. Устькаменогорска. Курганы изъ мелкаго горнаго камня съ небольшими углубленіями на верхушкахъ.

Въ *Сулусаринской вол.* есть 5 кургановъ въ раіонѣ 1-го, 4-го и 6-го старшинствъ по рѣчкамъ Уланкѣ и Канайкѣ.

Въ *Чингистайской вол.* есть 2 древнихъ могилы.

Изъ числа 4 казачьихъ станицъ Устькам. уѣзда свѣдѣнія о памятникахъ старины получены изъ 2 станицъ.

Курганы есть на ровныхъ мѣстахъ въ одиночку на земляхъ Красноярскаго поселка: на верхушкѣ у кургановъ углубленія.

По сообщенію В. Никитина курганы еще имѣются:

1) Въ урочищѣ „Караба“ къ С. отъ Аиртавскаго волостного дома, въ раіонѣ *Уланской волости* находится три кургана; первый—въ 50 арш. въ окружности, имѣетъ на вершинѣ камни; второй—меньше перваго (разрытъ) съ двумя опрокинутыми каменными бабами, сильно вывѣтренными; третій, тоже разрытый, имѣтъ сбоку каменный столбъ съ едва замѣтнымъ высѣченнымъ изображеніемъ монгольскаго лица. Всѣ эти курганы не высоки (не превышаютъ 2 саж. по перпендикуляру къ центрѣ) и осыпаны камнями.

2) Въ долинѣ „Сополадъ“ имѣется два кургана, каждый съ двумя простыми каменными бабами. Курганы по внѣшнему виду ничѣмъ не замѣчательны.

3) Въ уроч. „Кукунь“ находится группа кургановъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются бабы.

4) Близъ пос. Чистоярскаго при впаденіи тѣчки Канайки въ р. Иртышъ имѣется курганъ огромныхъ размѣровъ; этотъ курганъ окрестные жители считаютъ за древнюю крѣпость.

ЗАЙСАНСКІЙ УѢЗДЪ.

По сообщенію В. Никитина курганы въ Зайсанскомъ уѣздѣ имѣются:

1) Близъ пикета Базаровскаго (Зайсанскаго тракта), въ предгорьяхъ Кіемойнака, находится 40 кургановъ, носящихъ калмыцкое названіе „Крыкъ-оба“. Въ этихъ же мѣстахъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ песчаные бугры, извѣстные подъ общимъ названіемъ „чудскихъ могилъ“ и расположенные по обѣимъ сторонамъ рѣчки Карабугинки, преимущественно же по лѣвой ея сторонѣ.

Въ 1880 г, на одномъ изъ этихъ бугровъ киргизскій мальчикъ случайно отрылъ сѣдло старинной формы, обдѣланное въ серебро и обитое золотыми гвоздями, но фактъ этотъ, сообщенный мѣстной администраціи, не могъ быть съ точностью провѣренъ, потому что мальчикъ, нашедшій сѣдло, оказался китайскимъ подданнымъ и въ предѣлахъ Зайсанскаго уѣзда не найденъ. Дальнѣйшихъ раскопокъ въ той мѣстности, кажется, не производилось.

2) Около сѣвернаго склона Монракскихъ горъ есть нѣсколько выдающихся размѣрами кургановъ. Только одинъ изъ нихъ, слывущій подъ названіемъ „Мыктынъ-Уй“, отличается крупными размѣрами.

Въ той-же мѣстности (на сѣверной сторонѣ Монрака) вблизи города Зайсана, есть большой курганъ, отъ времени уже разрушившійся.

3) Чиликтинская долина (между горами Тарбогатаемъ, Сауромъ и Монракомъ, въ ширину около 50 верстъ и въ длину около 80 в.). По этой долинѣ по направленію съ С. на Ю., т. е отъ Монрака къ Тарбогатаю, тянется непрерывный рядъ кургановъ, числомъ до 70, изъ которыхъ до 20 рѣзко выдѣляются большими размѣрами. Всѣ курганы—одного и того же характера: насыпи сверху имѣютъ воронко-образное углубленіе, а кругомъ обложены нѣсколькими концентрическими кругами изъ камней. На вершинахъ большихъ кургановъ Чиликтинской долины въ настоящее время красуются постройки новѣйшихъ временъ: это киргизскіе памятники на могилахъ (муллушки), возведенные изъ сырцевого кирпича. Такія постройки отлично охраняютъ цѣлость кургана, такъ какъ могила предка священна для киргиза, и тамъ, гдѣ она есть, кладоискатели не рѣшаются тронуть насыпь.

Въ той же долинѣ около прохода въ Тарбогатаѣ „Чоганъ-обо“ есть два кургана, рѣзко отличающіеся по характеру постройки отъ другихъ кургановъ долины: они завале-

лены массивными камнями и на верху имѣютъ большія котлообразныя углубленія.

На западной сторонѣ той-же долины, около прохода „Иссыкъ", ведущаго въ Зайсанскую долину, и около рѣчки Терсъ-Айрыка есть довольно большое количество небольшихъ кургановъ, обложенныхъ кругообразно камнями, преимущественно кварцевой породы. Здѣсь на одномъ изъ кургановъ стоитъ каменная баба.

4) Горы Арганаты. Горы эти раздѣляются на двѣ отдѣльныя группы, подъ названіемъ Джаксы и Джаманъ-Арганаты. Около этихъ горъ въ урочищѣ „Ой-Чиликъ" находится до 50 кургановъ, извѣстныхъ также подъ названіемъ „чудскихъ могилъ". Устройство этихъ могилъ одинаково съ другими: воронкообразныя углубленія и круги изъ кимней.

На западной сторонѣ Джаксы-Арганатовъ по ущелью, почти пересѣкающему эти горы, въ которомъ находится зимовка киргиза Чаянбаева, сохранился большой, составленный изъ гранита и плитняка Чудской бу горъ, имѣющій сверху углубленіе обыкновенной формы.

5) Въ окрестностяхъ города Кокпектовъ находится также много кургановъ.

Помимо окрестностей г. Кокпектовъ, курганы встрѣчаются въ большомъ количествѣ и по всей Кулундунской степи, отъ Колбинскихъ горъ до р. Иртыша. Главнѣйшія группы кургановъ въ этой степи находятся въ разныхъ мѣстахъ теченія Большой и Малой Букони и по другимъ меньшимъ рѣчкамъ, а именно:

6) Близъ селенія Преображенскаго и Чалаказакскаго курганы встрѣчаются въ огромномъ количествѣ, но не малое число ихъ разграблено.

7) На берегу р. Малой Букони, близъ проселечной дороги на пикетъ Караджалъ изъ поселка Буконскаго къ Ю. отъ горъ Майтюбе (группа Колбинскихъ), на ур. Чигиръ-Аши находится шесть кургановъ, усыпанныхъ бѣлыми камнями. Изъ нихъ одинъ разграбленъ. Такой-же усыпанный бѣлыми камнями курганъ находится восточнѣе этой рѣки въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ „Тума". Эти курганы киргизы называютъ „богатыми", указывая на присутствіе бѣлыхъ камней. По ихъ мнѣнію, бѣлый камень—вѣрный признакъ, что въ такихъ курганахъ зарыты богатства. (См. таб. VII рис. 13).

По сообщенію Н. Коншина изъ числа 16 киргизскихъ волостей Зайсанскаго уѣзда управители 6 волостей отозвались, что никакихъ памятниковъ старины въ ихъ волостяхъ нѣтъ, управители же остальныхъ 10 волостей сообщили слѣдующія свѣдѣнія.

Въ *Базарбевской волости* есть 1 могильный курганъ на ур. Бай-губа съ раскопаннымъ углубленіемъ на верхушкѣ.

Въ *Богасовской волости* курганы находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Въ раіонѣ 1-го старшинства есть 2 кургана въ долинѣ при выѣздѣ изъ Муздысая.

Въ раіонѣ 2-го старшинства по одному кургану изъ камней на ур. Алемды-кезень и Кара-кезень и по одному такому же кургану съ углубленіемъ на вершинѣ горы Кызылъбіикъ.

Въ раіонѣ 4-го старшинства на ур. Акъ-тасты вблизи рѣчки Богасъ есть 2 большихъ кургана съ верхушками изъ камней. Вокругъ одного кургана устроено что то въ родѣ четырехъ угольной каменной ограды съ двумя отверстіями; параллельно оградѣ находятся бѣлые камни.

Въ томъ же старшинствѣ на ур. Кешты по р. Богасъ разбросано 7 кургановъ; на ур. Толагай есть 1 курганъ изъ камней и на сѣверной сторонѣ ур. Караджалъ 1 курганъ съ кругомъ изъ камней.

Въ раіонѣ 5-го старшинства на ур Бекперды-чубекъ есть 4 кургана изъ камней,

два изъ нихъ съ кругами изъ камней; на ур. Джалгысъ-тасъ—1 курганъ изъ камней съ углубленіемъ на вершинѣ; на ур. Отеншай-тюбекъ 2 кургана изъ камней, одинъ изъ нихъ съ кругомъ изъ камней; на лѣвой сторонѣ рѣчки Базарки вблизи ур. Чувакъ-тюбекъ 3 каменныхъ кургана съ углубленіемъ на вершинѣ, одинъ изъ нихъ съ кругомъ изъ камней; на правой сторонѣ рѣчки Богасъ на ур. Кара-оба 3 небольшихъ и 1 большой курганъ, расположенныхъ близко одинъ отъ другого. Одинъ изъ небольшихъ кургановъ имѣетъ кругъ изъ камня, а вокругъ большого есть ровъ глубиною около 2 арш. и шириною 1½ саж.

Въ раіонѣ 6-го старшинства—1 небольшой курганъ на ур. Толагай.

Въ раіонѣ 7-го старшинства на ур Толагай-джелке, есть группа изъ 6 кургановъ съ углубленіемъ на верхушкахъ. Между курганами поставленъ стойкомъ камень.

Въ раіонѣ 8-го старшинства на западной сторонѣ ур. Караждалъ 3 кургана изъ камней, съ углубленіемъ на верхушкахъ.

Въ раіонѣ 9-го старшинства курганы, всѣ съ углубленіемъ на верхушкѣ, находятся: 1) небольшой у подножья Тарбогатая на ур. Кенерле, 1 такой же на ур. Косъ-тюбе, 2 на ур. Акджалъ и 2 на ур. Сары-чоку-корукъ.

Въ *Кольджирской вол.* группы изъ 10 и болѣе кургановъ находятся на ур. Джурпа-кабакъ земляные, Култабаръ-тума частью такіе же, частью изъ камней, съ углубленіемъ на верхушкѣ; Беке-тума изъ камней, при выходѣ р. Кольджиръ изъ горъ каменные съ углубленіемъ на верхушкѣ, на ур. Тастакъ плоскіе съ небольшой насыпью мелкаго камня, Соръ-такта земляные и на ур. Кара-ое 1 курганъ изъ камней, въ серединѣ котораго поставлена каменная баба.

Въ *Лабинской вол.* находятся: въ раіонѣ 1-го старшинства —3 кургана въ одиночку и группы изъ 3 кургановъ, 2-го старшинства—4 кургана въ одиночку, изъ нихъ 1 съ каменной бабой, 3 го старшинства—2 кургана въ одиночку, 4-го старшинства—5 кургановъ въ одиночку, изъ нихъ одинъ большой, 5-го старшинства—2 кургана въ одиночку, изъ нихъ одинъ съ каменной бабой—6-го старшинства группы изъ 2, 3, 2 и 2 кургановъ и въ раіонѣ 7-го старшинства—2 кургана въ одиночку, изъ нихъ одинъ большой.

Въ *Нарынской вол.* есть 3 группы кургановъ на сѣверномъ склонѣ Тарбогатая въ долинѣ у его подножія, между ключомъ Акъ-суатъ и рѣчкой Базаркой. Первая группа состоитъ изъ 18 кургановъ, расположенныхъ съ юго-запада на сѣверо востокъ двумя параллельными рядами. Вся площадь, занятая курганами, имѣетъ въ ширину 30 саж. и въ длину около ¾ вер. На верхушкѣ нѣкоторыхъ кургановъ есть углубленіе и почти у всѣхъ круги изъ камней. Вторая группа, называемая мѣстными киргизами Джеты-оба, состоитъ изъ 7 кургановъ, изъ которыхъ 5 расположены по одной линіи съ Ю.-В. С-З. на протяженіи ¼ в. въ, а 2 кургана стоятъ въ 100 саж. отъ первыхъ на на В. Камней на курганахъ нѣтъ. Третья группа состоитъ тоже изъ 7 кургановъ, изъ которыхъ 4 расположены по одной линіи на разстояніи 1 в. отъ первыхъ на Ю З. Группа имѣетъ у киргизъ названіе „Тортъ оба.“ Камней на курганахъ не замѣтно.

Въ *Терскѣ-Айрыкской вол.* курганы находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ:

По сообщенію старшины аула № 1 Крыкпая Тогузбаева: на ур. Кожуръ 1, на ур. Морча-Кезень 5 и на ур. Тень-чикканъ 3. Всѣ курганы изъ камней, съ закругленными верхушками, безъ углубленій.

По сообщенію старшины аула № 2 Амалбая Тосакова: на ур. Каратактай 5 кургановъ, уроч. Баиканъ 4, Кара-су 3 и у рѣчки Уласты 5. Всѣ курганы расположены по одиночкѣ, углубленій на нихъ нѣтъ.

По сообщенію старшины аула № 3 Джерамана Конукина: на ур. Карабоковъ 3 курга-

на, ур. Кызылъ-Кесыкъ 1 съ киргизской могилой на верху, на ур. Джангыръ-таль 1 курганъ съ круглымъ верхомъ и на ур. Кесыкъ 1 такой же курганъ, окруженный оградой изъ камней.

По сообщенію старшины аула № 4 Тишбая Джангозина: на ур. Кебейдалакай 1 курганъ съ углубленіемъ на верхушкѣ, ур. Манасъ 1 курганъ съ круглымъ верхомъ и на ур. Боеща 5 такихъ же кургановъ расположенныхъ въ рядъ.

По сообщенію старшины аула № 5 нѣсколько небольшихъ кургачовъ есть на ур. Боеща. Углубленій на нихъ нѣтъ.

Въ *Чиликтинской вол.* курганы находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Въ раіонѣ 1-го старшинства: на ур. Чиганъ-оба есть группа изъ 41 кургана и группа изъ 25 кургановъ на ур. Карачайлы —13 кургановъ, на ур. Сартумсукъ находится 13 кургановъ, на ур. Кызылдеге—14, на ур. Амбы 16, на ур. Амильды—43, на уроч. Койтасъ—7, на ур. Чиликъ-джага—19.

Въ раіонѣ 2-го старшинства: на уроч. Бизьсалада—9 кургановъ, на ур. Азла-тума —4 кургана, на ур. Битпай – 3, на ур. Кишкинэ-джильды—3, на ур. Бибишъ-джилъ—1, на ур. Кень-булакъ—1, на ур. Кырчентасъ —4. На верхушкѣ самого большого кургана есть углубленіе. На курганѣ поставлена каменная баба. На ур. Тюртъ кульджута—5 земляныхъ кургановъ. На верхушкѣ самаго большого кургана есть углубленіе въ 1 арш. На курганѣ каменная баба.

Въ раіонѣ 3-го старшинства: на ур. Акимбетъ-булакъ 297 кургановъ.

Въ раіонѣ 4-го старшинства: на ур. Кань-су—7 кур. на ур. Джаманъ-дала—34, на ур. Терсъ-айрыкъ—273, на ур. Кайранъ-булакъ-дала—15 кургановъ; на ур. Балды-кызылъ-кара-чеку—87 кургановъ; на уроч. Чиликты - 17. Около и въ окрестности волостного дома на двухъ курганахъ имѣются киргизскія могилы.

Въ раіонѣ 5 го старшинства: на ур. Амбы-сой имѣется 3 кургана; на ур. Чпликъ —6; ур. Каскаджулъ—11, на самомъ большомъ курганѣ есть углубленіе; на ур. Кенузекъ—7 кургановъ; на ур. Джаркура—4, на ур. Сарыкура – 2, на ур. Карачека—2, на ур. Сарбактура—19 кургановъ, на самомъ большомъ курганѣ есть киргизская могила; на ур. Кызылкура—8, на Кепиръ-булакъ —6 и одинъ съ двумя киргизскими могилами; на ур. Акчека—12; на ур. Сартъ-тюсъ —4; на ур. Альменъ-бптъ—4; на ур, Карачагылъ—4; на ур. Караджука—8; на ур. Камчакалды—13; на ур. Карачека—10; на ур. Уртень-булакъ – 15; на ур. Айна-булакъ —10; на ур. Кызылчека – 13.

Въ раіонѣ 6-го старшинства: на ур. Узунъ-булакъ—13 кургановъ; на ур. Саралъ-кызылъ—6, на ур. Кулама-чагылъ—1 курганъ; на ур Адамъ-чикласъ-дасъ-таръ—14; на ур. Акдамбай-кара-чека—12 кургановъ, на ур. Сарыбулакъ—11, на ур. Маиль-бокъ —16 кургановъ, на ур. Бугунъ-бай—19, на ур. Тотанъ-дала—5, на ур. Малдай-бокъ-тере —14 кургановъ.

Въ раіонѣ 7-го старшинства: на ур. Джанасетъ—9 кургановъ, на ур. Монракъ—22, вокругъ одного изъ кургановъ есть каменная ограда, на ур. Келенчикъ—3 кургана, на ур. Джагильма—11, на ур. Текъ-турмасъ—22, на ур. Читъ-аралъ—25, на ур. Есбалденьсай —12 кургановъ.

Въ раіонѣ 8-го старшинства: на ур. Карабульдукъ—4 кургана, на ур. Кишкинэ-чать —10 и одинъ каменный съ углубленіемъ. На ур Терсъ-айрыкская-долина—55.

Въ раіонѣ 9-го старшинства: на ур. Ашлы-булакъ—11 кургановъ, на ур. Сары-умень —55, на ур. Башпа-булакъ - 24, на ур. Утемысъ-чаты—5, на ур. Келенчикъ—20 кургановъ, на ур. Актюбе—11 кургановъ.

Въ *Чоргинской вол.* на правой сторонѣ дороги, идущей изъ Чоргинскаго пикета на ур. Джесты-арамъ, приблизительно въ 5 вер. отъ пикета есть 2 могильныхъ кургана и въ

1 вер. отъ нихъ на западъ еще 1 курганъ. На каменныхъ круговъ, ни углубленій на нихъ нѣтъ.

Въ *Хабаръ-Асуйской вол.* на ур. Сасыкъ-су, въ 40 вер. отъ Чоргинскаго пикета, на правой сторонѣ дороги, идущей изъ этого пикета къ первому Сай-озу, есть могильный курганъ, имѣющій въ высоту около 5 арш. и въ окружности у основанія 138 шаговъ. На вершинѣ кургана ровная площадка съ діаметромъ въ 10 шаговъ. Вокругъ кургана на протяженіи 235 шаговъ, былъ устроенъ изгладившійся отъ времени ровъ, глубиной теперь $^3/_4$ арш. и шириной 4 арш.

На увалѣ по правой сторонѣ рѣчки Тамырсыкъ, въ 4 вер. на Ю.-В. отъ волостного дома, около разрытаго давно кургана, стоитъ врытый въ землю каменный столбъ съ изображеніями въ видѣ кружковъ и еще какихъ-то знаковъ. Къ Ю.-В. отъ этого столба есть 2 кургана, называемые мѣстными киргизами Кара оба. Одинъ курганъ, имѣющій въ окружности у основанія 146 шаговъ и въ высоту 5 арш., окруженъ четырехъстороннимъ рвомъ, причемъ на западной и восточной сторонахъ оставлены входы къ кургану, какъ бы въ родѣ мостковъ. Другой курганъ, стоящій сѣвернѣе перваго, имѣетъ въ окружности у основанія 155 шаговъ и въ высоту около 5 арш. Курганъ окруженъ съ четырехъ сторонъ линіями камней въ видѣ ограды. На вершинѣ кургана площадка съ діам. въ 12 арш. На площадкѣ небольшое углубленіе. Склоны кургана обложены мелкимъ камнемъ.

Болѣе мелкіе курганы, чѣмъ описанные, разбросаны по всей волости въ очень значительномъ количествѣ.

Изъ числа двухъ казачьихъ станицъ Зайсанскаго уѣзда, свѣдѣнія получены только о Буконскомъ поселкѣ Кокпектинской станицы. Въ раіонѣ названнаго поселка на ур. Бугры есть группа изъ 4 кургановъ, съ углубленіемъ на верхушкахъ.

Раскопки кургановъ.

СЕМИПАЛАТИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ 1898 г. мѣстный священникъ о. Георгій Васильевъ произвелъ пробныя раскопки кургановъ, расположенныхъ близъ с. Больше-Владимірскаго Семипалатинскаго уѣзда. Курганы небольшой величины, одинаковаго устройства, расплывчатой формы, съ ямами на вершинахъ; нѣкоторые изъ нихъ окружены канавами. Всего раскопано о. Васильевымъ 13 кургановъ. Подъ всѣми находились большія грунтовыя ямы, заключавшія склепъ, прикрытый сверху деревяннымъ потолкомъ на нѣсколькихъ деревянныхъ вѣнцахъ. Въ большинствѣ склеповъ найдены, вмѣстѣ со скелетами человѣка, кости лошади. Можно было замѣтить, что покойники погребались въ сидячемъ положеніи, съ приподнятыми колѣнами. При костяхъ найдены мелкія серебряныя и мѣдныя вещи, желѣзные наконечники стрѣлъ и копья. (См. Отчетъ Имп. Археол. Ком. за 1898 г.)

Свѣдѣнія о раскопкахъ имѣются еще въ статьѣ Н. Коншина. „О памятникахъ старины въ Семипалатинской области“. Авторъ статьи приводитъ отзывъ священника о. Васильева, который занимается раскопками. „При раскопкахъ въ Александровской волости на земляхъ деревни Мало-Владимірской и села Больше-Владимірскаго найдены: бронзовый топоръ около 5 ф. вѣсомъ, таковой же идолъ, стальныя копья, стрѣлы, мѣдныя и серебряныя украшенія и принадлежности женскаго наряда.

До запрещенія самовольныхъ раскопокъ киргизами и мѣстными крестьянами были находимы: кольчуги, копья, стрѣлы, колчаны и много серебряныхъ вещей. При объѣздѣ мѣстностей, богатыхъ курганами, очень часто попадались слѣды хищническихъ раскопокъ.

Во всѣхъ разрытыхъ съ разрѣшенія и самовольно неизвѣстными курганахъ находится черепъ, разрушенный скелетъ человѣка и около него скелетъ лошади.

На Самаѣ были раскопаны два большихъ кургана, расположенныхъ въ саженяхъ 20 другъ отъ друга; въ одномъ оказались кости крупныя, несомнѣнно мужскія, а въ другомъ мелкія, смѣшанныя съ дѣтскими костями. Въ насыпной землѣ одного и найденъ бронзовый топоръ, упомянутый выше; въ самой могилѣ очень глубокой, вещей не оказалось.“

ЗАЙСАНСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ „Отчетѣ Имп. Арх. Ком.“ за 1892 г. имѣются свѣдѣнія о томъ, что въ Семипалат

обл. въ Кокпектинскомъ округѣ около Букона въ одномъ изъ кургановъ найдена золотая статуетка кабана, теперь хранящаяся въ Имп. Эрмитажѣ.

Въ „Изв. Имп. Арх. Ком. за 1902 г. вып. 2 статья В. Никитина“ имѣются свѣдѣнія о томъ, что въ Зайсанскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ города Кокпектовъ производились въ разныя времена раскопки кургановъ хищническимъ путемъ казаками и чалаказаками. По сообщенію того же г. Никитина свѣдущихъ изслѣдователей въ этихъ мѣстахъ бывало мало, а какую они могли принести пользу, говорятъ факты. Такъ изъ дѣлъ бывшаго Кокпектинскаго окружного приказа видно, что въ 1844 г., по просьбѣ Имп. Акад. науки, генералъ-губернаторъ западной Сибири предписалъ всѣмъ окружнымъ приказамъ, въ томъ числѣ и Кокпектинскому, изслѣдовать болѣе замѣчательные курганы, а нѣкоторые изъ нихъ разрыть. Цѣлью раскопокъ было открытіе череповъ древнихъ народовъ.

Руководствуясь такимъ распоряженіемъ засѣдатель Кокпектинскаго приказа Сухомлиновъ разрылъ курганъ, находившійся въ 170 саж. отъ жилыхъ мѣстъ Кокпектовъ, гдѣ тогда предполагалось возведеніе казенныхъ построекъ. На глубинѣ около 2 саж. имъ было найдено нѣсколько развалившихся человѣческихъ череповъ и костей скелета; кромѣ того, 4 золотыхъ серьги въ $1^1/_2$ золотника и тонкія золотыя пластинки съ выбитыми фигурами въ $^1/_2$ золотн., всего же найдено было мелкихъ золотыхъ вещей вѣсомъ 20 золотниковъ. Подобныя находки въ Кокпектинскомъ округѣ, по словамъ Сухомлинова, были нерѣдки.

Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ.

Интересное сообщеніе о каменныхъ бабахъ Семипалатинской обл. мы находимъ у Палласа. Авторъ говоритъ, что въ двухъ верстахъ отъ Озерной станицы течетъ ручеекъ Баба, прозванный такимъ именемъ по плоскому и овальному камню, на которомъ высѣчено человѣческое лицо. Это изваяніе стояло на курганѣ, обложенномъ камнями, на лѣвомъ берегу ручейка; но его повалили, далѣе когда разрыли могилу.

Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ Семипалат. обл. имѣются въ статьѣ Н. Коншина (см. въ Зап. Семипал. подъотдѣла Западно-Сиб. отдѣла Имп. Русск. геогр. общ. вып. I, 1903 г. „*О памятникахъ старины въ Семипалатинской области*") именно:

СЕМИПАЛАТИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Стр. 4—На ур. Сынтасъ въ Кандыгатайск. вол. находится курганъ, обложенный камнями, на которомъ стоятъ 3 каменныя бабы, высотой около 1 аршина.

Стр. 4—Въ Энрикейской волости на ур. Косъ-булакъ есть курганъ, около котораго стоитъ сѣрый жерновой камень съ изображеніемъ человѣческаго лица.

Стр. 5—Въ Чингизской вол. на С.В. склонѣ горы Джаксыбай около ключа Женытке-булакъ находится земляной курганъ, обложенный камнями, на Ю-В сторонѣ котораго поставлены 3 камня, длиною до 2 и шириною въ 1/2 арш. На двухъ изъ этихъ камней сдѣланы изображенія человѣческаго лица.

Стр. 6—На земляхъ Убинской станицы на Мокромъ лугу около кургана вкопаны двѣ каменныя бабы.

ПАВЛОДАРСКІЙ УѢЗДЪ.

Стр. 9. Въ Аккелинской волости, на ур. Аралъ-тюбе около кургановъ поставлены каменныя бабы, всѣ съ изображеніями человѣческаго лица. На ур. Джаманкулъ, Джилътау, Жиланды, Бестюбе и др. есть много могилъ; около нѣкоторыхъ поставлены каменныя бабы съ изображеніемъ человѣческаго лица. Всѣ такія могилы киргизы считаютъ калмыцкими.

Стр 15. Въ Баянъ-Аульской станицѣ, на уроч. Сынтасъ въ 25 верстахъ отъ ст. есть 3 каменныя бабы изъ обтесаннаго камня, высотою въ ростъ средняго человѣка. Рукъ и ногъ у бабы нѣтъ, а высѣчены толь-

ко головы съ человѣческимъ лицомъ. Бабы вкопаны въ землю стойкомъ.

Въ этой же Баянъ-аульской волости по свѣдѣнію В. Никитина, [1]) на ур. Керге-Танъ находится курганъ, на немъ три каменныя бабы съ грубыми изображеніями лицъ.

По сообщ. того же Никитина еще каменныя бабы находятся:

1) На ур. Ечень булакъ въ Аксуйской волости, вблизи зимовки Атаки Кошкенева имѣются три могилы, обложенныя камнями; при одной имѣется баба съ изображеніемъ лица.

2) Въ Карамолинской вол., въ 14 в. отъ Баянъ-аула, около ключа, на возвышенномъ мѣстѣ есть каменная баба, вышинной въ 4 арш.

3) Въ Акпетавской вол. на зимовкахъ Антенева имѣются двѣ каменныя бабы съ высѣченными челов. лицами.

КАРКАРАЛИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ „Вѣстникѣ Имп. Русск. Геогр. Общ.“ за 1856 г. на стр. 257 „Записки о Коканд скомъ ханствѣ хорунжаго Потанина (1830) съ примѣчаніями Савельева“ имѣются слѣдующія указанія: „Около горы Темирчи видѣлъ я аршина въ три высотою каменный столбъ съ изображеніемъ лица человѣческаго; а подлѣ горы Кызыль-Рай, надъ ключемъ Бегазы-Булгъ также нѣсколько столбовъ съ изображеніемъ же лицъ человѣческихъ и четырехугольныя плиты, вдавшіяся въ землю боками своими и стоящія косвенно..... изображенія на столбахъ сдѣланы довольно искусно. Магометане почитаютъ мѣсто это священнымъ и Киргизы и Ташкентиры и другіе народы, исповѣдающіе магометанскую религію, проѣзжая мимо онаго, останавливаются и приносятъ молитвы.„

[1]) См. Записки Имп. Русск. Археол. Общ. новая серія Т. VIII. вып. 1 и 2 стр. 211—219. и въ Изв. Имп. Арх. Ком. за 1902 г. вып. 2.

По сообщенію Н. Коншина каменныя бабы имѣется въ Темирчинской вол. (см. стр. 18) на ур. Кенъ-асу возлѣ кургана, обложеннаго каменнымъ кругомъ; баба въ $1^1/_2$ арш. ростомъ съ изображеніемъ человѣческаго лица, 2) На ур. Джаныспай-Кабагы, около небольшого кургана имѣется баба въ $1^1/_2$ арш. ростомъ.

По сообщенію В. Никитина каменныя бабы еще имѣются:

1) Въ уроч. Кызылъ-Чиликъ, близъ дороги въ Каркаралы-Кентской волости, двѣ каменныя бабы.

2) Въ ур. Бесъ-Тамакъ—двѣ бабы большихъ размѣровъ.

3) Въ горахъ Бахтахъ (группа Кентскихъ) въ восточной сторонѣ имѣются каменныя бабы гладкія, безъ высѣчекъ.

4) По рѣчкѣ Нуртай-Узенъ, въ окрестности горъ Курпетай и Нуртай въ Куринской волости вблизи кургановъ поставлены каменныя бабы.

5) Съ южной стороны горъ Кызылъ Тасъ въ недалекѣ отъ старыхъ построекъ стойкомъ стоитъ камень (баба) вышиною около двухъ аршинъ, съ изображеніемъ человѣка

УСТЬКАМЕНОГОРСКІЙ УѢЗДЪ.

По сообщенію В. Никитина [1]) каменныя бабы имѣются въ разныхъ мѣстахъ уѣзда.

1) Въ уроч. Караба къ С. отъ Аиртовскаго волостного дома, въ раіонѣ Уланской вол. находятся три кургана: первый – въ 50 арш. въ окр. имѣетъ на вершинѣ камни; второй—меньше перваго (разрытъ) съ двумя опрокинутыми каменными бабами, сильно вывѣтренными; третій, тоже разрытъ, имѣетъ сбоку каменный столбъ въ 3 арш. 9 верш. высоты, съ едва замѣтнымъ высѣченнымъ изображеніемъ монгольскаго лица.

[1]) См. Изв. Имп. Арх. Ком. за 1902 г. вып. 2.

2) Въ долинѣ Сополадъ имѣется два кургана, каждый съ двумя простыми каменными бабами.

3) Въ ур. Кукунь находится группа кургановъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются бабы.

По сообщенію Н. Коншина въ Уланской вол. около одного кургана по Уланкѣ поставленъ каменный столбъ (баба) съ изображеніемъ человѣческаго лица.

2) Въ Устькаменогорской станицѣ въ раіонѣ Устькаменогорскаго станичнаго поселенія на участкѣ войсковаго старшины Шайтанова есть камень съ изображеніемъ женщины.

ЗАЙСАНСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ Чиликтинской долинѣ, на западной сторонѣ, около прохода Исыкъ ведущаго въ Зайсанскую долину и около рѣки Тересъ-Айрыка, на одномъ изъ кургановъ стоитъ каменная баба, высѣченная изъ песчанника. Высота ея надъ поверхностью земли—немного болѣе аршина. [1])

Въ статьѣ Н. Коншина имѣются слѣдующія сообщенія о каменныхъ бабахъ Зайсанскаго уѣзда: стр. 24. Въ Кольджирской вол. на ур. Кара-ое есть курганъ изъ камней, въ срединѣ котораго поставлена каменная баба высотою около 3 арш.

2) Въ Лабинской вол. въ раіонѣ 2-го старшинства есть курганъ съ каменной бабой; въ раіонѣ 3-го 4-го и 5-го старш. имѣются каменныя бабы.

3) Въ Чиликтинской вол. въ раіонѣ 2 го старш. въ ур. Тюртъ-Кульджута на верхушкѣ большого кургана имѣется камень съ изображеніемъ головы и шеи человѣка.

Въ ур. Кыргентасъ на одномъ курганѣ поставлена каменная баба.

---

[1]) Сооб. В. Никитина.

Камни съ надписями или изображеніями.

СЕМИПАЛАТИНСКІЙ УѢЗДЪ.

По сообщенію Н. Коншина *) въ Коконьской вол. въ горахъ Коконь есть какія то надписи на скалахъ, а въ Энрекейской вол. на ур. Джаксы-Кара-джанъ, около зимовки киргиза Назара Батталова, на одномъ сѣромъ камнѣ-изображенія людей и звѣрей.

КАРКАРАЛИНСКІЙ УѢЗДЪ.

По сообщенію того же Н. Коншина на ур. Тамгамитасъ въ горахъ Джалгызъ-тау въ Абралинской вол., на камняхъ сдѣланы надписи на неизвѣстномъ языкѣ, а такъ же изображенія людей и животныхъ. (Объ этихъ надписяхъ упоминается у Никитина, см. Зап. Имп. Археол. общ. I.VII вып. 1—2, новая серія).

2) Въ Моинтинской вол. на камняхъ горы Кара-чокы есть изображеніе человѣческой головы, двухгорбаго верблюда и сдѣланы три маленькихъ круга, изъ которыхъ каждый раздѣленъ параллельными линіями на четыре части.

3) Въ Чубартавской вол. въ горахъ Саякъ на скалахъ есть надписи на неизвѣстномъ языкѣ, изображенія оленя, дикаго барана (архара) и пр.

Въ раіонѣ горъ Кенелы, Токраунской вол., по свѣдѣніямъ г. Никитина, на отдѣльныхъ камняхъ и на цѣлыхъ скалахъ имѣются на какомъ-то языкѣ надписи и изображенія разныхъ животныхъ.

*) См. статья Н. Коншина въ Зап. Семип. подъотдѣла Зап. Сиб. отд. Имп. Русск. геогр. общ. вып. I. 1903 г. „О памятникахъ старины въ Семипалат. обл.“.

УСТЬКАМЕНОГОРСКІЙ УѢЗДЪ.

По сообщенію Н. Коншина въ Уланской вол. при впаденіи въ Канайку ручья Сакау, на утесѣ сдѣлана надпись на неизвѣстномъ языкѣ.

2) Въ Уркорской вол. на ур. Джилы-булакъ, въ раіонѣ 4-го старшинства, около зимовки киргиза Тойбулды Куменева (или Кушенева) есть скала съ сдѣланными на ней изображеніями мараловъ, козловъ и пр. и надписями на неизвѣстномъ языкѣ.

3) Въ Устькаменогорской станицѣ въ раіонѣ Устькаменогорскаго станичнаго поселенія на участкѣ войскового старшины Шайтанова есть камень съ изображеніемъ женщины.

По свѣдѣніямъ Никитина близъ пикета Себинскаго Кокпектинско-устькаменогорскаго тракта на 5-й верстѣ по направленію къ

Сенташскому пикету, направо отъ тракта проложена дорога на пріискъ Никонова. По этой дорогѣ не доѣзжая до пріиска, на ровной скалѣ имѣется надпись, хорошо сохранившаяся.

ЗАЙСАНСКІЙ УѢЗДЪ.

По сообщенію Н. Коншина, въ Богасовско вол. въ горахъ Доланъ, на нѣкоторыхъ скалахъ сдѣланы изображенія людей и животныхъ.

2) Въ Нарынской вол. въ горахъ Джолытау около зимовки киргиза Чаябая на камняхъ высѣчены изображенія разныхъ животныхъ (повидиму мараловъ, архаровъ, волковъ, лисицъ) и стрѣляющихъ охотниковъ верхомъ на лошадяхъ. Такія же изображенія на камняхъ есть около зимовки киргиза Сарча Чакатова.

3) Въ Окпектинской вол. въ горахъ Кызылъ-тасъ, Окпекты, по рѣчкѣ Базаркѣ, на скалахъ имѣется изображенія животныхъ (архаровъ и мараловъ).

4) Въ Терсъ-Айрыкской вол. по сообщенію старшинъ, изображенія животныхъ на камняхъ есть на уроч. Аргайлы, Кокъ-кора, Кысымканъ, Джертасъ-кора, Койтасъ и Кутанай-булакъ.

5) Въ Чиликтинской вол. въ раіонѣ 3-го старшинства на правой сторонѣ рѣчки Куста, гдѣ идетъ дорога въ Дургуджукъ, есть скала, на которой высѣчены изображенія верблюда, архаровъ и еще двадцати животныхъ, различить породу которыхъ трудно, такъ какъ изображенія ихъ стерлись.

6) Въ раіонѣ 7-го старшинства на ур. Келенчикъ высѣчена на скалѣ цѣлая картина: два человѣка держатъ за поводъ осѣдланныхъ лошадей—одинъ одну лошадь и другой пять. Людей съ лошадьми окружаютъ дикія и домашнія животныя: 2 оленя, 9 дикихъ козъ, 5 горныхъ барановъ, 2 волка, 1 свинья, 1 козелъ и 1 собака. Около скалы вкопанъ стойкомъ камень высотою въ 2 аршина.

7) Въ Хабаръ-Асуйской вол. на увалѣ по правой сторонѣ рѣчки Тамырсыкъ, въ 4 вер. на Ю.-В. отъ волостного дома, около разрытаго давно кургана стоитъ врытый въ землю каменный столбъ, имѣющій въ высоту около 3 арш. ширину 12 верш. и толщину 6 верш. На столбѣ высѣчены изображенія въ видѣ кружковъ и еще какихъ то знаковъ.

По сообщенію Никитина [1]) на западной сторонѣ Джаксы-Арганатовъ по ущелью, почти пересѣкающему эти горы, въ которомъ находится зимовка киргиза Чаянбаева, сохранился большой, составленный изъ гранита и плитняка, Чудской бугоръ. Южнѣе этого бугра, шагахъ въ 130, находится скала средней величины, камни которой сохранили слѣды обтески: они ровные, гладкіе, съ выдолбленными изображеніями людей, звѣрей и домашнихъ животныхъ. Подвигаясь вверхъ по ущелью, шагахъ въ 150 отъ первой скалы, встрѣчается еще нѣсколько подобныхъ скалъ меньшаго сравнительно размѣра, съ такими же точно изображеніями, но въ другомъ порядкѣ. Такія же скалы съ изображеніями встрѣчаются и на юго-западной сторонѣ названныхъ горъ.

На южной сторонѣ Джаксы-Арганатовъ, въ верховьяхъ р. Терректы, возвышается сопка со скалистою вершиною. На горной сторонѣ одной изъ этихъ скалъ есть характерный памятникъ неоспоримой древности: на обтесанныхъ гранитныхъ камняхъ составляющихъ скалу, рельефно выдѣляются выризованныя красною краскою слѣдующія изображенія: животное, нѣсколько напоминающее слона, лошадь, человѣка и еще много другихъ изображеній, въ настоящее время трудно различаемыхъ. Тутъ же, почти напротивъ подъ нависшими утесами, на обтесанномъ камнѣ есть надпись, сдѣланная вперемѣшку красною и черною красками. Отдѣльныя части надписи имѣютъ большее сходство съ іероглифами, чѣмъ съ письменами извѣстныхъ народовъ. На этихъ-же камняхъ виднѣются еще какія-то изображенія и над-

---

[1]) См, Записки Имп. Археологич. Общ. Т. VIII вып. 1—2, новая серія.

писи, но онѣ едва замѣтны; всесокрушающее время на нихъ, видимо, подѣйствовало болѣе, чѣмъ на предыдущія.

Кругомъ описанныхъ мѣстъ видны развалины жилья, сдѣланнаго изъ камней: всюду разбросаны обтесанные камни, имѣющіе видъ большихъ кирпичей; земля въ этихъ мѣстахъ какъ-бы срыта. При стукѣ о скалу съ надписью слышенъ глухой звукъ, точно отъ внутренней пустоты, почему и можно предполагать существованіе пещеры, заложенной человѣческими руками. Послѣднее подтверждается и окружными киргизами, по словамъ которыхъ прежде въ этихъ мѣстахъ жили какія-то племена, которыя имъ были неизвѣстны.

2) Недалеко отъ Чоганскаго пикета Зайсанскаго почтоваго тракта, на Ю.-В. отъ горъ Лабасаркулъ, имѣется утесъ „Буръ-Тасчананъ“, на которомъ замѣтны надписи.

3) Въ Майтерекской волости, въ предгорьяхъ Алтая, по дорогѣ, ведущей на золотые пріиски Степанова и Москвина, на самой высокой вершинѣ, господствующей надъ всѣми окрестными долинами, включая и Зайсанскую, есть слѣдующій памятникъ древности: на темносѣромъ плитнякѣ небольшой скалы, которою заканчивается сопка, на гладкой поверхности вырисованы бѣлой краской изображенія горныхъ козловъ. Расположеніе фигуръ—разнообразное, а размѣръ ихъ слѣдующій: каждая фигура въ $1^1/_2$ вершка длины и 1 в. высоты; длина загнутыхъ полукругомъ роговъ $1^1/_2$ вершка. Разстояніе между фигурами очень малое и фигуры идутъ неправильными рядами, по 3 и по 4 въ каждомъ; рядовъ всего 5. Окраска фигуръ не поддается тренію камнемъ.

По поводу этихъ изображеній и виднѣющагося въ долинѣ большого кургана существуетъ слѣдующая киргизская легенда. Давно, очень давно жилъ въ Зайсанской долинѣ одинъ батырь. Однажды, по проискамъ его недруговъ возмутились подвластные ему киргизы и хотѣли его убить. Тогда батырь, оскорбленный безъ причины своимъ народомъ, удалился со всей своею семьею и оставшимися вѣрными слугами на эту вершину и оттуда высматривалъ оскорбившихъ его киргизъ и ненавистныхъ калмыковъ. Горе, если они попадались ему на глаза. Онъ, какъ молнія, устремлялся на нихъ и ихъ ждала неминуемая смерть. Такъ шли года, а оскорбленный батырь мстилъ безъ пощады; ни скромный путникъ, ни караванъ никогда не знали безопасности. Въ концѣ концовъ своими неожиданными и отважными нападеніями онъ навелъ такой паническій страхъ на киргизъ и калмыковъ, что они уже не осмѣливались показываться въ этихъ мѣстахъ. Между тѣмъ наступила старость. Предъ смертью батырь позвалъ своихъ родныхъ и вѣрныхъ слугъ и приказалъ имъ похоронить себя въ долинѣ, видъ на которую открывался съ вершины его горы, а на самой горѣ приказалъ нарисовать горныхъ козловъ „на память потомству, чтобы никто никогда не забывалъ, что оскорблять праваго и невиннаго не слѣдуетъ“. Похоронить же себя въ долинѣ онъ велѣлъ, прибавляетъ легенда, для того, чтобы могила ближе находилась къ врагамъ его и всегда внушала имъ такой же страхъ, какой онъ наводилъ на нихъ при жизни. И дѣйствительно, въ долинѣ между отдаленнымъ кряжемъ Букумбай и рѣкою Чернымъ Иртышемъ находится какая-то огромная древняя могила. Не могила ли это оскорбленнаго батыря и не по его ли имени названъ кряжъ „Букумбай“?

Доисторическіе рудники.

СЕМИПАЛАТИНСКІЙ УѢЗДЪ.

По сообщенію Н. Коншина *) на земляхъ Долонской станицы на уроч. Саръ-озекъ, въ раіонѣ Бѣлокаменскаго поселка, есть, какъ называютъ казаки Чудская копь.

УСТЬКАМЕНОГОРСКІЙ УѢЗДЪ.

По сообщенію Н. Коншина въ Алтайской вол. на золотыхъ пріискахъ по р. Курчуму и др. неоднократно находились ножи, стремена и пр.

2) Въ Бухтарминской станицѣ въ раіонѣ Бухтарминскаго станичнаго поселенія на ур. Первое сѣделко на одной горѣ сохранились слѣды рудничныхъ работъ.

ЗАЙСАНСКІЙ УѢЗДЪ.

По сообщенію Н. Коншина въ Терсъ-Айрыкской вол. на одномъ урочищѣ по р. Уласты есть копь, со слѣдами древней разработки. Слѣды древней же разработки золотыхъ пріисковъ замѣчаются по р. Терсъ-Айрыкъ.

*) См. статья Н. Коншина „О памятникахъ старины въ Семипалатинской области" въ зап. Семипал. подъотд. Зап. Сиб. отд. Имп. Русск. геогр. общ. вып. I. 1903 г.

КАРКАРАЛИНСКІЙ УѢЗДЪ.

По сообщенію Н. Коншина въ Абралинской вол., на ур. Калмакъ-тасъ въ Абралинскихъ горахъ замѣчаются слѣды древней разработки мѣдныхъ рудниковъ и плавки мѣди

По свѣдѣніямъ Н. Никитина *) въ Аксаринекой вол., на ур. Алтынды-Карасу имѣются слѣды древнихъ рудниковъ.

2) На вершинѣ горы Бурлы-Байтакъ въ Моинтинск. вол., имѣются слѣды древнихъ плавокъ, а древніе рудники встрѣчаются въ горахъ Айранъ и Акчаликъ, по ключу Джилы-булакъ, у сопокъ Джаланды и Учъ-кара.

3) На ур. Китай, въ Токраунской вол встрѣчаются древнія горныя разработки.

Въ „Запискахъ Уральскаго общества люб. Естеств. I.XIII вып. I." помѣщена статья „Памятники старины въ киргизской степи" изъ замѣтокъ г. Копалова. Изъ этихъ замѣтокъ, проредактированныхъ И. Г. Остроумовымъ, видно, что г. Копаловъ въ 1889-1890 г. г. посѣтилъ нѣсколько уѣздовъ Семипалатинской области.

Въ Каркаралинскомъ уѣздѣ г. Копаловъ видѣлъ древніе рудники, главнымъ образомъ

*) См. Зап. Имп. Археол. общ. I.VIII вып. 1—2, новая серія

на югѣ Акчатавской и Моинтинской волости„ Работы, пишетъ авторъ замѣтки, велись обыкновенно ямами и, смотря по характеру мѣсторожденія, размѣры ихъ были отъ одного аршина въ діаметрѣ, представляя въ этомъ случаѣ нору до нѣсколько саженъ ширины; такова Большая Акчагыльская яма и другая на мѣсторожденіи ашеритовъ. Акчагыльская выработка въ діаметрѣ саженъ 15-20 и глубины сажени 3. Развѣдкой г. Поповъ въ этой ямѣ углубился еще на 3 саж. и все еще не прошелъ навала.

На Михайловскомъ мѣсторожденіи Рождественскаго рудника изъ чудской работы на глубинѣ 1 саж. пройденъ былъ небольшой штрекъ.

Очень странно, но съ большой достовѣрностью можно сказать, что Чудь добывала только однѣ мѣдныя руды, пренебрегая при этомъ находившимися у нихъ подъ руками серебросвинцовыми. Самымъ главнымъ доказательствомъ этого служитъ Кызылъ-Эспинскій разрѣзъ; Чудью онъ былъ выработанъ до 5 саж., на каковой глубинѣ нынѣшними работами нашли серебросвинцовыя руды въ видѣ бѣлой свинцовой, свинцоваго блеска, но часть штока была заполнена самородною мѣдью и мѣднымъ блескомъ. Имѣя въ виду, что книзу эти руды исчезли, и руководясь примѣрами другихъ рудниковъ степи, гдѣ въ верхнихъ горизонтахъ жилы заполнены мѣдными рудами, про Кызыль-Эспу можно сказать, что Чудь вынимала одну мѣдь. Къ тому же найденные шлаки верстахъ въ 20 на западъ указываютъ на мѣдную плавку.

Въ Рождественскомъ рудн. точно также Чудь работала только мѣдь, серебросвинцовыя же руды остались не тронутыми.

Чудскія ямы въ степи видѣть можно вездѣ; въ наше время онѣ представляютъ болѣе или менѣе замѣтныя углубленія; по степени ихъ обваловъ должно полагать, что нѣкоторыя изъ цихъ завалены.

О способѣ и орудіяхъ выработки многаго сказать нельзя. При расчисткѣ Кызылъ-Эспинскаго разрѣза, какъ говорятъ, были находимы каменныя оружія. Заслуживаетъ удивленія масса труда и энергіи, потраченныхъ для добычи рудъ. Акчагыльскія мѣдныя руды залегаютъ въ чрезвычайно крѣпкихъ кремнистыхъ породахъ, которыя съ трудомъ даже даются на порохострѣльную работу.

На мѣсторожденіяхъ ашеритовъ можно и теперь видѣть огромныя глыбы кремня на бортахъ ямъ, очевидно добытыя изъ выработокъ; понять, какимъ образомъ добывали таковой кремень безъ пороха и стальныхъ орудій—положительно не возможно.

Конечно, прежніе народы выбирали руды наиболѣе плавкія: самородную мѣдь и окисленныя руды, но въ то-же время они не пренебрегали и менѣе поддающимися на плавку, каковы Рождественскія руды съ примѣсью порфировъ. Получавшійся при этомъ громадный угаръ, вѣроятно, не смущалъ прежнихъ горнопромышленниковъ, они довольствовались и малымъ $^0/_0$ выплавленнаго металла.

Количество работъ въ краѣ позволяетъ намъ сдѣлать заключеніе, что мѣдное дѣло имѣло порядочные результаты. Чудь не довольствовалась уже отысканными рудами, а производила даже и развѣдки на мѣсторожденіяхъ, потомъ оказавшихся не заслуживающими разработки. Такъ можно видѣть небольшія ямы около горы Толагая Акчатовской волости, которыя за неимѣніемъ рудъ были брошены.

Изъ другихъ предметовъ добычи Чуди можно еще упомянуть объ ашеритахъ. Мѣстность „Алтынъ-су“, гдѣ находятся ашериты, положительно носитъ характеръ выработки на нѣсколько десятинъ и, по своему наружному виду, походитъ на оставленный старателями золотой пріискъ“.

Развалины,

древ. могилы, преданія и пр. памятники Семипалатинской области.

СЕМИПАЛАТИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Развалины Семи Палатъ. Развалины Семи Палатъ, давшія названія г. Семипалатинску заслуживаютъ особеннаго вниманія. Они описаны Миллеромъ, Палласомъ и въ Сибирскомъ Вѣстникѣ 1818 года. У В. Радлова „Матер. по Археол. Россіи. Сибирскія древности Т. I вып. 3 „имѣется описаніе этихъ развалинъ изъ соч. академиковъ Г. Ф. Миллера и І. Г. Гмелина.

„Такъ называемыя „Семь Палатъ" лежатъ на вост. берегу Иртыша... Калмыки называютъ ихъ Дарханъ-Зорджинъ-Китъ, говоря, что зданія эти построилъ нѣкій жрецъ Дарханъ-Зорджи, который и пребывалъ въ нихъ. Когда это было, они не знаютъ.

Въ Тюмени, древнѣйшемъ городѣ Сибири, я нашелъ въ архивѣ грамоту царя Михаила Ѳеодоровича отъ 25 окт. 7125 (=1616) г., въ которой эти зданія упомянуты подъ именемъ „каменныхъ мечетей".

Судя по матеріалу, изъ котораго они сдѣланы, они едва-ли могутъ быть древнѣе этой даты. Я не придавалъ бы имъ даже такой древности, если бы въ пользу ея не говорила упомянутая грамота. Вотъ что объ этихъ строеніяхъ говоритъ Витзенъ (*Noord en Oost*—Tartary, изд. 1-е, ч. II, стр 483; изд. 2-е, стр. 774):" неподалеку отъ Ланкараги, на западномъ берегу Иртыша, находится мѣсто, на которомъ стоятъ семь зданій, извѣстныя подъ именемъ семи елей: столько именно деревъ насажено передъ тѣми зданіями; другіе же принимаютъ Ланкарагу и это мѣсто за одно и тоже" Эти слова не должны вводитъ насъ въ заблужденіе, такъ какъ семь палатъ, о которыхъ идетъ рѣчь лежатъ, какъ я уже сказалъ выше, не на западномъ, а на восточномъ берегу Иртыша, преданіе же о семи еляхъ относится къ другому (приблизительно на 40 верстъ ниже Семипалатной крѣпости), гдѣ, если бы мы захотѣли держаться разсказа Витзена, слѣдовало бы искать другія семь зданій. Но я удостовѣрился въ томъ, что кромѣ тѣхъ 7 палатъ, о которыхъ выше сказано, нѣтъ другихъ, ни при семи еляхъ ни въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ... Разорены были эти зданія, по моему мнѣнію, около 1660-1670 годовъ, когда, какъ я узналъ изъ сибирскихъ архивовъ, страшная междоусобная война нанесла калмыцкому господству множество пораженій. Съ тѣхъ поръ часто могло случаться, что русскіе входили въ разоренныя капища и

уносили съ собой письмена и идолы, находившіеся тамъ въ значительномъ количествѣ, но можетъ быть (какъ это обыкновенно бываетъ съ простымъ народомъ), не заботились о сохраненіи вещей, не доставлявшихъ барыша. До Бухгольцевскаго похода (первой попытки пробраться въ Бухарію, начавшейся въ 1714 г.) ничего про нихъ не было слышно и никто о найденныхъ въ Сибири неизвѣстныхъ письменахъ не упоминалъ. Тѣ, которыя Сибирскимъ воеводою поднесены были, Петру Великому, по общепринятому мнѣнію добыты оттуда. Сообщу все, что видѣлъ своими глазами, когда изъ Семипалатной крѣпости отправился къ этимъ развалинамъ.

Лежатъ онѣ на возвышенной и безплодной по природѣ своей степи, неподалеку отъ берега р. Иртыша, которая въ этомъ мѣстѣ съ С. В. Ю. В. направляется къ. С. З. Ю. З. Самое названіе показываетъ, что всѣхъ зданій 7, но это слѣдуетъ понимать такъ, что двѣ комнаты одного и того же зданія, раздѣленныя стѣною, не будучи соединены между собою дверью, принимаются за два разныя строенія. Одно изъ зданій отстоитъ отъ прочихъ почти на полверсты. Большая часть ихъ построена изъ сырцевого кирпича, какъ это дѣлается во всей Бухаріи. Только одно строеніе, бывшее кажется главнымъ, на полвысоты (нижній этажъ) состоитъ изъ плитняка, вырытаго, повидимому, въ той же мѣстности. По крайней мѣрѣ, слѣды его ясно видны мѣстами по обрывамъ берега. Зданія имѣютъ всѣ четыреугольную, нѣкоторыя продолговатую форму. Величина зданій различна но ни одно изъ нихъ не превышаетъ 15 обыкновенныхъ шаговъ; стѣны рѣдко толще 2 футовъ. Одно зданіе по четыремъ угламъ поддерживается колоннами изъ того-же сырцевого кирпича. Одно возвышается на подобіе пирамиды, постепенно съуживаясь. Одно раздѣлено на 3 комнаты. Одно, отстоящее, какъ я сказалъ, на $^1/_2$ версты, меньше остальныхъ, но выше ихъ, почему и называется башней, построенной для караульныхъ. Они уже почти всѣ обрушились или грозятъ скорымъ разрушеніемъ, что иначе и быть не могло вслѣдствіе матеріала, изъ котораго они возведены. Нужно удивляться, какъ они при такомъ способѣ постройки еще простояли столько времени, т. е. болѣе столѣтія. Крыши, если только можно положиться на нѣкоторые остатки ихъ, повидимому, состояли изъ древесныхъ сучьевъ. Двери обращены лицомъ къ рѣкѣ, за исключеніемъ того зданія, которое раздѣлено на двѣ комнаты. Такъ какъ эти комнаты со стороны обращенной къ рѣкѣ не раздѣлены, то дверь одной изъ нихъ была съ противоположной стороны. Въ каждой стѣнѣ одно окно, расположенное по срединѣ ея, и большею частью, довольно узкое. Сводовъ надъ дверями и окнами нѣтъ никакихъ. Верхнюю кладку камней или кирпичей поддерживаютъ деревянныя балки положенныя поперекъ. Внутри мѣстами по стѣнамъ видны остатки живописи, которые, на сколько можно разглядѣть ихъ, изображаютъ людей, частью стоящихъ, частью сидящихъ, животныхъ, драконовъ, птицъ, и преимущественно цвѣты, съ переплетающимися между собою стебельками и листьями; намалеваны они безъ всякаго искусства, безъ обозначенія свѣта и тѣни, самыми простыми красками и очень грубою кистью. Въ трехъ зданіяхъ лежитъ большое количество свалившихся деревянныхъ колоннъ, мѣстами разукрашенныхъ цвѣтами, разныхъ деревянныхъ изображеній животныхъ (львовъ и драконовъ), сидящихъ на колоннахъ, которыми, повидимому, подпирались верхнія стропила (или потолки?). Одну изъ такихъ фигуръ я отправилъ въ Имп. Кунсткамеру. Въ томъ зданіи, которое построено изъ плитняка, въ одномъ углу находятся остатки какого-то возвышенія (выдающагося на 2 слишкомъ сажени надъ почвою и поддерживаемаго столбами) подъ которымъ остатки живописи сохранились лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому-ли, что это мѣсто пользовалось большимъ почетомъ или потому, что оно было нѣсколько болѣе защищено отъ вліянія воздуха. Тамъ же припрятаны были рукописи, отъ которыхъ однако же до нашего времени дошло лишь очень немного маленькихъ листочковъ до такой степени истрепанныхъ и изъѣденныхъ, что кажется письменами, издавна сдѣлавшимися жертвою червей и гніенія. Врядъ-ли они еще были цѣ-

лы уже въ то время, когда изъ Сибири были привезены первыя рукописи. Жители упомянутаго выше близъ лежащаго острога утверждаютъ, что сколько они помнятъ, тамъ никакихъ цѣльныхъ листовъ найдено не было, и говорятъ, что всѣ листы добыты изъ Аблайкитскихъ развалинъ... Кромѣ того, возлѣ большихъ зданій лежитъ огромный, продолговатый камень (въ родѣ надгробныхъ) *), на верхней части котораго изваяно человѣческое лицо. Прежде, говорятъ, онъ стоялъ прямо, но затѣмъ, не знаю по какому случаю, былъ разломанъ на двѣ части, изъ которыхъ каждая была длиною почти въ сажень. По близости видна была могильная яма, изъ которой по словамъ нашихъ проводниковъ нѣсколько лѣтъ передъ нашимъ пріѣздомъ, было вырыто нѣсколько унцій золота **) Хоронили ли здѣсь калмыцкіе жрецы своихъ покойниковъ, или эта могила сооружена болѣе древними обитателями этихъ мѣстъ, трудно рѣшить. Я готовъ предпочесть послѣднее, какъ потому, что у калмыковъ не принято хоронить покойниковъ столь близко отъ жилищъ, такъ потому, что тамъ повсюду множество древнихъ могильныхъ холмовъ, которые во всякомъ случаѣ не новѣйшаго происхожденія, а сходны съ нашею могилою въ томъ отношеніи, что часто снабжали раскопывателей ихъ массою золота и серебра".

Гмелинъ (*Reise* I, стр. 216—217) говоритъ между прочимъ: „Шесть строеній находились всѣ одно неподалеку отъ другого; большая часть ихъ состояла лишь изъ 4 стѣнъ. Два строенія стѣнами, соединявшимися однакоже между собою, дѣлились какъ бы на камеры. Одно было четыреугольное съ колонною на каждомъ углу; ближайшее къ нему имѣло видъ пирамиды; остальныя были продолговато-четыреугольной формы. Въ одномъ были еще видны рѣзные деревянные идолы въ формѣ медвѣдей. Въ другомъ нижній этажъ сложенъ былъ изъ шиферныхъ плитъ, а верхній изъ сырцевыхъ окрашенныхъ кирпичей. Стѣны его по большей части были расписаны по гипсу человѣческими фигурами, плохой работы. Кромѣ того время все исказило. Въ этомъ-же самомъ строеніи въ каждой стѣнѣ (за исключеніемъ той, въ которой была дверь) находилось по окну. Въ томъ зданіи, въ которомъ стояли идолы, было только по одному, потому что со стороны входа и противоположной стороны не было оконъ А остальныя строенія вовсе не имѣли оконъ и всѣ, кромѣ вышеупомянутаго возведены изъ простыхъ, окрашенныхъ камней. Входы во всѣ зданія были со стороны рѣки, за исключеніемъ одного строенія, въ которомъ входъ, по видимому, былъ со степной стороны. Сводовъ совсѣмъ не видно, перемычки же надъ дверями покоятся на простой доскѣ.. На поверхности почвы, на которой стоятъ строенія, мы нашли кое-гдѣ небольшіе куски плохого фаянса."

Другія развалины подобныхъ зданій замѣтны въ 2 слишкомъ верстахъ отъ предыдущихъ, на томъ же берегу Иртыша, въ 37 вер. отъ Семипалатинской крѣпости, по лѣвую сторону большой дороги, ведущей въ Устькаменогорскую крѣпость. Въ то время, когда я проѣзжалъ мимо нихъ (пишетъ Миллеръ), они почти сравнялись съ землей и я съ трудомъ могъ замѣтить, что одно зданіе было раздѣлено на 6 четыреугольныхъ комнатъ.

По словамъ Витзена „отъ этихъ зданій (т. е. отъ Семи палатъ) вверхъ по Иртышу живетъ калмыцкій жрецъ, который построилъ себѣ два довольно большія кирпичныя зданія, снаружи покрытыя известью ...

ПАВЛОДАРСКІЙ УѢЗДЪ.

По сообщенію Никитина на уроч. Джеманъ-Ніязъ (Корпечъ-булакъ) въ Баянъ ауль-ской волости у лѣтнихъ кочевокъ находятся развалины около 900 саж. въ окружности, изъ обожженныхъ красныхъ крѣпкихъ кирпичей. Киргизы не касаются ихъ изъ-за суе-

*) У Гмелина (Reise I, 217) „Каменный столбъ" (Steinerne Säule).

**) О буддійскихъ древностяхъ, найд. въ 1857 г. при нивеллировкѣ мѣста, находящагося между бывшею Семипалатинской крѣпостью и берегомъ р. Семипалатинки, см. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1861 г. кн. 1.

вѣрія: легенда гласитъ, что это влечетъ за собою при совершенно тихой погодѣ внезапную бурю.

Объ этихъ развалинахъ, видимо, говоритъ Н. Коншинъ въ статьѣ „О памятникахъ старины въ Семипалатинской области“, такъ стр. 11 мы читаемъ: на урочищѣ Джаманъ Ніазъ, по словамъ Аккелинскихъ киргизъ, сохранилось калмыцкое зданіе изъ обожженнаго кирпича, окруженное рвомъ. Зданіе это киргизы нашли, будто бы, покрытымъ отъ времени землей. Начаты были раскопки, но вдругъ, не смотря на ясную майскую погоду, разразилась гроза съ ливнемъ. Киргизы-археологи увидѣли въ этой грозѣ что то необычайное, бросили свою работу, и гроза тотчасъ прекратилась... Съ тѣхъ поръ киргизы не рѣшаются трогать это зданіе, говоря, что оно служитъ „маканомъ“— притономъ для злыхъ духовъ. Смѣльчакамъ которые рѣшаются коснуться зданія и тѣмъ потревожить покой духовъ, они шлютъ кару съ небесъ, въ родѣ внезапной грозы и т. п.

По сообщенію Н. Коншина, въ раіонѣ шестого старшинства на ур. Кара-оба въ Аккульской волости, уцѣлѣли занесенныя пескомъ развалины какого то зданія изъ обожженнаго кирпича. По отзыву управителя, „внутренняя сторона этого зданія была облита стеклянной массой синяго цвѣта“.

Калбасунская башня. Описаніе Калбасунской башни *), вошедшее въ Миллерово изслѣдованіе „De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis“ стр. 431—439 помѣщено въ „Матер. по Археол. Росс.-Сибирскія древности I. I вып. 3“. Проѣзжая лѣтомъ 1734 г. по этимъ мѣстамъ, пишетъ авторъ сочиненія, я услышалъ въ Ямышевскомъ острогѣ **) много интереснаго про эту такъ называемую башню. Но такъ какъ мнѣ изъ этого острога, въ который я пріѣхалъ водою, надлежало ѣхать далѣе сухимъ путемъ по восточному берегу Иртыша, слѣдовательно самому нельзя было осмотрѣть эти развалины, то я отправилъ туда рисовальщика, которому поручилъ срисовать ихъ, отмѣтить все, заслуживающее вниманія, и обовсемъ доложить мнѣ словесно и письменно. Онъ нашелъ тамъ (въ 1/2 верстѣ отъ берега) зданіе такой искусной постройки, какую въ этой мѣстности и среди столь невѣжественныхъ людей нельзя было ожидать. Одна стѣна обрушилась. Вслѣдствіе этого онъ могъ изобразить не только внѣшній видъ зданія, но и внутреннее его устройство. Нѣкоторые изъ солдатъ нашего конвоя, сопровождавшаго насъ изъ Ямышевскаго острога на случай отраженія весьма часто происходящихъ здѣсь киргизъ-кайсацкихъ набѣговъ, говорили, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта „башня“, такъ они называютъ это зданіе, была цѣла и снизу имѣла совершенно четыреугольную форму, что всѣ стѣны ея были одинаковаго объема, а покрывавшій ее сводъ снаружи состоялъ изъ 20 угловъ, изъ которыхъ по счету рисовальщика уцѣлѣло 12. Стѣны до свода были вышиною приблизительно въ 4 саж., толщиною въ 3 фута. Съ наружной стороны ихъ видны концы деревянныхъ балокъ, вставкою которыхъ, безъ сомнѣнія, хотѣли укрѣпить стѣны. Внутри въ каждой стѣнѣ 3 углубленія въ родѣ нишъ, въ которыхъ, можетъ быть, стояли идолы, какъ у насъ ставятся статуи. Стѣны внутри, судя по нѣкоторымъ остаткамъ, были выбѣлены какимъ-то составомъ. Сверху, около свода, видны два окна съ 2-хъ противуположныхъ сторонъ. Справа, около подошвы, находится еще одно окно. Кромѣ того, на самой верхней части свода видно отверстіе, по видимому, также служившее окномъ. Дверь была съ той стороны, которая обрушилась. Вся постройка состоитъ изъ жженаго ярко краснаго кирпича, сдѣланнаго изъ такой глины, какую спутникъ мой Гмелинъ находилъ въ той мѣстности по берегу рѣки. Были-ли гдѣ нибудь видны идолы и священныя письмена, я не узналъ. Находившіеся при капищѣ жрецы можетъ быть, успѣли перенести ихъ въ другое мѣсто.

*) Башня находится на западной сторонѣ рѣки Иртыша; отъ Ямышевскаго острога до Калбасунской башни сухимъ путемъ 90 верстъ.

**) Отъ Ямышевской крѣпости до Семипалатинской кр. 228 верстъ.

КАРКАРАЛИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Около г. Каркаралинска, въ раіонѣ городского выгона на ур. „Мухтарово“ находится стѣна (см. записки Имп. русск. Археол. общ. Т. VIII вып. 1. 2, новая серія стр. 211, стат. Никитина), сложенная изъ булыжника и плитняка. Длина ея по равнинѣ приблизительно до $4^1/_2$ верстъ, далѣе же она подымается въ горы, гдѣ и теряется среди камней; высота стѣны не одинакова: въ равнинѣ мѣстами доходитъ она до 3-хъ арш., а гдѣ развалилась, она едва примѣтна. Объ этой стѣнѣ существуетъ слѣдующій разсказъ:

„Когда въ Каркаралинскихъ степяхъ впервые появились киргизы, вытѣснивъ калмыковъ, то одинъ изъ завоевателей, по имени Малай Сары, выбралъ Каркаралинскую долину, защищенную большими почти отвѣсными горами, для своей кочевки; но такъ какъ она была окружена горами только съ трехъ сторонъ, то съ четвертой стороны, гдѣ горъ небыло и гдѣ мѣстность была открыта для набѣговъ калмыковъ, онъ построилъ стѣну. Стѣна эта долго служила защитою или межей для владѣній рода Сары и потеряла свое значеніе лишь съ приходомъ въ эти мѣста русскихъ“.

Объ этой стѣнѣ говоритъ Левшинъ [1]) При самомъ Каркаралинскомъ Приказѣ, въ тѣсномъ ущеліи, гдѣ протекаетъ рѣка Джирымъ-Су, воздвигнута стѣна, преграждающая проходъ на обширную долину, окруженную очень высокими горами, по гребнямъ коихъ проведена стѣна изъ дикаго плитнаго камня въ иныхъ мѣстахъ въ 7, а въ другихъ въ 5 арш. вышиною и въ 3 арш. толщиною.

Могила султана Клыша. Могила султана Клыша расположена въ верхнемъ теченіи рѣки Уланъ и хотя не древняго происхожденія представляетъ своей формой нѣкоторый интересъ. Могила имѣетъ видъ огромной конической шапки съ маленькимъ отверстіемъ на боку. По сообщенію г. Хворостанскаго, который ее снялъ, эта могила сложена изъ необожженнаго кирпича-сырца. (См. Таб. III рис. 4).

Древнія укрѣпленія. Изъ замѣтокъ г. Копалова, проредактированыхъ И.Г. Остроумовымъ (См. „Памятники старины въ киргизской степи“ стр. 19 въ „Запискахъ Уральскаго общ. люб. Естествознанія Т. XIII вып. I), видно, что около города Каркаралинска на вершинѣ горы въ 600 футовъ высоты находится укрѣпленіе. Попасть въ укрѣпленіе очень трудно; оно представляетъ изъ себя три параллельныхъ вала, изъ которыхъ одинъ проходитъ у подножія горъ, другой приходитъ на одну изъ улицъ Каркаралинска, а третій, вѣроятно, самый важный, въ проходѣ „Худые-камни“.

Другой видъ укрѣпленія, изъ словъ автора статьи, замѣченъ около г. Каркаралинска по дорогѣ на Джангызъ-карагай, близъ озера Ботагоры на берегу р. Нуры и по дорогѣ изъ Джангызъ-Карагая на заводъ Кызылъ-Эспа, въ 30 верстахъ отъ перваго, на берегу небольшой рѣчки и въ другихъ мѣстахъ.

Эти укрѣпленія состоятъ изъ камней, сложенныхъ стѣнкой по кривой линіи, достигающей и нынѣ еще мѣстами высоты 1—2 арш. Чаще всего подобныя стѣны тянутся отъ одной могилы съ наваленными по верхъ ея камнями до другой такой же, или можетъ быть, наоборотъ, у оконечностей такихъ кривыхъ стѣнъ устраивались могилы.

Кентскій или Кызылъ-Гянчскій дворецъ. По сообщенію Левшина (см. Описаніе Киргизъ-казачьихъ или Киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей ч. I. 1832 г.) въ горахъ Кень-Козланъ, на рѣкѣ Кызылъ-Су, впадающей въ Талду, на прелестномъ мѣстоположеніи стоитъ строеніе двухъ этажное [1]) каменное, крестооб-

[1]) См. „Описаніе Киргизъ-казачьихъ или Киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей ч. 1, 1832 г.“ А. Левшина.

[1]) Примѣч. Левшина: Зданіе сіе описано подробнѣе Г. Броневскимъ см. Отеч. Записки на 1830 г.

разное, сложенное изъ дикаго камня на извести; потолки въ немъ обрушились, но примѣтно, что они были покрыты красною краскою, а стѣны штукатурены. На верхнемъ этажѣ вокругъ сего строенія была галлерея и фронтонъ поддерживаемый четырьмя деревянными колоннами, выкрашенными мастикою, предохранявшею ихъ отъ гнилости. Около сего зданія были и другія, но развалились до основанія; стѣны поросли деревьями шиповника и таволги нарочитой величины.

Свѣдѣнія объ этихъ старыхъ развалинахъ мы находимъ у Н. Никитина (см. Записки Имп. Русск. Археол. Общ. Новая серія, Т. VII. вып. 1 и 2, стр. 211—219). Здѣсь я приведу описаніе развалинъ Кызылъ-Гянчскаго дворца. [1]) расположеннаго вблизи ключа Кызылъ-Кепчъ, въ восточной сторонѣ Кентскихъ горъ. Зданіе это, по народной молвѣ Кентскаго дворца—небольшое; въ длину и ширину не превышаетъ 5 саж.; съ трехъ сторонъ: съ сѣверной, восточной и западной, къ зданію примыкаютъ небольшія прямоугольныя пристройки, не одинаковой величины. Эти пристройки наружныхъ входовъ не имѣютъ и сообщаются съ главнымъ зданіемъ, каждая порознь, внутренними ходами (дверями), шириною въ 1 арш. 12 верш., а высотою 2 арш. 4 верш. Судить о томъ, были-ли какъ въ пристройкахъ такъ и въ самомъ зданіи окна, невозможно, потому что стѣны сильно разрушены, и въ настоящее время высотою немного болѣе сажени, за исключеніемъ южной стороны, гдѣ стѣна достигаетъ высоты почти 8 арш. и вмѣсто пристройки имѣетъ входъ во внутрь. Входъ —шириною 2 арш. и высотою въ 2 арш. 12 вершк., устроенъ подъ навѣсомъ. (см. Таб. X, рис. 2.). Навѣсъ имѣетъ видъ балкона и поддерживается шестью деревянными столбами, высотою до 4 арш., два столба расположены у самой стѣны дома, по обѣ стороны наружнаго входа, и поддерживаютъ навѣсъ около стѣны, а четыре поддерживаютъ навѣсъ съ противоположной стороны, по краямъ: два—на углахъ и два—посрединѣ. На двухъ заднихъ и на четырехъ переднихъ столбахъ положено по бревну, при чемъ подъ бревнами на двухъ наружныхъ угловыхъ столбахъ имѣются фигурныя подстилки; на этихъ бревнахъ, толщиною равной столбамъ поперекъ расположено 17 жердей средней толщины. Пространство же между жердями заполнено дощечками длиною 5—7 вершк. шириною $1^1/_2$ вершка и толщиною въ $^1/_2$ вершка; концы ихъ стесаны для болѣе устойчиваго положенія на жердяхъ; поверхъ же этихъ дощечекъ, придавливая ихъ, находятся опять жерди, а на нихъ уже каменныя плиты, земля и разный мусоръ. Съ обѣихъ сторонъ навѣса видны какіе—то остатки стѣнъ. Были—ли то стѣны такой же пристройки, какъ и въ другихъ сторонахъ зданія, или же ими запищался только подъѣздъ, сказать трудно, какъ рискованно предположить, что навѣсъ этотъ принадлежитъ далекому прошлому, а не новѣйшему времени. Выше навѣса въ стѣнѣ имѣется окно, а внутри зданія въ той же стѣнѣ на высотѣ 3 арш. 7 вершк. отъ земли, выдаются 4 тонкія балки —повидимому, не что иное, какъ остатки основанія пола второго этажа. Что это зданіе было двухъ—этажное, говоритъ преданіе и подтверждается отчасти высотою южной стѣны, а главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ южной стѣнѣ сохранилось окно на высотѣ болѣе 3-хъ арш. Зданіе съ пристройками сложено изъ каменныхъ, плохо отесанныхъ плитъ и, какъ можно судить по сохранившимся рѣдкимъ остаткамъ, было снаружи и внутри вымазано глиною. Стѣны сильно разрушены, поросли тощей травой, но и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣютъ толщину 1 арш. 2 вершка. Около же самаго зданія, въ восточной и западной сторонахъ, имѣются слѣды какихъ—то разрушенныхъ построекъ, а немного поодаль отъ нихъ нѣсколько могилъ, по внѣшнему виду не киргизскихъ. Мѣстность, гдѣ находится Кентскій дворецъ,*) представляетъ небольшую долину,

[1]) См. Киргизск. Степная газ. отъ 2-го іюля 1900 г. № 25 и въ Прот. Турк. Кружка за 1899—1900 г. стр. 90 ст. Дукей Байжумуровъ.

*) Кентскій или Кызылъ Гянчскій дворецъ.

окруженную почти со всѣхъ сторонъ скалистыми горами которыя, однако, къ югу становятся болѣе отлогими и образуютъ съ сѣверо—запада проходъ въ долину рѣки Талды. Эта мѣстность вмѣстѣ съ развалинами нынѣ принадлежитъ киргизу Акпаю и находится во владѣніи его рода уже лѣтъ полтораста, а то и больше. По словамъ настоящаго владѣльца, первымъ пришелъ сюда его прапрадѣдъ, по имени султанъ Букуй-Ханъ, который будто-бы, дворецъ этотъ засталъ уже оставленнымъ и разрушающимся; но въ ихъ родѣ живетъ еще память о томъ, что домъ этотъ былъ двухъ-этажный и имѣлъ болѣе 20 комнатъ. Дѣдъ же его Джулды-Ханъ и отецъ Сіиль-Ханъ, въ этотъ дворецъ, во время непогодъ, загоняли барановъ.

О постройкѣ этого дома, существуетъ такая легенда: Во время борьбы калмыковъ съ киргизами, калмыкъ Айда-Батыръ полюбилъ дочь (Лауке) Косанъ-Серенъ-Хана, но такъ какъ Косанъ-Серенъ-Ханъ добровольно свою дочь не отдавалъ за Айда-Батыра, то послѣдній укралъ ее, а съ нею увелъ 40 дѣвушекъ и 40 нокеровъ (слугъ) Долго они странствовали въ степи, но тамъ было не безопасно, киргизы уже завладѣли степями и ежеминутно могли напасть на бѣглецовъ. Тогда они ушли въ Кентскія горы, гдѣ и застала ихъ зима; чтобы укрыться отъ холода и бурановъ Айда-Батыръ построилъ себѣ дворецъ и зажилъ въ немъ, не заботясь о будущемъ. Такъ прожилъ Айда—Батыръ въ этомъ укромнымъ мѣстѣ нѣкоторое время покойно и счастливо. Но когда калмыкамъ въ борьбѣ съ киргизами пришлось очень плохо, братъ Айда—Батыра, Тлеуке—Батыръ, спасаясь отъ киргизъ, укрылся тоже въ Кентскихъ горахъ, гдѣ и повстрѣчалъ своего брата и сталъ звать его съ собою идти на враговъ. Однако ни увѣщанія Тлеуке оставить Лауке, ни укоры за то, что братъ наслаждается, когда всѣ его сородичи борются за свою жизнь и свободу, ни проклятья—ничего не дѣйствовало на Айда—Батыра. Онъ лично былъ счастливъ, а ко всему остальному былъ равнодушенъ; онъ говорилъ: борьба теперь напрасна, дѣло проиграно, и рано или поздно смерть, все равно, меня не минуетъ; такъ пусть же она сама придетъ ко мнѣ, чѣмъ самъ я пойду къ ней, а пока еще ея нѣтъ и пока она далеко, пусть счастье улыбается до послѣдней минуты!.., И послѣдняя минута пришла скорѣе, чѣмъ онъ ждалъ ее. Тлеукѣ возненавидѣлъ брата и, сговорившись съ нокерами, убилъ Айда—Батыра, Лауке и всѣхъ дѣвушекъ, а самъ со своими воинами нокерами брата отправился на войну, но былъ побѣжденъ и убитъ. То былъ послѣдній калмыкъ, какъ говоритъ легенда.

По сообщенію Н. Коншина, въ Моинтинской волости, на урочищѣ Бекполатъ на восточномъ склонѣ горъ Аиртау есть болѣе 20 какихъ то строеній изъ камня, извѣстныхъ у мѣстныхъ киргизъ подъ названіемъ *Мыктынъ-уй* (крѣпкія, старыя строенія). Каждое строеніе состоитъ изъ 4 стѣнъ, сдѣланныхъ изъ стойкомъ поставленныхъ камней. Въ длину строеніе имѣетъ приблизительно 4 арш., въ ширину $2^1/_2$.

УСТЬКАМЕНОГОРСКІЙ УѢЗДЪ.

Развалины Аблайкитскія. Интересныя свѣдѣнія о древнихъ памятникахъ и развалинахъ киргизскихъ степей мы находимъ у А. Левшина „Описаніе киргизъ-казачьихъ, или киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей ч. I 1832 г.“ такъ напр. на стр. 203 авторъ пишетъ: Главнѣйшія между развалинами степей киргизъ-казачьихъ, какъ по обширности, такъ и по ясности признаковъ, суть развалины Аблайкитскія, лежащія на лѣвой сторонѣ Иртыша, верстахъ въ 70 отъ Усть-Каменогорской крѣпости, въ долинѣ, пересѣкаемой рѣчкою, которая получила отъ нихъ свое названіе. Мѣсто, ихъ заключающее и обнесенное каменною стѣною, имѣетъ около версты въ длину и полверсты въ ширину. Внутри ограды были два зданія: Одно служило Ламайскимъ капищемъ, и въ началѣ прошедшаго столѣтія еще видны въ немъ были статуи, живописныя изображенія бурхановъ, и многія

письмена, изъ коихъ нѣкоторые листы въ 1720 году были доставлены Императору Петру Великому, а имъ посланы въ Парижскую Академію надписей и изящныхъ искуствъ. Подробныя описанія сихъ развалинъ можно читать въ сочиненіи Миллера: De scriptis Tangutcis in siberia repertis; [1]) въ путешествіи по Сибири Палласа; въ Запискахъ помянутой Академіи, и наконецъ въ Сибирскомъ Вѣстникѣ 1818 года, въ статьѣ о древнихъ развалинахъ въ Сибири.

Не лишено интереса описаніе этихъ развалинъ со словъ В. Никитина (см. Изв. Имп. Археол. Ком. за 1902 г. вып. 2-й стр. 108) „Аблакетскія палаты", пишетъ г. Никитинъ, построенныя въ половинѣ XVII вѣка тайшею Аблаемъ и въ 1719 г. уже найденныя разрушенными, [2]) находятся въ 8 верстахъ отъ пикета Себинскаго, Кокпектинско-Устькаменогорскаго тракта, вверхъ по рѣчкѣ Аблакеткѣ, недалеко отъ впаденія ея въ р. Бото Чары. Въ этомъ мѣстѣ по южному склону горы возвышается массивная стѣна изъ дикаго камня, высотою въ 4 арш. и шириною внизу стѣны въ 5 арш., а вверху—3 арш. Стѣна, построенная полукругомъ, упирается съ той и другой стороны въ высокую, съ нависшими утесами, скалу и въ былое время, повидимому, имѣла двое воротъ. Пространство, окруженное стѣною, занимаетъ площадь въ длину болѣе 200 саж. и въ ширину до 126 саж. Внутри за стѣною видны развалины двухъ зданій. Первое зданіе, судя по сохранившемуся фундаменту, имѣло въ длину около 30 саж., а въ ширину 16 саж. Фундаментъ, выложенный кирпичами, имѣетъ вышину съ верхней стороны покатости горы 3 арш., а съ нижней—5 арш. и въ настоящее время весь наполненъ мусоромъ и землею. На горизонтальной поверхности фундамента видны слѣды бывшихъ комнатъ, а при наружномъ входѣ—слѣды колоннъ изъ дикаго камня. Въ 40 саж. отъ перваго зданія находится другое, окончательно разрушившееся (даже фундаментъ его разобранъ до земли). Длина этого зданія, какъ можно установить по примѣтамъ, была 12 саж. а ширина—8 саж. Оба зданія были построены изъ кирпича, какъ это можно заключить изъ того, что въ мусорѣ отыскиваются кирпичи длиною 9 вер. шир. 5 в. и толщ. 3 в. Кирпичи большею частью не повреждены и настолько крѣпки, что при сильномъ ударѣ о камень не разбиваются, а лишь звенятъ. Въ мусорѣ изрѣдка можно найти и другіе кирпичи, муравленные, зеленаго цвѣта.

Полнаго преданія объ этой постройкѣ г. Никитину услышать не удалось; все, что говорилось киргизами по этому поводу, сводится къ немногимъ словамъ: Здѣсь прежде была неприступная крѣпость, а внутри ея существовалъ монастырь. Лѣтъ 70—80 тому назадъ говорили ему киргизы, пріѣзжалъ сюда какой-то китаецъ, богатый, сановитый. Пріѣхалъ онъ съ людьми, ознакомился съ здѣшними богатыми киргизами и просилъ ихъ помочь отыскать богатства, которыя будто-бы зарыты въ бывшей Аблакетской крѣпости. По его словамъ, у него отыскался документъ, изъ котораго онъ узналъ, что его предокъ былъ когда-то начальникомъ Аблакетской крѣпости, но когда какіе-то враги такъ одолѣли китайцевъ, что имъ приходилось сдать крѣпость, то начальникъ всѣ свои богатства, чтобы они не попали въ руки враговъ, зарылъ подъ стѣнами крѣпости, а самъ бѣжалъ Въ томъ же документѣ, будто-бы, было указано и мѣсто, гдѣ зарытъ кладъ и способы, какъ его отыскать. Но какъ китаецъ не старался, разсказывали киргизы, клада онъ не нашелъ, ибо никакъ не могъ понять написанное въ документѣ одно какое-то условіе, при которомъ можно найти кладъ. Отыскивали этотъ кладъ и киргизы, но безуспѣшно.

По сообщенію Н. Коншина въ Себинской вол. вблизи рѣчки Талды есть остатки небольшой крѣпости каменныя стѣны которой идутъ съ одной стороны по долинѣ, съ другой по гранитной сопкѣ, достигая ея верши-

[1]) Перепечатано въ „Матер. по Археол. Росс, № 15 Сибирскія древности" Т. I вып. 3 стр. 61—66 тутъ же планъ и рисунки.

[2]) Гагемейстеръ, Статистическое обозрѣніе Сибири С.-ПБ. 1854 ч. I, стр. 61.

ны. Внутри крѣпости уцѣлѣли развалины какъ бы каменныхъ фундаментовъ отъ двухъ зданій. Длина и ширина одного фундамента —по 30 саж., другого поменьше. Киргизы считаютъ крѣпость калмыцкой.

ЗАЙСАНСКІЙ УѢЗДЪ.

По сообщенію Никитина, на сѣверной сторонѣ Монракскихъ горъ въ Зайсанскомъ уѣздѣ, находятся горячіе цѣлебные ключи, издавна извѣстные киргизамъ подъ названіемъ „Арассанъ“ Около этихъ ключей есть развалины древняго зданія. Одна комната этого зданія сохранялась до 1844 г.—по крайней мѣрѣ, о ней упоминается въ годовомъ отчетѣ Кокпектинскаго Окружного Приказа за 1844 г.; въ настоящее же время (авторъ пишетъ въ 1902 г.) отъ этого зданія остались лишь воспоминанія да груды камней.

Замѣчательныя пещеры

Семипалатинской области.

Въ Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1892 г. № 63 перепечатана изъ Сибирскаго Вѣстника слѣдующая статья о пещерѣ *Конуръ—Ауліе* „Конуръ—Ауліе—святая пещера киргизовъ близъ Семипалатинска, куда стекаются массы народа для поклоненія статуѣ въ человѣческій ростъ, изображающей женщину. Кругомъ находятъ мелкія вещицы изъ камней, бусы, бронзывыя статуэтки; вокругъ горы, въ которой находится Конуръ—Ауліе, совершаютъ жертвоприношенія; сюда пригоняется и скотъ въ случаѣ болѣзни". [1])

ПАВЛОДАРСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ Изв. Общ. Арх. Ист. Этн. при Каз унив. Т.XI. вып. 3, появилась слѣдующая замѣтка. [2]) „Вблизи Джектыбайскаго озера есть киргизская святыня *аулья* которая имѣетъ видъ пещеры, имѣющей двѣ комнаты и въ дальней изъ нихъ природнаго дикаго камня чашу, наполненную водой. Въ магометанахъ объ ауліѣ существуетъ религіозное повѣрье такого рода: супруги, не имѣющіе дѣтей, по молитвѣ и принесеніи жертвы въ сей ауліѣ получаютъ способность къ рожденію дѣтей. Жертва приносится обыкновенная, т. е. колютъ барана и съѣдаютъ его ищущіе утѣшенія, потомъ запиваютъ изъ чаши водой".

Объ этой пещерѣ упоминается у Никитина; его сообщеніе гласитъ слѣдующее:

Въ урочищѣ Ауліе, въ 15 верстахъ отъ Баянъ-аульской станицы находится замѣчательная пещера въ горѣ Аголенъ; она имѣетъ двѣ довольно просторныхъ комнаты, въ одной изъ которыхъ стоитъ каменная природная чаша и лѣтомъ и зимою наполненная водою. Легенда повѣствуетъ, что здѣсь жилъ святой человѣкъ, для котораго Богъ и устроилъ чашу съ неизсякаемою водою; но имя этого святого и мѣсто его могилы киргизамъ неизвѣстны."

По сообщенію Н. Коншина (см. его статью въ Зап. Семипал. подъотд. Западно-Сибирск. отд. Имп. Русс. Геогр. Общ. вып. I, 1903 г. „О памятникахъ старины въ Семипалатинской области") пещеры имѣются:

1) въ Аккелинской вол. въ горѣ Ауліэтасъ; она въ родѣ упомянутой выше пещеры въ урочищѣ Ауліе,

[1]) А. Е. Алекторовъ—Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ. Казань, 1900 г.

[2]) Перепечатано изъ Сиб. Листка за 1893 г. № 12.

2) въ Кызылтавской вол. въ горахъ Кызылъ-тау есть сопка Ауліэ, въ которой есть пещера, гдѣ киргизы, въ особенности женщины, совершали моленія и приносили жертвы. Обычаи эти въ настоящее время исчезаютъ подъ вліяніемъ магометанскихъ муллъ.

КАРКАРАЛИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ Токраунской волости на ур. Біикъ-тау-ата въ одной горѣ есть пещера длиною въ 100 шаговъ. Входъ въ пещеру широкій къ концу же стѣнки ея сходятся угломъ. Въ пещерѣ есть водоемъ въ 1/2 арш. глубиной. Въ концѣ пещеры на верху ея образовалось отверстіе. Какъ и всѣ подобныя пещеры она называется киргизами Ауліэ (святой) и служитъ мѣстомъ моленій. [1])

ЗАЙСАНСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ Кольджирской волости, въ горахъ Кызылъ-тасъ на плоской поверхности есть пещера, идущая подъ землей сверху внизъ на значительное пространство: спускавшіеся въ пещеру киргизы возвращались часа черезъ 3 – 4. Спускъ каменистый, не очень крутой. При входѣ въ пещеру поставлены кругомъ камни въ родѣ ограды. Въ пещерѣ были найдены кости животныхъ и черепки чугуннаго котла. [2])

[1]) См. статью Н. Коншина.
[2]) См. статью Н. Коншина

ДРЕВНОСТИ

Сыръ-Дарьинской области.

Свѣдѣнія о курганахъ.

ТАШКЕНТСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ засѣданіи 22 января 1896 г. Е. Т. Смирновъ сдѣлалъ сообщеніе объ остаткахъ древностей, преимущественно о бугровидныхъ курганахъ, и слѣдахъ древнихъ укрѣпленій, извѣстныхъ автору въ окрестностяхъ г. Ташкента и въ долинѣ р. Чирчика [1]). Подробное описаніе кургановъ трехъ различныхъ типовъ вызвало оживленныя пренія присутствовавшихъ. Сообщеніе Е. Т. Смирнова напечатано въ сборникѣ „Средняя Азія“, изданномъ авторомъ въ 1896 году.

Въ засѣданіи 26 августа 1896 г. было доложено объ археологическихъ экскурсіяхъ, сдѣланныхъ во время лѣта нѣкоторыми членами кружка, о раскопкахъ на холмѣ Шашътипа, въ 12 верстахъ отъ Ташкента по Самаркандскому почтовому тракту, и сообщеніе А. А. Диваева о древнихъ урочищахъ въ Акджарской волости Ташкентскаго уѣзда. *)

Киргизское преданіе о холмѣ „Акъ-типя“ близъ Ташкента. Въ Протоколахъ Туркестанскаго кружка за 1898—1899 г. стр. 133 напечатано преданіе о холмѣ „Акъ-типя“. Это народное преданіе, записанное Н. П. Остроумовымъ со словъ жившаго вблизи холма старика киргиза Айтугана, гласитъ слѣдующее: до существованія теперешняго Ташкента на этой мѣстности т. е. вокругъ холма былъ китайскій городъ. Холмъ Акъ-типя тогда находился въ центрѣ города; на немъ былъ дворецъ китайскаго царя... Отъ какихъ причинъ и когда городъ уничтожился, никому неизвѣстно, но въ холмѣ, по увѣренію Айтугана, китайцами скрыто много казны, оставленной ими на случай вторичнаго завоеванія страны. Какъ холмъ этотъ, такъ и казна, скрытая въ немъ, заколдованы сильнѣйшими китайскими чародѣями и ключъ отъ заколдованныхъ замковъ при стальныхъ дверяхъ казнохранилищъ находится неизвѣстно гдѣ-то въ Китаѣ...

ЧИМКЕНТСКІЙ УѢЗДЪ.

Преданіе о холмѣ Караспанъ. Въ свою археологическую поѣздку въ 1893 г. Н. П. Остроумовъ посѣтилъ большой холмъ близъ селенія Мамаевки, извѣстной у киргизовъ подъ названіемъ „Караспанъ“ или „Харасканъ“. Мѣстные киргизы, со словъ грамотныхъ бродячихъ по степи ишановъ, разсказываютъ слѣдующее преданіе, записанное

[1]) Изъ Проток. засѣд. членовъ Турк. кр. люб. археол.
*) Изъ Протоколовъ засѣданій членовъ Туркестанскаго кружка люб. археологіи.

г. Остроумовымъ (см. Протоколы Туркест. кружка за 1898—1899 г. стр. 132).

„Однажды—это было въ „ночь опредѣленія“ (27 число мѣсяца Рамазана), на этотъ холмъ пріѣхалъ на ослѣ мусульманскій отшельникъ. Въ эту священную ночь всѣ, даже неодушевленные предметы преклоняются передъ Божіимъ величіемъ и всемогуществомъ, наклонилось до земли и то дерево, которое росло близъ холма. Къ этому дереву мусульманскій отшельникъ привязалъ своего осла, а самъ расположился на холмѣ. Съ наступленіемъ утра всѣ наклонившіеся ночью предметы выпрямились; выпрямилось и дерево и подняло на привязи неповиннаго осла, который оказался такимъ образомъ задушеннымъ на своей оброткѣ..... На эту печальную исторію и намекаетъ будто-бы названіе холма: „Харъ асканъ“ т. е. повѣшенный оселъ...“

Выше озера Баспакъ-куль, въ предѣлахъ Чимкентскаго уѣзда, въ верстахъ трехъ, имѣется насыпной курганъ Кара-тюбе, а выше его на версты три и въ полуверстѣ отъ берега р. Сыръ-Дарьи находятся развалины укр. Разды-ата (сообщ. Каллаура, см. прилож. къ Прот. Турк. кружка за 1901 г № 2.

Курганы около ж. д. станціи Арысъ. Лѣтомъ 1906 г. по порученію Оренб. отдѣла Имп. Русск. геогр. общ. собирая коллекцію растеній и насѣкомыхъ въ окрестностяхъ ж. д. ст. Арыса [1]), я видѣлъ слѣдующіе курганы:

Къ сѣверо-востоку отъ станціи въ степи виднѣется группа кургановъ, одинъ изъ нихъ большихъ размѣровъ; форма его куполообразная. Вправо отъ дороги къ водокачкѣ виднѣются тоже курганы; на берегу рѣки Арысъ вправо отъ водокачки вверхъ по рѣкѣ у подножія горъ имѣется много кургановъ. Одинъ изъ нихъ въ слишкомъ 100 шаговъ окружности, стоитъ среди киргизскаго кладбища; на немъ даже виднѣется нѣсколько киргизскихъ могилъ. Много ихъ и по рѣкѣ Арысъ.

[1]) См. Изв. Ор нб. отд. Имп. Русск. геогр. общ. вып. XXI, ст. I. Кастанье.

Курганы и городища Ауліеатинскаго уѣзда. Свѣдѣнія о курганахъ Ауліеатинскаго уѣзда мы встрѣчаемъ въ „Отчетѣ Имп. Археол. Ком.“ за 1890 г.

Въ 25 верстахъ отъ гор. Ауліеата г. Каль замѣтилъ старое городище квадратной формы, расположенное внизъ по р. Таласу, на самомъ берегу рѣки. Каждая сторона этого городища имѣетъ отъ 350 до 400 шаговъ Еще видны невысокіе остатки стѣнъ, сложенныхъ изъ жженаго кирпича. Это городище носитъ названіе Тюймакентъ.

Верстахъ въ 4 ближе Тюймакента видны слѣды такого же городища, но меньшихъ размѣровъ.

На всемъ протяженіи долины Таласа отъ Ауліеата до Тюймакента г. Каль насчиталъ до 20 кургановъ, разной величины. По словамъ туземцевъ, вся долина Таласа покрыта курганами и древними укрѣпленіями, въ которыхъ будто бы скрываются большія богатства. И дѣйствительно, это отчасти вѣрно, такъ какъ туземцы находятъ массу предметовъ и монетъ главнымъ образомъ илекскихъ (V—го вѣка гиджры).

На лѣвомъ берегу р. Чу, въ сѣверной части Ауліеатинскаго уѣзда имѣется много кургановъ, равно какъ и вдоль рѣчки Караболта-южный притокъ р. Чу.

По тѣмъ же сообщеніямъ туземцевъ имѣется еще много кургановъ разбросанныхъ по всему уѣзду около озеръ Сарбулакъ, Арыкъ—балыкъ, Аккуль, Бійликуль и въ мѣстностяхъ при входѣ въ горныя ущелья.

Въ 5—6 вер. на Зап. отъ той части Александровскаго хребта, которая называется Бота—Мойнакъ—Алмали, въ 1 верстѣ вправо отъ почтовой дороги изъ Ауліеаты въ Мерке, на полпути между Ауліеатою и ст. Угбулакъ, т. е. на разстояніи примѣрно 12

верстъ отъ Ауліеаты, расположена группа изъ 12 небольшихъ могильныхъ насыпей и изъ семи большихъ кургановъ расположенныхъ почти въ одну линію, длина которой около $1^1/_2$ верстъ, вслѣдствіе этого мѣстность называется Джиты-типа (семь кургановъ). Всѣ курганы обнесены круглыми оградами изъ нѣсколькихъ рядовъ рѣчныхъ валуновъ. Большіе курганы достигаютъ 4—5 сажень высоты окружность ихъ отъ 250—300 шаговъ.

Объ этихъ курганахъ говоритъ В. Панковъ (см. Протоколы Туркестанскаго кружка за 1897—1898 г.г. стр. 47). Авторъ статьи убѣдился, что тутъ не семь, а 15 кургановъ, ибо параллельно 7 большимъ курганамъ, ближе къ дорогѣ, имѣется еще 8 кургановъ малыхъ и среднихъ. Раскопки, произведенные здѣсь г. Панковымъ, не дали благопріятныхъ результатовъ.

Въ „Протоколахъ Туркестанскаго кружка люб. археол." за 1897 г. №1, было доложено письмо члена В. А. Каллаура слѣдующаго содержанія:

„20-го сего ноября джигитъ Ташкентбай представилъ мнѣ находку-бронзовый ножъ, найденный его снохой Ирмекъ лѣтомъ нынѣшняго года на мѣстности Чульдала въ Куюкской волости..."

Отъ этого-же туземца г. Каллауръ узналъ, что ножъ найденъ на совершенно ровномъ мѣстѣ, отъ котораго въ 260 шагахъ имѣется сопка (курганъ) безъ названія, конической формы, величиной въ окружности 83 шага и высотой отъ основанія кургана до вершины 16 шаговъ.

Въ 157 шагахъ отъ этой сопки къ Куюкскимъ горамъ имѣется вторая-величиною въ окружности 53 шага и отъ основанія до вершины $9^1/_2$ шаговъ, западнѣе ея-третья и затѣмъ четвертая сопка, въ 42 шагахъ отъ 3-ей и восточнѣе.

Въ своей поѣздкѣ въ горную долину Сандыкъ на сѣверной сторонѣ Александровскаго хребта В. А. Каллауръ видѣлъ курганъ (сопка), сложенный изъ камней и имѣющій видъ усѣченнаго конуса, небольшихъ размѣровъ, и на немъ найдены три каменныхъ бабы. (см. Протоколы Туркестанскаго кружка люб. археологіи за 1897 г. стр. 11), двѣ изъ нихъ съ изображеніемъ женщины. Курганъ сдѣланъ изъ правильной кладки камней на глинѣ.

Между Сандыкомъ и верховьемъ рѣки Суюндыкъ, по кочевой дорогѣ г. Каллауръ нашелъ до 15-ти кургановъ того же устройства; три изъ нихъ съ каменными бабами.

Вдоль верховьевъ узена Суюндыкъ находятся семь кургановъ конусообразной формы, расположенныхъ въ одну линію и не въ далекомъ разстояніи между собою; они сложены изъ камней, но безъ углубленій на вершинѣ.

На Чимбулакъ-джота имѣется два кургана, оба сложенные изъ камней и съ углубленіемъ сверху. У одного изъ нихъ виднѣется двѣ бабы, поставленныя съ восточной стороны кургана съ изображеніемъ на В. и до десяти камней той же высоты какъ бабы, стоящихъ снаружи кургана у этихъ бабъ. Второй курганъ тутъ же сѣвернѣе, но продолговатый. Въ углубленіи находится три каменныхъ бабы; одна изъ нихъ поломанная, а четвертая стоитъ въ землѣ съ западной стороны, изображеніемъ на западъ.

На Чай-Сандыкѣ имѣется курганъ съ двумя бабами: одна снаружи, а другая внутри, съ краю, и обѣ обращены изображеніемъ на З. здѣсь-же имѣются нѣсколько разрушившихся кургановъ съ углубленіями на вершинѣ, но безъ бабъ, а одинъ конусообразный безъ углубленія сверху. (См. типы кургановъ на таб. IX рис. 23—24).

Въ 1898 году г. Каллауръ предпринялъ подѣздку по служебнымъ дѣламъ въ низовья р. Таласа, а также въ предгорья Кара-тау. Дорогою г. Каллауръ осмотрѣлъ нѣсколько памятниковъ древности, подробное описаніе которыхъ онъ даетъ въ Протоколахъ Туркест. кружка за 1898—1899 стр. 73—80.

Курганъ Тасъ-тюбе осмотрѣнъ г. Каллауромъ и находится въ № 1 аулѣ, Тасъ-тюбинской волости, въ верстахъ 25 отъ г. Ауліе-ата, по рѣкѣ Тасъ-тюбе. Размѣры этого кургана слѣдующіе: отъ вершины до подошвы —100 шаговъ, окружности до 800 шаговъ. На поверхности его валяются черепки обожженныхъ горшковъ и куски жженаго кирпича. Такъ какъ, говоритъ г. Каллауръ, по имени кургана „Тастюбе" получила названіе рѣчка, берущая здѣсь начало изъ ключей, то надо полагать, что въ прежнее время этотъ курганъ обращалъ на себя вниманіе населенія. Преданій никакихъ не сохранилось. Авторъ статьи полагаетъ, что прежде на вершинѣ кургана были камни, отъ которыхъ произошло названіе.

Съ Ю. В. стороны кургана Тасъ-тюбе находятся малые курганы, а дальше отъ востока на С. попадаются холмики, которые частью уже разрушены.

Около зимовки киргиза № 6 аула Тасъ-тюбинской волости Чеченкара Джангельдина въ 60 верст. отъ города расположены курганы. Около одного кургана найдены были двѣ каменныхъ бабы. Курганъ этотъ говорятъ былъ разрытъ въ 1889 киргизомъ Джангельдиномъ.

Въ 30 шагахъ отъ этого кургана на З. сохранились выложенная камнемъ ограда, а въ Ю. части ея.

Въ 125 верст. отъ города, на правой сторонѣ р. Таласа, къ сторонѣ песковъ г. Каллауръ осмотрѣлъ группу изъ семи кургановъ, расположенныхъ въ одну линію и называемыхъ „Джиты-тюбе", часть изъ нихъ раскопаны киргизами.

Въ предгорьяхъ горъ Кара-тау по р. Кокъ-талу имѣется два кургана, разрытые въ 1889 г. киргизами. Тутъ между прочимъ были найдены желѣзные и мѣдные предметы.

Выше этого мѣста по р. Кокъ-талу на мѣстности Гышъ-купыръ у одного изъ кургановъ также разрытыхъ, въ которыхъ по словамъ киргизъ ничего не найдено, оказалась каменная баба, изображающая мужчину.

Вблизи Гышъ-купыра, на правомъ берегу р. Кокъ-тала, находится старое кладбище съ небольшими курганами, съ наложенными сверху кургановъ камнями.

У подошвы горы Алатау съ западной стороны Карабуры имѣется городище, въ которомъ виднѣется турткуль съ земляным ъ валомъ, въ окружности около 500 саж. Внутри турткуля земля распахивается и построенъ курганъ каракиргиза Байтерека. По словамъ мѣстныхъ жителей изъ земли при рытьѣ ямъ для храненія хлѣба выходятъ черепки и водопроводныя глиняныя трубы, кусокъ подобной трубы былъ взятъ г. Каллауромъ. Городище приходится на югъ отъ развалинъ Садыръ-кургана, въ селеніи Александровскомъ, и будетъ отъ него въ разстояніи около 10 верстъ (см. Проток. Турк. кр. отъ 29 августа 1897 г.

По р. Калба, составляющей лѣвый притокъ р. Таласа г. Каллауромъ былъ осмотрѣнъ Калбинскій турткуль. Онъ находится на лѣвомъ берегу р. Калбы, въ верстѣ отъ подошвы горъ Таласскаго Алатау, по дорогѣ изъ Аиръ-тамъ-ой въ ущелье Калба. Это-четырехъ-угольное укр. съ земляным ъ валомъ, имѣющимъ въ окружн. 600 саж.

По восточной сторонѣ, за Калбой, имѣется большой курганъ до 8 саж. высотою, подъ названіемъ Чалдаваръ (сообщ. Каллаура.)

Въ своей статьѣ „Древнія мѣстности Ауліеатинскаго уѣзда на древнемъ караванномъ пути на западъ отъ Ауліеата къ границѣ Чимкентскаго уѣзда" см. прил. къ Прот. Турк. кр. люб. арх. 12 ноября 1904 г. В. Каллауръ говоритъ о семи земляныхъ насыпныхъ курганахъ (стр. 51) расположенныхъ въ одну линію, не доѣзжая верстъ 8 до ущелья Куланъ-аузы, вправо отъ урочища Джиты-тюбе.

Стр. 53 Боктюбе большой курганъ на правомъ берегу р. Асы, въ верстѣ отъ бере

га, на нѣсколько верстъ ниже селенія Головачовки, вблизи котораго тянется земляной валъ на большое разстояніе въ сторонѣ р. Асы.

Дальше г. Каллауръ пишетъ. „Дорога изъ селенія Высокаго (Чалпакъ) чрезъ селеніе Грозное извѣстна среди мѣстнаго населенія подъ именемъ Нанджарской. На 17-й верстѣ, почти на половинѣ дороги отъ Высокаго въ Грозное имѣются развалины древняго укрѣпленія подъ названіемъ Нанджаръ-турткуль, а на 24-й верстѣ справа отъ дороги два кургана высотою до 3 аршинъ, на разстояніи 20 саж. другъ отъ друга, которые приходятся противъ ключа Кошъ-бастау, вытекающаго ниже дороги. Затѣмъ дальше по дорогѣ, влѣво на Четъ-булакъ около зимовки Чирчикбая Нарбушина, находится небольшой курганъ съ каменной бабой изъ краснаго камня".

Стр. 54. „По выѣздѣ изъ селенія Грознаго по Джолкулатской дорогѣ въ г. Ауліеата, въ дачѣ земельнаго надѣла селенія Грознаго находится нѣсколько кургановъ большого размѣра, подъ именемъ Джилитюбе.

Далѣе въ одной верстѣ большой курганъ, подъ названіемъ Кара-тюбе.

Въ верстахъ 7-ми отъ ущелья Малой Капки находятся развалины городища „Чонъ-кара-турткуль".

Изъ кургановъ, осмотрѣнныхъ В. Калауромъ, слѣдуетъ привести слѣдующіе: *)

Кшы-кара-тюбе—находится съ западной стороны Аккойли-арыка, не вдалекѣ и южнѣе Кызылъ-кійсыка. Холмъ имѣетъ коническую форму, высотою отъ основанія до вершины 76 шаговъ, въ окружности 360 шаговъ; наверху холма есть площадка съ углубленіемъ въ 36 шаговъ; вокругъ идетъ кольцеобразная ограда изъ булыжнаго камня, которая хотя вросла въ землю, но видна. Отъ этой ограды до подошвы кургана 30 шаговъ. Курганъ этотъ въ верстахъ 5 отъ почтовой станціи Учъ-булакъ.

Курганъ Чонъ-кара-тюбе—въ $1^1/_2$ вер. отъ станціи Учъ-булакъ, въ сторону къ горамъ. Онъ имѣетъ коническую форму, высотою отъ подошвы до конуса 75 шаговъ, въ окружности 410 шаговъ; сверху большое углубленіе, изъ середины ямы до верху 20 шаговъ; съ восточной стороны имѣется небольшая прикладка земли у основанія, которую кто-то раскапывалъ; сверху кургана и съ западной стороны кто-то рылся; кругомъ кургана концентричная каменная ограда въ три ряда.

Майда-тюбе—въ 1-й верстѣ отъ Чонъ-каратюбе, въ сторонѣ почтовой станціи Учъ-булакъ; въ окружности курганъ имѣетъ сто шаговъ.

Конуръ-тюбе—въ 5 вер. отъ ст. Учъ-булакъ, по дорогѣ въ Шаповаловку, съ правой стороны, имѣетъ коническую форму съ углубленіемъ на вершинѣ, гдѣ кто то дѣлалъ раскопку. Курганъ имѣетъ въ высоту 75 шаговъ, въ окружности 420 шаговъ; кругомъ его четырехъ-угольная каменная ограда въ одинъ рядъ, а въ разстояніи 50 шаговъ отъ нея еще четырехъ-угольная каменная ограда въ 4 ряда. Каменные ограды кургановъ съ концентрическими рядами вертикально врытыхъ въ землю камней имѣются въ курганахъ вблизи оз. Бійликуль, противъ ущелья Беркъ-кара въ Каратаускихъ горахъ и въ курганахъ Джиты-тюбе, въ 15 вер. отъ г. Ауліеата, по почтовой дорогѣ въ г. Вѣрный, при чемъ вблизи Бійликуля въ одномъ до четырехъ рядовъ, а на Джиты-тюбе имѣется четырехъ-угольная ограда. (см. В. Ѳ. Ошанина [1]) въ Прот. Турк. кр. люб.

*) См. прилож. къ Прот. Турк. кр. люб. арх. за 1905 г. стр. 32—34

[1]) Въ сообщеніи В. Ѳ. Ошанина курганы близъ озера Бійликуль обставлены концентрическими рядами камней, вокругъ одного число круговъ доходитъ до 4 рядовъ.

арх. отъ 16 окт. 1897 г. и В. Панкова [1]) „Раскопка кургановъ близъ города Ауліеата. Прилож. къ Прот. Турк. люб. арх. отъ 12 янв. 1898 г.“

Итъ-сигекты-тюбе находится въ 1½ вер. отъ Кшы-кара тюбе, высотою 25 шаговъ, въ окружн. 165 шаговъ, а съ вост. стороны его что—то похожее на террасу.

Отъ Акыръ-Таша до станціи Акыръ-Тюбе 18 в., [2]) а отсюда до Сонъ-Кайтинскаго турткуля до 10 в. Турткуль на Сонъ-Кайты имѣетъ въ окружности болѣе 300 шаговъ. Около него проходитъ дорога и стоятъ два кургана небольшихъ, по обѣимъ сторонамъ оной.

По другую сторону Сонъ-Кайты находится курганъ, подъ названіемъ Копъ-Мулла, высотою до 4 саж., имѣющій въ окружности 100 шаговъ, служащій теперь кладбищемъ. Въ верстахъ 3-хъ имѣется другой турткуль, на которомъ недавно построенъ кумбезъ (мавзолей) вліятельному лицу Исиму. Вблизи втораго турткуля находится курганъ „Сасай-сюре“.

Еще вблизи станціи Акыръ-Тюбе, на пересѣченіи почтов. дороги и дороги, идущей на Сонъ-Кайты, имѣется курганъ Акаръ-тюбе, давшій названіе станціи.

Курганы въ чертѣ г. Ауліеата. Въ „Протоколахъ Туркест. кружка“ за 1899—1900 г. стр. 39—45, г. В. Лаврентьевъ даетъ краткій перечень бугровъ (кургановъ), находящихся въ чертѣ г. Ауліеата. Авторъ насчиталъ до 48 бугровъ, нанесенныхъ на прилагаемый къ его статьѣ планъ. По мнѣнію г. Лаврентьева —если не всѣ, то огромное большинство бугровъ, находящихся на городской территоріи, несомнѣнно искусственнаго происхожденія.

Бугоръ Текъ—Турмасъ. Въ Протоколахъ и сообщеніяхъ членовъ Турк. кр. люб. арх. за 1906/7 г. появилась замѣтка А. Диваева стр. 83.„ Бугоръ Текъ – турмасъ въ связи съ походами Тимура“ Замѣтка эта гласитъ: „Киргизъ Ауліеатинск. уѣзда, Учактинской волости, Бультурукъ Алекинъ, разсказываетъ не лишенное историческаго значенія преданіе о бугрѣ Текъ—турмасъ, находящемся въ предѣлахъ названной выше волости. Преданіе это относится къ періоду, когда въ Ауліеатинскомъ раіонѣ еще владычествовали калмыки.

Въ одинъ изъ дней калмыками овладѣла паника, когда они получили вѣсть о томъ, что на нихъ идетъ изъ Самарканда во главѣ многочисленной арміи Эмиръ—Тимуръ—Курячанъ.

Зная впередъ, что имъ не устоять противъ сильнаго войска отважнаго Тимура, калмыки созвали экстренный совѣтъ, на которомъ было рѣшено не сопротивляться Тимуру и не ожидая его прибытія въ Ауліеатинскій раіонъ, быстро отступать по направленію къ нынѣшнему Семирѣчью. А что—бы лишній скарбъ не затруднялъ ихъ на пути отступленія и не послужилъ добычей войскамъ Тимура, калмыки порѣшили все свое лишнее имущество свезти на бугоръ Текъ—турмасъ и сжечь тамъ.

Для этой цѣли было доставлено на Текъ—турмасъ большое количество саксаула и разнаго другого топлива. Когда все имущество калмыковъ, которое они при экстренномъ бѣгствѣ не въ силахъ были забрать съ собою, было свезено на условленное мѣсто, запылалъ колоссальный костеръ, въ пламени котораго и погибло все это имущество.“

---

1) Въ сообщ. В. П. Панкова «Раскопки кургановъ близъ г. Ауліеата“—курганы Джиты-тюбе имѣютъ видъ полушара, на вершинѣ которыхъ довольно значительное воронкообразное углубленіе; каждый курганъ обнесенъ довольно отчетливо въ видѣ ограды тремя рядами вертикально врытыхъ камней, совершенно параллельныхъ; одни изъ нихъ въ видѣ круга идутъ параллельно основанію кургана, а другіе имѣютъ видъ четырехъ-угольника. Съ каждой стороны каждая ограда имѣетъ пустое мѣсто оставленное для входа внутрь четырехъ-угольника.

2) Сообщ. В. Каллаура см. прилож. къ Протоколу Турк. кружка отъ 5 мая 1897 г. стр. 5.

КАЗАЛИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ крайней сѣверной части Казалинск. уѣзда, почти на границѣ съ Тургайск. обл. между ж. д. станціи Саксаульскъ и горой вправо отъ линіи ж. д. въ верстахъ 4 отъ станціи имѣется пять кургановъ небольшихъ размѣровъ. у подножія одного изъ нихъ смытаго водой виднѣются кости.

Свѣд. эти собраны мною во время моей поѣздки въ Туркестанъ лѣтомъ 1904 г. І. К.

Свѣдѣнія о раскопкахъ.

Раскопки кургановъ близъ Ташкента. Въ 1887 году по порученію Имп. Археологической Ком. Н. П. Остроумовъ произвелъ раскопки близъ Ташкента на землѣ г. Никифорова. Отчетъ объ этихъ раскопкахъ помѣщенъ въ № 42 Туркест. Вѣд. за 1892 г.

Раскопки кургановъ Ауліеатинскаго уѣзда. Въ „Отчетѣ Имп. Археол. Ком за 1890 г." мы находимъ свѣдѣнія о хищническихъ раскопкахъ, произведенныхъ киргизами весною 1889 г. Раскопки производились 1) въ Кукскихъ горахъ, по лѣвому берегу р. Терсъ, на Унгерли—Саѣ, въ 60 вер. къ З. отъ Ауліеаты и 2) на южномъ склонѣ Малаго Бурула, въ 8-ми верстахъ къ С. отъ Ауліеаты. Изъ найденныхъ ими предметовъ укажемъ на бронзовое зеркало, золотой наборъ отъ пояса, серебряный сосудъ и т. п.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ сотрудникомъ Имп. Арх. Ком. г. Калемъ, оказалось, что больше ста кургановъ или могилъ были разрыты туземцами съ цѣлью отысканія цѣнныхъ вещей. Произведенныя г. Калемъ раскопки на скатахъ и на верху Бурула дали отрицательный результатъ.

Раскопки кургановъ Чимкентскаго уѣзда. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1893 г. Н. П. Остроумовъ произвелъ раскопки кургановъ въ Мамаевкѣ и около Чимкента (см. отчетъ раскопокъ въ Проток. Туркест. кружказа 1898—1899 г. стр. 118—137, и въ Туркест. Вѣд. № 50 и 52 за 1893. г.) Близъ Мамаевки было разрыто нѣсколько небольшихъ намогильныхъ холмовъ. Въ разрытыхъ могилахъ были найдены человѣческіе скелеты, уложенные по два и по четыре. Скелеты обращены были головою къ С-В. и лицомъ кверху. Въ нѣкоторыхъ могилахъ скелеты лежали не на одномъ уровнѣ, а въ различныхъ слояхъ грунта. Черепа, говоритъ г. Остроумовъ, своею формою несомнѣнно указываютъ на монгольское происхожденіе покойниковъ. Одинъ изъ череповъ представлялъ собою весьма любопытную аномалію: у этого черепа почти совершенно незамѣтно лба, а прямо за надбровными дугами идетъ повышеніе, постепенно расширяющееся къ затылку. Были найдены нѣсколько мелкихъ бусинокъ и обломки мѣдныхъ предметовъ. Ни въ одной могилѣ не было найдено ни одного кувшина, ни одной чашки. Всѣ скелеты лежали въ огороженномъ сырцовымъ кирпичемъ четырехъ—угольникѣ, засыпанномъ со всѣхъ сторонъ глиной.

Близъ сел. Мамаевки Н. П. Остроумовъ произвелъ пробныя раскопки кургана Жуанъ—типя или Таякъ—салды. Этотъ курганъ въ

видѣ усѣченной пирамиды саженъ въ 8 высоты. При основаніи каждая сторона этой пирамиды имѣетъ саж. 50, а въ верхнемъ сѣченіи 25 саж. Курганъ Джуанъ—типя (Таякъ—салды) заключенъ внутри двухъ искусственныхъ валовъ и трехъ широкихъ рвовъ между ними. На поверхности кургана въ глубинѣ 1½ арш. еще въ маѣ этого 1893 года межевикъ Баронинъ отрылъ круглый глиняный столъ на трехъ ножкахъ и два обломка ручного жернова. Тутъ еще были найдены имъ осколки глиняной посуды и человѣческія кости, а подъ самымъ столомъ былъ замѣченъ слой истлѣвшей одежды.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ насыпи на поверхности большого холма „Джуанъ-типя“ и на окружающемъ его валѣ г. Остроумовъ произвелъ раскопки. Вездѣ земля оказалась насыпной. На холмѣ встрѣчались черепки, толстой глиняной посуды. На валу въ двухъ, мѣстахъ, на глубинѣ одной сажени были замѣтны круглыя ямы аршинъ въ діаметрѣ, дно которыхъ было выложено черепками битой глиняной посуды, а сверху засыпано мелкой галькой.

Вблизи Джуанъ-типя Н. П. Остроумовъ осмотрѣлъ другой холмъ, извѣстный подъ названіемъ „Караулъ-типя“, на вершинѣ котораго г. Баронинымъ былъ найденъ кладъ.*)

По мнѣнію г. Остроумова монеты этого клада несомнѣнно древнія, судя по очертанію буквъ, изъ которыхъ состоятъ надписи на нихъ (буквы на монетахъ такъ называемаго куфическаго письма), но открытіе самого клада представляется фактомъ случайнымъ „Очевидно—или владѣлецъ клада хотѣлъ скрыть деньги во время какого нибудь вражескаго набѣга, или же, быть можетъ, степной барантачъ ограбилъ мирнаго торговца древняго Отрара и затѣмъ возвращаясь въ свое кочевье зарылъ награбленное богатство въ степи на холмѣ; послѣ того онъ самъ могъ быть убитымъ въ какой нибудь новой схваткѣ своими недругами и кладъ остался на холмѣ.

Еще раскопки г. Остроумовъ произвелъ вблизи г. Чимкента на берегу рѣки Бадамъ. Здѣсь имѣется холмъ, извѣстный подъ названіемъ „Альванъ-Кендъ“. Этотъ холмъ, посѣщенный г. Остроумовымъ еще въ 1888 году, имѣетъ болѣе 3-хъ саж. вышины при 25 саж. длины; но можно предположить, что отъ холма осталась въ настоящее время (т. е. въ 1893 г.) половина прежней его величины. При раскопкѣ обнаружено было множество черепковъ, обломки большихъ глиняныхъ кувшиновъ, употребляемыхъ и въ настоящее время туземцами, но глазированныхъ съ внутренней стороны.

Раскопка Чимкентскаго холма „Альванъ-Кендъ“ не дала никакихъ положительныхъ результатовъ для какихъ-либо выводовъ относительно цѣли такихъ сооруженій. Раскопка холма не доведена до конца.

По сообщенію М. А. Кирхгофа (см. Проток. и сообщ. членовъ Турк. кр. за 1906/7 г. стр. 58—59) слѣды хищническихъ раскопокъ кургана видны къ сѣверу отъ желѣзнодорожной станціи Бишъ-арыкъ, по ущелью Акъ-уюкъ, примѣрно около 2-хъ верстъ отъ входа рѣчки въ ущелье.

О курганахъ Чимкентскаго уѣзда и главнымъ образомъ о холмѣ „Караулъ-типя“, на вершинѣ котораго г. Баронинымъ былъ найденъ кладъ, только что упомянутый г. Остроумовымъ, имѣются свѣдѣнія въ „Изв. Казанск. Унив. Т. XI вып. 4. Сообщеніе это гласитъ слѣдующее: „Въ маѣ текущаго года на крестьянскомъ полевомъ надѣлѣ былъ отысканъ кладъ. Надо замѣтить, что на лѣвомъ берегу р. Арысь, верстъ на 25 выше развалинъ древняго Отрара, лежавшаго по правую сторону той же Арыси, имѣются слѣды какого-то загадочнаго сооруженія. Прежде всего на надѣлѣ мамаевцевъ имѣется два высокихъ насыпныхъ кургана. Отъ одного изъ нихъ подъ острымъ угломъ расходятся двѣ прямыя линіи маленькихъ курганчиковъ, какъ бы обозначающихъ слѣды древней стѣны. Линія кур-

*) См. дальше описаніе этой находки.

гановъ, идущихъ параллельно Арыси, тянется версты на 3, а затѣмъ теряется среди массы курганчиковъ, занявшихъ громадное пространство передъ другимъ насыпнымъ курганомъ высота котораго, достигаетъ саженъ 15. Этотъ послѣдній окруженъ громаднымъ валомъ или быть можетъ это слѣды магистральнаго арыка. Во время межевыхъ работъ землемѣръ Баронинъ, устанавливая межевой знакъ на первомъ курганѣ, приказалъ рабочимъ рыть яму. И вотъ послѣ нѣсколькихъ взмаховъ кетменемъ, работавшіе услышали характерный звукъ разбиваемаго глинянаго сосуда. Работа повелась осторожнѣе и вскорѣ былъ открытъ глиняный горшекъ, покрытый металлическимъ кружкомъ. Въ сосудѣ оказалось: 1.800 серебряныхъ и свыше 4000 мѣдныхъ монетъ, нѣсколько зеренъ жемчуга, куски сердолика, двѣ или три маленькихъ проткнутыхъ морскихъ раковины, бронзовое стремя, 2 серебряныхъ браслета и иного разныхъ мелкихъ украшеній.

На другомъ курганѣ, при такихъ же обстоятельствахъ былъ найденъ большой круглый столъ изъ обожженной глины, а подъ нимъ ручная мельница, столъ стоялъ на низенькихъ ножкахъ и на немъ видны слѣды украшеній; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ крестообразную форму.

Находка, судя по увѣренію одного грамотнаго киргиза прочитавшаго надпись на монетѣ найденной тамъ же должна быть отнесена къ эпохѣ султана Барура одного изъ тимуридовъ".

Раскопки кургана около Мерке. Въ Протоколахъ Туркест. кружка за 1898 г. № 3 стр. 129—131 мы находимъ сообщеніе И. Аничкова о раскопкѣ одного кургана около Мерке. Могила (видимо курганъ) представляла изъ себя груду камней. Раскопана она была киргизами. Со словъ старика Асимъ-тюря могила была расположена на лѣтовкахъ киргизъ Карагистанской волости, въ горной долинѣ р. Карагистанъ, на Акъ-тасѣ (Александровскій хребетъ) на высотѣ человѣческаго роста были найдены кости уже истлѣвшія и разсыпавшіяся. При нихъ оказались разныя вещи: металлическія части сѣдельнаго прибора наконечники стрѣлъ, серебряная чаша и пр. Здѣсь авторъ этого сообщенія намекаетъ на погребеніе человѣка съ лошадью.

Свѣдѣнія

о глиняныхъ погребальныхъ урнахъ.

Въ Протоколахъ и сооб. членовъ Туркест. кр. люб. арх. за одиннадцатый годъ его дѣятельности помѣщена статья Н. П. Остроумова о глиняныхъ погребальныхъ урнахъ. Авторъ статьи пересчитывая мѣста нахожденія глиняныхъ погребальныхъ урнъ въ окрестностяхъ Ташкента говоритъ о сходствѣ такихъ находокъ съ Самаркандскими урнами. [1])

„Въ настоящее время пишетъ Н. П. Остроумовъ, въ Ташкентскомъ музеѣ хранится 11 глиняныхъ костехранилищъ, найденныхъ въ разное время въ окрестностяхъ Ташкента отъ 12-го экземпляра имѣется большой обломокъ, а отъ 13-го обломокъ продольной стѣнки съ рельефною на ней фигурой богатыря, держащаго въ одной рукѣ палицу.

Первая глиняная погребальная урна была найдена въ 1886 г. на участкѣ земли, отставного рядового Ваулина, близъ бывшей почтовой ст. Ніязбашъ, въ 22 вер. отъ Ташкента, по дорогѣ въ Самаркандъ.

Послѣ того, на бывшей землѣ Н. М. Никифорова, въ 2-хъ вер. отъ Ташкента, по верхней дорогѣ въ с. Никольское, близъ холма „Алтынъ-Типя“ рабочими г. Никифорова проводившими арыкъ, былъ обнаруженъ также въ землѣ цѣлый рядъ глиняныхъ костехранилищъ.

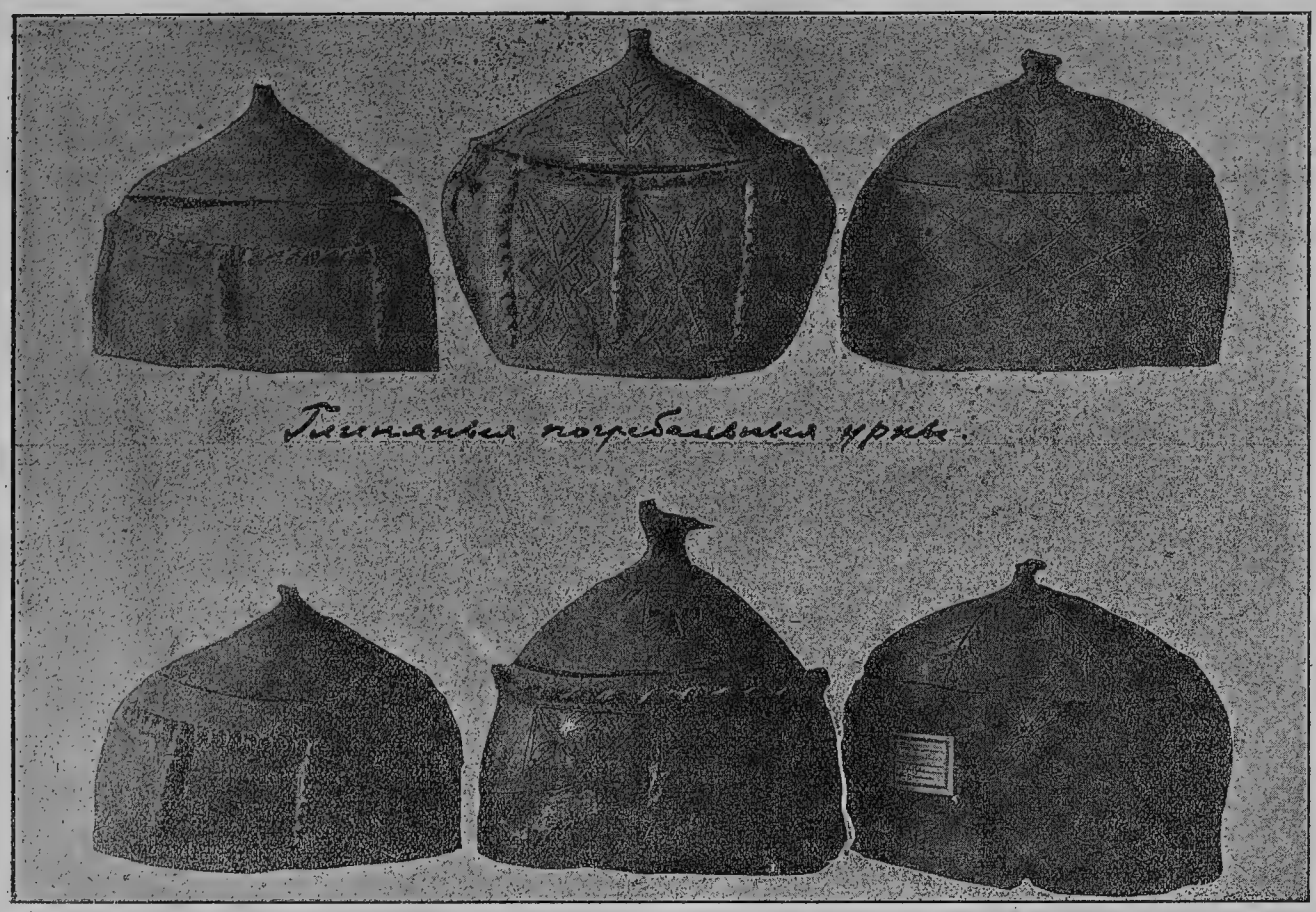
Третья по времени подобная находка была обнаружена въ 1889 г, въ загородномъ саду покойнаго члена кружка ген-м. Джурабека. на р. Карасу, въ 2-хъ вер. отъ Ташкента, по дорогѣ Куйлюкъ.

Во время устройства Александровскаго сквера близъ зимняго театра въ Ташкентѣ былъ обнаруженъ глиняный гробъ съ человѣческими костями.

Въ 1896 г. въ верстахъ шести отъ Ташкента, по старому почтовому тракту на Самаркандъ, на дворѣ сарта Рахматуллы Латыфбаева обнаружено было подъ землею 5 глиняныхъ костехранилищъ, наполненныхъ человѣческими костями и прикрытыхъ выпуклыми глиняными крышками“.

---

[1]) Въ Туркест. Курьерѣ отъ 19 дек. 1908 г. находится замѣтка относит. доклада члена Туркестанск. кружка люб арх. г. Калмыкова о глиняныхъ оссуаріахъ найд. В. Н. Кастальскимъ близъ Самарканда. Членъ общ. Калмыковъ отнесъ найденный оссуарій къ IV—VII вѣкамъ послѣ Р. Х. Изъ рисунковъ, выгравированныхъ на крышкѣ гробика, докладчикъ вывелъ заключеніе, что гробики принадлежатъ племени, поклонявшемуся миѳическому растенію „Гаома“ или „Сома“. О культѣ «Гаома» упоминается въ «Зендъ-Авестѣ».



Глиняныя погребальныя урны.

Въ 1897 г. въ присутствіи Н. П. Остроумова и двухъ членовъ кружка, на усадьбѣ ташкентскаго сарта Акбар-Хана (граничащей съ садомъ г. Касьянова, на границѣ русскаго города въ сторону Самарканда) были извлечены изъ подъ земли съ глубины до 2-хъ арш. два глиняныхъ костехранилища съ крышками наполненными человѣческими костями, пересыпанными сухою землею,

Въ засѣданіи членовъ кружка, происходившемъ 12 ноября 1904 г., членъ кружка Мирза-Абдулла Иса-Мухаммедовъ пожертвовалъ въ музей кружка два костехранилища найденныхъ киргизами въ долинѣ р. Ангрена.

Въ этомъ же 1904 г. членъ кружка Каллауръ письмомъ сообщилъ Н. П. Остроумову, что въ городѣ Ауліеата при выемкѣ земли, были найдены одинъ глиняный гробъ и корчаги около него съ человѣческими костями. Мѣстонахожденіе этого гроба—въ самомъ городѣ около церковной площади Николаевской военной церкви съ одной стороны и хлѣбнаго базара съ другой.

Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ.

Въ „Протоколахъ Туркестанскаго кружка любителей археологіи“ за 1897 г. № 1, помѣщена очень интересная статья г. Каллаура. Извѣстно, что первый въ Туркестанѣ В. А. Каллауръ открылъ каменныя бабы. Первая баба была найдена вблизи Мерке на курганѣ (сопкѣ) Симъ-тюбе, при отводѣ земли въ надѣлъ русск. селенія Мерке [1]). Вторая каменная баба найдена была въ 1889 г. въ горахъ Каратау на Кокъ-талѣ, на границѣ съ Чимкентскимъ уѣздомъ. Еще нѣсколько бабъ найдены были г. Каллауромъ въ 1893 г., на Джаланашѣ противъ Мерке, въ предгорьяхъ Александровскаго хребта, въ 1896 г., на лѣвомъ берегу р. Урмаралъ, выше дороги въ селеніе Дмитріевское; наконецъ имъ же въ сентябрѣ 1897 года въ долинѣ Сандыка, на Чимбулакѣ, Джай-Санды-булакѣ и въ 16 вер. отъ г. Ауліеаты, близъ Джиты—тюбе на сѣверной оконечности Александровскаго хребта.

Каменныя бабы были еще найдены въ предгорьяхъ Александровскаго хребта членомъ кружка И. В. Аничковымъ въ 1896 г. Всѣ эти бабы сдѣланы изъ каменныхъ горныхъ породъ; нѣкоторыя имѣютъ заостренную голову, напоминающую собою высокую шапку или шлемъ или тіару, у другихъ бабъ голова закруглена. На животѣ у всѣхъ болѣе или менѣе замѣтная чаша, которая держится въ рукахъ. Большинство бабъ стояли на курганахъ по одной, по 2 и даже по 3 бабы.

Въ эту поѣздку г. Каллауръ видѣлъ каменныя бабы: 1) въ селеніи Николаевскомъ 2) въ селеніи Карабалтахъ двѣ бабы.

Въ 1898 году г. В. Каллауромъ были найдены двѣ каменныя бабы около одного кургана на Ташъ-бастау, верстахъ въ 60 отъ города Ауліеата, около зимовки киргиза № 6 аула, Тасъ-Тюбинской волости, Ченкара Джангельдина.

Еще каменныя бабы были имъ найдены по рѣкѣ Кокъ-талу, въ мѣстности Гышъ-купыръ, у одного изъ разрытыхъ киргизами кургановъ. Каменная баба изображала мужчину. По типу отличается отъ бабъ найденныхъ имъ же въ верховьяхъ р. Таласа; двѣ каменныхъ бабы на Бишъ-ташѣ, двѣ на Урмолѣ, въ селеніи Романовкѣ, одна по Таласу, ниже селенія Михайловскаго.

Наконецъ киргизы сообщили г. Каллауру, что въ верховьяхъ р. Бадама имѣются двѣ каменныя бабы, одна взрослаго человѣка, а другая мальчика.

Въ 1897 году г. Каллауръ предпринялъ археологическую поѣздку по Ауліеатинскому

---

1) Эта каменная баба хранится въ музеѣ Кружка въ Ташкентѣ. (См. таб. XIV рис. 1—7)

уѣзду. Въ ущельѣ Бокаиръ въ горахъ Алатау, не доѣзжая шаговъ 30 до мазара Актайляка, съ правой стороны ущелья на небольшомъ курганѣ г. Каллауръ нашелъ каменную бабу съ изображеніемъ, обращеннымъ на западъ. Эта баба была имъ взята и помѣщена въ саду при домѣ уѣзднаго начальника.

Въ 1901 году В. Колосовскимъ была найдена каменная баба въ урочищѣ Усукъ-тасъ въ восточной части Каратавскихъ горъ. Въ тѣхъ же горахъ въ ур. Какъ-талъ еще въ 1889 г. была найд. подобная баба В. А. Каллауромъ (см. выше).

Въ 1904 г. В. Каллауръ видѣлъ, по дорогѣ отъ селенія Высокаго (Чакпакъ) въ селеніе Грозное, влѣво, на Четъ булакѣ, около зимовки Чирчикбая Нарбушина, небольшой курганъ съ каменной бабой изъ краснаго камня. (см. прилож. къ Проток. Турк. кр. люб. арх. за 1904 г. стр. 55).

По опредѣленію г. Аничкова, раіонъ распространенія каменныхъ бабъ, въ горахъ и предгорьяхъ Александровскаго хребта и долинѣ Сусамыра, очень значителенъ; границею нахожденія каменныхъ бабъ къ западу онъ считаетъ сел. Мерке, далѣе котораго къ Ахыръ-ташу и низовьямъ Таласа кам. бабы не встрѣчаются.

Въ своемъ сообщеніи авторъ статьи высказываетъ любопытную мысль о такъ назыв. *Кульпъ-тасахъ*, а именно, что послѣдніе составляютъ форму *переживанія* прежняго изображенія человѣка встрѣчаемаго въ киргизскихъ степяхъ. (См. статья Мустафина въ Проток. Турк. кр. отъ 11 декабря 1897—1899 г.)

Камни съ надписями.

АУЛІЕАТИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ 1897 году В. Каллауръ предпринялъ археологическую поѣздку по Ауліеатинскому уѣзду и въ частности въ горную долину р. Таласа. Въ ущельѣ Терекъ-Сай г. Каллауромъ были найдены камни съ надписями, по мнѣнію В. Каллаура уйгурскими. Четыре снимка съ надписей были имъ сдѣланы.

Вблизи ущелья Кулань-Сай г. Каллауръ осмотрѣлъ камень Чіимташъ съ надписью, напоминающей ему уйгурскія письмена.

Въ 1898 г. Каллауръ ѣздилъ на уроч. Аиртамъ-Ой осмотрѣть камень съ орхонской надписью, съ котораго былъ сдѣланъ снимокъ. Здѣсь же еще были найдены другія камни съ орхонскими же надписями. (См. Записки Восточн. отдѣлъ Имп. Русск. археолог. общ. Т. XI.).

Боролдайскія письмена. Въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ отъ 4 сент. 1905 г. № 130 была помѣщена статья П. Комарова, перепеч. въ прилож. къ Прот. Турк. кр. люб арх. за 1905 г. „О Боролдайскихъ письменахъ". Авторъ статьи сообщаетъ, что „Нѣсколько выше устья рѣчки Теректы, впадающей въ рѣку Боролдай слѣва, на вершинѣ водораздѣла между лѣвыми притоками того же Боролдая, Кара-тасты-булакомъ и Кизыль—Булакомъ, оказалась гряда скалъ, а на нихъ надписи и рисунки. *) То и другое киргизы приписываютъ калмыкамъ.

По мнѣнію г. Комарова въ этихъ начертаніяхъ нѣтъ ничего калмыцкаго. На камняхъ, вздымающихся гребнемъ по направленію отъ береговъ рѣки Боролдай къ громадѣ Ульконъ-Туры, высѣчены изображенія животныхъ: лошадей, архаровъ (Ovis argali), оленей (Cervus tarandus или elaphus), гончихъ собакъ, волковъ и людей. Между прочимъ изображены засѣдланныя лошади и всадники съ луками въ рукахъ, преслѣдующіе горныхъ барановъ, которымъ путь преграженъ собакой. Нѣкоторые рисунки выполнены весьма хорошо. Кромѣ рисунковъ на камняхъ выбиты какіе-то знаки, частью похожіе на орхонскія письмена или на тамги киргизовъ, частью напоминающія тѣ надписи на несторіанскихъ надгробныхъ памятникахъ, какія приведены (въ снимкахъ) въ Протоколѣ Туркестанскаго кружка люб. арх. № 2, на стр. 61. Рисунки частью сходны съ рисунками Саймалытасъ, снимки съ которыхъ даны въ томъ же изданіи въ приложеніи къ статьямъ Н. Г. Хлудова и И. Т. Пославскаго **), а также къ сочиненію В. В. Бартольда ***) съ камней нарынскихъ и иссыкъ-кульскихъ." (см. Таб. V р. 1)

---

*) Боролдайская волость Чимкентскаго уѣзда.

**) См. Проток. засѣд. и сообщ. членовъ Турк. кр. люб. арх. годъ 7-й, протоколъ № 2 стр. 40-48, и годъ 8-ой стр. 75—83.

***) Отчетъ о поѣздкѣ въ среднюю Азію съ научной цѣлію въ 1893/4 г. таблица XIII рис 1—3.

ЧИМКЕНТСКІЙ УѢЗДЪ.

Камни съ изображеніями животныхъ, а также съ какими-то неопредѣленными рисунками и чертами въ родѣ надписей были найдены топографомъ М. А. Кирхгофомъ къ сѣверу отъ г. Туркестана. Свѣдѣнія объ этихъ находкахъ напечатаны въ Прот. и сообщеніяхъ членовъ Турк. кр. люб. арх. 1906/7 г. стр. 57—60. Находясь на топографическихъ работахъ къ сѣверу отъ желѣзнодорожной станціи Бишъ-арыкъ, г. М. А. Кирхгофъ осмотрѣлъ нѣсколько камней съ изображеніями. Рисунокъ выбитъ на черномъ и блестящемъ какъ бы покрытомъ масломъ слоѣ скалы, находящейся въ 2-хъ верстахъ отъ впаденія въ рѣчку Карнъ-джарыкъ маленькаго ручья, пересыхающаго и неимѣющаго названія. Изображеніе состоитъ изъ грубаго начертанія фигуръ различныхъ животныхъ.

Такое же изображеніе, но состоящее всего изъ двухъ или трехъ фигуръ, находится въ среднемъ теченіи рѣчки Бишъ-арыка. [1])

Такіе-же изображенія животныхъ и такіе же рисунки въ родѣ надписей встрѣчаются въ срединѣ долины Бишъ арыкъ, къ сѣверо-востоку отъ мельницы Бура, немного сѣвернѣе кладбища Абзель-бабъ, на горкѣ, рѣзко выдающейся и легко могущей быть замѣченной. Высѣчены они также на черныхъ, блестящихъ, какъ бы вороненыхъ поверхностяхъ камней.

1) Въ этой мѣстности г. Кирхгофомъ были найдены каменные наконечники стрѣлъ.

Свѣдѣнія о пещерахъ.

ТАШКЕНТСКІЙ УѢЗДЪ.

На берегу рѣки Угама, въ 25 верстахъ отъ кишлака Хумсана, находится интересная въ археологическомъ и геологическомъ отношеніяхъ пещера, которая имѣетъ весьма важное значеніе въ фантазіи туземнаго населенія. [1]) Говорятъ, что корридоры пещеры ведутъ прямо въ Ташкентъ; что въ пещерѣ зарыты огромныя сокровища, спрятанныя тамъ какимъ-то племенемъ, и что теперь живутъ тамъ чудовища, выходящія ночью на охоту въ горы. Одинъ путешественникъ, посѣтившій пещеру въ сопровожденіи проводника, разсказываетъ, между проч., слѣдующее: „Входъ въ пещеру образуетъ родъ воротъ, въ высоту человѣка, такъ что мы могли пройти очень удобно. По вступленіи въ пещеру насъ тотчасъ охватила непроницаемая тьма, воздухъ былъ сырой и удушливый. Сверху стекала вода, и ритмическіе звуки падающихъ капель однообразно прерывали мертвенную тишину, царящую въ пещерѣ. Мы зажгли принесенныя свѣчи, тьма стала мало по малу разсѣеваться, и нашимъ взорамъ представился строго правильный куполъ, плоскость котораго въ разрѣзѣ равнялась приблизительно 60 арш. Высота этого купола, подъ которымъ черезъ отверстіе можно было замѣтить еще второй, достигала 15—18 арш. Стѣны сдѣланы изъ красиваго краснаго камня, напоминающаго мраморъ, но разнящагося отъ него своей структурой. Мокрыя отъ сырости пещеры стѣны отражаютъ пламя свѣчей и сообщаютъ помѣщенію фантастическій характеръ. Прямо передъ входомъ замѣтно другое отверстіе приблизительно такой-же величины. Мы вошли туда и попали въ длинный, сырой и темный корридоръ, съ верху котораго свѣшивались кристалическія ледяныя сосульки, съ которыхъ медленно капала вода и образовывала на полу коническія возвышенія остріемъ вверхъ. Ледяныя стѣны корридора также отразили свѣтъ нашихъ свѣчей и засверкали всѣми цвѣтами радуги. Корридоръ мало по малу поднимался и закончился круглымъ отверстіемъ, полъ котораго былъ покрытъ гладкимъ льдомъ, такъ что прежде, чѣмъ добраться туда почти ползкомъ, мы должны были прорубить во льду ступени захваченными съ собою маленькими топорами. Отсюда мы попали въ низкій и узкій корридоръ; спокойно горѣвшія до сихъ поръ свѣчи начали трещать и по временамъ гасли. Проводникъ киргизъ объяснилъ, что этотъ корридоръ образуетъ начало подземнаго пути, ведущаго въ Ташкентъ, и отказался идти дальше на томъ основаніи, что дальнѣйшая дорога въ высшей степени опасна. Мы должны были вернуться, такъ какъ наши свѣчи

[1]) Перев. изъ St.-Pet. Zet. 9 марта 1902 г. № 68.

на половину сгорѣли, и дальнѣйшее проникновеніе представлялось рискованнымъ безъ особыхъ мѣръ предосторожности. На полу малаго корридора мы наткнулись на кучу костей, повидимому, по большей части овечьихъ. Какъ эти кости сюда попали, сказать трудно; проводникъ естественно утверждаетъ, что онѣ отчасти происходятъ отъ таинственныхъ чудовищъ, живущихъ въ пещерѣ, отчасти отъ гнѣздившихся нѣкогда здѣсь разбойниковъ. Во всякомъ случаѣ пещера представляетъ благодарный предметъ изслѣдованій для археологовъ и геологовъ.

АУЛІЕАТИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Пещера въ ущ. Сугуты. Въ „Изв. Имп. Русск. геогр. общ. Т. XXI за 1885 г. вып. 3. „Д. Л. Ивановъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о пещерахъ Туркестанскаго края. Изъ всѣхъ, посѣщенныхъ г. Ивановымъ пещеръ, одна только въ археологическомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія: это пещера въ ущельѣ Сугуты на сѣв. склонѣ Александровской цѣпи, въ одномъ переходѣ отъ г. Ауліеата. Въ ней г. Ивановъ встрѣтилъ высѣченныя тамги, видимо „калмыцкаго или монгольскаго типа.“

ЧИМКЕНТСКІЙ УѢЗДЪ.

Боролдайская пещера Въ своей статьѣ „О Боролдайскихъ письменахъ“ П. Комарова (см. Турк. Вѣд. отъ 4 сент. 1905 г. № 130) авторъ статьи приводитъ слѣдующее свѣдѣніе: „Другая достопримѣчательность этого мѣста—таинственная пещера съ деревянной лѣстницей и съ металлическимъ котломъ (какъ разсказываютъ, по крайнѣй мѣрѣ, киргизы), находится на восточномъ склонѣ Ульконъ-Туры, на сторонѣ,обращенной къ рѣкѣ Тутты-Узень, тоже вливающейся слѣва въ Боролдай. Пробраться въ эту пещеру, говорятъ, можно только со стороны плоскогорья Джайляуша, на верховьяхъ Кутургана, Сарыбулака, Караунгура и Каирчакты. Проникнуть въ пещеру г-ну Комарову не удалось, спуститься туда можно только на веревкахъ“.

Становище каменнаго вѣка. Найденный киргизами на островѣ Николая на Аральскомъ морѣ кремневый наконечникъ стрѣлы [1]) даетъ основаніе предположить, что здѣсь нѣкогда существовало становище каменнаго вѣка. Впрочемъ находки каменныхъ орудій въ предѣлахъ Сыръ-Дарьинской области уже были сообщены членами Туркест. кр. люб. арх. за 1906/7 г.; такъ, напр., стр. 57 упоминается о двухъ небольшихъ каменныхъ орудіяхъ, найденныхъ М. А. Кирхгофомъ на поверхности земли, между галькою русла рѣчки Бишарыкъ къ сѣверу отъ г. Туркестана.

Въ № 130 Туркестанскихъ Вѣдомостей А. И. Симоновъ упоминаетъ о каменномъ наконечникѣ копья, найденномъ капитаномъ Тумботинымъ во время его охоты въ горахъ около Туркестана.

Каменныя наконечники стрѣлъ еще были найдены киргизами въ горахъ Кара-тау; извѣстно, что А. И. Смирновъ упоминаетъ, что видѣлъ четыре каменныхъ наконечника для стрѣлъ, которые одна киргизка Казалинскаго уѣзда носила на себѣ въ видѣ амулетовъ. По словамъ этой женщины стрѣлы были найдены лѣтъ 50 назадъ ея отцомъ при случайномъ разрытіи какой-то могилы за Джулекомъ, слѣдовательно вблизи горъ Кара-тау.

1) См. Проток. и сообщ. членовъ Туркест. Кр. люб арх. за 1906/7 г. стр. 57—80 (этотъ кремневый наконечникъ стрѣлы хранится у П. С. Назарова.)

Развалины, киргизскія святыни,

преданія и пр. памятники

Сыръ-Дарьинской области.

Слѣды древнихъ городовъ по Сыръ-Дарьѣ. На засѣданіи Турк. кружка люб. археол. 27 марта 1900 г. Н. П. Остроумовымъ были прочитаны выдержки изъ статьи Н. В. Руднева „Заброшенный уголокъ“ (Турк. Вѣд. №№ 15, 16 и 17), въ которыхъ упоминается о древнихъ городахъ: *Оксусъ, Косты, Узунъ-ата, Суть-кентъ, Байры-кумъ, Ичкиле, Джаръ-тюбе, Рабатъ, Калганъ-ата, Артыкъ-ата и Разды-ата.* Остатки этихъ городовъ находятся въ предѣлахъ нынѣшняго Туркестанскаго участка и Перовскаго уѣзда. Выдержки статьи г. Руднева правленіемъ Кружка напечатаны въ вышеупомянутыхъ Протоколахъ стр. 57—62. Я здѣсь вкратцѣ приведу описаніе этихъ развалинъ.

„Вблизи столицы Туркестанскаго края г. Ташкента есть почти забытый уголокъ, который по тщательномъ изслѣдованіи знающими людьми можетъ доставить много интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній. Я имѣю въ виду часть Джизакскаго уѣзда и Чимкентскій уѣздъ съ его Туркестанскимъ участкомъ, захватывающіе окрестности р. Сыръ-Дарьи и именно ея лѣвый берегъ, по которому я проѣхалъ въ прошломъ году отъ развалинъ бывшаго укрѣпленія Чардара (60—70 вер. ниже селенія Чиназъ) и до переправы Учъ-Каюкъ (вблизи границы Туркестанскаго участка съ Перовскимъ уѣздомъ).

Раньше всего бросаются здѣсь въ глаза развалины бывшаго укрѣпленія „Чардара“, расположенныя на лѣвомъ берегу р. Сыръ-Дарьи, вблизи большого озера „Сасыкъ-Куль“. Это укрѣпленіе, отстоящее на двѣ версты отъ нынѣшней рѣки, не особенно давно служило передовымъ фортомъ для защиты г. Ташкента съ его сартовскимъ населеніемъ отъ нападеній со стороны враждебной Бухары.

Степная полоса, прилегающая къ присырдарьинскимъ тугаямъ на протяженіи почти 350 верстъ отъ развал. бывш. укр. Чардара и до переправы Учъ-Каюкъ, была вмѣстилищемъ обширной и богатой культуры: еще донынѣ существуютъ развалины разбросанныхъ по ней древнихъ городовъ, укрѣпленій, поселковъ и цѣлая сѣть старыхъ арыковъ... Отъ уроч. Ксты (приблизительно въ 30 вер. ниже уроч. Чардара) и до границы Туркестанскаго участка съ Перовскимъ уѣздомъ, на неравномъ другъ отъ друга разстояніи, были расположены *одиннадцать* древнихъ городовъ. За исключеніемъ г. *Оксуса*, (приблизительно въ 45 в. выше переправы Учъ-Каюкъ, ввиду переправы Ичке-Ульмесъ, лежащей на дорогѣ въ г. Туркестанъ), почему-то удержавшаго свое древнее названіе, всѣ города переименованы на туземный языкъ, съ преданіемъ полному забвенію ихъ прежнихъ названій, слѣдующимъ образомъ: *Ксты, Узунъ-ата, Сютъ-кентъ, Байракумъ, Ичкеле, Ожаръ-тюбе, Рабатъ, Калганъ-ата Артыгъ-ата и Разды-ата.* Древніе города со времени ихъ запустѣнія и до сихъ поръ помимо атмосферныхъ вліяній особенно много терпѣли измѣненій отъ разливовъ капризной и непостоянной Сыръ-Дарьи, а также отъ песчаныхъ наносовъ. Весьма возможно, что еще большее количество древ. городовъ погребено подъ передвигающимися Кызылъ-Кумами, или же смыто волнами рѣки или же обратилось въ дно прибрежныхъ озеръ...

Изъ развалинъ одиннадцати древнихъ городовъ сравнительно съ другими хорошо сохранились развалины Сютъ-Кента, превосходящаго каждый изъ остальныхъ размѣрами занимаемой площади, (городъ расположенъ въ 2 вер. выше озера Кара-Куль.).

Развалины Сютъ-Кента— Городъ Сютъ-Кентъ по описанію того же г. Руднева, имѣетъ форму круга или скорѣе многоугольника, обведеннаго стѣной, бывшей когда то очень внушительныхъ размѣровъ. Основаніе городской стѣны образуетъ широкій насыпной валъ, а верхняя часть ея выложена изъ сырцоваго кирпича и изъ комьевъ глины. Городъ имѣлъ четверо воротъ, поставленныхъ съ каждой стороны горизонта; лучше всего изъ нихъ уцѣлѣли западныя съ башенками на верху; около послѣднихъ сооружена грозная цитадель съ башней, обведенная глубокимъ рвомъ. Черезъ ворота проходили двѣ

главныя улицы, пересѣкающіяся подъ прямымъ угломъ въ центрѣ города. Центръ города теперь представляетъ возвышеніе, лежащее на ровномъ мѣстѣ; очевидно, что здѣсь было сосредоточено особенно много построекъ. Отъ центра города шли правильными радіусами улицы; между ними, внутри окаймлявшихъ ихъ зданій, существуютъ широкія углубленія, быть можетъ, служившія вмѣстилищемъ садовъ. За городской стѣной видны мѣстами, но очень неясно, остатки подобныхъ же улицъ въ видѣ радіусовъ, только еще большаго круга. По главной дорогѣ между городами, при выходѣ арыковъ изъ р. Сыръ-Дарьи и на концахъ главныхъ изъ нихъ, а также въ особенности со стороны Кызылъ-Кумовъ, мѣстами были построены небольшія квадратныя укрѣпленія въ качествѣ какъ бы передовыхъ фортовъ. Кромѣ того, кое гдѣ между городами были насыпаны изрѣдка значительные бугры, имѣвшіе, очевидно, назначеніе служить караульными постами: на послѣднихъ буграхъ и въ нѣкоторыхъ передовыхъ фортахъ разбросаны черепки битой посуды..."

ЧИМКЕНТСКІЙ УѢЗДЪ.

Развалины гор. Отрара. Въ Протоколахъ Туркестантскаго кружка за 1898 г. № 4 напечатана статья „Развалины гор. Отрара", перепечатанная изъ № 37-го „Русскаго Туркестана" за 1898 г. Въ виду интереса, представляемаго этой статьей для литературнаго матеріала о развалинахъ Отрара, я позволю себѣ привести ее почти in extens).

„Не такъ давно намъ случилось побывать на развалинахъ древняго города Отрара, раскинутыхъ недалеко отъ впаденія р. Арыса въ Сыръ-Дарью. Въ то время, какъ основаніе большинства значительныхъ городовъ нашего края приписывается обыкновенно созидательной дѣятельности персовъ и арабовъ за періодъ времени отъ IX по XIII ст., существованіе г. Отрара покрыто мракомъ самой сѣдой старины, такъ какъ, если не ошибаемся, о немъ говоритъ еще Птоломей, упоминая о Фарабѣ, заселенномъ Яксартами. Не имѣя подъ рукой какихъ-либо историческихъ справокъ, мы не рѣшаемся говорить о немъ болѣе подробно, чтобы можно было хоть сколько-нибудь прослѣдить исторію этого нѣкогда цвѣтущаго и загадочнаго города. Извѣстно только, что полчища Чингизхана овладѣли Отраромъ и въ 1219 г. подвергли его обычному для нихъ разграбленію. Говорятъ далѣе, что другой великій опустошитель Средней Азіи Тамерланъ возвращаясь съ богомолья изъ Хазрета [1]), останавливался каждый разъ въ Отрарѣ, гдѣ и проводилъ обыкновенно 40 дней самаго жаркаго времени. Въ одно изъ такихъ паломничествъ Тамерланъ, простудившись, умеръ тамъ 17 шабана 807 гиджры, т. е. 18-го февраля 1405 года. Вѣсть о смерти грознаго завоевателя такъ сильно подѣйствовала на горожанъ, что многіе изъ нихъ отъ страха разбѣжались въ горы.

Въ настоящее время на ровномъ пространствѣ степи еще издали можно видѣть громадный одиноко стоящій холмъ—цитадель прежняго города. При болѣе подробномъ знакомствѣ съ мѣстностью и внимательномъ разсматриваніи небольшихъ холмовъ, равномѣрнымъ кольцомъ охватывающихъ курганъ, надо думать, что древній Отраръ состоялъ, какъ и почти всѣ средне-азіатскіе города изъ крѣпости, собственно города и обширныхъ предмѣстій, за которыми тянулись еще сады, раскидывавшіеся въ общемъ, можетъ быть, болѣе чѣмъ на 100 квадратныхъ верстъ. Со стороны Арыса, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ цитадели, сохранилось еще древнее кладбище, служащее мѣстомъ похоронъ до настоящаго времени и расположенное въ предмѣстьяхъ отжившаго города, съ мазаромъ святого Арстанъ-Баба; [2]) позднѣе къ гумбазу пристроена мечеть и вырытъ неглубокій колодезь съ прекрасной чистой водой. Тутъ живутъ нѣсколько сартовъ—подвижниковъ, впрочемъ со своими семействами. На

[1]) Гор. Туркестанъ.
[2]) Нѣкоторые авторы пишутъ Арсланъ-Баба. Прим. І. К.

нашъ вопросъ, обращенный къ почетнымъ мулламъ, о времени разрушенія раскинутаго вблизи нихъ города, получился весьма нелѣпый отвѣтъ, будто это дѣло рукъ Тамерлана.

Нѣкоторые изъ расположенныхъ кольцеобразно холмовъ, служившихъ, вѣроятно, въ городской стѣнѣ башенными воротами, сохранили еще у туземцевъ свои названія, свидѣтельствующія о былomъ развитіи разныхъ промысловъ, вродѣ нашихъ кожевенныхъ, кузнечныхъ слободъ и т. п. Въ центрѣ города съ наружной стороны громаднаго, крѣпостного рва въ откосѣ существуетъ небольшое отверстіе, почти вертикально спускаясь черезъ которое, можно проникнуть, внизъ въ ясно обозначенный подземный ходъ. Говорятъ, что съ годъ тому назадъ здѣсь появился какой-то дувана изъ Мекки, вычитавшій въ священныхъ книгахъ, что въ данномъ мѣстѣ зарыты несмѣтныя сокровища. Дѣйствительно, онъ напалъ на упомянутый ходъ, жилъ въ немъ мѣсяца два, работая ежедневно, и потомъ снова скрылся. Нашелъ ли онъ кладъ неизвѣстно, но кто знаетъ-можетъ быть, невѣжественный фанатикъ и унесъ съ собой не одну археологическую находку?

Подземная галлерея тянется съ немногими развѣтвленіями на нѣсколько десятковъ саженъ и, постепенно съуживаясь и понижаясь, упирается наконецъ, въ материкъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сводъ обрушился и образовалъ естественныя вентиляціонныя отверстія... Самая крѣпость, въ которую можно проникнуть, взобравшись по довольно крутой тропинкѣ, носитъ на себѣ довольно свѣжіе слѣды дикаго разрушенія: на неплотно еще слежавшейся почвѣ въ изобиліи валяются черепки посуды, иногда весьма тонкой отдѣлки, жженый кирпичъ и цвѣтная глазурь, шлаки и кости... Говорятъ также, что тутъ попадается стекло, въ выдѣлкѣ котораго, по Іакинфу, былъ весьма искусенъ народъ юэчжи.“

Въ Туркест. Вѣд. за 1899 г. № 94 помѣщена статья, перепечатанная въ Протоколахъ Туркест. кружка за 1898—1899 г. стр. 171 – 174 подъ заглавіемъ „Догадка о прошломъ Отрара. Авторъ статьи, Г. Н. Лыкошинъ сообщаетъ слѣдующее. Грандіозныя развалины обширнаго древняго города привлекаютъ къ себѣ вниманіе каждаго, кому приходится побывать близъ впаденія рѣки Арыса въ Сырь-Дарью, въ 45 верстахъ отъ г. Туркестана и верстъ 40 отъ почтоваго тракта, на высотѣ станціи Акмолла.

Теперь, въ 2 верстахъ отъ гробницы мусульманскаго святого Арсланбаба, [1]) виденъ большой четырехъугольный холмъ, окруженный со всѣхъ сторонъ сгладившимися отъ времени валами и рвами; вдали отъ центральнаго холма расположены по разнымъ направленіямъ такой-же высоты громадные холмы, извѣстные у туземцевъ какъ части города Отрара, а вся мѣстность верстъ на десять въ окружности носитъ на себѣ признаки былой культуры. Поверхность земли положительно усыпана черепками глазированной посуды, и въ одномъ изъ угловъ рва, окружавшаго городъ, открыты, какимъ-то туземнымъ искателемъ кладовъ, подземные ходы со слѣдами кирпичной кладки. Туземецъ этотъ, старикъ лѣтъ 70-ти, живъ до сихъ поръ и живетъ въ Туркестанѣ. Среди окрестныхъ киргизовъ сохранились о его археологической дѣятельности нѣкоторыя воспоминанія. По нѣкоторымъ даннымъ предполагаютъ, что Иръ-тишканъ-ишанъ (прозвище искателя кладовъ)—выходецъ изъ Персіи. Сначала онъ поселился въ Туркестанѣ, но когда за нимъ была замѣчена склонность къ одному неблаговидному пороку [2]), то жители города хлопотали о выдвореніи ишана. Онъ перебрался въ сел. Чиликъ, пожилъ здѣсь недолго, снова провинился и принужденъ былъ вновь перемѣнить мѣсто своего жительства. Тутъ-то ему пришло на мысль устроиться на развалинахъ Отрара.

Дѣйствительно-ли ишанъ вычиталъ въ какой-то древней книгѣ, что въ такомъ-то

---

[1]) Нѣкоторые авторы пишутъ Арстанъ-баба—І. К

[2]) Авторъ намекаетъ на бачабазство. (Примѣч. редакціи).

углу стариннаго города зарыты несмѣтныя сокровища или это была только уловка и приманка, но по удаленіи изъ Чилика Иръ-тишканъ-ишанъ собралъ нѣсколькихъ послѣдователей своего суфійскаго ученія изъ киргизъ, увлекъ ихъ разсказами о кладахъ и съ ихъ помощью не только вырылъ близъ Отрара колодезь, но и пробрался въ подземные ходы, гдѣ сдѣлалъ довольно значительныя раскопки. Года два жилъ здѣсь ишанъ и работалъ со своими муридами; но кладъ не давался, а ишанъ проявилъ тѣмъ временемъ свои неприличныя поползновенія среди муридовъ и тѣ разбѣжались, а старикъ снова перебрался въ Туркестанъ, гдѣ его очень не любятъ и считаютъ плохимъ мусульманиномъ и чародѣемъ.

...Основаніе города туземцы приписывали Ною *), а изчезновеніе его объясняли пожаромъ при нашествіи калмыковъ.

Одинъ только несомнѣнный фактъ хорошо сохранился въ народной памяти—это кончина великаго завоевателя Тимура. Всѣ согласно признаютъ, что Тимуръ скончался въ Отрарѣ на пути въ Китай. Фактъ этотъ точно установленъ въ исторіи, но онъ ничего не говоритъ о прошломъ Отрара. Когда не имѣешь о чемъ-либо положительныхъ свѣдѣній, поневолѣ приходится прибѣгать къ догадкамъ, что я и дѣлаю въ настоящемъ случаѣ въ надеждѣ, что по поводу моей замѣтки кто-либо, хотя бы для того, чтобы опровергнуть мои доводы, сообщитъ имѣющіяся у него свѣдѣнія объ интересующемъ меня древнемъ культурномъ центрѣ.

На берегу р. Аму-Дарьи есть селеніе Фарабъ, сохранившее свое названіе со временъ основанія Бухары **). При первомъ амирѣ Бухары *Абруѣ* среди жителей вновь основаннаго города, вслѣдствіе непомѣрной жестокости ими же выбраннаго правителя, произошли волненія, и дихканы, представители земельной аристократіи, среди которыхъ было немало потомковъ царствовавшихъ родовъ, а также богатые купцы ушли изъ этой области въ сторону Туркестана и Тараза (около нынѣшняго Ауліеата), гдѣ выстроили городъ и назвали его Хамукатъ, потому что великій дихканъ, бывшій во главѣ переселившихся назывался Хамукъ, что на языкѣ бухарцевъ означаетъ жемчугъ, а „катъ“ значитъ городъ. Такимъ образомъ названіе это означало „городъ Хамука“ *)

Побѣдитель Абруя, Шири-Кишваръ овладѣвъ Бухарой, отправилъ посла въ Хамукатъ, чтобы онъ уговорилъ вернуться на родину всѣхъ бѣжавшихъ изъ Бухары съ ихъ семействами. Онъ написалъ грамоту, въ которой обѣщалъ, что всѣ возвратившіеся по его приглашенію изъ Хамуката въ Бухару, станутъ его ближними людьми. Это обѣщаніе было вызвано тѣмъ, что всѣ богачи и знатные дихканы выселились, а бѣдные и нисшее сословіе оставались въ Бухарѣ. Послѣ этого бѣжавшіе въ Хамукатъ возвратились на родину... **)

Въ книгѣ „Рауватъ-уль-абраръ“, на стр. 292, читаемъ между прочимъ: „въ 807 году Амиръ Тимуръ, повелитель счастливаго созвѣздія, вознамѣрившись подчинить себѣ Китай и Хотанъ, выйдя изъ Самарканда, скончался (буквально: лицомъ внизъ въ яму огня упалъ) въ городѣ, называемомъ *Утратъ*, который въ книгахъ древнихъ временъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *Фараба*“.

Вотъ данныя, перейду къ догадкѣ. Я допускаю, что Отраръ или, какъ туземцы называютъ его Утраръ, и былъ тѣмъ убѣжищемъ бухарской звати Хамукатонъ, который упомянутъ въ выше питированномъ отрывкѣ „Исторія Бухары“. Когда основали городъ, его назвали Хамукатомъ по имени основателя его Хамука. Когда вслѣдъ за тѣмъ, по приглашенію Шири-Кишвара, бухарцы возвратились на родину, съ ними очевидно, ушелъ и Хамукъ, ихъ „великій дихканъ“ и,

*) Сколько городовъ Туркестана ведутъ свою ни на чемъ не основанную генеалогію отъ этого патріарха!

**) Исторія Бухары, Мухаммада Наршахи. Перев. съ персидск. Н. Лыкошина. стр. 12.

*) Исторія Бухары, Мухаммада Наршахи. Перев. съ персидскаго Н. Лыкошина. Ташкентъ 1897 стр. 12

**) Исторія Бухары стр. 12—13.

слѣдовательно, его имя для основаннаго имъ города потеряло значеніе. Далѣе, названіе „Фарабъ“ могло быть именемъ одного изъ незначительныхъ селеній Бухарскихъ и оставшіеся въ Хамукатѣ переселенцы (не всѣ же до одного вернулись въ Бухару) могли измѣнить названіе города, назвать его именемъ своего села. Впослѣдствіи городъ, какъ и говорятъ туземцы, подвергся нападенію, разграбленію и сожженію со стороны кочевниковъ, кто бы они ни были... Отсюда пепелище могло получить названіе *Утраръ* (въ этомъ словѣ легко слышится „утъ“—огонь.

На половинѣ дороги между Отраромъ и Туркестаномъ есть еще развалины, извѣстныя подъ названіемъ *Утъ-рабатъ*... Опять слово *утъ* въ названіи бывшаго населеннаго пункта.

Вслѣдъ за этой статьей въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1900 г. № 3 появилась другая статья по поводу статьи г. Лыкошина, перепечатанная въ Протоколахъ Турк. кружка за 1898—1899 г. стр. 175. Авторъ этой статьи [1]) В. Бартольдъ пишетъ слѣдующее: „ Въ № 94 Турк. Вѣд. за 1899 г. была напечатана статья г-на Н. Лыкошина, въ которой выражалось предположеніе, что Отраръ тождественъ съ городомъ Хамукетомъ, основаннымъ по разсказу историка Наршахи древними Бухарскими переселенцами. Догадка автора, повидимому, основывается на томъ, что другое названіе Отрара, Фарабъ, тожественно съ названіемъ извѣстнаго, существующаго и теперь, селенія на берегу Аму-Дарьи...

Хамукетъ упоминается однако еще у географа конца X в. Макдиси, при томъ не среди городовъ области Фарабъ, а среди долины Таласа; извѣстіе Макдиси было приведено въ моемъ „Отчетѣ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію“ (стр. 16). Названіе Фарабъ или Барабъ у географовъ X в. носитъ округъ, занимавшій пространство по обоимъ берегамъ Сыръ-Дарьи, къ С-З. отъ Исфиджаба (Сайрама). О городахъ этого округа въ моемъ, еще не вышедшемъ въ свѣтъ, сочиненіи „Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія“ (стр. 177—179) приводятся слѣдующія свѣдѣнія:

„Истахри и Ибнъ-Хаукаль называютъ главнымъ городомъ округа—*Кедеръ* и помѣщаютъ его на разстояніи 1/2 фарсаха отъ берега Сыръ-Дарьи. По Макдиси главный городъ носилъ имя округа; онъ могъ выставить до 70.000 воиновъ (?). Кедеръ, по словамъ того же географа, былъ новымъ городомъ; устройство въ немъ минбара (т. е. соборной мечети) вызвало (междоусобныя) войны, т. е. очевидно, столкновенія между его обитателями и жителями главнаго города округа. Въ виду такихъ противорѣчивыхъ извѣстій трудно рѣшить, соотвѣтствовалъ ли Кедеръ позднѣйшему Фарабу или Отрару (указанныя ниже разстоянія, повидимому заставляютъ помѣстить Кедеръ нѣсколько сѣвернѣе Отрара). Названіе *Отраръ*, повидимому, встрѣчается уже у Табари, который называетъ среди враговъ халифа Мамуна царя города Отраръ-бенде. Изъ городовъ Фараба на лѣвомъ берегу р. Сыръ-Дарьи находились: *Сюткендъ*, гдѣ были поселены принявшіе исламъ тюрки изъ гузовъ и карлуковъ, и *Весиджъ*, небольшое укрѣпленное селеніе съ соборной мечетью, гдѣ жилъ „сильный эмиръ“, на разстояніи 2-хъ фарс. отъ Кедера. Весиджъ былъ родиной знаменитаго философа Абу Насра-ал-фараби; крѣпость существовала еще въ XIII вѣкѣ... Отъ Кедера былъ одинъ переходъ до *Шавгара*, большого укрѣпленнаго города съ обширной волостью съ соборной мечетью около базара, еще одинъ небольшой переходъ до *Саурана*... За Саураномъ Макдиси помѣщаетъ еще небольшой укрѣпленный городъ *Тураръ* и въ его волости селеніе *Зерахъ*, вслѣдствіе чего городъ иногда носилъ названіе *Тураръ-Зерахъ*.. Несмотря на сходство названій, указанное мѣстоположеніе не позволяетъ отожествить его съ Отраромъ.“

Въ качествѣ крупнаго торговаго города Отраръ впервые упоминается въ XIII в., въ

[1]) По поводу статьи „Догадка о прошломъ Отрара“ В. Бартольдъ.

исторіи Хорезмшаха Мухаммеда и потомъ въ исторіи похода Чингизъ-Хана. Въ періодъ монгольскаго владычества, Отраръ былъ важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ на пути изъ *Хорезма* въ *Алмалыгъ* (Кульджинскій край). Вѣроятно къ этому времени и къ эпохѣ Тимура, какъ заставляютъ думать найденныя до сихъ поръ монеты, относится большая часть видныхъ на поверхности земли развалинъ города... Во всякомъ случаѣ названіе *Отраръ*, какъ показываетъ извѣстіе Табари, относится еще къ арійскому періоду въ жизни страны, а потому едва ли есть основаніе сближать его съ тюркскимъ словомъ *отъ* или *утъ* (огонь); кромѣ того мы при такомъ сближеніи не получаемъ удовлетворительнаго объясненія второго слога—*раръ*.

По порученію вице-предсѣдателя Туркестанскаго кружка люб.арх.Н.П. Остроумова г. г. А. Черкасовъ и А. К. Кларе осмотрѣли развалины древняго города Отрара. Отчетъ о поѣздкѣ напечатанъ въ Протоколахъ Туркестанскаго кружка люб. арх. за 1902/3 г. стр. 70—74.

Проѣхать къ Отрару, пишетъ А. Черкасовъ можно съ двухъ пунктовъ: со станціи „Тимуръ“ или съ разъѣзда на 205 в. Отъ первой до Отрара 13 в. а отъ втораго 11.

Отъ станціи „Тимуръ“, продолжаетъ авторъ статьи, дорога сначала идетъ на западъ, а затѣмъ круто поворачиваетъ на сѣверъ и идетъ къ цитадели среди массы большихъ и малыхъ старыхъ оросительныхъ каналовъ... Вдоль дороги и въ сторонѣ отъ нея виднѣются многочисленные бугры, изъ которыхъ нѣкоторые достигаютъ 6 саж. вышины и имѣютъ собственныя названія. Въ расположеніи этихъ бугровъ замѣчается, что бугры эти представляютъ изъ себя какъ бы два довольно правильныхъ ряда, идущихъ почти параллельно по направленію съ сѣвера на югъ. Начинаясь около г. Туркестана, одинъ рядъ бугровъ проходитъ западнѣе Отрара, у котораго переходитъ черезъ р. Арысь и продолжается по лѣвому берегу; второй рядъ, начинаясь восточнѣе Туркестана, проходитъ восточнѣе Отрара, по правому берегу Арыси до могилы Искала, гдѣ, повидимому, и второй рядъ бугровъ переходитъ на лѣвый берегъ Арыси и параллельно первому ряду направляется на югъ.

Бугры перваго западнаго ряда, начиная отъ Туркестана носятъ слѣдующія названія; Джумалакъ-той-тюбе, Ушь-тюбе, Янгызъ-тюбе, Утрабатъ-тюбе, Маслагатъ, Алтынъ-тюбе, Арстанъ-бабъ, Псякчи; за Арысью: Улькунъ-тюбе, Марданъ, Джетры-тюбе. Берденъ, Сеткинъ и Бишъ-кара-кумъ. Второй рядъ—восточный: Караулъ, Киссыкъ Майтюбе, Джамана, Акъ, 2-й Акъ, Джалпакъ, Чакчакой, Джеты, Айдарны и за Арысью-Кара-кунгуръ, 3-й Акъ и Ишымъ.

Въ этихъ болѣе или менѣе правильныхъ рядахъ нельзя ли видѣть путевые знаки древняго, когда то великаго, пути на Самаркандъ, которымъ проходили великіе завоеватели? Съ другой стороны, на нѣкоторыхъ буграхъ есть слѣды жилья (битые черепки, кирпичи), и мѣстные жители указываютъ на нихъ, какъ на мѣстопребыванія мастеровъ Отрара, чѣмъ объясняются и нѣкоторыя названія. Такъ напр. бугоръ Алтынъ-тюбе, лежащій въ 6 верстахъ, считаютъ мѣстомъ монетнаго двора и казначейства и жительствомъ сборщика податей; Псякчи-тюбе, въ 3-хъ верстахъ—мѣстомъ пребыванія кузнецовъ и ножевщиковъ; Кара-кунчикъ—мѣстомъ проживанія кожевниковъ; Арсланъ-бабъ въ $3^1/_2$ в.—мѣстомъ главной мечети въ честь мѣстнаго святого Арстанъ-Баба и т. д. Изъ остатковъ древняго города обращаютъ на себя вниманіе мечеть Арстанъ-Баба и цитадель. Все остальное, кромѣ главныхъ арыковъ, сравняло время.

Мечеть находящаяся въ 1 верстѣ отъ цитадели къ югу-западу, построена надъ могилой мусульманскаго святого Арстанъ-Баба. Эта мечеть позднѣйшаго происхожденія и построена, по словамъ муллы Наръ-Магомета Азизъ-Арсланбаева, лѣтъ 40 тому назадъ. Древняя же мечеть, построенная Тамерланомъ, была разрушена землетрясеніемъ.

Мечеть въ настоящемъ своемъ видѣ представляетъ изъ себя мало интересное зданіе; построена она изъ жженаго кирпича, продолговатой формы, плоскаго, добытаго изъ развалинъ первой мечети, а быть можетъ и изъ развалинъ Отрара, такъ какъ на развалинахъ цитадели и по настоящее время нанаходятся кирпичи такого же размѣра и обжига. Мечеть имѣетъ два купола обычнаго киргизскаго типа—въ формѣ верха юрты, опирающагося на прямоугольникъ. Порталъ мечети поддерживается двумя деревянными столбами, высотою около 2-хъ саженъ, повидимому, очень древними. Верхъ и низъ этихъ столбовъ, какъ наиболѣе защищенные отъ вліянія атмосферы, сохранили свою первоначальную форму и имѣютъ слѣды рѣзьбы; середина же ихъ вывѣтрилась, много толще концовъ и обнаруживаетъ оригинальную структуру... Внутри, мечеть состоитъ изъ двухъ отдѣленій; въ первомъ, большемъ – молельня и могилы послѣдователей Арстанъ-Баба; во второй, меньшей—могила самого святого. Надгробные памятники представляютъ изъ себя прямоугольники, покрытые двускатной крышей, сложены изъ кирпича и оштукатурены ганчемъ (алебастромъ). Никакихъ надписей ни въ мечети, ни на памятникахъ нѣтъ. Надъ входомъ на вторую половину мечети прибиты печатныя гравюры съ изображеніемъ туфли Магомета и священными изрѣченіями.

Надгробіе *Арстанъ-Баба* такой-же формы, какъ и остальные, покрыто кускомъ бѣлаго коленкора и поражаетъ своими размѣрами: длина его около 2-хъ саженъ. Такого роста, по словамъ шейха, достигалъ и самъ святой, обладавшій между прочимъ и соотвѣтствующей росту силой, т. к. знаменитый мѣдный котелъ, находящійся въ настоящее время въ мечети Хазрета въ Туркестанѣ, а раньше принадлежавшій будто бы Арстанъ-Бабу, былъ перенесенъ имъ на своихъ собственныхъ плечахъ изъ Отрара въ Туркестанъ.

Арстанъ-Бабъ родился еще при жизни Магомета и лично хоронилъ его. Отъ Магомета получилъ онъ хурму (финикъ) и пророчество о рожденіи Хазрета, которому и долженъ былъ передать финикъ на память о Магометѣ. Исполнивъ это порученіе Арстанъ-Бабъ умеръ 900 лѣтъ отъ роду (! ?) и былъ похороненъ лично самимъ Хазретомъ*).

Все пространство вокругъ Отрара изрѣзано старыми арыками, но въ настоящее время въ нихъ нѣтъ и слѣда воды. Многіе арыки достигаютъ ширины 2—хъ саж.

Посреди развалинъ гор. Отрара въ сѣверо-восточной части ихъ находится крѣпость, представляющая изъ себя пятиугольникъ неправильной формы и разнообразный профиль. Высота насыпи на югѣ достигаетъ 6 саж., между тѣмъ какъ на сѣверѣ имѣетъ въ вышину только 4 саж. Крѣпость эта очевидно неглинобитная, а насыпная, что можно видѣть въ промоинѣ, на восточной части, хотя, конечно, въ основѣ ея и можно предполагать глинобитную кладку, служившую опорой для огромной насыпи.

Въ крѣпость вели три входа: съ юго-восточной, юго-западной и сѣверной сторонъ, какъ можно судить по значительнымъ впадинамъ на поверхности бугра. Эти входы совершенно ясно раздѣляютъ крѣпость на три неравныя части. Каждая часть имѣетъ свои характерныя особенности, именно.

Юго-западная часть, имѣющая видъ прямоугольнаго треугольника, самая возвышенная и, какъ наружная отлогость бруствера, такъ и верхъ ея, сплошь покрыты черепками битой глазированной и просто обожженой посуды.

Черепки глазированной посуды попадаются какъ цвѣтные, такъ и бѣлые, причемъ въ послѣднемъ случаѣ на нихъ имѣются довольно изящные рисунки другой окраски. Что представляла изъ себя посуда ранѣе, рѣшить трудно, такъ какъ попадаются кус-

*) Магометъ умеръ въ 632 г. по Р. Хр., а Туркестанскій Хазретъ въ 1166 г. по Р. Х. Шейхъ мечети Арстанъ-Баба, приписывая своему патрону 900 лѣтъ, вышелъ изъ предѣловъ хронологіи.

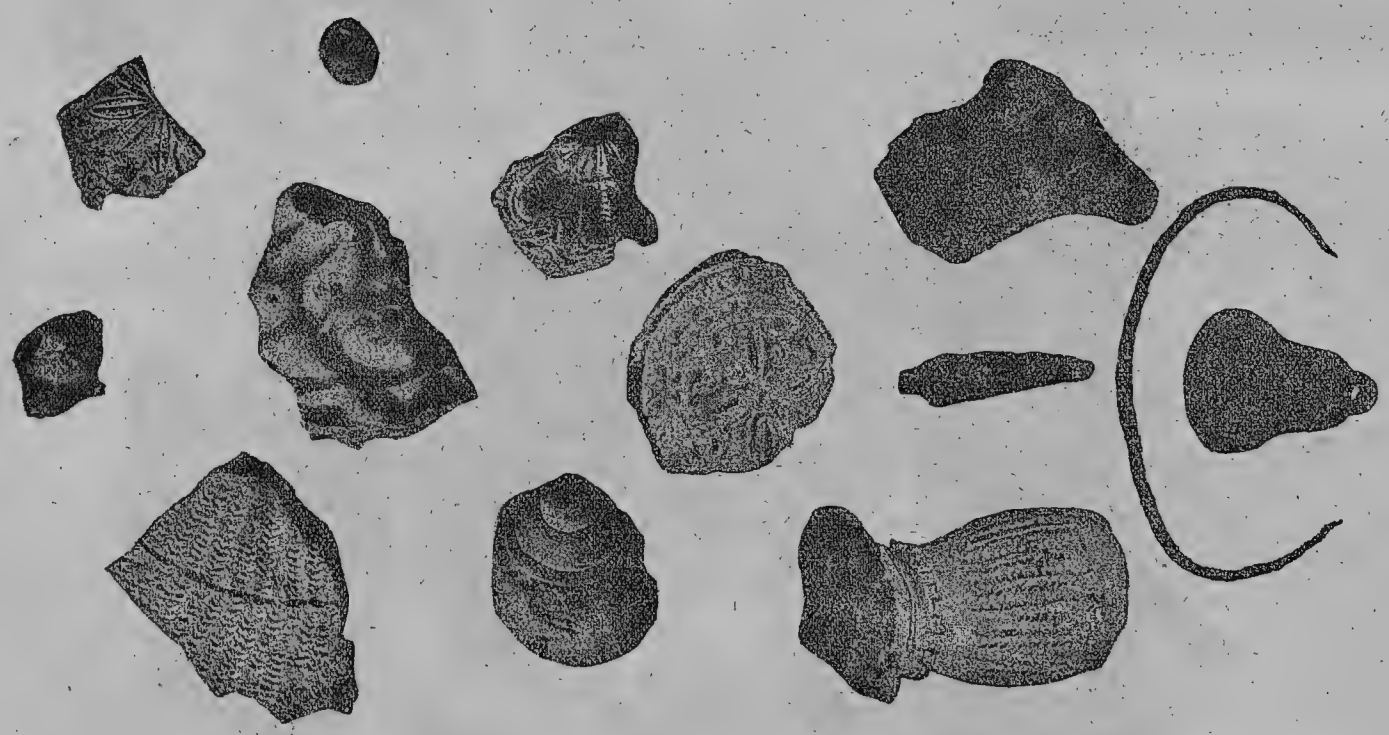
ки довольно оригинальной формы; на поверхности земли находятся только очень мелкіе черепки.

Восточная часть крѣпости—самая большая—съ сѣвера на югъ сначала постепенно поднимается, достигаетъ наибольшей точки

Исходящій уголъ этой части крѣпости представляетъ изъ себя наивысшую точку всего обнесеннаго валомъ пространства. Сѣверо-западная часть крѣпости наименьшая—отдѣляется отъ предыдущей и представляетъ изъ себя покатость, на поверхности которой тоже встрѣчаются осколки посуды, но въ несравненно меньшемъ количествѣ.

посрединѣ около площадки и затѣмъ влѣво опускается къ углу. Насыпь съ этой стороны вслѣдствіе господствующихъ вѣтровъ круче всѣхъ остальныхъ, въ серединѣ же незначительно вдавлена. Вся поверхность крѣпости покрыта буграми отъ развалившихся глинобитныхъ построекъ.

Вслѣдъ за описаніемъ развалинъ города Отрара г. Черкасовымъ я приведу выдержку изъ Протокола засѣданія членовъ Туркестанск. кр. люб. арх. отъ 12 ноября 1904 г. „По открытіи засѣданія вице-предсѣдатель Н. П. Остроумовъ доложилъ собранію, что на средства, отпущенныя Русскимъ Комитетомъ для изученія Средней и Восточной Азіи въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ (600 руб) лѣтомъ настоящаго года, въ мѣстности древняго Отрара, членами кружка А. К. Кла-



ре и А. А. Черкасовымъ съ разрѣшенія Имп. Арх. Комиссіи. были произведены раскопки, о результатахъ которыхъ имѣетъ сообщить А. К. Кларе.

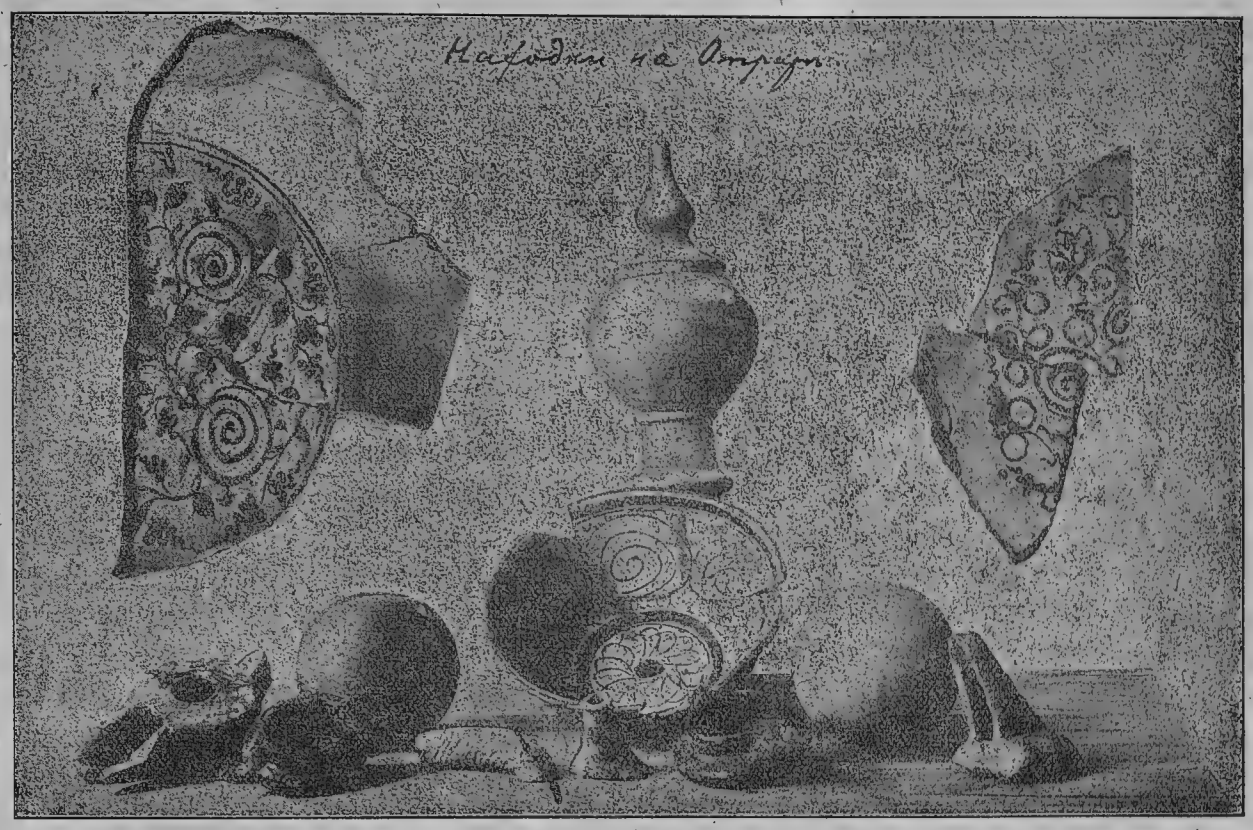
А. К. Кларе изложилъ историческія свѣдѣнія объ Отрарѣ, какія можно было собрать въ русскихъ и иностранныхъ изслѣдованіяхъ по исторіи и исторической географіи среднеазіатскаго востока, а частью отъ мѣстныхъ туземцевъ.

Изъ данныхъ послѣдней категоріи, запутанныхъ и недостовѣрныхъ, интересны пре-

данія о губительныхъ для Отрарской культуры наводненіяхъ, а также о нашествіи калмыковъ подъ предводительствомъ Аляку. Веденныя въ XVII и XVIII столѣтіяхъ войны съ калмыками являются едва ли не единственнымъ дѣйствительно историческимъ событіемъ, сохранившимся до насъ въ памяти киргизскаго народа.

была предъявлена найденная на поверхности земли золотая монета, или медальонъ, съ изображеніемъ головы въ тіарѣ [1]).

Развалины древняго замка Бабъ-Ата. Въ Восточной части Каратавскихъ горъ, въ защищенномъ мѣстѣ, на быстрой свѣтлой рѣчкѣ теперь



Вторая половина доклада была посвящена описанію работъ по раскопкамъ Отрара. Изслѣдователямъ удалось напасть на остатки какой-то постройки съ хлѣбопекарными печами и дорожкою изъ оригинальнаго кирпича крестообразной формы. Также заслуживаютъ вниманія массивныя (до 12 саж. шириною у основанія) стѣны, служившія, повидимому, опорою при возведеніи насыпного холма для цитадели (аркъ). При чтеніи этой части доклада, весьма цѣнной съ археологической точки зрѣнія, присутствующимъ были предъявлены наиболѣе характерные изъ добытыхъ во время раскопокъ предметы: нѣсколько монетъ и женскихъ украшеній, обломки оружія глиняные сосуды, кусочки обдѣланной кости и стекла и т. д. Кромѣ того

лежитъ одинъ только остовъ крѣпости бывшей когда-то жилищемъ знаменитаго араба Схакъ-Баба. *)Описаніе этихъ развалинъ, напечатано въ Прот. Турк. кружка № 3 за 1901 г. В. Колосовскимъ. Я приведу здѣсь часть статьи г. Колосовскаго, касающейся описанія мѣстности и развалинъ: По конфигураціи мѣстности городъ не могъ быть великъ и скорѣе представлялъ изъ себя укрѣпленный замокъ. Въ настоящее время отъ него уцѣлѣло лишь квадратное возвышеніе съ башней, выступающей къ сторонѣ горъ. Башня эта сложена изъ замѣчательно плотнаго мелкаго сырцова-

---

[1]) Отчетъ о раскопкахъ древняго Отрара г.г. Черкасовымъ и Кларе напечатанъ въ прилож. къ Проток. Турк. кр. люб. арх. за 1903—4 стр. 13—48; тутъ же помѣщены и рисунки.

*) см. Описаніе могилы Бабъ-Ата.

го кирпича и своими двумя остроконечными обломками, уныло торчащими къ небу, уже въ теченіи многихъ вѣковъ свидѣтельствуетъ о замѣчательной прочности арабскаго зодчества. Внизу высится довольно красивая мечеть, не представляющая, впрочемъ, никакого интереса въ археологическомъ смыслѣ: она построена по образцу Туркестанской мечети Хазретъ-Султана всего восемь лѣтъ тому назадъ, вмѣсто стараго вида обыкновенной туземной сакли; отъ послѣдней едва сохранилось два расколотыхъ столба, вытесанныхъ изъ цѣльнаго камня. Мнѣ показалось, что живущій при мечети шейхъ считаетъ себя прямымъ потомкомъ Схакъ-Баба. Эти монолитныя восьмигранныя колонны весьма древняго происхожденія и формой своей напоминаютъ опоры индійскихъ или ассиро-вавилонскихъ храмовъ; на гладкой сторонѣ одной изъ нихъ тщательно высѣчена полусохранившаяся надпись арабскими буквами: отдѣльныя слова, какъ будто, имѣютъ смыслъ, но въ общемъ какъ-то мало вяжутся между собою (*...ляльми токсанъ бине Лольмаль*).

Древняя могила Бабъ-Ата. *Если ты будешь искать могилу Шахъ-Исхака*, говорится въ одной изъ „Насабъ-нама“, переведенной М. С. Андреевымъ,—*то найдешь ее на удивительномъ мѣстѣ по имени Таласъ*. И дѣйствительно, въ одной изъ котловинъ нѣкогда орошаемыхъ сѣверными стоками Каратавскихъ горъ, недалеко отъ давноисчезнувшихъ многолюдныхъ центровъ Кумъ-Кента и Сауда-Кента, въ извѣстномъ среди туземцевъ урочищѣ Бабъ-Ата находится могила „Схакъ-Баба“ (Исхакъ-Бабъ) Гробница Схакъ-Баба, болѣе извѣстна у туземцевъ подъ именемъ Бабъ-Ата и насчитываетъ болѣе 1025 лѣтъ.

О происхожденіи упомянутаго Бабъ-Ата я приведу слѣдующія свѣдѣнія, заимствованныя у В. Колосовскаго и напечатанныя въ Проток. Турк. кружка за 1901 г. № 3.

Али, женатый на Фатьмѣ, дочери Магомеда, имѣлъ отъ нея потомство, царствовавшее въ Шамѣ т. е. въ Сиріи. Схакъ-Бабъ, прямой потомокъ Али въ седьмомъ колѣнѣ, наслѣдовалъ царство отъ своего отца, Абдурахманъ-Баба.

Во второй половинѣ VIII столѣтія Схакъ-Бабъ, собравъ 150 тысячъ войска подъ начальствомъ 360-ти арабскихъ вождей, двинулся вмѣстѣ съ братомъ своимъ Абдуджалилемъ, царствовавшемъ тогда въ Іеменѣ, на сѣверъ. Изъ Шама онъ направился на Багдадъ, Исфаганъ, Мазандеранъ, Серахсъ, Балхъ, Бухару, Шахрисябзъ, Самаркандъ, Узгентъ, Касанъ и Ошъ. Покоривъ двухъ муговъ, управлявшихъ Ферганой и водворивъ тамъ исламъ, арабы раздѣлились на три части: одни пошли въ Кашгаръ и Яркентъ, другіе по лѣвому берегу Сыра въ Джитыкентъ и Отраръ, а третьи, подъ предводительствомъ самого Схакъ-Баба, по правому берегу Дарьи въ Шашъ (Ташкентъ) и Исфиджабъ (Чимкентскій раіонъ). Оставивъ въ Ташкентѣ имама Бекръ-еддинъ Кафали для утвержденія мусульманства среди покоренныхъ жителей, Схакъ-Бабъ со всѣми остальными силами обрушился на богатый городъ Сарьямъ или Сайрамъ, заключавшій въ себѣ въ то время до 160 тысячъ домовъ и 30 тысячъ садовъ. Царствовалъ тамъ „тарси“ Байутдинъ, вѣроятно, христіанинъ. На предложеніе Схакъ-Баба сдаться и принять исламъ онъ съ гордостью отвѣчалъ, что 70 предковъ его были „тарси“, а потому онъ будетъ биться до послѣдней капли крови.

Послѣ 300-тъ дневной осады Сайрамъ палъ, Байутдинъ бѣжалъ въ Суальханъ, гдѣ Схакъ-Бабъ уничтожилъ послѣдніе остатки арміи невѣрныхъ. Направившись послѣ этихъ побѣдъ въ Каргалыкъ, Схакъ-Бабъ узналъ по дорогѣ, что братъ его Абдуджалилъ убитъ при осадѣ Ходжента. Тогда онъ двинулъ свои побѣдоносныя войска къ Ходженту, взялъ городъ приступомъ, убилъ тамошняго царя Утамыша, а жителей заставилъ принять исламъ. Почувствовавъ затѣмъ потребность въ душевномъ отдыхѣ, Схакъ-Бабъ предпринялъ хаджъ въ Мекку. Оттуда онъ вернулся въ Сайрамъ, гдѣ построилъ за 30 тысячъ тиллей извѣстную мечеть Джуябыръ, по образцу ви-

дѣнной имъ въ Меккѣ. Утомленный невзгодами боевой жизни, Схакъ-Бабъ посвятилъ остатки ея мирнымъ трудамъ. Выбравъ въ Каратавскихъ горахъ живописную балку, покрытую лѣсомъ, онъ построилъ себѣ замокъ на берегу свѣтлой рѣчки и еще долго царствовалъ тамъ, мудро управляя вновь пскоренными народами. Теперешній шейхъ могилы Бабъ-Ата прямой потомокъ его въ 30-мъ поколѣніи.

Развалины г. Суда-Кента. Развалины Суда-Кента (Торговый городъ), какъ и развалины Кумъ-Кента, описанныя г. В. Колосовскимъ, расположены въ восточной части Каратавскихъ горъ, верстахъ въ 30 отъ древняго гор. Кумъ-Кента на востокъ. Изъ описаній г. Колосовскаго, который ихъ осмотрѣлъ въ 1901 году, видно, что развалины Суда-Кента нѣсколько величественнѣе развалинъ Кумъ-Кента*). За высокимъ и толстымъ крѣпостнымъ валомъ виденъ широкій ровъ, наполнявшійся водой изъ быстрой рѣчки Чавакты (на сѣверномъ склонѣ Каратавскихъ горъ); за этимъ рвомъ сохранились еще признаки отдѣльной наружной стѣнки; дальше разстилается обширная территорія самого города, вся въ настоящее время распаханная и отчасти занятая киргизскимъ кладбищемъ съ двумя гумбезами позднѣйшаго происхожденія. Внутри крѣпости еще обращаетъ на себя вниманіе четырехъугольное возвышеніе—повидимому слѣды второй внутренней цитадели или обширнаго дворца мѣстнаго повелителя. Что поразило г. Колосовскаго это—полное отсутствіе какихъ-либо предметовъ на поверхности земли.

Шаговъ на 600 къ западу находятся развалины крѣпосцы, гораздо меньшей по размѣрамъ. Не такъ давно, пишетъ г. Колосовскій, это была укрѣпленная курганча, обнесенная высокой стѣной съ тремя полуугѣлѣвшими 2-хъ саженными башнями. Курганча служила резиденціей кокандскаго намѣстника временъ мусульманскаго владычества, предшествующаго покоренію края русскими. Очевидно, все, что сохранило время отъ эпохи Схакъ-Баба, уничтожилъ пришлый кокандскій человѣкъ на повседневныя нужды своего обихода. При нѣкоторомъ вниманіи со стороны наблюдателя не трудно замѣтить, что властный сатрапъ Ферганы перенесъ сюда обычаи и потребности своей родины: курганча, видимо, дѣлилась на оффиціальную и женскую половины, съ двумя прудами (хаузъ), вѣроятно, обсаженными въ свое время деревьями, съ земляными террасами (супа) и открытыми конюшнями. Тутъ едва-ли найдется мѣсто для труда археолога.

*) См. ст. В. Колосовскаго въ Протоколѣ № 3 за 1901 годъ.

Развалины г. Кумъ-Кента. Въ восточной части Каратавскихъ горъ разбросаны развалины старинной крѣпости съ нѣкогда цвѣтущимъ городомъ Кумъ-Кентомъ. Свѣдѣнія объ этихъ развалинахъ мы находимъ въ Протоколахъ Турк. кружка за 1901 г. (Прил. къ Прот. № 3) Авторъ статьи, г. Колосовскій сообщаетъ, что нѣкогда Кумъ-Кентъ занималъ довольно обширную площадь земли, обнесенную городской стѣной. Одна изъ улицъ вела къ центру, гдѣ надъ всѣмъ царила цитадель; со стѣнъ послѣдней открывался широкій кругозоръ: съ одной стороны чернѣла далекая р. Чу, съ другой—причудливо рисовались высокія горы, а съ боковъ безконечная равнина сливалась съ горизонтомъ. Двѣ груды крупнаго жженаго краснаго кирпича квадратной формы указываютъ на мѣста воротныхъ башенъ; здѣсь же на полуосыпавшемся откосѣ видна часть фундамента, изъ очень крупнаго, тщательно уложеннаго, булыжника. Вся поверхность „кàлы“ усѣяна черепками цвѣтной посуды, битыхъ корчагъ, изразцовъ и сплавившихся шлаковъ. Вотъ все, что сохранилось въ настоящее время отъ разрушительной работы огня пришлыхъ хищниковъ, отъ безпощаднаго меча завоевателя и еще болѣе отъ безпощаднаго времени. Кости людей и животныхъ, попадающіяся въ землѣ, совершенно желты, а на поверхности замѣчательной бѣлизны, и въ обоихъ случаяхъ легко разщепляются.

„По словамъ киргизъ, они перекочевали къ Каратавскимъ горамъ въ началѣ прошлаго столѣтія и тогда уже нашли на этихъ мѣстахъ двѣ мертвыя громады, лежавшія въ прахѣ. Приняли-ли эти развалины названія городовъ Кумъ-Кента и Сауда-Кента отъ какихъ-либо другихъ аборигеновъ, которыхъ они застали еще на мѣстѣ, или сами, по какимъ-нибудь признакамъ обозвали эти памятники древности,— неизвѣстно. Грозный завоеватель *Тамерланъ*, прославившійся своей безпощадной жестокостью, настолько потрясъ воображеніе дикаго азіата, что всѣ туркестанскія разворѣнія, между прочимъ и *разрушеніе* цвѣтущихъ городовъ *Кумъ-Кента и Сауда-Кента, киргизы приписываютъ его имени.* По ихъ преданіямъ, уже тысячу лѣтъ тому назадъ это были громадные города, населенные сильнымъ въ то время народомъ —„калмаками“ (калмыками). Какъ жили и управлялись жители этихъ городовъ, исторія не сохранила намъ никакихъ намековъ, до сравнительно недавней эпохи халифовъ. когда потомокъ Магоммеда, Брабъ „Схакъ-Бабъ“ (Исхакъ-бабъ), вторгшись въ предѣлы современнаго Туркестана, завоевалъ ихъ, а жителей силой меча, принудилъ принять исламъ. Мѣстность, вѣроятно, ему понравилась. Тогда, говорятъ, горы были покрыты непроходимыми лѣсами. Тѣнистыя рощи съ свѣтлой, какъ утренняя роса, водой и тучныя прохладныя пастбища съ громоздящимися надъ головой скалами, изобиловавшими красной дичью, прельстили воображеніе араба, утомленнаго однообразіемъ раскаленной пустыни, и онъ верстахъ въ 35 къ югу отъ многолюдныхъ центровъ избралъ своей резиденціей котловину, защищенную отовсюду горами. Процарствовавъ довольно долго, Схакъ-Бабъ умеръ и послѣ смерти былъ погребенъ недалеко отъ своего дворца, оставивъ потомству „Мазаръ-Бабъ-Ата“ вмѣстѣ съ памятью священнаго уваженія къ своему сподвижничеству.“

Древности г. Туркестана. Въ „Вѣстникѣ Имп. Русск. геогр. общ.“ за 1856 г. на стр. 262 „Записки о Коканскомъ ханствѣ хорунжаго Потанина (1830) съ примѣчаніями Савельева“ упоминается, что „Областной городъ Туркестанъ, называемый иначе Азретъ-Султаномъ, почитается магометанами священнымъ мѣстомъ, ибо въ немъ находится множество памятниковъ и гробницъ, заключающихъ въ себѣ прахъ святыхъ. Сюда стекаются во множествѣ сосѣдственные Азіаты для поклоненія угодникамъ, а богатые привозятъ тѣла родственниковъ своихъ, погребсти ихъ вмѣстѣ съ ними“.

Въ Отчетѣ Имп. Археол. Ком. за 1867 г. имѣются свѣдѣнія о древней мечети г. Туркестана *) Знаменитая мечеть пишетъ П. Лерхъ воздвигнута въ 1404 г. надъ могилой святого Ахмедъ Яссави. Эта мечеть самая значительная изъ всей Средней Азіи **) заключаетъ могилу пра-внучки Тимура, Раб'и-Бигумой, дочь знаменитаго Улугъ-бега, умершей въ 880 г. гиджры (1475—1476), Абулхайръ-Сіюнджъ-Ходжы-хана, умершаго въ 931 г. Гиджры (1524—1525), могилы его двухъ, сыновей, его пра-внука и его дочери, членовъ семьи Кунграта, умершихъ въ первой половинѣ XVI ст. шейхъ-улъ-исламовъ Туркестана и киргизскихъ султановъ. Надписи съ гробницъ были сняты г. Лерхомъ.

Развалины г. Саурана. Развалины гор. Сауранъ находятся вблизи желѣзно-дорожной станціи того-же имени въ 27 верстахъ отъ г. Туркестана. Свѣдѣнія объ этихъ развалинахъ имѣются въ Отчетѣ Имп. Археол. ком. за 1867 г. стр. XXIX [1]) Еще виднѣется, говоритъ авторъ статьи П. Лерхъ, валъ значительной крѣпости, стѣны которой сложены изъ глины. Множество бугровъ разбросаны на С.-З. и на Ю.-В. Крѣпости привлекали вниманіе археолога, но за неимѣніемъ рабочихъ, г. Лерхъ долженъ былъ ограничиться маленькой раскопкой во внутрь ограды. Съ этой цѣлью онъ выбралъ подножіе одной большой башни въ 7 саж. высоты. На разстояніи 16 футовъ отъ этой башни поднималась другая

*) Отчетъ П. Лерха о его поѣздкѣ въ Среднюю Азію на французскомъ языкѣ.

**) См. еще въ Туркест. Вѣд. за 1897 г. № 44.

[1]) Ст. П. Лерха. Въ текстѣ на франц. языкѣ.

башня разрушившаяся въ 1867 г. Несмотря на прочность стѣнъ, оставшаяся башня не замедлитъ скоро разрушиться, такъ какъ киргизы все болѣе и болѣе содѣйствуютъ ее разрушенію, беря кирпичи для постройки могилъ на кладбищѣ расположенномъ вблизи крѣпости.

Раскопки обнаружили на одной саж. глубины основаніе башни. Эти двѣ башни нѣкогда возвышались у входа медрессе, часть фундамента которой еще видна. Недалеко отъ киргизскаго кладбища виднѣются слѣды древняго кладбища города съ многочисленными надгробными плитами. Снявъ найлучше сохранившіяся надписи г. Лерхъ отправился на развалины древней крѣпости, расположенной въ 6 вер. отъ Саурана и которая называется „Миръ“ и оттуда поѣхалъ въ г. Туркестанъ.

Сауранская башня. Свѣдѣнія о Сауранской башнѣ еще имѣются въ трудѣ В. М. Флоринскаго „Первобытные славяне“ Т. 1. стр. 297. Описаніе башни я привожу здѣсь въ подлинникѣ.

„Такія башни или столбы, (Башня Бураны въ Семирѣченской обл.) какъ памятники древнихъ сооруженій, встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Изъ нихъ мы укажемъ на древній городъ Сауранъ, находящійся въ 50 верстахъ отъ Туркестана *), на Сыръ-Дарьѣ. Сохранившаяся Сауранская башня имѣетъ семь саженъ вышины. Рядомъ съ нею, на разстояніи 16 футовъ, стояла другая, обрушившаяся весною 1878 года. При разрытіи холма у основанія уцѣлѣвшей башни оказалось, что до фундамента ея отъ нынѣшней поверхности пѣлая сажень. Видъ этихъ башенъ, взятый съ фотографическаго снимка 1866 г. сдѣланнаго г. Пріоровымъ, помѣщенъ на виньеткѣ 63 стр. сочиненія г. Пашина: „Туркестанскій край въ 1866 г. Спб. 1878 г.“ Въ описаніи г. Пашино сказано, что башни выстроены изъ обожженаго кирпича, имѣютъ видъ колонны, аршинъ 6, въ діаметрѣ, съ внутреннею, хорошо сложенною винтообразною лѣстницею до самаго верха. На одной изъ башенъ шейка украшена, по словамъ Пашина (стр. 59), голубыми съ позолотою изразцами. Для входа въ эту постройку существуетъ съ одной стороны, на высотѣ полуторыхъ саженъ отъ основанія, небольшое четырехъугольное отверстіе (узкая дверь), ведущее на винтовую лѣстницу. Лѣстница освѣщается небольшими, продѣланными въ стѣнахъ, четырехъугольными окошечками, точно также, какъ въ Болгарахъ и на башнѣ Бураны.

Сауранскія башни г. Лерхъ принимаетъ за остатки бывшаго мусульманскаго зданія, будто бы, построеннаго, въ первой половинѣ XVI столѣтія. Основаніемъ для такого предположенія послужило свѣдѣніе, взятое изъ тюркскаго перевода одной персидской рукописи, озаглавенной, „Чудеса происшествій“ гдѣ говорится о постройкѣ медрессе въ Собранѣ, по волѣ Шейбанида Убейдъ-уллахъ-хана. Относились ли цитируемыя г. Лерхомъ свѣдѣнія именно къ описываемымъ башнямъ, а не къ другому какому нибудь зданію разрушеннаго города, ясныхъ доказательствъ въ его сочиненіи не видно. Равнымъ образомъ не приведено и тѣхъ соображеній, по которымъ башни признаются за остатки бывшаго зданія медрессе. Не повторяется ли здѣсь тоже самое голословное предположеніе, какое высказывалось столько разъ по отношенію къ болгарскимъ столбамъ; до сихъ поръ почти всѣми признаваемыхъ за мусульманскіе минареты“. Г. Флоринскій заключаетъ, что типъ этихъ построекъ и назначеніе ихъ были тѣже, что и въ Болгарахъ.

*) Отъ Саурана до г. Туркестанъ только 27 верстъ.

ПЕРОВСКІЙ УѢЗДЪ.

Зданіе Кокъ-кесене. Свѣдѣнія о надгробномъ мавзолеѣ „Кокъ-кесене“ имѣются въ Протокалахъ Туркест. Кружка за 1899—1900 г. стр. 12 ст. В. Каллаура. Этотъ памятникъ находится въ 5 в. къ сѣверу отъ ст. Тюмень-Арыкъ, Перовскаго уѣзда и въ 8 верстахъ къ югу отъ Саганака (Сунакъ-Ата).

По описанію г. Каллаура зданіе Кокъ-Кесене сложено изъ жженаго кирпича съ уцѣлѣвшими орнаментными украшеніями синяго цвѣта. Зданіе приходитъ въ большое разрушеніе не только отъ времени, но болѣе еще отъ того, что жители изъ него выбираютъ кирпичи. Около этого зданія замѣтны холмистыя возвышенности съ валяющимися кирпичами, заросшія саксауломъ. (См. таб. IV. рис. 1).

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1900 г. В. Каллауръ совмѣстно съ участковымъ приставомъ Н. С. Масичемъ вторично осмотрѣлъ Кокъ-Кесене и обратилъ главнымъ образомъ вниманіе на арабскую повидимому надпись, находящуюся внутри купола. Сдѣлать снимокъ съ этой надписи однако не удалось г Каллауру, который въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1901 г. опять поѣхалъ осмотрѣть это зданіе совмѣстно съ поручикомъ Лукиновымъ. (См. Проток. Турк. Кружка 11 декабря 1901 г.). По описанію В. А. Каллаура въ задней части зданія имѣется склепъ, входъ въ который въ полу заваленъ камнемъ. Надъ склепомъ сложена гробница съ флагомъ [1]), какъ это дѣлается на могилахъ мусульманскихъ святыхъ.

Изъ этого осмотра оказалось, что зданіе это—мавзолей. Рядомъ съ мавзолеемъ одинъ холмъ оказался разрытымъ до горизонта земли. Тутъ виднѣлись развалины другого мавзолея. На этотъ разъ часть надписи находящейся въ куполѣ мавзолея была снята канцелярскимъ служителемъ Жайлибаевымъ. Фотографическій снимокъ этого памятника былъ сдѣланъ А. Я. Уткинымъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя А. Диваевъ, заинтересованный статьей В. А. Каллаура о „Развалинахъ мавзолея Кокъ-Кесене“, написалъ слѣдующія свѣдѣнія, помѣщ. въ Прилож. къ Проток. Турк. Кр. люб. арх. за 1905 стр. 40—42.

„Дѣло въ томъ, пишетъ авторъ статьи, что въ одномъ киргизскомъ преданіи говорится, что областями Акъ-Кесене и Кокъ-Кесене триста слишкомъ лѣтъ тому назадъ владѣли калмыки, представителями которыхъ были нѣкій Уса и Зиренгъ. Области эти, заселенныя калмыками, были расположены ниже устья р. Сыръ-Дарьи и ниже Карыкты (Аральскаго моря), на мѣстностяхъ Сары-Уйчукъ и Уйчукъ. Въ тѣ времена большинство киргизъ, какъ говорится въ преданіи, находились подъ владычествомъ калмыковъ, а меньшая половина обитала еще ниже, между киргизами Кши-Юзъ (Малой Орды), которые дѣлились на отдѣленія: Адай, Буричъ и Асманъ-Бузгылъ, представителемъ коихъ былъ нѣкій Тайлакъ-батырь. Затѣмъ часть киргизовъ рода Учакты жили ниже, въ Перовскомъ уѣздѣ, въ горахъ Улу-тау и Кши-тау.

Между киргизами Учакты изъ отдѣленія Ташъ-джурекъ (каменное сердце) былъ богатырь по имени Санрыкъ, который приходится со стороны матери племянникомъ означенному выше Тайлакъ-батырю.

Санрыкъ былъ еще въ цвѣтущемъ возрастѣ (ему было всего лишь 35 лѣтъ отъ роду), когда онъ получилъ приглашеніе отъ дяди своего Тайлака принять участіе въ великомъ совѣтѣ, на которомъ потомъ было рѣшено избавиться отъ калмыцкаго ига путемъ изгнанія ихъ.

Совѣтъ состоялся. Тайлакъ-батырь и Санрыкъ окружили себя храбрыми и достойными людьми и пошли съ своими киргизами противъ калмыковъ. Война длилась около 3-хъ лѣтъ. Наконецъ калмыки бѣжали на Блауты-Буланты, понеся полный погромъ, при чемъ самый блистательный бой одержанъ киргизами въ мѣстности Кара-Сіиръ. Мѣстность эта и по сіе время называется *Калмакъ-Крылганъ* т. е. „гибель калмыковъ“.

Далѣе въ преданіи повѣствуется, что вѣсть о Кара-Сіирскомъ пораженіи калмыковъ

[1]) По собраннымъ г. Каллауромъ справкамъ выяснилось, что устройство гробницы съ постановкой флага, очистка мавзолея отъ кирпича и мусора сдѣлана была Саганакскимъ Чиракчи съ цѣлью очевидно объявленія населенію объ открытіи здѣсь новаго святого, которому вѣроятно присвоится имя «Кокъ-Кесене-Ата».

дошла до свѣдѣнія трехъ рабовъ, сыновей трехъ Алаче (богатырей). Послѣ того всѣ киргизы сплотились съ ними вмѣстѣ и рѣшили окончательно изгнать калмыковъ. И вотъ война длилась снова 3—4 года, пока калмыки окончательно не были отброшены изъ Русскаго Туркестана.

Въ эту вторую войну калмыки потерпѣли полный погромъ при озерѣ Итъ-Ичмесъ, и на Алакульской сторонѣ Итъ-Ичмеса, къ горамъ, что на сѣверъ отъ Аральскаго моря. Мѣсто послѣдняго пункта боя было названо *Анракай*, т. е. мѣстомъ стона и рыданій, потому, что здѣсь произошло поголовное истребленіе калмыковъ.

Есть также свѣдѣнія, полученныя изъ киргизскихъ источниковъ, что во время владычества здѣсь калмыковъ, зданія Акъ-Кесене уже давно существовали и служили убѣжищемъ для караульной стражи, но никому неизвѣстно, когда и кѣмъ были воздвигнуты эти зданія и какое они имѣли первоначальное назначеніе. Если это дѣйствительно мавзолей, какъ пришелъ къ такому заключенію В. А. Каллауръ, то кто былъ погребенъ подъ нимъ?...“

Развалины древняго города Саганакъ или Сунакъ. Въ лѣто 1907 года, возвращаясь изъ Ташкента, я познакомился въ вагонѣ съ однимъ военнымъ топографомъ Туркестанскаго края г. Нехорошевымъ. Разговоръ случайно коснулся развалинъ г. Отрара, которыя находятся по близости ст. Тимура, а также и тѣхъ многочисленныхъ развалинъ, которыя встрѣчаются въ Сыръ-Дарьинской области. Мой собесѣдникъ посовѣтовалъ мнѣ непремѣнно, если я остановлюсь въ Чійли *), поѣхать посмотрѣть развалины г. Сунакъ-Ата или Суганакъ. И, говоря это, мой собесѣдникъ до того увлекся, до того красиво мнѣ расписалъ этотъ заброшенный уголокъ, что я соблазнился перспективой ихъ видѣть собственными глазами. Однако, прибавилъ онъ, если вы хотите тамъ заняться раскопками, набирайте побольше рабочихъ и поселитесь въ Сунакъ-Ата на мѣсяца полтара, а то не стоитъ и начинать. Признаться эти послѣднія слова довели до крайнихъ предѣловъ мое любопытство и по пріѣздѣ въ Чійли, я въ первый же день отправился на развалины бывшаго города Суганакъ или Сунакъ—Ата. Свѣдѣнія объ этихъ развалинахъ мы находимъ у оріенталиста Лерха, который однако не далъ подробнаго описанія и у профессора В. Бартольда. По указаніямъ Лерха городъ Сунакъ-Ата или Суганакъ былъ взятъ въ 1219 году Джучи, сыномъ Чингизъ-Хана, который разрушилъ его до основанія и поголовно уничтожилъ населеніе. Несмотря на его разрушеніе городъ Суганакъ служилъ еще въ 1376 году ставкой хановъ Бѣлой орды. Еще свѣдѣнія о развалинахъ Сунакъ-Ата имѣются въ Протоколахъ Туркестанск. кружка (Прилож. къ прот. 1-го апрѣля 1896 г. *) и въ прил. къ прот. кружка 17 февраля 1897 г. **).

Трудно себѣ представить что нибудь болѣе грустное, чѣмъ развалины Суганака. Уже не доѣзжая попадаются по дорогѣ многочисленныя обломки кирпичей, посуды, обвалившіяся стѣны, мавзолеи и пр. Но вотъ выдѣляется высокій курганъ въ видѣ четыреугольника длиною въ окружности до 1000 шаговъ, высотою до 15 шаговъ. Это бывшая крѣпость, покрытая нынѣ вѣковымъ саксауломъ, какъ и окружающія развалины. У подножія крѣпости проведенъ глубокій ровъ, который сообщается съ арыкомъ и слѣды котораго видны на Ю. В. сторонѣ крѣпости. Арыкъ этотъ, называемый *Тюмень*, нѣкогда своей влагой приносилъ жителямъ изобиліе и плодородіе. Въ его широкомъ руслѣ растутъ кустики колючихъ растеній, гребенщика и саксаула. Здѣсь въ самомъ руслѣ вырытъ глубокій колодецъ, извѣстный всѣмъ кочевникамъ, которые прибываютъ къ нему ежедневно съ караванами, чтобы освѣжиться и немного отдохнуть.

*) Станція Чійли расположена въ Ю.-В. части Перовскаго уѣзда въ 120 в. отъ ст. Перовска и въ 146 вер. отъ ж. д. ст. Туркестана. І. К.

*) Историческій обзоръ Туркестана А. И. Макшеева стр. 16., Очеркъ археологическихъ изысканій въ Туркестанскомъ Краѣ стр. 4—5, 16. Лихошина.

**) Древности на среднемъ и нижнемъ теченіи по р. Сыръ-Дарьѣ. Е. Т. Смирнова.

Не лишне здѣсь, хотя, и вкратцѣ, привести описаніе этой мѣстности изъ „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ отъ 12 января 1907 г. *) „Тюмень беретъ начало изъ Сыръ-Дарьи на 10 верстъ выше арыка Чійли и на 2 версты выше существующей нынѣ желѣзнодорожной водокачки. Можно предполагать, судя по слѣдамъ, что магистральный арыкъ имѣлъ нѣсколько преемниковъ.

Пересѣкая желѣзную дорогу въ верстѣ отъ станціи, арыкъ даетъ развѣтвленія и, принимая меридіональное направленіе подходитъ къ урочищу Сунакъ-Ата. На мѣстѣ пересѣченія старымъ арыкомъ желѣзной дороги построенъ мостъ 5 саженей.

Нанесенные слѣды арыковъ на двухверстную карту ясно указываютъ, что древній городъ Сунакъ-Ата снабжался водой Тюмень-арыка, хотя магистральный каналъ оставляетъ Сунакъ-Ата немного на востокъ и, бросая нѣсколько отвѣтвленій на сѣверъ, устремляется къ сѣверо-западу. Такимъ образомъ, общее направленіе почти параллельно арыку Чійли“.

Два дня я блуждалъ среди развалинъ Сунака подбирая коллекцію образцовъ керамики XII-XIII стол. Мѣстами валялись какъ попало груды кирпичей, черепки цвѣтной посуды, обломки стеклянныхъ сосудовъ, кости животныхъ и людей. Внутри крѣпости виднѣлись слѣды бывшихъ улицъ и глинобитыхъ построекъ въ самой цитадели, Среди разрушеннаго зданія между разными обломками я нашелъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ, такъ сильно окислившихся, что разобрать надписи не представлялось возможности. Мѣстный чиракчи подарилъ мнѣ мѣдную монету съ едва замѣтной арабской надписью. Ярость побѣдителей была такова, что нельзя найти ни одного цѣлаго предмета. Все было разрушено, разбито, уничтожено; не было никому и ничему пощады. Одни только мавзолеи позднѣйшей эпохи, которыми усѣяна равнина все еще стоятъ. Иногда встрѣчаются едва замѣтныя сартовскія могилы съ ихъ надгробными камнями изъ одного куска, полуврытые въ землю съ куфическими арабскими надписями. Но что здѣсь поражаетъ на этомъ обширномъ кладбищѣ, это огромные размѣры нѣкоторыхъ надгробныхъ мавзолеевъ изъ жженаго кирпича. Самый громадный изъ всѣхъ расположенъ на Ю. отъ крѣпости въ верстѣ растоянія и по увѣренію мѣстнаго чиракчи содержитъ въ себѣ гробницы потомковъ святого Алла-Умей Хасамутдина Сахибинхая, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Сунакъ-Ата. Мавзолей этого послѣдняго воздвигнутъ недалеко отъ Ю—В угла крѣпости. Это небольшая мазарка вся построенная изъ жженаго кирпича. Она имѣетъ видъ четыреугольника надъ которомъ воздвигнутъ куполъ съ маленькимъ отверстіемъ на сѣверной сторонѣ. Ходъ съ западной стороны черезъ маленькую пристройку въ видѣ передней съ площадкой (см. Таб. IV рис. 3); у дверей поставленъ длинный шестъ, увѣшанный прядями конскихъ волосъ и разными лоскутами.

Внутренность мавзолея представляетъ нѣкоторый интересъ. Тамъ можно видѣть надъ гробницей, которая покрыта бѣлымъ покрываломъ нѣсколько роговъ горнаго барана, куски хорошо сохранившагося изразца въ видѣ ex—voto *) а также священное знамя изъ чернаго шелка съ арабскими надписями, привезенное изъ Мекки. Здѣсь же на стѣнѣ гробницы, виднѣется листъ бумаги исписанный арабскими письменами. На священную могилу ежегодно стекается масса паломниковъ.

Единственный обитатель этой пустыни—киргизъ, который поселился въ развалинахъ древняго зданія, повидимому мечети, недалеко отъ могилъ, и на котораго возложена охрана святой могилы Сунакъ-Ата. Не лишено интереса и это древнее зданіе, нѣкогда облицованное разноцвѣтными изразцами, однѣ только стѣны котораго уцѣлѣли; обру-

*) Ст. Нехорошева „Къ переселенческому вопросу въ Сыръ-Дарьинской области“ (Турк. Вѣд. за 12 янв. 1907 г.).

*) Нерѣдко киргизы кладутъ на могилу своихъ умершихъ родственниковъ подобные старинные изразцы или кирпичи почитаемые ими.

шившаяся крыша возобновлена, уже изъ камыша и изъ другихъ породъ кустарниковъ, обитателемъ этого зданія. Описаніе этого древняго сооруженія мы находимъ у В. Каллаура въ Протоколахъ Туркестанскаго кружка за 1899—1900 стр 7. "Въ Сунакъ-Ата прежде всего обращаютъ на себя вниманіе два высокихъ зданія изъ жженаго кирпича, относящіяся, повидимому, ко времени существованія здѣсь города. Изъ нихъ большее по величинѣ зданіе, состоитъ изъ двухъ помѣщеніи со входными дверями съ трехъ сторонъ, (теперь сохранилась только дверь съ южной стороны, высотою до 8 саженъ, западныя и сѣверныя нынѣ заложены. Длина и ширина этого помѣщенія по 15 арш. Второе помѣщеніе—длиною и шириною по 9 арш., сообщающееся съ первымъ сводчатымъ просвѣтомъ шириною въ 3 арш. съ единственнымъ окномъ на В. Подъ вторымъ помѣщеніемъ находится склепъ со сводчатымъ потолкомъ, входъ въ который находится въ полу съ правой стороны, сейчасъ же у входа, закрытый камнемъ. Надъ каждымъ помѣщеніемъ были сводчатые потолки съ куполами, но разрушились. Въ обоихъ помѣщеніяхъ внутри никакихъ орнаментовъ нѣтъ, а на остаткахъ куполовъ, бывшихъ подъ каждымъ помѣщеніемъ, сохранились куски алебастровой штукатурки. Нынѣ за разрушеніемъ куполовъ, потолки обоихъ помѣщеній покрыты нынѣшнимъ чиракчи, здѣсь проживающимъ, камышевой крышей на балкахъ съ подведенными подъ нихъ стойками.

Снаружи зданія сохранились остатки орнаментныхъ украшеній. По угламъ обоихъ помѣщеній, сдѣланы четыре пристройки изъ жженаго кирпича повидимому для жилья. Въ одной изъ пристроекъ живетъ теперь чиракчи съ семьей, а въ другихъ размѣщаются проѣзжающіе по пролегающей мимо караванной дорогѣ. Пристройки къ этому зданію какъ будто сдѣланы впослѣдствіи.".

Чиракчи Мулла Кошъ-Мухаммедъ Татыбаевъ, проживающій здѣсь 8 лѣтъ, увѣрялъ г. Каллаура, что въ склепѣ подъ вторымъ зданіемъ имѣется гробница святого Алла-Умей Хисамутдина Сахиби Нихая, по прозванію Сунакъ-Ата, который происходитъ изъ рода Сунакъ. Кстати здѣсь указать, что по увѣренію того же самаго чиракчи, могила Сунакъ-Ата находится недалеко отъ Ю. В. угла крѣпости и описаніе которой я здѣсь только-что далъ.

Въ дѣйствительности же говоритъ дальше г. Каллауръ, въ склепѣ никакой гробницы этого святого не оказалось. Въ склепѣ со сводчатымъ потолкомъ находится груда досокъ сосноваго и таловаго лѣса, которыя въ рукахъ разсыпаются; тутъ-же валяются кожи, а между всѣмъ этимъ человѣческія кости, по стѣнкѣ склепа уложено 19-ть человѣческихъ череповъ взрослыхъ и дѣтскихъ много череповъ разбитыхъ. Черепа, по всей вѣроятности, вынуты изъ разрушившихся гробовъ и уложены по стѣнѣ склепа, что весьма возможно, что сдѣлалъ этотъ чиракчи. Доски, надо полагать, служили гробами, были обиты кожами, уцѣлившими отъ времени болѣе, чѣмъ доски.

О присутствіи этого склепа мнѣ удалось узнать совершенно случайно при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Нуждаясь въ темномъ уголкѣ, чтобы зарядить касеты фотографическаго аппарата, я просилъ киргиза оказать мнѣ содѣйствіе въ моихъ поискахъ. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ меня привелъ въ зданіе и поднявъ цыновку, попытался сдвинуть съ мѣста находившуюся подъ ней большую плиту. Это ему удалось послѣ немалыхъ усилій и тогда въ полу обнаружился узкій ходъ внизъ, выложенный жженымъ кирпичемъ. Мы туда спустились съ большимъ трудомъ. На днѣ этого хода, въ сажень глубины, оказался другой ходъ съ полукруглымъ узкимъ отверстіемъ въ видѣ сапога; чтобы проникнуть въ него надо было ползти, почти сидя, ногами впередъ и тогда только проскальзывали въ склепъ. Освѣтивъ внутренность его фонаремъ, я старался оріентироваться. Не успѣлъ я сдѣлать шага впередъ, какъ киргизъ, который стоялъ все время прижавшись

въ одному изъ угловъ склепа, своимъ хриплымъ и дикимъ окрикомъ меня остановилъ, на что то указывая. При слабомъ свѣтѣ моего краснаго фонаря я былъ пораженъ его испуганнымъ, угрожающимъ выраженіемъ лица; я догадался, что дѣло идетъ о чемъ нибудь важномъ. И дѣйствительно: присмотрѣвшись, на полу я обнаружилъ къ своему крайнему изумленію скелетъ, во что-то обернутый, на который я чуть было не натолкнулся; всмотрѣвшись ближе, увидѣлъ рядомъ съ нимъ другой скелетъ, потомъ третій и наконецъ я ихъ насчиталъ до семи, но возможно что ихъ было и больше. Что касается до череповъ, виденныхъ г. Каллауромъ семь лѣтъ раньше, уложенныхъ по стѣнкѣ склепа, я ихъ не видалъ.

Теперь является вопросъ: какимъ образомъ могли эти скелеты попасть въ это подземелье, служившее имъ склепомъ, тогда какъ человѣку такъ трудно туда пробраться. Были ли здѣсь похоронены люди знатнаго происхожденія, достойные покоиться подъ этимъ красивымъ зданіемъ или это были несчастные люди, заживо погребенные какимъ нибудь завоевателемъ, и тяжелая плита, прикрывъ ихъ на вѣки, скрыла слѣды преступленія или мести.

Свѣдѣнія о народѣ Сунакъ мнѣ не удалось получить; въ статьѣ г. В. Каллаура имѣется сообщеніе, сдѣланное ему мѣстнымъ чиракчи Татыбаевымъ. „Сунаки, отъ которыхъ самъ Татыбаевъ происходитъ, считаютъ себя чѣмъ-то среднимъ между сартами и киргизами; одни изъ нихъ кочуютъ, другіе живутъ осѣдло. Жители рода Сунакъ проживаютъ: въ Перовскомъ уѣздѣ въ Яны Курганской волости 300 киб. и Сауранской 50 киб. въ г. Туркестанѣ до 200 дворовъ и въ Бабай-Курганѣ около 150 юртъ. Развалины этого города между Сунаками извѣстны подъ именемъ Саганакъ. По преданію, г. Саганакъ до разрушенія былъ заселенъ ими, сунакцами. Послѣ разрушенія Саганака [это было 777 лѣтъ тому назадъ, теперь 785 л.], Сунаки ушли въ Булгары-Шааръ, а послѣ проживали на Караспанѣ по р. Арыси, когда онъ находился подъ управленіемъ кипчаковъ, во главѣ съ Капланды. Послѣ покоренія кипчаковъ кокандцами, сунаки перешли въ Перовскій уѣздъ, гдѣ строили кокандское укрѣпленіе Яны-Курганъ, находящееся около станціи Яны-Курганъ. Городъ Саганакъ орошался водой, проведенной изъ рѣки Арыси, такъ какъ въ то время р. Сыръ-Дарья шла по Кызылъ-Кумамъ. Надъ арыкомъ и р. Арысью работало десять тысячъ человѣкъ, почему онъ названъ Тюменъ-арыкъ, имя котораго носитъ почтовая станція [1]). Остатки прежняго арыка сохранились: въ Яны-Курганѣ—Назаръ-арыкъ, которымъ пользуются жители рода Сунакъ, около станціи Тюменъ-Арыкъ и между ними Кара-Куль-арыкъ. Но въ настоящее время вода въ арыки идетъ только изъ чигирей.

Развалины древняго города Сунака на 40 верстной картѣ Туркестанскаго края изданія Туркестанскаго военно-топографическаго отдѣла показаны отъ станціи Тюменъ-Арыкъ въ разстояніи 10 в. (въ дѣйствительности будетъ больше), подъ названіемъ Сунакъ-Курганъ. Надо думать, что эти развалины получили названіе Сунакъ-Ата въ позднѣйшее время, когда въ немъ поселился чиракчи, объявивъ населенію о нахожденіи здѣсь святого.“

Свѣдѣнія о гор. Сунакѣ. (*)

سقناق شهری و آنینك ویران و خراب و نا آبادلیغی خصوصیده

سقناق شهرنینك خراب بولغان لیغیغه سبب شول طریقه ایکان کیم چینکز خان مشرق طرفده‌کی ولایتلارنی وخطای مملکتی نی تمام آلیب تصرف قیلغاندین سونکره اورکنچ وایران پادشاهی محمد شاه خوارزم‌کا ایلچی یوبارکان ایکان ایکاویمز دوست‌لیك وآشنالیك رابطه‌سینی قیلشب تورساك مملکتلاریمزنی آراسیده سوداکرلار باریب کیلب تورسه یورتلاریمز آباد وفقرالاریمزنی تنچ بولماغیغه سبب بولوب تورساك دیب خوارزم شاه بول سوزلارنی قبول قیلب

---

[1]) Теперь ж. д. станція Тюменъ-Арыкъ.

*) Изъ Протоколовъ Туркест. кружка люб. археол. за 1899—1900 г. стр. 16—19.

ایلچی‌لارنی قیتاریب یوبارکاندین بر نیچه وقت اونکاندین سونکره بعضی فتنه انگیزلارنی خبری ایلان اترار حاکیمی غابرخان که خط بازیب اترار شهریین اونادورکان چنکزخان‌نینك مملکتیدین کیلکان بر یوز ایللیك عدد مسلمان سوداکرلار بیلان وهم چینکز خان‌نی ایلچیسینی اولدروب مالارینی آلدوروبدور. بول خبرنی چینکز خان ایشتب خوارزم شاهکا غضب ایلان درحال قوشون تارتیب بول مملکتلارکا کیلب اوکتای وچغتای دیکان اوغول‌لارینی کوب عسکر ایلان اترار شهرینی آلماقه وکته اوغلی جوجی خان‌نی اترارنی اطراف مضافات‌لاری وسقناق شهرینی مسخر قیلماقه و منکو بوقا دیکان وزیرینی بیش مینك آدم ایلان فناکنت و خجند شهرلریکا روانه ایلاب چنکزخان اوزی تولی خان دیکان اوغلی بیلان نور آتا طرفی ایلان بخارا محاصره‌سیغه جونا‌بدور. جوجی‌خان باریب سقناق شهریکا کیلکانده سقناق خلقی شهرکا قمالیب اوروشماقه طیار و آماده بولوب تورکان ایکان آنده جوجی‌خان حسن حاجی دیکان بر معتبر مسلمان آدمنی صلح اوچون نصیحت قیلماقه ایلچی قیلب شهرکا کیرکوزکان محلده سقناق ایچیده‌غی بی باش الامان‌لار اول بیچاره‌نی اولدوروبدورلار کویاکه غزات قیلب ثواب تابدوك دیب بول خبرنی ایشتکاندین سونکره جوجی خان‌نی غضبی کیلب شهرنی اطرافینی قورشاب ویقین‌لاب عسکرلاریکا بویوروبدر کیم تا شهرنی مسخر قیلمغونچه اوروشدین قول تارتماس سزلار دیب اوروش قیلیب ایکی کونده سقناق شهرین آلبدور چنانچه برفصیح یازادور کیم ❁ کرفتند سقنا قرادر حصار ❁ بد انسان‌که ازسختی کار زار ❁ بدوروز زیرز برکشت شهر ❁ همه خلق کشتند کشته بقهر ❁ بر آدم‌نینك انتقامی اوچون اول شهرداغی تمامی اولغ وکچیك یخشی ویمان برچه آدم‌لارینی قتل عام قیلب شهر وعمارت‌لارینی زیر زبر ایلاب قاچیب وبرکنب قالغان‌لارکا مذکور شهرکا ایلچی بولوب کریب اولدورولکان حسن حاجی‌نینك اوغلی نی حاکیم ایلاب آندین جوناب جوجی خان اوز جند طرفیغه عزم قیلبدور مذکور حادثه بولغانیغه تأریخ هجری‌نینك ٦١٦ نچی سنه سیده ایکان اوشل مدة دین تا اوشبو وقتغچه سقناق شهری خراب وویراندور عمارت نینك خشت پخته‌لاری وریزه سنوق اسباب وسفال‌دین باشقه هیچ نام نشان یوق لیکین علامه سقناقی کیم مصنف نهایه‌دورلار سقناق شهریه مرقد منوره‌لاری مشهور وزیارتکاه‌ـ وفیض آثاردورلار رحمة الله علیه مذکور علامه نینك زیارت‌لاریکا برشاعر باریب زیارت قیلغانده‌کی یازکان غزلی اوشبودور.

شهرتینك عالم ارا علامهٔ سقناقی دور
کوزیمه کحل الجواهر مرقدینك تفرافیدور
کنبدینك مخلص‌لار آلیندا بهشتینی طاقیدور
آستانینك غاکینی سورسام یوزیمنی آقیدور
کیم ملك ینکلیغ مقامینك عرش‌اعظم ساقیدور

حق موفق ایلادی شرح هدایه ایلادینك
تصنیف ایتدینك آتینی آنینك نهایه ایلادینك
علم فقه‌نی پایه‌سین عالی بغایه ایلادینك
مبتدی منتهی‌لارغه عنایه ایلادینك
نفع خلق الله وهم اوزینکا اجری باقیدور

چرخ دوریدین یتوبدورهرزمان یوزکاهشیم
کیمکا ایتای محتمنی قایده یتکای نالشیم
کیچهٔ کوندوز همیشه تنیماین آفغان ایشم
یوق عجب سندین اکرحاصل‌بولورسه خواهشم
قیل مددای جداعلی نسبتیم سقناقی‌دور

باش‌ده سودادل‌ده غوغامن عجب دیوانهٔ
کلفت قایغو بیله دایم بولوب همخوانهٔ
دل اوی ناشادلیق برله بولوب ویرانهٔ
آسیابی چرخ آستیندا قالیب بردانهٔ
ایمدی بیلدیم بوسفیدی موانینك توزغاقی‌دور

ایها الشیخ الامام المحترم یا حضرتا
مطلب مقصدغه هیچ یول تابمدیم واویلتا
غیری جوری دوست طعنی اوستیکا واکلفتا
دستیکر اولماس منکا هیچ کیمسهٔ واحسرتا
غربتی‌غه قیل مددایمدی مددنینك چاقی‌دور

در تاریخ شهر المحرم الحرام ١٣١٧سنه
بود در آن زیارة این ذات
با برکات با مید حصول مقصد
ووصول مطلب نوشته شد آلهی
بحرمت ارواح طیبه ملتمس راقم بیچارهٔ
مع من تبعه کرامت فرما آمین ❁ یارب العالمین.

Выписка изъ соч. Абдулъ-Гази Багадуръ-Хана شجره ترك о завоеваніи сыномъ Чингизхана Джучи-ханомъ древнихъ городовъ: Саганака, Узгента, Асиаша и Дженда [1])

جوجی خان‌نینك جند بارغانی نینك ذکری

جوجی‌خان اوترارديين آتلانيب سغناق كيلدی حسن حاجی تيكان بر مسلمانيه نوكری بار ايردی انی سغناقده ايلچی قيلب يوباردیده ايتدی كيم باريب خلقغه نصيحت قيل كيلب منی كوروب قلغه‌نی منكا بريب منكا اطاعت قيلسونلار حسن حاجی سغناقده باريب خلقغه نصيحت قيلا تورغانده بازاری‌لار ثواب ترور ديب نكپر ايتب حسن حاجی‌نينك اوستيكا توكوليب اولتوردیلار وتقی دروازه‌نی بركتيب قباليب توردیلار بول خبرنی ايشتب جوجی خان اچيغ‌لانيب مغول‌لارغه قلغه‌نی ياپوشب الينك‌لار تيب حكم قيلدی بر ساعتده مغول‌لار ياپوشيب قلعه‌نی الديلار تقی بر حسن حاجينی قانی اوچون اون مينك مسلمانلنی شهيد قيلدی‌لارده حسن حاجی نينك اوغلی‌نی سغناقده حاكم قيلديلار اندين سونك جوجی خان آتلانيب اوزكندكه كيلدی اوزكند خلقی قلعه‌دين چقيب يخشی پيشكش‌لار برلان كيلب جوجی‌خانلنی كوردیلار خان‌هم الارغه عنايت قيلب اوزيغه و ماليغه دخل قيلمادی اندين سونك آتلانيب اسناش تيكان قلغه‌غه كيلديلار اسناش‌نينك خلقی چقيب اوروشدی جوجی‌خان‌نينك لشكری الارنينك باسيب برچه سين شهيد قيلديلار اول حالده جند حاكمی جنددين قاچيب حوارزم كيتدی جوجی خان مونی ايشتب چنتمور ديكان نوكرينی جند خلقيغه ايلچی قيلب بياردی جند خلقی اطاعت قيلمای چنتمورنی اولتورماككه قصد قيلديلار چنتمور حيله‌لار قيلب الارنينك قولندان قاچيب جوجی خان‌نينك خدمتيغه كيلدی تقی هر نچه كوركانين خانغه عرض قيلدی جوجی خان آچيغلانيب جندكه باريب جندنی قبادی تقی قلغه‌نی آلدی اول كشيلاركه چنتمورنی اولتورماككه قصد قيلب ايردی الارنی شهيد قيلدی دا اوزكه خلق‌نينك قانين باغشلاب باچه سينی قلغه ديين تاشقاری چيقاريب مال‌لارينی تالاتيب على خواجه عجدوانی نی جندكه حاكم قيلدی.

(شجرهٔ ترك كتابی دين يازيلدی)

[1]) Изд. барона Демезона, С. Петербургъ, 1871 г. стр. 104—106.

Послѣ взятія Саганака, Джучи двинулся на Бархалигкентъ, мѣстоположеніе котораго до сихъ поръ неизвѣстно.

Изъ Бархалигкента Джучи отправился на Узкентъ, мѣстонахожденіе котораго также неизвѣстно даже приблизительно.

Занявъ эти два города, Джучи направился на Ашнасъ или Эшнасъ, названіе котораго видимо соотвѣствуетъ развалинамъ города, которымъ дано теперь киргизами прозвище Асанасъ (мѣстные киргизы букву ш обыкновенно произносятъ какъ с). Этотъ древній городъ осмотрѣнъ былъ еще въ 1899 году г. Каллауромъ.

Развалины древняго города Бишъ-Тамъ. Развалины Бишъ-Тамъ или Бешъ-Тамъ находятся въ пустынномъ мѣстѣ на сѣверъ отъ ж. д. станціи Чійли, верстъ 17 на сѣверъ по направленію къ горамъ Кара-Мурунъ или Бала-Мурунъ. Эти развалины хорошо видны съ вершинъ Кара-Мурунскихъ горъ, посѣщенныхъ мною въ 1907 г. Какъ и городъ Сунакъ, Бишъ-Тамъ орошался арыкомъ. „Нѣтъ сомнѣнія, пишетъ г. Нехорошевъ *), что и Бешъ-Тамъ снабжался водою изъ того же Тюмень-Арыка. За это говоритъ какъ направленіе самого арыка, такъ и его топографическое положеніе. Минуя Бешъ-Тамъ, слѣды теряются въ урочищѣ Ноны-Сай. Возможно, что урочище это, – пустыня въ наши дни, было житницею населенія и до насъ дошло одно названіе".

Изъ описаній г. Каллаура **) видно, что эта древняя мѣстность названа Бишъ-Тамъ отъ пяти каменныхъ зданій, построенныхъ впереди крѣпости, съ южной стороны изъ жженаго кирпича. Изъ нихъ два зданія уже совершенно обрушились и составляютъ груды кирпичей; у третьяго зданія сохранился только фасадъ; остались два зданія съ одной дверью входной въ каждомъ. Оба зданія

*) См. статью г. Нехорошева „Къ переселенческому вопросу въ Сыръ-Дарьинск. области" въ Туркест. Вѣд. за 12 янв. 1907 г.

**) См. Прилож. къ Проток. кружка люб. арх. за 1899—1900 стр. 12—13.

куполообразныя и состоятъ изъ двухъ покоевъ, какъ на Саганакѣ; направленіе имѣютъ на востокъ, но зданія меньше и безъ всякихъ къ нимъ пристроекъ. Второй покой въ одномъ изъ этихъ зданій внутри отдѣланъ изразцами тщательной работы и въ немъ имѣется сводчатый склепъ со входомъ въ полу, но войти въ него нельзя, ибо онъ заваленъ бараньимъ навозомъ и землей. Видно только отверстіе и небольшое углубленіе, обнаруживающее камни; цоколь на извести. Поверхъ цоколя положенъ камышъ, а далѣе кирпичная кладка на алебастрѣ. Наружныя стѣны имѣютъ орнаментныя украшенія. Второе зданіе меньше, также правильной кладки и хорошей работы. Внутренность обоихъ покоевъ покрыта толстымъ слоемъ навоза. Быть можетъ здѣсь имѣется также склепъ, но за навозомъ пола не видно. Оба эти зданія, очевидно, при перекочевкахъ въ холодное время служатъ для помѣщенія въ нихъ на ночлегъ барановъ. Позади этихъ зданій уцѣлѣли кирпичеобжигательныя печи.

Крѣпость Бишъ-Тамъ состоитъ изъ цитадели, въ окружности 108 саженей, и крѣпостнаго вала, въ окружности около 400 саженей. Земляные валы цитадели довольно хорошо сохранились и мѣстами болѣе 3-хъ саж. высоты".

Развалины Кызылъ-Кала. Развалины Кызылъ-Кала, посѣщенныя мною въ 1907 г. *), находятся по близости отъ арыка Чійли по Скобелевской дорогѣ, рядомъ съ Разъѣздомъ № 35 (верстъ 8 отъ Чійли и 17 отъ ст. Байга-Кума); отъ этого разъѣзда проведена вѣтвь къ карьеру Бала-Мурунъ. Древняя крѣпость заросла высокимъ саксауломъ. Отъ прежней крѣпости остались глинобитныя стѣны и едва замѣтные остатки былыхъ построекъ. Невдалекѣ отъ укрѣпленія возвышается мазаръ съ провалившимся куполомъ изъ жженаго кирпича. Тутъ же на простыхъ могилахъ, видимо дѣтскихъ, лежатъ двѣ киргизскія люльки.

*) См. Проток. Оренб. Уч. Арх. Ком. за 1908 г. I. К.

Развалины Окше-Ата. По сообщенію А. Ніязова В. Каллауру [1]) судя по развалинамъ и массѣ жженаго кирпича, оставшагося отъ разрушенныхъ зданій это былъ городъ большой; онъ находится въ 7-ми верстахъ отъ Джулека.

Здѣсь могила Окше-Ата, надъ которой стоитъ высокій могильный памятникъ (высокое зданіе) этого чтимаго мусульманами святого, по имени котораго названы развалины города.

Развалины Копъ-Рабатъ. Эти развалины находятся противъ станціи Тартугай въ верстахъ 30-ти по направленію къ горамъ; по сообщенію А. Ніязова г-ну Каллауру *) это мѣсто прежнихъ осѣдлыхъ жителей, но не древній городъ и не крѣпость, ибо постройки разбросаны въ разныхъ мѣстахъ. Въ числѣ ихъ многія сложены изъ жженаго кирпича.

По сообщенію мѣстнаго объѣздчика Губанова развалины Копъ-Рабатъ находятся на С. отъ Джулека въ 40 в. По его разсказу и представленному имъ г-ну Каллауру схематическому плану **) Копъ-Рабатъ находится отъ мѣста его жительства, около станціи Сарычаганакъ, на сѣверъ. Развалины этого селенія занимаютъ большое пространство.

Всѣ *рабаты* развалились и представляютъ изъ себя кучи жженаго кирпича. Восточный изъ нихъ носитъ названіе Муртукъ-Рабатъ. Слѣдующій отъ него на западъ въ $1^1/_2$ в. Косъ-Рабатъ состоитъ изъ двухъ кучъ жженаго кирпича смежныхъ двухъ рабатовъ. Западнѣе еще въ одной верстѣ, есть развалины башни изъ жженаго кирпича. Наконецъ, въ одной верстѣ отъ башни, на западъ, есть развалины рабата изъ жженаго кирпича безъ имени. На югъ отъ первыхъ рабатовъ песчаные наносы. Далѣе на югъ равнина, а затѣмъ еще южнѣе къ Сарычаганаку два большихъ песчаныхъ холма. На югъ отъ раз-

1) См. Прилож. къ Проток. Турк. кр. люб арх. 1902/3 стр. 61.

*) См. Прилож. къ Проток. Турк. кружка за 1899—1900 г. стр. 13.

**) См. Прилож. къ Прот. Турк. кр. 1902/3 стр. 62 ст В. Каллаура.

валинъ западнаго рабата безъ имени видно основаніе двухъ домовъ изъ жженаго кирпича. Значительно ниже ихъ, т. е. на югъ, видно основаніе нѣсколькихъ домовъ изъ глины, а южнѣе ихъ небольшая низина. Слѣдовъ арыковъ не сохранилось: должно быть они засыпаны пескомъ.

Развалины Абызъ-Тюбе или Кутликентъ. По описанію г. В. Каллаура Абызъ-Тюбе (Кутликентъ, есть небольшое укрѣпленіе на насыпномъ холмѣ, на которомъ находится киргизское кладбище. Такъ какъ Абызъ-Тюбе носитъ также названіе Кутликентъ, то г. Каллауръ полагаетъ, что здѣсь было осѣдлое населеніе.

Развалины Акъ-Тюбе. Вблизи отъ зданія Кокъ Кесене и въ верстахъ 6-ти отъ Тюмень-Арыка по Скобелевской дорогѣ находятся развалины Акъ-Тюбе. По описанію г. Каллаура эти развалины имѣютъ 750 шаг. въ окружности; ворота были съ восточной стороны, цитадель на возвышеніи. Высота цитадели до 5 саж., высота вала съ западной стороны $2^1/_2$ саж. Внутри укрѣпленія возвелъ свои постройки киргизъ Анмбетъ изъ № 5 аула Прирѣчной волости.

Развалины Урдакента. Развалины Урдакента находятся по описанію г. Каллаура въ 5-ти верстахъ на сѣверъ отъ Яны-Кургана. Они имѣютъ форму почти круга; земляной валъ въ 575 шаговъ. Слѣдовъ построекъ нѣтъ. Попадается много черепковъ и обломковъ кирпича.

Развалины Балапанъ-Тюбе. Балапанъ-Тюбе пишетъ г. Каллауръ, это насыпной курганъ или возвышенность, которая составляетъ укрѣпленіе съ небольшимъ земляным валомъ, длиною 385 шаговъ; вверху и внизу въ окружности у подошвы 517 шаговъ; высота кургана отъ подошвы до гребня вала 27 шаговъ. Къ нему со стороны р. Сыръ-Дарьи примыкаетъ земляной валъ, западная сторона котораго длиною 180 шаговъ примыкаетъ къ кургану, а другая, имѣющая направленіе на востокъ, по длинѣ тянется на 115 шаговъ. Высота вала 18 шаговъ; рвовъ вокругъ вала нѣтъ.

Развалины и прочія древнія сооруженія около Перовска. Окрестности г. Перовска*) изобилуютъ развалинами, древними могилами, остатками поселеній и ирригаціонными сооруженіями. Описаніе этой мѣстности мы находимъ у Е. Смирнова см. Прил. къ Проток. Тур. кр. за 1897 г. отъ 17 февр. На правомъ берегу рѣки Сыръ-Дарьи отъ г. Перовска до укр. Кармакчи, на протяженіи по прямой линіи до 120 верстъ и въ среднемъ 50 в. въ ширину, раскинулась огромная низина, занятая сплошными камышами, кустарниковыми зарослями, озерами и болотами, носящая названіе Караузяка. По преданію мѣстныхъ жителей протокъ Караузякъ, берущій начало ниже г. Перовска, былъ раньше арыкомъ, но напоръ воды разработалъ водопріемникъ и залилъ всю низину, отчего сильно уменьшился притокъ воды въ лежащіе ниже начала Караузяка протоки Джаманъ-Дарью и Куванъ-Дарью. Тутъ, среди зарослей часто попадаются слѣды осѣдлыхъ поселеній съ остатками жженаго кирпича, черепковъ и другихъ предметовъ.

На лѣвой сторонѣ рѣки, **), близъ Перовска, берутъ начало два протока: Яны-Дарья и Куванъ-Дарья и врѣзываются далѣе влѣво въ Кызылкумскую пустыню. Русло Куванъ-Дарьи входитъ въ Даукаринскую низменность въ дельтѣ Аму-Дарьи; все ея русло съ рукавами и островами отчетливо видно и до сего времени, вода же доходитъ только до низины Акча-Тенгизъ, верстъ 300 отъ Перовска, считая по прямой линіи. Близъ этихъ мѣстъ, въ глубинѣ безлюдной теперь пустыни, въ половинѣ текущаго столѣтія жили каракалпаки, уведенные потомъ хивинцами въ дельту Аму-Дарьи, и слѣды

*) Крѣпость „Акъ-Мечеть", теперь Перовскъ, основана Кокандскимъ ханомъ Омаромъ послѣ завоеванія имъ гор. Туркестана 1809—1822.

**) См. статью Смирнова.

ихъ курганчей и пашенъ сохранились весьма явственно, а особенно тамъ. гдѣ они не заросли саксауломъ.

Нужно предполагать, пишетъ авторъ статьи, что Яны-Дарья и Куванъ-Дарья въ древнія времена имѣли несравненно большій притокъ воды, чѣмъ теперь, и въ верхнихъ своихъ частяхъ были населены весьма густо; здѣсь на Ю. З. отъ Перовска находится очень много развалинъ городовъ, поселеній и ирригаціонныхъ сооруженій, коими и до сего времени пользуются киргизскіе игенчи, хотя огромное большинство ихъ испорчено неумѣлыми землепашцами. Мѣстность эта въ археологическомъ отношеніи не изслѣдована почти вовсе. Въ 1893 году, по порученію Н. П. Остроумова, здѣсь былъ поручикъ А. И. Симоновъ, но онъ, выѣхавъ изъ ук. Кармакчи, посѣтилъ только ур. Джеты-Асаръ т. е. семь городовъ, между тѣмъ, какъ видно изъ карты Туркестанскаго края, этихъ *асаровъ* по Яны-Дарьѣ и Куванъ-Дарьѣ весьма много; изъ нихъ болѣе замѣчательны: *Тибетъ-асаръ*, *Ирисъ-куль-асаръ*, *Биданкъ-асаръ*, *Кумъ-чеку*, *Унгурлы*, *Карашъ*, *Тектурмасъ и друг.*; кромѣ того, по линіи дѣйствующихъ и сухихъ руслъ находится множество бугровъ, по распроснымъ свѣдѣніямъ похожихъ на Ташкентскіе; есть также цѣлые города съ развалинами стѣнъ и слѣдами башенъ, частью глинобитныхъ, частью изъ сырцоваго кирпича.

Ниже укрѣпленій Кармакчи р. Сыръ врѣзывается въ довольно пустынную степь и только у Казалинска имѣетъ слѣды древней культуры и осѣдлостей, центромъ которыхъ былъ г. Янги-Кентъ или Джанъ-Кентъ. т. е. новый городъ, очевидно выстроенный вмѣсто какого-то заброшеннаго или кѣмъ либо разрушеннаго ранѣе. На всѣмъ протяженіи рѣки встрѣчаются только слѣды осѣдлостей близъ киргизскаго кладбища Хорхутъ, верстахъ въ 20 ниже укр. Кармакчи (ст. Е. Смирнова).

Свѣдѣнія о развалинахъ около Перовска мы находимъ у Левшина, такъ напр.: *Джингитъ-Кала* суть развалины замка, коего стѣны имѣли до 5 саженъ высоты и въ концѣ прошедшаго столѣтія еще были цѣлы вмѣстѣ съ башнями. Мѣсто сіе находится между Сыромъ и Куваномъ, на горѣ Джингитъ.

Кумъ-Кала, *Ковенъ-Кала*. *Кулчукъ-Тамъ*, *Сарлы-Тамъ* и *Куюкъ-Тамъ* лежатъ на высохшемъ ложѣ Яны-Дарьи или близъ онаго.

Бузунъ-Гисаръ лежитъ на Куванъ-Дарьѣ, недалеко отъ раздѣленія ея на протоки, называемые Бишъ-Узякъ. См. Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей А. Левшина 1832 г.

Развалины древняго города Ашнасъ или Эшнасъ. Въ 1899 г. В. Каллауръ *) осмотрѣлъ развалины древняго города Ашнасъ или Эшнасъ, теперь Асанасъ. По описанію г. Каллаура этотъ древній городъ находится въ Головачевской волости, на лѣвой сторонѣ р. Сыръ-Дарьи въ низовьяхъ арыка Акъ-Арыкъ, въ верстахъ 25-ти отъ р. Сыръ-Дарьи, а отъ станціи Беръ-Казанъ въ 30 верстахъ. Асанасъ (Ашанасъ) расположенъ по сухому логу, носящему названіе Асанасъ-Узекъ и берущему начало на лѣвомъ берегу р. Сыръ-Дарьи, немного ниже почтовой станціи Сары-Чаганакъ, въ мѣстности Карагузъ, по руслу которой прежде протекала вода для потребностей этого города, а для пашенъ проходила далѣе мимо Акъ-Тюбе до уроч. Сенгиръ, въ пескахъ Кызылъ-Кумъ.

Въ развалинахъ Асанаса прежде всего обращаетъ вниманіе крѣпость съ сохранившимися крѣпостными стѣнами, высотою мѣстами до 20 шаговъ и шириною сверху до 15 шаговъ. Крѣпость эта имѣетъ въ окружности до 2—хъ верстъ; въ ней было пять воротъ: съ южной стороны двое, а съ прочихъ по однимъ. Въ юго-западномъ углу крѣпостного вала были строенія изъ жженаго кирпича, который выбирается изъ стѣнъ мѣстными кочевниками. По крѣпостному валу во многихъ мѣстахъ растетъ саксаулъ

*) См. Прот. Турк. Кружка за 1899—1900 г. стр. 14.

и лежитъ валежный саксаулъ. Внутри крѣпости замѣтны мѣста бывшихъ построекъ, надо полагать, пишетъ г. Каллауръ, глинобитныя или сырцоваго кирпича, на фундаментахъ изъ жженаго кирпича, который выбирается мѣстными киргизами. Мѣста фундаментныхъ рвовъ ясно обозначались. Внутренность крѣпости заросла саксауломъ.

Внѣ крѣпости, на западной сторонѣ имѣется куполообразный мазаръ изъ жженаго кирпича. Кажется, въ немъ имѣется склепъ, а невдалекѣ другой мазаръ съ провалившимся куполомъ, въ которомъ нижняя часть стѣнъ сложена изъ жженаго кирпича на одну треть высоты, а верхняя часть изъ сырцоваго кирпича. Между этими мазарами и около нихъ имѣются остатки глинобитныхъ построекъ, служившихъ жильемъ. Тамъ находится валежный лѣсъ туранги, толщиною въ нижнемъ отрубѣ болѣе 6 арш. Въ одной верстѣ на западъ стоитъ укрѣпленіе съ земляным валомъ, по 300 шаговъ въ каждомъ фасѣ. Въ восточномъ, обращенномъ къ крѣпости, имѣется возвышенность, служившая или цитаделью, или это развалины зданія. Въ 2-хъ верстахъ еще западнѣе имѣется четырехъугольное укр. Акъ-Тюбе, по 200 шаговъ въ каждомъ фасѣ, а внутри его четырехъугольная возвышенность, примыкающая къ одному изъ фасовъ, длиною 70 шаговъ и шириною 60 шаговъ. Высота ея отъ основанія до средины вершины 55 шаговъ.

Съ восточной стороны крѣпости, въ 2-хъ верстахъ, имѣется четырехъугольное укрѣпленіе, длиною двѣ стороны по 200 шаговъ и двѣ другихъ по 185 шаговъ. Между этимъ укрѣпленіемъ и крѣпостью находятся слѣды бывшихъ построекъ, арыковъ и уцѣлѣвшая кирпиче-обжигательная, печь нагруженная сырцовымъ кирпичемъ для обжига, но необожженымъ.

Развалины древняго города Джендъ. Существованіе г. Джендъ намъ извѣстно изъ походовъ Чингизъ-Хана въ Средней Азіи. Джучи, сынъ Чингизъ-Хана, овладѣвъ городами Сыганакъ или Саганакъ, Бархалигкентъ, Узгентъ и Ашнасъ или Эшнасъ, двинулся на г. Джендъ, которымъ тогда управлялъ Кутлукъ-ханъ. Городъ былъ взятъ и разграбленъ, но населеніе не было избито поголовно, какъ при взятіи Саганака. Тѣмъ не менѣе о городѣ Джендѣ въ исторіи съ этого момента болѣе не упоминается, имя даже этого города стало скоро неизвѣстнымъ среди населенія. Весьма возможно, какъ говоритъ г. В. Каллауръ, [1]) что гор. Джендъ, переставъ быть областнымъ городомъ, подвергся потомъ разрушенію.

Какъ бы тамъ ни было, г. Джендъ игралъ видную роль въ исторіи при сырдарьинскаго края; въ виду этого я приведу возможно больше свѣдѣній объ этомъ важномъ центрѣ древней культуры. Въ статьѣ г. Каллаура „О слѣдахъ древняго города Джендъ“ [1]) мы читаемъ слѣдующее: „Въ до—Монгольскій періодъ въ нижнемъ теченіи р. Сыръ-Дарьи существовалъ городъ Джендъ, служившій резиденціей правителей области, въ составъ которой входили города: Саганакъ, Бархалыгкентъ, Узгентъ, Ашнасъ и др. Развалины этихъ городовъ находятся въ Перовскомъ уѣздѣ.

По историческимъ свѣдѣніямъ г. Джендъ до X в. нашей эры принадлежалъ Бухарскому ханству. Туркменскій князь Сельджукъ [3]) находившійся на службѣ у одного изъ туркестанскихъ хановъ, переселился изъ киргизскихъ степей, въ Джендъ со всѣмъ своимъ племенемъ, гдѣ его народъ въ 956 году принялъ исламъ. До обращенія своего въ исламъ Сельджукъ былъ христіаниномъ и предводительствовалъ *гузами*, которые тоже были христіане ..

Въ царствованіе султана Санджара 1118—1157 г. правитель Харезма Харезмшахъ-Атеызъ 1128—1156 распространилъ свою власть до Дженда, расположеннаго на рѣкѣ

---

[1]) См. Прилож. къ Прот. Туркест. кружка за 1899—1900 г. стр. 81.

[2]) См. Прилож. къ Проток. Турк. кружка № 3 за 1899—1900 г. стр. 78.

[3]) Мусульманскія династіи В. Бартольда стр. 124 и 125.

Сихунъ (Сыръ-Дарья), хотя по своей смерти считался вассаломъ султана Санджара. Во время нашествія монголовъ и занятія страны по низовьямъ р. Сыръ-Дарьи Джучи-Ханомъ сыномъ Чингизъ-Хана, въ 1219 году въ городѣ Дженде имѣлъ пребываніе правитель Кутлукъ-Ханъ, подчинявшійся Харезмшаху...

Изъ разспросовъ киргизъ г. Каллауромъ оказалось, что никто изъ нихъ развалинъ древняго города Дженда не знаетъ и такого названія не слышалъ. Здѣсь г. Каллауръ высказываетъ предположеніе, что слѣдуетъ искать слѣды г. Дженда на ур. „Тумаръ-Уткель“, гдѣ находятся развалины городища „Кысъ-Кала“ (Гышъ-Кала). Развалины Кысъ-Кала находятся въ Кентубской волости на лѣвомъ берегу р. Сыръ-Дарьи, противъ Перовска, въ верстахъ 25—30 на югъ, на ур. Тумаръ-Уткель, и въ верст. 4-хъ отъ ур. Ханъ, на западной сторонѣ Турангилъ-Арыка. Городище занимаетъ площадь отъ Теренъ-Узека на югъ до 3-хъ верстъ и отъ Турангилъ-Арыка съ востока на западъ 2½ версты. Среди городища находятся слѣды древняго арыка, очевидно, современнаго съ городищемъ. Судя по обнаженнымъ развалинамъ, постройки зданій были преимущественно изъ жженаго кирпича, но уже засыпаны землей, пескомъ, и представляютъ изъ себя холмы и барханы большей или меньшей величины, заросшіе саксауломъ; покрыто саксауломъ и городище; мѣстами только встрѣчаются площадки, покрытыя солончакомъ. Среди развалинъ древнихъ каменныхъ зданій г. Каллауромъ были взяты кирпичи съ изразцами и барельефами. [1])

Сообщеніе Муллы Алима Абулкасымова о городѣ Дженде [2])

روضة الصفا كتابى‌نينك ٤ نچى جلديده ١٠٧ نچى صحفه سيده خوارزم شاه‌لارنينك حكايه‌سيده شول طريقه بيان قيلبدور كيم سلطان سنجر ماضى‌نينك طرفيدين اوركنجغه والى بولوب تورگان اتسز خوارزم شاه بر نچه مراتبه تركستان طرفيغه غزات اوچون كيلب مظفر و منصور بولوب نيتب سنهٔ هجرى نينك ٥٤٧ نچى يليده محرم آينده اتسز خوارزم شاه يندين سقناق و باشقه باشقه شهرلارنى فتح قيلمق نيتيده قوشون تارتيب خوارزم دين چقبدور اوركنج ايلان سقناق يولى‌نينك اراسيدكى جند ديكان شهرنينك حاكمى كمال‌الدين ديكان بيلان خوارزم شاه آراسيده كاه اوروش و كاه يراش بولوب يوركان ايكان خوارزم‌شاه بول‌سفرده جند حاكمى منكاموافقت‌چليك قيلب عسكر آليب منينك برلان همراه بولوب بارادور ديب خيال قيلوب جند شهرى كه يقين لاشكان وقتده جند حاكمى برچه عسكر وجماعه‌لارى بيلان جند شهريدين قاچيب چقب كيتب دور خوارزم شاه بر نچه معتبر آدم‌لارينى قنچه وعده وعيدلار ايلان يو باريب جند حاكمى‌نى اوز حضورلاريغه آليب كيلكان همان آنينك بندكه ساليب جند شهرينى اوزيغه تابع قيلب اتسز خوارزم شاه اوز اوغلى ايل ارسلان ديكان‌نى جند شهريغه حاكم ايلاب اوركنج شهريغه قيتب كيتكان ايكان.

پنه مذكور كتاب‌نينك ٥ نچى جلديده ٢٨ نچى ورقه چنكزخان حكايه سيده ايتبدوركيم وقتيكم چنكزخان نينك اوغلى جوجى خان سقناق‌نى فتح قيلب تمام اهل شهرنى قتل قيلغاندين سونكره آوزكند شهريغه باريب آنى آليب آندين اسناس‌كه باركنده اول شهرنينك اوباش وبى باش آدم‌لارى اوروش قيلغان ايكان اول شهرنى آلكاندين سونكره شهر خلقى‌نينك تمامى‌نى مغول‌لار قتل عام قيلبدور بول خبرنى خوارزم شاه طرفيدان جند شهريغه والى وحاكم بولوب تركان فتلق‌خان ايشتب قاچيب جول ودشت بيلان يوروب توغرى اوركنج طرفيغه كيتبدور جوجى خان جند شهريغه جنتيمور ديكان‌نى ايلچى قيلب يوبار كان ايكان جند شهريده باشلوق آدم يوق اوچون عوام والامان‌لار مذكور ايلچى‌نى قتل قيلمافقه قصد قيلغان وقتده يخشى سوزلار بيلان حيله قيلب جنتيمور اوزينى خلاص قيلب بولغان حادثه‌نى كيلب جوجى خانغه بيان قيلبدور آنه جوجى خان ٤نچى صفر آيه سنهٔ ٦١٦ هجريه تمامى عسكرلارى‌نى شهرنى اطرافيغه يقين كيلتروب شهرنى آلماقفه امر قيلبدور شهر خلق‌لارى در وازه‌لارينى بر-

---

1) Подробныя данныя о гор. Дженде можно найти въ трудѣ В. В. Бартольда „Туркестанъ“ въ эпоху монгольскаго нашествія С.-ПБ. 1900 г.

2) Изъ Протоколовъ Туркест. кружка. люб. археолог. за 1899—1900 г. стр. 116—118.

كتب مستحكملاب قورغانلارینی اوستیغه چقب تماشا قیلب توروب بر بریغه ایتار ایکان کیم مغوللار بول شهرنی قندای آلادور و قورغاندن چقب کیرالمسه کیرك دیب مغول عسکرلاری خندق اوستی‌کا کوپروك سالیب وقورغامغه نردبان قویوب اوستیغه چقب شهرایچیغه کریب دروازه‌سینی آچکاندین سونکره تمامی قوشون شهرغه کریب مسخر قیلب برچه شهر خلقی‌نی شهردین تاشقاری حیداب چقاریبدور شهر خلقی اوروش‌که قول اوزاتمکان اوچون مغوللارنی جان‌لاریکا امان بریب لیکین بر نچه کون صحراده آلارنی توختاتیب شهردا کی بار نمرسه‌لارینی تلان وتاراج قیلبدور ❀

نظم جومردم نکردنددر جند جنك ❀ به کشتن مغول نیز نکشودچنك ❀ نشدکشته غیراز دوسه شور بخت ❀ زبا جنتیمور کفته بودند سخت ❀ شهرینی مغوللار آلکاندین سونکره علی حواجه غجدوانی‌نینك اول شهرکا حاکم قیلبدور

وغیاث اللغات کتابده جند دیکان ترکستان مضافاتیده‌غی شهرلاردین بر شهرنینك نامی دیبدور.

وبول حکایه‌لاردین معلوم بولادور کیم جند شهری قدیمکی وقتده خصوصا چنکزخان عصریدین کین هم بار وموجود وحاکم تورادورکان کته وآباد شهر ایکان.

Развалины Ишки-Узгентъ или Сырчи-Узгентъ. По описанію г. В. Каллаура Ишки-Узгентъ, въ переводѣ *Сырскій-Узгентъ* или *ближній*, есть небольшое укрѣпленіе на берегу озера Узгентъ-Куль, сообщающагося съ р. Сыръ-Дарьей. Внутри его ничего особеннаго нѣтъ, кромѣ небольшихъ холмиковъ; остатковъ былыхъ построекъ незамѣтно; находится только мечеть, построенная не такъ давно киргизами. Внѣ крѣпости мѣстность покрыта саксаульнымъ лѣсомъ и слѣдовъ древняго города незамѣтно; поэтому г. Каллауръ полагаетъ, что это не будутъ развалины Узгента, разрушеннаго Джучи-Ханомъ въ 1219 г. Возможно, что это позднѣйшее укрѣпленіе.

Древній мазаръ Курасанъ-Ата или Хорасанъ-Ата. По описанію г. Каллаура Курасанъ-Ата или Хорасанъ-Ата представляетъ изъ себя древній мазаръ, пришедшій въ разрушеніе. Его реставрировалъ (но весьма плохо)

мѣстный чиракчи Адиль-ханъ, родомъ ходжа, считающій себя потомкомъ похороненнаго здѣсь мусульманскаго святого Хорасанъ-Ата (по произношенію киргизъ Курасанъ-Ата). Могила, гдѣ похороненъ Хорасанъ, заново оштукатурена глиной и на штукатуркѣ сдѣланъ оттискъ надписи на арабскомъ языкѣ. На столбахъ мазара наклеены два куска бумаги съ надписью, гдѣ похороненъ Хусаинъ-Бабъ, сынъ Хорасана. О Хорасанъ-Ата почетный киргизъ Мулла Абдулла Ніязовъ доставилъ г-ну Каллауру легенду *), записанную имъ со словъ киргизъ.

По дорогѣ отъ Узгента къ Курасанъ-Ата вся мѣстность изрѣзана старыми арыками, что указываетъ на бывшую многоводность р. Огуз.-Джылгасы и на процвѣтавшее здѣсь земледѣліе.

Легенда о Хорасанъ-Ата.

پیروفسکی اویازدیغه تابع بارشین دریانینك لبیده هوکوز جلغه‌سی دیکان موضعده خراسان اتا دیکان اولیانینك قزاقیه خلق‌لارنینك اراسیده اوشبو وقتلارده ایتا دورکان حکایه‌سی خراسان اتانینك اصلی عرب نسلیدن حضرت علی نینك اوغول‌لاری حضرت امام حسن‌نی اولادلاریدین ایکان اوزلارینی اسمی عبد الجلیل خراسان لقب‌لاری ایکان خراسان لقب ایتماککه سبب شول ایکان کیم چیچاك چیقمکان آدملارنی اوستیدان ختلاب اوتسه یخشی چیچاك چیقب تیز صحت تاپار ایکان انینك حسین غازی دیکان اوغلی بار ایکان غازی دیماککه سبب اوشبو ولایت‌لارکه کیلب قالماقلار برلان اوروشوب غزات قیلب کوب قالماق لارنی قریب نابود قیلغان ایکان مذکور حسین غازی‌که قزاق‌لارنی ایتکان بویونچه هیچ نیزه قلیچ ملتیق اوتماس ایکان قالماقلار حسین غازینی اولدوروب یوق قیلماق قصدیه بولوب آخیری آنینك خاطونیدان سوراب بلیبدور تانك بامداد نمازینی فرضینی اوقوب تورکان حالتده یراغ کار قیلادور دیب آخیری قالماقلار پایلاب یوروب حسین

*) Копія трехъ надписей и легендъ прилагаются.

غازی مسجده بامداد نمازینی فرضینی اوقوب تورکان وقتده قالماقلار قلیچ برله چاپیب اولتوروبدور قچان قالماقلار اولدورماق نیت ایلان کیلکان خبرین برکان وقتده نمازنی بوزمای تیز اوقورمان دیب سورهٔ الحمدنی سونکیدین انااعطینا سوره‌سنی قرائت قیلامن دیسه اعزیغه انافتحنا سوره‌سی کیلب انی تمام اوقوماق بولغانده قلماق‌لار کیلب مسجده تمامی نماز اوقوب تورکان مسلمان‌لارنی وحسین غازی‌نی اولدوروب شهید قیلب‌دور نماز اوقوب تورکان آدملارنی ایچیدان بر شاهی بزرك دیکان آدم قورقوب نمازینی بوزوب ارقاسیکا قلماق‌لارکه قراکان ایکان‌انی هم اولدوروبدور برچه‌اولکان شهیدلارنی کومکان وقتده اول نمازین بوزوب ارقاسیکا قراکان شاهی بزرك نینك یوزی مشرق طرفکه قراب قالیبدور هر چند قبله طرفیغه یوزین قراتسه‌لار هم توغری بولمای شولطریقه ایلان کوموب‌دورلار بول وقته‌غی خواجه‌لارنی اراسیده اول شاهی بزرك اولادلارینی ساب لیت دیب اتایدی اول وقته‌غی قلمق خان‌لاری‌نینك اسمی معلوم ایمس.

Списокъ надписей на столбахъ мазара Хусаинъ-Баба, сына Хорасанъ-Ата.

خراسان اتا هرکون بامداد نمازینی سنتینی مسجده اوقوب فرضینی مکه‌غه باریب ادا قیلار ایکان بر کونی اوغلی حسین غازی سورابدور فرض نمازده بولمایسز قیده باراسز دیب خراسان اتا ایتیب‌دور فرض نمازنی کعبه‌غه باریب اوقویمن دیب بالاسی ایتب‌دور مونچه مشقت تارتیب مکه‌غه بار کونچه کعبه‌نی اوشبو یرگه کیلتورسانکز بولمایدیمو دیب اتاسی ایتبدور اول ایش منی قولومدان کیلمایدی دیب اوغلی ایتبدور منکا رخصت برسانکز من خدادین سوراب کعبه‌نی بول یرکه کیتورسام دیکانده اتاسی رخصت بریب اوغلی خداین سوراب تانك نمازی وقتیده کعبه اسماندین اوچوب کیلب خراسان اتانی اوستیده کیلب توختاب‌دور اتاسی اوغلی‌نینك بول کرامتین کوروب کعبه‌نینك سایه‌سی توشکان یرنی بیلکی‌لاب چزیب الیب کعبه‌نینك قیتاریب یوبارماغیغه امر قیلبدور.

اوغلی حسین غازی ینه خدادین تیلاب مکه‌نی اوز جایغه قیتاریب یوباریبدور شول جایغه ایلاندوروب دیوارنینك النیبدور قدیم قزاقیه جاهل وقتیده شول دیوارنینك ایچیغه کریب کعبه دیب هرکیم هر طرفده قراب نماز اوقور ایکان بول وقتده شریعت‌که مخالف ایکان لیکنی بیلب اول طریقه نماز اوقوماقنی منع قیلنکاندور خراسان اتاغه زیارت‌که بارکان ادملار اولا اوغلی حسین غازی‌نی زیارت قیلب اندین صونکره خراسان اتانی زیارت قیلادورلار زیراکه خراسان اتا اوزی حیات وقتیه ایتکان ایکان هر کیم منی زیارتیمغه کیلسه اوّل اوغلومنی زیارت قیلب اندین کین منی زیارت قیلسون مندین انی مرتبه‌سی ارتوقدور دیب

هوکوز جلغه‌سی دیمکنی سببی بر هوکوز سفاسنك صوغه کیتب یوق بولوبدور اول هوکوز یوروب ینکی قان منزلیدن کیلب چقبدور مذکور قان آق مسجد قلعه‌سی نینك روبروسیده‌دور.

دریا لیك دیب خراسان آتانینك پست طرفینی ایتادورلار.

اوز کینت داکی اولیانینك درست اسمی مای‌لیك آتا ایماس نی‌لیك آتا ایکان

جند شهری‌نینك قیرغی اوز کنیت دیب آیدورلار کتابلارده ایکی طریقه بیان قیلادورلار اوزکینت دیب وهم اوز جند دیدورلار.

Развалины древней могилы Баксаисъ-Ата. Между развалинами Акъ-Кургана и Узгента находятся еще нѣсколько развалинъ. Такъ напр. по описанію г. Каллаура здѣсь имѣется древняя могила святого Баксаиса съ мазаромъ и домомъ для пріѣзжающихъ (мійманъ-уй). Мазаръ и домъ разваливаются. Прежде здѣсь былъ чиракчи, но по недостатку доходовъ ушелъ. Мѣстные киргизы совершаютъ сюда паломничества для исцѣленія отъ ревматизма, паралича и пр., а женщины въ случаѣ тяжелыхъ родовъ.

Развалины Алгыръ-Салгыръ. Эти развалины имѣютъ видъ неправильнаго четыреугольника, длиною въ окружности 570 шаг. (В. К.)

Переводъ статьи

о городѣ Сунакѣ или Сокнакѣ, о его гибели и развалинахъ. *)

Оказывается, причина гибели г. Сокнака такова: Чингизъ-ханъ послѣ покоренія восточныхъ странъ и края, отправилъ царю Ургенча и Ирана Мухаммедъ-шаху Хорезму посланника съ предложеніемъ „жить въ мирѣ и дружбѣ, дабы между ихъ странами могли-бы развиваться торговыя сношенія (точно: могли бы купцы ѣздить изъ одной въ другую постоянно), такъ чтобы оба царства и ихъ народы были бы спокойны".

Когда прошло нѣкоторое время послѣ принятія этихъ предложеній Хорезмъ-шахомъ и отъѣзда посланниковъ, Хорезмъ-шахъ по совѣту нѣкоторыхъ смутителей не сдержалъ своего обѣщанія и по его письменному приказу правитель Отрара Табиръ-ханъ изловилъ 150 мусульманъ купцовъ, подданныхъ Чингизъ-хана, и его посланника, которые были въ г. Отрарѣ проѣздомъ, ихъ убилъ, а имущество конфисковалъ.

Какъ только извѣстіе объ этомъ событіи дошло до слуха Чингиза, онъ разсердился на Хорезмъ-шаха, собралъ большое войско и отправилъ на его царство своихъ сыновей Укатая и Чигтая (Джегатая), отправилъ для покоренія Отрара хорошаго (катта) сына Джучія (جوجی) для покоренія провинцій окружающихъ г.г. Отраръ и Сокнакъ, а визиря Мангу-Бука, съ пятью тысячами людей направилъ на г. Фенакантъ и Ходжентъ.

Чингизъ самъ съ своимъ сыномъ Тулиханомъ направился въ сторону Нуръ-Ата для осады Бухары.

Когда Джучи-ханъ дошелъ до Сокнака, жители его были уже готовы сражаться.

Джучи отправилъ въ городъ съ посломъ почтеннаго мусульманина Хасанъ-хаджи для мирныхъ переговоровъ, но тамошніе башибузуки (точно: войска безъ главы и дисциплины) бѣдняжку убили, какъ будто этимъ сдѣлали благое дѣло. Когда Джучи-ханъ узналъ это, очень разсердился, окружилъ городъ и приказалъ своему войску начать оса-

*) Переводу текста, напечатаннаго арабскимъ шрифтомъ на киргизскомъ языкѣ, я обязанъ любезному содѣйствію члена Оренб. Уч. Арх. Ком. Абдрахману Ризаэддиновичу Фахретдинову (стр. 192 по 202).

ду города и сражаться, пока совершенно не уничтожится. Послѣ двухдневнаго сраженія городъ былъ въ рукахъ Джучія, поэтому поводу такъ сказалъ поэтъ: (по персидски) (не переведено)...

Вотъ такъ, мстя за одного человѣка, онъ умертвилъ всѣхъ старцевъ и молодыхъ, злыхъ и добрыхъ гражданъ Сокнака, разрушилъ всѣ постройки, а всѣхъ спасшихся бѣгствомъ отдалъ подъ власть наслѣдниковъ убитаго посланника Хасанъ-хаджи.

Послѣ этого Джучи-ханъ отправился въ г. Узджянъ

Вышесказанное событіе произошло въ 616 году отъ Гиджры.

Съ тѣхъ поръ г. Сокнакъ въ развалинахъ. На его мѣстѣ кромѣ жженыхъ кирпичей, кусковъ разныхъ вещей и глиняныхъ горшковъ нѣтъ никакихъ признаковъ былого города.

Но находящаяся здѣсь святая могила Талламаи-Сакнакія (т. е. Сокнакскаго ученаго), который былъ авторомъ книги „Нихая“ („конецъ“), является знаменитымъ мѣстомъ поклоненія. Пусть будетъ Божья милость ему.

Переводъ разсказа о походѣ Джучи-хана въ Дженд, Узгентъ, Саганакъ, Аснашъ изъ соч. Абдулъ-Гази Багадуръ-хана.

(См. выше стр. 184). Джучи-ханъ послѣ опустошенія Отрара прибылъ къ Саганакъ. У него былъ служащій „неукаръ„ (смотритель за лошадьми), мусульманинъ Хасанъ-ходжи. Онъ его отправилъ посланникомъ въ Саганакъ при чемъ сказалъ ему: „посовѣтуй народу увидѣть меня, сдать крѣпость и самимъ покориться мнѣ“.

Когда Хасанъ-ходжи прибылъ въ городъ и началъ увѣщевать толпу, базарная толпа, говоря что это богоугодное дѣло, благословляя Аллаха, набросилась на Хасанъ-ходжи, убила его и рѣшила защищать крѣпость.

Узнавъ это, Джучи-ханъ разсердился и приказалъ монголамъ взять приступомъ городъ. Монголы напали и въ теченіи часа овладѣли городомъ. Изъ за убійства одного Хасанъ-ходжи здѣсь казнили десять тысячъ мусульманъ и сына Хасана оставили здѣсь править.

Послѣ этого Джучи-ханъ отправился въ Узгентъ. Жители этого города встрѣтили его за городомъ съ подарками. Ханъ за это ихъ не трогалъ и отправился въ г. Аснашъ. Жители Аснаша вышли сражаться. Войско Джучія напало на нихъ и всѣхъ истребило.

Правитель Дженда, испугавшись этихъ событій, убѣжалъ въ Хорезмъ.

Услышавъ это, Джучи отправилъ своего служащаго Чинтимура въ Дженд требовать

покорности Джучію. Жители отказались и покушались на жизнь Чинтимура.

Чинтимуръ хитростью освободился и убѣжалъ къ Джучію и разсказалъ все по порядку. Джучи разсердился, напалъ на Дженд, овладѣлъ имъ, всѣхъ покушавшихся на жизнь Чинтимура казнилъ, а прочихъ прогналъ изъ города, разграбилъ ихъ имущество, и Али-ходжа Гаждаванія назначилъ правителемъ Дженда.

Переводъ статьи Муллы Алима Абдулкасымова о городѣ Дженд.

См. выше стр. 199. Въ IV том. на 107 страницѣ книги „Раузатусъ-сафа“ о Хорезмскихъ шахахъ такъ сказано:

Посланный намѣстникомъ въ Ургенчъ бывшимъ султаномъ Санджаромъ-Атезъ, Хорезмъ-шахъ нѣсколько разъ ходилъ въ походъ въ сторону Туркестана, и возвратясь побѣдителемъ въ 547 году Гиджры въ мѣсяцѣ Мухаррамъ, желая покорить Сокнакъ и др. города, собралъ войско и отбылъ изъ Хорезма.

Между начальникомъ города Дженд, находящагося на дорогѣ къ Ургенчъ-Сокнаку, Камалутдиномъ и Хорезмъ-шахомъ постоянно происходили то ссора, то дружба.

Хорезмъ-шахъ, надѣясь на то, что на этотъ разъ начальникъ Дженда присоединится къ нему и вмѣстѣ отправятся въ походъ, приблизился къ этому городу. А правитель Дженда думая, что Хорезмъ-шахъ нападаетъ на него съ своимъ войскомъ, съ нѣкоторыми изъ гражданъ скрылся изъ города.

Хорезмъ-шахъ къ нему послалъ своихъ людей, приглашая къ себѣ, и послѣ многихъ обѣщаній выманилъ его къ себѣ, заковалъ, покорилъ Дженд и оставивъ своего сына Арслана правителемъ, отправился обратно въ Ургенчъ.

Еще на страницѣ 28 т. V этой книги про Чингизъ-хана сказано, что когда Чингизовъ сынъ Джучи, овладѣвъ Сокнакомъ, истребилъ всѣхъ жителей, покорилъ Аузъ-Кандъ и направился къ Аснашу, начальники этого города вышли съ оружіемъ на встрѣчу. Джучи борьбой овладѣлъ городомъ, монголы умертвили всѣхъ его жителей.

Когда это событіе стало извѣстнымъ ставленнику Хорезмъ-шаха въ Дженд Фтлыкъ-хану, то онъ убѣжалъ изъ города въ Ургенчъ.

Джучи въ Дженд отправилъ посланникомъ Жантимура, требуя сдачи. Толпа, оставшаяся безъ головы, хотѣла убить посланника, но онъ спасся хитростью и разсказалъ положеніе Джучію.

Джучи 4 Сафара 616 г. Гиджры всѣ свои войска собралъ около Дженда и приказалъ взять городъ приступомъ.

Жители Дженда укрѣпились, взошли на высокія валы, стали наблюдать, говорили другъ другу: „посмотримъ сумѣютъ ли эти монголы перейти черезъ ровъ и взойти сюда". Но монголы сейчасъ же устроили мосты и по лѣстницамъ взошли на валы, ворвались въ городъ, открыли ворота и вся масса хлынула въ городъ, выгнали жителей въ степь, все ихъ имущество взяли себѣ, а самихъ помиловали за то, что они не сражались. (стихи по персидски не переведены)...

Послѣ покоренія города туда правителемъ былъ назначенъ Али-ходжи Гаджуани.

Въ книгѣ „Гаясулъ-слугатъ" говорится, что Джендъ—названіе одного изъ городовъ Туркестанскаго края.

Изъ этихъ разсказовъ явствуетъ, что городъ Джендъ былъ еще въ старину, точно также и послѣ эпохи Чингизъ-хана существовалъ, былъ хорошимъ и благоустроеннымъ городомъ и тамъ жилъ правитель области.

Переводъ легенды о Хорасанъ-Ата.

См. выше стр. 200. Въ Перовскомъ уѣздѣ въ мѣстѣ, называемомъ Лабида-Тукузъ-Жлгасы Баршинь-Дарьи, есть могила Хорасанъ-Аты, о которомъ среди киргизъ есть такое сказаніе:

Хорасанъ-Ата былъ родомъ арабъ, изъ потомковъ Имама Хасана, сына Али (зятя Магомета).

Его настоящее имя было Абдулязялилъ; а Хорасанъ было только „лакабъ" прозваніе. Его Хорасаномъ назвали вотъ почему:

Если онъ перешагнетъ черезъ человѣка, еще не заболѣвшаго оспой, то у этого человѣка появляется очень хорошая безвредная оспа и человѣкъ скоро выздоровѣетъ. У него былъ сынъ Хусаинъ-Гази.

Причина того, что его назвали Газіемъ та, что онъ напалъ на области, сражался съ калмыками, истребилъ ихъ много.

По словамъ киргизовъ этому Хусаину не могло вредить ни копье, ни ружье и ни мечъ.

Калмыки, желая убить Хусаинъ-Газія, хитростью разузнали отъ его жены, что во время совершенія Хусаинъ-Газіемъ утренняго намаза, онъ на время теряетъ свою силу.

Калмыки прослѣдили его и во время совершенія утренней молитвы въ мечети зарубили его мечемъ.

Онъ во время молитвы догадался, что его хотятъ убить, но не прервалъ молитву, а только немножко торопясь, хотѣлъ произнести краткую молитву „Кяусаръ“, но случайно по ошибкѣ началъ читать длинную „Аль фатъ“, и не хотѣлъ ее прервать; пока онъ кончилъ, осаждавшіе мечеть калмыки вошли туда и убили его и всѣхъ другихъ молящихся мусульманъ. Только одинъ человѣкъ Шахи-Бузрукъ прервалъ молитву, обернулся назадъ, хотѣлъ защищаться, но не смогъ: упалъ мертвымъ. Когда хоронили всѣхъ убитыхъ, лица всѣхъ были обращены на Каабу (Мекку), а только у Шахи-Бузрука на востокъ: его лицо не смогли поставить какъ слѣдуетъ.

Въ настоящее время потомки Шахи-Бузрука между ходжами называются „Сабулитъ“ (переводъ не извѣстенъ).

Названіе калмыцкихъ хановъ того времени неизвѣстно.

Переводъ надписей

на столбахъ мазара Хусаина-Баба, сына Хорасана-Ата.

См. выше стр. 202. Оказывается, что Хорасанъ Ата „Суннатъ“ (первую необязательную часть) утренней молитвы совершалъ у себя въ мечети, а „фарзъ“ (вторую, обязательную въ Меккѣ.

Разъ Хусаинъ-Гази у него спросилъ: Васъ нѣтъ во время совершенія Фарза, гдѣ Вы бываете тогда? Онъ отвѣтилъ, что Фарзъ „совершается въ Каабѣ“.

Сынъ сказалъ: „не лучше ли Каабу принести сюда, чѣмъ со столькими трудностями идти туда?“ Отецъ отвѣтилъ, что это не въ его власти. Тогда сынъ просилъ разрѣшенія у отца, чтобы онъ Хусаинъ-Гази молилъ бы у Бога и перенесъ бы Каабу (изъ Мекки) сюда. Отецъ разрѣшилъ и Хусаинъ-Гази во время утренней молитвы молилъ и Кааба пронеслась по небу и остановилась надъ Хорасанъ-Ата.

Когда отецъ увидѣлъ это, онъ узналъ, что его сынъ святой и отдѣлилъ черточкой на землѣ мѣста, покрытыя тѣнью Каабы, а Каабу отправилъ обратно въ Мекку.

По просьбѣ Хусаинъ-Гази и городъ Мекка разъ былъ перенесенъ сюда. То мѣсто, гдѣ онъ остановился, было окружено стѣной.

Киргизы раньше, когда были еще очень невѣжественны, эту мѣстность считали за Каабу, входили туда и молились, обращаясь въ какую угодно сторону. Но теперь узнали, что это не соотвѣтствуетъ шаригату и перестали такъ молиться.

Люди, ѣдущіе помолиться надъ могилой Хорасанъ-Аты, всегда сперва молятся надъ могилой Хусаинъ-Газія, а потомъ уже у Хорасанъ-Аты; потому, что такъ велѣлъ еще при жизни Хорасанъ-Ата, считая своего сына выше себя.

Рѣчка Хукузъ (Угузъ—Джилга) названа такъ потому, что здѣсь въ водѣ скрылся одинъ быкъ (укзъ) и вышелъ на мѣстѣ, называемомъ „Янп-Канъ“, что противъ города Акъ-Мечеть.

Мѣстность, находящаяся ниже Хорасанъ-Ата, называется „Дарьялыкъ“.

Имя святого жившаго въ Узгентѣ называется не „Майликъ“ а „Ни-ликъ“.

г. Дженджъ называютъ „Степнымъ Узкентомъ“. Въ книгахъ этотъ городъ двояко упоминается „Узкентъ“ и Узъ-Дентъ.“

Слѣды древнихъ крѣпостей по старому руслу рѣки Сыръ-Дарьи (Угузъ-Жилгасы) *)

Въ Прилож. къ протоколу Туркестанскаго кружка люб. археол. отъ 7 февраля 1900 г. на стр. 6 имѣется интересное сообщеніе члена кружка В. А. Каллаура о древнихъ городахъ въ Перовскомъ уѣздѣ и въ частности по старому руслу рѣки Сыръ-Дарьи, по Угузъ-Жилгасы. Авторъ статьи говоритъ, что старое русло рѣки Сыръ-Дарьи отдѣлялось прежде выше впаденія р. Арыса въ р. Сыръ-Дарью, въ мѣстности Тугулъ, гдѣ развалины крѣпости *Ичке-Ульмасъ*, проходило по Кызылъ-Кумамъ и сухое русло, еще сохранившееся, носитъ названіе *Угузъ-Жилгасы*. По этому руслу имѣются древнія крѣпости и курганы: въ Чимкентскомъ уѣздѣ—*Ичкеле, Джарты-Тюбе, Сазанъ, Оксусъ, Артыкъ-Ата и Кауганъ-Ата* и въ Перовскомъ: *Кара-Тюбе, Абызъ-Тюбе. Келинъ-Тюбе, Мійрамъ-Тюбе, Акъ-Курганъ, Кумьянъ, Алгыръ-Салгыръ, Кыргы-Узгентъ, Курасанъ-Ата, Бакзаисъ-Ата* и другія ниже. Въ Кызылъ-Кумахъ старое русло раздѣляется на два (между ними разстояніе до 20 верстъ), по другому руслу сѣверному имѣются *Ишке-Узгентъ* и др. По сообщенію А. Ніазова въ нѣкоторыхъ изъ помянутыхъ развалинъ сохранились печи для обжиганія кирпича и въ нихъ находится обожженый невыгруженный кирпичъ, изъ чего онъ заключаетъ что, или была отведена рѣка въ другое русло, или было неожиданное нашествіе другого болѣе сильнаго племени, разрушившаго крѣпости.

*) Нѣкоторые авторы пишутъ Огузъ-Джилгасы. Г. К.

Развалины Мулла-Курганъ. Мулла-Курганъ имѣетъ форму редута, длиною въ окр. 500 шаговъ, въ которомъ находится мечеть и колодезь. (В К.).

Развалины Тубэсы-Оюкъ или Касымъ-Ата. Эти развалины осмотрѣны г. Каллауромъ, находятся на сѣверо-западѣ, въ верстахъ семи отъ Узгента. По описанію г. Каллаура, здѣсь находятся развалины четырехъугольнаго укрѣпленія, длиною по окружности 600 шаг. Къ нимъ примыкаетъ четырехугольная возвышенность, которая, повидимому, составляетъ цитадель этого укрѣпленія, длиною въ 120 шаговъ. Въ окружности укрѣпленія замѣчаются остатки былыхъ построекъ. Городъ орошался арыками, выведенными изъ р. Огусъ-Джилгасы, которая теперь составляетъ сухое русло и ниже Узгента уже извѣстна подъ именемъ Дарьялыкъ. Невдалекѣ отъ укрѣпленія находится мазаръ Касымъ-Ата съ провалившимся куполомъ изъ сырцоваго кирпича и съ облицовкой внутри и снаружи стѣнъ жженымъ кирпичемъ. Отъ провалившагося купола этого мазара развалины получили названіе Кумбесы-Оюкъ; старое названіе забыто.

Развалины города Узгента или Кыргы-Узгента. По описанію г. Каллаура развалины гор. Узгента (Кыргы-Узгентъ, т. е. дальній Узгентъ) находятся вблизи сухого русла рѣки Огузъ-Джилгасы, изъ котораго проведены были арыки, которые хорошо сохранились. Судя по слѣдамъ бывшихъ построекъ, разбросанныхъ со всѣхъ сторонъ, это былъ большой городъ съ крѣпостью внутри. Мѣсто, занятое городомъ, заросло съ трехъ сторонъ саксауломъ; западная же сторона представляетъ собою мѣсто ровное и частью луговое. Крѣпость имѣетъ видъ четырехъугольника, съ земляннымъ валомъ длиною въ окружности 1600 шаговъ; ворота находятся съ восточной стороны; высота вала 27 шаговъ. Внутри крѣпости валяются черепки глиняной посуды и видны слѣды бывшихъ построекъ и улицъ. Послѣ дождей и вѣтровъ, киргизы находятъ внутри крѣпости мѣдную монету, которая обнаруживается отъ вывѣтриванія или смыванія земли. Киргизъ рода ходжа, Сеидъ-Ходжа, Менгли-Ходжинъ въ прошломъ году (1900 г.) осенью нашелъ здѣсь мѣдную монету чекана 761 (1359 г.) съ арабской надписью, которая читается такъ: „Альхамду-лилля-761“.

Здѣсь еще были найдены серебряныя монеты. Г. Каллауръ полагаетъ, что городъ этотъ былъ Узгентъ, разрушенъ Джучи-Ханомъ въ 1219 году.

Развалины Джиты-Асаръ. Въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ за 1900 г. №№ 80-81 помѣщена была статья г. А. Симонова перепечатанная потомъ въ Прилож. къ Прот. Турк. кружка за 1899-1900 г. стр. 96-101 подъ заглавіемъ „Джиты-Асаръ“. Названіе Джиты-Асаръ получилось отъ группы семи старинныхъ городищъ, расположенныхъ въ степи, на лѣвомъ берегу р. Сыръ-Дарьи. Объ этихъ городищахъ еще писалъ А. Левшинъ*), Джиты-Кала (семь городовъ), пишетъ г. Левшинъ, лежатъ на правомъ берегу рѣки Кувана и составляютъ, несмотря на названіе свое, одно поселеніе или одинъ городъ, который въ прошедшемъ столѣтіи принадлежалъ Каракалпакамъ. Тутъ нѣтъ нынѣ строеній, но еще видны рвы, служившіе укрѣпленіемъ, ворота, каналы и пр.

По описанію г. Симонова „асары“ имѣютъ видъ двухъ ярусныхъ кургановъ до 15 арш. высоты почти съ отвѣсными боками, при чемъ верхній ярусъ занимаетъ нѣсколько болѣе трети верхней площади нижняго яруса. Городища имѣютъ фигуру правильнаго четыреугольника, со сторонами въ 50-60 саж. образованными стѣнами, сложенными изъ сырцоваго кирпича; на верхнихъ площадкахъ обоихъ ярусовъ замѣтны вершины стѣнъ, ограничивающихъ четыреугольники, имѣющіе по большей сторонѣ 9, а по меньшей—6 арш. На западной сторонѣ внѣшняя стѣна во всѣхъ городищахъ имѣетъ перерывъ аршинъ въ десять шириною, служив-

*] См. Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей А. Левшина за 1832 г. стр. 213.

шій очевидно, воротами; внутренняя площадь асаровъ изрѣзана глубокими промоинами, расположеніе которыхъ даетъ основаніе предполагать, что онѣ образовались въ промежуткахъ между зданіями; къ каждому кургану примыкаетъ внѣшняя ограда, ограничивающая пространство около двухъ десятинъ; ограда эта состоитъ изъ толстой стѣны сырцоваго кирпича съ угловыми башнями, причемъ стѣна въ большей части своего протяженія отъ времени совершенно разрушилась и представляется въ видѣ невысокаго валика, но башни и нѣкоторые участки стѣны сохранились довольно хорошо. Мѣстность вокругъ кургановъ на нѣсколько десятковъ саженъ положительно усыпана мелкими обломками прекрасно обожженой глиняной посуды; черепки довольно тонки и на нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтны не лишенные изящества рисунки. Въ джиты-асарской группѣ городища расположены на разстояніи болѣе 5-ти верстъ одно отъ другого и взаимное ихъ расположеніе напоминаетъ очертанія созвѣздія Большой Медвѣдицы.

Въ окрестностяхъ городищъ замѣтны многочисленные слѣды большихъ и малыхъ каналовъ, причемъ большіе имѣютъ нѣкоторое превышеніе надъ малыми. На верхнихъ площадкахъ кургановъ и у основанія стѣнъ видны небольшія круглыя отверстія, ведущія во внутренность кургана; но проникнуть въ эти отверстія г. Симонову не удалось далѣе 10-12 арш., такъ какъ проходъ настолько тѣсенъ, что въ него съ трудомъ можно пролѣзть лежа.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ А.Г. Симоновъ произвелъ самую поверхностную раскопку, въ результатѣ которой оказалось нѣсколько небольшихъ отесанныхъ камней, очевидно назначавшихся для метанія изъ пращи, нѣсколько бусъ и вещицъ изъ обожженой глины и камня, каменное остріе стрѣлы, а также много костей животныхъ.

Въ преданіяхъ о происхожденіи этихъ городищъ существуетъ нѣсколько варіантовъ; такъ напр. г. Симоновъ пишетъ: *) „Одинъ татаринъ—торговецъ, прожившій среди кочевниковъ около 20 лѣтъ, разсказывалъ о существованіи среди киргизъ преданія, что ранѣе ихъ появленія въ степи ею обладали послѣдовательно семь народовъ и что первый изъ этихъ народовъ, придя на мѣсто, засталъ городища въ томъ же состояніи, въ какомъ они находятся въ настоящее время; другіе утверждаютъ, что „асары“ представляли обширные укрѣпленные замки, построенные народомъ, жившимъ здѣсь до нашествія Тимура, которымъ они и были разрушены; нѣкоторые связываютъ происхожденіе городищъ въ степи съ именемъ Искандеръ-Зюлькарнайна (Александра Великаго), а одинъ уралецъ, часто бывавшій въ степи по торговымъ дѣламъ, говорилъ, что „асары“ построилъ какой-то ихній Бамбуръ (очевидно, отголосокъ преданія о султанѣ Бабурѣ). „Кромѣ этихъ преданій, имѣющихъ историческій характеръ, народная фантазія создала слѣдующую, приведенную г. Симоновымъ, легенду:

„Въ глубокой древности пустыня, среди которой теперь расположены городища, была цвѣтущею, богато орошенною страною. Нынѣшнія развалины-асары были крѣпкими городами—замками, въ которыхъ жило воинственное населеніе, проводившее жизнь въ набѣгахъ на сосѣднія племена и въ охотахъ на птицъ и звѣрей. Владѣтелями городовъ были знаменитые богатыри, соперничавшіе между собою въ воинской доблести и въ легкости на охотѣ. Одно время самыми знаменитыми изъ этихъ владѣтелей (султановъ) были султанъ Джиты—Асара, соединившій подъ своей властью воинственное населеніе городовъ, и султанъ Алтынъ-Асара, славившійся своими богатствами, которыя давали ему возможность, кромѣ своихъ воиновъ, пользоваться и услугами наемниковъ. Долго длилось это соперничество. Въ открытомъ бою всегда брали верхъ мужественные джиты асарцы, всегда побѣждав-

*) См. Прилож. къ Прот. Турк. кружка. за 1899—1900 годъ Стр. 97.

шіе противниковъ и производившіе въ ихъ области жестокую баранту (грабежъ); за то, въ короткіе періоды взаимнаго мира, владѣтель Алтынъ-Асара возбуждалъ зависть сво его соперника блестящими охотничьими выѣздами. Алтынъ-Асарскій султанъ и его богато разодѣтая свита охотились только на безобидныхъ сайгаковъ, лебедей и дикихъ гусей, для чего пользовались прекрасно вынощенными и обученными орлами и соколами, между тѣмъ какъ джиты—асарскій султанъ предпочиталъ лихую, но въ высшей степени утомительную охоту на кулановъ и не разъ съ однимъ остро отточеннымъ кинжаломъ въ рукѣ выходилъ на поединокъ съ самимъ царемъ камышей—тигромъ.

„Случилось однажды, что владѣтель Алтынъ-Асара, увлеченный охотою на лебедей, углубился въ камыши. Въ то время, когда охотникъ проѣзжалъ по узкой тропѣ, окаймленной съ обѣихъ сторонъ стѣною густого высокаго камыша, на него бросился тигръ и мгновенно повергъ на землю коня и всадника. Охотнику угрожала неминуемая повидимому смерть въ когтяхъ свирѣпаго звѣря, но къ счастью явился неожиданный спаситель въ лицѣ султана-соперника, который давно уже выслѣживалъ звѣря; смѣло напалъ батырь на тигра и однимъ ударомъ кинжала поразилъ его въ сердце. Въ порывѣ глубокой благодарности гордый владѣтель Алтынъ-Асара отдалъ глубокій поклонъ своему избавителю, поклялся въ вѣчной къ нему дружбѣ, для скрѣпленія которой рѣшилъ выдать за него свою единственную красавицу-дочь. Несмотря на вражду между родами, молодые люди уже давно любили другъ друга, а потому предложеніе стараго султана было принято съ восторгомъ и вскорѣ состоялась свадьба, сопровождавшаяся такимъ тоемъ (праздненствомъ), какого ни ранѣе, ни послѣ не видѣла степь: однихъ барановъ было зарѣзано для угощенія народа до трехъ тысячъ, а во время байги (скачки) наиболѣе отличившіеся награждались цѣлыми косяками коней.

„Но непродолжительно было супружеское счастье новобрачныхъ. Злой духъ посѣялъ въ сердце одного изъ приближенныхъ султана нечистую любовь къ молодой женѣ его повелителя. Вѣрная долгу супружества султанша отвергла настойчивыя исканія и униженныя мольбы влюбленнаго, въ душѣ котораго пламенная любовь замѣнилась чувствомъ неукротимой ненависти и онъ принялъ злой умыселъ во что-бы ни стало погубить неприступную красавицу, для чего и воспользовался первымъ представившимся ему случаемъ. По окончаніи свадебныхъ празднествъ, продолжавшихся цѣлые три мѣсяца, молодой супругъ захотѣлъ позабавиться соколиной охотой и выѣхалъ въ степь въ сопровожденіи небольшой свиты, въ составѣ которой находился и отвергнутый обожатель его жены. Выѣхавъ изъ города послѣ полудня, султанъ послѣ короткаго перехода остановился на ночлегъ на берегу одного озера и тутъ спохватился, что забылъ дома свой колчанъ со стрѣлами. Тогда спутникъ султана, столь неудачно домогавшійся любви его супруги и полный злобы, вызвался съѣздить въ городъ и черезъ нѣсколько часовъ привезти забытую вещь, но возвратился только на другой день, когда солнце было уже высоко. На гнѣвный вопросъ султана о причинѣ столь долгаго отсутствія, злобный лукавецъ отвѣтилъ, что по приказанію султанши долженъ былъ провести ночь въ ея обществѣ. Лютая ревность помрачила умъ оскорбленнаго батыря, онъ вскочилъ на коня, прискакалъ домой и, найдя жену окруженной служанками и занятой домашними заботами, не говоря ни одного слова, отрубилъ ей голову.

„Когда отецъ убитой узналъ о печальной участи своей дочери, то призвавъ къ себѣ на помощь кочевавшій за Сыромъ народъ сакафовъ (скифовъ), напалъ на своего зятя, убилъ его, истребилъ весь подвластный ему народъ, разграбилъ его владѣнія, а затѣмъ, забравъ своихъ подданныхъ, ушелъ съ сакафами и пропалъ безъ вѣсти.

„Съ тѣхъ поръ запустѣла нѣкогда цвѣтущая страна и только громадные курганы напоминаютъ о давно угасшей жизни“.

Судя по разнымъ преданіямъ, которыя сохранились въ народѣ, можно заключить, что разрушеніе Джиты-Асаръ относится къ эпохѣ освобожденія киргизовъ отъ владычества калмыковъ. Вотъ напр. еще преданіе, приведенное Л. Мейеромъ въ Матер. для географ. и статист. Россіи С.-ПБ. 1865 г. стр. 287. „Народная фантазія конечно опоэтизировала это происшествіе (разрушеніе Джиты-Асаръ) и связала съ нимъ имена двухъ любовниковъ: киргизской дѣвицы Назимы и батыря Камбара, о которыхъ сохранились даже пѣсня. Калмыцкій князь добивался силою руки красавицы Назимы, а Камбаръ съумѣлъ заставить народъ сдѣлать его частное дѣло причиною возстанія. Киргизы повѣтствуютъ, будто-бы родители и родственники Назимы не рѣшились противиться угрозамъ калмыцкаго хана и привезли къ нему Назиму на свадебный пиръ, на который, конечно, собралось множество народу. Сюда прибылъ послѣ долгаго отсутствія и Камбаръ. Ханъ спросилъ его, отчего онъ не явился ранѣе по приглашенію; на это батырь отвѣчалъ, что былъ задержанъ въ пути разбирательствомъ частныхъ дѣлъ, въ которомъ не могъ отказать. На вопросъ, какія это были дѣла, онъ началъ свой разсказъ: вопервыхъ, къ нему явились мышеловъ и ястребъ, первый поймалъ утку, а ястребъ ее у него отнималъ. Камбаръ рѣшилъ споръ въ пользу мышелова на томъ основаніи, что ястребъ всегда можетъ поймать утку, а мышелову это удалось только разъ; потомъ пришли къ нему простая собака и борзая, изъ коихъ первая поймала сайгу, а вторая ее отнимала; батырь точно также рѣшилъ въ пользу простой собаки и отдалъ ей сайгу. Рѣшая эти споры, онъ надъ каждымъ думалъ три дня и такъ упустилъ время. Калмыцкій ханъ понялъ значеніе этихъ аллегорій и велѣлъ убить Камбара, но бывшіе тутъ киргизы, увлеченные смѣлостью Камбара и заранѣе имъ подготовленные, защитили его и свадьба кончилась побоищемъ, въ которомъ побѣдили киргизы. Отъ этого времени начинается постепенное ихъ освобожденіе отъ калмыцкаго владычества“.

Развалины Оренбая по р. Яны-Дарьѣ. Въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ 1904 г. въ №№ 10 и 31 помѣщена статья И. Бѣляева „Поперекъ Кызылъ-Кумской пустыни“ (отъ Чимбая до Перовска), въ которой дается описаніе развалинъ крѣпостей Оренбай и Шерикъ-Рабатъ.*) „Послѣ Сюиманъ-Бая видъ степи мѣняется: вмѣсто гладкой глинистой равнины красноватаго цвѣта (откуда самое названіе Кызылъ-Кумъ) передъ путникомъ тянутся безконечные ряды песчаныхъ бархановъ. Путь тяжелъ и однообразенъ. Здѣсь въ большомъ количествѣ встрѣчаются тушканчики и въ особенности сайгаки; есть и волки. Въ 20 верстахъ далѣе Сюиманъ-Бая находится колодецъ Онъ-Адынъ, а на 12-й верстѣ дальше Оренбай. Послѣдній получилъ свое названіе отъ имени одного каракалпака. Давнымъ давно, гласитъ мѣстное преданіе, въ Кызылъ-Кумѣ жило много различныхъ народовъ, въ особенности киргизъ и ихъ древнихъ сородичей каракалпаковъ. Между этими кочевниками велись постоянные раздоры и войны, отъ которыхъ преимущественно страдали болѣе слабые т. е. каракалпаки. Наконецъ каракалпаки выбрали изъ своей среды военнымъ начальникомъ богатыря Оренбая. Потомки богатыря Оренбая живутъ еще въ настоящее время въ окрестностяхъ Чимбая.

„Сооруженная Оренбаемъ крѣпость, уже пришедшая въ ветхость, и теперь еще величественно выдѣляется среди Кызылъ-Кумскихъ песковъ.

„Въ далекомъ прошломъ мѣстность, гдѣ расположены крѣпость и колодцы Оренбая, представляла для кочевниковъ большое приволье. Здѣсь было много вольной воды; въ 7—8 верстахъ отсюда находилось большое, теперь не существующее, озеро Кэркэли-Кокъ, а въ 6—8 вер. дальше протекала многоводная Дарья. На днѣ высохшаго русла этой рѣки теперь находится колодецъ Иркибай. По словамъ мѣстныхъ киргизовъ весною

*) Перепечатана въ частности въ Прилож. къ Проток. Турк. Кр. за 1904 г. стр. 56. См. статью В. Каллаура. „Развалины древнихъ крѣп. по р. Яны-Дарьѣ.

Иркибай иногда заливается потоками воды, выдѣляющимися изъ новаго русла Сыръ-Дарьи; въ другое время перѣдко совершенно пересыхаетъ. Вообще путнику на Кызылъ-Кумскіе колодцы полагаться не слѣдуетъ. Такъ, еще недавно слѣдующій за Иркибаемъ въ 8 вер. попутный колодецъ Шеерикъ-Рабатъ, расположенный также на днѣ стараго русла Дарьи, былъ полонъ воды, а теперь онъ уже не существуетъ; вода въ немъ пропала и стѣнки его разрушились."

Развалины Шерикъ-Рабата. Про развалины Шерикъ-Рабатъ, г. Бѣляевъ сообщаетъ слѣдующее: „У колодца Шерикъ-Рабатъ существуетъ драгоцѣнный археологическій памятникъ, большая крѣпость. Она имѣетъ форму четыреугольника; ея кирпичныя стѣны, имѣющія высоту до двухъ саженей, а въ ширину до сажени, окружаютъ площадь въ 10—12 десятинъ. Во многихъ мѣстахъ стѣны выглядятъ довольно хорошо сохранившимися; только многочисленныя башни совершенно разрушились и представляютъ нынѣ громадные пыльные выступы. Двѣ башни, самыя большія, находились на южной сторонѣ; онѣ ограждали единственныя ворота крѣпости. Съ высокаго подъема этихъ воротъ вся крѣпостъ видна, какъ на ладони. По срединѣ скруженнаго стѣнами пространства возвышается внушительная, нынѣ на половину разрушенная, цитадель. Изъ нея вели, повидимому, четыре подземные хода, отъ которыхъ остались нынѣ широкія темныя ямы. Одинъ изъ этихъ ходовъ велъ, быть можетъ, къ берегамъ Дарьи, другіе—въ степь.

„Кромѣ цитадели въ разныхъ мѣстахъ крѣпостнаго двора находятся три холма. На одномъ изъ этихъ возвышеній уцѣлѣла какая то кирпичная четырехъугольная постройка, имѣющая большія выложенныя кирпичомъ углубленія или котловины.

„Киргизскія преданія относительно этой крѣпости сбивчивы; одни утверждаютъ, будто она построена по приказу Чингизъ-Хана, а другіе—будто ее соорудилъ калмыцкій ханъ Альчагыръ."

Развалины и мавзолей Сырлы-Тамъ. По порученію В. Каллаура *) въ ноябрѣ 1900 г. лѣсной объѣзчикъ изъ киргизъ, получившій образованіе въ русско-туземной школѣ, Теленбергенъ Джилкибаевъ осмотрѣлъ курганъ и мавзолей Сырлы-Тамъ, находящіеся въ его объѣздѣ и составилъ глазомѣрный планъ развалинъ. Планъ и снимокъ съ надписи, имѣющейся на мавзолеѣ, Джилкибаевъ представилъ г. Каллауру и вмѣстѣ съ этимъ словесно ему сообщилъ, что Сырлы-Тамъ находится въ верстахъ 70 отъ г. Перовска на 25 в., западнѣе караванный дороги, идущей изъ города Перовска въ Бухару, показанной на картѣ Туркестанскаго края, и въ 80 в. отъ развалинъ крѣпости Асанаса (Ашнаса).

„Курганъ (крѣпость) расположенъ на ровной мѣстности; ворота его выходятъ на западъ, стѣны глинобитныя, какъ это замѣтно съ наружной стороны крѣпостного вала; длина стѣнъ въ окружности 960 шаговъ, а высота отъ 3 до 4 аршинъ; крѣпостные рвы засыпаны пескомъ. Внутри кургана—цитадель и остатки трехъ зданій, засыпанныхъ пескомъ, изъ которыхъ мѣстными киргизами выбирается жженый кирпичъ... Судя по этому, зданія были изъ жженаго кирпича.

„Съ восточной стороны развалинъ кургана, въ 400 шагахъ, имѣется сухое русло рѣки, засыпанное частью пескомъ, шириною въ 40 шаговъ, которое тянется по Кызылъ-Кумамъ со стороны развалинъ древняго города Асанаса (Ашнаса), а ниже Сырлы-Тама направляется въ Яны-Дарью въ Хивинскихъ владѣніяхъ **) (между мѣстными киргизами русло это названія не имѣетъ). На пространствѣ между курганомъ и русломъ рѣки видны площадки земли съ небольшими канавками. Надо полагать, что эти площадки прежде были

*) См. Прилож. къ Протоколу Турк. кр. люб. арх. отъ 19 марта 1901 г. статья В. Каллаура стр. 14—17.

**) По словамъ киргиза Бошаева, это сухое русло рѣки называется „Барашинъ-Дарья" (См. Прилож. къ Прот. Турк. кр. люб. арх. стр. 83-я).

заняты древесными насажденіями или же бахчами.

"Мавзолей Сырлы-Тамъ находится съ западной стороны кургана, въ 280 шагахъ впереди его воротъ, и стоитъ на плоскомъ возвышенномъ барханѣ (должно полагать насыпной холмъ). Высота мавзолея съ куполомъ до 5 саженей, длина стѣнъ по 12 аршинъ, высота наружной двери $5^1/_2$ арш., а внутренней въ углубленіи (нишѣ) $3^1/_2$ арш. Между обоими дверями ниша имѣетъ $3^1/_4$ аршина. Надъ наружной дверью по фасаду имѣется арабская надпись, которая въ нижней части, а въ особенности съ лѣвой стороны, выкрошилась. Зданіе это краснаго цвѣта, хорошо сохранилось; кирпичная кладка весьма тщательная, швы настолько тонкіе, что не представляется возможности опредѣлить, на какомъ растворѣ кладка производилась. Внутри зданіе оштукатурено бѣлымъ алебастромъ съ синей по немъ разрисовкой тонкими линіями въ родѣ сѣтки. Въ зданіи находятся 12 гробницъ съ земляными холмиками. Снаружи зданія имѣется кладбище.

„Около Сырлы-Тамъ зимуютъ киргизы рода Керейтъ-Куткенчекской и Клысъ-Бугутской волостей.

„На геологической 30-ти-верстной картѣ Туркестанскаго края, составленной въ 1881 году горными инженерами Романовскимъ и Мушкетовымъ и изданной, какъ приложеніе, къ ихъ книгѣ „Матеріалы для геологіи Туркестанскаго края", имѣется надпись „К. Сырлы-Тамъ", именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по разсказу Джилкибаева, находится описанный Сырлы-Тамъ.

„Надо полагать, что изслѣдователь не видѣлъ развалинъ кургана и мавзолея Сырлы-Тамъ и нанесъ на карту находящійся въ окрестностяхъ Сырлы-Тама и видѣнный имъ колодецъ. По обычаю киргизъ данная мѣстность называется по имени болѣе извѣстнаго пункта. Этимъ именемъ названъ также колодецъ, чрезъ который изслѣдователь проходилъ и который находится, вѣроятно, всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мавзолея Сырлы-Тамъ, а то и ближе" *).

Развалины Мійрамъ Въ 1901 году г. В. Каллауръ осмотрѣлъ нѣсколько развалинъ, расположенныхъ по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ въ восточной части Перовскаго уѣзда. Среди этихъ развалинъ на себя обращаетъ вниманіе крѣпость Мійрамъ. По описанію г. Каллаура она имѣетъ форму четыреугольника съ земляным валомъ, длиною въ окружности до 675 саж. Рвы ея глубиною болѣе трехъ саж. Внутри на возвышенномъ мѣстѣ стоитъ цитадель; стѣны довольно высокія, земляныя, длиною въ окружности 860 шаг. Въ юговосточномъ углу цитадели стѣна изъ сырповаго кирпича, высотою 4 саж., а выше цитадели, надо полагать была башня, или часть уцѣлѣвшей второй цитадели. Въ крѣпости масса черепковъ, глиняной посуды и небольшое количество разбросаннаго кирпича. Внѣ крѣпости сохранились площадки, огороженныя съ четырехъ сторонъ, съ возвышенностью внутри, которая можетъ быть принята за развалины построекъ, а огороженныя мѣста за дворы. По слѣдамъ арыковъ въ окружности крѣпости можно думать, что расположенный около крѣпости городъ и крѣпость снабжались водой арычной.

Развалины Акъ-Кургана. Осмотрѣнныя г. Каллауромъ развалины Акъ-Кургана находятся ниже Келипъ-Тюбе по Келипъ-Арыку, возобновленному лѣтъ 10 тому назадъ (1890 г.) Въ нихъ, пишетъ г. Каллауръ, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе цитадель, которая имѣетъ форму почти круга и находится въ С.-В. углу крѣпости. Глинобитныя стѣны частью были сложены изъ жженаго кирпича, длиною въ окружности до 440 шаговъ, высота стѣнъ отъ 3 до 4 саж. а глубина рвовъ до 5 саж. Внутри цитадели имѣется возвышенность, должно быть—остатки разрушеннаго зданія. Крѣпость, съ земляным рав-

*) Въ надписи можно разобрать годъ постройки зданія—678 гиджри, соотвѣтствующій 1279 г. по Р. Хр., т. е. первому періоду монгольскаго владычества въ Средней Азіи. Примѣч. Н. О.

рушившимся валомъ высотою около 1 саж. неправильнаго очертанія въ видѣ круга, а ровъ глубиною въ 2 саж.

Могила святого Кармакчи-Ата. Среди множества могилъ кладбища Кармакчи *) замѣчается нѣсколько надгробныхъ памятниковъ изъ воздушнаго кирпича самыхъ разнообразныхъ формъ. Два памятника своимъ устройствомъ особенно привлекаютъ вниманіе посѣтителя. Одинъ изъ нихъ воздвигнутъ надъ прахомъ святого Кармакчи, который считается патрономъ города того-же имени. Если вѣрить киргизскому преданію, Кармакчи-Ата занимался рыболовствомъ и это было очень давно. Могила, на которой водруженъ конскій хвостъ, необходимая принадлежность могилы всякаго святого, очень почитаема туземцами и на нее они пріѣзжаютъ часто молиться. Жизнь святого описана на бумагѣ и свертки ея собраны въ кучу и подвѣшены надъ могилой, которую прикрываетъ родъ крыши, образуя навѣсъ. Послѣ долголѣтней жизни, распространяя добро на всѣхъ, насыщая милліоны людей продуктами своей рыбной ловли онъ умеръ, не оставивъ послѣ себя другого богатства, какъ только свою добродѣтель.

Могила Шике-Ніазъ. Рядомъ съ могилой Кармакчи-Ата находится другая могила весьма красиваго устройства. Это—могила почитаемаго туземцами святого Шике-Ніазъ. Надъ могилой стоитъ высокій памятникъ конической формы, съ головой сайгака надъ входомъ. (См. Таб. IV, рис. 2.)

Могила святого Хорхутъ Ата. Въ проток. засѣд. общ. собр. членовъ Турк. Кр. люб. арх. отъ 17 февр. 1897 г. имѣется слѣдующее сообщеніе. А. А. Диваевъ прочелъ небольшую замѣтку о необходимости болѣе подробнаго изслѣдованія могилы Хорхутъ-Ата, находящейся недалеко отъ Кармакчи, слѣдующаго содержанія: „Имя мусульманскаго святого Хорхутъ-Ата или Коркуда, могила котораго расположена недалеко отъ форта № 2, пользуется весьма громкою извѣстностью среди киргизовъ Сыръ-Дарьинской обл. Г. Туманскій, касаясь статьи В. В. Бартольда о старо-турецкой поэмѣ „Китаби-Коркудъ“, между прочимъ сообщаетъ, что Коркудъ извѣстенъ также и въ сказаніяхъ туркменъ, записанныхъ хивинскимъ ханомъ Абулъ-Гази-Багадуромъ.

Могила Хорхутъ-Ата расположена на берегу Сыръ-Дарьи недалеко отъ форта № 2, онъ извѣстенъ какъ одинъ изъ почитаемыхъ мусульманскихъ святыхъ. Часто туда пріѣзжаютъ изъ очень отдаленныхъ мѣстностей киргизы и киргизки на поклоненіе святому и проводятъ ночи въ слезахъ и молитвахъ въ надеждѣ получить облегченіе отъ тѣхъ или другихъ недуговъ, въ особенности отъ болѣзней извѣстныхъ у киргизовъ подъ общимъ названіемъ „арвакъ“, происхожденіемъ которой они обязаны нечистой силѣ.

Гробница Хорхутъ-Ата лѣтъ 25 тому назадъ была уже очень ветха. Она глинобитная съ 6—8 углами, оканчивающимися остроконечными фигурками съ неизбѣжнымъ куполомъ на верху. Тутъ же водруженъ длинный шестъ съ чернымъ пучкомъ конскихъ волосъ и съ флагомъ изъ разноцвѣтной матеріи. Могила невѣроятно длинна и состоитъ вся изъ земляной насыпи.“

Авторъ этой статьи А. Диваевъ болѣе подробно даетъ свѣдѣнія объ этой могилѣ въ Зап. Вост. отд. Имп. Русск. археол. общ. Т. X. „Нѣсколько словъ о могилѣ святого Хорхутъ-Ата“ стр. 193. Киргизъ Перовскаго уѣзда Касымовъ разсказалъ г. Диваеву, какъ въ дѣтствѣ его повезли на могилу Хорхутъ-Ата послѣ того, какъ знахари отказались продолжать леченіе его ногъ, страдавшихъ ревматизмомъ. Между прочимъ мать, сопровождавшая его къ святому, разсказывала ему по пути, что ноги Хорхутъ-Ата постоянно бываютъ

*) Кармакчи (фортъ № 2) на Сыръ-Дарьѣ въ 1½ в отъ ж. д. станціи Джусалы. І. К.

высунуты наружу изъ могилы, хотя онѣ всегда немедленно же засыпаются землею заботливой рукой богомольцевъ, всетаки постоянно можно видѣть ихъ снаружи. На вопросъ Касымова, отчего это происходитъ, мать отвѣтила, что Хорхутъ-Ата былъ человѣкъ замѣчательной святости, но однажды и онъ согрѣшилъ передъ Богомъ, неумышленно, во время сна задѣвъ ногами свою сестру, отчего Всевышній наказалъ святого, оставляя его ноги навсегда обнаженными.

Гробница Хорхутъ-Ата въ то время, когда ее посѣтилъ Касымовъ съ матерью, была уже ветха.

За послѣднее время слышно, что киргизы, опасаясь разрушенія могилы Хорхутъ-Ата отъ напора Сыръ-Дарьи, перенесли кости этого святого въ болѣе безопасное мѣсто."

Нѣсколько времени спустя (это было въ началѣ октября 1898 года), проѣзжая черезъ Хорхутъ, г. Диваевъ снова посѣтилъ могилу святого; вотъ описаніе, которое онъ даетъ могилѣ *] „Могила эта находится верстахъ въ $1^1/_2$ отъ почтовой станціи „Хорхутъ". Нашелъ я ее въ самомъ печальномъ видѣ и одна стѣна уже обрушилась въ Сыръ-Дарью. Вмѣстѣ со мной посѣтилъ могилу помощникъ Казалинскаго уѣзднаго начальника подполковникъ И. Л. Арзамасовъ, котораго я и просилъ снять эту легендарную могилу. И. Л. Арзамасовъ былъ настолько обязателенъ, что не взирая на почти 200 верстное разстояніе названной могилы отъ Казалинска, пріѣхалъ туда 26-го декабря 1899 года и сдѣлалъ два снимка съ Хорхутъ-Ата (правильнѣе Коркута), именно одинъ съ берега, другой съ Сыръ-Дарьи, установивъ аппаратъ на льду.

„Такимъ образомъ можно съ увѣренностью сказать, что древняя могила Коркута, постепенно подмываемая Дарьей, доживаетъ свои послѣдніе дни и что представляемыя при статьѣ фотографіи останутся единственнымъ памятникомъ о надгробномъ сооруженіи, которое еще никѣмъ не было сфотографировано" (см. таб. III. рис. 1—2.)

Лѣтомъ 1906 г., находясь въ Кармакчи гдѣ по порученію Оренбургск. отдѣла Импер. Русск. географ. общества, я собиралъ коллекцію растеній и насѣкомыхъ *), я рѣшилъ поѣхать въ Хорхутъ и посѣтить могилу святого Хорхутъ-Ата. Могила эта должна находиться среди киргизскихъ могилъ кладбища Хорхута, верстахъ отъ 4 до 5 отъ желѣзнодорожной станціи „Хорхутъ". Объ этомъ кладбищѣ П. Лерхъ даетъ краткое описаніе въ отчетѣ о своей поѣздкѣ, помѣщенной въ Compte Rendu de la Commission Impériale Archéologique pour l'année 1867. стр. XXIX. Большинство могилъ **] построены здѣсь киргизами— изъ жженаго кирпича и только недавно стали воздвигать камни съ плохими надписями. Среди этихъ памятниковъ иногда попадаются обломки плитъ изъ сѣро-темнаго камня съ арабскими надписями, сходныя съ тѣми, которые были найдены въ разныхъ мѣстахъ Средней Азіи и главнымъ образомъ въ Сауранѣ. Сверхъ того около Хорхута виднѣются холмики и бугры, сходныя съ видѣнными авторомъ статьи въ Джанкентѣ. По мнѣнію г. Лерха здѣсь надо искать слѣды города Дженда***).

Кладбище Хорхута ничего особенно интереснаго не представляетъ; оно простирается отъ желѣзнодорожной линіи Хорхута-Джусалы [1]) до самой рѣки Сыръ-Дарьи, которая все болѣе и болѣе подмываетъ могилы и должно быть разрушила могилу святого Хорхута, которую не удалось мнѣ розыскать среди оставшихся на краю рѣки бывшихъ могилъ, представляющихъ изъ себя въ настоящее время кучу глины [2]). Единственная могила, достойная

*] См. Зап. Вост. отд. Имп. Русск. арх. общ. Т. XIII. вып. I. ст. А. Диваева.

*] Отчетъ объ этой поѣздкѣ напеч. въ Изв. Оренб. отд. Имп. Русск. геогр. общ. вып. XXI. ст. I. К.

**) Въ текстѣ напечатано по франц.

***) О развалинахъ г. Дженды см. стр. 198.

1) Джусалы ст. ж. д. $1^1/_2$ в. отъ Кармакчи.

2) Изъ всѣхъ могилъ этого обширнаго кладбища Л. Мейеръ „Матеріалы для геогр. и статист. Россіи С-ПБ. 1865 г." признаетъ только три древнія; остальныя киргизскія. Но онъ обращаетъ особое вниманіе на валяющіеся камни бѣлаго цвѣта, привезенные, какъ видно издалека и по одиночкѣ. Въ народѣ, пишетъ авторъ статьи, идетъ повѣрье будто бы батырь Хорхутъ, предчувствуя свою кончину, привезъ эти камни изъ земли пророка и сдѣлалъ эту поѣздку въ одну ночь.

вниманія—это могила одного бывшаго киргизскаго управителя, рисунокъ и описанія которой дальше помѣщены.

Легенда о Хорхутѣ. Къ могилѣ Хорхутъ-Ата пріурочены нѣсколько легендъ съ разными варіантами, которыя я здѣсь приведу. Это преданіе было сообщено В. В. Вельяминовымъ—Зерновымъ и гласитъ слѣдующее [1]).

„Хорхутъ былъ роетомъ въ 2 сажени (въ полуразвалившемся памятникѣ его надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ положенъ, сдѣланъ дѣйствитсльно глинянный гробъ въ 2 саж. и такъ какъ весь гробъ по величинѣ своей не могъ помѣститься внутри памятника, то часть его оставлена наружу за стѣной). Жилъ онъ прежде на одномъ краю свѣта и разъ ночью увидѣлъ во снѣ, что нѣсколько человѣкъ роютъ тамъ могилу. Для кого вы роете? спросилъ аулія. Для святого Хорхута отвѣчали работники. Встревоженный Хорхутъ, желая избѣжать грозившей смерти, на другой же день переѣхалъ жить на второй край свѣта. Тутъ онъ увидалъ тотъ же сонъ. Опять съ разсвѣтомъ пустился онъ въ дорогу. Такимъ образомъ аулія, преслѣдуемый видѣніемъ, обошелъ всѣ четыре угла міра. Съ отчаянія, не зная куда дѣться, рѣшилъ онъ переселиться въ центръ земли. Какъ было задумано, такъ и сдѣлано. Центромъ оказался берегъ рѣки Сыра, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лежитъ тѣло Хорхута. Но перекочевкой на Сыръ не кончились похожденія знаменитаго святоши. На срединѣ земли ему опять приснилось тоже самое. Аулія задумалъ тогда перехитрить судьбу. Разсудивъ, что на сушѣ ему нѣтъ нигдѣ спасенія, онъ перебрался жить на воду, разостлалъ свое „Курне“ (одѣяло) по Сыру и на немъ помѣстился. Тутъ онъ сидѣлъ сто лѣтъ, постоянно играя на домбрѣ; наконецъ умеръ. Набожные мусульмане взяли его тѣло и похоронили“.

Такое же преданіе имѣется у туркменовъ и „нѣтъ сомнѣнія, что они имѣютъ одинъ общій источникъ и что культъ Хорхута перешелъ къ киргизамъ отъ прежнихъ обитателей низовъ Сыръ-Дарьи“, [1]).

Въ Протоколахъ Туркестанскаго кружка люб. арх. за 1897—1898 г.г. № 1 стр. 54, г. И. Аничковъ приводитъ слѣдующій интересный варіантъ легенды о святомъ Хорхутѣ. „По объясненію киргизъ это имя значитъ испугъ, а святой тоже не былъ киргизъ; онъ сѣлъ на „джильмая“, легкую верблюдицу, и 40 лѣтъ бѣгалъ отъ Бога, боясь смерти, пока не прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ его постигла смерть. Богъ сдѣлалъ его святымъ. —Мазарка грубой работы, съ тяжелымъ куполомъ, низкая; около нея растетъ кудрявая саксаулина, вся обвѣшанная тряпками и лоскутками“.

Киргизское надгробное сооруженіе въ Хорхутѣ. Среди множества могилъ киргизскаго кладбища „Хорхутъ“, какъ я уже сообщилъ на стр. 217, выдѣляется надгробное сооруженіе одного бывшаго киргизскаго управителя. Этотъ памятникъ сложенъ изъ такъ называемаго саманнаго кирпича. (См. таб. III рис. 6). Внутреннія стѣны сплошь покрыты разноцвѣтными рисунками, при чемъ красная и синяя краска преобладаютъ. Я насчиталъ больше ста рисунковъ лошадей, верблюдовъ и барановъ, многіе изъ нихъ уже стерлись.

Интереснѣе всего эпизоды жизни покойнаго управителя, котораго вопреки магометанскому закону киргизскій художникъ изобразилъ то верхомъ на лошади, то на верблюдѣ, то окруженнаго своими сородичами, или во главѣ длиннаго каравана, далѣе разговаривающаго съ киргизской женщиной, около которой стоятъ нѣсколько дѣтей.

КАЗАЛИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Развалины Джанкента. Немало было написано статей о Джанкентѣ. Свѣдѣнія объ этомъ старинномъ городѣ мы находимъ у

1) См. Зап. Вост. отд. русск. арх. общ. Т. IX стр 272.

1) Примѣч. В. Бартольда.

поручика Гладышева, посланнаго въ 1742 году Россійскимъ правительствомъ къ каракалпакамъ. Поручикъ Гладышевъ сообщаетъ, что онъ нашелъ Джанкентъ (Джанькентъ) въ развалинахъ, но что въ немъ еще существовали каменныя башни съ оградами, и что ханъ каракалпакскій жилъ здѣсь. По разсѣяніи каракалпаковъ мѣста сіи заняты киргизъ—казаками, которые говорятъ будто первобытные жители Джанкента, выгнанные изъ него были змѣями. Изъ словъ г. Левшина (см. Описаніе киргизъ—кайсацкихъ ордъ и степей 1832 г. стр. 212) городъ Джанькентъ, имѣлъ нѣсколько верстъ въ окружности и лежалъ на часъ ѣзды отъ лѣваго берега Сыра, и на день отъ устья сей рѣки. Когда и кѣмъ былъ построенъ Джанькентъ, неизвѣстно, но знаменитый арабскій географъ Абульфеда, жившій какъ извѣстно въ XIV столѣтіи, упоминаетъ о немъ подъ именемъ Янги-Кентъ. Въ прошедшемъ столѣтіи онъ принадлежалъ кара-калпакамъ.

П. И. Рычковъ, извѣстный изслѣдователь Оренбургск. края пишетъ:

„Джанкентъ, по признакамъ и развалинамъ былъ немалый городъ близъ устья рѣки Сыръ-Дарьи, гдѣ она впадаетъ въ Аральское море. Кѣмъ онъ построенъ и какіе въ немъ живали народы, о семъ извѣстія не находится. Только между Киргизъ-Кайсаками носится слухъ, яко-бы жители изъ сего города въ древнія времена выгнаны змѣями; но нынѣ тутъ змѣй весьма мало, и живутъ около онаго Нижніе Каракалпаки, а иногда и киргизцы кочуютъ." (Топографія Оренб. губ. ч. 1, стр, 512. 1762 г. П. И. Рычкова).

Статьи о Джанкентѣ еще появились:

1) Въ Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ за 1867 г.

2) Въ газетѣ „Москва" 1867 г. № 46. В. Григорьева. Авторъ возражаетъ Петербургскимъ Академическимъ Вѣдомостямъ на замѣтку о найденномъ будто бы новомъ „подземномъ городкѣ" у форта № 1, и описываетъ развалины Джанъ-Кента.

3) Въ С-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ № 2 за 1868 г. В. Верещагина

4) Еще о вновь открытомъ подземномъ городѣ „Сиб. Вѣд. 1868 г. № 58 и „Гласный Судъ" 1868 г. № 145.

5) Остатки стариннаго города на Сыръ-Дарьѣ „Сиб. Вѣд. 1868 г. № 60 А. Макшеева.

6) Еще о старо-новомъ городѣ Джанкентѣ. Газета Москва 1868 г. № 110.

7) Еще нѣсколько словъ о развалинахъ Джанкента" А. Макшеева. Русскій Инвалидъ 1868 г. № 87.

8) Entdeckung einer unterirdischen Stadt am Syr-Darja „Das Ausland 1867 № 13.

9) Матеріалы для Геогр. и статист. Россіи. Киргизская степь, Оренб. Вѣдомства. Л. Мейеръ Сиб. 1865.

10) Археологическая поѣздка въ Туркестанскій край въ 1867 г. „П. Лерха. С п б 1870 г. (Въ этомъ сочиненіи заключается сводъ всѣхъ свѣдѣній, появившихся въ печати до 1870 г. съ критической оцѣнкой ихъ.)

Журналъ общаго собранія Имп. Русск. Геогр. общ. 13 декабря 1867 г. заключающій предварительное сообщеніе П. И. Лерха напечатанъ въ „Изв. Имп. Русск. Геогр. общ. и перепечатанъ въ извлеченіи въ „Сынѣ отечества" 1868 г., № 6.

Покойный П. И. Лерхъ, послѣ археологической поѣздки въ Туркестанскій край въ 1867 г. писалъ о развалинахъ Джанкента слѣдующее: *) „Въ 22-хъ верстахъ ниже форта № 1 (Казалинска), на лѣвомъ берегу Сыра стоятъ у самой рѣки стѣны бывшаго Хивинскаго укрѣпленія Джанъ-Кала, имѣющія въ окружности 80 саж., вышиною же въ настоящее время не болѣе 2 саж. Близъ этихъ развалинъ проведены изъ рѣки каналы, русла которыхъ простираются на 6—7

*) См. Compte-Rendu de la Commission impériale archéologique pour l'année 1867 г. (XXIII—XIX).

верстъ во внутрь страны, но воды въ нихъ теперь всего версты на 2 или на 3,такъ какъ поля, обработываемыя киргизами, почти всѣ лежатъ у самого берега. Если слѣдовать по крайней канавѣ съ лѣвой стороны Джанъ-Калы, то на пятой верстѣ начинается мѣстность, покрытая на пространствѣ 4-хъ квадратныхъ верстъ невысокими холмами, которые обросли колючими степными растеніями и по большей части разрыты киргизами. Въ юго-восточномъ углу этой мѣстности, носящей названіе Джанкента, возвышается неправильнымъ четверо-угольникомъ валъ, который имѣетъ отъ 3-хъ до 4-хъ саж. въ основаніи, и на которомъ, преимущественно на восточной сторонѣ, сохранились еще остатки толстой стѣны, сложенной изъ комьевъ глины. Въ сѣверо-западномъ углу стѣна была сложена изъ кирпича. Валъ былъ окруженъ рвомъ въ 2 саж. ширины, слѣды котораго весьма ясно сохранились на восточной сторонѣ. Внутренняя площадь крѣпости заключала въ себѣ нѣсколько возвышеній. Раскопки, произведенныя на ней въ различныхъ пунктахъ, не обнаружили никакихъ слѣдовъ построекъ. Если здѣсь нѣкогда и существовали строенія, то, вѣроятно они были глиняныя, слѣды которыхъ изглажены временемъ. Оказались только черепки отъ глиняныхъ сосудовъ и бараньи кости.

„Бугры и холмы, разбросанные на сѣверѣ и сѣверо-западѣ отъ крѣпости, образовались большею частію отъ развалившихся построекъ, нѣкогда составлявшихъ собственно городъ Джанкентъ. Между этими холмами видны слѣды оросительныхъ канавъ, проведенныхъ изъ Сыра и отчасти огибавшихъ крѣпость и городской валъ.

„Признаковъ первоначальнаго насильственнаго разрушенія города не замѣтно. Надобно предполагать, что городъ былъ оставленъ жителями неразрушеннымъ. Повидимому, сначала обваливались потолки, потомъ верхнія части стѣнъ. Разрушеніе, начатое дѣйствіемъ времени, было довершено кочующими здѣсь киргизами. Еще за нѣсколько десятилѣтій, если не раньше, они стали пользоваться отличнымъ, заключающимся особенно въ нижнихъ частяхъ стѣнъ, и въ фундаментахъ домовъ, квадратнымъ кирпичемъ для возведенія могильныхъ памятниковъ на кладбищѣ, расположенномъ въ одной верстѣ на западъ отъ крѣпости. Эти памятники въ свою очередь успѣли подвергнуться разрушительному вліянію времени и куполы ихъ уже начали проваливаться. Киргизы сообщили г. Лерху, что и на Куванъ-Дарьѣ находятся могильные памятники, построенные изъ Джанкентскаго кирпича. Въ большихъ размѣрахъ раскопки предприняты были киргизами въ Джанкентѣ въ 1866 г. Осенью этого года, говорятъ, здѣсь работало до 2000 чел., которые разбивали засыпанныя мусоромъ и пескомъ стѣны своими мотыгами. Поэтому до пріѣзда археолога, прибывшаго сюда послѣ такого разрушенія, не могла быть значительна.

„Поручивъ ротмистру Пріорову съемку мѣстности Джанкента, г. Лерхъ приступилъ къ своимъ развѣдкамъ: сперва, какъ уже было сказано, внутри крѣпости, а потомъ на холмѣ лежащемъ внѣ ея, близъ восточной стороны вала, какъ единственномъ изъ значительныхъ возвышеній, до котораго не достигивалась киргизская мотыга. Въ этомъ холмѣ, оказалось кладбище. Остовы лежали въ сложенныхъ на материкѣ, частью изъ обожженнаго, частью изъ сырцоваго кирпича, могилахъ, на которыхъ не было никакихъ надписей. Черепа здѣсь найденные, по своей формѣ немного отличаются отъ череповъ свойственныхъ тюркскимъ племенамъ.

Изъ холмовъ, которые тронуты были киргизами лишь настолько, что при дальнѣйшей раскопкѣ можно было надѣяться получить хотя нѣкоторое понятіе о назначеніи стоявшихъ здѣсь зданій, были подвергнуты изслѣдованію четыре: два въ центрѣ и два въ западной части городской площади.

Въ первомъ холмѣ, находившемся отъ сѣверо-западнаго угла крѣпости въ 550 саж. на С.-З., оказались фундаментъ и нижняя часть стѣнъ внутри тщательно выштукатуреннаго алебастромъ склепа, который въ за-

падномъ концѣ имѣлъ куполъ. При сломкѣ сѣверной стѣны этого склепа, производившейся киргизами до прибытія г. Лерха, были вынуты кости двухъ человѣческихъ остововъ. Поговаривали въ фортѣ также о томъ, что здѣсь была найдена какая-то монета. Въ мусорѣ оказались синіе изразцы и части узорчатыхъ оконныхъ рамъ, покрытыхъ синею поливою.

„Другой холмъ, отстоящій отъ перваго на 50 саженъ, содержалъ въ себѣ остатки гончарнаго завода; отъ него сохранились на полтора аршина вышины построенныя двумя примыкающими другъ къ другу осьмиугольниками стѣны и полъ, на которомъ ставились для обжиганія глиняные сосуды. Уцѣлѣли также подъ поломъ своды и обороты печей. Отъ посуды сохранились только черепки горшковъ, кувшиновъ и блюдъ, не бывшихъ еще въ употребленіи и раздробленныхъ тяжестью обрушившихся потолка и верхнихъ частей стѣнъ. Замѣчателенъ кусокъ небольшого глинянаго кувшина, назначавшагося для обжиганія. Онъ покрытъ рельефнымъ узоромъ, а въ верхней части украшенъ гирляндою изъ вѣтокъ и листьевъ, обвивающихъ буквы красиваго арабскаго почерка. Къ сожалѣнію, сохранилось только пять буквъ, принадлежащихъ къ концу одного и началу другого слова; вѣроятно, здѣсь было выражено какое-нибудь благочестивое желаніе.

„Третій холмъ былъ уже раскопанъ киргизами болѣе двухъ первыхъ. Онъ содержалъ остатки значительнаго помѣщенія достаточнаго жителя; тутъ оказались ниши и угольные выступы съ арабесками по краямъ кирпичей.

„Четвертый и наибольшій холмъ, отстоящій отъ послѣдняго на 120 саженъ, близъ старой оросительной канавы, заросшей мѣстами камышемъ, пользовался у мѣстныхъ кочевниковъ особенною извѣстностью. Говорили, что здѣсь былъ дворецъ царя Джанджархана, прославившагося своею несправедливою ревностію къ женѣ и будто бы наказаннаго за это змѣями, которыя разрушили его городъ. Киргизы не трогали этого холма, вѣроятно, изъ уваженія внушеннаго имъ преданіемъ къ нему; но когда весною 1867 года изъ форта № 1 была выслана туда команда, чтобы препятствовать дальнѣйшему разрушенію Джанкентскихъ развалинъ киргизами, то на вершинѣ холма была вырыта яма въ сажень въ діаметрѣ и въ 4 арш. глубины. При этомъ было вынуто нѣсколько покрытыхъ глазурью изразцовъ квадратной формы. Внутренность этого холма представила грудукирпича и мусора, между которыми въ значительномъ количествѣ встрѣчались изразцы, преимущественно голубые и бѣлые, расписанные арабскими буквами синяго цвѣта.

„Ближе къ фундаменту, стоявшаго здѣсь нѣкогда зданія, попадались разноцвѣтные глазированные и украшенные различными узорами карнизы, копители, уступы, оконныя рамки и части плитъ съ надписями отъ надгробныхъ памятниковъ. Одну надпись удалось возстановить настолько, что можно было убѣдиться въ томъ, что она принадлежала къ надгробному памятнику лица, умершаго въ мѣсяцѣ рамазанѣ 763 геджры, т. е. въ іюнѣ или іюлѣ 1362 г. по Р. Х. По разборкѣ холма, въ центрѣ его оказался сложенный изъ квадратнаго кирпича полъ, по четыремъ угламъ котораго, былъ фундаментъ изъ четыреугольныхъ столбовъ. Горизонтальный разрѣзъ каждаго изъ этихъ столбовъ, имѣвшихъ до 8½ футовъ вышины, представлялъ четыреугольную площадь въ 16 квадр. футовъ. На фундаментѣ сѣверо-восточнаго угла сохранилась еще кирпичная стѣна въ 3 фута вышины.

„Расположеніе фундамента и пола заставляетъ думать, что на четырехъ столбахъ, украшенныхъ разноцвѣтными изразцами, покоился куполъ, выложенный снаружи голубыми изразцами. Входъ подъ этотъ куполъ долженъ былъ находиться съ четырехъ сторонъ, соотвѣтствовавшихъ четыремъ странамъ свѣта; надписи, вѣроятно, окаймляли каждый изъ входовъ. Слѣдовъ лѣпной работы не оказалось. Она и не устояла бы противъ вліянія атмосферы, т. к. внутренность памят-

ника не была защищена отъ дѣйствія весенних̀ъ и зимних̀ъ непогодъ. Съ восточной стороны находились въ землѣ могилы, обведенныя стѣнами въ 4 фута толщины. Остовы, при которых̀ъ не было никаких̀ъ слѣдовъ одежды или украшеній, были обращены лицомъ къ востоку. Надъ этими могилами стояли надгробные памятники, построенные изъ кирпича, обложеннаго изящно украшенными изразцами, изъ которых̀ъ боковые покрыты были надписями. Но всѣ эти памятники были такъ сильно повреждены, что по сохранившимся обломкамъ трудно составить себѣ точное понятіе о их̀ъ внѣшнемъ видѣ.

„У сѣверо-восточнаго угла главнаго памятника оказались остатки мостовой, составленной изъ одного ряда квадратнаго кирпича небольшаго размѣра; тутъ-же найдено до 50 мѣдных̀ъ монетъ, покрытых̀ъ толстымъ слоемъ окиси, и двѣ серебряныя монеты. Всѣ онѣ золотоордынскія и относятся частію къ VIII вѣку геджры, т. е. къ XV ст. нашего лѣтосчисленія, и чеканены преимущественно въ Новомъ Сараѣ.

„Развѣдка въ Джанкентѣ убѣдила изслѣдователя въ правильности прежняго предположенія о томъ, что здѣшнія развалины—остатки города Янгикента, упоминаемаго въ исторических̀ъ повѣствованіях̀ъ о завоеваніи Чингизханомъ и его сыновьями царства Харезмшаховъ. Въ первых̀ъ, положеніе Джанкентских̀ъ развалинъ, совершенно соотвѣтствуетъ положенію Янгикента, указанному арабскимъ географомъ Абульфедою (+1331), именно на Сыръ-Дарьѣ, въ 2 дняхъ пути отъ ея устья; во вторых̀ъ, въ исторіи Чингизхана говорится, что Янгикентъ былъ крайній городъ по Сыру и что, по взятіи Дженда, небольшой отрядъ былъ отправленъ для взятія Янгикента; слѣдовательно, городъ былъ незначительнаго объема и крѣпость его была не очень сильна. И въ этомъ отношеніи Джанкентскія развалины подтверждаютъ означенное предположеніе. *)“

*) Археолог. поѣздка въ Туркестанскій край въ 1867 г. П. И. Лерха. Спб. 1870 г Стр. II—VII, перепечат. въ Протоколах̀ъ Тур. кр. люб. арх. за 1897/8 г.стр. 63—68.

Легенда о Джанкентѣ. Е. Александровъ, собирая свѣдѣнія о древних̀ъ памятникахъ, сохранившихся донынѣ въ степи Казалинскаго уѣзда, въ особенности по Куванъ-Дарьѣ, древнему рукаву, которымъ Сыръ впадалъ въ Аральское море, записалъ любопытную легенду о судьбѣ города „Жанкента“ или правильнѣе „Жанги-Кента“, который лежитъ на лѣвомъ берегу Сыра, въ 16—18 верстах̀ъ ниже Казалинска. [1]) Развалины когда-то высокой стѣны, расположенной четыреугольникомъ, указываютъ на слѣды бывшей крѣпости. Стѣна насыпная и значительной ширины, а снаружи сохранившiйся глубокій ровъ окружаетъ стѣну. Внутренняя площадь крѣпости представляется волнистою, значительно возвышаясь надъ уровнемъ окружающей мѣстности. Надо полагать, что высокая площадь внутри крѣпости образовалась вслѣдствіе развалинъ находившихся въ ней строеній и выполнялась наноснымъ иломъ сгладившимъ возвышенія, которыя бы указывали на разрушившіяся зданія. Вправо отъ крѣпости по направленію къ берегу Сыра идутъ развалины весьма обширнаго древняго города, который киргизы называютъ „Мингъ-Тюбе“ и „Мингъ-Кала“. Это названіе, означающее „Тысяча холмовъ“ и „Тысяча домовъ“, несомнѣнно, подтверждаетъ его обширные размѣры.

Александровъ, взявъ рабочих̀ъ изъ сосѣднихъ ауловъ кочующих̀ъ тутъ киргизъ выбралъ на удачу мѣсто для раскопокъ вблизи одного изъ болѣе возвышенных̀ъ холмовъ. Первый слой сброшенной земли обнаружилъ жженый кирпичъ двух̀ъ видовъ: одинъ совершенно квадратный, другой четыреугольный, продолговатый, какъ и нынѣ существующій. Кирпичи имѣли видъ сѣроватый. На глубинѣ трехъ четвертей показался плоскій изразцовый камень, величиною въ полторы четверти въ каждой сторонѣ. Рисунокъ изразца представлялъ собою фигуру переплета. Изразецъ былъ не на кирпичѣ, а плоской глиняной глыбѣ и, видимо состовлялъ когда

1) Извлеч. изъ „Туркестанск. Вѣдом.“ 1885 г. №№ 45—46, перепечат. въ Проток. Турк. Кружка люб. арх. 1897/8 г.

-то орнаментъ стѣны или другой части какого-либо зданія; откопанная изразцовая глыба при выемкѣ разсыпалась на мелкіе куски, какъ раздавленная, вѣроятно раньше, при первоначальномъ разрушеніи города. Изразецъ былъ свѣтлозеленаго цвѣта. Тутъ же между обломками кирпичей, было найдено еще нѣсколько кусковъ изразца, не представлявшихъ собою цѣлаго рисунка и покрытыхъ такою же изразцовою массою темно-голубого цвѣта. Этотъ изразецъ, повидимому, былъ много лучше перваго, и изломъ его представлялъ совершенно изломъ тонкого стекла, просвѣчивающаго на солнцѣ. Сосѣдніе киргизы и жители Казалинска занимаются здѣсь добываніемъ жженаго кирпича, который съ успѣхомъ идетъ на устройство въ домахъ половъ и на фундаменты. По словамъ киргизъ, на берегу Сыра есть большое разрушившееся зданіе, у котораго нѣкоторыя части до сихъ поръ еще сохранили куполообразныя постройки. Около этого зданія были находимы ямы, выложенныя жженымъ кирпичемъ съ остатками человѣческихъ костей. Ямы эти ясно указываютъ на слѣды тюремъ среднеазіатскаго характера. Существованіе Жанкента киргизы относятъ къ мусульманской эпохѣ, но не опредѣляютъ хотя бы приблизительно, времени. По преданію, много лѣтъ тому назадъ, землею по лѣвую сторону Сыра владѣлъ Жангитъ-ханъ, владѣнія котораго, простирались отъ Сыра до Куванъ-Дарьи и проходили берегомъ Аральскаго моря, а гдѣ кончались онѣ, теперь никому неизвѣстно. Жангитъ-хану было около 32 лѣтъ въ то время, къ которому относится преданіе. Онъ былъ красавецъ собой, высокъ ростомъ, и никто въ его владѣніяхъ не могъ поспорить съ нимъ силой. Жангитъ имѣлъ одну единственную жену, которую любилъ онъ больше всего на свѣтѣ, —красавицу Ай-Слу. Жизнь Жангитъ-хана съ красавицей Ай-Слу была переполнена веселіемъ и радостью. Вотъ, однажды Жангитъ-ханъ уѣхалъ на охоту. Въ его отсутствіе Ай-Слу опустилась на мягкія подушки, а рабыни—прислужницы сняли съ головы ея платокъ и начали расплетать ей косы. Расчесываніе волосъ и умащиваніе ихъ было любимымъ занятіемъ Ай-Слу. Волосы ея черные, какъ вороново крыло, были не послѣднимъ украшеніемъ ея красивой головы: длинные до пятъ и мягкіе, они очень нравились Жангиту. Нерѣдко онъ самъ просиживалъ цѣлые дни и разглаживалъ ихъ, обвивая свои пальцы волосами Ай-Слу. Вдругъ Ай-Слу слышитъ топотъ быстро скачущей лошади. Радость сверкнула въ ея глазахъ: она нетерпѣливо ждетъ мужа. Распахнулись ворота... На взмыленномъ конѣ влетѣлъ во дворъ арабъ—невольникъ, и ужасъ объялъ Ай-Слу. Даже вопроса не можетъ она задать рабу, боясь услышать страшную для нея вѣсть. Наконецъ, опомнившись, она спрашиваетъ: „О вѣрный рабъ моего господина! скажи, что случилось съ господиномъ моимъ“?—„Твой Жангитъ здоровъ и веселъ“, отвѣтилъ ей рабъ и признался затѣмъ въ своей любви къ ней. „Я полюбилъ тебя и хочу владѣть тобой. Ты не полюбишь меня: я рабъ, но отдайся мнѣ и я сохраню тебѣ Жангита. Рѣшайся; я тороплюсь. Ханъ выѣхалъ на охоту, забывъ свою шашку, съ которой онъ никогда не разставался и меня послалъ онъ за нею. Прогонишь ты меня,—великое горе виситъ надъ тобой...“

Звонкую пощечину получилъ рабъ въ отвѣтъ отъ Ай-Слу, которая потомъ передала ему саблю и сказала: „Скачи скорѣе, презрѣнный рабъ, къ твоему повелителю, преклони предъ нимъ голову, и пусть эта шашка прекратитъ твою жизнь, иначе ты, какъ скверная собака, издохнешь въ ямѣ.„

Забавы въ разгарѣ; веселъ Жангитъ. Весело свитѣ. Но время проходитъ, а все нѣтъ раба. Жангитъ уже мраченъ, а раба нѣтъ. Всѣ смолкли; всѣ ждутъ бѣды. Быть бѣдѣ! Наконецъ, показался всадникъ. То съ шашкой Жангита скакалъ его рабъ. Очи Жангита грозно сверкнули „Гдѣ ты пропадалъ, черная собака“? крикнулъ онъ. „Повелитель,—трясясь всѣмъ тѣломъ,—отвѣчалъ рабъ: гнѣвъ твой справедливъ. Я виноватъ, что заставилъ тебя долго ждать, но разрѣши мнѣ, рабу, сказать слово оправданія... Твоя любимая Ай-Слу...—Говори же, что съ ней ?—Твоя Ай-Слу хо-

тѣла измѣнить тебѣ... „Ты лжешь, собака“ крикнулъ Жангитъ, и шашка его взвилась надъ головой раба.—Повелитель! воскликнулъ рабъ: ты воленъ убить меня не выслушавши, вотъ тебѣ моя голова. Дрогнула рука Жангита... Блѣдный, предчувствуя что-то недоброе измѣнившимся голосомъ Жангитъ сказалъ: „говори“.

Чтобы отомстить Ай-Слу за пощечину, рабъ выдумалъ цѣлый разсказъ: „Я рабъ и повиновался госпожѣ... Она обвила мою шею своими руками; голова моя закружилась, и забылъ я, что живу на землѣ... Но въ это время заржалъ конь, я пришелъ въ себя и, высвободившись изъ объятій Ай Слу, схватилъ со стѣны шашку и помчался сюда...“

Какъ степной ураганъ влетѣлъ Жангитъ въ покои своего дворца, и къ нему навстрѣчу спѣшитъ Ай-Слу. Но вмѣсто привѣта взмахнулъ Жангитъ клинкомъ, и вмигъ ея руки вплоть до локтей отлетѣли прочь... Вдругъ въ ворота стукъ... Навѣстить дочь Ай-Слу пріѣхалъ ея отецъ. Никто, какъ бывало прежде не встрѣтилъ его. Онъ чуетъ бѣду, спѣшитъ къ дочери, взглянулъ и понялъ все. Сдѣлавъ ей перевязку, онъ привелъ ее въ чувство, потомъ обратился къ Жангиту съ вопросомъ, почему такъ жестоко поступилъ онъ съ женой и заслужила ли она такую расправу съ ней? Жангитъ сознался, что повѣрилъ рабу во всемъ. И сказалъ ему старикъ: „если она, виновата, пусть Аллахъ накажетъ ее страшнымъ мученіемъ“.—„А если она невинна пусть Аллахъ накажетъ меня!“ сказалъ Жангитъ.— Аллахъ великъ! Тогда старикъ возвысилъ голосъ: „Я проклинаю того, кто виноватъ! Аллахъ! Аллахъ! „И совершилось чудо: Ай-Слу съ открытыми глазами, обращенными съ любовью на отца, какъ бы только что проснувшись отъ пріятнаго сна, протягивала къ нему свои совершенно здоровыя руки.“

На колѣняхъ поползъ къ ней Жангитъ. Крупныя слезы катились изъ его глазъ.— „Жангитъ!„ “строго“ сказалъ старикъ: „Остановись! Аллахъ великъ! Онъ награждаетъ невинно пострадавшихъ и строго наказываетъ виновныхъ.“ Но вдругъ страшный ураганъ пронесся надъ городомъ. Стало темно. Со всѣхъ сторонъ, страшно извиваясь, ползи невиданныя дотолѣ змѣи. Первыми погибли Жангитъ и черный рабъ его. Старикъ же со своими слугами, бѣлымъ конемъ и красавицей Ай-Слу исчезли, но когда и куда никто не видалъ. Только двое спаслись отъ змѣй: младшій братъ Жангита, Улу-Ханъ, и задушевный другъ его Жала-Батырь, сынъ одного сановника. Кормясь кое какъ и чѣмъ попало, добрались они до Бухары. Тамъ Улу-Ханъ поступилъ въ мадрасу Кукальдашъ. Тайну свою каждый изъ нихъ повѣдалъ старшему муллѣ своей мадрасы, заручившись отъ нихъ клятвой не выдавать тайны безъ особенно важной причины.“

Никто не зналъ объ участи, постигшей гор. Жанкетъ: кто только пытался проникнуть туда, назадъ не возвращался; поэтому стали городъ объѣзжать, обходить. Прошло десять лѣтъ. По киргизской степи разнесся слухъ, что въ Бухарѣ вздорожали бараны: за сто барановъ давали арбу съ разнымъ товаромъ, биткомъ набитую. Вотъ и рѣшилъ одинъ киргизъ продать свои триста барановъ въ Бухарѣ. Пришлось ему переправляться черезъ Сыръ у Джанкента. Переправа ночью произошла благополучно. Погибло только нѣсколько барановъ. Киргизъ, довольный своимъ благополучіемъ погналъ скотъ далѣе. Во главѣ стада барановъ шелъ бѣлый козелъ съ большими прямыми рогами. Вдругъ, при первыхъ лучахъ солнца, видитъ киргизъ на рогахъ вожака-козла двухъ большихъ змѣй. Онъ испугался было за козла, какъ-бы тотъ не сталъ жертвой змѣй, но тѣ были спокойны; киргизъ и самъ успокоился, рѣшивъ убить ихъ какъ-нибудь ночью. Однако змѣи на ночь куда-то скрывались, а днемъ опять появлялись на рогахъ козла. Никто при видѣ змѣй не рѣшался подходить къ баранамъ киргиза, не только что красть ихъ; всѣ считали киргиза за „баксы“ колдуна. Такъ прибылъ киргизъ съ баранами, козломъ и змѣями на рогахъ его въ Бухару... Барановъ окружила толпа народа; кто торговалъ ихъ, а кто спрашивалъ о змѣяхъ... Вотъ и площадь. Змѣи съ роговъ

козла сползли вдругъ на землю. Люди бросились во всѣ стороны, куда кто могъ, а одна змѣя между тѣмъ поползла въ мадрасу Миръ-Гаранъ. Тамъ Улу-Ханъ сталъ ея жертвой. Другая змѣя поползла въ мадрасу Кукальдашъ и напала на Жала-Батыря, который тотчасъ умеръ. Больше змѣи никого не тронули, но скрылись, а куда неизвѣстно."

Все время слѣдилъ за змѣями народъ, раздѣлившись на двѣ толпы. Вѣсть объ этомъ происшествіи, разнеслась по всей Бухарѣ, проникла наконецъ и во дворецъ амира, который вытребовалъ къ себѣ духовниковъ погибшихъ юношей. Муллы разсказали повелителю Бухары все, что знали. Выслушавъ ихъ разсказъ, амиръ рѣшилъ воспользоваться богатствами Жанкента и послалъ туда Кушбеги съ проводникомъ-киргизомъ и 10000 конныхъ воиновъ, но немногимъ изъ нихъ удалось спастись. Сильно былъ пораженъ этимъ амиръ, но все-таки хотѣлъ настоять на своемъ; разослалъ онъ гонцовъ во всѣ концы своей страны съ требованіемъ, чтобы всѣ муллы собрались въ Бухару. Наконецъ, собравшимся мулламъ амиръ объявилъ свою волю: выбрать изъ среды своей нѣсколькихъ благочестивыхъ людей, которые бы своею жизнью и познаніями корана были въ числѣ первыхъ, а главное съумѣли бы посредствомъ молитвъ и заклинаній сдѣлать жанкентскихъ змѣй безвредными, при чемъ тотъ изъ нихъ, кто заговоритъ этихъ змѣй, долженъ первымъ испытать силу своихъ заклинаній и молитвъ. Снова 10000 воиновъ показались у Жанкента, вблизи котораго всѣ были невредимы. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и днемъ и ночью, чередуясь, заклинали муллы змѣй. Наконецъ, одинъ старикъ мулла, утромъ съ восходомъ солнца, совершилъ, какъ положено по шаріату, омовеніе по всѣмъ правиламъ, одѣлся въ чистую рубаху, повязалъ голову бѣлой чалмой, совершилъ намазъ и тихими шагами творя заклинанія, направился въ городъ и возвратился къ воинамъ невредимымъ и здоровымъ. На другой день съ утра старикъ-мулла пошелъ въ городъ уже въ сопровожденіи воиновъ. Городъ кишѣлъ змѣями, которыя не разбѣгались при видѣ людей, какъ обыкновенно, но только давали проходъ имъ. Воины разсыпались по городу. Тридцать дней они сносили къ обозу богатства Жанкента, которыя потомъ были вывезены въ Бухару... Только киргизъ не принималъ участья въ расхищеніи Жанкентскихъ богатствъ; не вѣря въ силу молитвъ и заклинаній бухарскихъ муллъ, онъ предпочелъ скрыться въ пески Кара-Кумы и довольствоваться тѣмъ, что получитъ за барановъ и за разсказъ о Жанкентѣ въ подарокъ отъ амира бухарскаго."

Дѣйствительно, заключаетъ Александровъ, нерѣдко, какъ киргизамъ, такъ и русскимъ, случается находить среди мусора большіе клубы свившихся въ общую массу живыхъ змѣй, но никто не помнитъ, чтобъ онѣ смертельно жалили."

Въ Приложеніе къ Протоколу Туркестанскаго кружка люб. археологіи отъ 12 января 1898 г. стр. 68—72 напечатана статья П. Спиридонова „Поѣздка на развалины Джанкента". Авторъ статьи 3-го августа 1897 г. посѣтилъ вышеупомянутыя развалины, 3-го августа 1897 г. и далъ о нихъ кромѣ описанія нѣсколько чертежей.

Еще свѣдѣнія о Джанкентѣ мы находимъ у Е. Смирнова (см. Прил. къ Протоколу Турк. кружка люб. арх. за 1897 г. стр. 12) „Послѣ взятія г. Дженда и завоеванія его области, монголы заняли и Джанкентъ, т. е. спустились по рѣкѣ до ея устья, но ходилъ ли туда самъ Джучи, или же посылалъ отрядъ—неизвѣстно. Извѣстно только что послѣ завоеванія области Дженда, Джучи поспѣшилъ въ сторону Бухары на соединеніе со своимъ отцомъ".

Башня Сараманъ-Коса. Описаніе этого памятника съ пріуроченной къ нему легендой мы находимъ въ „Протоколахъ Туркестанскаго кружка" за 1897—1898 г. г. № 1 Стр. 52". Со словъ составителя статьи г. И. Аничкова, эта башня, тоже *мунара*, имѣетъ до 15 саженъ высоты. Этотъ памятникъ расположенъ за рѣкой Куванъ-Дарьей, въ пустынномъ мѣстѣ, но недалеко отъ культур-

ной полосы, занятой киргизами рода Чикты, верстахъ въ 60 отъ г. Казалинска и 30 отъ Джанкента. По преданію, говоритъ авторъ статьи г. Аничковъ, она была воздвигнута недалеко отъ Аральскаго моря. *) Легенда пріурочена къ каракалпакамъ и стало быть къ осѣдлому, а не къ кочевому населенію. Извѣстно, что каракалпакамъ приписываютъ всѣ заброшенные арыки и большую часть водяныхъ сооруженій, которыми теперь пользуются Казалинскіе киргизы на Сыръ-Дарьѣ.

Изъ описаній г. Аничкова видно, что въ срединѣ башни была повидимому лѣстница, которая теперь обвалилась. Внутри, въ потолкѣ купола, видны еще уцѣлѣвшія балки. Башня строена изъ сырцоваго кирпича, но внѣшняя обкладка—изъ жженаго кирпича.

Кирпичи квадратной формы около 6 вершковъ въ діагонали и напоминаютъ кирпичи извлеченные изъ развалинъ въ Джанкентѣ. Кирпичи положены другъ на друга, прикасаясь къ стѣнѣ ребрами они составляютъ внѣшнюю облицовку башни и уцѣлѣли лишь въ верхней части. Эта башня или мунара не представляетъ собою могильнаго памятника, а связана со слѣдующей легендой. „Около 20—25 колѣнъ тому назадъ, нѣкто Сараманъ, каракалпакъ, увезъ дѣвушку, изъ ногаевъ, по имени Косу, жившую въ Ургенчѣ. Онъ влюбился въ дѣвушку, а родственники ея догнали ихъ, поймали и убили на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь памятники; но каракалпакскіе батыри Джоба и Айдусъ пришли и воздвигли памятникъ. Этотъ памятникъ собственно Сарману, а Косѣ поставленъ другой памятникъ, по близости, въ пескахъ, но онъ уже почти не существуетъ.“

Развалины Куюкъ-Кала—Краткое описаніе этихъ развалинъ имѣется у Макшѣева. (низ. Сыръ-Дарьи стр. 72) Развалины укрѣпл. между р. Куваномъ и высохшимъ рукавомъ Утлятау, въ 10 в. отъ устья Кувана и въ 4 отъ Аральскаго моря. Развалины образуютъ 4 угольн. возвышеніе, имѣющ. саж. 20 въ боку и отъ 2 до 3 саж. выс. Отъ Ю. З. угла укрѣпленія идетъ стѣна саж. на 100 и сдѣлавъ полукругъ, подходитъ къ Ю. В. углу.

Къ В. отъ Куюкъ-Кала на лѣвомъ берегу Кувана есть также развалины укрѣпленія, а въ $1^1/_2$ в. къ Зап. на лѣвомъ берегу утлятау еще остатки укрѣпл. *Бузукъ-Кала.*

Въ 30 в. отъ предъидущаго виднѣются еще развалины укрѣпленія. Онѣ находятся на высотѣ и въ 10 в. отъ Аральскаго моря.

Развалины Курганчи—Свѣдѣнія объ этихъ развалинахъ имѣются у Макшѣева (Низ. Сыръ-Дарьи стр. 71). Онѣ лежатъ въ 80 саж. отъ лѣваго берега Сыра, между нижними частями этой рѣки и Кувана. Крѣпость имѣла видъ квадрата, съ боками въ 40 саж. дл., крѣпостная стѣна возвышалась на $1^1/_2$ саж. и была окружена рвомъ, который наполнялся водою изъ рѣки.

Могильный памятникъ близъ ст. Бикбаули. Въ „Протоколахъ Туркестанскаго кружка“ за 1897—1898 г.г. № 1 стр. 53, читаемъ слѣдующее сообщеніе г. И. Аничкова: „Съ именемъ святого Арстамъ-Баба, изъ рода „Коджа“ соединенъ могильный памятникъ, на возвышенности Акъ-Гирскъ, недалеко отъ ст. Бикбаули. По преданію, эта возвышенность лѣтъ 300 тому назадъ была еще островомъ, вѣроятно отъ разливовъ Дарьи и окрестныхъ озеръ Камышлы-Башскаго, Раимскаго и другихъ. Памятникъ представляетъ собою остатокъ каменной, невысокой ограды, близъ родника, заваленнаго будто бы каракалпаками. Говорятъ, что киргизы находили давно на этомъ мѣстѣ остатки каюковъ (Было это будто лишь 15—20 поколѣній тому назадъ“).

Башня Бегимъ-Мунара. Свѣдѣніе о Бегимъ-Мунара, мы находимъ въ Протоколахъ Туркестанскаго кружка люб. арх. за 1897—1898 г.г. ст. И. Аничкова. Этотъ памятникъ (см. таб. III рис. 3) связанъ съ легендой о Джан-

*) Въ настоящее время башня Сарамачь-Коса—очень далеко отъ моря, видимо представленіе о близости моря пріурочено здѣсь къ позднѣйшей легендѣ.

кентѣ и о гибели государя Джанкента Санджара и его народа отъ змѣй. Этотъ городъ расположенъ на Аральскомъ морѣ, въ Казалинскомъ уѣздѣ. Легенда, разсказанная г. Аничкову гласитъ слѣдующее: „Жена Санджара, по имени Бегимъ-Ана, дочь святого Кара-Буры, араба изъ Хазрета, была брошена своимъ супругомъ и повелителемъ въ яму за мнимую измѣну; но когда невинность ея обнаружилась, она, обратившись въ птицу, улетѣла туда, гдѣ теперь Бегимъ-Мунара; тамъ на какомъ то островѣ она еще жила около 30 лѣтъ, принявъ вновь образъ женщины. Нѣкоторые утверждаютъ, что лѣтъ 200 тому назадъ Бегимъ-Ана будто еще показывалась; такъ, напр., одинъ киргизъ, проѣзжая мимо мунары на верблюдѣ замѣтилъ кого-то сидящаго въ мунарѣ; другой киргизъ слыхалъ будто бы крикъ изъ мунары; этимъ Бегимъ-Ана запрещала ему пасти около мунары.

„Бегимъ-Ана долго прожила въ мунарѣ, около которой тогда было еще море, не выходя ни за кого замужъ, проводя время въ намазахъ и благоговѣйныхъ размышленіяхъ. Она скрывалась отъ людей и умерла, никому не сдѣлавъ зла“.

По объясненію г. Аничкова, *мунары*— это сложенные изъ кирпича столбы въ воспоминаніе какого-нибудь момента изъ жизни строителя; мунары и до сихъ поръ воздвигаются киргизами въ воспоминаніе кочевки, рытья колодцевъ и т. п.

Объ этой башнѣ повидимому писалъ Мейеръ *) „Верстахъ въ десяти отъ Джанкента находится могила въ видѣ восьмиугольной башни изъ обожженаго кирпича, вышиною до 8-ми саженей, извѣстной подъ названіемъ *Бикъ-Минъ-Ана*“.

Дальше Л. Мейеръ, описуя развалины окрестностей Джанкента, упоминаетъ о могилѣ *Адамъ-Ата*, которая тоже находится не въ очень большомъ разстояніи отъ Джанкента.

Стр. 286. „Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ форта № 1-го, по лѣвой сторонѣ рѣки лежитъ огромная, частью искуственная насыпь, на которой видны слѣды развалинъ; она извѣстна подъ именемъ крѣпости *Кара-Тюба*“.

*) Матеріалы для геогр. и статист. Россіи Сиб. 1865 г.

АУЛІЕАТИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Развалины древняго города Тараза или Таласа, нынѣ г. Ауліеата. Свѣдѣнія о древнемъ городѣ Тразѣ или Таласѣ мы находимъ въ „Отчетѣ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію съ научной цѣлью въ 1893—1894 годахъ“ В. В. Бартольда. Эти историческія свѣдѣнія напечатаны въ Проток. Туркестанскаго Кружка любителей археолог. за 5-ое мая 1897 г.

Берега рѣки Таласа, пишетъ г. Бартольдъ, издавна привлекали къ себѣ какъ кочевое, такъ и осѣдлое населеніе. Городъ Таласъ былъ однимъ изъ самыхъ древнихъ въ Средней Азіи, такъ какъ упоминается уже въ VI вѣкѣ византійскимъ посломъ Земархомъ. Мусульманскіе писатели домонгольскаго періода называютъ этотъ городъ Таразомъ. Въ сочиненіи Абулъ-Хасана Мухаммада Ан-Нашабури, „Сокровищница знаній“ приведено древнее преданіе, по которому Тразъ былъ основанъ бухарскими выходцами и сначала носилъ названіе *Хамукетъ* (или Джамукетъ); по объясненію Нишабури это названіе состояло изъ словъ *Хамухъ*, что на бухарскомъ нарѣчіи значило вельможа, дворянинъ (хамухомъ назывался начальникъ переселенцевъ), и *кетъ* (городъ). Однако, у Макдиси Хамукетъ упоминается отдѣльно отъ Тараза.

„Въ VII вѣкѣ, во время китайскаго путешественника Сюань-Цана, Таласъ былъ значительнымъ торговымъ городомъ, гдѣ жили купцы различныхъ странъ. Сюань-Цанъ прибавляетъ, что этотъ городъ имѣлъ 4—4½ в. въ окружности. Изъ дальнѣйшей исторіи извѣстно, что арабскіе завоеватели доходили до долины р. Таласа, но не присоединили ее къ своимъ владѣніямъ. Здѣсь по нѣкоторымъ извѣстіямъ, при городѣ *Атлахъ* въ 751 г. произошла битва между арабами и китайцами. Болѣе прочно исламъ

утвердился въ Таласѣ только при Саманидахъ. Первый государь этой династіи Измаилъ въ 280 г. гиджры (893—4 по Р. Хр.), взялъ Таразъ и обратилъ главную церковь въ мечеть. У Наршахи въ „Исторіи Бухары" разсказывается, что Измаилъ, завоевавъ городъ, взялъ въ плѣнъ царя, жену его и до 10.000 чел. жителей. Цѣнность добычи, доставшейся при этомъ каждому всаднику, доходила до 1000 диргемовъ. И при мусульманахъ Таразъ (или Тамасъ) оставался важнымъ торговымъ пунктомъ, гдѣ по словамъ Ибнъ-Хаукаля происходила торговля мусульманъ съ тюрками. Дальше Тараза мусульмане обыкновенно не заходили, такъ какъ страна была занята кочевниками—карлуками. Въ концѣ X. в. долина р. Таласа вмѣстѣ съ остальными владѣніями Саманидовъ была завоевана тюрками.

„Въ концѣ саманидскаго періода Макдиси подробно перечислилъ города долины р. Таласа и о городѣ Таразѣ говоритъ, что это славный укрѣпленный городъ со многими садами, густо застроенный. Онъ имѣлъ ровъ и четверо воротъ; около него было многолюдное предмѣстіе; у воротъ города течетъ большая рѣка; часть города находится по ту сторону рѣки; черезъ рѣку проходитъ дорога; соборная мечеть находится среди базаровъ.

„Въ государствѣ караханидовъ Таразъ вмѣстѣ съ Исфиджабомъ [Сайрамомъ] составлялъ особый удѣлъ и вмѣстѣ съ остальными владѣніями караханидовъ въ XII в. былъ завоеванъ кара-китаями. Въ XIII в. незадолго до монгольскаго нашествія при Таразѣ кара-китайское войско было разбито харазмшахомъ Мухаммадомъ.

„Равнина р. Таласа была однимъ изъ лѣтнихъ кочевьевъ монгольскихъ хановъ. Здѣсь весной 1269 г. произошелъ сеймъ (курултай) потомковъ Чингизъ-Хана, имѣвшихъ владѣнія въ Средней Азіи. По торговому значенію города долины р. Таласа въ этотъ періодъ уступали Отрару и Сайраму, которые въ торговыхъ маршрутахъ упоминаются гораздо чаще. Смуты въ джагатайскихъ владѣніяхъ и нашествія узбековъ окончательно разворили страну.

„При ханѣ Бабурѣ, то есть въ началѣ XVI в., города Тараза уже не существовало. Въ половинѣ XVI в. всѣ города долины р. Таласа лежали въ развалинахъ, причемъ уже тогда было невозможно опредѣлить мѣстоположеніе отдѣльныхъ городовъ, какъ можно судить изъ слѣдующихъ словъ Мухаммадъ-Хайдара: „Монголы называютъ Таразъ Яны... въ степи, которую они называютъ этимъ именемъ, видны слѣды нѣкоторыхъ городовъ; тамъ есть слѣды и признаки купола, минарета, ханка [жилищъ отшельниковъ] и мадраса; но неизвѣстно, который изъ этихъ древнихъ городовъ былъ Яны и какъ назывались остальные города"

Эта историческая справка была прочитана вице-предсѣдателемъ Туркестанскаго Кружка Н. П. Остроумовымъ въ виду подлежащихъ докладу сообщеній о двухъ древнихъ памятникахъ гор. Ауліеата. [См. гдѣ письмо члена кружка В. А. Каллаура на имя вице-предсѣдателя.]

Въ заключеніе вице-предсѣдатель высказалъ предположеніе, что съ разрушеніемъ города Тараза уничтожилось его имя, но не переставалъ существовать населенный пунктъ этой исторической мѣстности. Могила святого Карахана сплотила около себя на мѣстѣ древняго Тараза оставшихся жителей города, который съ тѣхъ поръ сталъ извѣстенъ подъ именемъ Аулья-ата или Ауліеата.

Мазара святого Ауліеата [1] или Карахана. Въ статьѣ „Древнія мѣстности Ауліеатинскаго уѣзда на пути изъ Ауліеата въ Восточный Туркестанъ" [2] члена кружка В. А. Каллаура упоминается о Караханѣ, происходящемъ изъ племени уйгуровъ или карлуковъ, царствовавшемъ въ концѣ X вѣка, основателѣ династіи Караханидовъ или Илекъ-Хановъ, который изъ тюрковъ первый принялъ мусульман-

[1] Нѣкоторые авторы пишутъ Ауліеата, другіе Аулья-та, Аулія-Ата и т. п.—І. К.

[2] См. Прилож. къ Проток. Турк, кр. 5-го мая 1897 г. стр. 6.

ство. По народному преданію онъ похороненъ въ г. Ауліеата и надъ его гробницей сооруженъ мазаръ, существующій теперь и носящій названіе Ауліеата по имени котораго городъ получилъ свое названіе. Мазаръ этотъ съ провалившимся куполомъ имѣетъ входъ съ южной стороны, а гробница имѣетъ направленіе съ юга на сѣверъ. По мнѣнію г. Каллаура, мазаръ этотъ заслуживаетъ вниманія по своей древней архитектурѣ.

Полковникъ В. В. Панковъ сообщилъ вице-предсѣдателю, что мазаръ Карахана, находившійся прежде около Ауліеата при въѣздѣ въ городъ изъ Ташкента, теперь уже въ чертѣ городского населенія, вблизи русскаго храма, недалеко отъ улицы, по которой приходится въѣзжать въ Ауліеата, съ правой стороны. При въѣздѣ онъ не особенно бросается въ глаза, во первыхъ, потому, что стоитъ за деревьями, а во вторыхъ потому, что обращенъ къ улицѣ задней стороной, сильно размытой и разрушающейся отъ времени. На немъ хорошо сохранились только два его минарета, украшенные цвѣтною глазурью, которые только и бросаются въ глаза при въѣздѣ въ городъ. Съ лицевой же стороны эта древность имѣетъ внушительный видъ и теперь, хотя время отняло у нея многія довольно изящныя, повидимому, украшенія. Но что особенно достойно вниманія, это-правильность и симетричность постройки, сдѣланной изъ прекраснаго китайскаго кирпича. Оба минарета, стоящіе на углахъ съ лицевой стороны памятника, какъ вылитые въ одну форму. Внутрь памятника, гдѣ черезъ щели двери виднѣется множество огромныхъ роговъ, ему не удалось проникнуть, ибо онъ не засталъ муллы, хранящаго у себя ключъ отъ дверей. Реставраціи, какъ видно, за послѣдніе вѣка памятникъ не подвергался. Только двери не древнія. Сверху до низу на дверяхъ имѣются позднѣйшія мусульманскія надписи благочестивыхъ посѣтителей и почитателей святого, въ видѣ молитвъ и изрѣченій. Неизвѣстно, какъ внутри, а снаружи не видно никакихъ древнихъ надписей и письменъ. На выдающихся съ лицевой стороны квадратиками, въ вершокъ величины, кирпичахъ, въ нижней части памятника, высѣчены крестики, имѣющіе форму ☒, которая въ слѣдующихъ высшихъ рядахъ обратилась въ ◯. Вышина памятника до вершины минаретовъ приблизительно до 6 саженъ. Памятникъ находится среди обширнаго, обнесеннаго нынѣ заборомъ, мусульманскаго кладбища, на которомъ, какъ находящемся среди города, теперь не хоронятъ. При памятникѣ небольшая мечеть, гдѣ живетъ мулла со штатомъ сторожей. Штатъ этотъ содержится на приношенія чтущихъ память святого патрона города. Вблизи памятника—закрытая лицевой его стороной небольшая мазарка или скорѣе только гробница умершаго 648 лѣтъ тому назадъ Мухаммадъ-хана, слывшаго въ городѣ подъ именемъ „Билача-хана“, считающагося потомкомъ Мухаммада, основателя ислама въ VII колѣнѣ. Но гробница эта, по наружному виду, не обращаетъ на себя вниманія и не имѣетъ характера древности.

Святой Хазряти-Аулія слылъ въ народѣ подъ именемъ Карахана; но настоящее имя его было Ша-Махмудъ. Онъ прожилъ на бѣломъ свѣтѣ 95 лѣтъ, изъ коихъ 15 лѣтъ посвятилъ Богу, находясь все время въ молитвѣ и постѣ и не показываясь народу, а 40 лѣтъ правилъ уйгурскимъ народомъ, среди котораго были и уйгуры, и китайцы, и калмыки и другія народности. По словамъ Ауліеатинскаго казія Абдуллы, Ша Махмудъ, т. е. Караханъ, умеръ въ 866 году нашей эры, или 1031 годъ тому назадъ. Родословная его, по записи того же казія: зять пророка —Хазряти-Али-Мухаммадъ Ханафія, — Ша-Абдуфаттахъ, Ша—Абдуджаббаръ, Абдукахаръ, Ша-Хассанъ, Абдулъ—Азисъ и наконецъ Ша-Махмудъ. *).

Мазаръ Айша-Биби. Мазаръ Айша-Биби по сообщенію В. А. Каллаура представляетъ большой интересъ благодаря своей древней ар-

*) Въ Прилож. къ Протоколу Турнест. кружка 29 авг. 1897 г. стр. 13. помѣщена выноска, составленная бывшимъ казіемъ сел. Сарыяма Чимкентскаго уѣзда Имамъ—Джаномъ и доставленная въ правл. кружка В. А. Калларомъ. „Къ родословной Ауліятинскаго святого Карахана“.

хитектурѣ. Этотъ памятникъ, названный В.В. Бартольдомъ „Айшабу“ (см. его отчетъ), находится южнѣе селенія Головаческаго, почти смежно съ этимъ селеніемъ. По словамъ сартовъ, пишетъ г. Каллауръ, этотъ мазаръ стоитъ надъ гробницей дочери Карахана, но это заслуживаетъ мало вѣроятія.

„Въ первые годы по прибытіи въ край Епископъ Неофитъ осмотрѣлъ этотъ памятникъ, обратилъ вниманіе, что на немъ имѣются изразцовыя изображенія крестовъ, и просилъ меня обратить вниманіе на это и собрать свѣдѣнія, не есть ли это древній христіанскій памятникъ. *)

„Одинъ изъ мѣстныхъ сартовъ Магруфъ-Ходжа, родомъ изъ Ура-тюбе, тогда сообщилъ мнѣ, что одинъ изъ Самаркандскихъ хановъ былъ женатъ на христіанкѣ, китайской княжнѣ, отожествляя ее съ именемъ Ханымъ-биби (памятникъ этого имени имѣется въ Самаркандѣ), сестра которой Айша-биби пріѣзжала къ ней въ Самаркандъ въ гости. На обратномъ пути Айша-биби умерла вблизи рѣки Асы, гдѣ и сооруженъ настоящій памятникъ. Въ одной книгѣ записанъ такой разсказъ; „Айша-биби была дочь Измаилъ-Ата. Ауліеатинскій святой избралъ ее своей невѣстой и высказалъ о своемъ желаніи Измаилу-Ата. Послѣдній нехотя согласился, послалъ дочь къ Аулія-Ата, но при этомъ сказалъ, что женихъ не увидится съ невѣстой. Такъ и случилось: Айша-биби умерла на дорогѣ, въ 2 ташахъ отъ города, гдѣ и была похоронена. Нѣкоторые же говорятъ, что она была сестрой жены Амиръ-Тимура и дочерью хана гор. Чинмачина. Она поѣхала смотрѣть работы строющіяся сестрой ея Ханымъ въ Бухарѣ „мадраса—и—ханымъ“ и повезла съ собой золото на нѣсколькихъ мулахъ, но на дорогѣ заболѣла и умерла. Тогда Амиръ-Тимуръ собралъ всѣхъ мастеровъ своей жены и построилъ мазаръ надъ могилой свояченицы.

По поводу предположенія о христіанскомъ происхожденіи мазара Айша-биби, въ орнаментаціи котораго видны знаки креста (собственно взаимно-пересѣкающіяся прямыя линіи въ маленькихъ квадратахъ), вице-предсѣдатель Н. П. Остроумовъ замѣтилъ, что съ такимъ предположеніемъ нѣтъ основаній согласиться, такъ какъ прямыя пересѣкающіяся линіи встрѣчаются въ орнаментикѣ весьма часто, по самой простотѣ и естественности такого узора и особенно потому, что изображеніе креста было извѣстно въ орнаментикѣ еще у до-христіанскихъ народовъ. Въ замѣткѣ Ал. Савельева „О древнемъ значеніи креста въ эпоху до—христіанства“ (Истор. Вѣст. 1897 г., мартъ) говорится, что изображеніе креста въ древности имѣло три главныхъ вида: а) круга, съ помѣщенными въ немъ на-крестъ линіями или полосами, б) двухъ взаимно пересѣкающихся прямыхъ линій подъ прямымъ и подъ острымъ углами, и в) фигуры, состоящей изъ двухъ пересѣкающихся линій прямыхъ съ загнутыми концами или двухъ спиральныхъ, извѣстной подъ названіемъ „свастики“. Такія фигуры встрѣчаются на древнихъ финикійскихъ монетахъ, на египетскихъ, ассирійскихъ и ниневійскихъ памятникахъ, въ катакомбахъ Египта, между клинообразными надписями въ Малой Азіи, на древнихъ храмахъ острова Цейлона, а также у этрусковъ, датчанъ, мерянъ и обитателей древней Россіи. Такимъ образомъ, изображеніе креста было распространено во всѣ вѣка и у разныхъ народовъ, но о значеніи этого изображенія сказать что либо точно-опредѣленное нельзя, кромѣ того, что это были народные символы, заключавшіе въ себѣ мистическій смыслъ. Весьма интереснымъ представляется также фактъ недавней археологической находки въ Пиринеяхъ, въ урочищахъ Масъ-Дазиль, археологомъ Піэтомъ, среди древнихъ предметовъ и надписей, принадлежавшихъ разнымъ историческимъ эпохамъ, камней съ изображеніями крестовъ (Прав. Вѣстн. за 1897 г. № 97).

Членъ кружка А. П. Тверитиновъ замѣтилъ, что художникъ Н. Н. Карагинъ, подробно изучившій восточный орнаментъ въ Средней Азіи, находитъ, что изображеніе

*) См. Прилож. къ Прот. Турк. кружка 5 мая 1897 г. Стр. 6.

креста весьма часто встрѣчается на восточныхъ рисункахъ, и добавилъ, что по поводу значенія креста, какъ орнамента, имѣется обстоятельное изслѣдованіе въ художественной энциклопедіи, изданной подъ ред. Булгакова.

Членъ кружка Е. Т. Смирновъ высказалъ, что крестъ, какъ тамга киргизскихъ родовъ, встрѣчается, какъ ему извѣстно, среди киргизъ рода Кераитовъ + и Сары-кераитовъ + *), а изъ историческихъ данныхъ извѣстно, что оба эти рода вмѣстѣ съ найманами были христіанами, Н. П. Остроумовъ возразилъ на это, что едва ли можно связывать съ христіанствомъ киргизскую тамгу въ видѣ креста, т. к. тамга считается эмблемой цѣлаго рода и появилась, конечно, до принятія христіанства нѣкоторыми членами этого рода; кромѣ того извѣстно, что первые христіане скрывали свою принадлежность къ христіанству и потому принимали за эмблему не крестъ, а изображеніе рыбы и др. Е. Т. Смирновъ остался при своемъ мнѣніи, такъ какъ кераитамъ не зачѣмъ было скрывать свою принадлежность къ церкви христіанской и потому изображеніе креста легко могло изъ религіозной эмблемы перейти въ родовую тамгу кераитовъ.—Вопросъ о тамгѣ кераитовъ остался открытымъ, тѣмъ болѣе что памятникъ Айша-биби несомнѣнно происхожденія позднѣйшаго и скорѣе всего временъ Тимура.

Памятники древности. Въ 130 верстахъ отъ города Ауліеата на правой сторонѣ р. Таласа и въ 5 верстахъ на З. отъ кургановъ „Джиты-Тюбе“ сохранились развалины древняго укрѣпленія „*Тиктурмасъ*“. Это укрѣпленіе со словъ г. Каллаура, который его посѣтилъ въ 1898 г. (см. Протоколы Туркест. кружка за 1898—1899 стр. 75), находится въ № 6 аулѣ Учактинской волости въ верстахъ 15 отъ р. Таласа по правой ея сторонѣ. Укрѣпленіе Тиктурмасъ имѣетъ 830 шаговъ въ окружности съ земляным валомъ, высотою до двухъ саженей. Внутри кургана цитадель, возвышающаяся надъ укрѣпленіемъ на 5 саженъ и въ окружности 250 шаговъ, съ южной стороны въѣздъ въ цитадель довольно широкій, съ бывшими воротами, защищенными земляным валомъ. На поверхности цитадели валяется масса черепковъ и прочихъ предметовъ.

Версты 4 на З. отъ Тиктурмаса находится еще укрѣпленіе меньшихъ размѣровъ „это древнее укрѣпленіе“ *Атъ-Байляръ*. Оно окружено земляным валомъ въ видѣ четырехъугольника съ закругленными углами, высотсю въ сѣверномъ углу до 2-хъ саженей, съ выходомъ на В., прикрытымъ стѣнкой со стороны р. Таласа, имѣетъ въ окружности 120 шаговъ.

Еще далѣе на З., верстахъ въ 12, а отъ города Ауліеата въ 145 верстахъ имѣется сооруженіе подъ названіемъ „*Акъ-Кесене*“ (см. сообщ. Каллаура). Эта постройка имѣетъ видъ четыреугольника, сложена изъ сырцоваго кирпича, въ окружности до 30 саж., высотою до 5½ арш., толщина стѣнъ 3¾ арш. Внутри постройки имѣются слѣды могилъ, сверху которыхъ наваленъ саксаулъ. Въ С.-В. углу виднѣется башня высотою въ 6 саж., толщиною въ окружности внизу 40 арш., а вверху 20 арш. Башня сложена изъ сырцоваго кирпича одинъ рядъ на ребро, а три—плашмя; связь кладки сдѣлана изъ саксаула. Изъ внутри постройки въ башнѣ имѣется отверстіе, а внутри винтообразная лѣстница уступами, ведущая на верхъ башни.

Легенда объ Акъ-Кесене записана Юльчи-бекомъ Сапаковымъ.

На рѣкѣ Таласѣ вблизи Покровскаго подъ названіемъ „*Денгекъ*“ имѣется тщательной работы столбъ (колонна) высотою 6 саж., толщиною въ окружности 15 арш.; столбъ на курганѣ по народному преданію поставленъ при Чингизъ-Ханѣ.

По рѣкѣ Кокъ-Талу на мѣстности Гышъ Купыръ, что въ переводѣ означаетъ „камен-

*) Крестъ еще встрѣчается среди киргизъ рода шекты, см. Развалины Болгасынъ и Челкарская степь (ст. I. Кастанье) Труды Оренб. Уч. Арх. Ком. Вып. XIX.

ный мостъ", находятся остатки древняго каменнаго моста (см. сообщ. г. Каллаура въ Протоколахъ Туркест. кружка за 1898—1899 стр. 78).

Древнія постройки. Въ „Отчетѣ Имп. Археол. Ком. за 1890 г.", имѣются свѣдѣнія о древнихъ постройкахъ Ауліеатинскаго уѣзда. Эти свѣдѣнія доставлены въ комиссію г. Калемъ; такъ напр." на юго-восточномъ краѣ Бурула, на самой возвышенной точкѣ его, находится квадратная башня, сложенная изъ большихъ необтесанныхъ камней; вышиною она около 5 арш., стороны длиною въ 9 арш., толщина стѣнъ отъ $1^1/_2$ до 2 арш.; верхніе края стѣнъ обсыпались и вся башня окружена грудою камней, упавшихъ съ ея стѣнъ".

Точно такія-же постройки г. Каль нашелъ въ Ю.-З. части Бурула и въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ; притомъ эти башни расположены были на самыхъ возвышенныхъ точкахъ.

Изъ болѣе или менѣе древнихъ построекъ ближайшихъ окрестностей города Ауліеаты г. Каль отмѣчаетъ:

1) въ самомъ г. Ауліеата—мечеть, воздвигнутую по приказанію, какъ говорили туземцы, Тимура, и

2) мечеть около первой (по направленію къ Чимкенту) почтовой станціи Головачевской, построенную, по преданію, женою Тимура-Бибиханымъ, во время ея проѣзда изъ Китая въ Самаркандъ.

Развалины гор. Акъ-Тюбе. Въ Извѣстіяхъ общ. археологіи, исторіи и этногр. при Имп. Казанскомъ унив. Т. XIV, вып. 2 напечатана слѣдующая статья Н. Г. Маллицкаго: „У селенія Дмитріевскаго въ Ауліеат. уѣздѣ находятся остатки огромнаго города, носящіе у киргизъ названіе Акъ-Тюбе. Остатки городского вала имѣютъ до 30 верстъ въ окружности и захватываютъ часть горнаго ущелья, извѣстнаго подъ именемъ Куланъ-Сай. Въ этой послѣдней части древняго укрѣпленія находится мѣсто, обнесенное стѣною до 3-хъ саженъ толщины и называемое Куланъ-Камалганъ [1]). Существующее объ этой мѣстности туземное преданіе записано киргизомъ Абдулкаримомъ Тулебаевымъ и напечатано въ подлинникѣ въ № 42 „Туркестанской Туземной Газеты" за 1896 г., стр. 7—8. Вотъ переводъ этого преданія.

Киргизская легенда объ Акъ-Тюбе. „Въ городѣ Акъ-Тюбе былъ нѣкогда правитель, по имени Махмудъ-ханъ. У него была жена, по имени Джипаръ. Однажды она обратилась къ мужу съ нѣжною просьбой и сказала ему: „прикажи поймать въ степи самца и самку кулановъ и подари ихъ мнѣ".

Исполняя просьбу супруги, Махмудъ-ханъ велѣлъ поймать и привести изъ степи самца и самку кулановъ, и построивъ для нихъ ограду, подарилъ ихъ женѣ. Стерегъ заключенныхъ въ оградѣ кулановъ надсмотрщикъ („везирь"), по имени Тулага, съ пятнадцатью джигитами. И съ того самаго дня это мѣсто было прозвано „кулановымъ урочищемъ" [2]).

Размножились куланы внутри укрѣпленія и, не помѣщаясь болѣе въ немъ, проломили стѣну въ трехъ мѣстахъ и бѣжали. Тогда Тулага, который смотрѣлъ за куланами, не будучи въ состояніи остановить бѣжавшее стадо, послалъ къ Махмудъ-хану человѣка съ извѣстіемъ: „куланы бѣжали, и я не могъ ихъ поймать". Когда эта вѣсть пришла къ Махмудъ-хану, онъ сѣлъ на своего иноходца, по имени Бай-башъ, и съ нѣсколькими людьми погнался за куланами.

И когда иноходецъ Бай-башъ уже сталъ настигать кулановъ, то, поднимаясь на перевалъ, отъ усталости палъ, а куланы безъ остановки бѣжали и скрылись. И съ тѣхъ поръ произошло названіе Джургабиль [3]) отъ

---

[1]) См. Протоколъ засѣданія Туркест. кружка люб. археологіи, состоявшагося 28 окт. 1896 г. стр. 43—45, сообщ. В. А. Каллаура.

[2]) قولان قوروق

[3]) Джургабиль جورغه بيل (перевалъ иноходца) такъ называется перевалъ близъ села Дмитріевскаго.

иноходца Махмудъ-хана Бай-баша, который палъ, настигая кулановъ.

Махмудъ-ханъ, огорченный тѣмъ, что куланы его бѣжали, а иноходецъ погибъ, отправился въ городъ Багдадъ и жилъ тамъ. Въ это время ханъ черныхъ калмыковъ, по имени Тулага, придя съ нѣсколькими тысячами воиновъ для разворенія Багдада, сталъ лагеремъ на Кара-Тюбе *) и отправилъ въ городъ Багдадъ посла. Такъ говорилъ онъ: „схватите и выдайте мнѣ Махмудъ-хана и я оставлю вашъ городъ въ цѣлости; если же не выдадите Махмудъ-хана, то я разрушу вашъ городъ". Тогда нѣсколько добрыхъ людей изъ города Багдада пришли къ Махмуду. И сказалъ Махмудъ-ханъ „если меня одного ему нужно, то не держите меня; ради нашей страны пойду-ка я къ нему самъ". И вотъ Махмудъ-ханъ облекся въ платіе юродиваго и пошелъ къ хану Тулагѣ.

Былъ когда-то у Махмудъ-хана одинъ приближенный („везирь"), который бѣжалъ къ хану Тулагѣ. И вотъ пришелъ Махмудъ-ханъ въ образѣ юродиваго къ хану Тулагѣ и сказалъ: „Я Багдада повелитель, я поддан-ныхъ покровитель; легко я пришелъ, а если благополучно вернусь, то, подлинно, я прежній Махмудъ-властитель".

Сказавъ такъ, онъ сѣлъ. Бѣжавшій когда-то отъ Махмудъ-хана везирь узналъ его и сказалъ: „Багдада, пожалуй, повелитель ты; но если ханъ мой узнаетъ тебя и убьетъ, то подлинно, провоняешь ты". Но ханъ Тулага не узналъ Махмудъ-хана, и онъ вернулся назадъ по добру по здорову.

На завтра снова ханъ Тулага посылаетъ людей спросить, почему къ назначенному сроку не выдали Махмудъ-хана. Тогда добрые люди города Багдада отвѣчали пришедшимъ: „Развѣ повторяется повелѣніе хана? Вчерашній день мы присылали Махмуда. Пусть спроситъ у своего везиря, который сидитъ возлѣ него и играетъ съ нимъ въ шахматы".

И спросилъ ханъ Тулага у безотлучно пребывающаго съ нимъ везиря: „приходилъ вчера Махмудъ-ханъ, или нѣтъ?"

И отвѣтилъ визиръ: „приходилъ".

— „Если онъ приходилъ, почему ты недалъ мнѣ о томъ знать?" спросилъ ханъ.

И возразилъ везиръ на эти слова: „когда-то я вкушалъ соль изъ руки его и, помня о соли его, я не сказалъ тебѣ ничего"[1]).

И былъ доволенъ ханъ Тулага вѣрностью везиря, который помнилъ (букв. сберегъ) соль Махмудъ-хана, и простилъ ханъ Тулага Махмудъ-хана; онъ поставилъ его намѣстникомъ своимъ и, взявъ дань, вернулся въ свое государство.

Немного времени спустя случилось, что нѣсколько человѣкъ изъ города Багдада задумали жениться на одной и той-же красивой дѣвушкѣ, по имени Улангъ-баиръ. Эта дѣвушка говорила нѣсколькимъ добрымъ людямъ города Багдада: „Я вамъ достанусь", и каждому жениху говорила: „Я достанусь тебѣ". Этимъ она перессорила горожанъ между собою.

И возстала въ городѣ Багдадѣ междоусобная распря, и городъ разрушился, и не осталось въ немъ десяти „санъ" [2]). И съ тѣхъ поръ осталась въ употребленіи поговорка: „разрушила дѣвица Улангъ-баиръ".

Древнія мѣстности. Въ „Протоколахъ Туркест. кружка" за 1897 г. мая 5-го помѣщена статья В. А. Каллаура о древнихъ пунктахъ Ауліеатинскаго уѣзда, могущихъ служить указателями древняго караваннаго пути изъ Тараза въ Восточный Туркестанъ. Древній караванный путь въ Восточный Туркестанъ, на осно-

*) Мѣстность Кара-Тюбе находится въ верховьяхъ р. Бишъ-Таша въ Ауліеат. уѣздѣ.

1) Отвѣдавшій съ кѣмъ-либо соли, по восточнымъ понятіямъ, не можетъ быть врагомъ этого человѣка. Тотъ, кто не соблюдаетъ этого, называется كورنمك „Курь-намакъ" (كور слѣпой, نمك соль), каковое слово значитъ вообще „неблагодарный".

2) صان و صاون счетъ, большое число, 100.000.

ваніи изложенныхъ въ статьѣ соображеній, проходилъ по мнѣнію г. Каллаура, на Мерки отъ Таласа, мѣсторасположенія г. Ауліята, на древній Куланъ, находящійся около Тартовъ (Луговое). Древній путь, по изслѣдованіямъ г. Каллаура, не совпадаетъ съ почтовой дорогой: онъ проходилъ по караванной дорогѣ, которая съ почтовой дороги, на 9-й в. изъ города, сворачиваетъ вправо на Акыръ-Ташъ около ст. Арыкъ-Тюбе, пересѣкаетъ почтовую дорогу и проходитъ сѣвернѣе степью, двояко: прямо въ древній Куланъ или черезъ станцію Кумъ-Арыкъ.

Продолжая заниматься розысканіемъ въ предѣлахъ Ауліеатинскаго уѣзда древнихъ мѣстностей, показанныхъ въ древнихъ арабскихъ дорожникахъ по средне-азіатскимъ мѣстностямъ, на западъ отъ г. Тараза (Таласа), на древнемъ караванномъ пути отъ Испиджаба въ Восточный Туркестанъ, г. В. Каллауръ осмотрѣлъ нѣкоторыя мѣстности на древнемъ караванномъ пути на западъ отъ Ауліеата къ границѣ Чимкентскаго уѣзда. На стр. 51 авторъ статьи (см. Прилож. къ Протоколу Турк. кр. люб. арх. 190$^3/_4$ г.) говоритъ: Не доѣзжая верстъ 8 до ущелья Куланъ-Аузы и оставивъ въ сторонѣ вправо урочище Джиты-Тюбе, на которомъ въ одну линію расположено 7 земляныхъ насыпныхъ кургановъ, такихъ же какъ въ другихъ мѣстахъ уѣзда и носящихъ тоже названіе, г. Каллауръ встрѣтилъ по пути *турт-куль* подъ названіемъ „Кыркъ-крюзъ“ (въ переводѣ сорокъ куполовъ). Подобныхъ турткулей г. Каллауру нигдѣ видѣть не приходилось. Это—четыреугольникъ, стѣны котораго состоятъ не изъ земляного вала, а изъ ряда земляныхъ сопокъ (кургановъ), расположенныхъ въ линію по четыремъ фасамъ, высотою до 2$^1/_2$ арш. Сѣверная и южная стороны турткуля состоятъ каждая изъ 22 сопокъ по длинѣ 330 шаговъ, а восточная и западная—изъ 11 сопокъ длиною по 20 шаговъ, а всего въ окружности 1060 шаговъ. Середина этого турткуля занята киргизскими пашнями. Съ западной стороны впереди этого турткуля въ 500 шаг. разстоянія, противъ середины западнаго фаса, стоятъ два кургана въ рядъ, высотою до 3$^1/_2$ арш., а въ окружности 40 шаговъ. Очевидно, между ними проходила дорога въ названный турткуль.

Не доѣзжая ущелья Куланъ-Аузы, близъ него виднѣются развалины укрѣпленія съ земляным валомъ длиною въ окружности 515 шаговъ, и внутри его цитадель съ валомъ въ окружности также 200 ш., а невдалекѣ другое укрѣпленіе, имѣющее въ окружности 200 шаговъ. Развалины эти носятъ названіе „Куланъ-Аузы-Турткуль.“

Далѣе, еще выше въ Куланъ-Аузы, видны развалины Курганчи. Исторія этой Курганчи, по разсказамъ киргизъ, такова: Во время Кокандскаго владычества и прежде сообщеніе изъ Чимкента въ Ауліеата производилось преимущественно по этой дорогѣ; здѣсь прогонялись гурты скота. Въ то время Ташкентскимъ бекомъ Рустамбекомъ была построена здѣсь курганча для помѣщенія сборщика зякета. Это и есть развалины курганчи, сохранившейся до сего времени.

Въ верстахъ 7-ми отъ ущелья Малой Капки находятся развалины городища *Чонъ Кара-Турткуль*, а невдалекѣ отъ него развалины крѣпости *Май-Тюбе*. Въ окружности крѣпости находятся пашни между развалинами бывшихъ построекъ. Мѣстность въ окружности развалинъ крѣпости зовется *Балбалъ*. Названіе это по объясненію мѣстныхъ каракиргизовъ происходитъ отъ распашекъ мѣстъ между бывшими постройками, уцѣлѣвшими въ видѣ земляныхъ валовъ или холмовъ, и между дувалами (глиняными заборами) бывшаго вдѣсь города, занимавшаго довольно значительное пространство. Это городище по мнѣнію В. Каллаура указываетъ на остатки одного изъ древнихъ городовъ.

Древнее зданіе Ахыръ-Ташъ. Ахыръ-Ташъ, по описанію Д. Б. Иванова (см. Изв. Имп. русск. геогр. общ. Т. XXI вып. 3. за 1885 г.) зна-

*) Объ этомъ памятникѣ упоминается въ статьяхъ П. И. Лерха „Археол. поѣздка въ Туркестанъ“ стр. 35—39 и Е. Ф. Каль „Отчетъ Археол. Ком. за 1890. стр. 77“.

читъ „каменныя ясли“; находится на старомъ почтовомъ трактѣ изъ г. Ауліеата въ г. Пишпекъ верстахъ въ 40 отъ перваго города, у сѣверной подошвы горной цѣпи, называемой „Александровскимъ хребтомъ“ (верстахъ въ 4—5 къ С. отъ начала предгорій). Восточнѣе ущелья Алмалы отъ предгорій Александровской цѣпи идетъ довольно пологій и ровный склонъ къ долинѣ Чу, прорѣзанный оврагами, большею частью сухими; по этому склону отъ Александровскихъ горъ вытянулся низенькій отрогъ, въ видѣ гривы, кончающійся у старой дороги круглымъ холмомъ „Ташъ-Тюбе“. Саженей съ 200 къ В. отъ Ташъ-Тюбе, среди совершенно открытой мѣстности, находятся развалины одной изъ грандіознѣйшихъ древнихъ построекъ, занимающія подъ собою площадь болѣе $1^1/_2$ десятины 3,844 къ саж. Какой-то дворецъ или храмъ былъ затѣянъ здѣсь когда-то. Планъ его очень правиленъ и ясенъ, несмотря на древность сооруженія, и отличается крайней симметричностью.

Передній фасадъ этихъ развалинъ обращенъ къ С.; длина его 62 сажени. Пройдя коррридоромъ въ 16 саж. длины и 8 арш. ширины, входишь на большой внутренній дворъ (25 саж. въ сторонѣ). Кругомъ двора правильныя, симметрично расположенныя помѣщенія. Задняя южная сторона храма имѣетъ по обѣ стороны входа тоже симметрическія помѣщенія, въ срединѣ которыхъ по небольшому двору (81 кв. саж.), и изъ каждаго изъ послѣднихъ по особому ходу наружу. Самыя помѣщенія или комнаты очень невелики —по 8 арш. въ сторонѣ квадрата. Остальныя подробности, какъ расположеніе дверей, корридоровъ и пр, видно изъ прилагаемаго плана.*) Что касается передней т. е. сѣверной части постройки, то значительный обвалъ камней не позволилъ г. Иванову съ точностью разобрать, соотвѣтствуетъ ли она расположенію задней стороны или имѣетъ самостоятельный планъ. Вотъ почему авторъ статьи г. Ивановъ оставилъ эту часть развалинъ безъ показанія всякой планировки помѣщеній.

Все описываемое зданіе было построено изъ огромныхъ камней, размѣромъ отъ 1 до $2^1/_4$ арш. дл. отъ 9—15 вершк. ширины и до $1^1/_2$ арш. высотою (такъ что вѣсъ одного камня доходилъ до 60 слишкомъ пудовъ.)

Дальше г. Ивановъ подробно описываетъ разные типы камней съ геометрическими фигурами и пр. украшеніями; въ заключеніе авторъ статьи выражаетъ свое удивленіе по поводу того, что „несмотря на массу сдѣланныхъ уже затратъ, на грандіозность затѣи, она не доведена до конца, брошена почти на половинѣ.“

„Чѣмъ дольше и тщательнѣе всматриваться и изучать детали этой громады, тѣмъ большее удивленіе охватываетъ наблюдателя. Огромные камни, гигантскіе размѣры всего сооруженія, смѣлость замысла, искусство и тщательность выполненія, наконецъ эта кажущаяся нынѣ изолированность громады развалинъ среди сухой пустынной степи— все это заставляетъ смотрѣть на Ахыръ-Ташъ, какъ на одно изъ замѣчательнѣйшихъ древнихъ архитектурныхъ сооруженій въ Туркестанѣ. Для подобной циклопической затѣи нужно было имѣть огромныя средства. Кромѣ искуснаго архитектора и прекрасныхъ опытныхъ мастеровъ необходимо было располагать массой рабскихъ рукъ и огромными богатствами. На такое дѣло могъ рѣшиться только какой нибудь могучій народный властелинъ, знаменитый завоеватель, пожелавшій увѣковѣчить себя такой небывалой въ этихъ мѣстахъ постройкой. Въ планѣ и выполненіи его видна не простая случайная прихоть, а нѣчто обдуманное, серьезное. Осуществленіе такой мысли требовало немало времени. Словомъ, передъ нами выдающееся и единственное въ этой сторонѣ предпріятіе. И между тѣмъ какой-то роковой ударъ, какое-то проклятіе разомъ остановило сооруженіе такого знаменитаго памятника. Никакихъ прямыхъ исто-

*) Въ ст. Д. Иванова имѣется планъ этихъ развалинъ.

рическихъ указаній, которыя можно было бы пріурочить къ данному случаю, мы не имѣемъ. *) Преданія мѣстныхъ киргизъ объ Ахыръ-Ташѣ не объясняютъ ничего и скорѣе имѣютъ этнографическій интересъ, чѣмъ историческій.

Вотъ что они разсказываютъ:

1) „Въ древнее—древнее время долины рѣкъ Таласа и Чу представляли два независимыя ханства. Чуйскимъ правилъ уже престарѣлый ханъ, Таласскимъ—молодая красавица дѣвица, по имени Бахмаль. Въ эту—то неописанной красоты царевну влюбился сынъ Чуйскаго правителя—молодой богатырь. Послали сватовъ—царевна отказала. Вознегодовалъ старый ханъ за эту обиду и послалъ сказать Бахмали, что онъ силой возьметъ ее для своего сына и, если нужно, пойдетъ войной. Красавица не сдавалась. Тогда старый ханъ рѣшилъ передъ войной выстроить близъ границы обоихъ владѣній каменный дворецъ. А граница проходила какъ разъ по хребту Александровской цѣпи, съ котораго открывался широкій видъ на обѣ сосѣднія долины, раздѣляемыя горами. Сынъ долженъ былъ взлѣзть на хребетъ, брать съ него камни и метать ихъ къ мѣсту постройки, завѣдывать которой остался отецъ.

„Отпуская сына на горы, старикъ зналъ, что оттуда виденъ аулъ Бахмали и потому строго настрого приказалъ сыну не оглядываться въ южную сторону и не смотрѣть на Таласъ, гдѣ стоитъ жилище гордой красавицы. Пошла работа. Богатырь, какъ мелкіе черепки, металъ огромные камни съ горы къ отцу на разстояніи верстъ двадцати. Но насталъ его несчастный день: не утерпѣлъ молодецъ, взглянулъ въ запрещенную сторону. Тамъ красавица царевна купалась въ Таласѣ... Сердце богатыря такъ затрепетало, что онъ сразу ослабѣлъ: не только метать, даже поднять съ земли онъ не могъ ни одного камня... Вотъ почему и постройка Ахыръ-Таша поднесь осталась не оконченной, какъ не состоялась и самая свадьба съ Бахмалью...“

*) Объ Ахыръ-Ташѣ существуетъ извѣстіе у П. Лерха, но оно слишкомъ кратко.

Здѣсь г. Ивановъ добавляетъ, что онъ обязанъ этой легендой ученому садоводу гор. Пишпека г. Фетисову, который собралъ эти свѣдѣнія объ Ахыръ-Ташѣ у мѣстныхъ жителей [1]).

2) Второй варьянтъ пріурочиваетъ событіе къ долинѣ Чу, гдѣ по ту сторону (т. е. по сѣверному) берегу рѣки жила та интересная особа, изъ за которой остается недостроеннымъ Ахыръ-Ташъ. Сказаніе застаетъ уже дворецъ строющимся. Отецъ распоряжается, а сынъ съ Ташъ-Тюбе кидаетъ къ нему камни. Все шло хорошо до тѣхъ поръ, пока сынъ съ холма не увидалъ впервые свою невѣсту, гуляющук на той сторонѣ рѣки. Онъ хочетъ тотчасъ же жениться, но отецъ требуетъ докончить зданіе. Отсюда начало раздора. Сынъ уходитъ къ красавицѣ, отецъ съ огорченія бросаетъ постройку... Въ этомъ послѣднемъ разсказѣ интересъ заключается въ томъ, что на сценѣ фигурируютъ два великана съ именемъ, связаннымъ въ киргизскихъ легендахъ со многими событіями и сдѣлавшимся собирательнымъ или условнымъ для великановъ-богатырей. Имя это Гальфъ или Альфъ. Оно играетъ такую же роль въ незапамятныхъ временахъ богатырскаго эпоса, какъ и другое—*Мугъ* или *Мукъ*, которому въ болѣе южныхъ частяхъ Туркестана приписываютъ циклопическія сооруженія древнихъ кургановъ, каменныхъ заваловъ и т. п.

3) Третій варьянтъ разрабатываетъ тему о какомъ-то повелителѣ, влюбившемся въ прихотливую невѣсту изъ сосѣдняго владѣнія и получившемъ согласіе на бракъ съ условіемъ построить багатый храмъ или дворецъ...

Здѣсь легенда касается мотивовъ постройки.

Какъ бы тамъ ни было, всѣ эти легенды являются до того мало опредѣленными, что указываютъ на значительную давность постройки Ахыръ-Таша, свѣдѣнія о

1) Еще киргизская легенда о постройкѣ Акыръ-Таша помѣщена въ Прил. къ Прот. Турк. кр. за 1905 г. стр. 37—39. Записана со словъ киргиза аула № 3 Тастубайской волости Картабая Балтабаева.

которой совершенно затерялись въ народной памяти.

Еще свѣдѣнія объ Ахиръ-Ташѣ или Акиръ-Ташѣ мы находимъ у профессора В. Бартольда въ его отчетѣ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію съ научной цѣлью 1893—1894 г.г. Стр. 18—19 (см. Записки Имп. Академіи Наукъ 1897 г. Т. № 4.)

Объ этихъ развалинахъ говорится вкратцѣ въ статьяхъ В. Каллаура „Древнія мѣстности Ауліеат. у. на старомъ караванномъ пути изъ Тараза (Таласа) въ Восточный Туркестанъ 1) (Прил. къ Прот. Турк. кр. люб. арх. 6 мая 1897 г. стр. 4, 5, 9), въ которой развалины эти г. Каллауромъ отождествляются съ развалинами Касрабасъ, показанными въ арабскихъ дорожникахъ. 2) въ Прилож. къ Прот. Турк. кр. люб. арх. за 1905 г. стр. 29—32 „Поѣздка на Акыръ-ташъ (Ахуръ-ташъ, Ташъ-акыръ) и его окрестности".

Какое имѣла назначеніе эта постройка, пока еще не опредѣлено. П. Лерхъ предполагаетъ, что зданіе предназначалось для буддійскаго монастыря, мнѣніе—съ которымъ г. Ивановъ не согласенъ.

ДРЕВНОСТИ

Семиръченской области.

Свѣдѣнія о курганахъ

Семирѣченской области.

ВѢРНЕНСКІЙ УѢЗДЪ.

Первыя свѣдѣнія о курганахъ Семирѣченской обл. имѣются у Н. А. Абрамова въ Изв. Имп. Русск. Арх. Общ. за 1877 г. Т. VIII, ст. 61, напр.: Въ Алатовскомъ, нынѣ Вѣрненскомъ округѣ, въ большой киргизской ордѣ, находятся много древнихъ земляныхъ кургановъ. Тамъ на Каратальской долинѣ, по рѣкѣ Караталу, много кургановъ, называемыхъ киргизами „Джунгарскими“ (калмыцкими) могилами, что доказываетъ бывшее тамъ большое населеніе бывшаго народа.

На долинѣ рѣки Коксу также находится много кургановъ, особенно у подошвы хребта Алатау. Они различной высоты и стоятъ отдѣльно или группами.

Въ укрѣпленіи, нынѣ городѣ, Вѣрномъ и его окрестности въ 1860 году г. Абрамовъ видѣлъ до 40 кургановъ.

Въ трудахъ Археолог. съѣзда Т. I. стр. CVIII за 1884 г. помѣщена замѣтка слѣдующаго содержанія: „И. А. Износковъ доложилъ о древнихъ памятникахъ, сохранившихся въ Вѣрненск. уѣздѣ. Мѣстность гдѣ находится укрѣпленіе Вѣрный, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе памятники:

1) Бугры или насыпи различной величины, расположенные большими группами или линіями вдоль теченія большихъ и малыхъ рѣкъ, стекающихъ съ Тяньшанскихъ горъ и ихъ отроговъ. Большая часть этихъ бугровъ имѣетъ видъ низкихъ конусовъ съ тупою, округленною вершиною, другіе же сохранили видъ круглой башенной постройки, со рвомъ снаружи и углубленіемъ внутри.

2) Курганы, называемые народомъ „мыкъ“, по узбекскому выговору „мугъ, могъ“, можетъ быть, „моголъ“.

3) „Санъ“ или „іюганъ-таши“, большія разныхъ размѣровъ груды камней, валуновъ и крупной гальки, разбросанныя въ разныхъ мѣстностяхъ уѣзда

4) Калмакъ-уй, представляющіе собою цѣлыя линіи или группы камней.

5) Остатки древнихъ крѣпостей, называемые туземцами „курганами“. Они состоятъ изъ прямоугольниковъ различной величины; на нѣкоторыхъ еще замѣтны слѣды бывшихъ башенъ, входовъ и рвовъ. Всѣ эти памятники не были подвергаемы никакимъ научнымъ изслѣдованіямъ“.

Весьма обильный матеріалъ, касающійся кургановъ и пр. памятниковъ старины, даетъ намъ Н. Н. Пантусовъ. Въ Отчетѣ Имп. Археол. Ком. за 1889 г. напечатано слѣдующее его сообщеніе о курганахъ Вѣрненскаго уѣзда:

„Курганами средней и малой величины покрыты вся территорія и всѣ окрестности г. Вѣрнаго и прилегающихъ Алматинскихъ станицы и выселка. Въ городѣ и станицахъ курганы эти большею частью уже срыты, такъ какъ они мѣшали усадебнымъ постройкамъ, мѣстами же остались на нѣкоторыхъ усадьбахъ, площадяхъ и кладбищахъ. Всѣ они тянутся болѣе или менѣе правильными линіями съ Ю. на С., отъ горъ въ степь, по теченію рѣкъ Большой и Малой Алматинокъ, протоковъ и притоковъ ихъ и другихъ мелкихъ рѣчекъ."

Въ отчетѣ В. В. Бартольда, напечатанномъ въ Запискахъ Академіи Наукъ за 1897 г., имѣются свѣдѣнія о курганахъ Семирѣченской области. Изъ наиболѣе интересныхъ можно упомянуть о курганахъ, на которыхъ или около которыхъ найдены были каменныя бабы. Курганы были слѣдующихъ типовъ: 1) плоскіе, окаймленные однимъ рядомъ камней; 2) возвышающіеся надъ окружающей мѣстностью—большіе, четыреугольные съ сильно закругленными углами, высотою отъ 2-хъ до 4-хъ арш., въ діаметрѣ до 30 шаговъ; 3) маленькіе – высотою до 2-хъ арш., въ діаметрѣ до 15 шаговъ. Могилы 2-го и 3-го типа насыпныя; нѣкоторыя на поверхности обложены были камнями; вершины у нихъ обыкновенно плоскія съ легкимъ воронкообразнымъ углубленіемъ по серединѣ, причемъ камни здѣсь по размѣрамъ больше, чѣмъ на остальной поверхности, и набросаны гуще (стр. 45, 53).

Въ своихъ поѣздкахъ по Куртинской волости въ 1897 году г. Пантусовъ встрѣтилъ много кургановъ, главнымъ образомъ по берегамъ р. Куртинки, въ мѣстности, называемой Капчагой.

Въ урочищѣ Таскотанъ г. Пантусовъ нашелъ три могилы. Крайняя къ рѣкѣ Куртинкѣ была цѣлая не окопанная, а средняя раскопана киргизами, и въ нее вложены были одна разбитая каменная баба и три цѣлыхъ бабы.

Между крайнимъ (западнымъ) и среднимъ Караиспе находится около 10 кургановъ, а у восточнаго Караиспе насчитывается до 20 небольшихъ кургановъ.

Вблизи уроч. Джалпакъ-Тасъ, на хребтѣ находится собраніе камней (оба), а шагахъ въ 50 въ лощинѣ расположена большая старая могила, окруженная камнями. Киргизы когда-то производили тутъ раскопку, но могилы не докопали.

На всемъ пространствѣ Джалпакъ-Таса разбросана масса могилъ большихъ и малыхъ размѣровъ; очень много изъ нихъ раскопаны киргизами.

Могилы были обложены громадными перпендикулярными глыбами плоскихъ камней или плитъ: у нѣкоторыхъ изъ нихъ сбоку было сдѣлано небольшое отдѣленіе, тоже обложенное камнями; въ этомъ отдѣленіи находились по одному плоскому сосуду, вродѣ тарелокъ изъ глины. На урочищѣ Казы-Бекъ находится также много старыхъ могилъ.

Старыхъ могилъ съ наваленными на нихъ камнями очень много въ мѣстностяхъ: Таскотанѣ (на Куртинкѣ), на Утегенѣ и Серекъ-Тасѣ, далеко за Казы-Бекомъ. (См. Проток. Туркест. кружка за 1898—1899 г., стр. 63—67, сообщ. г. Пантусова.)

КОПАЛЬСКІЙ УѢЗДЪ.

Свѣдѣнія о курганахъ Копальскаго уѣзда имѣются у Н. А. Абрамова въ „Извѣст. Имп. Русск. арх. общ. за 1877 г. Т. VIII. Стр. 61, напр.:

„По сію сторону города Копала, въ 1857 и 1860 г.г. авторъ статьи видѣлъ множество

кургановъ. Въ самомъ Копалѣ былъ большой курганъ, насыпанный изъ земли сверху со щебнемъ и покрытый плитами изъ дикаго сѣраго сланцоваго камня. По преданіямъ тамошнихъ киргизовъ подъ этимъ курганомъ могила богатыря Копала. При водвореніи въ 1847 и 1848 годахъ въ Копалѣ русскихъ и устройствѣ домовъ курганъ этотъ срытъ до основанія.

— „Въ одномъ изъ копальскихъ кургановъ одинъ татаринъ вырылъ глиняный кувшинъ и въ немъ нашелъ золотой украшенный каменьями перстень, съ тюркскою надписью (вырѣзною) ارسلان Арсланъ. Здѣсь г. Абрамовъ задаетъ себѣ вопросъ: не принадлежалъ ли этотъ дорогой перстень Арсланъ-хану, владѣтелю карлуковъ, которые въ древнее время жили сопредѣльно съ турками-уйгурами, кыпчаками и канклами [1]). Турки-уйгуры кочевали по восточному берегу озера (или моря) Балхаша [2]), кыпчаки, найманы и увакъ-гиреи жили въ могульской землѣ [3]), нынѣ въ Семирѣченской области, гдѣ находится и городъ Копалъ. Въ вѣкъ Чингизъ-хана государемъ карлуковъ былъ Арсланъ. Когда Чингизъ-Ханъ отправилъ къ предѣламъ его владѣній Хабилу Нойона, старшаго изъ бековъ и военачальника изъ племени Берулась, Арсланъ покорился и пришелъ къ Хабилѣ. Чингизъ-ханъ далъ Арслану дѣвицу изъ своего рода въ замужество и повелѣлъ ему называться Арсланъ Сартскій ارسلان سارتاقی [4])

„Въ лѣто 615 (христіанской эры 1218) Чингизъ-Ханъ пошелъ въ походъ съ сильнѣйшею арміею въ великую Бухарію и на пути присоединились къ нему Арсланъ, ханъ карлуковъ, и Идикутъ, ханъ Уйгурскій“.

Изъ замѣтокъ г. Пантусова (см. Изв. общ. Археол. Исторіи и Этногр. при Казанскомъ унив. Т. XVII вып. 4 стр. 222) видно, что по всей Алтынъ-Эмельской волости разсѣяно множество кургановъ, круглыхъ, довольно хорошо сохранившихся.

„Особое обиліе ихъ находимъ на долинѣ по дорогѣ изъ выселка Кугалинскаго къ селенію Луговому, вправо отъ дороги и далѣе къ рѣкѣ Кескень-тереку. Количество этихъ кургановъ довольно значительно и они разныхъ размѣровъ. Отъ станицы Коксуйской курганы эти находятся къ Ю.-З. верстахъ въ 20—25. Курганы эти, идущіе по направленію перпендикулярному къ горамъ, въ видѣ сплошного ряда, обведены канавой и имѣютъ саженъ по 5 и больше въ діаметрѣ и сажени по 3 въ вышину.

Близъ самаго селенія Лугового, съ западной его стороны, находится также нѣсколько большихъ кургановъ.

О времени и причинахъ возникновенія этихъ кургановъ никакого преданія у киргизъ не существуетъ.

Курганы находятся въ сохранности; раскопкою ихъ никто еще не занимался.

Вблизи станціи Алтынъ-Эмельской, по дорогѣ къ урочищу Байгозы, находится значительнаго размѣра курганъ. Внизъ отъ него по направленію къ р. Кургалы есть три кургана меньшей сравнительно съ первымъ величины, затѣмъ внизъ отъ урочища Байгозы (на сѣверо-западъ) къ урочищу Ащибулакъ находится курганъ, размѣромъ подобный первому.

На урочищѣ Мамырханъ-Бастау (близъ горъ Чаганъ-Богу), въ Кугалинскихъ пригоркахъ, г. Пантусовъ видѣлъ каменную бабу. Баба была разбита по глазамъ и лежала.

Между урочищами Досомъ и Кокъ-Бастау въ этой же волости есть также каменная баба.„ (Изв. общ. Арх. Ист. и Этн. при Казанск. ун. Т. XVII вып. 4 стр. 224).

ДЖАРКЕНТСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ Изв. общ. Археол. Ист. и Этногр. при Им. Казанскомъ Университетѣ Т. XVII вып.

---

1) Рашидъ-Эддинъ, знаменитый персидскій писатель, жившій 1247—1318 г. христіанск. эры. Переводъ Березина: О турецкихъ и монгольскихъ племенахъ. Зап. Р. археол. общ. Т. XVI стр. 19.

2) Klaproth, Tabl. Hist. de l'Asie. p. 125.

3) Абулгази Багадуръ—ханъ. Исторія родословная о татарахъ, ч. II, глава 2.

4) Рашидъ-Эддинъ, стр. 131.

2—3 стр. 134, г. Пантусовъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о курганахъ Джанкентскаго уѣзда. Авторъ приводитъ рапортъ киргизскаго Кегеньскаго волостного управителя на имя Джанкентскаго уѣзднаго начальника отъ 8 марта 1897 года за № 15 относительно разсѣянныхъ въ Айтъ-Аламановской волости (нынѣ Кегеньская) холмовъ или бугровъ. Рапортъ гласитъ слѣдующее:

„На принадлежащемъ надѣлѣ ввѣренной мнѣ Айтъ-Аламановской волости изъ древне оставшихся находится по урочищамъ Сартагой, Арасанъ и Курайли и по долинѣ Кегеньской много бугровъ; по всѣмъ признакамъ ихъ комплекціи можно полагать, что таковые есть искусственные, ибо имѣютъ совершенно круглую форму и кромѣ того каждый изъ таковыхъ, какъ съ основанія, такъ до верху, выложены правильными изъ камня кругами и вмѣстѣ съ тѣмъ на вершинѣ каждаго изъ таковыхъ бугровъ имѣется воронкообразное углубленіе; вышина таковыхъ отъ уровня поверхности земли отъ $^3/_4$ до $1^1/_2$ аршина, ширина въ діаметрѣ отъ $1^1/_2$ до 3 саженей; расположеніе таковыхъ безъ всякаго порядка на Кегеньской же долинѣ; таковые имѣютъ противъ лишь описанныхъ несравненно большую величину, примѣрно: вышиною отъ уровня поверхности земли отъ $1/^1_2$ до 4 саженей и шириною въ діаметрѣ отъ 5 до 10 саж., на вершинѣ каждаго изъ нихъ такъ же имѣется, какъ и у первыхъ, углубленіе, но только большей величины.

„На нѣкоторые изъ такихъ бугровъ, какъ видно, были сдѣланы зигзагообразные всходы и даже остались на нихъ признаки уступовъ, такъ что о сказанныхъ буграхъ можно безъ сомнѣнія сказать, что есть искусственные, ибо, зайдя на любой бугоръ или стоитъ только посмотрѣть возлѣ таковаго, то ясно бросится въ глаза, откуда и въ какомъ порядкѣ бралась на нихъ земля.

„Земля на большинство бугровъ бралась около самихъ же ихъ, но съ соблюденіемъ извѣстнаго плана.

Слухи о буграхъ слѣдующіе: когда-то въ раіонѣ мѣстонахожденія описанныхъ бугровъ обрѣтался, по туземному названію, народъ „*мыхъ*“, и этотъ народъ былъ воинственный и богатый, а такъ какъ у него происходили постоянныя междоусобныя драки, то сокровища и богатства хранились въ пещерахъ, по этому полагаютъ, что въ первыхъ, т. е. мелкихъ буграхъ, похоронены павшіе въ дракѣ люди, или хранятся въ нихъ сказанныя выше богатства и сокровища, а большіе бугры устроены какъ бы для сторожевой цѣли или увеселенія начальства упомянутаго выше народа „*мыхъ*“.

ПРЖЕВАЛЬСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ Изв. Имп. Археол. Ком. вып. 12-й за 1904 г. стр. 65 помѣщена статья Н. Пантусова „Замѣтка о древностяхъ Семирѣченской области.“ Авторъ этой статьи описываетъ нѣсколько кургановъ, расположенныхъ по рѣкамъ Каракоюну и Чирикты (въ Чежъ-Тюбинской волости Пржевальскаго уѣзда).

„Курганы здѣсь составлены изъ насыпи съ окружностями изъ большихъ камней; они такъже, какъ и большинство могилъ, по словамъ каракиргизъ—калмыцкія, но въ дѣйствительности несравненно болѣе древнія. Размѣры кургановъ отъ 25 до 35 шаговъ въ діаметрѣ. Камни этихъ круговъ частію лежатъ плашмя, частію стоятъ перпендикулярно и глубоко вросли въ землю.

„Среди камней, составляющихъ окружность этихъ круговъ, встрѣчаются камни съ надписями, похожими на тибетскія. Различить на нихъ ничего нельзя, ибо остались только мѣстами отдѣльные едва замѣтные знаки.

„На лѣвомъ берегу р. Каракоюна, выше и ниже вышеупомянутаго кладбища на р. Чирикты, на далекомъ пространствѣ виднѣется множество большихъ и малыхъ кургановъ подобнаго-же типа и могилъ съ насыпанными камнями“.

Далѣе, по направленію къ сел. Атбаши, при впаденіи въ р. Каракоюнъ съ правой стороны р. Четъ-Кельтебука и ниже устья его въ одной верстѣ, по обоимъ берегамъ р. Каракоюна находится много кургановъ или холмовъ, представляющихъ остатки древнихъ кладбищъ. Холмы эти, изъ словъ г. Пантусова, одинаковой формы, расположены въ иныхъ мѣстахъ рядами, въ иныхъ же неправильно; около всѣхъ ихъ круги булыжника и крупной гальки.

При сліяніи рр. Каракоюна и Атбаши, къ С—З отъ подошвы сопки Кишикъ-Чешь-Тюбе, имѣется шесть могильныхъ древнихъ кургановъ, изъ которыхъ 3 большіе и 3 вполовину меньше. Большіе имѣютъ въ окружности около 60, а маленькіе—около 27—25 шаговъ.

Въ окрестностяхъ Атбаши г. Пантусовъ видѣлъ могилу и одну изъ двухъ бабъ, которыя видѣлъ г. Дудинъ (см. Бартольдъ, „Отчетъ о поѣздкѣ въ среднюю Азію“ стр. 44). Разрытая могила и при ней разбитая баба находились на С—З. отъ села Атбаши, верстахъ въ $2^1/_2$ на пригоркѣ. Могила длиной въ 4 арш. и шириной въ 3, была выложена камнями, затѣмъ обложена кошмой и по кошмѣ оштукатурена известью. Громадная баба, аршина въ $3^1/_2$ длиной, была сдѣлана изъ чернаго звонкаго камня.

По выѣздѣ съ моста по направленію къ Нарынскому укрѣпленію, въ 314 шагахъ отъ настила моста, г. Пантусовъ видѣлъ два кургана, „на которыхъ, говорятъ, стояло по каменной бабѣ (женской?), но въ настоящее время этихъ бабъ здѣсь нѣтъ“.

Три каменныя бабы найдены въ крѣпости (Нарынское укр.) у крыльца помѣщенія бывшаго воинскаго начальника Ларіонова. По разсказамъ мѣстнаго аксакала бабы эти стояли на упомянутыхъ выше курганахъ около дороги; по словамъ же мѣстнаго жителя дряхлаго старика Шамси Топикова онъ привезъ ихъ совмѣстно съ поручикомъ Сушковымъ съ верховьевъ р. Нарына, гдѣ онѣ найдены были, верстахъ въ 20 выше укрѣпленія на курганахъ, около киргизскихъ могилъ.

Въ своихъ трудахъ Н. Зеландъ *) упоминаетъ, что въ окрестностяхъ Нарынска встрѣчаются курганы, происхожденіе которыхъ киргизы приписываютъ жившимъ здѣсь прежде калмыкамъ.

Они сложены изъ камней, которые мѣстами еще выступаютъ правильными рядами, но все засыпалось землею.

ТОКМАКСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ 13 верстахъ на С. отъ г. Пишпека, по почтовому тракту къ г. Вѣрному, и верстахъ въ 3—хъ на З. отъ р. Чу, находится курганъ Акъ-Тепе, раскопанный А. М. Фетисовымъ. На В. отъ этого кургана имѣется городище, гдѣ замѣтны остатки крѣпости.

Недалеко отъ кургана Акъ Тепе имѣется еще 5 кургановъ, одинаковой съ нимъ наружной формы, но различныхъ величинъ.

*) См. Кашгарія и перевалы Тянь-Шаня. Н. Зеланда Омскъ 1888 г.

Свѣдѣнія о раскопкахъ.

ВѢРНЕНСКІЙ УѢЗДЪ.

Первая попытка раскопокъ Семирѣченскихъ кургановъ произведена была В. М. Флоринскимъ въ 1886 году близъ станціи Царицынской. Выбранный для этого курганъ принадлежалъ къ числу небольшихъ: онъ имѣлъ 48 саж. въ окружности и 5 арш. вертикальной вышины, сложенъ изъ камней, въ прослойку съ землей. Въ насыпи найдены угли, лошадиныя и коровьи кости, черепки глиняной посуды, но по случайнымъ обстоятельствамъ пришлось прекратить эту раскопку, не доискавшись могилы. (см. Флоринскаго „Топографическія свѣдѣнія о курганахъ Зап. Сиб.“ стр. 12).

Въ 1889 г. членъ сотрудникъ Имп. Арх. Ком. Пантусовъ произвелъ раскопки трехъ кургановъ въ окрестностяхъ гор. Вѣрнаго.

Первые два находятся къ Ю.—З. отъ русскаго и мусульманскаго кладбищъ, на правомъ берегу рѣчки Весновки. Окружность одного изъ кургановъ 75 саж., вышина 4 арш. 5 вер. На вершинѣ этого кургана площадка и углубленіе. Погребеніе въ материкѣ. Обнаружены кости человѣческія и рогатой скотины, зола и обрывки тонкихъ металлическихъ листковъ; другихъ предметовъ не было найдено. Въ сѣверной половинѣ кургана замѣтна была выемка, соединяющаяся съ грабительской миной, идущей на С.

Второй курганъ имѣлъ въ окружности основанія 32 саж. и вышину въ 4 арш. 9 в. На вершинѣ кургана площадка и едва замѣтная осадина. Могильный склепъ устроенъ былъ въ материкѣ. По всѣмъ признакамъ трупъ былъ сожженъ, что доказывается углями и золой, найденными въ могильной ямѣ. Вещей никакихъ не найдено.

Третій курганъ, раскопанный г. Пантусовымъ, лежитъ въ 5 верст. на З. отъ гор. Вѣрнаго, между Большой Алматинкой и ея притокомъ Карасу, у самой почтовой дороги изъ Вѣрнаго въ Ташкентъ. Курганъ имѣлъ 102 саж. окружн., вышиною въ 8 арш. 9 в. Было обнаружено нѣсколько костяковъ въ отдѣльныхъ могильныхъ ямахъ и въ разныхъ сторонахъ кургана; нѣсколько изъ этихъ костяковъ принадлежатъ видимо киргизамъ, которые часто погребаютъ своихъ родичей на старыхъ курганахъ. Могилы обложены были крупными сырцовыми кирпичами. По всей площадкѣ, на глубинѣ около 2 арш., лежали разсѣянные костяки, довольно истлѣвшіе. На протяженіи раскопанной сѣверной половины площадки найдено всего 13 костяковъ. Изъ нихъ только одинъ покоился на боку, съ С.-З. на Ю.-В. и лицомъ на

Ю.-З., всѣ же остальные лежали въ направленіи съ С. на Ю., при чемъ лицо было обращено на З.

Въ С.-В части площадки, недалеко отъ центра кургана, на глубинѣ 1 арш. 3 верш., найдены двѣ половинки чугуннаго котла, калмыцкаго, по увѣренію туземцевъ; больше никакихъ предметовъ не оказалось. (См. Отчетъ Имп. Археол. Ком. за 1889 г. а также Протоколъ Туркестанскаго кружка люб. арх. за 1899 г. № 3 стр. 105—117).

Въ этомъ же 1889 г. Н. Пантусовымъ былъ раскопанъ одинъ большой курганъ изъ линіи кургановъ, тянущихся по правому берегу рѣки Большой Алматинки, съ юга на сѣв. отъ горъ въ степь.

Этотъ курганъ, по описанію г. Пантусова, находится на западъ отъ г. Вѣрнаго, между рѣкою Большой Алматинкой и ея притокомъ (Карасу), у самой почтовой дороги изъ Вѣрнаго въ Ташкентъ.

Отъ г. Вѣрнаго курганъ находится верстахъ въ 5, а отъ р. Большой Алматинки (къ востоку) верстахъ въ 3-хъ. И въ этой мѣстности количество кургановъ весьма значительно на различныхъ разстояніяхъ; много ихъ виднѣется, окрестъ и вдали. Какъ видно изъ отчета, курганъ не весь раскопанъ. На раскопанной части сѣверной половины площадки найдено было 13 костяковъ. Всѣ они лежали въ направленіи съ С. на Ю., при чемъ лица были обращены на З. Ниже поверхности почвы въ материкѣ ничего не оказалось. (Отчетъ о раскопкахъ г. Пантусова напечат. въ Проток. Турк. кружка за 1898/9 г. стр. 114—117).

Въ „Отчетѣ Имп. Арх. Ком.“ за 1892 г. имѣются свѣдѣнія о хищническихъ раскопкахъ множества могилъ (около 800) киргизами въ Вѣрненскомъ уѣздѣ, въ волостяхъ Восточно и Западно-Кастекской, Чуйской, Курдайской, Джиланкузовской, Рчайтинской и Каракастенской. Нижеслѣдующіе предметы были добыты киргизами изъ раскопанныхъ ими могилъ: нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ чашекъ, серегъ, колецъ, пуговицъ, поясныхъ украшеній, браслетовъ, орнаментированныхъ пластинокъ, пряжекъ и обломковъ отъ разныхъ вещей, бронзовыхъ зеркалъ, колецъ, уздечныхъ принадлежностей, глиняный кувшинъ, костяное изображеніе птички, разныя желѣзныя издѣлія, какъ-то: кольчуга, наконечники копій, стремена, нѣсколько кусочковъ сердолика, топаза, нефрита, янтаря, жемчужина и серебряная джагатайская монета. Наконецъ въ томъ-же уѣздѣ*) найдена была каменная ступка въ самомъ озерѣ Иссыкъ-Кулѣ.

ТОКМАКСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ 1889 г. ученый садовникъ Пишпекскаго городского сада А. М. Фетисовъ произвелъ раскопку кургана Акъ-Тепе въ Чуйской долинѣ Токмакскаго уѣзда.

Этотъ курганъ находится въ 12 вер. на С. отъ г. Пишпека, по почтовому тракту къ г. Вѣрному и верстахъ въ 3-хъ на З. отъ рѣки Чу. Курганъ выложенъ или скорѣе вылѣпленъ изъ тѣстообразной глины, которая, высыхая, превратилась въ сплошную твердую массу. Кромѣ костей, ничего въ немъ не было найдено. (См. Отчетъ Имп. Археол. Ком. за 1889 г. стр. 75—76).

Въ 1891 г. по порученію Археологической ком. г. Фетисовъ произвелъ раскопки кургановъ въ долинахъ, лежащихъ по южную сторону Александровскаго хребта.

Ближайшею цѣлью поѣздки г. Фетисова (см. Отчетъ Импер. Археолог. Ком. за 1891 г. стр. 109—117) была Кочкарская долина, по которой идетъ почтовая дорога къ укрѣпленію Нарынъ, но оказалось, что почти всѣ найденныя въ этой долинѣ могилы были уже разграблены.

Близъ Шамсинскаго перевала, при входѣ въ долину, г. Фетисовымъ найдены были

*) У дерев. Сазоновки.

8 могилъ, въ которыхъ лишь два погребенія оказались цѣлыми.

На лѣвомъ берегу р. Южной Шамси найдено до 10 уже раскопанныхъ могилъ, а на правомъ берегу этой рѣки среди десятка—лишь двѣ нетронутыя.

Изъ Отчета Археолог. Ком. видно, что рѣдко можно было найти нетронутыя погребенія. Одиночныя могилы, встрѣченныя по дорогѣ въ долину Дала-Кудукъ, у подножія восточной оконечности Урта-Тау тоже были уже раскопаны. Наконецъ по дорогѣ къ Кескенъ-Ташу попадались одиночныя раскопанныя могилы и слѣды хищническихъ раскопокъ были еще видны на мусульманскомъ кладбищѣ. Однѣ только расположенныя въ урочищахъ Орта-Токой, Кара-Булунъ, Акъ-Булунъ и Акъ-Чатъ могилы оказались цѣлыми. Всего г. Фетисовъ вскрылъ 35 могилъ, а именно: по р. Шамси 4 могилы, въ долинѣ Дала-Кудукъ 4, въ урочищѣ Джуванъ-Арлыкъ 1, въ уроч. Орта-Токой 11, въ уроч. Кара-Булунъ 6, въ уроч. Акъ Булунъ 1 и въ ур. Акъ-Чатъ—8.

По собраннымъ г. Фетисовымъ свѣдѣніямъ нетронутыя могилы того же типа находятся около озера Иссыкъ-Куля, въ восточной части долины Сусамыра, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Джумгала и на Атъ-башѣ.

Теперь я приведу описаніе могилъ въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ Отчетѣ Имп. Археол. Ком. (стр. 111) „Всѣ встрѣченныя г. Фетисовымъ могилы имѣютъ сверху каменныя насыпи, сходныя въ общемъ, но различныя въ деталяхъ. Большинство насыпей выложено изъ одного ряда крупныхъ камней, иногда съ большими камнями надъ головой и ногами покойника, или даже съ цѣлой каймой такихъ камней кругомъ насыпи; насыпь другихъ состоитъ изъ двухъ или трехъ положенныхъ другъ на друга рядовъ камней, третьи представляютъ собою невысокія конусообразныя кучи, тщательно выложенныя изъ сравнительно мелкаго камня и увѣнчанныя сверху пукомъ изъ острыхъ камней. (см. рис. кургановъ); въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ насыпи на могилахъ представляютъ невысокія груды набросанныхъ безъ порядка камней. Нѣкоторыя насыпи имѣютъ форму четыреугольника, но такихъ меньшинство, большей же части изъ нихъ придана форма круга или приближающагося къ кругу овала. Низкія насыпи, состоящія только изъ одного ряда камня, постепенно были заносимы пескомъ и теперь едва замѣтны „Интереснымъ представляется то обстоятельство, что въ Семирѣчьѣ существуютъ насыпи изъ камня, сходныя съ описанными, подъ которыми однако вовсе нѣтъ погребеній. Такъ во многихъ мѣстахъ Токмакскаго уѣзда встрѣчаются какія-то выложенныя изъ камня круглыя площадки, которыя попадаются обыкновенно по нѣскольку, по одной правильно идущей линіи, и сложены изъ одного или нѣсколькихъ рядовъ болѣе или менѣе крупныхъ камней. У нѣкоторыхъ площадокъ по боковой сторонѣ выложенъ уступъ, по которому можно удобно ходить. Обыкновенная вышина ихъ не превышаетъ аршина, но иныя достигаютъ въ высоту до сажени; въ ширину эти площадки рѣдко имѣютъ болѣе 3 саж. Правильныхъ раскопокъ такихъ насыпей не было произведено, но киргизы увѣряютъ, что подъ ними никогда не находится ни малѣйшихъ признаковъ могилъ.

„Кромѣ одиночныхъ встрѣчаются погребенія двойныя: человѣка съ конемъ, который всегда полагался сверху покойника, для чего могильная яма въ верхней части значительно расширялась. Погребенія съ конемъ оказываются самыми богатыми, почему г. Фетисову, изъ числа имъ встрѣченныхъ, не удалось найти ни одного нетронутаго. Для помѣщенія трупа изготовлялось каменное гробовище изъ стоймя поставленныхъ плитъ, на которыя сверху набиралась деревянная настилка изъ досокъ, обрубковъ дерева или плетенья изъ сучьевъ, а на нее часто, кромѣ того помѣщались плиты. Нѣкоторыя гробовища накрывались одними плитами. Иногда для трупа въ боку могильной ямы устраивалась погребальная ниша, закладываемая каменными плитами. Встрѣчались погребенія, при которыхъ не обнаружено никакихъ признаковъ гробовища.

„Положеніе костяковъ во всѣхъ могилахъ одно и тоже: головою на С.; только въ одиночныхъ случаяхъ замѣчено положеніе головою на З. Всѣ трупы лежатъ на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, и лишь одинъ оказался лежащимъ на боку, съ согнутыми колѣнами. Обыкновенная глубина могилъ $1^1/_2$ арш., но погребенія съ конемъ помѣщаются въ могилахъ, вдвое болѣе глубокихъ".

Изъ наиболѣе характерныхъ предметовъ*) найденныхъ г. Фетисовымъ, укажемъ слѣдующіе:

1) Разнообразный наборъ бусъ и подвѣсокъ для ожерелій, между которыми особенно любопытны плоскія треугольныя подвѣски изъ ляпись-лазури, попадавшіяся довольно часто.

2) Небольшія круглыя металлическія зеркала китайскаго типа.

3) Серьги въ видѣ довольно крупныхъ оваловъ изъ искусственной бирюзы, прикрѣпленныхъ къ тонкой мѣдной пластинкѣ съ проволочнымъ крючкомъ сзади.

4) Красивый поясной наборъ изъ перламутровыхъ бляшекъ въ видѣ ряда полулуній и изъ двухъ такихъ-же колецъ.

5) Остатки кожанныхъ сумочекъ, иногда съ красивыми нефритовыми украшеніями.

6) Остатки шелковой ткани, узорчатой или окрашенной въ разные цвѣта.

Кромѣ того, въ могилахъ найдены: остатки кожанныхъ щитовъ, фигурно прошитыхъ по краямъ, остатки сапогъ изъ простой и шагреневой кожи съ поднятыми носками, нѣсколько деревянныхъ тарелокъ, части сѣдла, бритва, остатки деревянныхъ луковъ, остатки колчановъ изъ кожи и бересты, желѣзныя шашки, стремена и удила, наконечники стрѣлъ, ножи и пр.

*) Болѣе половины изъ числа раскопанныхъ г. Фетисовымъ 35 могилъ не заключали въ себѣ никакихъ вещей.

Въ уроч. Акъ-Чатъ наряду съ обыкновенными найдено было нѣсколько погребеній своеобразнаго типа. Насыпь (въ видѣ сплошной кучи камней или только овала изъ камней) маскируетъ пустую могилу, а костякъ помѣщенъ въ особомъ склепѣ, въ который ведетъ изъ могилы нешироκое отверстіе съ полукруглымъ сводомъ, заложенное камнями.

Въ этомъ случаѣ могильная яма расположена отъ С. къ Ю., а склепъ и трупъ въ немъ съ В. на З.

Предметы, найденные на Акъ-Чатскомъ могильникѣ, повидимому, не отличаются отъ вещей, добытыхъ при прочихъ раскопкахъ г. Фетисова.

Въ уроч. Кескенъ-Ташѣ г. Фетисовымъ встрѣчено очень оригинальное кладбище, на которомъ, вмѣсто могилъ, оказалось нѣсколько склеповъ для храненія пепла отъ сожженныхъ труповъ. „Все кладбище состояло изъ 5 двориковъ, обнесенныхъ глинобитными стѣнками, остатки которыхъ еще сохранились; по угламъ четыреугольниковъ находились кучки изъ 5—6 большихъ камней. Каждая ограда имѣетъ до 14 арш. ширины и вдвое больше въ длину. Въ срединѣ восточной стѣны ограды находятся ворота, отъ которыхъ идетъ спускъ, постепенно спускающійся въ землю до глубины болѣе 2 саж. и ведущій къ особому цилиндрическому, съ круглымъ сводомъ склепу, выложенному изъ крупныхъ кирпичей и заметанному сверху камнями. Въ склепъ нешироκій входъ въ видѣ окна, черезъ которое можно было проникать въ камеру. Ящикъ для пепла помѣщался у западной стѣнки камеры и состоялъ изъ поставленныхъ ребромъ кирпичей. Склепъ внутри весь отштукатуренъ алебастромъ. Все такъ прикрыто землею, что, стоя во дворикѣ, нельзя предположить, что находится подъ ногами.

Входное отверстіе въ камеру закладывалось кирпичемъ и забрасывалось камнями. Нѣкоторые склепы были, очевидно, вскрываемы въ послѣдующее время для другихъ погребеній. Въ одномъ случаѣ склепъ былъ пробитъ сбоку, выше дѣйствительнаго отвер-

стія, и пепелъ помѣщенъ не въ ящикѣ, а спущенъ внутрь въ широкой глиняной чашкѣ."

Въ 1897 г. старшій врачъ Пишпекскаго военнаго госпиталя Ѳ. В. Поярковъ произвелъ раскопки 4-хъ кургановъ въ группѣ изъ 10 насыпей, находящейся въ 10 верстахъ на Ю. отъ села Лебединки Токмакскаго уѣзда. Въ насыпи кургановъ встрѣчались сырцовые кирпичи въ одинъ или въ нѣсколько рядовъ, а въ одномъ случаѣ вмѣсто кирпича были положены камни. Костяки лежали на спинѣ, непосредственно на землѣ, головой на С., ногами на Ю. Никакихъ вещей при костякахъ не оказалось.

Погребеніе въ двухъ случаяхъ въ нишахъ, входъ въ которыя заложенъ былъ кирпичемъ, напоминаетъ киргизскіе обычай.

(Свѣдѣнія объ этихъ раскопкахъ помѣщ. въ „Отчетѣ Имп. Археол. Ком. за 1897 стр. 56—57).

КОПАЛЬСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ 1890 году г. Пантусовъ произвелъ раскопки пяти кургановъ въ окрестностяхъ Копала, къ С.-З. отъ этого города, въ урочищѣ Кызылъ-Агачъ. Свѣдѣнія объ этихъ раскопкахъ помѣщены въ „Отчетѣ Имп. Археологической комиссіи за 1890". Въ насыпи встрѣчались мелкіе обломки костей барана и прочихъ животныхъ, черепки посуды. При скелетахъ никакихъ предметовъ не оказалось.

Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ.

Первая находка каменныхъ бабъ въ Семирѣченской области была сдѣлана въ 1870 году Г. А. Колпаковскимъ. Баба лежала на днѣ озера Иссыкъ-Куля, у Кой-Су, въ $1^1/_2$ саженяхъ отъ берега озера. *)

Въ 1885 г. докторъ Поярковъ съ горнымъ инж. Д. Л. Ивановымъ нашли разновременно каменныя бабы—первый на Санъ-Кулѣ, въ верховьяхъ Каракола, на Иссыкъ-Кулѣ и близъ Пишпека, а послѣдній—въ нѣсколькихъ мѣстахъ по сѣверному берегу Иссыкъ-Куля.

Въ газетѣ „Восточное Обозрѣніе“ (№ 5-й отъ 30 января 1886) мы читаемъ на стр. 10—11 слѣдующее:

„Мы сообщали о весьма любопытныхъ и заслуживающихъ вниманія открытіяхъ доктора Пояркова близъ Токмака. Нынѣ уважаемый нашъ сотрудникъ прислалъ намъ фотографическіе снимки съ открытыхъ имъ древностей. Во-первыхъ, докторомъ Пояковымъ близъ Токмака, въ ущельѣ Кагаты, въ Александровскомъ хребтѣ, найдено 8 каменныхъ бабъ, изъ числа которыхъ двѣ находились у крестьянина селенія Малаго Токмака Кирьянова. Большинство найденныхъ бабъ въ Кагатинск. ущельѣ были зарыты въ землю по шею и болѣе и обращены на востокъ; баба, принадлежавшая крестьянину Кирьянову, найдена имъ въ Кагатинск. щели при раскапываніи земли и была вся зарыта въ землю. Близъ нѣкоторыхъ находятся курганы. Большинство каменныхъ изваяній прекрасно сохранились. Новооткрытыя каменныя бабы принадлежатъ къ двумъ типамъ: однѣ представляютъ неправильную фигуру эллиптическаго булыжника, на верху котораго изваяно или рельефно высѣчено лицо,—лицо часто неправильной формы, грубой работы, на которомъ однако отчетливо сдѣланы усы, само лицо безбородое.

Такой первообразъ бабъ и изваяній встрѣчается, въ видѣ плитъ съ изображенною головою, въ Алтаѣ и на Енисеѣ. Видно, что это—древнѣйшая форма памятниковъ, когда самое искусство обдѣлки камня было не развито, и народъ вполнѣ довольствовался подобной фигурой, дѣлая тщательно только одну голову. Одна баба изъ числа этихъ, тоже зарытая въ землю, представляетъ переходную форму: на животѣ видны сложенныя руки, а подъ головою выведено бороздою подобіе плечъ и шеи. Другой высшій типъ бабъ представляютъ двѣ вывезенныя крестьяниномъ и найденныя въ землѣ. Это—изванія, изображающія уже цѣлую фигуру, об-

*) По другимъ свѣдѣніямъ три каменныя бабы на берегу рѣки Аягуза были извѣстны А. Левшину еще въ 1832 г. (см. ниже)

дѣланную ниже пояса. Всѣ эти три фигуры съ чашами въ рукахъ. Одна держитъ чашу обѣими руками, двѣ другихъ держатъ правою рукою чашу, а лѣвою поддерживаютъ мечъ на боку. Мечъ или подобіе кривой сабли съ рукояткой и двумя кольцами на ножнахъ; на поясѣ одной изъ фигуръ видны украшенія. Подобныя же бабы совершенно такого же вида съ чашей и мечемъ находятся въ Алтаѣ. Подобіе ихъ мы видимъ на Кемчикѣ. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что токмакскія и иссыкъ-кульскія изваянія принадлежатъ тому же народу, который шелъ изъ сѣверной Монголіи, располагался въ вершинахъ Енисея, въ Алтаѣ, перешелъ къ Иссыкъ-Кулю, проникъ въ Киргизскую степь на югѣ Акмолинской области и, вѣроятно, перешелъ въ южную Россію.

Благодаря собраннымъ коллекціямъ бабъ въ Монголіи (Потанинымъ), на Кемчикѣ (Адріановымъ), по давно открытымъ изваяніямъ въ Минусинскомъ округѣ, въ Алтаѣ (Радловымъ, Потанинымъ, Ядринцевымъ) и открываемымъ нынѣ на Иссыкъ-Кулѣ, близъ Токмака и въ Киргизской степи, мы можемъ уже прослѣдить путь и передвиженіе этого древняго народа. Какому народу принадлежали эти изваянія, доселѣ не опредѣлено. Когда-то ихъ считали гунскими, но мнѣніе это опровергнуто. Рубруквисъ видѣлъ ихъ у Комановъ, иные приписываютъ постановку надгробныхъ камней дулгаспамъ (древнимъ тюркамъ гіунъ-ну и тукюю). Изваянія доказываютъ, что они принадлежали народу, имѣвшему уже оружіе и, вѣроятно, воинственному. Обычай постановки бабъ близъ могильниковъ имѣетъ связь съ древнимъ культомъ обожанія предковъ и зарываніемъ изображеній въ землю. Даже во внутренней Россіи находили каменныхъ бабъ, зарытыхъ въ курганы. Одно изъ токмакскихъ открытій подтверждаетъ это мнѣніе. Вообще, новая открытая г. Поярковымъ коллекція—богатый археол. вкладъ, освѣщающій распространеніе древняго культа близъ озера Иссыкъ-Куля до Токмака. Сравненіе бабъ будетъ весьма поучительно.“

О каменныхъ бабахъ упоминается у А. Левшина еще въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія *). „На берегу рѣки Аягуза, впадающей въ озеро Балхашъ (Семир. обл.), стоитъ остроконечное зданіе, весьма тщательно построенное изъ каменныхъ гладкихъ плитъ. Въ немъ три каменныя статуи, изъ коихъ двѣ по словамъ киргизъ-казаковъ изображаютъ прославляемыхъ въ сказкахъ любовниковъ: *Баянъ-Хана и Кузъ-Курпячъ*, а третья, ихъ служанку. Вѣрующіе въ подлинность сихъ изображеній приносятъ имъ жертвы“.

Описаніе этихъ же бабъ мы находимъ еще у Радлова. „Киргизское сказаніе, пишетъ Радловъ**), сопоставляетъ эти статуи съ разсказомъ о Козы Кёрпёшъ, и считаетъ мужскую фигуру изображеніемъ самого Коза-Кёрпёша, женскую же фигуру—за его возлюбленную, Баянсулу, и другую женскую фигуру—за свояченицу его. Очевидно однако, что эти три каменныя фигуры не имѣютъ ничего общаго съ памятникомъ Козы-Керпеша, который, безъ сомнѣнія, представляетъ большой киргизскій памятникъ, можетъ быть, XVII или XVIII столѣтія; тогда какъ фигуры, навѣрно, старѣе его болѣе, нежели на тысячелѣтіе.

„Фигуры, несомнѣнно, поставлены на этомъ мѣстѣ позднѣе; нижняя ихъ часть отломана, и мы въ настоящее время видимъ ихъ прислоненными къ боковой стѣнкѣ могилы, справа отъ входа. Мужская фигура имѣетъ 2 арш. 7 верш. длины и 10 вер. ширины; одна женская: 1 арш. 5 верш, длины и 10 верш. ширины, другая—1 арш. 5 верш. длины и 11 верш. ширины.

„Всѣ три фигуры держатъ въ обѣихъ рукахъ, ниже груди, продолговатыя могильныя урны. На платьяхъ ясно видна круглая вырѣзка для шеи. На женскихъ фигурахъ надѣты острыя шапочки, съ висящими по бокамъ кисточками, и, кромѣ того, по обѣ стороны ли-

*) См. Описаніе Киргизъ-Касайцкихъ ордъ и степей А. Левшина 1832 г.

**) „Сибирскія древности“ Записки Имп. Русск. Арх. общ. Т. VII вып. 3-4.

ца висятъ косы. На мужской фигурѣ надѣта круглая шапка, опускающаяся до середины лба и два раза загнутая надо лбомъ. Такъ какъ эти статуи сдѣланы довольно хорошо, то можно легко распознать типическую особенность формы лица: это—широкія лица съ удлиненными, но не косо направленными глазами".

По поводу тѣхъ же бабъ, въ Протоколахъ Туркестанск. кружка за № 1898 и 1899 гг. стр. 20 ст. г. Пантусова, мы читаемъ слѣдующее:

„Съ южной стороны (памятника Козу-Керпеча) валялись куски и обломки каменныхъ бабъ, изъ которыхъ въ настоящее время болѣе или менѣе сохранилось только туловище одной бабы. Бабъ и вполнѣ цѣлыхъ было здѣсь прежде больше; теперь же нѣтъ ни одной; ихъ разбили и расхитили въ послѣднее время. Въ 1897 г. голову одной изъ сихъ бабъ взялъ посѣтившій сей памятникъ бывшій германскій генералъ-губернаторъ Восточной Африки маіоръ фонъ-Виссманнъ и увезъ ее съ собою. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь былъ фотографъ Н. Ф. Толшинъ, который снялъ видъ съ памятника и съ находившихся здѣсь бабъ".

По преданію четыре бабы, стоявшія раньше у памятника Козу-Керпеча, изображали:

одна—Козу-Керпеча,
другая—жену его Баянъ-Солу,
третья—сестру Баянъ-Солу,
четвертая—жену ея брата (Дженке).

Въ литературн. прилож. Нивы за 1899 г. стр. 315 въ статьѣ Е. Баранова мы находимъ интересныя свѣдѣнія объ этихъ каменныхъ бабахъ съ рисунками 4-хъ бабъ. (См. табл. бабъ. Табл. XIV рис. 14. 15. 16 17).

Здѣсь я приведу описаніе этихъ каменныхъ бабъ со статьи Е. Баранова: „При могилѣ (Козу-Керпеча) сохранились еще четыре грубыхъ каменныхъ статуи, снятыя г. Толшинымъ. Статуи эти, несомнѣнно, калмыцкаго издѣлія, такъ какъ киргизы, будучи мусульманами, не имѣли и не имѣютъ обычая дѣлать при могилахъ каменныхъ изваяній; но какъ эти статуи попали къ могилѣ Козу-Курпеча - объяснить довольно мудрено. Существуетъ мнѣніе, что эти статуи должны изображать собою Баянъ-Слу и ея трехъ сестеръ; сдѣланы же онѣ калмыкомъ Кударъ-Кулу, но это мнѣніе совершенно ни на чемъ не основано и не согласно съ преданіемъ, по которому Кударъ погибъ прежде Баянъ-Слу отъ ея мстительной руки, а потому и не могъ сдѣлать статуи въ честь еще живой своей невѣсты на ея могилѣ.

„Гораздо правдоподобнѣе,что эти каменныя изваянія сдѣланы калмыками въ честь самого Кудара и другихъ героевъ, павшихъ въ борьбѣ съ киргизами. Это отнюдь не противорѣчило бы преданію, такъ какъ мѣсто борьбы и мѣсто гибели обоихъ героевъ находится тамъ же, гдѣ стоитъ и памятникъ Козу-Курпеча".

Во время своихъ геологическихъ путешествій по Туркестану г. Иванову удалось встрѣтить по пути нѣсколько каменныхъ бабъ, описаніе и рисунки которыхъ онъ даетъ въ своей статьѣ. „По поводу нѣкоторыхъ Туркестанскихъ древностей" въ „Изв. Имп. Рус. геогр. общ. Т. XXI 1885 г. вып. 3". Здѣсь я приведу описаніе этихъ бабъ такъже, какъ и рисунки, въ такомъ видѣ, въ какомъ представилъ ихъ самъ авторъ статьи г. Д. Л. Ивановъ.

„Обѣ бабы я встрѣтилъ на сѣверномъ берегу озера Иссыкъ-Куля. Одна изъ нихъ стоитъ къ западу отъ почтовой станціи Уйталъ, именно между ущельями Урта-Урюкты и Уйталомъ; другая далѣе къ востоку, противъ Чината, между ущельями Кудурга и Курменты, по южную сторону почтовой дороги. Обѣ сдѣланы изъ мѣстнаго свѣтлосѣраго плитнаго гранита.

Первая, уйтальская баба—небольшая ($1^1/_2$ арш. высотою) и половина ея занята головой, на которой барельефомъ очерчены

брови, носъ, ротъ и окружность глазъ. Туловище не обдѣлано и лишь на груди бабы выбито нѣчто въ родѣ чаши.

Курментинская баба—выше (2 арш. 2 в.) и сдѣлана болѣе тщательно. Въ ней видны и шея и плечи и руки съ пальцами, причемъ правая рука держитъ что-то, имѣющее крестообразную форму. Несмотря на большую детальность рисунка вторая баба въ смыслѣ работы уступаетъ первой: въ той замѣтно болѣе стремленія къ рельефу, тогда какъ курментинская совсѣмъ плоская."

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ г. Иванову, А. М. Фетисовымъ, можно указать на слѣдующія мѣста, гдѣ находятся еще каменныя бабы:

1) На Сонъ-Кулѣ два болвана изображаютъ мужчину и женщину, со всѣми наружными признаками, отличающими полы.

2) На верховьяхъ западнаго Каракола (въ обоихъ мѣстахъ г. Фетисовъ видѣлъ ихъ самъ).

3) По показанію киргизъ одинъ каменный болванъ есть еще въ ущельѣ Иссыкъ-Ата (близъ Пишпека).

Въ 1893 и 1894 годахъ Семирѣчье и Туркестанъ посѣтилъ пр.-доцентъ С.-Петербургскаго университета В. В. Бартольдъ, командированный университетомъ и Академіей Наукъ для изслѣдованія памятниковъ древности. Отчетъ о поѣздкѣ „Древности долины Чу или Иссыкъ-Куля", осмотрѣнныхъ Бартольдомъ, напечатанъ въ Запискахъ Академіи Наукъ за 1897 г. (Томъ I, № 4 съ 17 фотографич. таблицами). Изъ наиболѣе интересныхъ находокъ, осмотрѣнныхъ г. Бартольдомъ и его сочленами по экспедиціи художникомъ Дудинымъ и поручикомъ Ковалевымъ, я упомяну слѣдующія:

Въ долинѣ рѣки Чу тамъ, гдѣ въ названную рѣку впадаетъ рѣка Большой Кебанъ, сопровождавшій экспедицію г. Ковалевъ видѣлъ цѣлое кладбище изъ каменныхъ бабъ (Л 28).

Въ бассейнѣ Нарына, къ западу отъ селенія Атбаши, г. Дудинъ видѣлъ 2 каменныя бабы, одна изъ нихъ стояла въ 2-хъ шагахъ къ западу отъ разрытой уже могилы; лицо истукана, грубо вытесаннаго изъ песчаника, тоже было обращено на западъ. Вторая стояла также лицомъ къ западу; на правомъ боку, пишетъ авторъ статьи, у нея былъ кисетъ, по формѣ напоминавшій кисеты кошоцайдамскихъ изваяній на Кокшинъ-Орхонѣ, голова, повидимому, украшена была шлемомъ; по спинѣ шелъ рядъ бороздокъ, имѣвшихъ, вѣроятно, цѣлью передать полосатость матеріи.

Наибольшее количество каменныхъ бабъ найдено г. Бартольдомъ въ долинѣ Иссыкъ-Куля и горахъ, окружающихъ названную долину. Здѣсь еще въ 1859 г., около устья рѣки Тюпа, нѣкто Голубевъ видѣлъ много каменныхъ бабъ, которыя показались ему „правильно разставленными".

На рѣчкѣ Чичханъ (стр 55) между Джаукой и Акъ-Терскомъ г. Дудинъ видѣлъ каменныхъ бабъ, стоящихъ на западной сторонѣ четыреугольныхъ, обнесенныхъ камнями, могилъ, съ лицомъ, обращеннымъ къ западу; бабы находились только около нѣкоторыхъ могилъ, у другихъ ихъ обыкновенно замѣняли плоскіе камни, больше другихъ размѣрами, поставленные на одно изъ короткихъ реберъ. Эта находка, пишетъ В. А. Мустафинъ, *) какъ бы оправдываетъ предположеніе г. Аничкова о связи *кульпъ-тасовъ* съ каменными бабами.

Около Иссыкъ-Куля особенно много каменныхъ бабъ въ долинѣ р. Тона въ томъ мѣстѣ, гдѣ названная рѣка мѣняетъ направленіе и течетъ съ В. на З. Здѣсь, говоритъ Бартольдъ, вы видите цѣлыя аллеи изъ намогильныхъ камней и городки изъ нихъ же. Между другими памятниками находится могильникъ, представляющій квадратную площадь, обложенную камнями; около южнаго края ея, лицомъ на югъ, находятся 3 фигуры

*) Ст. В. А. Мустафина см. Протоколы Турк. кр. за 1897—1898 г.

мужчинъ, сидящихъ по восточному, съ мечемъ и чашей въ рукахъ; повидимому, всѣ фигуры выведены изъ ихъ прежняго положенія. Отъ этого квадрата внизъ, по скату на пространствѣ болѣе 100 шаговъ, тянется обставленная камнями аллея, шириною около 20 шаговъ, заканчивающаяся расширепіемъ со входомъ. Другая такая же аллея, длиной около 40 шаговъ, идетъ съ восточной стороны квадрата Тамъ же, на другомъ берегу рѣки Тонъ. найдены 2 чрезвычайно любопытныхъ истукана: одинъ представляетъ сидящую фигуру, другой—стоящую. Особенно характерна сидящая: за поясомъ, на спинѣ ея, заткнуты 2 ножа, крестъ-на крестъ. Въ рукахъ у другихъ фигуръ по обыкновенію мечъ и чаша; сбоку у статуй мѣшечки, какъ у статуй перваго могильника. У сидящей статуи ноги изображены поджатыми не крестъ-на-крестъ, а такъ, какъ и теперь еще сидятъ зачастую киргизы, т. е. подъ сѣдалищныя мышцы". (стр. 58).

Большинство изъ описанныхъ Бартольдомъ каменныхъ *бабъ*, [1]) какъ видно изъ приложенныхъ къ отчету рисунковъ—мужского пола (см. табл. VII рис. 1 и 2; VIII—1, и 4; XI—3,4 и 5). Матеріаломъ, изъ котораго они изсѣчены, служилъ гранитъ (на табл. VII—1, 3, VIII—1, 2, 3. X—1) и красный песчаникъ (VII—1 2; X - 2. 4)

Въ 1895 году докторъ Поярковъ произвелъ развѣдки на берегахъ Иссыкъ-Куля; изъ его отчета видно, что въ Иссыкъ-Кульской котловинѣ, какъ и во всей Семирѣченской области, имѣются въ большомъ количествѣ каменныя бабы. При одной деревнѣ Теплоключинской ихъ насчитано было до 12. (См. Отчетъ Имп. Археол. Ком, за 1895 г. стр. 47).

Въ 1897 году г. Пантусовъ, проѣзжая по Куртинской волости [2]), нашелъ вложенной въ могилу, на лѣвомъ берегу Куртинки, на гран. уроч. Маскотанъ и Капчагай, одну разбитую каменную бабу и три цѣлыхъ.

Въ 1898 году г. Пантусовъ посѣтилъ станицу Сергіопольскую и навелъ справки относительно каменныхъ бабъ, находящихся въ этой станицѣ. Изъ рукописей, которыя онъ мнѣ прислалъ, видно, что Сергіопольская станица замѣчательна обиліемъ каменныхъ бабъ, которыя привезены въ разное время изъ окрестныхъ урочищъ. Большинство бабъ, пишетъ авторъ статьи*), поставлены у воротъ: онѣ вкопаны тамъ, въ видѣ столбовъ, и крѣпко придерживаютъ ворота, предохраняя ихъ отъ расшатыванія вѣтрами, которые дуютъ здѣсь съ большою силою. Бабы эти прикрѣплены къ деревяннымъ воротнымъ столбамъ обыкновенно полосами желѣза. Но кромѣ этихъ бабъ, которыя г. Пантусовъ розыскивалъ по станицѣ у воротъ разныхъ лицъ, множество бабъ употреблялись казаками на другія домашнія надобности: на столбы, на устройство заборныхъ стѣнъ и прочее**).

Г. Пантусовъ сфотографировалъ бабы, видѣнныя имъ у разныхъ лицъ станицы.

Въ 1898 г. Н. Пантусовъ, уѣзжая со станціи Алтынъ-Эмель Копальск. уѣзда на уроч. Матырханъ Бастау (близъ горокъ Чаганъ-Богу), въ Кугалинскихъ пригоркахъ видѣлъ нѣсколько могилъ и каменную бабу.

Между урочищами Досомъ и Кокъ-Бастау въ этой же Алтынъ-Эмельской волости, есть также каменная баба. (сообщ. г. Пантусова въ Проток. Турк. кружка 1899—1900 стр. 22).

Въ 1899 г. старшій врачъ Пишпекскаго воен. госпиталя Ѳ. В. Поярковъ совершилъ поѣздку по Пишпекскому уѣзду для отысканія бабъ. Сперва онъ отправился въ Буамское ущелье на р. Чу, гдѣ въ урочищѣ Карой найдено было до 50 каменныхъ бабъ на протяженіи 1 1/2 верстъ, затѣмъ г. Поярковъ

---

[1]) См. стр. 19—20, 22, 28. 44, 46, 49, 53, 54, 55, 57, 58, 59, 68, 69. Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію съ научною цѣлью 1893—1894 г.г.

[2]) Въ Вѣрненск. уѣздѣ.

*) См. также сообщ. г. Пантусова въ Протоколахъ Туркест. кружка за 1898—1899 г. № 1. стр. 17—19.

**) Сергіопольскіе казаки называютъ этихъ бабъ „Чудскими богами". (Изъ рукописей г. Пантусова.)

отправился въ долину р. Большого Кебиня, гдѣ оказались бабы, какъ еще не тронутыя съ мѣста, такъ и передвинутыя; далѣе, онъ направился чрезъ Буамское ущелье въ долину Джумгальскую, гдѣ произведены были раскопки въ урочищахъ Башъ-Куганды, Учъ-Су, Утуръ и Сарыбулакъ, заключающихъ преимущественно каменные столбы, потомъ въ долину озера Сонкуля, гдѣ, между прочимъ, была найдена каменная баба огромной величины, въ Кочкарскую долину, гдѣ произведены были раскопки въ урочищахъ Тендюкъ и Тундухъ, въ долину оз. Иссыкъ-Куля, на верховья р. Большого и Малаго Кебиня и наконецъ обратно въ Буамское ущелье.

На верховьяхъ р. Большого Кебиня въ уроч. Кескеленъ найдена группа изъ 3-хъ бабъ и 11 столбовъ, стоящихъ въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга.

Въ долинѣ р. Малаго Кебиня каменныхъ бабъ оказалось немного, за то на обратномъ пути чрезъ Карой найдена огромная группа бабъ, въ которой насчитано до 100 отдѣльныхъ изваяній. (См. Отчетъ Имп. Археол. Ком. за 1899 г.).

Камни съ надписями или изображеніями.

На правомъ берегу Куртинскаго-Капчагая Вѣрненск. у. Куртинской вол. по камнямъ утесистыхъ береговъ г. Пантусовъ видѣлъ нѣсколько довольно ясныхъ изображеній мараловъ на отдѣльно разбросанныхъ камняхъ и нѣсколько надписей.

На крайнемъ восточномъ Караспе находится небольшой колодецъ и близъ него на камнѣ изображеніе человѣческаго лица и пр

Джалпакъ-Тасъ (плоскій камень) есть мѣстность, усѣянная громадными плоскими камнями. Верстахъ въ 2—3 къ Ю.-З. отъ уроч. Джалпакъ-Тасъ, на склонѣ возвышенности, есть большой камень, на которомъ находятся изображенія мараловъ, бугу, тау-теке, тау-ички, человѣка, ведущаго верблюда и проч.

(Сообщ. г. Пантусова въ Проток. Турк. кружка за 1898—1899 стр. 63—67).

На В. отъ станицы Сарканской, верст. въ семи отъ послѣдней и верст. въ 3-хъ отъ почтовой дороги, идущей изъ стан. Сарканской въ выселокъ Тополевскій, на лѣвомъ берегу р. Баскана Лепсинск. у. лежатъ большіе камни съ надписями [1]) (см. также сообщ. г. Пантусова въ Проток. Туркест. кружка за 1898—1899 г. стр. 67).

Одинъ изъ камней формою своею похожъ на лежащаго верблюда съ сѣдловиной; около него ближе къ рѣкѣ, находятся еще два камня.

На верблюдообразномъ камнѣ, на задней его части находятся надписи съ изображеніемъ письменъ и козловъ. На одномъ изъ лежащихъ рядомъ двухъ камней, находящемся ближе къ рѣкѣ, высѣчена мусульманская надпись لا اله الا الله محمد رسول الله. Далѣе—на одномъ изъ камней находится пять ямокъ. Всѣ надписи обращены на югъ.

Мусульмане сыздавна чтутъ эти камни, какъ святыню, и называютъ ихъ *„аулія-тасъ“* — священный камень. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мусульмане въ годовые свои праздники пріѣзжали къ этимъ камнямъ для принесенія жертвъ.

Эта группа камней, какъ говоритъ народная легенда, освящена пребываніемъ тутъ Мухаммада, а потому весьма чтится мусульманами. Преданіе повѣствуетъ, что Мухаммадъ садился на одномъ изъ этихъ камней, отчего камень этотъ принялъ изображеніе сѣдла. По другой же версіи, пророкъ пріѣзжалъ на это мѣсто на верблюдѣ, а затѣмъ

[1]) Изъ рукописей г. Пантусова, хранящихся у меня. „Авлія-Тасъ“. І. К.

верблюдъ окаменѣлъ, и изображеніе лежащаго верблюда осталось доселѣ.

Вблизи есть также камень, изображающій видъ небольшого навѣса, гдѣ, какъ говорятъ, стоялъ конь Мухаммада дуль-дуль, впослѣдствіи подаренный имъ зятю своему Алію [женатому на Фатимѣ]. Киргизы приписываютъ изображеніе мусульманской надписи (علي ولي الله) Алію, который пріѣзжалъ сюда вмѣсто Мухаммада. Старые люди разсказываютъ, что у подножія этого камня былъ виденъ слѣдъ конскаго копыта въ $^1/_2$ арш. величиной, но отъ времени все это засыпалось землей. Про силу святости этихъ камней разсказываютъ слѣдующее: у нѣкоего купца Я. [разсказъ позаимствованъ отъ самаго купца лично] былъ сильный падежъ барановъ, такъ что падало по 20 и болѣе штукъ ежедневно. Узнавъ о семъ, сарканскій мулла посовѣтовалъ сгонять скотъ къ аулія-тасу — помолиться тамъ Богу и принести въ жертву барана. Купцомъ Я. было такъ и сдѣлано,—и падежъ скота прекратился. Другой случай таковъ: у одного киргиза не было дѣтей 12 лѣтъ; по совѣту муллы человѣкъ этотъ съ женой поѣхалъ къ аулія-тасу, принесъ въ жертву барана, а жена ночевала подъ камнемъ, гдѣ сидѣлъ когда-то Мухаммадъ. Ночью видѣла она сонъ-явился къ ней старецъ и сказалъ, чтобы она не безпокоилась: у ней будутъ дѣти. Въ этотъ же годъ у нея родился сынъ, и потомъ ежегодно рождались дѣти.

Таковы разсказы про аулія-тасъ, вокругъ котораго постоянно валяются кости барановъ—признакъ жертвоприношеній.

Ямки на камнѣ, по преданію мусульманъ, суть слѣды пальцевъ пророка, разорвавшаго камень.

Разсказываютъ также, что далѣе въ горахъ, выше по рѣкѣ Баскану, есть камень, на которомъ изображенъ слѣдъ ноги [ступни]. Эта мѣстность также называется *аулія-тасъ*.

Въ своемъ путешествіи по горамъ Чулакъ Копальскаго уѣзда г. Пантусовъ даетъ много свѣдѣній относительно разныхъ надписей и изображеній на камняхъ, которыми изобилуютъ эти мѣстности. (См. Протоколы Туркестанск. кружка Люб. Арх. за 1898—1899 г. № 1 стр. 59.]

На камняхъ перевала Аиръ-Кезеня г. Пантусовъ нашелъ нѣсколько изображеній мараловъ, козловъ...

На уроч. Тайгакѣ, въ глубинѣ ущелья того же имени, встрѣчалось много надписей и изображеній животныхъ.

Всѣ надписи сдѣланы большею частью на тибетскомъ языкѣ; вырѣзаны эти надписи ламами при помощи ножа или пики. Единственный въ Чуйучакѣ знатокъ тибетскаго языка монгольскій укурдай Чжалана пріурочиваетъ ихъ къ Танской династіи (618—907 по Р. Хр.)

Урочище Тайгакъ отстоитъ верстахъ въ 45 отъ станціи Чингильдинской, вверхъ по р. Или, по правому берегу ея, въ горахъ Чулакъ Чулаковской волости Копальскаго уѣзда.

Тамгалы-Тасъ. Тамгалы-Тасъ „камень съ знаками“ лежитъ внизъ по теченію рѣки Или, отъ выселка Илійскаго на С. З. верстахъ въ 25 отъ послѣдняго, на правой сторонѣ рѣки, въ уроч. Капчагай Копальскаго уѣзда Балгалинской волости. [1]]

Надписи и изображенія бурхановъ расположены на камняхъ, обрушившихся давно съ высокаго скалистаго берега.

Всѣхъ камней съ болѣе или менѣе сохранившимися знаками [тамга] найдено г. Пантусовымъ восемнадцать. Однихъ только изображеній бурхановъ найдено 5. Кромѣ изображеній бурхановъ на камняхъ, есть еще на семи отдѣльныхъ камняхъ крупныя и мелкія калмыцкія и тибетскія надписи, которыя снялъ г. Пантусовъ.

Въ Извѣстіяхъ общ. Археол. Исторіи и Этногр. при Имп. Казанскомъ унив. Т. XVII.

---

[1]) Сообщеніе г. Пантусова въ Протоколахъ Туркест. кружка Люб. Арх. за 1898—1899 № 1 стр. 52.

вып. 4 стр. 222 есть указанія, что „въ горахъ, по направленію къ проходу Югень-Тасу, соединяющему Копальскій и Джаркентскій уѣзды, сохранились, въ видѣ рисунковъ и надписей на камняхъ, слѣды обитавшихъ ранѣе въ этой мѣстности калмыковъ." [Статья Н. Пантусова.]

Въ ущельи Теректы, близъ выселка Джангызъ-Агача, находятся камни съ надписями. Г. Пантусовъ въ 1899 г. видѣлъ эти камни (см. Изв. общ. Арх. Ист. и Этногр. при Казанскомъ Унив. Т. XVII вып. 5—6, стр. 347]; на одномъ изъ нихъ изображенъ козелъ съ огромными рогами.

„Выше на горахъ разсѣяно множество камней - валуновъ, на которыхъ находятся изображенія козловъ, охотниковъ съ луками, богу-мараловъ, собакъ.... Всѣ эти камни—порфировой породы."

На вершинѣ горы Баянъ-Джурукъ къ С.-В. отъ г. Копала, на склонѣ есть высѣченныя грубыя изображенія животныхъ, оленей и сайгъ. Баянъ-Джурукъ по киргизски значитъ „Сердце Баяны." Киргизы приводятъ это названіе въ соотношеніе съ легендою о Баянъ-Сулу и Козу-Керпечъ. [См. Горн. Журналъ, 1853 III, стр. 206.)

Въ ущельяхъ, идущихъ отъ р. Кызылъ-Агачъ, какъ при входѣ, такъ и далеко вверхъ по нимъ, встрѣчаются на скалахъ грубыя изображенія людей, лошадей, мараловъ, козловъ, кулановъ, стрѣлковъ и луковъ (см. Отчетъ Имп. Археол. Ком. за 1890 года). На вершинахъ горъ Байкулакъ, лежащихъ къ В. отъ р. Кызылъ Агачъ, при выходѣ ея на долину, между ущельями Кызылъ-Агачъ и Кепели, встрѣчается также много такихъ камней.

Подобныя изображенія животныхъ находятся за ущельями Кепели и Чанджебомъ къ Ю., въ ущельи Карыпче и на скалахъ ущелья Тамгалы-Тасъ, направо по входѣ въ ущелье, гдѣ находится зимовка Акымбека.

Въ Изв. Имп. Археол. Ком. вып. 12-й за 1904 г. стр. 65 помѣщена Н. Пантусовымъ замѣтка о „древностяхъ Семирѣченской области". Авторъ статьи между прочимъ описываетъ какіе-то камни съ надписями и изображеніями въ долинѣ р. Нарына. Такъ, напр., на трактовой дорогѣ отъ станціи Онъ-Арчинской въ укрѣпленіе Нарынское, вблизи деревяннаго моста черезъ Нарынъ, на камняхъ имѣются изображенія разныхъ животныхъ, преимущественно козловъ, и трудно разбираемыя надписи.

„По лѣвому берегу ниже устья Шаркратминки на многихъ камняхъ имѣются ясныя изображенія козловъ, на одномъ неясное изображеніе, кажется, верблюда и на одномъ надпись, ниже которой высѣчено изображеніе козла.

За укрѣпленіемъ, въ логу, по дорогѣ на православное кладбище, также имѣется нѣсколько камней съ изображеніями животныхъ*.

На лѣвомъ берегу р. Ирдыка, въ одной верстѣ по направленію къ горамъ отъ дунганскаго селенія Маріинскаго, лежащаго въ 6 верстахъ налѣво по дорогѣ отъ г. Пржевальска въ деревню Сливкину (Покровское), у мельницы дунганина Джень-ванъ-нянь (шагахъ въ 30—40 ниже ея по теченію) расположено нѣсколько камней-валуновъ большого и малаго размѣра, съ надписями и изображеніями буддійскихъ божествъ.

На двухъ огромныхъ камняхъ г. Пантусовъ замѣтилъ довольно ясныя тибетскія письмена и изображенія. На другихъ камняхъ тоже есть едва примѣтныя надписи.

Въ маѣ 1900 года г. Пантусовъ посѣтилъ проѣздомъ изъ г. Вѣрнаго въ выс. Охотничій (или Нарынколъ), мѣстность, называемую киргизами Арасанъ.

Арасанъ находится въ Кегеньской волости, Нарынкольско-Чарынскаго участка, Джаркентскаго уѣзда, и лежитъ на правомъ берегу рѣки Кегеня. Мѣстность эта представляетъ горки, которыя стоятъ особнякомъ на про-

*) О подобныхъ изображеніяхъ людей, верблюдовъ, птицъ и т. п. на камняхъ въ долинѣ Нарына упоминается у В. В. Бартольда.

странствѣ верстахъ полуторыхъ и называются Арасанскими. На этихъ горкахъ, пишетъ авторъ статьи, надъ водою, на гладкихъ мѣстахъ скалъ, выбиты надписи (тибетскія и монгольскія), которыя всѣ обращены на югъ. Съ надписями найдено шесть камней.

На первомъ камнѣ повторяется тибетское тарни „*Ом-ма-ни-бад-ма-хумъ*“ девять разъ.

На второмъ камнѣ повторяется три раза по тибетски „*Ом-ма-ни-бэт-ма-хумъ*“, затѣмъ по монгольски слова, которыя въ переводѣ значатъ: *цзомъ-бусыръ*-дорога, *бочочжи-бособэ*-поднялся. Всего четыре монгольскихъ слова.

Третій камень имѣетъ одну тибетскую надпись „*Ом-ма-ни-бэт-ма-хумъ*“.

Четвертый камень имѣетъ подобную же надпись.

На пятомъ камнѣ повторено девять разъ тибетское тарни „*Ом-ма-ни-бэт-ма-хумъ*“.

На шестомъ камнѣ надписи невозможно разобрать, ибо онѣ всѣ побиты.

Окрестные кочевники относятъ происхожденіе этихъ надписей ко временамъ монгольскаго владычества; никакихъ преданій объ этихъ камняхъ съ надписями не имѣется. (См. Изв. общ. Археол. Ист. и этногр. при Казанск. Унив. томъ XVII вып. 2—3. за 1901 г. стр. 134).

По правому берегу рѣки Чу верстахъ въ 13, на С. отъ г. Пишпека Токмакскій уѣздъ и верстахъ въ 4-хъ къ В. отъ кургана Акъ-Тепе, который былъ раскопанъ г. Фетисовымъ, на скалахъ высѣчены грубыя изображенія дикихъ козловъ.

Христіанско-несторіанскіе памятники.

Въ № 44 газеты „Восточное обозрѣніе“ отъ 14 ноября 1885 г. читаемъ нижеслѣдующее письмо д-ра Пояркова: „Въ верстахъ $1\frac{1}{2}$ или около того, на югъ отъ крѣпости*), ближе къ Александровскому хребту, мною найдены въ 3-хъ мѣстахъ камни съ изображеніемъ креста и съ надписью, на языкѣ для меня и для здѣшнихъ туземцевъ неизвѣстномъ“.

Еще раньше появленія произведенной замѣтки было найдено древне-христіанское кладбище близъ гор. Пишпека. Свѣдѣнія объ этомъ кладбищѣ были доставлены Н. Н. Пантусовымъ Императорской Археологической комиссіи.

Въ Запискахъ Вост. Отд. Арх. общ. т. I. вып. 2. читается: „Христіанское кладбище близъ гор. Пишпека въ Чуйской долинѣ.—На землѣ кара-киргизъ Аламединской волости, близъ Пишпека, главнаго города Токмакскаго уѣзда, неподалеку отъ арыка Джелаиръ, найдены во множествѣ разбросанные съ надписями и крестами камни.

Въ засѣданіи Вост. Ком. Имп.Моск.арх. общ. отъ 26 февр. 1888 г. С. Слуцкимъ былъ прочитанъ докладъ о значеніи археологическихъ находокъ, сдѣланныхъ недавно въ Туркестанѣ, въ Семирѣч. обл., близъ гор. Пишпека и Токмака. Въ 1885 г. найдены были тамъ два обширныя христіанскія кладбища, въ каждомъ полагаютъ до 6000 могилъ, какъ нынѣ оказывается, несторіанъ, XIII—XIV в,

Въ отчетѣ Имп. Археологической ком. за 1892 г. стр. 73—75 мы находимъ слѣдующее сообщеніе:

„Любопытные научные результаты, добытые изслѣдованіемъ могильныхъ памятниковъ на христіанско-несторіанскихъ кладбищахъ, близъ Токмака и Пишпека, побудили Археологическую комиссію продолжить изслѣдованіе ихъ.

„Работа эта попрежнему была поручена состоящему при Военномъ Губернаторѣ Семирѣченской области, старшему чиновнику особыхъ порученій Н. Н. Пантусову, который вмѣстѣ съ ученымъ садовникомъ при Пишпекскомъ казенномъ садѣ Л. М.Фетисовымъ въ концѣ сентября мѣс.принялся сначала разыскивать надгробные камни на всей площади Пишпекскаго кладбища. Со всѣхъ камней, на которыхъ оказались надписи, сняты снимки. Такихъ снимковъ сдѣлано на при-Пишпекскомъ кладбищѣ съ 350 камней.

На при-Токмакскомъ кладбищѣ, близъ башни Бураны, найдены были уцѣлѣвшими

*) Заброшенная крѣпость въ 13 верст. на югъ отъ села Большаго Токмака, у предгорья Александровскаго хребта.

лишь пять надгробныхъ камней, съ трехъ изъ которыхъ сдѣланы фотографическіе снимки уже въ городѣ Вѣрномъ, куда камни эти были привезены.

Развалины и слѣды поселеній, относящихся къ эпохѣ заполненія этого кладбища, разсѣяны далеко окрестъ упомянутаго некрополя во всѣ стороны. Во многихъ мѣстахъ попадаются мельничные жернова, много промышленныхъ заведеній и зданій.

Въ Протоколахъ Туркестанскаго кружка люб. археслогіи за 1898 г. № 4 помѣщена интересная статья свящ. А. Ѳ. Корчагина „Историческая судьба несторіанства въ Средней Азіи.“ Авторъ статьи обращаетъ особое вниманіе на несторіанскія кладбища близъ гор. Пишпека и близъ гор. Токмака. На первомъ кладбищѣ, занимающемъ три десятины, было найдено при распашкѣ земли окрестными жителями множество надгробныхъ камней, вѣсомъ каждый около пуда. На этихъ камняхъ виднѣются надписи и кресты. Кромѣ надписей и крестовъ имѣются и другія украшенія, какъ-то: малые крестики якорь и т. п. На всемъ кладбищѣ до появленія статьи свящ. Корчагина насчитано 611 надгробныхъ камней; но много еще камней находятся въ землѣ. Обнаружить ихъ можно только путемъ раскопокъ.

Пишпекское несторіанское кладбище было изслѣдовано въ 1885 г. Н. Н. Пантусовымъ.

Подобное кладбище было открыто близъ г. Токмака. Наконецъ, по сообщенію мѣстныхъ киргизъ, по рѣкѣ Чу, значительно ниже Пишпека, встрѣчаются большіе каменные памятники съ крестами. (См. Таб. V. рис. 2).

Въ каждомъ изъ вышеупомянутыхъ кладбищъ предполагаютъ до 6.000 могилъ. До сего времени удалось разобрать около 217 надписей на сирійскомъ языкѣ [1]). Все, что касается Семирѣченскихъ несторіанскихъ надписей, сгруппировано г. С. С. Слуцкимъ въ его докладѣ, читанномъ въ засѣданіи Вост. Ком. 26-го февраля 1888 года. Датированіе надписей на камняхъ двоякое: Сирійское по селевкидскому лѣтосчисленію (съ 311 г. до Р. Хр.) и тюркское по—тюркскому 12-ти животному циклу, до сихъ поръ извѣстному и употребляемому монголами и киргизами.

Вотъ нѣсколько надписей въ переводѣ, сдѣланномъ въ докладѣ С. Слуцкаго:

№ 30. Въ годъ 1650, это годъ зайца, по—тюркски табышканъ. Это могила Кутлуга, умершаго отъ моровой язвы, вмѣстѣ съ женою.

№ 41. Въ годъ 1640, это годъ свиньи, по—тюркски тонгузъ. Это могила Таги Арслана.... сына Ульгуца архидіакона.

№ 59. Въ годъ 1611, это мышь. Это могила Георгія, священника изъ Альмалига.

Большая часть надписей относится ко времени 1255—1342 г. г. Древнѣйшія несторіанскія могилы вышеупомянутыхъ кладбищъ могутъ быть отнесены къ той эпохѣ, когда въ Семирѣчьи господствовали кара-китаи. Самыя послѣднія совпадаютъ съ временемъ владычества Тимура.

По опредѣленію члена комитета Западно-Сибирск. отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общ. А. Н. Букейханова, въ окрестностяхъ Пишпека, гдѣ были „открыты кладбища несторіанскихъ христіанъ, число найденныхъ здѣсь могильныхъ камней превышаетъ 3.000. Большинство изъ нихъ, кромѣ креста, [1]) имѣетъ и надписи... Многія турецкія собственныя имена указываютъ на то, что покоящіеся здѣсь христіане были, главнымъ образомъ, турецкаго происхожденія. „Самая старѣйшая изъ разобранныхъ надписей относится къ 1249 году. 206 стр. IV. Т. „Исторія человѣчества“ Г. Гельмольтъ.

[1]) Разборъ сирійскихъ надписей принадлежитъ профессорамъ Хвольсону и М. В. Никольскому. Разборъ тюркскихъ надписей—Ѳ. Е. Коршу.

По поводу статьи г. Пантусова „Слѣды христіанства въ надмогильныхъ киргизскихъ памятникахъ по р. Кокшалу въ Кашгаріи“. (См. XXX-й кн. „Записки Западно-Сибирск. отд. Имп. Русск. геогр. общ.)

Древнія укрѣпленія,

развалины, киргизскія святыни, преданія-могилы и пр. памятники Семирѣченской области.

КОПАЛЬСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ „Извѣстіяхъ Имп. Русск. археол. общ. за 1877 г. Т. VIII стр. 62“ Н. А. Абрамовъ даетъ нѣсколько свѣдѣній относительно земляныхъ укрѣпленій, такъ напр.:

1) По сю сторону города Копала еще въ 1857 г. авторъ видѣлъ на рѣкѣ Біени остатки древней „*крѣпости*“, съ гранитными вокругъ столбами.

2) Близъ рѣчки Чингильды, въ полуверстѣ на В. отъ Чингильдинскаго пикета, г. Абрамовъ еще въ 1860 г. видѣлъ древнее земляное *укрѣпленіе*. Киргизы называютъ его курганомъ. Все пространство, заключающееся въ этомъ укрѣпленіи, обведено земляным валомъ, который шириною сажени три и вышиною въ настоящее время больше сажени; возлѣ вала замѣтенъ былъ ровъ. Укрѣпленіе имѣетъ круглую фигуру; поперечникъ внутри до 35 сажень. Съ западной стороны въ укрѣпленіе былъ въѣздъ. Возлѣ укрѣпленія къ сѣверу находится много древнихъ могилъ. Возлѣ же пикета Чингильдинскаго находится колодезь или резервуаръ. Вода въ немъ выбуриваетъ снизу съ пескомъ. Этотъ резервуаръ имѣетъ другое очень глубокое дно. Изъ резервуара до самаго укрѣпленія идутъ подземныя гончарныя трубы, искусно сдѣланныя, такъ что одинъ конецъ трубы вкладывается въ другой и такъ далѣе. Черезъ эти трубы вода изъ колодезя сокровенно подъ землею шла въ сказанное укрѣпленіе. Такой подземный водопроводъ сдѣланъ былъ для того чтобы, въ случаѣ, если непріятель осадитъ укрѣпленіе и отведетъ воду изъ рѣчки Чингильды, при которой оно находится, то жители будутъ имѣть воду изъ колодезя, посредствомъ водопровода. Изъ этого видно, что древніе, обитавшіе въ Илійскомъ краѣ народы не чужды были познанія гидравлики.“

Ровъ Тамерлана. Въ Туркест. Вѣд. за 1899 г. № 88 напечатана статья, перепечатанная въ „Протоколахъ Туркест. кружка люб. археол. за 1899 г. № 3, подъ заглавіемъ„ Ровъ Тамерлана.“ Этотъ ровъ, знаменитый по необычайной своей длинѣ, проходитъ въ шести верстахъ отъ Алтынъ-Эмельской станицы по почтовому тракту отъ Ко-

пала къ Вѣрному. По разсказамъ туземцевъ ровъ Тамерлана, мѣстами уже заваленный землей, будто бы тянется отъ озера Балхаша до рѣки Или, южнѣе, видимо, Алтынъ-Эмельской ст. Объ этомъ рвѣ памятнаго до сихъ поръ грознаго завоевателя Средней Азіи-Тамерлана,сохранилось среди мѣстныхъ киргизъ преданіе. Здѣсь я приведу вышеупомянутое преданіе, записанное Д. Джетбысбаевымъ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно было напечатано въ газетѣ.

„У Тамерлана въ началѣ былъ только одинъ сынъ, котораго онъ постоянно сажалъ на коня и заставлялъ ѣздить одного, безъ нукеровъ. Тамерланъ дѣлалъ это, говорятъ, для того, чтобы пріучить сына, своего наслѣдника, съ малолѣтства къ ловкости и выносливости въ ѣздѣ верхомъ на лошади. Однажды мальчикъ сѣлъ на любимаго коня и отправилея въ степь; онъ отъѣхалъ такъ далеко отъ орды въ степь, что попалъ въ табунъ кулановъ, которые увлекли за собою его коня. Конь понесся вмѣстѣ съ ними въ безлюдныя мѣста необозримой степи, гдѣ лошади такъ растрепали 6-ти лѣтняго мальчика, что отъ него осталась только одна нецѣльная ножка въ туго натянутомъ правомъ стремени. Черезъ недѣлю послѣ исчезновенія сына, Тамерланъ собралъ воиновъ, служившихъ въ рядахъ его безчисленной арміи, и дѣвицъ однихъ съ ними лѣтъ.

„Поставивъ ихъ, по одному воину и одной дѣвицѣ, рядомъ въ одну шеренгу отъ Балхаша до Или, и давъ имъ мужчинамъ—кетмени, а женщинамъ лопаты, онъ приказалъ рыть глубокій ровъ, обѣщая, по успѣшномъ исполненіи его приказанія, соединить ихъ навсегда между собою бракомъ. Когда гигантскій ровъ былъ вырытъ, онъ повелѣлъ войскамъ сѣсть на коней и согнать всѣхъ кулановъ изъ окрестностей въ этотъ ровъ, дабы найти такимъ способомъ хоть какую-нибудь частицу тѣла своего возлюбленнаго сына. Сказано-сдѣлано: войска съ точностью исполнили желаніе своего повелителя—согнали кулановъ въ ровъ со всѣхъ окрестностей. Говорятъ, спасся только одинъ и то хромой куланъ, а остальные всѣ погибли во рву... Съ ними вмѣстѣ погибъ и тотъ конь, на которомъ былъ сынъ Тамерлана. На немъ будто бы нашли часть ноги мальчика, висѣвшую въ правомъ стремени сѣдла. Только найдя ее, успокоился повелитель Средней Азіи“.

Могила Чохана Валиханова. Могила Чохана Валиханова, какъ видно изъ описанія г.Пантусова,*) находится верстахъ въ 5-ти отъ станціи Куянъ-Кузской, влѣво отъ почтовой дороги, (если ѣхать со станціи Куянъ-Кузъ на станцію Алтынъ-Эмель), и видна съ дороги.

„Могила Чохана находится среди множества другихъ султанскихъ могилъ и совершенно разрушается, не будучи никогда ремонтирована (авторъ статьи писалъ въ 1898 г.). Памятникъ надъ могилой Чохана состоитъ изъ 4-хъ столбовъ, сдѣланныхъ изъ жженаго кирпича, на которыхъ возвышался куполъ; теперь купола нѣтъ и признаковъ, онъ разрушился и свалился. Длина сооруженія этого $7^1/_2$ арш., ширина 6 арш., высота 4 аршина.

„Надъ могилой Чокана положена на квадратной возвышенности плита бѣлаго мрамора, на которой надпись: „Здѣсь покоится прахъ штабсъ-ротмистра Чохана Чингисовича Валиханова, скончавшагося въ 1865 г. По желанію Туркестанскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го, во вниманіе ученыхъ заслугъ Валиханова, положенъ сей памятникъ генералъ-лейтенантомъ Колпаковскимъ въ 1881 г.“ Рядомъ съ сею надписью имѣется переводъ ея по-киргизски...

„Рядомъ съ памятникомъ Чокана находится большой пирамидальный памятникъ умершаго султана маіора Иралы Адилева. Есть еще памятники надъ могилами Ходжа-Ахмеда Иралина, Момодаира Иралина, Касыма Иралина...

*) См. Прилож. къ Протоколу Турк. кр. 1898/9 г. Стр. 50—52.

„Особо за оградой,окружающей памятникъ Чокана и всѣхъ вышеназванныхъ лицъ, стоитъ памятникъ Абиша Иралина, обнесенный высокой четыреугольной оградой. Тутъ похоронены также Мухаммадъ-Яръ Абишевъ, Сыргабай Джармухаммадовъ, Бектемисъ Киргызбаевъ (послѣдніе двое—тюлегуты) султанъ Аббасъ Муртазинъ, Джунусъ Абдумуминовъ, Джабинъ-ханъ Ходжа Ахмедовъ...„

Могила Танеке. На срединѣ почтовой дороги между станціями Копальской и Арасанской находится группа могилъ, обнесенная высокой стѣной, среди которой выдѣляется мавзолей извѣстнаго батыря Танеке Дюсетова.

Могила Танеке, какъ видно изъ описанія г. Пантусова, посѣтившаго ее въ 1898 г., ничѣмъ особеннымъ не привлекла бы вниманія археолога*), если бы она не пользовалась бы большимъ почетомъ у киргизъ. На могилу святого собираются неплодныя женщины (здѣсь онѣ и ночуютъ, принося жертвы баранами)**. Вокругъ мавзолея Танеке расположены могилы многихъ изъ его родственниковъ. (См. сообщ. г. Пантусова въ Проток. Туркест. кружка за 1898—1899 г. стр. 48).

Памятникъ Келинчекъ-Тасъ. Описаніе памятника Келинчекъ-Тасъ мы находимъ въ „Протоколахъ Туркестанскаго кружка люб. арх. за 1898—1899 г. № 1 стр. 14—15; свѣдѣнія доставлены членомъ кружка г. Пантусовымъ.

Келинчекъ-Тасъ находится въ горахъ выше казачьяго выселка Кара-Булакскаго, лежащаго на почтовой дорогѣ изъ города Вѣрнаго въ городъ Копалъ. Отъ Кара-Булакскаго выселка камень-памятникъ этотъ находится верстахъ въ 25—26, по прямой дорогѣ вверхъ по рѣкѣ Кара-Талу, у выхода изъ горъ рѣки Кара, верстахъ въ 4-хъ выше отъ сліянія рѣчекъ Кара, Текели и Чажа.

*) Танеке Дюсетовъ умеръ въ 1884 г.—77 лѣтъ отъ роду.

**) У Танеке было 12 женъ (примѣч. г. Пантусова).

Камень-памятникъ имѣетъ видъ пирамиды, высотой около 5 аршинъ, на одномъ изъ камней, обращенномъ къ рѣкѣ, виднѣется изображеніе бурхана (келинчекъ) съ башней и дракономъ. На верху памятника имѣется горизонтальная надпись, сдѣланная, какъ говорятъ, г. Мункомъ въ 1897 г., когда онъ посѣтилъ этотъ памятникъ.

Келинчекъ-Тасъ хорошо сохранился,хотя около памятника замѣтны подкопы.

По мнѣнію г. Пантусова, этотъ памятникъ монгольскаго происхожденія.

ТОКМАКСКІЙ УѢЗДЪ.

Развалины крѣпости. Въ № 44 газеты „Восточное обозрѣніе“ отъ 14 ноября 1885 г. напечатана статья д—ра Пояркова *) слѣдующаго содержанія: „Въ 14 верст. на югъ отъ села Большого Токмака, у предгорья Александровскаго хребта, есть старая заброшенная крѣпость, въ срединѣ ея, высокая башня изъ прекраснаго жженаго кирпича. **) Башня эта теперь частію отъ времени разрушена, а частію разобрана окрестными жителями на постройку печей и пр. Въ крѣпости сохранились слѣды построекъ, которыя входятъ въ землю. Частію и эти постройки разобраны и разрушены киргизами и русскими. Кто построилъ эту крѣпость и башню, сторожилы не знаютъ...“

Башня Бураны. Описаніе башни Бураны, подробно обслѣдованной въ 1886 году, инспекторомъ народныхъ училищъ Семирѣченской обл. г. Городецкимъ, находится въ трудахъ В. М. Флоринскаго „Первобытные славяне т. I стр. 295.“

„Башня находится въ восьми верстахъ къ юго-западу отъ города Токмака (въ Семир.

*) Перепечатана въ Записк. Вост. отд. Арх. общ. Т. I „О памятникахъ старины въ Семирѣч. обл.“

**) Знаменитая башня Бурана, развалины Акъ-Пишинъ и несторіанское кладб. описаны В. Бартольдомъ въ „Отчетѣ о поѣздкѣ въ Средн. Азію въ 1893—94 г.г. стр. 26—27.

обл.) Она помѣщается внутри четыреугольника, образуемаго рѣкою и валами значительныхъ размѣровъ, но не въ срединѣ его, а ближе къ углу, образуемому восточной и южной его сторонами и прилегающему къ рѣкѣ Буранѣ. Ближайшая къ башнѣ сторона вала (южная) открыта, но не на всемъ протяженіи. Сѣверо-восточная часть четыреугольника прилегаетъ къ упомянутой рѣкѣ, которая подмываетъ эту сторону и обнаруживаетъ кирпичи бывшихъ здѣсь построекъ и черепки глиняной посуды. Въ одномъ мѣстѣ этой стороны найдены были двѣ глиняныя водопроводныя трубы. Площадь четыреугольника имѣетъ $^3/_4$ кв. версты и заключаетъ въ себѣ пять кургановъ, изъ которыхъ два можно назвать громадными, остальные меньшей, но тоже значительной высоты и объема. Кромѣ того, около башни, со стороны, обращенной къ Токмаку, находятся развалины бывшаго строенія съ массой обожженаго кирпича.

„Высота башни, по измѣренію, произведенному однимъ изъ мѣстныхъ топографовъ, 12 саженей, но на глазомѣръ она кажется выше (около 15 саж.) Надо полагать, что первоначальная высота башни была больше, судя потому, что стѣны на вершинѣ ея носятъ слѣды разрушенія (покрыты обломками кирпича...) Башня состоитъ изъ двухъ частей: основанія, имѣющаго форму правильной восьмиугольной призмы, и утвержденнаго на немъ круглаго столпа, кверху понемногу съуживающагося. Длина вертикальныхъ граней основанія 5 арш. и горизонтальныхъ 5 арш. 10 верш.; но изъ этихъ послѣднихъ такую длину въ настоящее время имѣютъ только двѣ грани, сохранившіяся въ цѣломъ видѣ, остальныя-же вверху обсыпались, а внизу обломаны. Должно замѣтить, что ни одна сторона нижней части осьмиугольника нынѣ не находится въ цѣломъ видѣ. Судя по длинѣ цѣлыхъ граней, первоначальная окружность башни равнялась 45 арш. Теперь же, по произведенному измѣренію, окружность основанія башни равняется 30 аршинамъ Снизу до $^2/_3$ высоты осьмиугольника кирпичи выломаны крестьянами для печей и другихъ надобностей. Въ восьмиугольникѣ, начиная почти съ самаго основанія и до полуторыхъ аршинъ въ высоту, имѣется 10 отверстій, въ родѣ небольшихъ продушинъ (печурокъ),продолжающихся до самаго центра, но не сквозныхъ и не противолежащихъ. Въ каждой сторонѣ верхней части восьмиугольника имѣется по одному углубленію или нишкѣ“.

„Какъ осьмиугольное основаніе, такъ и круглый башенный столпъ сложены изъ обожженаго кирпича, на цементѣ, такимъ образомъ, что, кромѣ узкаго пространства для винтовой лѣстницы, въ постройкѣ не остается другаго открытаго помѣщенія. Слѣдовательно, это сооруженіе соотвѣтствуетъ не башнѣ въ нынѣшнемъ смыслѣ, а компактной колоннѣ или столпу. Кладка кирпичей обыкновенная, по широкой плоскости кирпичей, съ прикрытіемъ или перевязкою рядовъ; но съ наружной стороны столпа, для красоты, изъ кирпичей выкладывались черезъ каждые три аршина чередующіеся узорчатые ярусы. Они отличаются тѣмъ, что горизонтальные ряды симметрично испещрялись выдающимися ребрами вертикально поставленныхъ кирпичей, образующихъ съ первыми поперемѣнно то прямую, то обратную форму буквы ⊤ ⊥. Вслѣдствіе такого рода кладки, наружная сторона башни представляетъ 12 чередующихся, гладкихъ и узорчатыхъ поясковъ, каждый шириною приблизительно въ три аршина. Эти пояса помогаютъ опредѣлить высоту башни на глазъ.

„Въ стѣнахъ башни находятся такія же четыреугольныя отверстія или гнѣзда, какъ и въ осьмиугольномъ основаніи. Ближе къ послѣднему ихъ насчитывается 14, а въ верхней части 15. Круглый башенный столпъ заканчивается площадкой, образуемой толщиною самой стѣны (т. е. всего компактнаго столпа). На немъ нѣтъ ни слѣдовъ крыши, ни вообще того, чѣмъ заканчивалась башня. Съ сѣверо-восточной стороны часть вершины его обвалилась вслѣдствіе образовавшейся трещины (около 10 арш. длиной) и попадающей туда воды, которая, замерзая зимою, расшатываетъ кирпичи.

„Входъ въ башню съ западной стороны, на значительной высотѣ отъ земли (5 арш.), непосредственно надъ осьмиугольнымъ основаніемъ. Онъ имѣетъ видъ узкой двери, около 2 арш. въ вышину и одного аршина въ ширину. Лѣстницы нѣтъ, и не видно, чтобы она существовала при постройкѣ. Теперь можно войти въ башню только по приставной лѣстницѣ, которую нужно везти съ собой изъ Токмака. Отъ входа начинается внутренняя винтовая лѣстница, т. е. то свободное пространство въ столпѣ, которое оставлялось при кладкѣ съ выложенными при этомъ ступеньками, для восхожденія на его вершину.

„На пространствѣ всей лѣстницы имѣются только двѣ небольшія площадки: одна нижняя, у самаго входа, другая—тремя ступеньками выше. Длина послѣдней—17½ вершковъ, а ширина, какъ и всей лѣстницы—14½ верш. Начинаясь съ западной стороны, лѣстница направляется винтообразной дугой на южную, восточную и выходитъ на вершинѣ башни съ сѣверо-восточной стороны. Противъ двадцать первой ступеньки, на юго-восточной сторонѣ, для освѣщенія лѣстницы оставлено въ стѣнѣ небольшое четыреугольное сквозное отверстіе (окно). Въ наружное отверстіе его едва помѣщается голова взрослаго человѣка, а къ внутренней сторонѣ откосы окна такъ расширяются, что въ просвѣтѣ можно помѣстить не только голову, но и плечи. Подоконникъ не горизонтальный, а срѣзанъ внизъ, сложенъ изъ кирпича и доской не покрытъ. На лѣвомъ простѣнкѣ его (откосѣ) находятся вырѣзанныя вглубь пять надписей, повидимому, арабскими письменами. Одна изъ нихъ только нацарапана. Ступени лѣстницы сдѣланы изъ того же кирпича, какъ и весь массивъ башни, т. е. онѣ представляютъ собою не что иное, какъ самую стѣну, выложенную въ формѣ ступенекъ въ той части сплошной кладки, гдѣ оставлялись внутри столпа свободное пространство для прохода (въ ширину около 14 верш. и въ вышину въ средній человѣческій ростъ). Каждая ступенька покрыта деревянною доской, края которой вдѣланы въ стѣну башни на глубину около 9 вершковъ, какъ это видно по одному оставшемуся свободнымъ отверстію. Толщина доски 1 верш. но теперь такая толщина осталась на концахъ, на остальномъ-же пространствѣ доски частію стерты ногами, частію сгнили отъ времени. Полныхъ ступенекъ въ настоящее время насчитывается 33, и еще имѣются выше ихъ слѣды двухъ,—куски оставшихся въ стѣнахъ досокъ. Самая верхняя часть лѣстницы обрушилась вмѣстѣ съ частію верхней стѣны. Высота ступенекъ не всегда одинакова, отъ 6 до 7 вершковъ вмѣстѣ съ доской.“

Памятникъ въ видѣ обелиска. Въ 1897 году Ѳ. В. Поярковъ изслѣдовалъ небольшое пространство подъ каменнымъ памятникомъ въ видѣ обелиска (такихъ памятниковъ очень много въ Семир. обл.), расположеннаго на ровномъ мѣстѣ, въ ½ верстѣ на С. отъ группы кургановъ, находящейся въ 10 вер. на Ю. отъ села Лебединки, Токмакскаго уѣзда. Углубляясь подъ этимъ памятникомъ, г. Поярковъ нашелъ на гулбинѣ 0,70 м. въ слоѣ мелкой гальки желѣзный кинжалъ, на половину обломанный; раскопки были продолжены до 3 метровъ, но не сопровождались никакими находками. (См. Отчетъ Имп. Археол. Ком. за 1897 г.).

ПРЖЕВАЛЬСКІЙ УѢЗДЪ.

Мусульманская святыня Чешь-Тюбе. При сліяніи рр. Каракаюна и Атбаши находятся двѣ отдѣльно стоящія сопки-Чешь-Тюбе. (См. Изв. Имп. Арх. ком. вып. 12. за 1904 г. стр. 66. Н. Пантусова).

„Чешь-Тюбе*) ничѣмъ особеннымъ не примѣчательна, кромѣ мазара-могилы какого-то святого дуваны, похороненнаго на самой ея вершинѣ (по разсказамъ, мѣстныхъ жителей) лѣтъ 18 тому назадъ (т. е. въ 1886 г.). Кромѣ могилы, украшенной конскими хвостами, здѣсь имѣется мечеть, у которой свалено много роговъ. Могила эта служитъ мѣ-

*) Чешь-Тюбинской волости, Пржевальскаго уѣзда

стомъ поклоненія окрестныхъ киргизъ и особенно Атбашинскихъ сартовъ, которые съѣзжаются сюда по пятницамъ, совершаютъ моленія и колютъ барановъ."

Въ видѣ примѣчанія г. Пантусовъ прибавляетъ:

„Названіе Чешь-Тюбе происходитъ отъ испорченнаго персидскаго слова „шешъ" или шашъ-шесть и „тюбе"—холмъ и значитъ: „холмъ шести" (святыхъ). Эти шесть святыхъ суть: Аламушукъ, Кочкаръ-ата, Ишанъ-ата (похороненъ у Уйтала), Чулпанъ-ата, и Менджилъ-ата (похороненъ на Тонѣ) [1]) Эти святые, по разсказамъ каракиргизъ, приходили каждую пятницу на описываемый холмъ и тамъ молились ночью; во время ихъ пребыванія на холмѣ всегда горѣлъ огонь. Киргизы, сарты и дунгана разсказываютъ, что на Чешь-Тюбе раздаются иногда выстрѣлы въ родѣ пушечныхъ, и виднѣется по временамъ огонь. Въ послѣднее время, года три, выстрѣловъ не слыхать, но огонь появляется изрѣдка (раза 2—3 въ годъ) и теперь; прежде, въ недалекомъ еще прошломъ, огонь горѣлъ на Чешь-Тюбе каждую пятницу по ночамъ. Отчего это происходитъ-объяснить не могутъ. Толкуютъ, что это объясняется пребываніемъ здѣсь какого-нибудь святого, который даетъ знать о своемъ здѣсь нахожденіи. По-каракиргизски „чешь" значитъ куча обмолоченнаго хлѣба. Можно полагать, что Чешь-тюбе названа такъ по замѣченному киргизами сходству".

Ташъ-Рабатъ. Описаніе развалинъ Ташъ-Рабатъ подробно изложено Н. Н. Пантусовымъ въ Извѣстіяхъ Имп. археологической Комиссіи. вып. IV за 1902 г. *]

„Развалины древняго зданія Ташъ-Рабатъ, говоритъ г. Пантусовъ, находятся на территоріи Чешь-Тюбинской вол. Атбашинскаго участка Пржевальскаго уѣзда, вдалекѣ отъ русско-китайской границы, въ горномъ ущельѣ того же имени, на караванномъ пути, идущемъ отъ китайскаго города Кашгара чрезъ Туругартъ и Чатыркуль въ предѣлы Россіи къ укрѣпленію Нарынскому, въ 93 верстахъ отъ послѣдняго; онѣ лежатъ подъ 42° 52′ сѣв. шир. и 45° 2′ долг. на высотѣ 10.400 футовъ надъ уровнемъ моря. Громадное зданіе Ташъ-Рабатъ основано въ полугорѣ, на горизонтально вынутой въ квадратѣ 32 м. плоскости, которая по мѣрѣ возвышенія отлогости отъ передняго фасада зданія къ заднему углублена на 3 м., т. е. во всю высоту задняго фасада, вслѣдствіе чего боковые фасады на половину въ діагональ отъ нижняго угла передняго фасада до верхняго угла задняго видны на поверхности земли, а вся западная половина зданія также діагонально находится въ землѣ (см. общій видъ зданія на таб. 10. Изв. Имп. Археол. Комиссіи).

„Все зданіе основано на естественномъ грунтѣ, на довольно широкомъ фундаментѣ. Матеріалъ постройки состоитъ изъ неотдѣланныхъ плитъ горныхъ синихъ и красныхъ сланцевъ, съ кладкою въ увязъ на грубомъ цементѣ...

„... Внѣшній фасадъ зданія представляетъ какъ бы видъ обыкновеннаго азіатскаго мазара, сложеннаго изъ плитнаго камня, грубой работы, безъ всякой штукатурки, гдѣ передній фасадъ состоитъ изъ входной съ восточной стороны арки, съ круглыми колоннами по двумъ угламъ загороди, почему до входа въ зданіе и предполагать нельзя, что это лабиринтъ, состоящій болѣе, чѣмъ изъ 40 покоевъ.

„Единственнымъ входомъ въ зданіе служитъ двойная сводчатая арка съ выступомъ какъ въ высоту, такъ и по основанію линіи фасада; сводъ выступа этой арки теперь разрушенъ. По входѣ въ арку длинный коридоръ по прямому направленію ведетъ въ арковидныя двери храма, имѣя направо двѣ и налѣво три двери, ведущія въ коридоры келій и другія комнаты; сводчатый потолокъ этого коридора теперь разрушенъ...

[1]) Авторъ замѣтки не даетъ имени шестого святого. І. К.

*) См. также «Тэшрабатское ущелье» изъ Путевыхъ Зап. Н. Зеланда. Омскъ 1883 г. въ Кашгаріи и перевалахъ Тянь-Шаня. Стр. 22—27 съ рисунк.

„... Ущелье, перевалъ и рѣчка, называются Ташъ-Рабатъ, а горы, кромѣ этого названія, именуются Кара-Коюнъ. Мѣстные киргизы называютъ это зданіе *Ташъ-Уй* (каменный домъ).

Опредѣлить, къ какому времени относится эта постройка, по мнѣнію г. Пантусова, возможности не представляется, хотя и есть легенды у кочевниковъ киргизовъ и атбашинскихъ сартовъ. Образованные мѣстные каракиргизы говорятъ, что оно построено или Абдуллой-Ханомъ, эмиромъ Бухарскимъ, или же Эмиръ-Тимуромъ. Они говорятъ, что Абдулла-Ханъ построилъ за свое царствованіе 1001 рабатъ [1]), въ томъ числѣ и существующій Ташъ-Рабатъ.

„Что-же касается легендъ, то одна изъ нихъ говоритъ слѣдующее: Назадъ тому много лѣтъ, когда каракиргизы были еще не правовѣрными, а поклонялись огню, поливая его саломъ и совершая поклоненіе передъ свѣтильниками, пришелъ въ этотъ край изъ Рима, племени арабовъ, умный человѣкъ, съ людьми, ему по религіи подчиненными и всѣ они исповѣдывали не ту религію, какая была у каракиргизовъ. Какъ могучій батырь, онъ вмѣстѣ со своими подданными и приступилъ къ постройкѣ необыкновеннаго зданія, которое и было построено въ короткое время; поселившись въ немъ, они стали учить народъ, жившій въ этой мѣстности и давать пріютъ нуждающимся; по прошествіи долгаго времени главный настоятель куда то исчезъ, а остальные люди взяты въ плѣнъ и уведены народомъ, надвигавшимся въ то время съ запада на востокъ.

„Другая легенда говоритъ, что пришелъ изъ Рима святой человѣкъ съ сыномъ, оба богатыри. Молодой и красивый сынъ полюбилъ красавицу иновѣрку и задумалъ на ней жениться; но красавица потребовала чтобы онъ прежде женитьбы для ихъ будущаго житья построилъ замокъ. Сынъ упросилъ отца помочь ему въ постройкѣ; хотя онъ и получилъ согласіе отца, но съ тѣмъ условіемъ, что когда будутъ производиться работы, онъ не долженъ смотрѣть никуда на стороны вдаль. Сынъ не исполнилъ этого запрета, почему и исчезъ куда-то безъ слѣда. По этой причинѣ, будто-бы, куполъ этого зданія и остался недоконченнымъ.

„Легенда эта опровергается, однако, тѣмъ, что, судя по всѣмъ признакамъ, зданіе это существовало въ совершенно оконченномъ видѣ долгое время.

„Правдоподобнѣе, что это зданіе было монастыремъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ подавалъ помощь и пріютъ проѣзжимъ.

„Первая легенда, повидимому, говоритъ о пришлецахъ несторіанахъ, которые въ Ташъ-Рабатѣ основали монастырь.

„За монастырь призналъ эту мѣстность и урмійскій протоіерей Мишакъ Абрамовъ, который въ августѣ 1901 г. посѣтилъ Ташъ-Рабатъ и нашелъ здѣсь надгробный камень съ сирійскою надписью.“

Въ „Степной газетѣ“ (издающейся въ Омскѣ) за 1894 г. помѣщена статья А. Войцеховича о „Ташъ-Рабатѣ“. Здѣсь я приведу двѣ легенды, которыя по словамъ автора заслуживаютъ особаго вниманія. „Давно, очень давно, жилъ нѣкій ханъ, у котораго было два сына. Сыновей своихъ ханъ одинаково любилъ и признавалъ умными и способными унаслѣдовать управленіе ханствомъ, но такъ какъ ему не хотѣлось раздѣлять свое государство на двѣ части, и онъ не зналъ, которому изъ сыновей отдать предпочтеніе, то рѣшилъ испытать ихъ, для чего, призвавъ ихъ разъ къ себѣ, объявилъ имъ слѣдующее: „Дѣти мои! я васъ люблю равно и нахожу достойными управлять ханствомъ, но я не хочу раздѣлять свое государство, а потому вотъ вамъ мое рѣшеніе: Идите въ разныя стороны, поселитесь между моимъ народомъ и рѣшите, что нужно для благоденствія и счастья моихъ подданныхъ“. Сыновья разъѣхались. Прошло достаточно времени. Стар-

1) Рабатъ на тюркскомъ языкѣ значитъ Караванъ-Сарай, каменный, особой постройки, расположенный въ отдаленіи отъ населенности, но на большомъ пути.

шій, придя къ мысли, что могущество государства заключается въ вооруженной силѣ, началъ строить крѣпости на границахъ ханства. Одну построилъ недалеко отъ г. Ош, а другую описываемый Ташъ-Рабатъ. Младшій поступилъ совершенно иначе. Онъ находилъ, что того же самаго можно гораздо лучше достичь развитіемъ земледѣлія, торговли и промышленности, улучшеніемъ быта своихъ подданныхъ и распространеніемъ грамотности среди ихъ. Своими дѣйствіями онъ заслужилъ полную любовь своего народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и унаслѣдовалъ ханскій престолъ."

Другая легенда гласитъ слѣдующее: „Жили нѣкогда въ этой мѣстности батыри, жили они такъ, что прогнѣвали Господа Бога, который рѣшилъ ихъ истребить,ославъ въ ихъ страну страшное наводненіе. Погибли всѣ, за исключеніемъ только двухъ благочестивыхъ, отца и сына. Въ благодарность за это отецъ рѣшилъ построить въ пустынѣ, неподалеку отъ горъ, большое зданіе, которое могло бы долго противустоять разрушительному вліянію времени и такимъ образомъ напоминать потомкамъ о Божьей милости. Для исполненія задуманнаго этотъ батырь со своимъ сыномъ отправился къ близъ—лежащимъ горамъ, велѣлъ сыну взойти на нихъ и оттуда бросать внизъ камни, изъ которыхъ онъ, отецъ, будетъ складывать домъ, предупредивъ его, чтобы онъ во время работы отнюдь не оглядывался назадъ, что бы не слышалъ. Сынъ началъ бросать камни и вдругъ слышитъ, что кто-то сзади поетъ такимъ чуднымъ, нѣжнымъ, полнымъ чарующей любви голосомъ. Страшно его мучило искушеніе обернуться, но онъ все крѣпился. Голосъ все ближе и ближе, искушеніе все больше и больше; наконецъ онъ не выдержалъ—обернулся.

„Недалеко отъ него, въ лучахъ заходящаго солнце, вся окутанная золотистымъ сіяніемъ, стояла чудной красоты дѣвушка. Батырь отвернулся и продолжалъ кидать камни, но тутъ онъ замѣтилъ, что силы начали оставлять его, и ужъ онъ не могъ кидать такихъ большихъ камней. А дѣвушка все поетъ, все приближается къ нему. Батырь обернулся второй разъ, силы еще уменьшились и онъ могъ только кидать самые маленькіе камни. Внизу отецъ, видя, что камни, которые кидаетъ его сынъ, становятся все меньше и легче, понялъ, что сынъ не выдержалъ искушенія; тогда отецъ сталъ молиться, чтобы Богъ спасъ его сына отъ искушенія, но молитва его не была услышана. Сынъ обернулся въ третій разъ и чудная дѣва увлекла его въ своихъ объятіяхъ. Такъ зданіе и осталось недостроеннымъ."

Развалины крѣпости Кошой-Курганъ. Развалины грандіозной крѣпости „Кошой-Курганъ" описаны г. Пантусовымъ въ Изв. Имп. Археол. Ком. вып. 12-й за 1904 г. стр. 69. Развалины лежатъ верст. въ 12 на зап. отъ селенія Атбаши. Изъ словъ автора видно, что „крѣпость эта, судя по болѣе сохранившемуся ея Ю.-З. фасу, имѣла стѣны, частію сложенныя изъ сырцоваго кирпича, частію глинобитныя, высотою болѣе 10 и шириною до 8½ аршинъ. Крѣпость имѣетъ квадратную форму (по каждому фасу болѣе 120 саженъ); глубокій ровъ окружалъ неприступныя стѣны.

„Исторія этой крѣпости,по словамъ киргизъ слѣдующая. Жившія въ Атбашинской долинѣ тюркскія племена лѣтъ 600 тому назадъ бѣжали въ Бухару и даже Индію, гонимыя нашествіемъ калмацкаго (по словамъ киргизъ) хана Аляку, хотѣвшаго завоевать весь свѣтъ. [1])

„Послѣ нашествія Аляку, закончившагося по словамъ киргизъ, завоеваніемъ всего Туркестана и части западной Сибири, калмыки осѣли въ завоеванныхъ мѣстахъ. Спустя нѣкоторое время нѣкій калмацкій-же ханъ Кайсаръ и построилъ Кошой-Курганъ. Послѣ смерти, Кайсаръ былъ похороненъ вблизи построенной имъ крѣпости. Вѣроятіе этому преданію можетъ быть дано потому, что на

[1]) Аляку, по словамъ киргизъ, жилъ послѣ Чингиза и раньше Темиръ-Хана.

Зап. отъ Кошой-Кургана замѣтно большое кладбище, устроенное между древними могильными курганами и на нихъ самихъ.

„Около 500 лѣтъ тому назадъ бухарскій ханъ Абдылла предпринялъ походъ противъ калмыковъ и выгналъ ихъ изъ завоеванныхъ при Аляку земель Туркестана. Желая увѣковѣчить свое имя, Абдылла по всему пути своихъ завоеваній построилъ, по преданію 1001 рабатъ. Изъ рабатовъ, построенныхъ Абдыллой, киргизы называютъ: Ташъ-Такыръ-рабатъ въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ, башни-Бурана въ Узгенѣ и Токмакѣ, Ташъ-Рабатъ въ Атбашинскомъ участкѣ и Кокъ-Рабатъ въ Кашгарской провинціи. Всѣ рабаты построены войсками Абдыллы, которыя для этой цѣли брали съ собою, по его приказанію, кирпичи и воду.

„Когда Абдылла, завоевавъ у калмыковъ Туркестанъ, вернулся въ Бухару, киргизы вернулись въ Атбашинскую долину съ ханомъ Урманомъ во главѣ, спустя около 100 лѣтъ, т. е. 400 лѣтъ тому назадъ, при чемъ застали Кошой-Курганъ покинутымъ бывшими его хозяевами—калмыками.

„Крѣпостью этой воспользовался батырь Кошой, который былъ на службѣ у Ауліеатинскаго хана Манаса и управлялъ киргизами отъ Ташъ-Рабата до р. Текеса. Имѣя дѣло съ сосѣдями калмыками по ту сторону Тянь-Шаньскаго хребта, Кошой выставилъ передовой караульный постъ около Ташъ-Рабата.

„Крѣпость (Кошой-Курганъ) была взята Копальскими военачальниками Джолоемъ и Конурбаемъ при помощи жены Кошоя, которая извѣстила ихъ запиской о неимѣніи у Кошоя средствъ для защиты. Записку она заключила въ камышинку и спустила изъ крѣпости по проведенному сквозь нее арыку.[1])“

Киргизскія надгробныя сооруженія. Въ трудахъ Н. Зеланда (см. Кашгарія и перевалы Тянь-Шаня, Омскъ 1888 г.) встрѣчается маленькая замѣтка о киргизскихъ надгробныхъ памятникахъ въ окрестностяхъ Нарына. „Вообще вездѣ, гдѣ есть киргизы, нерѣдко встрѣчаются ихъ мѣста погребенія, окруженныя грубой работы глиняными стѣнами съ башенками по угламъ. Иногда эти кладбища прямо имѣютъ видъ некрополей, что и встрѣчалось и здѣсь: вы видите куполы съ открытыми входами, балкончики, разные выступы, терраски и пристроечки, — словомъ приспособленія, какъ бы для живыхъ людей, на самомъ дѣлѣ это—царство покойниковъ, возвышающееся среди безмолвной пустыни. Архитектурныя издѣлія эти, конечно, очень грубой работы, все изъ глины“.

1) Большая часть содержанія этого преданія—есть пародія преданія Ахыръ-Таша въ Сыръ-Дарьинск. обл. І. К.

ДЖАРКЕНТСКІЙ УѢЗДЪ.

Могила Акъ-Тамъ. Могила Акъ-Тамъ*)находится ниже почтовой дороги, проходящей изъ г. Джаркента на р. Хоргосъ, въ пескахъ, которые тянутся обширной полосой по правому берегу р. Или. По словамъ автора статьи „эта могила лежитъ почти на половинѣ сороковерстнаго пути отъ Каракульдека (слияніе р. Хоргоса съ р. Или) къ уѣздному городу Джаркенту. Вся окрестная мѣстность на далекое пространство покрыта барханами песковъ съ тощей растительностью и камышами и никакихъ осѣдлыхъ пунктовъ не имѣетъ. Проходящія по пескамъ дороги служатъ для сношенія лежащихъ по р. Хоргосу и далѣе къ Кальджату русскихъ пограничныхъ постовъ съ г. Джаркентомъ. Въ прежнее время, при владычествѣ китайцевъ, дорога къ могилѣ Акъ-Тамъ **) была трактовой, караванной дорогой: по ней ходили караваны и обозы съ солью, добываемою изъ лежащаго здѣсь соленаго озера.

1-го іюня 1900 года г. Пантусовъ, проѣзжая по этимъ мѣстамъ, съ Каракульдека въ Джаркентъ, осмотрѣлъ могилу Акъ-Тама и вотъ что онъ пишетъ о ней:

*) См. статью Н. Пантусова въ Извѣстіяхъ общ. Археол. Исторіи и Этног. при Имп. Казанскомъ Университетѣ т. XVII, вып. 4 за 1901 г. стр. 214.

**) Авторъ статьи пишетъ Актамъ І. К.

„Зданіе настолько разрушено, что нельзя составить о немъ опредѣленнаго понятія. Необходимо сравнить теперешнее его положеніе съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ оно находилось въ 1884 году, при посѣщеніи его г. Пелымскимъ*).

„Въ то время зданіе и памятникъ, несмотря на свою древность, представлялись прекрасно сохранившимися, въ особенности внутренняя сторона стѣнъ перваго, выштукатуренная алебастромъ, отъ чего, по всей вѣроятности, могила получила названіе „бѣлой стѣны".

„Хотя въ зданіи и была незначительная часть обвалившейся или покрытой черными полосами штукатурки, однако это произошло отъ вліянія дождевыхъ протековъ, образовавшихся въ крышѣ: остальная же часть сохранившейся штукатурки стѣнъ исписана была замѣтками лицъ, посѣтившихъ эту могилу, на русскомъ, китайскомъ, манджурскомъ и татарскомъ языкахъ, а на послѣднемъ были даже и молитвы. Колонны—12 деревянныхъ столбовъ, окрашенныхъ въ темно-красный цвѣтъ,—поддерживавшія выдавшійся до $1^1/_2$ арш. во внутрь зданія карнизъ, также имѣли множество различныхъ надписей, преимущественно китайскихъ. Крыша и верхняя часть стѣнъ были болѣе разрушены, а наружная штукатурка вся обвалилась отъ дождя и бури. Нижняя часть ЮЗ угла также отпала, по всѣй вѣроятности, отъ тѣхъ же причинъ.

„Наружный видъ зданія похожъ на башню или маякъ, но только четыреугольный, шириною до 8 аршинъ, высотою до 12 арш. На стѣнкахъ съ Ю. и С. по срединѣ было по одному окну, а на В. сторонѣ стѣны — два окна и дверь.

„Въ верхней части стѣнъ между кирпичами былъ наложенъ толстый слой почернѣвшаго отъ времени камыша, рѣзко отдѣлявшагося отъ кирпича какъ бы выкрашенной въ черный цвѣтъ полосой.

„Памятникъ надъ могилой также сложенъ былъ изъ китайскаго кирпича и былъ выштукатуренъ смѣсью соломы съ глиной. Внизу было нѣсколько рядовъ ступеней, но отъ обвала штукатурки и земли съ крыши всѣ почти ступени завалились землей, образовавъ небольшой бугоръ; частью же ступени были разломаны. Отдѣляясь отъ ступеней, памятникъ поднимается до $1^1/_2$ арш. правильнымъ четыреугольникомъ, шириною (каждая сторона) до $2^1/_2$ арш. затѣмъ сдѣланъ карнизъ (выступъ), выдѣляющійся на $^1/_2$ аршина далѣе основанія. Судя по Ю.-З. углу, какъ болѣе сохранившемуся, былъ сдѣланъ 2-й ярусъ, съ котораго и начиналось постепенное съуживаніе площадки ступенями. Высота всего памятника по Ю.-В. углу до $3^1/_2$ аршинъ.

„На восточной сторонѣ четыреугольника сдѣланъ былъ проломъ какимъ-то искателемъ кладовъ".

Могила Акъ-Тамъ построена болѣе 200, лѣтъ тому назадъ, какъ объясняютъ киргизы, кочующіе въ этой мѣстности, и жители сел. Аккента. На вопросы г. Пелымскаго о причинѣ такой отдаленности этой могилы отъ селеній, большинство изъ нихъ разсказывали легенду слѣдующаго содержанія:

Легенда объ Акъ-Тамѣ. „Въ Аккентѣ или Чинчаходзы жилъ богатый китайскій полковникъ, имущество котораго заключалось въ громадныхъ табунахъ рогатаго скота, барановъ и верблюдовъ, числомъ до 5 тысячъ; вслѣдствіе недостатка около этихъ селеній корма, онъ отправилъ верблюдовъ на солонцы. Не имѣя сына, который могъ бы замѣнить его во время отсутствія, полковникъ послалъ для наблюденія за верблюдами свою единственную дочь. У кочевниковъ есть повѣрье, что если при верблюдахъ будетъ находиться дѣвушка, то они скоро поправляются и отъ нихъ бываетъ болѣе приплода.

„Живя въ пескахъ съ своими служанками, дѣвушка черезъ нѣкоторое время заболѣла и умерла; тамъ ее и похоронили.

*) 29 января 1884 г. мѣстность эту посѣтилъ хорунжій Сибирскаго казачьяго № 1 Ермака Тимофеева полка Пелымскій, сдѣлалъ маршрутную съемку пути съ р. Хоргоса на могилу Акъ-Тамъ и описалъ эту могилу.

„При жизни ея одинъ святой, удаляясь отъ селеній для поста и молитвы, заходилъ при каждомъ посѣщеніи долины къ дѣвушкѣ, съ которой велъ по цѣлымъ днямъ разговоръ. Узнавъ объ этихъ посѣщеніяхъ, мусульмане начали спрашивать его: почему онъ, удаляясь отъ своихъ селеній, находитъ болѣе достойнымъ бывать у язычницы? святой на это отвѣчалъ: „Эта язычница болѣе достойна служить Богу, чѣмъ кто-либо изъ васъ", и снова уходилъ въ пески. По смерти дѣвушки святой по нѣсколько дней жилъ у могилы, не имѣя ни хлѣба, ни воды и проводилъ день и ночь въ молитвѣ на насыпномъ курганѣ. Спустя нѣсколько времени, отецъ умершей задумалъ выстроить на могилѣ дочери памятникъ. Святой, разсказывавшій объ ея добрыхъ дѣлахъ, несмотря на ея языческое происхожденіе, называлъ ее святой и предложилъ взять на себя постройку памятника. На просьбу святого всѣ согласились и, кто былъ въ состояніи что-либо дѣлать, отправились къ могилѣ, куда уже былъ доставленъ почти весь матеріалъ. По окончаніи постройки памятника, на карнизѣ подъ крышей были навѣшаны разной величины колокольчики при малѣйшемъ колебаніи которыхъ раздавался различныхъ тоновъ звукъ, сливавшійся въ одинъ мелодичный гулъ.

„По поводу колокольчиковъ киргизы разсказываютъ печальный случай: могилу посѣтилъ одинъ богатый киргизъ; желая привезти въ подарокъ своему маленькому сыну колокольчикъ, онъ сорвалъ одинъ изъ нихъ, но пріѣхавъ домой, нашелъ сына скоропостижно умершимъ, и вскорѣ сталъ самымъ послѣднимъ бѣднякомъ.

„По разсказамъ высокопоставленныхъ китайцевъ Илійской долины, въ могилѣ Акъ-Тама погребены останки калмыцкаго ламы Ноинъ-Камбу, назадъ тому болѣе ста лѣтъ. Онъ жилъ на рѣкѣ Кегени (близъ р. Хоргоса) въ тѣ времена, когда долиной Или правили джунгары; при его жизни были построены также два монгольскихъ храма; одинъ изъ нихъ, находившійся близъ гор. Кульджи, около сада Гульчанбакъ, на горѣ, былъ названъ по-китайски дчинъ-дын-сы, что значитъ по-русски „золотая крыша"; второй храмъ былъ воздвигнутъ около селенія Кайнакъ и названъ Ин-дын-сы, что означаетъ „серебряная крыша". Отъ обоихъ этихъ храмовъ въ настоящее время остались только развалины и обломки кирпичей.

„Долина Кегень, гдѣ проживалъ Ноинъ-Камбу, въ прежнія времена называлась въ честь его Гигень-Колъ, что по-русски значитъ „святой человѣкъ" и „святая рѣка".

„Китайцы говорятъ, что если раскопать могилу Ноина-Камбу. т. е. Акъ-Тама, то на срединѣ могилы найдется около тысячи глиняныхъ бурхановъ, которые были сдѣланы изъ глины съ примѣсью пепла пережженныхъ костей Коина-Камбу. По китайскому вѣрованію, бурханы эти имѣютъ свойство заживлять раны отъ порѣза; стоитъ только натереть отъ бурхана мелкаго порошка и присыпать имъ рану; она тотчасъ заживаетъ; полезны эти бурханы и при опухоли: слѣдуетъ на опухшее мѣсто наложить тѣсто изъ порошка бурхана; отъ этого опухоль тотчасъ-же проходитъ.

„Акъ-Тамъ представляетъ собою теперь*) совершенную развалину; весь лѣсъ изъ строенія вытащенъ; нѣтъ ни оконъ, ни дверей, ни крыши; сохранились пока только стѣны; но и онѣ скоро рухнутъ, ибо изъ нихъ выбирается кирпичъ и увозится въ сосѣдніе поселки.

„Могильнаго памятника нѣтъ и слѣда: все разрушено въ конецъ„.

ЛЕПСИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Древній памятникъ Денгекъ. Памятникъ Денгекъ находится на землѣ Басканъ-Саркан-ской волости, Лепсинскаго уѣзда, близъ Абакумовско-Лепсинскаго почтоваго тракта, верстахъ въ 7½—8 на юго-востокъ отъ выс. Абакумовскаго и верстахъ въ 4 отъ р. Аксу, на уроч. Отепъ-Сазъ.

*) Авторъ статьи г. Пантусовъ писалъ еще въ 1900 г.

Этотъ памятникъ стоитъ въ степи, на ровномъ мѣстѣ; онъ сложенъ изъ каменныхъ плитъ на глинѣ;*) основаніе его квадратное, въ длину и ширину около $1^1/_2$ саженей, въ высоту 12 аршинъ. Внутри онъ оштукатуренъ глиной съ соломой. (См. Табл. III рис. 5) Денгекъ, что въ переводѣ значитъ столбъ, сложенъ, какъ говорятъ, во время китайскаго владычества. Киргизы убѣждены, что подъ этимъ памятникомъ скрыты сокровища.

Описаніе памятника Денгекъ такъже, какъ и описаніе памятника Козу-Керпешъ и Баянъ-Сылу, мы находимъ въ особомъ выпускѣ, издаваемомъ Н. Н. Пантусовымъ, „Древности Средней Азіи“ вмѣстѣ съ интереснымъ, отзывомъ Н. Катанова. Здѣсь я приведу, объяснительную замѣтку Н. Катанова во всей ея цѣлости.

„Въ настоящемъ второмъ выпускѣ издаваемыхъ Н. Н. Пантусовымъ „Древностей Средней Азіи“ описываются два памятника, находящіеся въ Лепсинскомъ уѣздѣ Семирѣченской области: одинъ изъ нихъ осмотренъ Н. Н. Пантусовымъ въ 1898 и 1890 годахъ и называется по-киргизски Денгекъ (столбъ), а другой, называемый по-киргизски Козу-Керпешъ, осмотренъ тѣмъ-же лицемъ въ 1898 году. Оба памятника одинаковой конструкціи, сложены изъ одного и того-же матеріала и напоминаютъ конусообразныя часовни „оба“, какія встрѣчаются въ Монголіи. Сооруженіе этихъ памятниковъ киргизы приписываютъ своимъ предкамъ, хотя вѣрнѣе было-бы приписать его монголамъ, нѣкогда обитавшимъ въ Семирѣчьѣ. Каждый памятникъ изображенъ у Н. Н. Пантусова съ двухъ сторонъ. Съ этими памятниками киргизы соединяютъ массу сказокъ (поэмъ). Особенно много сказокъ у нихъ имѣется о второмъ памятникѣ, который, по словамъ киргизъ, высится надъ могилами двухъ влюбленныхъ: Козу-Керпеша, сына богача Кара-бая, и его возлюбленной Баянъ-Сылу, дочь богача Сары-бая. Сказка про этихъ влюбленныхъ и по-киргизски, и по-русски издавалась много разъ. Въ 1878, 1890 и 1896 поэма о Козу-Кёрпешѣ издавалась по-киргизски въ Казани и печаталась на 18 страницахъ in 8^0 стихами. 2) Немного ранѣе, именно въ 1876 году, проф. С.-Петербургскаго Университета И. Н. Березинъ киргизскій текстъ этой поэмы напечаталъ въ Казани на страницахъ 70—162 тома III своей „Турецкой хрестоматіи“. 3) Ранѣе того поэму о Козу-Керпешѣ записалъ у киргизовъ и барабинскихъ татаръ В. В. Радловъ и помѣстилъ ее 1870 году въ С.-Петербургѣ на страницахъ 221—252 (киргизскій текстъ) и 261—297 (нѣмецкій переводъ) III части „Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens“, а 1872 года тамъ-же, на страницахъ 9—20 (барабинскій текстъ) и 12—26 (нѣмецкій переводъ) IV части того-же труда.—Благодаря близкому сосѣдству и постояннымъ сношеніямъ съ киргизами эта поэма перешла не только къ барабинскимъ татарамъ, но и къ уральскимъ башкирамъ, доказательствомъ чему служитъ сочиненіе, напечатанное 1812 года въ Казани подъ заглавіемъ: „Кузъ-Курпячь.“ [1]) Башкирская повѣсть, писанная на башкирскомъ языкѣ однимъ курайчемъ и переведенная на россійскій въ долинахъ горъ Рифейскихъ Т. Бѣляевымъ“.—Въ одномъ русскомъ переводѣ или пересказѣ упомянутая поэма появлялась нѣсколько разъ. 1) Въ „Акмолинскихъ областныхъ вѣдомостяхъ“ за 1877 годъ, №№ 1—3, было помѣщено: „краткое извлеченіе изъ легенды Баянъ-Сулу [2]) и Козу-Курпечъ“. 2) Нѣкій Н. П. въ „Киргизской степной газетѣ„ за 1899 годъ, №№ 9—10, напечаталъ: „киргизское народное преданіе о могилѣ Козу-Кёрпечъ и Баянъ-Сылу“. 3) Г. Н. Потаниинъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1890 годъ, книгѣ 9, приводя монгольское сказаніе о Гэсэръ-Ханѣ, касается между прочимъ и киргизскаго сказанія о Козу-Кёрпешѣ. 4) Тотъ-же Г. Н. Потанинъ въ статьѣ, озаглавленной „въ юртѣ послѣдняго киргизскаго царевича“ и помѣщенной за 1896 г. въ Русскомъ Богатствѣ“, № 8, говоритъ о поѣздкѣ въ Акмо-

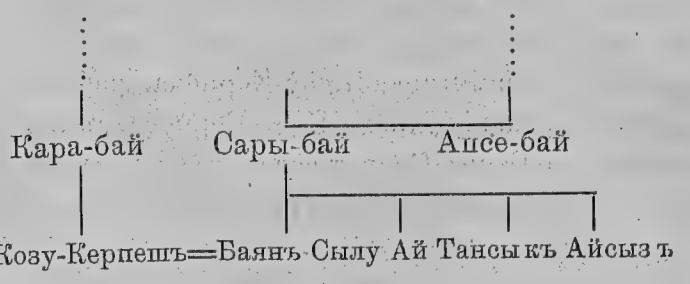
*) См. Протоколы Туркест. Кружка за 1893—1899 № 1 стр. 16—17. сообщеніе г. Пантусова.

[1]) Нѣкоторые авторы пишутъ Козу-Керпешъ, Козу-Курпече, Кузъ-Корпешъ и т. п.

[2]) Нѣкоторые пишутъ Баянъ-Сылу, Солу или Слу, вотъ почему здѣсь встрѣчается разнообразіе въ правописаніи этого слова. Прим. І. К.

линскую область и касается мимоходомъ также киргизской „повѣсти о любви красавицы Баянъ-Сулу и бѣднаго пастуха Козу-Кёрпеша“. 5) Въ „Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеніяхъ къ Нивѣ“ за 1899 годъ, № 2, на стр. 307—344, поэма была напечатана въ пространномъ видѣ, въ литературной обработкѣ Баранова, и снабжена двумя рисунками, изъ которыхъ одинъ изображаетъ „надгробный памятникъ Козу-Курпеча и Баянъ-Слу“ (стр. 309—310) и другой—„четыре каменныя статуи при могилѣ Козу-Курпеча“ (стр. 313—314). Изъ „Прилсженій къ Нивѣ“ эта поэма перепечатана на стр. 21—48 тома IV-го „Протоколовъ засѣданій и сообщеній членовъ Туркестанскаго Кружка любителей археологіи“, вышедшаго 1899 года въ Ташкентѣ. Въ этой книгѣ„ Протоколовъ засѣданій и сообщеній“, на страницахъ 16—21, напечатаны и описанія памятниковъ Денгекъ и Козу-Кёрпешъ, сдѣланныя Н Н. Пантусовымъ, и 2 литограф. рисунка (Денгекъ № 1 и Козу- Кёрпешъ № IV, по настоящему сочиненію. 6) Наконецъ, киргизское преданіе о Козу-Кёрпешѣ было приведено за 1900 г въ „Тургайскихъ областныхъ вѣдомостяхъ“ (какъ говоритъ „Каталогъ библіотеки Семипалатинскаго Областного Статистическаго Комитета“, вып. I, 1901 г.). Параллели къ поэмѣ о Козу-Керпешѣ и Баянъ-Сылу проводятся нѣсколько разъ у Г. Н. Потанина въ трехъ книгахъ: во II и IV выпускахъ „Очерковъ Сѣверо-Западной Монголіи“, напечатанныхъ 1881 и 1883 годахъ въ С.-Петербургѣ, и въ томѣ II „Тангутско-Тибетской окраины Китая и центральной Монголіи“, вышедшемъ тамъ-же 1893 года.—О самомъ памятникѣ надъ могилою вышеупомянутыхъ киргизскихъ героевъ, кромѣ Н. Н. Пантусова, писалъ также Н. Абрамовъ въ статьѣ „Каменная пирамида, намогильный памятникъ Козу-Курпеча и Баянъ-сулы въ Киргизской степи“, помѣщенной сначала въ „Извѣстіяхъ Восточнаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества“ за 1858 года, части I, вып. 2, стр. 58—60, и потомъ перепечатанной въ № 40 „Тобольскихъ губернскихъ вѣдомостей“ за 1859 годъ.—Говорятъ, что какое-то описаніе памятника Козу-Кёрпешъ было представлено также IV Археологическому Съѣзду, бывшему 1877 года въ Казани, но напечатано почему-то не было, и что тогда-же нѣкоторые участники съѣзда высказывали вполнѣ правильное предположеніе, что памятникъ сооруженъ какимъ-нибудь монгольскимъ племенемъ, а не киргизами.— Въ заключеніе считаю нужнымъ замѣтить, что въ настоящее время готовятся къ печати двѣ записи поэмы о Козу-Кёрпешѣ и его возлюбленной: одна имѣется у Н. Н. Пантусова въ Вѣрномъ, а другая у меня, и что обѣ записи въ стихахъ. Запись, находящаяся у меня, поступила ко мнѣ въ одномъ киргизскомъ оригиналѣ отъ Н. И. Порфирьева при письмѣ отъ 21 октября 1895 года; Н. И. Порфирьеву эта запись поэмы досталась отъ дѣда его, профессора Казанской Духовной Академіи, Г. С. Саблукова, которому она прислана нѣкіимъ Оттономъ Гребницкимъ при письмѣ отъ 24 октября 1860 года изъ Ореховна, и который получилъ ее 17 ноября того-же года. Въ письмѣ на имя Г. С. Саблукова О. Гребницкій говоритъ: „Ежели я столь долго промедлилъ въ исполненіи Вашего желанія, виною въ этомъ одни лишь мои Сибирскіе корреспонденты. Теперь же, когда наконецъ удалось мнѣ дождаться Кузъ Курпеча, поспѣшаю Вамъ его переслать въ такомъ видѣ, какъ онъ мнѣ достался, и даже не читая, чтобы только не терять болѣе времени. Могила Кузъ Курпеча находится не вдали отъ Аягуза*), а пѣснь мнѣ прислана изъ Кокбектовъ, послѣдняго укрѣпленія къ Нооръ-Зайсану. Въ другихъ мѣстностяхъ поютъ ее съ нѣкоторыми, впрочемъ не значительными, измѣненіями“.

Полнаго родословія киргизскихъ героевъ составить пока нельзя.



*) Нынѣ г. Сергіополь Семирѣченской области.

„Киргизская поэма о Козу-Керпешѣ и его возлюбленной Баянъ-Сылу, по завязкѣ и развязкѣ, также по возникающимъ въ ней препятствіямъ къ соединенію обоихъ героевъ, во многомъ напоминаетъ распространенную въ Средней Азіи поэму о тагирѣ طاهر и его возлюбленной Зугрѣ زهرة. Что же касается поэмъ или преданій о другомъ изъ описываемыхъ у Н. Н. Пантусова подъ №№ I и II памятниковъ, то таковыя, сколько мнѣ извѣстно, въ киргизскомъ оригиналѣ никогда не издавались“.

Памятникъ Козу-Керпечъ. По описанію г. Пантусова (см. Прот. Турк. кружка за 1898—1899 г. № 1 стр. 19) и „Древности средней Азіи“ Казань 1902 г. памятникъ Козу-Керпечъ также, какъ и тѣсно съ нимъ связанный исторіей памятникъ Баянъ-Солу, находится между станціями Кызылъ-Кія и Малымъ-Аягузомъ, на Сергіопольско-Вѣрненскомъ почтовомъ трактѣ, на правомъ берегу рѣки Большой Аягузски. Этотъ памятникъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, поэтому его видно издалека.

Памятникъ Козу-Керпечъ сложенъ изъ каменныхъ плитняковъ на глинѣ и по своему устройству точно такой же, какъ и памятникъ *Денгека*; входъ въ него находится съ Ю. З. стороны. Размѣры его слѣдующіе: высотой отъ 17—18 арш., шириной въ одну сторону 7 арш., въ другую 6 арш. Съ западной стороны памятника—окно, сводъ внутри обмазанъ глиною; здѣсь же виднѣются палки съ разными тряпками и волосьями отъ богомольцевъ киргизъ.

Съ южной стороны памятника валялись куски и обломки каменныхъ бабъ, которыхъ раньше было много. Четыре бабы, стоявшія раньше у памятника Козу-Керпеча, изображали по преданію:одна—Козу-Керпеча, вторая—жену его Баянъ-Солу, третья—сестру Баянъ-Солу, четвертая—жену ея брата (Дженке.) [1])

[1]) Очевидно, пишетъ Радловъ („Сибирскія древности“), что эти каменныя фигуры не имѣютъ ничего общаго съ памятникомъ Козы-Кёрпёша, который, безъ сомнѣнія, представляетъ большой киргизскій памятникъ, можетъ быть, XVII или XVIII столѣтія; тогда какъ фигуры, навѣрно старѣе его болѣе нежели на тысячелѣтіе.

Описаніе этого памятника имѣется у Семенова (см. Геогр.—стат. словарь Росс. Имп. Т. II. стр. 827. (1865 г.) „Памятникъ стоитъ на плоскомъ порфировомъ холмѣ и представляетъ родъ башни, имѣющей форму грубаго обелиска. Башня эта состоитъ изъ кубической постройки, на которую поставленъ округленный сверху конусъ, вершина котораго впрочемъ сильно повреждена, какъ утверждаютъ, ядромъ проходившаго здѣсь русскаго отряда.... Время постройки памятника неизвѣстно, но могила Козу-Курпечь имѣетъ громкую извѣстность во всей киргизской степи и даже привлекаетъ киргизовъ на поклоненіе. Съ могилою этою тѣсно связана поэтическая легенда о героѣ (богатырѣ) Козу-Курпечѣ и любимой имъ Баянъ-Сулу, умершей съ тоски по смерти любимаго ею героя, убитаго соперникомъ. Намъ кажется, что памятникъ этотъ, не имѣющій ничего общаго съ древнѣйшими каменными изваяніями, при немъ находящимися, въ свою очередь несравненно древнѣе легенды, возникшей именно вслѣдствіе того, что киргизы утратили всякое воспоминаніе о времени и причинѣ постройки памятника.“

Легенда о Баянъ-Солу и о Козу-Керпечѣ издавалась уже много разъ въ Казани. Образцомъ можетъ служитъ киргизское народное преданіе „Козу-Керпеча“ и „Баянъ-Слу“, записанное Е. Барановымъ и напечатанное въ Еженедѣльныхъ литературныхъ приложеніяхъ къ журналу „Нива“ за 1899 г. стр. 307—345. Для болѣе подробнаго ознакомленія съ этой интересной легендой я ее приведу здѣсь цѣликомъ съ рисунками 4-хъ каменныхъ статуй, сохранившихся при могилѣ Козу-Курпеча. *)

„Легенда о Баянъ-Слу [1]) и исторія поэтической любви этой степной красавицы къ герою и жениху ея Козу-Керпечъ—одна изъ болѣе распространенныхъ легендъ между киргизами.

*) См. табл. XIV рис. 14. 15. 16. 17.

[1]) Слово „Слу“, въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ—красивый, прекрасный; Баянъ-Слу, слѣдовательно, значитъ красавица Баянъ.

Сложилась она въ степяхъ Семирѣченской области, но затѣмъ распространилась далеко за предѣлы ея, и даже названія нынѣ существующаго города Каркаралы и станицы Баянъ-Аулъ находятся въ связи со сказаніемъ о красавицѣ Баянъ и ея приключеніяхъ.

Носомнѣнно, что въ основѣ сказанія лежитъ истинное происшествіе, изукрашенное впослѣдствіи народной фантазіей. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, какъ историческій документъ, сохранившійся до настоящаго времени громадный надгробный памятникъ Козу-Керпеча, фотографическій снимокъ котораго сдѣланъ г. Толшинымъ въ 1895 г. [1]).

По пути изъ Сергіополя къ Копалу, на 11 й вер. отъ 3-го пикета, называемаго Кизилъ-Кія, вниманіе проѣзжающаго невольно привлекаетъ высокій памятникъ, сложенный изъ камня въ видѣ громадной пирамиды. Высота этой пирамиды болѣе 10 саж. и построена она изъ плитъ красновато-коричневаго цвѣта, обдѣланныхъ довольно правильными прямоугольниками на подобіе кирпичей. Преданіе указываетъ, что камень для сооруженія этого памятника брался изъ окрестныхъ горъ и дѣйствительно, подобнаго камня не находится не только по близости, но и во всей долинѣ...

Легенда о Баянъ-Слу и Козу-Керпечѣ долгое время не обращала на себя ничьего вниманія, но въ 1876 году генералъ Колпаковскій, проѣзжая по Копальскому тракту, обратилъ вниманіе на этотъ памятникъ, и, узнавъ о существованіи народнаго преданія, поручилъ собрать о немъ свѣдѣнія сергіопольскому уѣздному начальнику. Уѣздный начальникъ, въ свою очередь, предписалъ о томъ же одному изъ своихъ подчиненныхъ, а тотъ другому и т. д., пока, наконецъ, всѣ матеріалы не достались бывшему учителю, а впослѣдствіи лѣсному объѣздчику г. Салагаеву, который и выполнилъ данное порученіе, насколько хватило его силъ и умѣнья.

Въ такомъ видѣ преданіе, возвращаясь, такъ сказать, обратнымъ канцелярскимъ ходомъ, поступило вновь въ управленіе уѣзднаго начальника, гдѣ, потерпѣвъ различныя поправки и передѣлки, появилось въ концѣ 70 годовъ въ печати въ одномъ изъ мѣстныхъ органовъ. Претерпѣвъ канцелярскія поправки, оно появилось въ свѣтъ въ искаженномъ и настолько сокращенномъ видѣ, что не только важныя подробности и самая связь событій совершенно устранялись, но стало совершенно непонятнымъ, почему личность Козу-Керпеча чтится у киргизъ, какъ личность народнаго героя, а могила его до сего времени почитается мѣстной святыней. Въ легендѣ, составленной по матеріаламъ, собраннымъ г. Салагаевымъ, Козу-Курпечъ появляется лишь на короткое время тайнымъ любовникомъ Баянъ-Слу, которая прячетъ его отъ мести страшнаго вздыхателя своего Кудара или Кударъ-Кула, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности Козу-Керпечъ въ представленіи своего народа является непобѣдимымъ батыремъ, одареннымъ необычайной физической силой, мужествомъ, великодушнымъ сердцемъ и другими нравственными качествами, присущими въ народномъ представленіи героической личности. Къ его борьбѣ съ калмыкомъ Кударомъ изъ-за обладанія красавицей Баянъ присоединяется разсказъ о сраженіи между калмыками и киргизами, изъ котораго Козу-Керпечъ, какъ предводитель киргизъ, выходитъ побѣдителемъ и посрамляетъ врага. По всей вѣроятности, Козу-Керпечь, если онъ существовалъ, былъ однимъ изъ предводителей киргизскихъ ордъ, прославившихся въ войнахъ съ калмыками, и имя его, какъ и имя его возлюбленной, сохранилось въ народной памяти. Взявъ на себя задачу исправить и дополнить сказаніе по разнымъ источникамъ, г. Барановъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что легенда все-таки еще не достаточно полна. Такъ напримѣръ, въ разсказѣ упоминаются три сестры Баянъ-Слу: Ай, Тансыкъ и Айгызъ, которыя въ разсказываемыхъ событіяхъ никакой ро-

---

[1]) Фотографія этого памятника снята Н. Ф. Толшинымъ и хранится въ Ташкентскомъ археол. музеѣ. Здѣсь на табл. III фиг. 7 прилагаю видъ этого памятника срисованый съ фотот. изъ брошюры Н. П. Пантусова въ Древ. Средней Азіи" Казань 1902 г.

ли не играютъ, а между тѣмъ въ честь ихъ сохранились названія нѣкоторыхъ мѣстъ и урочищъ. Поэтому надо полагать, что имена сестеръ Баянъ были также когда-то связаны съ преданіемъ, но впослѣдствіи, при устной передачѣ его, эта связь утратилась, и сохранились имена главныхъ героевъ и трагическая исторія ихъ любви.

При могилѣ сохранились еще четыре грубыхъ каменныхъ статуи, снятыя также г. Толшинимъ (См. рис. 14—17, табл. XIV). Статуи эти несомнѣнно калмыцкаго издѣлія, такъ какъ киргизы, будучи мусульманами, не имѣли и не имѣютъ обычая дѣлать при могилахъ каменныхъ изваяній; но какъ эти статуи попали къ могилѣ Козу-Курпеча,— объяснить довольно мудрено. Существуетъ мнѣніе, что эти статуи должны изображать собою Баянъ-Слу и ея трехъ сестеръ; сдѣланы же онѣ калмыкомъ Кударъ-Кулу, но это мнѣніе ни на чемъ не основано и несогласно съ преданіемъ, по которому Кударъ погибъ прежде Баянъ-Слу отъ ея мстительной руки, а потому и не могъ сдѣлать статуи въ честь еще живой своей невѣсты на ея могилѣ. Гораздо правдоподобнѣе, что эти каменныя изваянія сдѣланы калмыками въ честь самого Кудара и другихъ героевъ, павшихъ въ борьбѣ съ киргизами. Это отнюдь не противорѣчило бы преданію, такъ какъ мѣсто борьбы и мѣсто гибели обоихъ героевъ находится тамъ же, гдѣ стоитъ и памятникъ Козу-Курпеча.

Изъ всего сказаннаго, добавляетъ г. Барановъ, можно заключить, что время постройки памятника относится не къ началу XIII вѣка, какъ это неосновательно указано было въ первоначальной редакціи легенды, а къ I-й половинѣ XVIII вѣка, т. е. къ тому времени, когда киргизскій народъ, объединившійся ранѣе въ своеобразной федераціи, центромъ которой былъ г. Туркестанъ, началъ приходить въ разстройство вслѣдствіе внутреннихъ междоусобій. Эти междоусобія повели къ раздробленію киргизъ на мелкіе роды, которые подъ управленіемъ мелкихъ князьковъ или султановъ уходили вглубь степей, гдѣ, встрѣчаясь съ другими народностями и особенно съ калмыками, вступали съ ними въ ожесточенную борьбу.

Къ числу такихъ мелкихъ властителей слѣдуетъ отнести и родителей героя и героини—султановъ Кара бая и Сары-бая."

I.

„Въ давнее время, между горами Тарбагатай и Алатау и озерами Балхашъ и Ала-Куль кочевали два необычайно богатыхъ, знатныхъ и сильныхъ султана: Кара-бай и Сары-бай.

Неразрывная дружба связывала ихъ между собою много лѣтъ; не проходило и дня, чтобы друзья не видѣлись другъ съ другомъ, чтобы одинъ безъ другого поѣхалъ куда-нибудь въ гости, чтобы охота, байга *) или какое-либо празднество устраивалось однимъ безъ участія другого. И радость, и горе дѣлили они пополамъ, а въ бѣдѣ и несчастіи каждый старался помочь другому по мѣрѣ силъ и возможности.

Однажды, весной, оба друга выѣхали на охоту, и отъѣхавъ отъ своихъ ауловъ не далѣе, какъ на полдня ѣзды, увидѣли на небольшомъ островѣ неподвижно стоящаго марала**). Подъѣхавъ на разстояніе выстрѣла изъ лука, Кара-бай уже приготовился пустить въ звѣря свою стрѣлу, когда Сары-бай, внимательно всмотрѣвшись въ животное, вдругъ остановилъ своего друга: «Не стрѣляй, братъ, пожалуйста и я тоже не буду: вѣдь, это самка марала, и она только что собирается ягниться. Если мы убьемъ ее, то погубимъ вмѣстѣ и ягненка. Вспомни, что у насъ съ тобой дома остались жены въ послѣднихъ дняхъ беременности, и быть можетъ, пощадивъ неповинное животное, мы сдѣлаемъ доброе дѣло а Богъ поможетъ нашимъ женамъ въ минуту родовъ».

Послушался Кара-бай совѣта вѣрнаго друга, и, опустивъ лукъ, закинулъ его за пле-

*) Конный бѣгъ на призы.
**) Горный олень.

чо, а стрѣлу положилъ обратно въ колчанъ-и поѣхали друзья дальше въ поискахъ за добычею.

Весь день проѣздили они, но звѣря нигдѣ не нашли и къ вечеру остановились на отдыхъ у небольшого ручья. Тутъ, разговаривая о приключеніяхъ этого дня, они вспомнили происшествіе съ мараломъ и опять Сары-бай сказалъ своему другу: „Послушай, другъ: въ этой встрѣчѣ нашей съ мараломъ вижу я указаніе Божіе. Когда хотѣлъ ты стрѣлять, вдругъ почуяло мое сердце, что и мнѣ не долго жить, что семья моя скоро осиротѣетъ. Если случится со мной какая бѣда, въ память нашей дружбы, прошу тебя —не оставь мою семью безъ твоей помощи и совѣта".

Кара-бай утѣшалъ какъ могъ, своего друга, стараясь разсѣять его мрачныя предчувствія, но Сары-бай все время былъ грустенъ и, наконецъ, предложилъ Кара-баю, въ ознаменованіе долголѣтней дружбы, сдѣлать между собой обѣтъ и скрѣпить его клятвой; обѣтъ этотъ заключался въ томъ, что если жены ихъ разрѣшатся отъ бремени сыновьями, то чтобы сыновья эти жили между собой, какъ родные братья; если же родятся дочери, то и дочерямъ быть сестрами. А если у одного родится сынъ, а у другого дочь, то считать ихъ со дня рожденія женихомъ и невѣстой. „Мы же, породнившись такимъ образомъ", прибавилъ Сарый-бай, „до самой смерти уже не будемъ разлучаться, все добро наше будемъ дѣлить пополамъ, и со смертью одного изъ насъ, другой будетъ считать семью умершаго друга своей собственной семьею„.

И поклялись друзья другъ другу въ исполненіи этого обѣта и объявили о немъ всѣмъ слугамъ и гостямъ, бывшимъ съ ними на охотѣ. И вотъ, въ то время, какъ они произносили обычную въ этихъ случаяхъ клятву, прилетѣлъ откуда-то сверху черный скворецъ и опустился на голову Сары бая, потомъ съ громкимъ щебетаніемъ скворецъ началъ прыгать то на одного, то на другого изъ друзей.

— Этотъ скворецъ предвѣщаетъ намъ радость,—сказалъ Кара-бай: Это посланникъ —отъ Бога: Онъ благословитъ нашъ завѣтъ.

— Да—отвѣчалъ Сары-бай: — но онъ же предвѣщаетъ и несчастіе одному изъ насъ, а такъ какъ онъ прежде всего опустился на мою голову, то это несчастіе угрожаетъ мнѣ.

Совершивъ обычную вечернюю молитву, друзья сѣли на коней и отправились домой въ сопровожденіи всей свиты гостей, охотниковъ и прислуги. Всѣ ѣхали шагомъ, давая роздыхъ измученнымъ за день лошадямъ, и стало уже довольно замѣтно темнѣть, когда оба друга замѣтили киргиза, скакавшаго прямо имъ навстрѣчу.

Это, навѣрно, гонецъ отъ которой-нибудь изъ нашихъ женъ,—рѣшили между собой друзья. И дѣйствительно, киргизъ приближался, радостно размахивая надъ головой шапкой.

— Давайте суюнчу (подарокъ)—закричалъ гонецъ: я возвѣщаю вамъ радость: жены ваши только-что благополучно разрѣшились младенцами. У Кара-бая родился сынъ, а у Сары-бая—дочь.—Спѣшите домой!

Вихремъ понеслись на своихъ лихихъ бѣгунцахъ Кара-бай и Сары-бай, и скоро вся свита осталась позади. Нѣкоторое время друзья неслись рядомъ, но конь Сары-бая былъ лучше и скоро опередилъ другого коня.

— Не спѣши!—кричалъ Кара-бай.—Придержи коня: ночь спускается на землю, и я не могу поспѣть за тобой, потому что конь мой усталъ и спотыкается о камни!

Но Сары-бай ничего не слушалъ и все летѣлъ впередъ, ударами плети подгоняя измученнаго коня.

Вдругъ конь его, споткнувшись о что-то передними ногами, перевернулся черезъ голову, увлекая въ паденіи своемъ и всадника. Подоспѣвшій Кара-бай соскочилъ съ лошади и бросился на помощь, но, нагнувшись къ Сары-баю, онъ съ ужасомъ увидѣлъ, чт

о

другъ его, ударившись головой о камень, лежалъ неподвижно, обливаясь кровью. Напрасно Кара-бай старался привести его въ чувство: Сары-бай былъ мертвъ. И конь, и всадникъ разбились на-смерть.

Подъѣхавшіе охотники подобрали тѣло и всѣ тихо двинулись впередъ. Кара бай ѣхалъ грустный и задумчивый: и жаль ему было погибшаго друга, и страхъ обуялъ его за будущее.

„Правъ былъ Сары-бай“,—думалъ онъ,—„Когда говорилъ, что не радость, а несчастіе предвѣщалъ намъ скворецъ. Видно, обѣтъ нашъ не угоденъ Богу, и смерть Сары-бая служитъ мнѣ предостереженіемъ“.

Когда печальный поѣздъ прибылъ домой, плачъ и рыданіе женщинъ огласили аулъ: не радость и праздничное веселье привѣтствовали рожденіе младенцевъ, а общая печаль и неутѣшное горе семьи...

Похоронивъ Сары-бая, Кара-бай, вѣрный данному слову, объявилъ всѣмъ о своемъ обѣтѣ и, справивъ поминки, устроилъ пышное празднество въ честь рожденія младенцевъ. Празднество это длилось цѣлый мѣсяцъ.

Мальчика назвали Козу-Курпечъ, а дѣвочку Баянъ.

По обычаю пригласили предсказателей гадать о судьбѣ новорожденныхъ, и одинъ изъ гадателей предсказалъ, что судьба новорожденныхъ будетъ несчастна, если они когда-нибудь сочетаются бракомъ. Кара-бай, согласно обѣщанію, принялъ подъ свое покровительство семью умершаго друга, въ которой надзоръ за скотомъ и имуществомъ и все управленіе дѣлами перешли къ брату умершаго Сары-бая-Апсе-баю.

Но нисамъ Кара-бай, ни жена его, мать Козу-Курпеча, ни ближайшіе родственники не вѣрили въ благополучный исходъ обѣта и не желали будущаго брака. „Этотъ бракъ будетъ несчастенъ,—говорила жена Кара-бая:—не хочу я женить сына на дочери Сары-бая, которая, какъ только родилась на свѣтъ, такъ тотчасъ же погубила своего отца“. Того же мнѣнія былъ и Кара-бай. „Судьба младенца будетъ несчастна,—думалъ онъ:—съ самаго начала всѣ предзнаменованія были неблагопріятны, а послѣднее предсказаніе предвѣщателя указываетъ на то, что надо по возможности предотвратить этотъ бракъ“.

Одинъ только старый Апсе бай, дядя Баянъ, не раздѣлялъ общаго опасенія и, вѣрный стариннымъ обычаямъ, не хотѣлъ, чтобы Кара-бай измѣнилъ клятвѣ, данной покойному другу.

— Великое несчастіе падетъ на голову твою,—уговаривалъ онъ Кара-бая.—Клятвопреступленіе—страшный грѣхъ, и Богъ накажетъ тебя, а по винѣ твоей покараетъ и сына твоего.

Въ глубинѣ души Апсе-бай затаилъ намѣреніе содѣйствовать будущему браку и осуществить, если будетъ возможно, клятву, данную друзьями.

Мысль измѣнить обѣщанію все болѣе и болѣе овладѣвала Кара-баемъ, но открыто нарушить клятву онъ не могъ рѣшиться; поэтому, подъ разными предлогами, Кара-бай сталъ отходить со своими стадами все дальше и дальше отъ семьи Сары-бая и къ концу слѣдующаго лѣта откочевалъ въ Тарбагатайскія горы. Семья же Сары-бая и родъ его, потерявъ изъ вида стараго друга, съ Апсе-баемъ во главѣ ушла къ сѣверо-востоку, въ глубь киргизскихъ степей.

Еще при жизни своей Сары-бай, кочуя какъ-то въ предгорьяхъ Ала-тау, наткнулся на кибитку бѣднаго калмыка, который, по болѣзни, отсталъ отъ своего рода и остался въ горахъ одинъ съ немногочисленнымъ скотомъ и малолѣтнимъ сыномъ. Сары-бай принялъ ихъ подъ свое покровительство, а когда старый калмыкъ умеръ, Сары-бай взялъ мальчика къ себѣ пріемышемъ и сталъ держать его, какъ члена своей семьи, поручивъ ему наблюденіе за частью хозяйства и многочисленнаго скота.

Мальчика звали Кударъ-Кулъ. Подрастая, онъ сталъ выказывать необычайную силу и мужество и, будучи внимательнымъ и бережливымъ хозяиномъ, понемногу забралъ въ свои руки все управленіе домашними дѣлами и хозяйствомъ. Жена Сары-бая, видя усердіе и послушаніе Кудара, сильно привязалась къ пріемышу и, потерявъ надежду выдать дочь свою Баянъ замужъ за Козу-Курпеча, предназначила ее въ жены Кударъ-Кулу, чтобы Кударъ такимъ образомъ, женившись на Баянъ, по достиженіи ею совершеннолѣтія сдѣлался вполнѣ членомъ семьи и преемникомъ покойнаго Сары-бая, у котораго, кромѣ Баянъ, были еще три дочери: Ай, Тансыкъ и Айгыръ, мужского же потомства не было вовсе.

Прошло пятнадцать лѣтъ со дня смерти Сары-бая и рожденія Баянъ, когда умерла наконецъ и мать ея. Апсе-бай къ этому времени сильно состарился и одряхлѣлъ, и вся власть окончательно перешла въ руки Кударъ-Кула, который своей бережливостью и заботливостью не только не разстроилъ состоянія Сары-бая, а пріумножилъ его такъ, что семья его сдѣлалась самою богатою по всей окрестности.

Баянъ же, подрастая и развиваясь, превратилась въ молодую дѣвушку чудной красоты; прозваніе „Слу“ стало неразрывно соединяться съ ея именемъ, и слава о красотѣ ея стала распространяться по всей степи. Мѣста, гдѣ кочевала семья Сары-бая, получило въ честь красавицы названіе Баянъ-аулъ и стало любимымъ мѣстомъ собраній всей молодежи. Женихи, прельщаемые красотою и богатствомъ невѣсты, стекались въ Баянъ-аулъ со всѣхъ сторонъ съ предложеніями и богатыми подарками, такъ что ревнивый Кударъ, изъ боязни потерять невѣсту, рѣшился сняться съ мѣста и со всѣми родичами Сары-бая откочевать къ мѣсту родины своей, къ горамъ Ала-Тау. Болѣе всего опасался Кударъ-Кулъ появленія жениха Козу-Курпеча, о которомъ ему было извѣстно по разсказамъ, тѣмъ болѣе, что можно было ожидать во всякое время содѣйствія ему со стороны стараго Апсе-бая, оставшагося старшимъ въ родѣ.

Апсе-бай уже давно успѣлъ передать Баянъ о клятвѣ, данной Кара-баемъ ея умершему отцу, и увѣщевалъ ее не разъ не измѣнять завѣту родительскому и не выходить замужъ за Кудара, но до конца надѣяться и ждать жениха, который рано или поздно долженъ явиться.

Старикъ неоднократно обращался къ ворожеямъ и предсказателямъ и отъ всѣхъ получалъ отвѣтъ, что ждать осталось не долго, что женихъ явится, когда вырастетъ у него золотая коса; по этой косѣ и слѣдуетъ признать его. О предсказаніяхъ и примѣтѣ жениха Апсе-бай также передалъ Баянъ, и красавица тѣмъ охотнѣе дала слово дядѣ ожидать прибытія Козу-Курпеча и отказать Кудару, что грубый, неуклюжій и огромнаго роста калмыкъ былъ ей ненавистенъ и очень надоѣдалъ ей своимъ ухаживаньемъ и любезностями.

Когда Кударъ-Кулъ двинулся со всѣми аулами и многочисленными стадами, Апсе-бай послѣдовалъ за ними и, чтобы впослѣдствіи не потерять дорогу и сообщить о ней Козу-Курпечу, если судьба приведетъ когда-нибудь увидѣть его, онъ ставилъ по дорогамъ и урочищамъ примѣты, уговаривая дѣлать то же и Баянъ-Слу. На одной изъ горъ Баянъ бросила свой золотой гребень, и гора эта съ того времени и до настоящихъ дней сохранила названіе „Алтунъ-Тара“ (золотой гребень); въ другомъ мѣстѣ она выкинула перо, которое носила въ волосахъ, называемое по-киргизски „каръ-кара“, и урочище это получило названіе „Каркаралы“ [1])

По прибытіи на новое мѣсто, три сестры Баянъ-Слу вскорѣ умерли, и она одна наслѣдовала все несмѣтное богатство отца.

Кударъ-Кулъ, отстранивъ совсѣмъ отъ дѣлъ стараго Апсе-бая, неотступно сталъ преслѣдовать Баянъ своими предложеніями

---

[1]) Въ настоящее время здѣсь существуетъ городокъ Каркаралы, въ уѣздѣ того же имени.

выйти за него поскорѣе замужъ. Чтобы отдѣлаться отъ назойливаго жениха и оттянуть время брака до пріѣзда страстно ожидаемаго Козу-Курпеча, Баянъ-Слу, не имѣя силы противиться открыто желанію Кудара, пустилась на хитрости. Она обѣщала выйти за него замужъ, но только послѣ того, какъ онъ исполнитъ три дѣла, которыя она ему поручитъ.

Кударъ согласился, и Баянъ-Слу поручила ему заняться исчисленіемъ всего многочисленнаго скота своего. Когда эти работы были выполнены, она велѣла ему во всѣхъ мѣстахъ безводной степи выкопать глубокіе колодцы, чтобы пасущійся скотъ могъ имѣть вездѣ достаточно воды. Послѣдняя же, самая трудная работа заключалась въ томъ, чтобы Кударъ отыскалъ низменное мѣсто около могилы сестры Тансыкъ, снарядилъ большой вьючный обозъ съ большими кожанными мѣхами и возилъ бы воду изъ р. Аягузъ до тѣхъ поръ, пока не получится искусственное озеро, а берега этого озера Баянъ приказала обложить солью, необходимой для скота.

Несмотря на непреодолимыя трудности, Кударъ-Кулъ рѣшился выполнить и эту послѣднюю работу: день и ночь непрерывно продолжалась работа, безконечный обозъ верблюдовъ въ теченіе цѣлаго года двигался отъ уроч. Тансыкъ до р. Аягуза и обратно, и наконецъ искусственное озеро было готово и въ такомъ видѣ, подъ именемъ озера Тансыкъ, существуетъ и до настоящаго времени. Баянъ Слу, не имѣя болѣе предлоговъ отказывать Кудару, вынуждена была, наконецъ, назначить день свадьбы, которая должна была состояться не позже слѣдующаго мѣсяца.

Кара-бай, отдѣлившись отъ семьи Сарыбая, прожилъ тоже не долго. Года черезъ три онъ умеръ, настрого наказавъ передъ смертью престарѣлой матери своей и женѣ, матери Козу-Курпеча, ничего не говорить мальчику о невѣстѣ его, Баянъ, изъ опасенія, чтобы бракъ этотъ не состоялся и не повлекъ за собой предсказанныхъ несчастій.

Козу-Курпечъ подросталъ и годамъ къ семи выглядѣлъ уже подросткомъ, выказывая необычайную силу. Часто въ играхъ со сверстниками и подростками онъ по неосторожности наносилъ тяжкія увѣчья товарищамъ, а въ борьбѣ со взрослыми не только всегда оказывался побѣдителемъ, но, въ горячности, не разсчитавъ силу удара, убивалъ на—смерть своихъ противниковъ. Этими случаями Козу-Курпечъ причинялъ не малое горе своей матери, а въ особенности бабушкѣ, которая по смерти Кара-бая осталась старшимъ и почетнымъ лицомъ въ родѣ.

Однажды бабушка его сидѣла у дверей своей юрты и пряла баранью шерсть, а Козу-Курпечъ, которому было уже 15 лѣтъ, игралъ съ товарищами въ асыки (бабки) тутъ же неподалеку. Старуха была не въ духѣ и съ утра сердилась на внука, а Козу-Курпечъ, желая еще больше досадить ей, сталъ бросать свои бабки такъ, чтобы онѣ попадали къ ней въ пряжу и мѣшали ей работать. Одинъ разъ изловчившись, Козу-Курпечъ бросилъ свой асыкъ такъ мѣтко, что онъ попалъ прямо въ натянутую на веретено пряжу и разорвалъ ее. Не помня себя отъ гнѣва, старуха вскочила съ мѣста и разразилась бранью и упреками.

— Вотъ, какой ты большой болванъ выросъ, — вскричала она:—не лучше ли, вмѣсто того, чтобы забавляться дѣтскими играми, тебѣ сѣсть на коня и разыскать свою невѣсту!

— Какую невѣсту?—спросилъ Козу-Керпечъ.

— Да твою невѣсту...—Но тутъ, спохватившись, старуха попыталась обратить все въ шутку. Однако Козу-Курпечъ такъ настоятельно сталъ ее допрашивать, что она была не въ состояніи отговориться и сказала наконецъ.

— Ступай къ матери: мать все знаетъ и все тебѣ скажетъ.

Мать съ перваго же раза сообразила, что бабушка не выдержала и нарушила сло-

во, данное Кара баю. Поэтому она всѣми силами пыталась убѣдить сына, что все это шутка, и кто невѣста и гдѣ она живетъ—сказать не хотѣла. Тогда Козу Курпечъ притворившись, что повѣрилъ словамъ матери, попросилъ ее приготовить себѣ свое любимое кушанье—„курмачъ“. [1]) Мать обрадовалась и, приготовивъ курмачъ, подала его сыну на блюдѣ. Козу-Курпечъ, улучивъ удобную минуту, быстро всунулъ матери горячей пшеницы въ руку и крѣпко зажалъ ее своей рукой. Отъ сильной боли мать заплакала, а Козу-Курпечъ сталъ допытываться: кто невѣста и гдѣ она.

Не будучи въ состояніи больше выносить боль, мать отвѣтила наконецъ:

— Невѣста Баянъ-дочь Кара-бая; отпусти меня, я все скажу тебѣ.

Освободивъ руку матери, Козу-Курпечъ выслушалъ подробный разсказъ ея объ обѣтѣ Кара-бая и Сары-бая; но больше мать ничего не знала. Слава о красотѣ и богатствѣ Баянъ разнеслась повсюду, но съ откочевкой Кудара изъ Баянъ-аула слѣдъ затерялся, и гдѣ и какъ найти невѣсту,—мать не могла разъяснить Козу-Курпечу.

Козу-Курпечъ рѣшился ѣхать въ Баянъ-аулъ и тамъ, наведя справки, двинуться въ дальнѣйшіе поиски по слѣдамъ Кударъ-Кула.

— Не ѣзди, сынъ мой,—умоляла мать:—отецъ твой завѣщалъ передъ смертью отказаться отъ невѣсты, потому что бракъ этотъ принесетъ тебѣ несчастіе.

— Если отецъ измѣнилъ своему слову, я долженъ исправить его грѣхъ и выполнить его клятву,—отвѣчалъ Козу-Курпечъ.

— Но невѣста уже просватана за богатыря Кударъ-Кула, который убьетъ тебя.

— Я буду биться съ нимъ на-смерть, и если мнѣ суждено взять въ жены Баянъ, я одолѣю, а если нѣтъ, то только смерть заставитъ меня отказаться отъ невѣсты.

— Но вѣдь невѣста далеко и гдѣ—никто не знаетъ; путь предстоитъ долгій; дикіе звѣри и злые люди подстерегутъ и погубятъ тебя въ дорогѣ.

— Не боюсь я ни звѣрей дикихъ, ни злыхъ людей, сумѣю защититься отъ нихъ.

— На пути туда лежатъ озера глубокія, рѣки быстрыя, горы высокія, лѣса дремучіе. Гдѣ тебѣ преодолѣть всѣ трудности. Ты одинъ, молодъ и неопытенъ.

— Я возьму себѣ такого коня, который переплываетъ озера и рѣки, перейдетъ и горы высокія, а въ лѣсу я самъ проложу себѣ дорогу, и хоть годъ буду прорубать себѣ путь, а назадъ не вернусь.

Видя, что никакія увѣщанія не помогаютъ и ничто не можетъ помѣшать рѣшенію сына ѣхать въ дальній путь, мать со слезами простилась съ нимъ.

Выбравъ себѣ лучшаго коня изъ многочисленныхъ табуновъ своихъ, вооружившись лукомъ и стрѣлами, нейзой и кылычомъ *), выѣхалъ на другой же день Козу-Курпечъ на поиски за невѣстой.

А мать, все еще не теряя надежды воротить сына съ дороги, посовѣтовалась со старой бабушкой и объ рѣшили обратиться къ одной колдуньѣ за помощью.

Колдунья, принявъ богатые дары, обѣщала воспрепятствовать Козу-Курпечу на дальнѣйшемъ пути и немедленно пустилась за нимъ.

Опередивъ Козу-Курпечъ, обернулась колдунья дикой верблюдицей и бросилась ему навстрѣчу съ яростнымъ ревомъ.

Но не сробѣлъ Козу-Курпечъ, выхвативъ саблю изъ ноженъ, бросился онъ на

---

[1]) Пшеница, прожаренная въ бараньемъ салѣ.

*) Пикой и саблей.

разъяренную верблюдицу; не выдержала верблюдица, повернула назадъ и пропала изъ глазъ.

Поѣхалъ Козу-Курпечъ дальше и вдругъ видитъ, что бурная и глубокая рѣка преградила ему путь, съ шумомъ и ревомъ несутся волны, бѣлая пѣна кипитъ, какъ въ котлѣ.

Не сталъ и броду искать Козу-Курпечъ, а бросился прямо въ кипящія волны на лихомъ конѣ своемъ. Но только что конь успѣлъ вскочить въ воду передними ногами, какъ рѣка исчезла и опять открылась гладкая дорога.

Ѣдетъ дальше Козу-Курпечъ, а день уже началъ склоняться къ вечеру и вотъ что то засинѣло вдали—не то горы, не то лѣсъ, раскинулся поперекъ дороги. Наступила почти ночь, когда подъѣхалъ онъ ближе и видитъ, что это лѣсъ, да такой густой, что не только верхомъ, а и пѣшкомъ черезъ него не пробраться, и такъ далеко раскинулся лѣсъ, что конца-краю ему не видно, и объѣхать негдѣ.

Остановился Козу-Курпечъ, подумалъ какъ быть, да недолго раздумывалъ, выхватилъ саблю и сталъ лѣсъ рубить. „Буду,—думаетъ—хоть годъ рубить, а всетаки назадъ не поѣду". И только ударилъ онъ по первому дереву, повалилось дерево со стономъ и лѣсъ разомъ пропалъ изъ глазъ.

И горами и озерами оборачивалась колдунья; но видитъ, что ничто не можетъ остановить Козу-Курпеча и рѣшилась она на послѣднее средство отвлечь его отъ дороги богатой добычей, сбить его съ пути такъ, чтобы онъ заблудился и не найдя дороги, повернулъ назадъ.

Обернулась она золотой лисицей и выбѣжала Козу-Курпечу на встрѣчу. Только завидѣлъ онъ добычу, схватилъ лукъ и погнался за ней, думая подбѣжать и пустить въ лисицу стрѣлу; но лисица въ тотъ мигъ, какъ онъ готовился выстрѣлить, спряталась въ нору.

Козу-Курпечъ слѣзъ съ коня и стрѣлой сталъ шарить въ норѣ; нора оказалась глубокая, и стрѣла не достала лисицы, но когда онъ вынулъ стрѣлу изъ норы, то съ удивленіемъ увидѣлъ, что она вся озолотилась. Тогда Козу-Курпечъ попробовалъ опустить въ нору нагайку и нагайка тотчасъ же превратилась въ золотую. Тутъ Козу-Курпечъ сталъ совать въ нору все, что было у него съ собой, и скоро весь сѣдельный приборъ, оружіе, стрѣмена, лукъ и стрѣлы,—все озолотилось. Козу-Курпечъ, наконецъ не найдя больше ничего, что можно было бы еще вызолотить, легъ на землю лицомъ вверхъ и опустилъ въ нору свою косу, *) а когда вытащилъ ее, то и коса тоже стала золотою.

Ну довольно,—сказалъ Козу-Курпечъ, сѣлъ на коня и отправился въ дальнѣйшій путь; но только тронулся онъ съ мѣста, какъ лисица опять выбѣжала изъ норы. Не сталъ Козу-Курпечъ за ней гоняться, много и безъ того потерялъ времени, и поѣхалъ онъ дальше, даже не оглядываясь на лисицу.

Долго ѣхалъ Козу-Курпечъ и наконецъ прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ когда-то аулъ Баянъ-Слу. Ничего не осталось отъ прежняго аула, только сорной травой заросли мѣста, гдѣ стояли когда-то многочисленныя юрты.

Слѣзъ Козу-Курпечъ съ коня, привязалъ его къ кусту на выстойку и рѣшилъ сдѣлать здѣсь привалъ, отдохнуть, переночевать, а на завтра осмотрѣть слѣды и ѣхать дальше.

Насбиралъ онъ сухого конскаго помета, развелъ огонь и сталъ жарить мясо убитой сайги, какъ вдругъ видитъ, что идетъ къ нему старикъ, одеженка на немъ худая, вся въ лохмотьяхъ, ноги босы и изранены о камни, самъ онъ еле живой идетъ и на палку опирается,—видно, что человѣкъ хворый. Подошелъ старикъ къ огню, поздоровался. И сталъ Козу-Курпечъ разспрашивать старика:

*) Въ киргизскихъ семьяхъ мальчикъ-первенецъ или любимецъ родителей носитъ на затылкѣ небольшую косу.

— Откуда, бабай (дѣдушка) идешь? какъ зовутъ тебя и какъ ты очутился одинокій здѣсь, въ этомъ пустынномъ мѣстѣ?

— Зовутъ меня Апсе-бай,—отвѣтилъ старикъ; иду я издалека отыскать сына Кара-бая Козу-Курпеча и объявить ему о невѣстѣ его красавицѣ Баянъ, которая со дня на день ждетъ его и не знаетъ, какъ избавиться отъ ненавистнаго жениха калмыка Кударъ Кула.

И разсказалъ тутъ старый Апсе-бай все по порядку, начиная съ того дня, когда умеръ Сары-бай, и кончая тѣмъ, когда злодѣй Кударъ забралъ все въ свои руки и, опасаясь появленія Козу-Курпеча, откочевалъ далеко, а его, стараго, подъ конецъ выгналъ изъ дому, не давъ даже худенькой лошаденки.

— Много дней уже иду я, - говорилъ старикъ—и немощи одолѣли меня; силъ моихъ больше нѣтъ, придется, вѣрно, умереть мнѣ здѣсь, не исполнивъ обѣта, даннаго моимъ братомъ другу своему Кара-баю.

Обрадовался тутъ Козу-Курпечъ и открылъ старику свое имя, но не сразу повѣрилъ Апсе-бай, покачалъ онъ недовѣрчиво головой и говоритъ:

— А покажи-ка мнѣ свою косу!

Снялъ Козу-Курпечъ шапку, и какъ увидалъ Апсе-бай золотую косу, обнялъ его и заплакалъ отъ радости.

Утромъ чуть—свѣтъ поднялся Козу-Курпечъ, но Апсе-бай уже не вставалъ: болѣзнь свалила старика. Кое—какъ собравшись съ силами, разсказалъ онъ про дорогу, какія примѣты поставлены на пути, черезъ какія мѣста надо ѣхать, все повторилъ по—нѣсколько разъ, чтобы Козу-Курпечъ лучше запомнилъ, и потомъ окончательно впалъ въ безпамятство...

Какъ не спѣшилъ Козу-Курпечъ въ путь, но не рѣшился оставить одного больного старика; впрочемъ, недолго пришлось ему ждать: къ вечеру того же дня старикъ скончался.

Похоронивъ его, Козу-Курпечъ поѣхалъ дальше; теперь онъ ѣхалъ уже по вѣрной дорогѣ, разыскалъ всѣ примѣты по пути и, слѣдуя отъ одного урочища до другого, вскорѣ завидѣлъ вдали множество юртъ и многочисленныя стада. Это и было мѣсто стоянки Баянъ и Кударъ-Кула.

Не доѣзжая до аула, Козу-Курпечъ слѣзъ съ коня, разсѣдлалъ его и пустилъ на волю; все свое вооруженіе и хорошую одежду сложилъ въ потайное мѣсто, а самъ, переодѣвшись въ худенькій халатъ и рваную шапку, отправился пѣшкомъ въ аулъ наниматься въ табунщики. Прибылъ онъ на мѣсто какъ разъ въ тотъ день, когда Кударъ-Кулъ, окончилъ послѣднюю работу, заставилъ наконецъ Баянъ-Слу дать согласіе на бракъ и назначить день свадьбы.

Новаго табунщика приняли охотно и Козу-Курпечъ поступилъ въ услуженіе къ Баянъ-Слу подъ именемъ Котуръ-Тази. Она поручила ему пасти своихъ любимыхъ козъ, которыхъ каждое утро сама навѣщала и доила.

Въ первый же разъ, какъ увидѣлъ Козу-Курпечъ свою невѣсту, дрогнуло его сердце, цѣлый день ходилъ онъ самъ не свой,—до того поразила его красота Баянъ-Слу; хотя и много слыхалъ онъ о красотѣ ея, но такой красавицы и во снѣ ему никогда не снилось.

Нѣсколько дней уже прожилъ Козу-Курпечъ въ аулѣ своей невѣсты, а все не могъ ей открыться. все ждалъ подходящаго случая, а случая этого не представлялось.

Однажды Кударъ-Кулъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ горы къ своимъ калмыкамъ, а Баянъ-Слу, оставшись одна, вздумала послушать пѣсенъ. Приближенные указали ей на новаго табунщика Котуръ-Тази, какъ на большого мастера играть на домбрѣ *) и пѣть пѣсни.

*) Домбра—двуструнная балалайка.

Послали за нимъ.

Явился Козу-Курпечъ, сѣлъ у порога юрты своей повелительницы, настроилъ домбру и запѣлъ. Много пѣсенъ перепѣлъ онъ, а подъ конецъ запѣлъ о красавицѣ, которой въ свѣтѣ нѣтъ краше, и какъ эта красавица ждетъ-поджидаетъ жениха; словомъ, пропѣлъ ей всю свою и ея исторію и подъ конецъ такъ закончилъ свою пѣсню: „скоро, скоро объявится женихъ; близко онъ, да не знаетъ, приметъ ли его первая по красотѣ и богатству во всей степи дѣвушка“.

Поняла Баянъ, что про нее сложена эта пѣсня, и что не спроста пѣвецъ спѣлъ ее; долго и пристально поглядѣла она на него, но какъ же было признать въ бѣдномъ табунщикѣ жениха? „Вѣрно, гонецъ, посланный отъ него“,—подумала она, и, улучивъ время, успѣла шепнуть ему: „Скажи, что давно жду его и приму, какъ слѣдуетъ—только пусть спѣшитъ“.

Съ тѣхъ поръ часто стала ходить Баянъ къ своему любимому стаду и подолгу засиживаться тамъ и разспрашивать табунщика про желаннаго жениха. Все разсказалъ ей Козу-Курпечъ, только имени своего открыть не рѣшился, а замѣтилъ, что, должно быть, понравился самъ красавицѣ, потому что когда онъ, осмѣлившись, сталъ заигрывать и шутить съ ней, она не обижалась на его шутки, весело смѣялась и глядѣла на него ласково своими чудными глазами.

Случилось какъ-то вскорѣ, что любимая коза Баянъ-Слу соскочила неловко съ обрыва и сломала себѣ ногу. Услышавъ про то, Баянъ сама поспѣшила къ стаду и стала упрекать табунщика. Не стерпѣлъ, наконецъ, Козу-Курпечъ, схватилъ красавицу въ свои объятія и началъ ее цѣловать. Осердилась Баянъ, вырвалась изъ рукъ табунщика и ударила его по головѣ; отъ этого удара упала шапка съ головы Козу-Курпеча, и вдругъ увидѣла дѣвушка, какъ блеснула у него на затылкѣ золотая коса. Вспомнила она о примѣтѣ жениха и признала его; признался тогда во всемъ и Козу-Курпечъ.

Весь этотъ день провели они вмѣстѣ, обдумывая и соображая, какъ лучше устроить дѣло и объявить о свадьбѣ и рѣшили пока все держать въ тайнѣ, до откочевки на новое мѣсто; только не согласилась Баянъ-Слу оставить жениха въ табунщикахъ и взяла его къ себѣ въ личную прислугу, велѣла одѣться въ хорошее платье и находиться при ней безотлучно.

Спустя нѣсколько дней возвратился Кударъ-Кулъ изъ поѣздки. Крѣпко не понравилось ему, что Баянъ выбрала себѣ въ прислужники новаго табунщика; не узналъ онъ прежняго Котуръ-Тази въ красивомъ и статномъ джигитѣ.

Съ тѣхъ поръ Кударъ, не смѣя открыто противиться желаніямъ Баянъ-Слу и распоряжаться вопреки ея волѣ сталъ искать предлога обвинить въ чемъ-нибудь Козу-Курпеча и прогнать его, какъ человѣка неблагонадежнаго; однако, Козу Курпечъ держалъ себя такъ осторожно, что никакого повода къ обвиненіямъ не подавалъ.

Вскорѣ аулъ Баянъ-Слу перекочевалъ на новое мѣсто. По приходѣ туда, какъ обыкновенно, поставили юрты и стали городить загоны для мелкаго скота, чтобы загонять его на ночь. Когда понадобилось забивать колья для загоновъ, оказалось, что Кударъ-Кулъ забылъ на прежнемъ мѣстѣ свой молотъ, а была эта колотушка такъ тяжела, что десять человѣкъ не могли ее сдвинуть съ мѣста.

Вздумалось Кудару сыграть съ Козу Курпечемъ злую шутку, послать его за этимъ молотомъ, и когда онъ, не будучи въ состояніи его принести. явится съ пустыми руками, обвинить его въ лѣни и нерадѣніи, отколотить и прогнать изъ аула.

Придя по порученію Кудара на старое мѣсто, Кову-Курпечъ нашелъ молотъ, надѣлъ ремнемъ, который былъ у рукоятки, себѣ на палецъ и пошелъ обратно, помахивая молотомъ, какъ палочкой... Вдругъ ремень оборвался и молотъ отлетѣлъ въ сторону, да

такъ далеко, что упалъ прямо на середину, озера Ала-Куль.

Пришлось Козу-Курпечу вернуться въ аулъ съ пустыми руками.

Разсвирѣпѣлъ тогда Кударъ-Кулъ:

— Ахъ ты лѣнивая собака, несчастный байгушъ *), закричалъ онъ. Тебѣ и барановъ то пасти нельзя довѣрить, а не только въ прислужникахъ быть; убирайся вонъ отсюда, иди, откуда пришелъ и чтобы ноги твоей не было въ аулѣ! И бросился Кударъ-Кулъ на Козу-Курпеча съ кулаками.

Не могъ стерпѣть Козу-Курпечъ такой обиды, гнѣвомъ загорѣлись его очи.

— Какъ ты смѣешь называть меня нищимъ, калмыцкое безъименное отродье, пріемышъ киргизскій!—вскричалъ онъ въ отвѣтъ. Я—Козу-Курпечъ, сынъ знатнаго Кара-бая, а Баянъ-Слу—моя невѣста! И схативъ Кудара за опояску поперекъ тѣла, Козу-Курпечъ поднялъ его вверхъ и бросилъ на землю.

Чуть не на-смерть хлестнулся Кударъ-Кулъ о землю и долгое время лежалъ безъ памяти, а когда пришелъ въ себя, то весь народъ уже собрался около Козу-Курпеча и Баянъ-Слу и поздравлялъ жениха съ невѣстой.

Понялъ Кударъ, что пришелъ конецъ всѣмъ его надеждамъ и что ему ничего не остается больше, какъ собираться и ѣхать навсегда изъ аула Баянъ въ горы къ своимъ калмыкамъ.

— Ну, помни,—сказалъ Кударъ на прощанье Баянъ-Слу. Такъ-то ты отблагодарила меня за всѣ мои заботы о тебѣ и твоемъ добрѣ! Такъ-то разсчиталась со мной за мои труды и работы, которыя изъ хитрости заставляла дѣлать меня, чтобы оттянуть время. Не одинъ теперь я пріѣду къ тебѣ, а подниму на весь вашъ родъ цѣлую волость калмыковъ, погублю твоего мальчишку-жениха, а тебя силой возьму въ жены.

Уѣхалъ Кударъ-Кулъ въ горы, возмутилъ калмыковъ и пошелъ войной на Козу-Курпеча. А Козу-Курпечъ, разыскавъ своего коня и оружіе, собралъ со всѣхъ ауловъ джигитовъ, вооружилъ ихъ и приготовился къ защитѣ.

Не долго пришлось ожидать возвращенія Кудара, съ несмѣтной силой появился онъ передъ аулами, разъѣзжая самъ впереди на своемъ богатырскомъ конѣ Кара-бакѣ.

Выѣхалъ навстрѣчу ему и Козу-Курпечъ, двѣсти отборныхъ джигитовъ окружали его, ожидая знака къ бою. Самъ Козу-Курпечъ былъ на рыжемъ конѣ, которому и цѣны не было; все оружіе его блестѣло золотомъ, въ рукахъ было золотое копье съ желтымъ знаменемъ.

Съ дикимъ крикомъ бросились калмыки на киргизовъ, но не сробѣли джигиты и по знаку Козу-Курпеча, какъ соколы, полетѣли навстрѣчу врагамъ. Впереди всѣхъ мчался вихремъ Козу-Курпечъ, направляясь въ середину непріятеля, гдѣ завидѣлъ онъ врага своего Кудара. Не выдержалъ Кударъ и, опасаясь схватки одинъ на одинъ съ Козу-Курпечемъ, замѣшался въ толпѣ своихъ калмыковъ. Какъ трава подъ косой, стали валиться калмыки, поражаемые направо и налѣво мѣткими ударами Козу-Курпеча.

Не устояли калмыки противъ дружнаго натиска и скоро повернулись назадъ, спасаясь вразсыпную отъ преслѣдовавшихъ уже ихъ джигитовъ, а Козу-Курпечъ, давно опередилъ всѣхъ и все летѣлъ впередъ, настигая убѣгающаго вдали Кударъ-Кула.

Вотъ уже близко врагъ... Видитъ Кударъ-Кулъ, что не уйти ему отъ Козу-Курпеча, оглянулся онъ кругомъ—никого своихъ нѣтъ; не миновать, значитъ, схватки одинъ на одинъ. Обратилъ онъ назадъ своего Кара-бака, и грудь съ грудью сшиблись и кони и всадники.

*) Бѣднякъ, нищій.

Истомился Козу-Курпечъ предыдущей битвой съ многочисленными врагами, а Кударъ схватилъ его своими огромными руками и силился повалить съ коня. Долго боролись два богатыря, то Кударъ-Кулъ одолѣваетъ Козу-Курпеча, то Козу-Курпечъ беретъ верхъ. Наконецъ, изловчился, Козу-Курпечъ, освободилъ онъ правую руку и со всего размаха ударилъ врага кулакомъ по головѣ. Помутилось въ глазахъ у Кударъ-Кула отъ этого удара и, какъ подкошенный, рухнулъ онъ съ коня на землю, а Козу-Курпечъ уже спѣшился и, придавивъ колѣномъ грудь врага, связалъ его арканомъ.

Взмолился Кударъ и сталъ просить пощады, но не смилосердился Козу-Курпечъ, распалилось гнѣвомъ его сердце. Привязалъ онъ врага за ноги къ своему стремени и поволочилъ по землѣ. До самаго вечера таскалъ онъ Кудара, и сталъ наконецъ Кударъ просить отпустить его, обѣщая отказаться отъ всякихъ притязаній на Баянъ-Слу и давая клятву не имѣть зла противъ Козу-Курпеча и ничего не предпринимать противъ него.

Смилостивился тогда Козу-Курпечъ, развязалъ Кудара и отпустилъ его на всѣ четыре стороны, обѣщая, съ своей стороны, не только забыть все зло, но быть съ этого времени добрымъ другомъ Кудару, если только онъ сдержитъ слово и откажется отъ Баянъ-Слу. Козу-Курпечъ возвратилъ даже Кудару его коня и оружіе и разрѣшилъ ему вернуться въ аулъ Баянъ и, не опасаясь никакой вражды, продолжать жить, какъ и прежде, членомъ семьи.

Остался Кударъ-Кулъ въ аулѣ, и все пошло, повидимому, также, какъ и раньше. Стали готовиться къ свадьбѣ Козу-Курпеча и Баянъ-Слу; но не дремалъ Кударъ-Кулъ, надолго затаилъ онъ злобу въ сердцѣ, и, какъ только оправился, сталъ придумывать какъ бы извести Козу-Курпеча и завладѣть его невѣстой.

Прежде всего постарался онъ склонить на свою сторону старую тетку Баянъ-Слу, сестру покойнаго Сары-бая, а при ея содѣйствіи ему удалось заручиться союзниками и среди другихъ родственниковъ Баянъ, изъ которыхъ однихъ онъ обольстилъ лаской и обѣщаніями, а другихъ—золотомъ и подарками. Такимъ образомъ, болѣе половины родственниковъ вступили въ соглашеніе съ Кударъ-Куломъ и обѣщали ему свою помощь противъ Козу-Курпеча. Заручившись союзниками, Кударъ опять сталъ разъѣзжать по ауламъ на своемъ Кара-бакѣ и громко кричать, что онъ не допуститъ свадьбы, что теперь онъ не поддастся Козу-Курпечу, а можетъ даже голову его доставить въ аулъ на пикѣ.

Провѣдала объ этомъ Баянъ-Слу и скоро убѣдилась, что почти вся родня готова препятствовать ея свадьбѣ съ Козу-Курпечемъ. Нужно было придумать что-либо и не допустить схватки между Козу-Курпечемъ. и Кударомъ, такъ какъ эта схватка могла окончиться общей ссорой и дракой между всѣми родственниками... Большинство родни было на сторонѣ Кудара, и потому побѣда могла легко оказаться на его же сторонѣ. Между тѣмъ Козу-Курпечъ, узнавъ о замыслахъ Кудара, сталъ готовиться еще разъ помѣриться съ нимъ силой и далъ клятву на этотъ разъ не пощадить его. Собравъ около себя горсть преданныхъ джигитовъ, Козу-Курпечъ въ гнѣвѣ грозилъ перебить всѣхъ сторонниковъ Кударъ-Кула, и только ласками и поцѣлуями удалось Баянъ-Слу укротить гнѣвъ своего друга и упросить его не затѣвать междоусобнаго побоища. Баянъ уговорила Козу-Курпеча удалиться на короткое время въ уединенное мѣсто Чокъ-Терекъ, около озера Балхаша, сама же рѣшила объявить роднѣ, что женихъ ея уѣхалъ домой, и затѣмъ тотчасъ же отдать распоряженіе о перекочевкѣ на новое мѣсто, въ ту сторону, гдѣ находились родственники Козу-Курпеча. Баянъ-Слу надѣялась, что тѣ изъ родственниковъ, которые стали во враждебное къ ней отношеніе, не пойдутъ съ ней вмѣстѣ, и она уйдетъ такимъ образомъ только съ друзьями, а тогда Козу-Курпечъ могъ

смѣло явиться къ ней, не опасаясь Кударъ-Кула, который, оставшись безъ союзниковъ, смирится и покорится своей участи.

Послѣ долгихъ колебаній, Козу-Курпечъ согласился наконецъ на предложеніе Баянъ-Слу и удалился на Чокъ-Терекъ, а Баянъ, объявивъ объ отъѣздѣ жениха отдала распоряженіе о перекочевкѣ и велѣла собирать и тюковать свое имущество. Предположеніе ея, видимо, оправдывалось; раздоры прекратились; сторонники Кударъ-Кула, разсорившіеся съ Баянъ, отказались слѣдовать за ней и порѣшили остаться на прежнемъ мѣстѣ; самъ же Кударъ-Кулъ заявилъ, что уѣдетъ къ своимъ калмыкамъ и останется тамъ навсегда.

Одна только старая тетка Баянъ-Слу не повѣрила племянницѣ и подозрѣвала, что Козу-Курпечъ гдѣ нибудь скрывается по близости.

День и ночь она стерегла Баянъ, ложилась спать въ одной съ ней юртѣ и все наблюдала, не получитъ ли Баянъ-Слу какихъ-либо вѣстей отъ своего жениха.

И замѣтила тетка, что каждый день, на утренней зарѣ, Баянъ тихо поднималась съ постели, раздвигала войлоки юрты, и въ отверстіе влеталъ скворецъ, садился дѣвушкѣ на плечо и какъ будто бы что-то шепталъ ей на ухо.

„Это вѣстникъ Козу-Курпеча“,—подумала старая женщина и рѣшилась поймать скворца и узнать отъ него правду. И вотъ, за день до предполагаемаго выступленія въ путь на новое мѣсто, старуха поднялась утромъ раньше Баянъ—подошла къ замѣченному мѣсту, раздвинула войлоки и подставила къ отверстію свой рукавъ. Не ожидая западни, скворецъ влетѣлъ въ рукавъ, а старуха, захвативъ его, тотчасъ же удалилась къ себѣ. Тамъ она стала допытываться у птички, гдѣ скрывается Козу-Курпечъ, но скворецъ упорно молчалъ; тогда злая старуха стала пытать его, вырывая у живого перья, и теребила до тѣхъ поръ, пока не оголила спинку и крылья, стараясь при этомъ ухватить и кожу; но скворецъ, несмотря на муки, все молчалъ и не хотѣлъ отвѣчать на ея вопросы. Наконецъ, скворецъ не выдержалъ, сказалъ только: „Чокъ-Терекъ“, и съ этимъ словомъ умеръ.

Чтобы скрыть слѣды преступленія, старая тетка Баянъ зажарила скворца и съѣла его, а потомъ, призвавъ Кударъ-Кула, разсказала ему обо всемъ. Послѣ нѣкотораго размышленія оба союзника рѣшили, что Козу-Курпечъ долженъ, повидимому, скрываться въ урочищѣ Чокъ-Терекъ, а потому Кударъ долженъ былъ тотчасъ же отправиться на это мѣсто и постараться захватить Козу-Курпеча внезапно.

Въ то же утро Кударъ-Кулъ, пригласивъ бывшихъ съ нимъ въ союзѣ родственниковъ Баянъ, поѣхалъ въ Чокъ-Терекъ. День былъ жаркій и Козу-Курпечъ, въ ожиданіи вѣстника отъ невѣсты, безпечно заснулъ въ тѣни тополя *).

Заслышавъ приближавшійся топотъ, Козу-Курпечъ проснулся и съ недоумѣніемъ увидѣлъ толпу ѣхавшихъ къ нему всадниковъ, между которыми призналъ Кударъ-Кула.

Вскочивъ на ноги, Козу-Курпечъ схватилъ лукъ и стрѣлы и приготовился защищаться, но одинъ изъ родственниковъ крикнулъ ему, что Кударъ-Кулъ пріѣхалъ мириться и проститься, такъ какъ намѣренъ откочевать въ свои края за хребетъ Ала-тау.

— „Если Кударъ уѣзжаетъ, то не можетъ быть и рѣчи о какой-либо враждѣ между нами,—сказалъ Козу-Курпечъ: я не помню зла и готовъ считать Кудара своимъ другомъ“. Съ этими словами Козу-Курпечъ положилъ на землю лукъ и стрѣлы и пошелъ навстрѣчу прибывшимъ.

Но въ это время Кударъ-Кулъ, скрываясь за спиною всадниковъ, незамѣтно натянулъ свой лукъ и пустилъ напитанную ядомъ

*) Терекъ, значитъ, тополь, Чокъ-терекъ—одинокое тополевое дерево.

стрѣлу, которая до половины впилась въ грудь Козу-Курпеча. Онъ упалъ, обливаясь кровью.

Въ тотъ же день Баянъ-Слу, напрасно прождавъ скворца и томимая безотчетной тоской, собрала подругъ своихъ и подъ предлогомъ осмотра мѣста для новой стоянки, выѣхала съ ними на Чокъ-Терекъ навѣстить жениха. Не доѣзжая половины пути до Чокъ-Терека, дѣвушка встрѣтила группу всадниковъ, впереди которой ѣхалъ на ворономъ конѣ Кударъ-Кулъ, что-то высоко поднявъ на пикѣ. Поровнявшись съ Баянъ-Слу, Кударъ быстро встряхнулъ и опустилъ пику, и голова Козу-Курпеча упала на пыльную дорогу къ ногамъ коня, на которомъ ѣхала Баянъ. Ни слова не вымолвивъ, Кударъ-Кулъ поѣхалъ дальше.

Съ воплемъ упала Баянъ-Слу на землю и долго лежала такъ надъ головой возлюбленнаго; потомъ она встала и, приказавъ подругамъ возвратиться домой, отправилась одна въ Чокъ-Терекъ разыскать тѣло Козу-Курпеча, чтобы умереть тамъ же, гдѣ кончилъ жизнь милый женихъ. Найдя тѣло его, она вынула изъ груди его стрѣлу, приложила къ плечамъ отрѣзанную голову и, склонившись у трупа, стала, рыдая, молиться и просить Бога оживить ея жениха, хотя на короткое время, чтобы проститься съ нимъ. Долго такъ молилась она, не поднимая лица отъ дорогого трупа, и вдругъ почудилось ей, что кто-то стоитъ передъ ней. Поднявъ глаза, она увидала какого-то старика, который ласково спросилъ ее:

— О чемъ такъ горько плачешь, красавица?

— Ахъ, какъ мнѣ не плакать, бабай: я потеряла любимаго жениха, убитаго вѣроломной рукой, и вотъ, въ отчаяніи, что не успѣла даже проститься съ нимъ, я прошу у Бога милости подарить мнѣ снова жизнь его хотя на три дня.

— Мало просишь, красавица, проси три года.

— Не нужно мнѣ трехъ лѣтъ, я хочу умереть вмѣстѣ съ нимъ.

— Ну, проси хотя три мѣсяца.

— Не нужно трехъ мѣсяцевъ, довольно мнѣ и трехъ дней.

— Ну, пусть будетъ по-твоему,— сказалъ старецъ и въ ту же минуту исчезъ, а Баянъ, радостная и умиленная, увидѣла вдругъ, какъ голова Козу-Курпеча приросла къ плечамъ, глаза открылись... Онъ вздохнулъ, приподнялся и сѣлъ.

Три дня и три ночи прожили неразлучно женихъ съ невѣстой. Козу-Курпечъ разсказалъ ей о вѣроломствѣ Кудара и взялъ слово съ Баянъ-Слу отомстить за его смерть и Баянъ поклялась исполнить его желаніе и, совершивъ месть, умереть и лечь въ одну могилу съ своимъ женихомъ. Въ концѣ третьяго дня Козу-Курпечъ, почуявъ близость смерти, крѣпко обнялъ свою подругу и скончался въ ея объятіяхъ.

По смерти Козу-Курпеча, Баянъ-Слу возвратилась домой и, собравъ всю родню и весь народъ, объявила, что женихъ ея умеръ, что никакимъ ссорамъ и распрямъ теперь нѣтъ мѣста, и что она готова выйти немедленно замужъ за Кударъ-Кула, только просила дать ей время похоронить Козу-Курпеча и справить по немъ поминки. Обрадованный Кударъ-Кулъ теперь опять былъ готовъ на все, что потребуетъ отъ него Баянъ. Поэтому онъ согласился не только снова принять на себя все управленіе хозяйствомъ ея, но и заняться устройствомъ похоронъ и поминокъ.

Баянъ-Слу приказала ему приготовить для поминальнаго обѣда (асъ) „сорокъ верблюдицъ безъ верблюжатъ, сорокъ кобылъ безъ жеребятъ, сорокъ коровъ безъ телятъ и сорокъ овецъ безъ ягнятъ“ и пригнать этотъ скотъ къ назначенному для похоронъ мѣсту, близъ р. Аягуза, и туда же пригласить на поминки весь народъ. По пути къ Ягузу, Кударъ долженъ остановиться у колодца въ степи и ожидать тамъ пріѣзда Баянъ съ тѣломъ Козу-Курпеча.

Сама Баянъ-Слу тѣмъ временемъ въ сопровожденіи женщинъ, дѣвушекъ и огромной толпы народа отправилась въ Чокъ-Терекъ, гдѣ тѣло умершаго Козу Курпеча обрядили для похоронъ, задѣлавъ его въ тонкіе войлоки и дорогіе ковры такъ, чтобы трупъ могъ нѣсколько дней лежать подъ открытымъ небомъ, пока готовится могила. Затѣмъ навьючивъ тѣло на верблюда, весь похоронный поѣздъ двинулся къ мѣсту погребенія.

По пріѣздѣ къ колодцу, гдѣ дожидался Кударъ-Кулъ, Баянъ-Слу притворилась больной и объявила, что не можетъ слѣдовать дальше до выздоровленія, а выздоровленіе, она получитъ только тогда, когда кто-либо изъ молодыхъ джигитовъ рѣшится спуститься въ глубокій колодецъ и достать для нея воды своей шапкой. А такъ какъ колодецъ былъ очень глубокъ, то, вмѣсто веревки, спускающійся долженъ былъ воспользоваться косой Баянъ-Слу, которая была надставлена шелкомъ и такъ длинна, что хватала до самаго дна колодца.

— Кто спустится, за того мнѣ суждено выйти замужъ, прибавила въ заключеніе Баянъ, очевидно желая поручить это дѣло Кударъ-Кулу.

Не задумываясь ни минуты, Кударъ-Кулъ вызвался исполнить желаніе красавицы и, ухватившись за ея косу, сталъ спускаться въ колодецъ. Но едва лишь онъ опустился до дна, какъ Баянъ ударомъ ножа обрѣзала свою косу, и Кударъ-Кулъ упалъ на дно. Принимая все это за шутку, Кударъ, набравъ воды, сталъ кричать, чтобы его подняли и, обращаясь къ Баянъ, которая, склонившись, смотрѣла на него, сказалъ съ улыбкой:

— Твоя шутка очень бы мнѣ понравилась, но только не въ такомъ тѣсномъ мѣстѣ, здѣсь такъ темно и холодно!

— Эта шутка,—отвѣтила Баянъ:—похожа на ту, которю ты сыгралъ съ моимъ женихомъ. Сиди же теперь здѣсь и моли Бога, чтобы смерть пришла за тобой поскорѣе.

Съ этими словами Баянъ-Слу отошла отъ колодца и приказала закидать отверстіе лѣсомъ, а сверху навалить камня и насыпать могильный курганъ.

Покончивъ такимъ образомъ съ Кударъ-Куломъ, Баянъ-Слу предстояло теперь сдѣлать могилу Козу-Курпечу и въ этой могилѣ умереть рядомъ съ его трупомъ.

Отойдя къ Аягузу, Баянъ выбрала возвышенное мѣсто и велѣла копать могилу и заготовлять матеріалъ для памятника. Въ это время, недалеко отъ ихъ стана, расположился на ночлегъ громадный купеческій караванъ, шедшій къ туркменамъ. Хозяинъ каравана, онъ же и начальникъ его (караванъ-башъ), замѣтивъ вблизи стеченіе народа, отправился посмотрѣть, что это такое, и тутъ увидѣлъ Баянъ-Слу. Красота ея до того поразила Караванъ-баша, что онъ цѣлую ночь не могъ послѣ того уснуть, а утромъ послалъ къ Баянъ посольство съ предложеніемъ выйти за него замужъ. Въ калымъ за невѣсту, караванъ-башъ предложилъ все богатство, какое заключалось въ караванѣ; если же красавица и на это будетъ несогласна, то начальникъ каравана приказалъ объявить ей, что онъ безъ нея не уйдетъ съ мѣста и въ крайности готовъ овладѣть ею силой. Крѣпко опечалилась Баянъ-Слу, получивъ это предложеніе. Еще разъ предстояло ей отдѣлаться отъ назойливаго предложенія и именно въ то время, когда она уже мысленно простилась съ жизнью и готовилась умереть. Чтобы не вызвать своимъ отказомъ какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій со стороны могущественнаго караванъ-баша, Баянъ рѣшилась пригласить его къ себѣ и лично переговорить съ нимъ.

Когда купецъ прибылъ, Баянъ-Слу приняла его съ почетомъ, угостила изъ собственныхъ рукъ и на предложеніе объявила, что согласна была бы выйти за него замужъ, но не теперь, а тогда, когда покончитъ съ постройкой памятника. Эта постройка должна затянуться надолго, а потому Баянъ просила Караванъ-баша, не мѣшкая, ѣхать сво-

имъ путемъ и отложить свадьбу до своего возвращенія.

Очарованный ея красотой и любезностью, караванъ-башъ, чтобы ускорить время брака, предложилъ постройку памятника принять на себя.

— У меня нѣсколько тысячъ народа —сказалъ онъ, и я все сдѣлаю въ короткое время, укажи только гдѣ и какой величины поставить памятникъ.

Баянъ отвела его на мѣсто, гдѣ была уже выкопана яма, очертила палкой основаніе памятника, а для указанія высоты его сняла и бросила вверхъ свою дорогую дѣвичью шапку.

Въ тотъ же день караванъ—башъ, собравъ весь свой народъ, приступилъ къ работѣ.

Отъ горъ Арганактинскихъ до Аягуза (около 150 в.) онъ поставилъ цѣпь людей на такомъ разстояніи одинъ отъ другого, чтобы камень для кладки памятника, добываемый изъ горъ и обдѣланный мастерами, могъ быть передаваемъ изъ рукъ въ руки до самой могилы, гдѣ другіе мастера укладывали его въ стѣны. Въ очень скоромъ времени памятникъ былъ готовъ. Баянъ осмотрѣла его и осталась довольна. Тѣло Козу-Курпеча внесли въ открытую дверь памятника и опустили въ яму; весь приведенный скотъ былъ заколотъ, и начался поминальный обѣдъ (асъ). Сама Баянъ-Слу разодѣлась въ дорогія одежды и лично угощала гостей. Вся молодежь, очарованная красотой хозяйки, потеряла голову, и каждый готовъ былъ по желанію красавицы идти и дѣлать все, что она захочетъ. Когда начались обычныя игры и состязанія на призы, капризная красавица вдругъ объявила, что она сейчасъ же пойдетъ замужъ за того, кто, взобравшись на самую вершину памятника, спрыгнетъ оттуда внизъ. Охотниковъ оказалось великое множество, и самъ караванъ-башъ, окончательно потерявшій власть надъ своими подчиненными, погибъ изъ первыхъ, пытаясь выполнить предложенное состязаніе.

Когда всѣ претенденты на руку Баянъ-Слу погибли, она собрала родственниковъ, раздѣлила между ними все свое несмѣтное богатство и завѣщала похоронить ее въ одной могилѣ съ Козу-Курпечемъ. Послѣ этого она вошла въ дверь могилы, спустилась въ яму, гдѣ лежало тѣло, и кинжаломъ, который носила у пояса, ударила себя въ грудь съ такою силою, что сразу скончалась“.

Древности Иссыкъ-куля.

Неоднократно и въ разныхъ мѣстахъ появились въ печати статьи о древностяхъ, разбросанныхъ по Иссыкъ-Кульскому побережью. а) Извѣстно, что мѣстами вода выбрасываетъ различныя предметы, какъ-то: черепки глиняной посуды, обломки костей, мѣдныя вещи, подсвѣчники, множество монетъ и пр. Изъ всѣхъ мѣстъ, наиболѣе интересныхъ въ археологическомъ отношеніи-это урочище Кайсара на юго-восточномъ берегу озера и окрестности станціи Туръ-Айгыра на сѣверо-западномъ берегу того же озера.

Подробное описаніе древностей Иссыкъ Куля мы находимъ въ статьѣ П. Дьячкова, напечатанной въ Протоколахъ Туркестанскаго кружка люб. арх. (Прилож. къ Прот. отъ 29 августа 1897 г.) подъ заглавіемъ „Урочище Кайсара“. Въ виду большого интереса, который представляетъ ст. г. Дьячкова въ научномъ отношеніи, я ее приведу здѣсь цѣликомъ.

„На юго-восточномъ берегу Иссыкъ-Кульскаго озера, на правой сторонѣ, при входѣ въ Джаргаланскій заливъ, ведущій къ Пржевальску, находится небольшая бухта съ низкими пустынными берегами. Скудная трава даетъ возможность пріютиться десятку киргизскихъ семействъ, которыхъ юрты только и нарушаютъ унылое однообразіе мѣстности. Это—урочище Кайсара, заслуживающее особеннаго вниманія въ археологическомъ отношеніи. Слѣды человѣческихъ жилищъ на днѣ залива, множество разбитой глиняной посуды, металлическія вещи, добытыя въ разное время отдѣльными лицами,—все это говоритъ о минувшей культурѣ, рѣшить вопросъ о времени которой предоставляется будущему, когда въ достаточной степени накопится необходимый для строгаго научнаго изслѣдованія матеріалъ. Нельзя не замѣтить за послѣднее время значительнаго уменьшенія остатковъ древностей: ихъ выбрали отчасти рыбаки, пріѣзжающіе сюда для рыбной ловли, отчасти жители Пржевальска, соединяющіе пріобрѣтеніе этихъ рѣдкостей съ удовольствіями загородной прогулки. Въ своей статьѣ о древностяхъ Иссыкъ-куля (см. Турк. Вѣд. 1892 г. №№ 35 и 36) Н. Л. Зеландъ упоминаетъ вообще о разныхъ старинныхъ предметахъ, разбросанныхъ по берегу залива. „Мы пристали“, говоритъ онъ, „около мыса Кайсары, за которымъ не въ далекомъ разстояніи начинается полоса берега, версты въ полторы длиною, усѣянная обломками костей, черепками глиняной посуды, обломками жженыхъ кирпичей и тому подобное“. Теперь уже нѣтъ никакихъ слѣдовъ такого обилія археологическаго матеріала: всѣ вещи приходится до-

---

а) Статья Ядринцева „Древній усуньскій городъ на Иссыкъ-кулѣ“ (Турк. Сборн. Т. 402)
б) Туркест. Вѣд. за 1892 г. №№ 35 и 36.
в) Отчетъ Имп. арх. ком. за 1895 г. стр. 47.

бывать со дна бухты. Прежде находили мѣдныя вещи: *) подсвѣчники, ковши, небольшія чашки, прекрасно сохранившія форму; все это поступало въ собственность частныхъ лицъ и утрачивалось для археологіи. Теперь еще иногда можно натолкнуться на цѣльную вещь: глиняные горшки, огромныя бадьи, вмѣстимостью ведеръ въ 12-ть; мѣдныя вещи попадаются, какъ рѣдкость, и находка ихъ является цѣлымъ событіемъ. О желѣзныхъ вещахъ авторъ статьи совсѣмъ не слыхалъ. Нѣсколько предметовъ, купленныхъ старшимъ врачемъ Пишпекскаго мѣстнаго лазарета, Поярковымъ, большимъ любителемъ археологіи, имя котораго связано съ многими интересными археологическими находками въ Семирѣчьи, были отправлены имъ въ Москву и Гельсингфорсъ.

Проливъ, ведущій въ Джаргаланскій заливъ, при своей незначительной ширинѣ, довольно глубокъ; бассейнъ его представляетъ углубленіе, быстро понижающееся съ южной стороны и постепенно съ сѣверной. На разстояніи $1^1/_2$ в. отъ берега, глубина залива только 1 сажень, а ближе—еще меньше 1 аршина, но черезъ 2 версты дно сразу опускается на $8^3/_4$ саж.; въ 3-хъ верстномъ разстояніи глубина доходитъ до 13 саж., а на 4-й верстѣ достигаетъ наибольшей величины—29 саж. 2 арш. На этой небольшой плоскости и находятся теперь остатки таинственнаго селенія, которое, вѣроятно, не могло быть большимъ городомъ, занимая такое сравнительно небольшое пространство.

Прозрачность воды, въ лѣтніе мѣсяцы значительно уменьшающаяся [бѣлый дискъ, величиной съ обыкновенную тарелку, виденъ на глубинѣ 4 саж. 2 арш.], позволяетъ хорошо различать на днѣ даже мелкіе предметы, а незначительная глубина—легко доставить ихъ. Но поверхность Иссыкъ-куля, приводимая въ движеніе внезапно появляющимися изъ окрестныхъ ущелій порывами вѣтра, слишкомъ непостоянна. Только при тихой ясной погодѣ, особенно рано утромъ, можно хорошо видѣть съ лодки разбросанные на большомъ разстояніи несомнѣнные признаки потонувшихъ когда-то человѣческихъ жилищъ. Прежде всего бросаются въ глаза какія-то неопредѣленнаго вида массы, затянутыя довольно толстымъ слоемъ сѣро-желтаго глинистаго ила. Съ перваго взгляда ихъ легко смѣшать съ породами, напоминающими труфовидныя инкрустаціи, которыя очень часто попадаются въ этомъ заливѣ, а нѣкоторыя изъ нихъ уже успѣли выступить надъ поверхностью озера въ видѣ небольшихъ островковъ. Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ волненіе прибоя смыло глинистый слой, вполнѣ ясно выступаетъ кирпичная кладка, обрисовываясь небольшими квадратами, плотно прилегающими другъ къ другу.

Опредѣлить наружный видъ остатковъ этихъ сооруженій, ихъ величину и направленіе можно было бы только въ томъ случаѣ, если бы освободить ихъ отъ намывного слоя. Но пока эта задача нелегка. Выполнить ее поможетъ само озеро, быстро понижающее свой уровень. Очень можетъ быть, что лѣтъ черезъ 10 большая часть этой бухты осушится и тогда представится возможность ближе познакомиться съ этимъ затонувшимъ древнимъ поселеніемъ.

Предположеніе это покажется тѣмъ вѣроятнѣе, что мѣстные жители единогласно подтверждаютъ убыль воды въ Иссыкъ-кулѣ...

Кромѣ слѣдовъ кирпичной постройки на другомъ концѣ залива, за небольшимъ островомъ, видны правильныя четыреугольныя глыбы, повидимому каменныя, въ формѣ параллелограмовъ, мѣстами расколотыя пополамъ, или на нѣсколько частей. Словно раскиданныя силою землетрясенія, лежатъ онѣ безъ всякаго порядка, представляя образцы строительнаго матеріала уже другого сорта. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, ярко бѣлѣя въ водѣ, попадались цѣльные и расколотые жернова и кости животныхъ. Частей человѣческихъ скелетовъ, составляющихъ очень важное основаніе для антропологическихъ выво-

*) Въ 1842 г. былъ выкинутъ водою Иссыкъ-куля мѣдный котелъ огромной величины (П. Семеновъ. Геогр. стат.) словарь Рос. Имп. Т. II стр. 358.

довъ, автору статьи не удалось найти, но, судя по разсказамъ мѣстныхъ жителей, онѣ не рѣдкость среди находокъ на Кайсарѣ. Два черепа, добытые Ѳ. В. Поярковымъ изъ другого мѣста Иссыкъ-куля, близъ станціи Туръ-Айгыра, были изслѣдованы г. Ивановскимъ, который нашелъ въ нихъ большое сходство съ киргизскими. (Одинъ черепъ съ Кайсары былъ привезенъ въ Ташкентъ В. Ѳ. Ошаниным). Но что болѣе всего привлекаетъ вниманіе—это множество разбросанныхъ черепковъ глиняной посуды. Какъ болѣе легкіе предметы, они время отъ времени вымываются волнами прибоя и часто попадаются на самомъ берегу. Обиліе ихъ навело мѣстныхъ крестьянъ на мысль, что воды Иссыкъ-куля затопили здѣсь гончарный заводъ. Изъ вещей, сохранившихъ свою форму, чаще всего попадаются глиняные кувшины, по внѣшнему виду очень похожіе на наши молочныя кринки. Отличить ихъ можно только по слѣдамъ отбитыхъ ручекъ. По поселкамъ часто можно встрѣтить эти находки, служащія хозяйственнымъ потребностямъ, наравнѣ съ современными гончарными издѣліями. По берегу залива находили много мѣдныхъ монетъ, выброшенныхъ волнами. Пріобрѣсти ихъ можно изъ рукъ киргизовъ, которые обыкновенно послѣ бури бродятъ по прибрежной песчаной полосѣ и раскапываютъ песокъ, намытый прибоемъ.

Встрѣчались иногда и серебряныя монеты; но все это, какъ и вещи, расходясь немедленно по рукамъ частныхъ лицъ, далеко не въ достаточномъ количествѣ попадаетъ въ археологическія коллекціи. Вслѣдствіе этого Кайсара съ ея древностями все еще продолжаетъ служить загадкой; а между тѣмъ собираніемъ и опредѣленіемъ этихъ находокъ можно будетъ освѣтить темное прошлое, можетъ быть, цѣлаго иссыкъ-кульскаго бассейна. Глядя на кирпичи размытыхъ построекъ, разбросанные черепки посуды, выбрасываемыя монеты, приходишь только къ одному, очень неудовлетворительному заключенію: отъ какой-то страшной катастрофы, можетъ быть, отъ землетрясенія, погибла часть культурной мѣстности, составляющей теперь дно таинственнаго озера.

Среди окрестныхъ туземцевъ не осталось никакихъ легендъ *) и преданій, которыя могли бы дать хотя бы отдаленный намекъ современному изслѣдователю. По китайскимъ источникамъ, являющимся единственнымъ источникомъ свѣта для темнаго прошлаго Иссыкъ-куля, можно указать только на одинъ многолюдный центръ этой мѣстности, городъ Чигу, столицу Усуньскаго царства.

Но Іоакинфъ помѣщаетъ его на сѣверо-востокъ отъ озера, тогда какъ Кайсара находится на юго-восточномъ берегу его. Трудно остановиться на какихъ-бы то ни было историческихъ гипотезахъ; волны народныхъ движеній смыли и тѣ остатки, которые пощадила природа. Можетъ быть, самъ Иссыкъ-куль, заботливо сохранившій слѣды прежней жизни, раскроетъ глубокую тайну, какъ раскрылъ Везувій тайну Помпеи и Геркуланума. Только сохранялись бы и приводились бы въ стройную систему научныхъ доказательствъ тѣ археологическія данныя, которыя еще лежатъ въ илистомъ днѣ Кайсары и Туръ-Айгыра".

Въ 1895 году А. В. Селивановъ произвелъ развѣдки на берегахъ озера Иссыкъ-Куля, котловина котораго вообще очень богата памятниками древности. Наиболѣе интересныя развѣдки оказались въ урочищѣ Кайсаръ, въ 30 верстахъ отъ г. Пржевальска. Тутъ вода выбрасываетъ различныя гончарныя издѣлія, черепа, кирпичи, бронзовыя вещицы и т. п. Въ водѣ озера видны слѣды кирпичной стѣны и глиняной изгороди, бронзовыя украшенія, черепки глиняныхъ сосудовъ и множество монетъ.

Другое мѣсто, гдѣ также видны остатки затопленнаго города, находится на С—З. берегу озера, близъ ст. Тургай-Гыръ.

---

*) Автору статьи г-ну Дьячкову не была, повидимому, извѣстна ст. А. А. Ивановскаго, напечатанная въ Извѣст. Импер. общ. люб. ест. антр. и этногр. Т. LXVIII. Труды антр. отдѣла Т. XII вып. V.

Въ 2-хъ вер. отъ этой ст. обслѣдованы были развалины зданія, занесеннаго мусоромъ, найдены кирпичи и изразцы. (См. Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1895 г. стр. 47.)

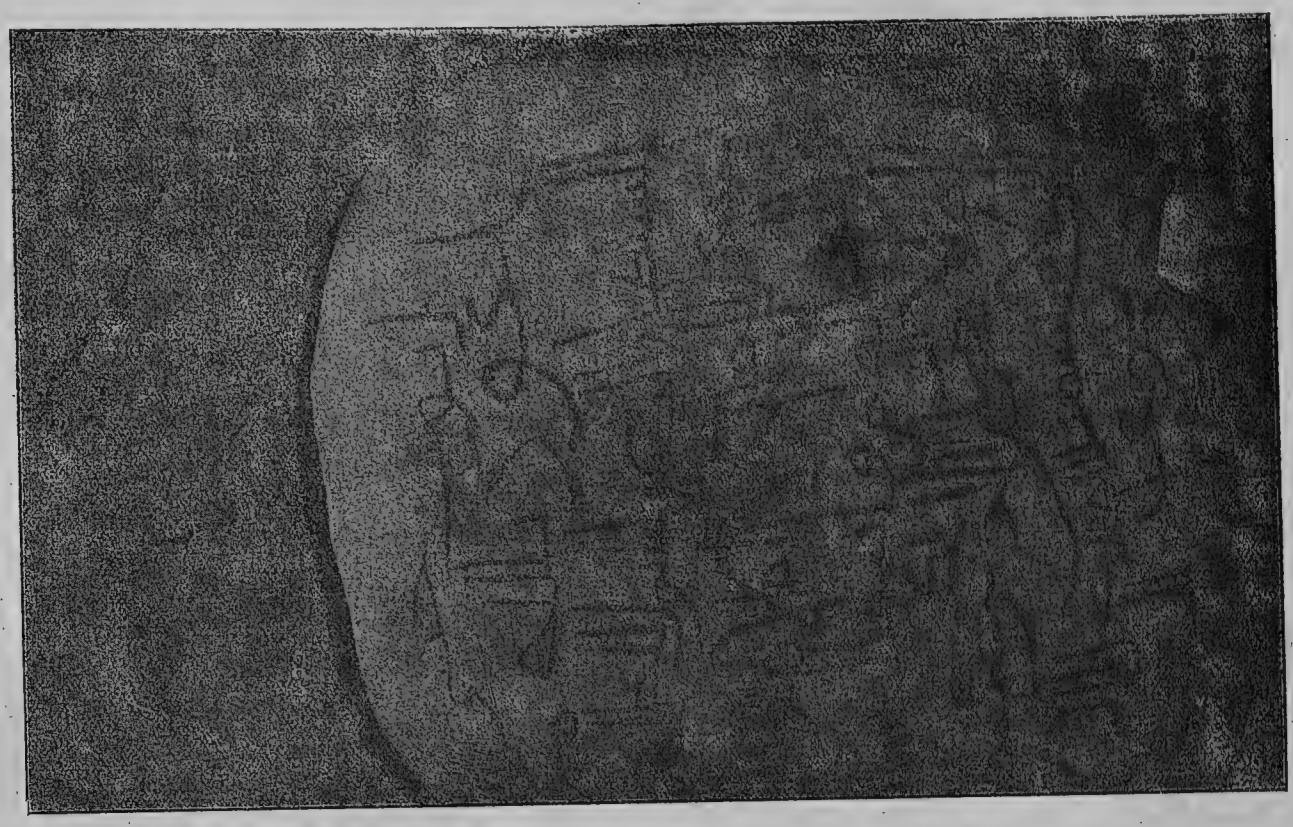
Древнія мусульманскія кладбища. Въ своей статьѣ (см. Изв. Имп. русск. геогр. общ. Т. XXI за 1885 г. вып. 3) г. Ивановъ даетъ намъ описаніе одного древняго кладбища „гуристанъ", расположеннаго по близости озера Иссыкъ-Куля, противъ Аксу. Здѣсь же можно видѣть множество могильныхъ памятниковъ, отчасти сдѣланныхъ изъ груды камней, на которыхъ высѣчены или знаки, или надписи.

Рядомъ съ этимъ древнимъ кладбищемъ находится киргизская маленькая мечеть, въ которую старательный мулла снесъ нѣсколько десятковъ надгробныхъ камней съ письменами, уставивъ ихъ очень аккуратно вдоль стѣнъ мечети, гдѣ ихъ и можно видѣть всѣ вмѣстѣ. Съ нѣкоторыхъ изъ надписей г. Д. Л. Ивановъ даетъ снимки въ уменьшенномъ масштабѣ. Надписи полукуфическаго характера, нѣкоторыя, видимо, болѣе позднія. Мулла разсказалъ г. Иванову, что самый дорогой камень былъ увезенъ отсюда въ Караколь уѣзднымъ начальникомъ полковникомъ Курковскимъ и что на этомъ камнѣ значился годъ 573-й мусульманской эры, т. е. относившійся къ половинѣ XII столѣтія. (См. рис. 3. Таб. V.)

По сообщенію Н. Пантусова (см. Прилож. къ Проток. Туркест. кр. люб. арх. за 1906 г. стр. 5—25) верстахъ въ 12 отъ селенія Сазановки, на западъ отъ послѣдней, по старой почтовой дорогѣ, теперь оставленной, немного выше ея, на лѣвомъ берегу р. Большой Аксу, въ 70—80 саж. отъ ея русла, на возвышенномъ мѣстѣ, въ 6 вер. отъ озера, въ 2-хъ вер. отъ новой почтовой дороги и въ 7 вер. отъ р. Малой Аксу—расположено громадное мусульманское кладбище, имѣющее около 900 саж. въ ширину и около 200 саж. въ длину. Лежитъ это кладбище почти на срединѣ пространства между станціею Курумды и Сазановкой Токмакско-Пржевальскаго почтоваго тракта, по сѣверному берегу озера Иссыкъ-куля; занимаетъ землю Кунгей-Аксуйской волости, вѣдѣнія волостного управителя Иманкула.

Кладбище это довольно старое, хотя нѣкоторые бугры могилъ хорото сохранились. Ему не менѣе 750 лѣтъ.

Могилы на этомъ кладбищѣ плохо обрисовываются. Онѣ кажутся длиннѣе съ сѣвера на югъ, чѣмъ на сѣверъ.



Могилы расположены не близко одна къ другой, но правильныхъ рядовъ ихъ размѣщенія не было замѣтно...

Кромѣ этого кладбища подобные же надмогильные камни съ арабскими надписями встрѣчаются въ окрестностяхъ и въ другихъ пунктахъ. Такъ между станц. Курумды и Чулпанъ-Ата, по лѣвую сторону дороги (если ѣхать изъ Вѣрнаго въ Пржевальскъ), на урочищѣ Торткуль, въ предгорьяхъ, верстахъ въ 5 отъ заимки Баженова къ горамъ, находили тоже два подобныхъ камня.

Въ этомъ мѣстѣ существовало укрѣпленіе.

Изъ всѣхъ этихъ камнеписныхъ надписей только одна оказалась съ годомъ (582 г. гиджры), всѣ же остальныя не имѣютъ года смерти погребеннаго.

Къ описанію кладбища г. Пантусовъ прилагаетъ нѣсколько снимковъ съ камней, сдѣланныхъ фотографически, а также типографскою краскою и частію графитомъ.

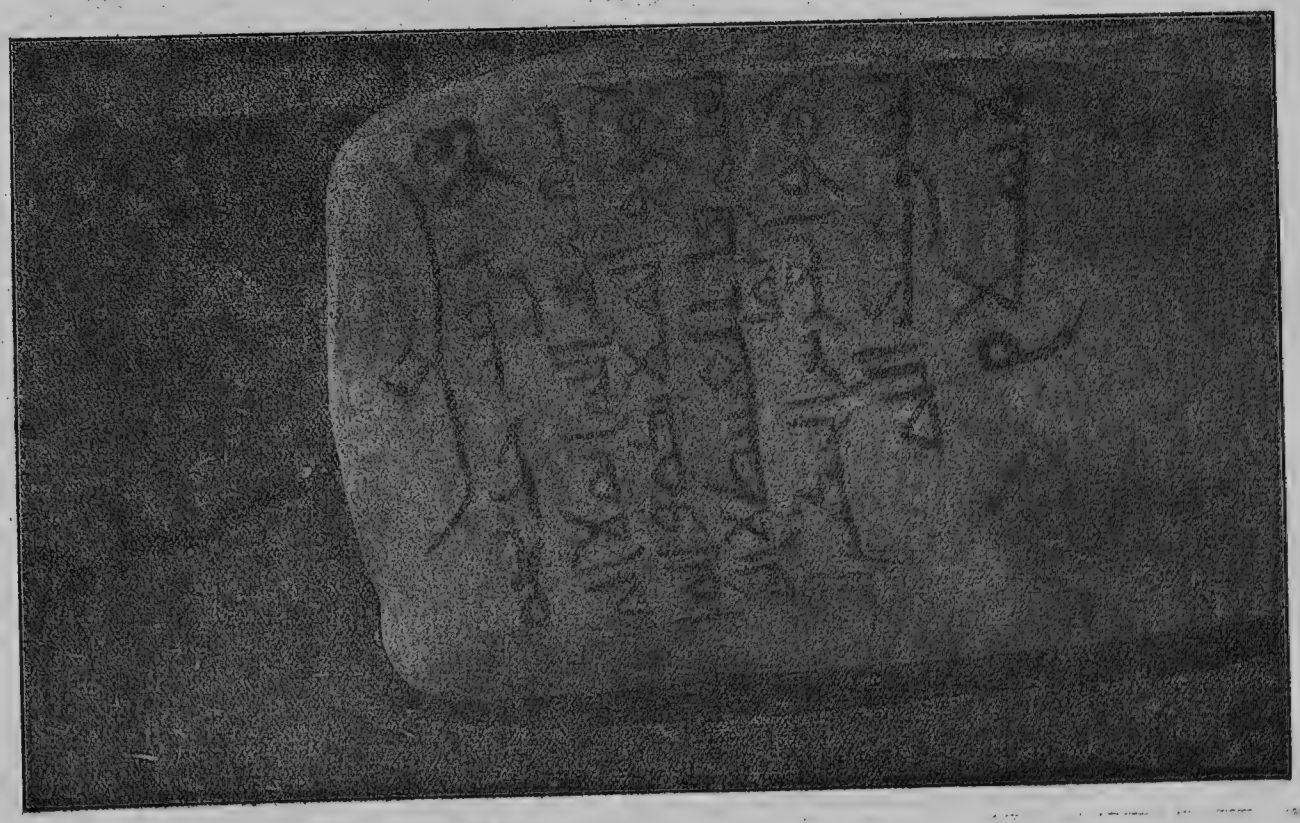
Надписи читаны были муллами въ г.г. Вѣрномъ и Джаркентѣ и сел. Зайцевскомъ и провѣрены г. Пантусовымъ. Авторъ статьи приводитъ ихъ вмѣстѣ съ переводомъ.

Преданіе объ Иссыкъ-кулѣ. Среди многочисленныхъ преданій, передаваемыхъ объ озерѣ Иссыкъ-кулѣ киргизами. я приведу слѣдующее: въ очень давнее время на мѣстѣ оз. Иссыкъ-куля существовало богатое и обширное ханство. Во время, о которомъ повѣствуетъ преданіе, былъ тамъ ханъ съ ослиными ушами (по другимъ варіантамъ съ рогами). Черезъ извѣстные промежутки времени по жребію назначались молодые люди, чтобы брить хана. Но никто изъ нихъ не возвращался домой; послѣ окончанія бритья хана, молодаго человѣка убивали, потому что хану очень не хотѣлось, чтобы кто-либо изъ его подданныхъ зналъ о томъ, что у него ослиныя уши. Однажды жребій палъ на единственнаго сына бѣдной вдовы. Молодой человѣкъ, узнавъ объ участи всѣхъ брив-

лихъ хана, сильно опечалился; но мать успокоила его и сказала, что онъ вернется живъ и здоровъ. Въ тотъ день, когда сыну надо было идти къ хану, она приготовила тѣсто, подбавила туда молока изъ своей груди, сдѣлала двѣ лепешки и испекла ихъ (по другому варіанту она подбавила своего молока въ кумысъ). Потомъ она отдала лепешки сыну и сказала: „Послѣ того, какъ обрѣешь хана, дай одну лепешку съѣсть ему, а другую съѣшь самъ. Тогда ты узнаешь, что будетъ“. Сынъ такъ и сдѣлалъ. Выбривъ хана, онъ уже долженъ былъ идти на казнь, какъ вдругъ, вспомнивъ о лепешкахъ, обратился къ хану и попросилъ его не надолго отсрочить казнь, говоря, что имѣетъ сказать ему нѣто важное. Ханъ очень удивился, но просьбу его всетаки исполнилъ. Тогда юноша подалъ хану одну лепешку и попросилъ съѣсть ее. Ханъ согласился съѣсть, но только въ томъ случаѣ, если тотъ первый съѣстъ свою, и спросилъ: „Что же изъ этого выйдетъ? „Юноша отвѣчалъ“: Когда съѣшь, тогда узнаешь“. Они оба съѣли лепешки, и ханъ снова спросилъ юношу о томъ, что же вышло, и получилъ такой отвѣтъ: „Изъ того, что мы съѣли эти лепешки, вышло то, что мы теперь молочные братья, потому что въ лепешкахъ было молоко моей матери; поэтому, если ты теперь убьешь меня, то Аллахъ тебя накажетъ“. Ханъ сначала очень разсердился, но потомъ, одаривъ его золотомъ и другими драгоцѣнностями, отпустилъ домой, причемъ взялъ съ него клятву молчать о всемъ, видѣнномъ. Юноша поклялся и ушелъ домой. Когда онъ пришелъ, то всѣ, начиная съ матери, стали разспрашивать его о всемъ видѣнномъ у хана. Юноша долго крѣпился, наконецъ не выдержалъ, побѣжалъ къ колодезю, наклонился туда и крикнулъ: „У нашего хана ослиныя уши“! Только что онъ крикнулъ это, какъ вода въ колодезѣ начала подниматься и затопила все царство [1]).

Еще интереснѣе слѣдующее преданіе, напечатанное въ „Дневникѣ Антропологическаго отдѣла“ А. А. Ивановскимъ: Очень давно, разсказываютъ киргизы, на мѣстѣ нынѣшняго озера Иссыкъ-куль жили люди и между прочимъ, одинъ святой, у котораго находился ключъ отъ колодезя, находивша-

1) „Восточное Обозрѣніе“, 1890 г., № 6.



гося на равнинѣ. Колодезь этотъ обладалъ чудесной силой: если его оставить открытымъ на время большее, чѣмъ требуется, чтобы начерпать воды въ ведра, то изъ него начинала выступать вода, которая могла затопить всю равнину. Однажды къ святому пришла одна дѣвушка и стала просить ключъ отъ колодезя. Святой далъ ключъ, но прибавилъ:

„Не забудь, когда наберешь воду въ ведра, запереть колодезь, а ключъ отдать мнѣ“. Дѣвушка отвѣчала, что не забудетъ, и ушла. Когда она черпала воду, къ ней подошелъ ея женихъ и вступилъ съ нею въ разговоръ. Она до того увлеклась разговоромъ, что не замѣтила, какъ изъ колодезя выступила вода и стала затоплять окрестность. Она вспомнила о колодезѣ, когда стояла уже въ водѣ. Молодые люди испугались и побѣжали, но спастись не могли. Выступившая вода залила всю равнину и образовала озеро. Всѣ люди, жившіе на равнинѣ, погибли [1]).

[1]) Изв. Имп. общ. люб. ест. антр. и этногр. Т. LXVII Труды Антропол. отдѣла Т. XII.

Историко-сравнительный этюдъ

о каменныхъ бабахъ Киргизскихъ степей и Россіи вообще въ связи съ каменными изваяніями Франціи, Германіи и прочихъ странъ.

Разные виды воспроизведенія

черть лица умершихъ въ связи съ поклоненіемъ предкамъ.

Историко-сравнительный этюдъ

о каменныхъ бабахъ Киргизскихъ степей и Россіи вообще въ связи съ каменными изваяніями Франціи, Германіи и прочихъ странъ—(Разные виды воспроизведенія чертъ лица умершихъ въ связи съ поклоненіемъ предкамъ) *).

I

Надгробные лицевые камни(*stèles à visage*) Россіи, извѣстные подъ названіемъ „каменныхъ бабъ“ или просто „бабъ“, встрѣчаются начиная съ Монголіи вплоть до Дуная. Они составляютъ безпрерывную линію, тянущуюся черезъ русскія степи, границей которой на сѣверѣ служатъ Томская, Тобольская, Уфимская, Самарская, Саратовская, Воронежская, Курская, Минская губерніи; дальше эта линія направляется къ Польшѣ и оттуда въ Пруссію. На югѣ каменныя бабы не встрѣчаются дальше Сыръ-Дарьи, Усть-Урта и Кавказскаго хребта. Ихъ больше всего въ Екатеринославской, Таврической, Ставропольской губ., въ области Войска Донскаго въ Таганрогскомъ округѣ и, наконецъ, въ киргизскихъ степяхъ въ Ю.-В. части.

Первыя свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ находятся у Рубруквиса, посланника французскаго короля Людовика IX къ Менгу-хану въ 1253.Г. Рубруквисъ говоритъ, что обычай ставить каменныя бабы на могилахъ очень распространенъ у комановъ: *Comani faciunt magnum tumulum super defunctum et erigunt ei statuam, tenentem scyphum in manu sua ante umbilicum.*

Еще другое древнее извѣстіе о каменныхъ бабахъ имѣется въ Новгородской лѣтописи за 1398 г. Подобныя же извѣстія были записаны барономъ Герберштейномъ въ его запискахъ о Московіи, составленныхъ по случаю его пріѣзда къ Московскому великому князю Василію III.

Но основательное изученіе каменныхъ бабъ Россіи начинается не раньше XVIII

*) Подлинные фотографическіе снимки и рисунки каменныхъ бабъ мною переданы минувш. лѣтомъ вмѣстѣ съ дубликатомъ этого этюда на французскомъ языкѣ профессорамъ Парижскаго антропологическаго института г-амъ Адріенъ де Мортилье и Мапуврье. При чемъ А. де Мортилье выразилъ желаніе прочесть мой докладъ на ближайшемъ засѣданіи членовъ Парижскаго антропологическаго общества и напечатать въ трудахъ вышеозначеннаго общества І. К.

вѣка. Въ 1795 г. въ С.-ПБ. издаются: Дневныя записки путешествія Ивана Лепехина въ 1768 и 1769 г. Въ части 1 авторъ говоритъ, что въ Саратовской губерніи, на правомъ берегу рѣки Иловли, при большихъ хуторахъ Дубовскихъ казаковъ, онъ видѣлъ „грудного каменнаго болвана на калмыцкую образину". Другую бабу, стр. 424, онъ видѣлъ также на Иловлѣ; она стояла на курганѣ, насыпанномъ на Мѣловой горѣ, близъ Ситниковыхъ хуторовъ.

Въ „Путевыхъ запискахъ В. Зуева—отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 г. С.-ПБ. 1787 г. стр. 264-267" находится описаніе Чертомлыцкаго кургана и каменной бабы, а также описаніе каменныхъ бабъ на Ингулѣ и у Кичкаса.

Въ своемъ трудѣ „*Beyträge zur topographischen Kenntniss des Rus. Reichs*", изданномъ въ С.-Петербургѣ въ 1785 г., Фалькъ говоритъ, что въ Кузнецкомъ уѣздѣ Томской губ., на лѣвомъ берегу рѣки Абакана, въ такъ называемой Китайской степи, стоятъ двѣ статуи, одна близъ другой, называемыя „куртаскъ-ташъ" или „камень старой бабы". Еще нѣсколько истукановъ стояли въ степи на правомъ берегу рѣки Черноуса, близъ Емандиковской юрты и на Сагайской степи у ручья Акшы, на лѣвомъ берегу рѣки Абакана.

Въ 1791 г. въ С.-Петербургѣ появляется трудъ Гюльденштедта „ *Reisen durch Russ. land und in Caucasischen Gebirge, herausgegeben von Pallas in* 1773", въ которомъ упоминается объ истуканахъ, найденныхъ на берегу ручья Етака, впадающаго въ Куму, на рѣкѣ Таслѣ и на сѣверѣ отъ Бибалы и Маджаръ. Онъ ихъ приписываетъ ногайцамъ.*)

Въ своихъ „Наблюденіяхъ и путешествіяхъ по разнымъ провинціямъ Росс. Имп. въ 1793—1794 г." Палласъ описываетъ сперва нѣсколько каменныхъ бабъ, найденныхъ въ южной Россіи между Бериславомъ и Херсономъ; затѣмъ онъ говоритъ объ одномъ треугольномъ камнѣ свѣтлаго цвѣта, который онъ видѣлъ въ Бузулукскомъ уѣздѣ, въ 14 верстахъ отъ Ново-Сергіевска, на рѣкѣ Самарѣ. *) На камнѣ высѣчено было человѣческое лицо, которое было обращено на востокъ (см. таб. XVI рис. 2). Палласъ описываетъ еще нѣсколько каменныхъ бабъ,найденныхъ въ Семипалатинскомъ уѣздѣ и по близости Енисея. На двухъ изъ этихъ памятниковъ были видны верблюды, ребенокъ, всадникъ, лукъ со стрѣлою, помѣщенные по бокамъ главнаго человѣческаго изображенія; нѣкоторые изъ этихъ мотивовъ встрѣчаются на одной бабѣ, которую лично я видѣлъ въ Пятигорскѣ (см. таб. xx. рис. 13.). Палласъ приписываетъ могилы съ бабами южной Россіи—гуннамъ; болѣе новые ко временамъ христіанскимъ, а тѣ, которыя расположены на берегахъ р. Самары,—татарамъ, ногайцамъ или киргизъ-кайсакамъ.

Между тѣмъ Дюбуа де Монпере, путешествуя въ степяхъ по сосѣдству съ Азовскимъ и Чернымъ моремъ„ *Voyage autour du Caucase*" собралъ рисунки полутора десятка каменныхъ бабъ, которые онъ помѣстилъ въ атласѣ „*Série d' Archéologie ou IV-e série*" на таблицѣ xxxi. Эти бабы ничего особеннаго не представляютъ и могутъ быть отнесены къ типу болѣе распространенному въ Россіи, о которомъ будетъ сказано дальше.

Въ прошломъ столѣтіи вопросомъ о происхожденіи каменныхъ бабъ занимались видные дѣятели по археологіи, какъ напр. Спасскій, Пискаревъ, Терещенко и др. Г. И. Спасскій „Днѣпровскіе курганы" Т. I „Записки Одесскаго общ. стр. 593" изслѣдуетъ главнымъ образомъ бабы южно-русскихъ степей, сравнивая ихъ съ сибирскими истуканами. Авторъ, хорошо изучивъ этотъ родъ памятниковъ, находитъ, что вышеупомянутыя бабы лучше изсѣчены, чѣмъ сибирскія. **) Въ

*) Верхняя часть этого истукана представляла мужскую фигуру, держащую въ рукахъ рогъ. Это обстоятельство достойно замѣчанія, т. к. дальше будемъ имѣть случай снова говорить объ этой фигурѣ.

*) Прежде Оренбургск. губ. а теперь Самарская.

**) Каменныя бабы, рисунки которыхъ мы даемъ на таб. xi—1.2.3.4.5.6.7.8.9.11 и 12, были найдены въ южной Россіи; рис. 10 изображаетъ сибирскую бабу, привезенную изъ Алтая въ Барнаулъ Спасскимъ; рис. 13 изображаетъ польскую бабу, найд. около Колы. въ Калишской губ.

заключеніе Спасскій говоритъ, что въ Сибири (въ предѣлахъ Алтайскихъ горъ и на Сагайской степи въ верховьяхъ Енисея) статуи, такъ называемыя *мужскія*, болѣе многочисленны, чѣмъ *женскія*, между тѣмъ, какъ въ южной Россіи, въ окрестностяхъ Азовскаго моря и на Днѣпровскихъ степяхъ, женскія статуи составляютъ большинство. Благодаря именно этому обстоятельству названіе *каменной бабы* было дано этому роду памятниковъ. Спасскій считаетъ каменныя бабы произведеніемъ гунновъ (см. еще въ Запискахъ Русск. Геогр. Общ. кн. XII).

Со своей стороны Пискаревъ составилъ довольно полный списокъ существующихъ каменныхъ бабъ Россіи и насчитываетъ ихъ всего 649, изъ которыхъ 428 въ одной только Екатеринославской губ., 54 въ Таганрогскомъ градоначальствѣ, *) 44 въ Таврической губ., 43 въ Харьковской, 37 въ землѣ Войска Донского, Енисейской 12, Херсонской 11, Полтавской 5, Ставропольской 5, Воронежской 4, Саратовской 3, Кіевской 2, Астраханской 1 и одна баба Рязанской губ. (см. въ Запискахъ С. Петербургскаго Археол. общ. Т. III стр. 205: О мѣстѣ нахожденія каменныхъ бабъ въ Россіи).

Терещенко полагаетъ, что каменныя бабы—произведенія не одного народа, а многихъ и, основываясь на раскопкѣ Александропольскаго кургана, утверждаетъ, что онѣ воздвигались на скиѳскихъ курганахъ, и что очертанія лицъ бабъ вовсе не представляютъ типа командовъ, отрасли монголовъ, а скиѳовъ, имѣвшихъ болѣе европейскій или греческій обликъ. Онъ указываетъ даже на сходство русскихъ каменныхъ бабъ съ изваяніями, находящимися близъ Женевы и извѣстными подъ именемъ: *la pierre aux dames* или *la pierre aux demoiselles*. (См. Очерки Новороссійскаго края. Статья III. Насыпи могильныя въ южной Россіи съ указаніемъ нѣкоторыхъ памятниковъ въ другихъ мѣстахъ. Журналъ Мин. Народн. Просв. 1853 іюль. Отд. II стр. I. Наконецъ, въ Чтеніяхъ Москов. Общ. Ист. и Древности 1866, кн. IV. Отд. V, стр 1—37)

Въ „Запискахъ С.-Петерб. отд. Русск. Геогр. Общ. Т. VII стр. 77—83 „имѣется списокъ каменнымъ изваяніямъ, находящимся въ Минусинскомъ округѣ, Енисейской губ., доставленнымъ Спасскимъ 1852 г. отъ князя Н. А. Кострова.

Въ *Bulletin scientifique* Т. I. 1836 № 18 р. 139—140 академикъ Кеппенъ говоритъ о курганахъ съ каменными бабами Мелитопольскаго уѣзда, крымскихъ и южно-русскихъ степей.

Въ „Запискахъ Одесскаго Общ.“ кн. I стр. 596, имѣются свѣдѣнія и рисунки каменныхъ бабъ, доставленные Ф. И. Фатѣевымъ (рисунокъ 10 бабъ изъ земли Войска-Донского) и К. Я. Десметомъ.

Въ „Изв. Имп. Рус. Археол. Общ.“ I. 165 - 168 находится замѣтка о каменныхъ бабахъ южно-русскихъ степей Н. И. Надеждина. Въ III томѣ „Историческаго Сборника“ стр. 226 Пассекъ указываетъ, что въ уѣздахъ Харьковскомъ, Валковскомъ и Полтавскомъ находится менѣе бабъ, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ.

Въ своемъ „*Reise in den Kaukasus. Halle u. Berlin 1812.*“ Клапротъ говоритъ, что онъ нашелъ тѣ двѣ каменныя бабы, которыя уже описаны Гюльденштедтомъ. Много такихъ изваяній встрѣчается на сѣверъ отъ Кавказскаго хребта, на рѣкахъ Кумѣ, Ташлѣ, Донгуслѣ, Еѣ, Манычѣ и, главнымъ образомъ, между Дономъ, Донцемъ и Днѣпромъ. Клапротъ приписываетъ ихъ гуннамъ.

Въ „Обозрѣніи могилъ, валовъ, и городищъ Кіевской губ., Кіевъ 1848 г. стр. 76 таб. 14 a. *b*. „Фундуклей упоминаетъ о каменныхъ бабахъ южно-русскихъ степей.

Въ „*Recueil de quelques antiquités, trouvées sur les bords de la mer Noire. Berlin 1803*

*) На Екатеринославскомъ археологическомъ съѣздѣ въ 1905 году, г. Эварницкій сообщилъ, что въ области Войска Донского находится множество каменныхъ бабъ; въ одномъ Таганрогскомъ уѣздѣ насчитывается ихъ до 350.

Л. Ваксель изобразилъ три каменныя бабы, найденныя въ Новороссійской степи и перенесенныя въ городъ Новороссійскъ, гдѣ онѣ находятся и теперь.

Другая баба найдена въ курганѣ Кубанской обл. Екатеринодарск. округа, перевезена была въ Тифлисъ, гдѣ она хранится въ музеѣ.

Нельзя не упомянуть о мнѣніи г. Фабра, который во II томѣ „Записокъ Одесскаго Общ. стр. 36—46“ не допускаетъ мысли, чтобы каменныя бабы были надмогильными памятниками. а скорѣе изображеніемъ нимфъ. Судя по сходству русскихъ каменныхъ бабъ съ Женевскими изображеніями, авторъ полагаетъ, что онѣ воздвигнуты кельтами. [1])

Не менѣе любопытно сообщеніе г. Срезневскаго (см. Записки Имп. Русск. Археол. Общ. V стр. 181) о каменной бабѣ съ четырьмя головами, будто бы находящейся въ Минской губ. на холмѣ въ долинѣ Днѣпра по дорогѣ изъ Рѣчицы въ Бобруйскъ. Подобная находка имѣла бы большое значеніе, т. к. она представляла бы большое сходство съ другимъ подобнымъ памятникомъ Галиціи,который изображенъ нами на таб.XX рис. 11—12, *a*, *b*, *c*, *d*.

Еще свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ встрѣчаются у Лакруа въ *„Annuaire des voyages 1846 p. 42.“*

Въ 1869 г. по иниціативѣ графа Уварова открывается первый археологическій съѣздъ въ Москвѣ. Вопросъ о каменныхъ бабахъ занимаетъ здѣсь видное мѣсто. Графъ Уваровъ представляетъ членамъ съѣзда обстоятельный докладъ объ этихъ первобытныхъ изваяніяхъ, такъ распространенныхъ въ Россіи. Однако, авторъ доклада не рѣшается точно высказаться относительно происхожденія этихъ изображеній, которыя, не подлежитъ сомнѣнію, были воздвигнуты въ разныя времена. Судя по нѣкоторымъ предметамъ греческаго характера IV и III-го столѣтія до Р. Х., найденнымъ въ курганахъ съ бабами, эти истуканы, говоритъ графъ Уваровъ, можно приписать скиѳамъ.

Изученіе каменныхъ бабъ на время какъ будто замираетъ, но спустя 10 лѣтъ цѣлый рядъ археологовъ опять занимается изученіемъ этихъ изваяній. Это—Радловъ, Потанинъ, Ядринцевъ, Ивановскій, изслѣдованія которыхъ, направлены на киргизскія степи [Акмолинск. и Семипалатинск. обл.) и, наконецъ, на южную Сибирь, на Алтай и на Монголію, откуда, быть можетъ, вышли первые *художники—ваятели* этихъ каменныхъ бабъ.

Уже въ 1878 г. Потанинъ, путешествуя по сѣверо-западной части Монголіи, открываетъ новую серію каменныхъ бабъ. Эти изваянія не представляютъ ничего выходящаго изъ ряда вонъ; это все тѣ-же фигуры, тѣ-же мотивы, тѣ-же лица, держащія въ рукѣ чашку, прижатую къ животу. Однако, типъ иногда мѣняется, смотря по мѣсту нахожденія и, по всѣмъ вѣроятіямъ, по эпохамъ сооруженія.

Радловъ и Ядринцевъ точно также нашли много каменныхъ бабъ, съ чашей въ рукѣ и портупеей, въ сѣверной Монголіи. Эти фигуры, называемыя *балбал*'ами, приписываются тюркскимъ племенамъ VII—VIII вѣка (см. таб. XIII рис. 9.10.11).

Изъ китайскихъ источниковъ, говоритъ намъ Платонъ-Меліоранскій „Записки восточнаго Отд. Имп. Русск. Археолог. общ. I. XII вып. 2. 3“, извѣстно, что каменныя бабы—это надгробные памятники, которые древніе тюрки ставили надъ могилами знатнаго лица. Цѣлая вереница такихъ вытесанныхъ каменныхъ фигуръ тянется при памятникахъ древнихъ тукюэскихъ хановъ, главнымъ образомъ при памятникахъ турецкихъ хановъ Бильге и Кюль-Тегина. При памятникѣ перваго хана Бильге эта вереница тянется по крайней мѣрѣ три версты; при памятникѣ Кюль-Тегина четыре съ по-

[1]) Умѣстно здѣсь замѣтить, что съ мнѣніемъ г. Фабра мы не можемъ согласиться. І. К.

ловиною версты. На памятникѣ Бильге-хана имѣется надпись: „Это—каменный балбалъ шада Тѳлесовъ".

Какъ мы уже сказали, изъ китайскихъ источниковъ мы знаемъ, что у турокъ былъ обычай разставлять на могилѣ знатнаго лица цѣлый рядъ каменныхъ бабъ или просто камней, которые изображали враговъ убитыхъ покойнымъ (см. таб. XII и XVII рис. 1. 2.]

На Харьковскомъ археологическомъ съѣздѣ профессоръ Н. И. Веселовскій говорилъ, что въ словѣ „*балбалъ*", найденномъ въ Орхонскихъ письменахъ, слѣдуетъ искать настоящаго названія статуй, разставленныхъ при могилахъ древнихъ тюрковъ. Подобныя изваянія, найденныя на Кавказѣ, повидимому—произведенія тюркскихъ народовъ XIII—XIV вѣка.

Между тѣмъ Ивановскій, предпринявъ экспедицію къ монголамъ Тарбагатая, узналъ, что этотъ народъ почиталъ каменныя фигуры, которыя напоминали изображеніе предковъ.*) Сосудъ, приложенный къ животу, кажется напоминалъ тотъ, кототорый предназначенъ содержать пепелъ умершихъ. Памятники этого рода называются „*кошачулу*" у монголовъ-торгоутовъ. Еще и теперь послѣ обряда сожженія, торгоуты собираютъ пепелъ въ маленькую мѣдную урну, которую лама уноситъ въ монастырь. Здѣсь лама смѣшиваетъ пепелъ съ глиною, затѣмъ изъ этой смѣси лѣпится изображеніе умершаго и ставится тамъ, гдѣ умершій сожженъ, чтобы увѣковѣчить его память.**) Эти глиняныя статуэтки, какъ и древнія изваянія, называются „*кошачулу*" (см. Труды VIII арх. съѣзда).

Археологическія изслѣдованія все же продолжаются въ Киргизскихъ степяхъ и по сосѣдству съ Туркестаномъ. Въ 1870 г. нѣсколько каменныхъ бабъ были найдены Калпаковскимъ, Поярковымъ, Ивановымъ въ Семипалатинской обл. по близости Иссыкъ-Куля. Въ 1885—1886 еще нѣсколько бабъ обнаружены въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ, Сыръ-Дарьинск. обл. (См. таб. XIV рис. 1—7). Съ этого момента число этихъ памятниковъ, разбросанныхъ по степямъ и до сихъ поръ неизвѣстныхъ, все болѣе и болѣе увеличивается.

Въ 1886—1887 г. три каменныя бабы привезены были г. В. М. Флоринскимъ въ Томскъ и помѣщены въ музеѣ университета. Одна баба найдена была въ сел. Бахты, на границѣ Кульджи. Въ рукахъ эта баба держала чашу, а на шеѣ она имѣла ожерелье, или обручъ. Другая баба привезена была съ Алтынъ-Эмельскаго пикета; она отличается тѣмъ, что вмѣсто чаши на кисти правой руки она держитъ птицу (похожую на сокола). Ноги изображены скрещенными внутрь, что называется „калачемъ". Третья баба доставлена была въ музей Томскаго университета съ Каркаралинска (1887 г.)

Подобные экземпляры г. Флоринскій видѣлъ въ Семипалатинскѣ, привезены были изъ Каркаралинскаго уѣзда. (См. трудъ В. М. Флоринскаго „Первобытные славяне" часть II. Томскъ 1896 г.)

Въ Ташкентскомъ музеѣ можно видѣть нѣсколько экземпляровъ этихъ каменныхъ изваяній, которые мы здѣсь представляемъ на таблицѣ XIV рис. 1—7. Описаніе этихъ памятниковъ старины помѣщено Каллауромъ и Аничковымъ въ разныхъ выпускахъ Туркестанскаго кружка любителей археологіи.

Родство этихъ каменныхъ фигуръ съ бабами, хранящимися въ Оренбургскомъ музеѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. На тѣхъ и другихъ повторяются однѣ и тѣ же детали. На головѣ у нѣкоторыхъ замѣчается что-то вродѣ остроконечной шапки или тіары (см. таб. XVI рис. 3), на другихъ виднѣется только очертаніе головы или бюста, но безъ какихъ-либо признаковъ рукъ; од-

*) Это обстоятельство имѣетъ важное, значеніе какъ мы увидимъ дальше.

**) Обычай дѣлать изображеніе умершаго частью изъ его останковъ, частью изъ другого матеріала, упоминается у Спенсера въ его „Основаніяхъ соціологіи".

нако, встрѣчаются и такія, которыя обнаруживаютъ нѣкоторое стараніе со стороны художника, больше желанія точно передать черты лица своего ближняго. Высѣченный болѣе или менѣе искусно камень обнаруживаетъ двѣ руки, согнутыя на животѣ и держащія по обыкновенію символическій сосудъ.

Въ 1890 г. въ Москвѣ открывается археологическій съѣздъ и вопросъ о каменныхъ бабахъ снова поднятъ. Бранденбургъ представилъ собранію докладъ о каменныхъ бабахъ, найденныхъ въ Маріупольскомъ уѣздѣ, не объясняя однако точно ихъ значенія и происхожденія. Между тѣмъ, какъ одни приписываютъ ихъ команамъ, гуннамъ или кельтамъ, другіе приписываютъ ногайцамъ, турко-татарамъ, половцамъ или татарамъ вообще, которые въ VIII—IX вѣкѣ ввели этого рода надгробные памятники въ Россіи.

По мнѣнію г. Флоринскаго, бабы являются произведеніемъ древнихъ славянъ.

Въ 1893—1894 г. извѣстный оріенталистъ и профессоръ С.-Петерб. университета Бартольдъ занимается изслѣдованіями древностей Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской обл. въ той части, которая на югѣ и юго-востокѣ составляетъ крайнюю границу Киргизскаго края. Въ своихъ отчетахъ („Записки Имп. Акад. Наукъ по Историко-филолог. отд. Т. I № 4 Спб. 1897 г.“) авторъ перечисляетъ каменныя бабы, которыя онъ видѣлъ въ этой мѣстности. Большинство изъ нихъ сходны съ типомъ, общераспространеннымъ въ Россіи,—сосудъ въ рукахъ, иногда кинжалъ и сумка на боку. Одна изъ этихъ бабъ, голова которой покрыта каской или тіарой, носитъ на одномъ боку нѣчто подобное сумкѣ; вертикальныя складки, изображающія складки платья спускаются по спинѣ вплоть до колѣнъ. Эта статуя, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей, напоминаетъ изваянія, найденныя въ южной Россіи, изображенныя нами на таб. XI рис. 8, 9, 11 и 12.

Связью между вышеупомянутыми бабами отчасти можетъ служить Оренбургская каменная баба, хранящаяся въ музеѣ Ученой Архивной Ком. (см. таб. XVI рис. 3).

Въ своемъ отчетѣ Бартольдъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до того было много каменныхъ бабъ, что онѣ образовали цѣлый лабиринтъ надгробныхъ памятниковъ, напоминающихъ тѣ, которые встрѣчаются на нашихъ кладбищахъ (см. таб. XIII и XV).

Далѣе авторъ подробнѣе описываетъ одну изъ этихъ бабъ, которую ваятель изобразилъ въ сидячемъ положеніи, съ ногами, поджатыми подъ себя, на подобіе того, какъ еще и теперь киргизы имѣютъ обыкновеніе сидѣть; на боку замѣтны два ножа, подвѣшанные у пояса.

Большинство каменныхъ изваяній было найдено надъ курганами или непосредственно по сосѣдству*). Бартольдъ склоненъ думать, что бабы—произведеніе древнихъ турокъ. Со словъ тогдашняго русскаго консула въ Кульджѣ обычай воздвигать каменныя бабы надъ могилами примѣнялся уже въ этой части китайскаго Туркестана три столѣтія до Р. Х.

Присутствіе каменныхъ бабъ было замѣчено и въ другихъ областяхъ Киргизскаго края, главнымъ образомъ въ Семипалатинской, Акмолинской и Тургайской областяхъ. Въ 1905 году г. Козыревъ, производя раскопки одного кургана Акмолинскаго уѣзда, нашелъ каменную бабу обычнаго типа. Судя по предметамъ, найденнымъ въ курганѣ и среди которыхъ есть даже золотыя украшенія, можно предположить, что здѣсь находится тюркское погребеніе. Рядомъ со скелетомъ лежалъ лошадиный остовъ (см. Изв. Имп. Археол. Ком. Спб. 1905 г. вып. 16).

О такихъ каменныхъ фигурахъ въ Киргизскихъ степяхъ по сосѣдству съ Ураломъ упоминается Нефедовымъ, производившимъ

*) Благодаря любезности г. Пантусова, который мнѣ прислалъ значительное число снимковъ каменныхъ бабъ Семирѣченской обл., мнѣ была дана возможность срисовать нѣкоторыя изъ нихъ, описаніе которыхъ имѣется въ Отчетѣ Бартольда (см. таб. XIII рис. 1—8, таб. XIV рис. 18 19 и 20, таб. XV рис. 1—8).

археологическія раскопки въ Оренбургской губ. и въ Тургайской области.

Профессоръ Спб. университета г. Петри, занимаясь раскопками въ Тургайской области, нашелъ каменную бабу, глубоко зарытую въ землю. Изъ его отчета, помѣщеннаго въ отчетѣ Имп. Археол. Ком. за 1889 г. видно, что лицо этой бабы имѣло характерныя черты монголовъ*), верхняя губа была украшена усами, напоминающими нѣкоторыя изваянія Сибири (см. таб. XI рис. 10), Россіи и Германіи.

Чистый монгольскій типъ ярко вырисовывается на одной изъ каменныхъ бабъ Оренбургскаго музея, найденной среди могилъ въ Кустанайскомъ уѣздѣ, Тургайской области. Это—гранитная глыба, высотою въ 1 метръ 45 сант., шириною 40 сант., толщиною 20 сант. (см. таб. XVI рис. 11). Обѣ руки, сложенныя на животѣ, держатъ сосудъ; голова плоская, лицо овальное, брови удлиненныя къ вискамъ, глаза узкіе, носъ очень длинный, ротъ и уши хорошо обозначены, груди слегка выступаютъ, но рельефно.

Такой-же типъ представляетъ изъ себя другая баба Оренб. музея, изображенная на таб. XVI рис. 7. Она была найдена въ Орскомъ уѣздѣ Оренбургской губ. Это гранитный столбъ, высотою въ 1 метръ 25 сант, носъ этой бабы не такъ длиненъ, какъ у предыдущей бабы, но ротъ больше, глаза и уши хорошо обозначены. Она держитъ обѣими руками сосудъ, подъ которымъ виднѣется символическій знакъ „*фаллусъ*“, о которомъ будетъ говорено дальше и который болѣе отчетливо вышелъ на таб. XXI, рис 13 и 5.

Укажемъ еще двѣ бабы, довольно оригинальныя, обѣ въ Оренбургскомъ музеѣ. Одна изъ нихъ высотою въ одинъ метръ 30 сант., гранитная. Она представляетъ изъ себя, судя по усамъ и бородкѣ, слегка замѣтной, статую мужскаго пола, голова которой четыреугольной формы, брови сильно согнуты, глаза обозначены двумя круглыми выступами; носъ, составляющій оригинальность этого памятника, въ нижней его части имѣетъ видъ сердца или пиковаго туза. Намекъ -ли это на наружность человѣка, изображеннаго на камнѣ или просто-фантазія художника?... Двѣ или три поперечныя полосы—единственные знаки, которые можно видѣть на камнѣ (см. таб, XVI рис. 8), другіе, если они и были—стерты временемъ.

Что касается до другой бабы, меньшей по размѣрамъ (она только 75 сант. высоты, 35 сант. ширины и 15 сант. толщины), то на ней незамѣтно никакихъ изваяній, за исключеніемъ ясно обозначенныхъ на лицѣ мѣстъ носа, глазъ и рта, рукъ нѣтъ. Эта баба (см. таб. XVI рис. 6) можетъ служить связью между только что описанными памятниками и другимъ родомъ изваяній, которыя, такъ сказать, являются сокращеніемъ доведенныхъ до *minimum* а каменныхъ бабъ. Подъ этимъ я подразумѣваю нѣкоторые шаровидные камни величиной съ голову, которыя изображаютъ человѣческое лицо. Эти камни много были найдены надъ курганами въ окрестностяхъ Актюбинска, Тургайской обл. (см. Отчетъ о моихъ раскопкахъ въ Киргизскихъ степяхъ, въ Трудахъ Оренб. Уч. Арх. Ком. за 1907 г.). Этотъ курганъ съ однимъ погребеніемъ былъ покрытъ кучей круглыхъ камней. Камни эти естественнаго происхожденія—продуктъ вывѣтриванія, но случайно похожи на человѣческія головы, чѣмъ, повидимому, воспользовались кочевники, эксплоатируя ихъ, какъ каменныя бабы. Намекъ на (см. таб. XVI рис. 4—5) глаза, носъ, ротъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы здѣсь видимъ человѣческую голову, лучше сказать головы, которыя повидимому замѣняютъ бабы. Нѣкоторые археологи старались опредѣлить число погребенныхъ въ курганѣ по числу бабъ, воздвигнутыхъ надъ ними. Между тѣмъ въ вышеупомянутомъ курганѣ былъ найденъ одинъ только скелетъ. Я говорю

*) Нельзя придавать слишкомъ большого значенія чертамъ лица, отличающимъ нѣкоторыя бабы; слишкомъ была неопытна рука первобытныхъ ваятелей, чтобы передать точно подробности лица. Много каменныхъ бабъ иногда съ европейскимъ обликомъ далеко не выражаютъ точно типъ тѣхъ людей, которыхъ онѣ должны бы изобразить. І. К.

„одинъ“, судя по рѣдкимъ костямъ, которыя оказались въ могилѣ и которыя превращались въ пыль при малѣйшемъ прикосновеніи. Предполагали-ли погребавшіе представить этими камнями лица убитыхъ покойнымъ враговъ? Не вѣроятнѣе-ли допустить, что ими хотѣли напомнить черты лица почитаемыхъ предковъ.

Вѣроятно, эти лицевые камни были собраны съ сосѣдней степи.

Что бы тамъ ни было, но изъ погребальной домашней утвари этого кургана можно перечислить: бронзовое зеркало скиѳскаго образца, раковину, употреблявшуюся въ тѣ времена, какъ сосудъ для женскихъ бѣлилъ (*godets à fard*), миніатюрный горшочекъ изъ жженой глины, каменную пряслицу (*fusaïole*), длинный желѣзный кинжалъ, до того изржавѣвшій, что при прикосновеніи къ нему онъ разсыпался на куски, зубъ какого-то животнаго и 26 бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ. Въ одной изъ раковинъ можно было еще замѣтить слѣды какого-то порошка ярко-голубого цвѣта. Всѣ онѣ лежали на мелкихъ кускахъ угля.

Но изъ всѣхъ каменныхъ бабъ, найденныхъ въ Киргизскихъ степяхъ и, быть можетъ, въ Россіи, нѣтъ такихъ огромныхъ размѣровъ, какъ одна баба, хранящаяся въ этомъ же Оренбургскомъ музеѣ и найденная въ с. Ново-Петровкѣ, Оренбургскаго уѣзда. Это-огромный монолитъ въ 3 метра 50 сант. высоты, при 80 сант. ширины, разбитый на три куска. Лицо изрѣзано полосами, сдѣланными неопытными руками; глаза обозначены дырками, носъ и ротъ мало замѣтны, руки сложены на животѣ; кисти рукъ отсутствуютъ.

Слѣдуетъ еще упомянуть объ одной бабѣ самой грубой обдѣлки, размѣръ которой около метра (см. таб. XVII, рис. 3). Она была найдена А. В. Поповымъ въ одномъ изъ Бердинскихъ кургановъ около Оренбурга.

II

Одна изъ самыхъ простыхъ формъ для изображенія человѣческой фигуры или, по крайней мѣрѣ, ея силуэта заключалась въ томъ, чтобы взять четырехъугольный плоскій камень, оттесать нѣкоторыя изъ его частей такъ, чтобы голова и плечи обрисовались, не обозначая однако бюста. Въ такомъ именно видѣ представляется намъ Оренбургская баба, о которой только что было говорено (см. рис. 3 таб. XVII). Она имѣетъ нѣкоторое сходство съ итальянскими *стелами* около Болоньи за исключеніемъ рисунковъ, которые ихъ украшаютъ, но, впрочемъ, не имѣющихъ ничего человѣческаго. Эти стелы, изображенныя здѣсь на таб. XVIII съ рисунковъ г. Рейнаха, были найдены въ окрестностяхъ города Болоньи, первая, рис. 12, въ *San Giovanni in Persiceto*, вторая, рис. 13, въ имѣніи Арнаольди; третья, рис. 14, въ имѣніи Грабинскаго.

Пройдя эту первую ступень, легко было придать головѣ сферическій видъ, бюсту—болѣе продолговатый. Получалась тогда стела аналогичная съ тѣми, которыя мусульмане ставятъ надъ могилами и которыя, не подлежитъ сомнѣнію, суть переживаніе тѣхъ лицевыхъ стелъ, которыя называются туземцами Туркестана „*сюретъ-ташъ*“.

Рисунки 4 и 5 на таб. XVII изображаютъ надгробныя стелы Оренбургскаго татарскаго кладбища; рис. 6 изображаетъ стелу киргизскаго кочевника Актюбинскаго уѣзда. Иногда эти стелы имѣютъ видъ продолговатаго плоскаго камня, больше другихъ размѣромъ, чаще всего безъ надписей. Аничковъ находитъ родственную связь между этими памятниками, называемыми туземцами „*кульпъ-тас'ами*“, и каменными бабами.

В. А. Мустафинъ въ своей статьѣ (см. Протоколы Туркестанск. кружка за 1897 г.) упоминаетъ также о кульпъ-тасахъ.

На рисункѣ 7 таб. XVII изображена стела съ чалмою изъ сартовскаго кладбища въ Туркестанѣ. На рис. 8 изображена Хи-

винская стела, надъ которой возвышается огромная папаха-національный головной уборъ хивинцевъ; такъ какъ Исламъ запрещаетъ человѣческія изображенія, то стелы мусульманскихъ кладбищъ примиряютъ старыя народныя воззрѣнія турко-монголовъ съ требованіями новой религіи; онѣ быть можетъ суть регрессивное явленіе отъ скульптуры каменныхъ бабъ къ простому каменному столбу съ шишкой на верху.

Тукюэскія стелы Монголіи (таб. XVII рис. 1—2) имѣютъ тѣсную связь съ кульптасами и съ лицевыми стелами (бабами), которыхъ, повидимому, нѣкогда замѣняли. Эти памятники исходятъ изъ одного источника, изъ однихъ и тѣхъ же воззрѣній, т. е. основаны на почитаніи предковъ. Тукюэскія стелы изображены на таб. XVII рисунковъ атласа „Древностей Монголіи“ Радлова; онѣ были найдены на княжескихъ могилахъ древнихъ турокъ; тутъ же было найдено много каменныхъ бабъ (см таб. XII рис. 1—2). Знаки, которые виднѣются ниже пояса, Радловъ принимаетъ за знаки собственности (тамги).

Создавъ человѣческій силуэтъ, оставалось только заняться деталями. Еще неопытныя руки стали изрѣзывать камень, появились глаза, носъ, затѣмъ и ротъ (таб. XVIII рис. 15 и таб. XX рис. 2) рѣже уши, а потомъ и руки, груди, ноги, разные предметы обихода (стрѣлы, колчанъ, лукъ, кинжалъ), головной уборъ, платье и т. п. Мы, такимъ образомъ, дошли до только-что описанныхъ бабъ нашихъ степей, которыхъ общая связь соединяетъ съ памятниками этого рода, разбросанными по всему міру.

Вдохновеніе художника различалось согласно мѣстности, но основная идея—стараніе закрѣпить черты лица предка—въ одинаковой степени встрѣчается у всѣхъ народовъ. Во Франціи впервые оно выражается барельефами, которые украшаютъ стѣны погребальныхъ пещеръ долины *Petit Morin* въ департаментѣ Марны. Эти пещеры, изслѣдованныя барономъ де-Байемъ, заключаютъ нѣсколько бюстовъ грубой отдѣлки, изображенныхъ на таб. XVIII Самый примитивный бюстъ пещеры Куржоне (рис. 1) имѣетъ видъ эллипса. Носъ обозначенъ сильнымъ выступомъ, глаза и ротъ отсутствуютъ; весьма замѣтно широкое шейное украшеніе, подъ которымъ виднѣется неолитическій топоръ съ рукояткой. Бюсты пещеры Куазара (рис. 2 и 6) имѣютъ между собою большое сходство, но между тѣмъ какъ ожерелье на рисункѣ 6 состоитъ изъ одного ряда, на рисункѣ 2 ихъ нѣсколько, при томъ на первомъ ожерельи виситъ предметъ, окрашенный желтою краской —вѣроятно янтарь. Подъ ожерельемъ видны груди; глаза обозначены ямочками, наполненными черной краской.

Не менѣе грубой отдѣлки скульптура, вырѣзанная на дольменахъ Авени въ департаментѣ Эръ (рис. 3), Бури въ департаментѣ Уазъ (рис. 4) и Оберженвиль въ департаментѣ Сенъ-и-Уазъ (рис. 5). Главная оригинальность этихъ изваяній—отсутствіе глазъ, носа, рта. Онѣ представляютъ изъ себя бюстъ безъ головы, на которыхъ сильно обозначаются груди и ожерелья.

Тѣ же мотивы повторяются въ группѣ скульптуръ департамента Гаръ, гдѣ найдены были три мегалита съ изображеніемъ человѣка. Два изъ нихъ происходятъ изъ дольмена *Mas-de-l'Aveugle* около Коллорга въ окрестностяхъ *Uzès*; третій мегалитъ изъ *Castelnau—Valence* близъ Коллорга.

Первая изъ этихъ стелъ (таб. XVIII рис. 7) напоминаетъ скульптуру Куазара за исключеніемъ двухъ обломковъ рукъ и поперечнаго символа – кривая палка, или топоръ. Какъ здѣсь, такъ и на другихъ стелахъ нѣтъ слѣдовъ рта. Вторая стела сходна съ первою, однако груди не обозначены. Выступаютъ нѣкоторыя детали очень неопредѣленнаго характера. Должно ли въ нихъ признать аттрибуты двухъ половъ, о которыхъ говоритъ г. Ломбаръ-Дюма? Можетъ быть,—въ такомъ случаѣ намъ будетъ дана возможность установить связь между этими памятниками и изображеніями на таб. XXI рис. 13. Однако здѣсь больше чѣмъ когда-

либо слѣдуетъ высказываться осторожно. Третья стела (см. рис. 11), болѣе тщательной отдѣлки, имѣетъ пять пальцевъ на правой рукѣ и шесть на лѣвой рукѣ; очевидная индивидуализація стелы; поперечный аттрибутъ вырѣзанъ надъ грудями.

Къ этимъ группамъ изваяній можно присоединить монолиты острова Гернезей, описанные Люки. На одномъ изъ нихъ(таб. XVIII рис. 10) виднѣются двѣ груди съ какимъ-то шейнымъ украшеніемъ; головы нѣтъ. На второмъ монолитѣ (рис. 9) шейныя украшенія отсутствуютъ, но голова здѣсь очень отчетливо обозначена.

Но кромѣ этихъ вышеуказанныхъ группъ доисторическихъ скульптуръ имѣются еще другія во всѣхъ отношеніяхъ интереснѣе и которыя г. Рейнахъ приписываетъ эпохѣ бронзы, породившей во Франціи дольмены. Это статуи-менгиры департамента Авейрона и Тарна.

Любезности уважаемаго Научнаго Авейронскаго общества и виднымъ работамъ аббата *Hermet* я обязанъ знакомствомъ со статуями-менгирами Франціи. Эти скульптуры были бѣгло осмотрѣны мною во время моего проѣзда въ Родезъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и живо меня заинтересовали. Впослѣдствіи я копію ихъ видѣлъ въ національномъ музеѣ С-Жермена и въ Парижѣ во дворцѣ Трокадеро (отдѣлъ мегалитическихъ памятниковъ). Снимки. полученные мною по возвращеніи въ Россію отъ самого аббата *Hermet*, позволяютъ мнѣ теперь подробно коснуться этого рода скульптуры.

Число статуй-менгировъ, открытыхъ аббатомъ *Hermet*, доходитъ до тридцати.Онѣ-произведеніе первобытнаго народа, жившаго нѣкогда въ раіонѣ Ю. Франціи, въ который нынѣ входятъ кантоны С-Серненъ, С-Африкъ, Белмонъ, Лаконъ и Мюратъ. Эти странныя бетилы съ точки зрѣнія пола можно раздѣлить на мужскія и женскія статуи.

Отличительныя черты статуй, такъ называемыхъ мужскихъ слѣдующія: отсутствіе грудей и присутствіе чего-то вродѣ портупеи, перекинутой черезъ плечо. Это статуя Морела, департамента Авейрона (таб. XIX рис. 1—2. (*face et dos*) На портупеѣ виднѣется кольцо. Какой-то предметъ, въ видѣ лука со стрѣлой по всей вѣроятности, вырѣзанъ надъ лѣвой рукой. Руки сложены на груди и почти соприкасаются съ портупеей; поясъ кажется сплетеннымъ изъ листьевъ папортника. Вырѣзка на спинѣ представляетъ изъ себя продолженіе портупеи на лопаткахъ, между тѣмъ какъ какое-то украшеніе, составленное изъ двухъ подвязокъ, спускается до половины спины. Размѣры монолита слѣдующіе: высота 2 метра 10 сант., ширина 65 сант., толщина 25 сант.

Мужскія статуи изъ Пустоми сходны со статуями Морела за исключеніемъ одной (рис. 3), разбитой выше плечъ, складки одежды которой на оборотѣ спускаются перпендикулярно до пояса. Что касается до второй статуи, которую мы не помѣстили здѣсь изъ экономіи, то она обнаруживаетъ сверхъ портупеи съ кольцомъ тотъ самый предметъ въ видѣ лука, или скорѣе въ видѣ буквы D, который виднѣется на первомъ рисункѣ той же XIX таб.

Самое полное изъ всѣхъ этихъ изваяній это женская статуя *Saint-Sernin'a* (рис. 5-6). Высота этого монолита 1 метръ 20 сант., ширина 70 сант., толщина 20 сант.—Глаза обозначены ямками на подобіе тѣхъ, которыя виднѣются на барельефахъ пещеры Куазара; носъ сильно выступаетъ, но ротъ отсутствуетъ; щеки изрѣзаны полосами, значеніе которыхъ трудно объяснить; можетъ быть татуировка? Концентрическія выступы, которые играютъ роль ожерельевъ, окружаютъ лицо, между тѣмъ какъ перпендикулярный выступъ вродѣ висящаго рубища спускается до пояса. Груди здѣсь хорошо обозначены. Выступы на обратной сторонѣ имѣютъ видъ кривыхъ палокъ на лопаткахъ, и большое число вертикальныхъ складокъ падаетъ вплоть до самаго низа статуи; онѣ имѣютъ видъ какого-то платья, стянутаго у таліи поясомъ, составленнымъ изъ двойного попе-

речнаго выступа. Эти выступы точно также замѣтны на обратной сторонѣ.

Не менѣе интересна статуя, также женская, изъ Масъ-Дазайсъ, найденная *стоящей на могилѣ*,—обстоятельство, на которомъ я особенно настаиваю и которое имѣетъ очень важное значеніе, какъ мы увидимъ дальше.

Стѣны могилы, говоритъ аббатъ Эрмэ, состояли изъ четырехъ не очень толстыхъ плитъ; внутри найдены были кости, смѣшанныя съ черной землею; все это превратилось въ прахъ при соприкосновеніи подъ вліяніемъ воздуха.

Статуя Сенъ-Жюльена напоминаетъ предъидущія, но здѣсь ноги короче, между тѣмъ какъ пальцы на ногахъ чуть не больше самихъ ногъ. Глаза и носъ выдаются впередъ, лицо изрѣзано тремя поперечными полосами, подъ которыми виднѣется какое-то украшеніе; концентрическія выступы вокругъ лица изображаютъ ожерелье. Характерно то, что груди, сильно обозначенныя, находятся ниже рукъ. На поясѣ виднѣются полосы; нижняя часть камня, кажется, разбитой у ногъ.

Статуя Фрескати пожертвована Археологическому общ. южной Франціи аббатомъ Эрмэ и хранится въ Тулузскомъ музеѣ. Она напоминаетъ Сенъ-Жюльенскую статую; какъ и эта послѣдняя, эта женская фигура весьма замѣтна своими грудями, которыя сильно обозначены.

Ограничиваясь этимъ описаніемъ каменныхъ изваяній южной Франціи, слѣдуетъ еще упомянуть объ одной статуѣ изъ самыхъ первобытныхъ этого типа, а именно о статуѣ—менгиръ Серъ-Гранъ (см. таб. XIX рис. 4). Груди отчетливо изображены, расположены рядомъ съ лицомъ, почти не имѣющимъ ничего общаго съ человѣческимъ лицомъ. Стиль этого памятника необыкновенно дикъ.

Статуи, открытыя въ Германіи, могутъ служить естественнымъ переходомъ между первобытными скульптурами Франціи и Италіи и каменными бабами Россіи. [1]) *Штейнфигуры* Розенберга въ Восточной Пруссіи, хранящіяся въ Данцигскомъ музеѣ, слѣпки съ которыхъ можно видѣть въ Берлинскомъ этнографич. и археол. музеѣ, представляютъ вообще лица мужского пола. Въ Германіи ихъ считаютъ за изображеніе боговъ славянской эпохи; такимъ образомъ можно ихъ отнести къ IX—X вѣку послѣ Р. Х. Эти статуи имѣютъ нѣкоторое сходство со стелами, найденными во Франціи около Коллорга. И тутъ и тамъ мы видимъ стоящаго человѣка со сложенными руками на груди, держащаго кривую палку, а иногда и рогъ [2]). Рисунокъ 14 на таб. XX изображаетъ одну изъ наиполнѣйшихъ статуй Розенбергской группы. Это человѣкъ съ весьма отчетливымъ лицомъ, окруженнымъ концентрическими выступами, быть. можетъ, ожерельемъ. Въ одной рукѣ виднѣется какой-то предметъ въ видѣ рога, въ другой что то вродѣ кривой палки, напоминающей *lituus* (родъ жезла) этрусковъ. Поясъ, на которомъ виситъ шпага, обхватываетъ талію. На обратной сторонѣ, выше пояса, вырѣзанъ человѣкъ съ распростертыми руками. Къ этой группѣ надо причислить статуи, изображенныя на рис. 4. 5 и 10. Лицо перваго истукана (рис. 4) окружено выступами, которые, повидимому, замѣняютъ ожерелье. Нѣтъ слѣдовъ оружія, но всюду символическій рогъ съ аттрибутомъ „*lituus*“ (см. рис. 5 и 10).

Къ Розенбергской группѣ относятся статуи, найденныя въ 1859 г. около Бамберга въ Баваріи (см. таб. XX рис. 1, 7, 8, 9). Ихъ отдѣлка выражается въ такихъ-же первобытныхъ формахъ. На одномъ изъ этихъ памятниковъ (рис. 7) виднѣется стоящій человѣкъ съ усами и бородкой, руки котораго

---

[1]) На Екатеринославскомъ археолог. съѣздѣ въ 1905 г. г. Von Stern пробовалъ было сдѣлать подобное сопоставленіе скульптуръ, такъ какъ ему казалось, что статуи, найденныя въ Германіи, представляютъ изъ себя отдѣльный видъ каменныхъ бабъ. Скромная попытка г. Von Stern'a была отвергнута профессоромъ Веселовскимъ, который, не отрицая важности чисто научной попытки изучить этотъ родъ памятниковъ, не счелъ нужнымъ связать ихъ съ русскими бабами.

[2]) Рогъ статуи Розенберга, весьма возможно, замѣняетъ сосудъ русскихъ каменныхъ бабъ, точно также какъ кривая палка, которая встрѣчается и на статуяхъ около Коллорга, можетъ замѣнить этрусскій „*lituus*“.

неравномѣрно сложены на груди. На задней сторонѣ виднѣются поперечныя полосы, расположенныя въ эллипсѣ, какъ изображено на рис. 9. Тѣ-же мотивы повторяются на другой статуѣ изъ Бамберга (рис. 8—9, лицевая и обратная сторона), по всей вѣроятности женскаго пола.

Третья статуя этой группы—дѣтская. Что ихъ отличаетъ—это отсутствіе оружія и аттрибутовъ.

Елиткентская статуя, найденная въ Восточной Пруссіи (см. таб. xx рис. 2) и хранящаяся теперь въ Кенигсбергѣ, отличается отъ вышеописанныхъ группъ, но имѣетъ нѣкоторое сходство съ тѣми скульптурами, которыя я видѣлъ въ археологическомъ музеѣ гор. Флоренціи. [1]) Она точно также нѣсколько подходитъ къ русскимъ каменнымъ бабамъ и въ частности къ бабамъ киргизскихъ степей.

Укажемъ еще на статую Кристбурга, сродство которой съ бабами не подлежитъ сомнѣнію (см. таб, xx. рис. 6), и наконецъ на рельефную статую, нынѣ находящуюся въ церкви Алтенкирхена (островъ Рюгенъ), которую многіе принимаютъ за идола вендскаго бога Святовида (*Suantewit*) (см. таб. xx. рис 3).

Перечисленныя выше статуи составляютъ поразительную аналогію съ Гусіатинскимъ памятникомъ, стоящимъ посреди между скульптурами, найденными у Колларга Франціи, и бабами сѣвернаго Кавказа и Россіи вообще. [2]) Гусіатинскій памятникъ, такъ часто описанный, состоитъ изъ колонны съ тремя отдѣленіями, высотою въ 2 метра 70 сант. Онъ былъ открытъ въ руслѣ одной рѣки въ Галиціи и перевезенъ въ Краковъ. Въ музеѣ этого города мнѣ удалось его видѣть первый разъ, но слѣпки этого памятника есть въ Московскомъ Историческомъ музеѣ и въ Берлинѣ. Верхняя часть столба изображаетъ четырехъголовую фигуру, покрытую одной общей шляпою. На первой изъ лицевыхъ сторонъ колонны (см. таб. xx, рис. 11 a) виднѣется стоящій человѣкъ, лѣвая рука котораго сложена на животѣ, а правая на груди; въ этой рукѣ онъ держитъ рогъ. Ниже можно видѣть маленькую фигуру съ протянутыми руками, груди которой хорошо обозначены. Самая нижняя часть изображаетъ довольно странную фигуру.

Тѣ-же мотивы, кромѣ, однако, нѣкоторыхъ подробностей, повторяются и на другихъ сторонахъ колонны (см. таб. xx, рис. 12 *b*, c, *d*, въ уменьшенномъ размѣрѣ). Въ общемъ своемъ видѣ, верхняя часть изображаетъ 1) уже описаннаго человѣка, держащаго рогъ въ рукѣ (рис. 11—a); 2) еще человѣка безъ всякаго аттрибута (рис. 12—*b* 3) третьяго человѣка со шпагою на поясѣ; тутъ же вырѣзана лошадь (рис. 12 – c); 4) наконецъ четвертая фигура—женщину навѣрное (груди обозначены), которая кажется, держитъ кольцо (рис. 12 *d*). Ниже на второмъ отдѣленіи колонны виднѣются четыре фигуры, двое мужчинъ и двѣ женщины, составляющихъ изъ рукъ непрерывную цѣпь. На третьемъ отдѣленіи колонны, въ самой нижней части, виднѣются три фигуры съ усами, которыя быть можетъ, составляютъ какъ предполагаетъ г. Вейгель одно и то же лицо, Атланта съ тремя головами, шестью руками и двумя ногами. Впрочемъ вотъ *in extenso* надпись, относящаяся къ этому памятнику на нѣмецкомъ языкѣ, которая читается въ Берлинскомъ музеѣ.

IV—417. Husiatyn Galizien

Abguss einer grossen steinernen Säule mit figurlichen Darstellungen. Wahrscheinlich ein Tempelbild ans altslavischer Zeit. Die drei reiche des Weltsystems darzustellen, unten der drei

---

[1]) Два бюста, о которыхъ идетъ тутъ рѣчь, хранятся въ первой залѣ этрусскаго музея, называемаго „залъ Ветулоніи“.

[2]) Каменная баба, изображенная здѣсь на табл. xx, рис. 13, была срисована по наброску, сдѣланному мною въ Пятигорскѣ, гдѣ она хранилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ. а, быть можетъ, и еще теперь. Въ противоположность большинству русскихъ каменныхъ бабъ, она держитъ не сосудъ, но рогъ. Эта особенность еще тѣснѣе ее связываетъ съ иностранными скульптурами, о которыхъ было выше говорено. Слѣдуетъ добавить, что подобная баба на Кавказѣ была найдена Гюльденштедтомъ на берегу Етака, притока Кумы.

Köp fige und dreileibige Gott der unterveldt, der Erde und Himmel trägt in der mitte die kleinen menschen auf der Erde; oben der Gott des Himmels, der an grösse und macht alles überragt.

Original im museum zu Krakow.

Кстати здѣсь упомянуть, что памятникъ такого же рода. т. е. каменная баба съ четырьмя головами была найдена на холмѣ на берегу Днѣпра между Ричицами и Бобруйскомъ въ Минской губ. Славянскіе ли эти многоголовые идолы, какъ было высказано г. Вейгел'омъ (см. *Archiv. f. Anthropologie, t.* XXI) и Гелмольдъ (*Chron. slavorum* I. 83)—возможно, но при одномъ условіи, что данный истуканъ изображаетъ лицо предковъ, которое было возведено до степени боговъ.

Къ только что описанной группѣ слѣдуетъ присоединить нѣкоторыя статуи, которыя были открыты въ Америкѣ, главнымъ образомъ, въ древнемъ королевствѣ Инковъ На таб. XXI, рис. 12 изображена одна изъ этихъ статуй, найденныхъ рядомъ съ однимъ курганомъ близъ Tiауанако въ Боливіи. Этотъ монолитъ колоссальныхъ размѣровъ вообще напоминаетъ большинство нашихъ каменныхъ бабъ. Руки сложены на животѣ и держатъ какой-то предметъ, повидимому, чашу. Говоря объ этихъ памятникахъ В. Германъ, начальникъ нѣмецкой экспедиціи на Пилькомаіо, пишетъ слѣдующее: *) *„Von La Paz führt eine Bahn zum Titicaca—See. Die vorletzte Station ist Tiahuanaco. Nicht weit von der Bahn entfernt, auf beiden Seiten, liegen grossartige Ruinen aus alter Zeit. Eigentümlich behauene Steine, welche mit grosser Sorgfalt bearbeitet sind, finden sich an vielen Stellen. Es sind meist nur die grösseren Steine, die hier liegen geblieben sind...*

„Vor der Kirche des in der Nähe gelegenen Fleckens Tiahuanaco befinden sich zwei grössere Monolithen. Die Monolithe tragen einen eigenartigen Kopfputz; in der Hand halten sie einen unbestimmbaren Gegenstand. Das Material, aus dem diese Monolithen gefertigt sind, ist ein rötlicher Sandstein. Andere, besonders die grossen Tore, bestehen aus Lava. Weiterhin, in der Nähe eines kunstlichen Hügels, befindet sich noch ein anderer prachtvoller Monolith.“

*) Wilhelm Herrmann: Die Deutsche Pilcomayo—Expedition (Zeitschrift der Gesellschaft Erdkunde Zu Perlin. 1908. № 8).

Типъ бабъ, держащихъ сосудъ въ рукѣ, столь изобилующій въ Россіи, еще встрѣчается на стелахъ древняго Карѳагена. Впрочемъ, извѣстно, что эти стелы—наружные признаки карѳагенской могилы. Одна изъ нихъ, изображенная здѣсь на табл. XXI рис.17, представляетъ изъ себя стоящаго человѣка съ приподнятой правой рукой, между тѣмъ какъ лѣвой рукой, сложенной на груди, онъ держитъ вазу для жертвоприношеній. [1])

Присутствіе лицъ, держащихъ сосудъ, часто встрѣчается на галло-римскихъ памятникахъ (стелы у Люксей). Подобныя фигуры попадались въ Корсикѣ и даже въ Испаніи, гдѣ въ этомъ же 1910 г. я ихъ видѣлъ въ археологическомъ музеѣ Мадрида, залъ III. *„Antigüedades ibericas“*. Онѣ найдены были въ *Cerro de los Santos* близъ *Albacete*, а также и въ провинціи *Avila*. [2]) Не странно ли видѣть, какъ въ столь отдаленныхъ странахъ повторяются мотивы религіозные или погребальные такого близкаго сходства. Если нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ изъ подобнаго сходства, встрѣчающагося у разныхъ народовъ земного шара, тѣмъ не менѣе можно заключить, что однѣ и тѣ же причины могли порождать однѣ и тѣже послѣдствія. Да! Общность идей, какъ еще недавно мнѣ говорилъ въ Тулузѣ знаменитый Картальякъ, но не родственность народовъ! Развѣ мы не находимъ египетскую пирамиду въ странѣ древнихъ ацтековъ въ Мексикѣ, скиѳскій курганъ въ равнинахъ Миссисипи, каменныя бабы русскихъ степей въ древнемъ царствѣ Инковъ? Если въ настоящемъ этюдѣ не удастся доказать происхожденіе вышеописанныхъ памятниковъ (на что, конечно, я не могу претендовать), все же онъ будетъ имѣть ту заслугу, что

) A. L. Delattre. La Nécropole des Rabs, Prêtres et Prêtresses de Carthage p. 4. fig. 2.

) См. Henzelmann. Statue espagnole du Cerro de los Santos Congrès de Pesth t. I. p. 501.

будетъ способствовать раскрытію общности религіозныхъ идей между народами, географически очень отдаленными другъ отъ друга.

Но изученіе лицевыхъ стелъ (бабы, штейнфигуры, статуи—менгиры и т. п.) не было бы полнымъ, если бы я не упомянулъ о нѣкоторыхъ обычаяхъ, тѣсно связанныхъ съ вопросомъ, интересующимъ насъ. Эти обычаи, о которыхъ мы сейчасъ же будемъ говорить, безъ сомнѣнія, имѣютъ большое отношеніе къ вопросу о бабахъ и вытекаютъ изъ одного и того-же источника, изъ одной и той-же общей идеи, основанной на вѣрованіи въ безсмертіе души, откуда и вытекло поклоненіе предкамъ.

III

Идея воспроизводить черты лица умершаго проявляется подъ различными видами (погребальныя маски, лицевыя урны, лицевыя стелы) у большинства древнихъ народовъ; такъ, извѣстно, что въ Египтѣ, какъ и въ Ассиріи, примѣненіе погребальныхъ масокъ было уже въ обычаѣ во время XII-ой династіи т. е. за 2.800 лѣтъ до нашей эры. Эти маски, часто золотыя, были прикрѣпляемы къ лицу муміи. Ноги, руки и лицо муміи были покрыты какою-то позолотой. Во время Птоломеевъ золотой листъ покрывалъ *genitalia* (половыя части) муміи.

Погребальная маска древнихъ египтянъ имѣла цѣлью не только передать черты лица умершаго потомству, но еще и прежде всего увѣковѣчить его лицо для того, чтобы „*Ка*“, это тѣнеподобное существо, (*umbra* у римлянъ), схема, болѣе извѣстная подъ легендой „*двойника*“, могла узнать свою тѣлесную оболочку. Допускали также тогда, что схема отдѣлялась при рожденіи отъ тѣла и, отдѣлившись отъ него во время земного его существованія, она опять являлась къ нему послѣ смерти. Такимъ образомъ „*ка*“ или *двойникъ* жилъ рядомъ съ тѣломъ въ гробницѣ и тутъ влачилъ печальное существованіе до тѣхъ поръ, пока не приходилось вновь соединиться съ тѣлесной оболочкой. Предоставленный самому себѣ двойникъ чувствовалъ голодъ и жажду, поэтому на родственникахъ покойнаго лежала забота поддерживать существованіе двойника принесеніемъ въ гробницу съѣстныхъ припасовъ. Не было даже необходимости, чтобы приношенія были сдѣланы въ дѣйствительности: достаточно было читать опредѣленную молитву въ честь усопшаго, чтобы обезпечить двойникъ всѣмъ тѣмъ, что было необходимо въ загробной жизни.

Но для того, чтобы схема могла снова соединиться съ тѣломъ, надо было его предохранять отъ малѣйшаго разрушенія. Это-то и объясняетъ тѣ заботы, которыми родители и родственники окружали муміи и, опасаясь какъ бы одной маски не было недостаточно, воспроизводили еще лицо умершаго на одной или на нѣсколькихъ статуэткахъ, а то еще на стѣнахъ склеповъ (*hypogées*), на крышкѣ гроба, придавая ей форму самой муміи. Крышка гроба, сдѣланная изъ дерева или изъ плотнаго картона, была чаще всего вся раскрашена. Часто глаза были эмалированы, что придавало изображенію покойника болѣе правдоподобія. Впослѣдствіи, въ римскую эпоху, погребальныя маски были замѣнены деревянными дощечками изъ сикоморы, на которыхъ масленными красками писался портретъ покойника.

Изъ Египта обычай погребальныхъ масокъ перешелъ въ Финикію, въ Микены, въ Тунисъ, въ Сардинію, въ Грецію, а потомъ уже, быть можетъ, и въ Россію. Извѣстно, что золотыя похоронныя маски были найдены въ южной Россіи, въ Керчи въ 1837 году и въ Ольвіи. Первая изъ этихъ масокъ, описанная Ашикомъ въ „Древностяхъ Босфора Киммерійскаго, Т.I. стр. 2“, была найдена на лицѣ скелета въ мраморной гробницѣ. Эти двѣ маски относятся къ III вѣку послѣ Р. Х. т. е. къ эпохѣ, когда этотъ обычай исчезъ уже изъ Рима. Еще маски изъ глины были найдены Адріановымъ въ курганахъ въ Сибири въ Минусинскомъ округѣ и описаны Горощенко (см. Труды IX археолог. съѣзда въ Ригѣ 1896 г.)

Погребальныя маски особенно пользовались большимъ почетомъ въ Этруріи, гдѣ ихъ вывѣшивали у погребальной урны, въ Римской имперіи и въ бассейнѣ Средиземного моря вообще.

Въ Римѣ обычай погребальныхъ масокъ былъ всеобщій; ихъ дѣлали изъ воска. Во время парадной выставки трупа (*collocatio*) маска покрывала лицо покойника или была возлагаема на гробъ. Во время похоронной процессіи наемный актеръ съ маской на лицѣ изображалъ въ мельчайшихъ подробностяхъ фигуру и походку почившаго, тогда какъ другія носили *imagines* т. е изображенія предковъ. Этотъ обычай еще былъ въ ходу въ началѣ II вѣка послѣ Р. Х. [1])

Пуническія терракотовыя маски, знакомству съ которыми я обязанъ любезности о. Делатра, были найдены имъ въ раскопкахъ древняго некрополя Дуймеса на развалинахъ древняго Карѳагена. Эти маски, которыя мы прилагаемъ здѣсь на таб. XXI рис. 1. 2. 3. 4, взятыя изъ отчета о раскопкахъ о. Делатра въ 1895—1896 г., изображаютъ мужскія головы. На одной изъ этихъ масокъ (рис. 1 и 4, прямо и профиль) виднѣются бронзовыя кольца въ ушахъ и свинцовое или серебряное кольцо въ носу [2]). Вторая маска (рис. 2. 3.) ничего особеннаго не представляетъ. Шея плоская и вся покрытая точками то красными, то синими. Слѣды такихъ цвѣтовъ появляются въ головномъ уборѣ, который заканчивается по египетской модѣ двумя плоскими полосами, впрочемъ мало обозначенными, ниспадающими съ обѣихъ сторонъ лица и шеи.

Примѣненіе погребальныхъ масокъ было также весьма распространено въ Америкѣ. Въ древнемъ Перу найдены были искусственныя головы изъ дерева и терракота изъ цѣльнаго куска (*mascoïdes*), а иногда даже и изъ серебра (въ Египтѣ маски были золотыя). Эти ложныя головы прикрѣплялись къ тѣлу повязками. Такія головы изъ яшмы или обсидіана и гончарныя были найдены въ Мексикѣ. Однако слѣдуетъ добавить, что большинство американскихъ погребальныхъ масокъ были изъ терракоты; сдѣланы грубо, почему онѣ имѣли мало сходства съ портретомъ умершаго. Что бы тамъ ни было, желаніе сохранить физіономію покойника, сохранить его какъ можно дольше отъ разрушительнаго дѣйствія времени не подлежитъ сомнѣнію. Мы имѣемъ здѣсь одно и тоже сродство идей; переживаніе этого обычая можно было еще недавно видѣть у нѣкоторыхъ племенъ, но въ другихъ формахъ. Американскіе эскимосы пролива Беринга оставляли деревянныя маски покойника рядомъ съ трупомъ.

IV.

Вмѣстѣ съ погребальной маской распространялся обычай воспроизводить черты лица умершаго на погребальной урнѣ или т. назыв. „*лицевой урнѣ*“, которыя довольно часто попадаются въ Кипрѣ, въ Финикіи, въ Санторинѣ, въ Троѣ и въ Египтѣ. Лицевыя урны были еще найдены въ Европѣ, главнымъ образомъ въ Италіи въ этрусскихъ могилахъ, Венгріи, Германіи, Зап. Россіи и т. д. Образцы первобытной керамики, которые мы даемъ здѣсь, поразительнаго сходства со скульптурами нѣкоторыхъ лицевыхъ стелъ. Съ той и другой стороны мы находимъ тѣже детали общаго пониманія художника, который пожелалъ придать урнѣ видъ человѣческаго тѣла. Самое характерное доказательство этого сближенія есть, конечно, сосудъ, изображенный нами на таб. XXI рис. 6 и который Шлиманъ относитъ къ четвертому городу Трои. [1]) Художникъ здѣсь обозначилъ черты лица женщины съ глазами и носомъ, но ото рта нѣтъ слѣдовъ. То, что въ высшей степени оригинально—это сосудъ, который наша фигура держитъ своими руками, прижатыми къ тѣлу. Передъ нами имѣется мо-

---

[1]) Обычай носить маску покойника во время похоронныхъ торжествъ все еще существуетъ у нѣкоторыхъ племенъ Африки и Австраліи.

[2]) Это кольцо въ носу напоминаетъ т. назыв. еврейскій „неземъ“ (см. Les Grands sarcophages anthropoïdes du musée Lavigerie à Carthage par le R. P. Delattre.)

[1]) Schliemann. Jlios fig. 1083

тивъ, родственный русскимъ каменнымъ бабамъ (см. таб. XI. XIII—XIV—XV—XVI) и карѳагенскимъ стеламъ (см. таб. XXI рис. 17).

На рисункѣ 10 таб. XXI (Троя) виднѣется также слѣдъ глазъ и носа, но ротъ отсутствуетъ. Вокругъ шеи замѣчается ожерелье, груди отдѣлены портупеей или шарфомъ, ясно обозначеннымъ.

На рисункѣ 11 таб. XXI [Троя] виднѣется фигура, немного болѣе примитивная, чѣмъ предъидущая; здѣсь однѣ только груди замѣтны на выпуклости вазы, тогда какъ на рисункѣ 8 виднѣется только двѣ руки, сложенныя впереди. Этотъ послѣдній сосудъ немного напоминаетъ стелы у Коллорга, а также нѣкоторыя фигуры, изображенныя на таб. XX.

Рисунокъ 7 на таб. XXI изображаетъ сосудъ того же типа, но въ кругѣ на выпуклости выдѣляется гамматый крестъ.

Троянскій типъ лицевыхъ урнъ по мнѣнію С. Рейнаха сохранился въ Кипрѣ до VI или V-го вѣка нашей эры.

Въ западной Пруссіи открыли нѣсколько сотенъ этихъ сосудовъ, ихъ присутствіе даже было констатировано въ Привислянскомъ краѣ и въ Силезіи, но лучшіе экземпляры встрѣчаются въ Прирейнской Пруссіи. Одна изъ этихъ лицевыхъ урнъ, изображенная нами на таб. XXI рис. 5, была найдена въ окресностяхъ Майнца. Сейчасъ она красуется въ Бонскомъ музеѣ. Лицо отчетливо обозначено, сильныя брови огибаютъ глаза; онѣ, быть можетъ, имѣютъ символическое значеніе, какъ и фалусы (*phallus*), рельефно расположенные по сторонамъ рта и которые навѣрно играли здѣсь ту же предохранительную роль, что „*phallus*“, вырѣзанные на стѣнахъ древнихъ городовъ Греціи, Италіи и Африки.

И здѣсь еще разъ мы находимъ мотивы, тѣсно родственные съ нѣкоторыми каменными бабами Россіи (см. таб. XXI рис. 13 и таб. XVI рис. 7).

Аналогичная статуя была найдена на одномъ изъ острововъ Чинга въ Перу подъ толстымъ слоемъ 18 метровъ гуано. Этого обстоятельства вполнѣ достаточно, чтобы указать на древнее ея происхожденіе [1]).

Мы только что указали, какими способами египтяне старались сохранить тѣло въ томъ видѣ, какой оно имѣло до смерти, а именно: бальзамированіе, погребальныя маски. рисунки на стѣнахъ склепа и наконецъ воспроизведеніе чертъ лица покойника на лицевыхъ урнахъ и на крышѣ гроба. Этотъ послѣдній обычай перешелъ скоро къ сосѣднимъ народамъ и въ частности въ Финикію, въ Карѳагенъ и въ Этрурію. На крышкахъ большихъ т. наз. антропоидныхъ саркофаговъ карѳагенскаго музея, такъ богато отдѣланныхъ, имѣются изображенія покойниковъ, искусно вырѣзанныя.

Не менѣе интересны этрусскіе саркофаги, изъ которыхъ особенно одинъ, хранящійся въ Британскомъ музеѣ, своимъ изяществомъ приводитъ посѣтителей въ восхищеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что лицевые саркофаги были сдѣланы, чтобы запечатлѣть на камнѣ лицо дорогого почившаго,—обычай, который все еще примѣняется на христіанскихъ саркофагахъ.

Но вскорѣ воспроизведеніе чертъ лица умершихъ на погребальныхъ маскахъ, на лицевыхъ урнахъ, на лицевыхъ стелахъ или саркофагахъ кажется уже недостаточнымъ. Начинаютъ изображать покойника въ видѣ статуэтки (куколка) въ Египтѣ, въ Римѣ и кладутъ эти статуэтки рядомъ съ нимъ въ гробницу. Статуи имѣли передъ муміями преимущество прочности, притомъ ихъ можно было воспроизводить въ какомъ угодно количествѣ. Отсюда такая изумительная многочисленность статуй, встрѣчающихся иногда въ египетскихъ гробницахъ [2]). Во время своихъ пиршествъ египтяне передавали одни другимъ вышеупомянутыя статуетки для того,

---

[1]) Описаніе и рисунокъ этой статуи, на которой половые органы тщательно изображены, можно найти въ „Actes de la société scientifique du Chili T. XX. 1902“.

[2]) См. Древняя исторія народовъ Востока-Масперо.

чтобы напомнить живымъ лицо предковъ. Эта характерная идея, какъ и обычай бальзамированія, точно такъ же встрѣчаются въ древнемъ Перу; нужно удивляться тому, какъ повторяются одни и тѣже обычаи чисто религіознаго характера въ странахъ совершенно противоположныхъ.

Присутствіе погребальныхъ статуэтокъ въ могилахъ было отмѣчено и въ Россіи. О нихъ говоритъ Сулинъ въ своемъ отчетѣ объ археологическихъ раскопкахъ въ 1901 г. [1]) Въ Сальскомъ округѣ въ области Войска-Донского г. Сулинъ нашелъ четыре деревянныхъ статуи въ одномъ курганѣ (см. рис. 14 таб. XXI). Въ другомъ курганѣ Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губ. В. А. Городцовымъ была найдена статуэтка, вырѣзанная изъ мѣлового камня. Она лежала въ кисти лѣвой руки въ дѣтскомъ погребеніи.

Умѣстно упомянуть, что нерѣдко и каменныя бабы были находимы въ могилѣ, а не надъ курганомъ; это обстоятельство даетъ возможность предположить, что не всегда онѣ играли роль надгробныхъ стелъ. Что бы тамъ ни было, грубая статуя, положенная рядомъ съ трупомъ, кажется, не имѣла другой цѣли, какъ только увѣковѣчить память покойника, замѣнить копіею тѣлесную оболочку, которая чрезъ болѣе или менѣе продолжительное время должна будетъ исчезнуть, вслѣдствіе чего тѣло можетъ быть лишено своего двойника. Воздвигнутая надъ курганомъ рудиментарная статуя, лицевая стела, напоминала будущимъ поколѣніямъ портретъ почившаго, котораго чтили наравнѣ съ богами.

Плано Карпини, Рубруквисъ, Марко Поло оставили подробныя описанія идоловъ или статуэтокъ, связанныхъ съ культомъ душъ умершихъ предковъ у шаманистовъ. Лама Галсанъ Гомбаевъ, комментировавшій это мѣсто у Карпини, отожествлялъ этихъ идоловъ съ бурятскими онгонами. Съ этими же идолами стоятъ еще въ связи сказанія о статуяхъ или изображеніяхъ хановъ. Статуэтки находились въ повозкахъ; сдѣланы были изъ войлока и онѣ изображали умершихъ; ихъ одѣвали въ богатыя ткани. (см. Записки Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ. Т. XVIII вып. IV 1908 г. ст. К. Иностранцева „Къ вопросу о *„басмѣ“* стр. 0174).

Только что упомянутый обычай былъ въ большомъ ходу въ Россіи вплоть до XII—XIII вѣка и примѣнялся еще нѣсколько столѣтій послѣ у киргизовъ. Такъ, напримѣръ, Рычковъ пишетъ, что еще въ 1771 году Зауральскіе киргизы ставили поверхъ надгробнаго деревяннаго сруба болвана, изображавшаго лицо покойника. А. Левшинъ видѣлъ переживаніе обычая ставить каменныя бабы надъ могилами въ нѣкоторыхъ деталяхъ похороннаго обряда киргизовъ. Въ 1832 году онъ описываетъ слѣдующую картину обряда поминокъ: „Трагическія представленія: плачъ и рыданія, продолжаются весьма долго: иные до истеченія года ежедневно возобновляютъ ихъ по утрамъ и вечерамъ передъ *куклою* или *болваномъ*, который будучи одѣтъ въ платье покойника, служитъ плачущимъ его изображеніемъ.“

Подобный обычай встрѣчается и у остяковъ Сибири; послѣ смерти кого нибудь изъ своихъ близкихъ они дѣлаютъ грубую деревянную статуэтку, которую потомъ они ставятъ надъ могилой покойника, принося ей жертвы и воздавая почести. Спустя два или три мѣсяца они ее хоронятъ.

По словамъ Тайлора, связь сродства повидимому существуетъ между остяками и древними народами, которые воздвигали каменныя бабы.

По словамъ Ратцеля у Обьскихъ остяковъ былъ обычай дѣлать изображеніе покойника; его ставили въ юртѣ, гдѣ оно занимало мѣсто умершаго.

Современный путешественникъ Ш. Рабо въ своемъ трудѣ *„A travers la Russie boréale“* говоритъ, что у остяковъ умершіе суть предметы весьма трогательнаго культа. Послѣ смерти кого нибудь изъ членовъ

[1]) См. Труды XIII археол. съѣзда въ Екатеринославѣ 1905 г.

семьи, родственники дѣлаютъ куклу, которая, такъ сказать, изображаетъ лицо погибшаго, и съ которымъ обращаются, какъ обращались-бы съ покойникомъ, если бы онъ еще былъ живъ. Вечеромъ куклу укладываютъ подъ шубы, утромъ ее подымаютъ и помѣщаютъ передъ очагомъ. Рядомъ съ ней ставятъ курительную трубку, во время ѣды у ногъ кладутъ пищу. Кукла эта называется „*шіонготъ*“.

Лапландцы не такъ давно ставили изображеніе покойника въ видѣ статуэтки передъ юртой, а потомъ ее зарывали.

Пермяки замѣняли статуи самимъ человѣкомъ, который копалъ могилу, одѣтый въ платье покойника; онъ всѣмъ напоминалъ его силуэтъ. Этотъ обычай приводитъ насъ къ старому римскому времени, въ эпоху, когда нанятые актеры съ маской на лицѣ, одѣтые въ платье умершаго, предшествовали похоронной процессіи и старались воспроизводить его жесты.

Еще и теперь съ одного конца Америки до другого и въ частности на индійскихъ кладбищахъ Патагоніи виднѣется множество столбовъ, грубо отдѣланныхъ и напоминающихъ человѣческій силуэтъ. Нѣкоторые изъ нихъ ясно изображаютъ человѣческую фигуру съ лицомъ умершаго, иногда съ бюстомъ и съ руками.

Статуи такого рода, точно также изъ дерева, но меньше по размѣрамъ, встрѣчаются у нѣкоторыхъ племенъ острововъ Тихаго океана. На Ново-Гебридскихъ островахъ эти статуи ставятся надъ погребеніями рядомъ съ другими изображеніями предковъ. Онѣ сдѣланы изъ ствола дерева, по возможности пустого, а за неимѣніемъ изъ массивнаго ствола, который выдалбливаютъ, оставляя продолговатый прорѣзъ, который при малѣйшемъ ударѣ и даже подъ дуновеніемъ вѣтра издаетъ странный звукъ, какъ бы деревяннаго колокола (см. таб. XXI, рис. 15—16). Въ извѣстные посвященные дни, на поминкахъ, родственники и сородичи покойника собираются вокругъ статуй предковъ. *) Раздаются плачевныя пѣсни въ честь умершаго. Страшные удары наносятся звучащимъ статуямъ предковъ, между тѣмъ какъ ужасные вопли придаютъ этому похоронному обряду варварскій видъ, который очень внушителенъ.

Изъ этого краткаго обзора можно заключить, что всѣ народы въ равной степени были проникнуты уваженіемъ къ мертвымъ. Такъ какъ наша цѣль не состоитъ въ томъ, чтобы углубляться въ подробности сложныхъ и многочисленныхъ обрядовъ, которые порождаетъ страхъ живыхъ передъ загробной жизнью, мы ограничимся только тѣмъ, что укажемъ лишній разъ, насколько важны съ догматической точки зрѣнія тѣ обычаи, о которыхъ только что было говорено. Эти обычаи, въ которыхъ отражается вѣра въ безсмертіе души, основаны на вѣчной идеѣ о загробномъ существованіи, откуда и происходитъ культъ мертвыхъ или предковъ. Въ почитаніи предковъ нужно искать происхожденіе лицевыхъ стелъ и прочихъ аналогичныхъ памятниковъ, которые и были предметомъ настоящаго этюда.

I. Кастанье.

*) См. Illustration du 9 janvier 1904. Le culte des ancêtres aux Nouvelles—Hébrides.

СПИСОКЪ
РИСУНКОВЪ, ПОМѢЩЕННЫХЪ НА ТАБЛИЦАХЪ.

Таб. I. Рис. 1. Зданіе Кисене съ рис. Палласа 1768—1769 г.

„ 2-3. Виды того-же зданія Кисене (съ фотогр. снимковъ инженера Подьяконова 1908 г.)

Таб. II. Рис. 1. Могила Байтака въ Уральск. обл. и уѣздѣ.

„ 2. Акчайская могила близъ Челкара, Иргизскій уѣздъ Тургайской области.

„ 3. Могила Шимана близъ озера Челкара въ Иргизск. уѣздѣ Тургайской области.

„ 4. Могила Джалимбета около Эмбы въ Темирск. уѣздѣ Уральской области.

„ 5. Могилы Шокей въ Кустанайск. уѣз., Тургайск. обл.

Таб. III. Рис. 1-2. Могила Хорхутъ-Ата въ Перовскомъ уѣздѣ Сыръ-Дарьинской области; теперь разрушена.

EXPLICATION
des dessins contenus dans les planches.

Pl. I. Fig. 1. Monument funéraire „Kisseneh" d'après un dessin de Pallas 1768-1769 (gouv. d' Orenbourg).

„ *2-3. Ce même monument un siècle et demi plus tard, d'après photographies de l'ingénieur Podiakonoff (1908).*

Pl. II. Fig. 1. Tombeau de Baïtak province d'Ouralsk.

„ *2. Tombeau de nomade à Aïtchak dans la steppe de Tchelcar, district d'Irghiz, prov. de Tourgaï.*

„ *3. Tombeau de Chimann près du lac de Tchelcar, district d'Irghiz, prov. de Tourgaï.*

„ *4. Tombeau de Djalimbet près de l'Emba, district de Témir, prov. d'Ouralsk.*

„ *5. Tombeaux de Chokeï, district de Koustanaï, prov. de Tourgaï.*

Pl. III. Fig. 1-2. Tombeau auj. détruit du saint musulman Khorkhout dans le district de Pérovsk, prov. du Syr-Daria.

„ 3. Башня Бегимъ-Мунара въ Казалинск. уѣздѣ Сыръ-Дарьинской области.

„ 4. Могила султана Клыша въ Каркарал. у. Семипал. обл.

„ 5. Денгекъ въ Лепсинск. уѣздѣ, Семирѣченской области.

„ 6. Надгробное сооруженіе въ Хорхутѣ Перовск. уѣзд., Сыръ Дарьинск. обл.

„ 7. Козу-Керпечъ въ Лепсинск. уѣздѣ Семирѣч. обл,

Таб. IV. Рис. 1. Зданіе Кокъ-Кесене въ Перовскомъ уѣз. Сыръ-Дарьинской области.

„ 2. Могила Шике Ніазъ въ Кармакчи Сыръ-Дарьин. обл.

„ 3. Могила Саганакъ или Сунакъ-Ата въ Перовскомъ уѣздѣ Сыръ-Дарьинск. обл.

Таб. V. Рис. 1. Боролдайскія письмена въ Ауліеатинск. уѣздѣ Сыръ-Дарьинск. обл.

„ 2. Христіанско-Несторіан. надгробный памятникъ близъ г. Токмака въ Семирѣч. обл.

„ 3. Древніе мусульманскіе надгробные памятники съ письменами близъ озера Иссыкъ-Куля въ Семирѣч. области.

Таб. VI. Рис. 1. Курганъ куполообразной формы, обычнаго типа.

„ 2. Курганъ, напоминающій юрты (къ стр. 122)

„ 3. Курганъ куполообразной формы съ каменной бабой.

„ 4. Обыкновенный куполообразный курганъ со стоящей кам. плитой.

„ 5. Курганъ „Дынъ-кара-оба“, Уральской обл. (къ стр. 88)

„ 6. Курганъ, на краю котораго устроена киргизская могила (къ стр. 62).

„ *3. Ancienne tour Béguime-Mounara, district de Kazalinsk, prov. du Syr-Daria.*

„ *4. Tombeau du sultan Klycha, district de Karkaralinsk prov. de Semipalatinsk.*

„ *5. Ancien monument „Denguek“ district de Lepsinsk, prov. des Sept-Rivières (Semirietchensk).*

„ *6. Monument funéraire à Khorkhout, district de Pérovsk, prov. du Syr-Daria.*

„ *7. Monument Kozou-Kerpetch, district de Lepsinsk, prov. de Semirietchensk.*

Pl. IV. Fig. 1. Monument „Kok-Kesseneh“, district de Pérovsk, prov. du Syr-Daria.

„ *2. Tombeau de Chike-Niaz à Karmaktchi, prov. du Syr-Daria.*

„ *3. Tombeau du vénéré Sounak ou Souganak, district de Pérovsk, prov. du Syr-Daria.*

Pl. V. Fig. 1. Inscriptions rupestres de Boroldaï, district d'Aoulièata, prov. du Syr-Daria.

„ *2. Pierre tombale nestorienne près de Tokmak, prov. de Semirietchensk.*

„ *3. Pierres tombales musulmanes près du lac Issyk-Koul, prov. de Semirietchensk.*

Pl. VI. Fig. 1. Tumulus en forme de coupole, (type commun).

„ *2. Tumulus en forme de tente de nomade. (v. p. 122).*

„ *3. Tumulus en forme de coupole avec baba.*

„ *4. Tumulus en forme de coupole surmonté d'un bloc de pierre.*

„ *5. Tumulus „Dyne-Kara-Oba“ d'après une photographie (v. p. 88).*

„ *6. Tumulus avec sur l'un des côtés un tombeau kirghize (v. p. 62).*

Таб. VII. Рис. 7. Курганъ съ котлообразнымъ углублен., обычнаго типа.

„ 8. Курганъ съ котлообразнымъ углубленіемъ и съ каменной бабой.

„ 9. Курганъ съ котлообразнымъ углубленіемъ сверху, обложенный однимъ рядомъ камней.

„ 10. Тотъ-же курганъ, обложенный нѣсколькими рядами камней.

„ 11. Куполообразный курганъ, обставленный камнями или глыбами у основанія.

„ 12. Курганъ съ крутымъ сѣвернымъ скатомъ, укрѣпленнымъ камнями [къ стр. 61.]

„ 13. Курганъ усыпанный бѣлыми камнями, называемый киргизами „богатымъ“ [къ стр. 127].

„ 14. Куполообразный курганъ, обложенный камнями съ тремя кам. бабами на вершинѣ [къ стр. 120].

Таб. VIII. Рис. 15. Куполообразный курганъ обложенный камнями со стоящей плитой на вершинѣ, на кот. вырѣзанъ знакъ [къ стр. 68].

„ 16. Куполообразный курганъ со рвомъ вокругъ насыпи, обычнаго типа.

„ 17. Куполообразный курганъ со рвомъ вокругъ насыпи, валомъ и пролетомъ (къ стр. 61).

„ 18. Курганъ съ котлообразнымъ углубленіемъ, валомъ и рвомъ вокругъ насыпи (къ стр. 61).

„ 19. Конусообразный курганъ сложенный изъ камней, обычнаго типа.

Pl. VII. Fig. 7. Tumulus avec sur le sommet un enfoncement en forme d'entonnoir.

„ *8. Même tumulus que le précédent mais avec une baba dans l'enfoncement.*

„ *9. Tumulus avec enfoncement en forme d' entonnoir renforcé d' un rang de pierres.*

„ *10. Le même, renforcé de plusieurs rangs de pierres.*

„ *11. Tumulus en forme de coupole renforcé à sa base d' une enceinte de pierres brutes.*

„ *12. Tumulus dont l'un des côtés, très abrupt est renforcé de pierres (v. p. 61).*

„ *13. Tumulus en forme de coupole parsemé de pierres blanches portant le nom de „riche“ (v. p. 127).*

„ *14. Tumulus en forme de coupole renforcé sur les côtés de plusieurs rangs de pierres et surmonté de trois babas. (v. p. 120).*

Pl. VIII. Fig. 15. Tumulus en forme de coupole renforcé de plusieurs rangs de pierres sur les côtés et surmonté d' une stèle portant un signe. (v. p 68).

„ *16. Tumulus en forme de coupole avec fossé à sa base.*

„ *17. Tumulus en forme de coupole avec fossé renforcé d'une enceinte surélevée (v. p. 61)*

„ *18. Tumulus avec enfoncement en forme d' entonnoir entouré d'un fossé et d'une enceinte à sa base (v. p. 61).*

„ *19. Tumulus fait de pierres entassées formant un cône.*

„ 20. Конусообраз. курганъ, сложенный изъ камней съ котлообразнымъ углубленіемъ.

„ 21. Конусообраз. курганъ, сложенный изъ камней, увѣнчанный кучей изъ острыхъ камней (къ стр. 248).

„ 22. Конусообраз. курганъ, сложенный изъ камней; среди нихъ виднѣются нѣсколько круглыхъ камней, напоминающихъ челов. головы (къ стр. 68).

Таб. IX. Рис. 23. Конусообраз. курганъ, сложенный изъ камней, увѣнчанный каменной бабой.

„ 24. Курганъ, сложенный изъ камней въ видѣ усѣченнаго конуса съ тремя каменными бабами (къ стр. 117).

„ 25. Могила, вокругъ которой установлены каменные столбы, числомъ отъ 18-ти и болѣе (къ стр. 123).

„ 26. Могила, сложенная изъ мелкихъ камней, обставленная большими кам. (къ стр.248)

„ 27. Могила на одномъ съ почвою уровнѣ, обставленная камнями (къ стр. 67 и 116).

„ 28. Могила Кустанайск. уѣзда, Тургайск. обл. съ рисунка А. Л. Аниховскаго.

„ 29. Могила въ видѣ лодки (къ стр. 123).

„ 30. Могила со стоящей недалеко отъ нея глыбой, нерѣдко превышающей ростъ человѣка (къ стр. 116).

Таб. X. Рис. 1. Могила Кызъ-Мола въ Актюб. уѣз. Тург. обл. (къ стр. 78).

„ 2. Кентскій или Кызылъ-Гянчскій дворецъ въ Каркаралинскомъ уѣздѣ Семипал. обл. (къ стр. 145).

„ *20. Le même avec enfoncement au sommet.*

„ *21. Tumulus ayant l' aspect d'un tas de pierres dont quelques-unes fort longues et très effilées d' un bout le surmontent en forme de faisceau (v. p. 248)*

„ *22. Tumulus de forme conique également en pierres; quelques-unes rappellent le visage humain. (v. p. 68)*

Pl. IX. Fig 23. Tumulus de forme conique entièrement fait de pierres et surmonté d'une baba.

„ *24. Tumulus en forme de cône tronqué, entièrement fait de pierres et surmonté de trois babas. (v. p. 117).*

„ *25. Tombe à enceinte (v p. 123)*

„ *26. Autre type de tombe à enceinte (v. p. 248)*

„ *27. Tombe renforcée d'une enceinte de pierres (v. p. 67 et 116).*

„ *28. Tombe du district de Koustanaï, prov. de Tourgaï.*

„ *29. Tombe en forme de canot (v. p. 123).*

„ *30. Tombe à côté de laquelle se dresse un bloc de pierre ne portant aucune inscription. (v. p. 116).*

Pl. X. Fig. I. Tombeau de Küss-Mola, district d'Aktioubinsk province de Tourgaï (v. p. 78)

„ *2. Ruines de l'ancien palais de Kentski ou Kyzyl-Guiantchsk dans le district de Karkaralinsk, province de Semipalatinsk (v. p. 145).*

„ 3. Группа курган. на бер. рѣки Жаманъ-Каргалы близъ гор. Актюбин. въ Тургайск. обл. [къ стр. 59 и 70].

Таб. XI. Рис. 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7. Каменныя бабы южно-русскихъ степей [съ атласа гр. Уварова].

„ 8-9. Каменныя бабы, найд. въ южной Россіи [съ атласа гр. Уварова).

„ 10. Сибирская баба, привез. изъ Алтая въ Барнаулъ г. Спасскимъ (съ атласа гр. Уварова).

„ 11-12 Каменныя бабы южно-русскихъ степей (съ атласа гр. Уварова).

„ 13. Польская каменная баба, найд. около Колы въ Калишской губ. (съ атласа гр. Уварова).

Таб. XII. Рис. 1. Тукюэская могила въ Монголіи съ фот. снимк. Ядринцева (см. атл. Радлова).

„ 2. Остатки ханской могилы съ памятникомъ и храмомъ въ Монголіи (срисована съ атласа Радлова).

Таб. XIII. Рис. 1. Каменная баба Семирѣч. обл. срисована съ фотогр. Пантусова, хранится въ г. Вѣрномъ.

„ 2-3. Кам. бабы Семирѣч. обл. срис. съ фотогр. снимковъ Пантусова, хранятся въ частномъ домѣ въ г. Сергіополѣ.

„ 4. Каменная баба найдена въ Токмакскомъ уѣздѣ Семир. обл., съ фот. Пантусова.

„ 5. Каменная баба Семир. обл. хранит. въ Больш. Токмакѣ.

„ 6. Каменная баба Сергіопольск. станицы Семир. обл.

„ 7. Каменная баба Вѣрненск. уѣзда Семирѣч. обл.

„ *3. Groupe de tumuli dans le voisinage du Jaman-Kargala près d'Aktioubinsk, prov. de Tourgaï (v. pages 59 et 70).*

Pl. XI. Fig. 1, 2, 3, 4, 5, 6 и *7. Statues „babas" des steppes de la Russie méridionale (d'après l'atlas du comte Ouvaroff).*

„ *8-9. Babas de Petite-Russie (d'après l'atlas du comte Ouvaroff.)*

„ *10. Baba de Sibérie rapportée de l'Altaï par M. Spasky, auj. à Barnaoul (d'après atlas du comte Ouvaroff).*

„ *11-12. Babas des steppes de la Russie méridionale (d'après l'atlas du comte Ouvaroff).*

„ *13. Baba de Pologne trouvée près de Koly dans le gouv. de Kalysch (d'après l'atlas du comte Ouvaroff).*

Pl. XII. Fig. 1. Tombe turque (Tuque) trouvée en Mongolie, photog. par M. Iadrintzeff (v. atlas Radloff).

„ *2. Ancien tombeau des khans tuques (turcs) avec temple d'après dessins de l'atlas Radloff.*

Pl. XIII. Fig 1. Baba conservée à Vierny, prov. de Semirietchensk d'après une phot. de M. Pantoussoff.

„ *2-3. Babas conservées dans la cour d'une des maisons de Serguiopol prov. de Semirietchensk (dessinées d'après phot. de M. Pantoussoff).*

„ *4. Baba trouvée dans le district de Tokmak, prov. de Semirietchensk (d'après phot. de M. Pantoussoff).*

„ *5. Baba de la prov. de Semirietchensk, conservée de nos jours au Grand Tokmak.*

„ *6. Baba de la stanitza de Serguiopol, prov. de Semirietchensk.*

„ *7. Baba du district de Vierny, prov. de Semirietchensk.*

„ 8. Каменная баба найдена въ окрестн. Нарына въ Семирѣченской обл.

„ 9, 10, 11. Каменныя бабы найд. въ Монголіи; срисов. съ атласа Радлова.

Таб. XIV. Рис. 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7. Каменныя бабы Сыръ-Дарьинск. обл., хранятся въ Ташкент. музеѣ.

„ 8. Каменная баба найд. близъ оз. Иссыкъ-Куля въ Семир. обл., хранится въ г. Пржевальскѣ.

„ 9-10. Каменная баба Семирѣч. обл. найд. около Пишпека.

„ 11. Курментинская каменная баба, Семирѣч. обл.

„ 12. Кагатинская каменная баба Токмак уѣз. Семир. обл.

„ 13. Иссыкъ-кульская кам, баба.

„ 14, 15, 16 и 17. Каменныя бабы у памятника Козу-Керпеча въ Лепсин. у. Семир. обл.

„ 18. Каменная баба найд. близъ дерев. Кикбай Семир. обл. съ фотогр. Пантусова.

„ 19-20. Каменныя бабы найдены близъ р. Нарына, съ фот. Пантусова.

Таб. XV. Рис. 1, 2, 3. Каменныя бабы Большого Токмака Семир. обл. съ фот. Пантусова.

„ 4. Каменная баба стан. Сергіополя Семирѣчен. обл. съ фот. Пантусова.

„ 5. Каменная баба найд. около с. „Попутно“ въ Копальск. уѣздѣ Семир. обл. съ фот. Пантусова.

„ 6. Каменная баба найд. близъ Минер. водъ „Арасанъ“ на

„ *8. Baba trouvée dans les environs de Naryn, province de Semirietchensk.*

„ *9, 10, 11. Babas trouvées en Mongolie d'après dessins de l'atlas Radloff.*

Pl. XIV. Fig. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7. Babas de la prov. du Syr-Daria conservées au musée de Tachkent.

„ *8. Baba trouvée près du lac Issyk-Koul, prov. de Semirietchensk, conservée à Prjevalsk.*

„ *9, 10. Baba trouvée près de Pichpek, prov. de Semirietchensk.*

„ *11. Baba de Kourmentinsk, prov. de Semirietchensk*

„ *12. Baba de Kaghatinsk, district de Tokmak, prov. de Semirietchensk.*

„ *13. Baba des environs du lac Issyk-Koul.*

„ *14, 15, 16, 17. Babas du monument de Kozou-Kerpetch district de Lepsinsk, prov. de Semirietchensk.*

„ *18. Baba trouvée près du village de Kiikbaï, district de Vierny, prov. de Semirietchensk, (d'après phot. de M. Pantoussoff).*

„ *19-20. Babas trouvées près de Naryne, prov. de Semirietchensk d'après phot. de M. Pantoussoff.*

Pl. XV. Fig. 1, 2, 3. Babas du Grand-Tokmak, prov. de Semirietchensk d'après phot. de M. Pantoussoff.

„ *4. Baba de la stanitza de Serguiopol, prov. de Semirietchensk d'après phot. de M. Pantoussoff.*

„ *5. Baba trouvée près de Popoutno, district de Kopalsk, prov. de Semirietchensk, d'après phot. de M. Pantoussoff.*

„ *6. Baba trouvée près des eaux minérales d'Arassan à pro-*

русско-китайской границѣ (съ фот. Пантусова).

„ 7. Каменная баба найд. близъ Картагая въ 3. в. отъ китайск. гр. (съ ф. Пантусова).

„ 8. Каменная баба найдена въ Баскунчанѣ Семирѣч. обл. (съ фотогр. Пантусова).

Таб. XVI. „ 1. Каменная баба огромныхъ размѣровъ найд. въ с. Ново-Петровкѣ Оренбургск. губ. и уѣзда; хранится въ Оренбургск. музеѣ.

„ 2. Каменная баба найд. въ окрест. Ново-Сергіевска въ Бузулукскомъ уѣздѣ, Самарск. губ.; съ рис. Палласа.

„ 3. Каменная баба найд. въ Кустанайск. уѣздѣ, Тургайск. обл. (хранится въ Оренбургскомъ музеѣ.)

„ 4-5. Лицевые камни найд. въ Актюбинскомъ уѣздѣ Тургайск. обл., на курганѣ.

„ 6. Каменная баба найд. въ Тургайск. обл. и уѣздѣ. (хранится въ Оренбургск. музеѣ).

„ 7, Каменная баба съ изображеніемъ „фаллусъ“ найд. въ Орскомъ уѣздѣ, Оренбургск. губ. (хранится въ музеѣ Оренб. Уч. Арх. Ком.)

„ 8-9. Каменныя бабы найд. въ Тургайск. области и уѣздѣ, хранятся въ Оренб. музеѣ

„ 10. Каменная баба, вырытая изъ кургана Орскаго уѣзда Оренбургск. губ. хранится въ Оренбургск. музеѣ.

„ 11. Каменная баба найд. среди

ximité de la frontière russo-chinoise d'après phot. de M. Pantoussoff.

„ *7. Baba trouvée près de Kartaghaï à 3 verstes de la frontière russo-chinoise, prov. de Semirietchensk d'après phot. de M. Pantoussoff.*

„ *8. Baba trouvée au lieu dit Baskountchan, prov. de Semirietchensk, d'après une phot. de M. Pantoussoff.*

Pl. XVI. Fig. 1. Baba de grandes dimensions trouvée près de Novo-Petrovka district d'Orenbourg. (Conservée au musée de cette ville).

„ *2. Baba trouvée près de Novo-Serguievka, district de Bouzoulouk, gouv. de Samara, (d'après dessin de Pallas).*

„ *3. Baba du district de Koustanaï, prov. de Tourgaï. (Conservée au musée d'Orenbourg.*

„ *4-5. Pierres à visage trouvées sur un tumulus du district d'Aktioubinsk, prov. de Tourgaï, (L'une d'elles est conservée à Orenbourg.*

„ *6. Baba du district de Tourgaï, prov. de même nom (Conservée à Orenbourg).*

„ *7. Baba avec phallus trouvée dans le district d'Orsk, gouv. d'Orenbourg. (Conservée au musée d'Orenbourg).*

„ *8-9. Babas du district de Tourgaï, prov. de même nom. (Conservées au musée d'Orenbourg).*

„ *10. Baba trouvée dans un tumulus du district d'Orsk, gouv. d'Orenbourg. (Conservée au musée d'Orenbourg).*

„ *11. Baba du district de Koustanaï,*

могилъ въ Кустанайск. уѣздѣ., Тургайской обл. хранится въ Оренбургскомъ музеѣ.

Таб XVII. рис. 1-2. Тукюэскія стелы найд. на княжескихъ могилахъ древнихъ турокъ въ Монголіи (срисов. съ атласа Радлова

„ 3. Каменная баба найд. около г. Оренбурга.

„ 4-5. Надгробныя стелы Оренбургскаго татарскаго кладбища.

„ 6. Надгробная стела киргизскаго кочевника Актюбинскаго уѣзда Тургайск. обл.

„ 7. Надгробная стела съ чалмою съ сартовскаго кладбища въ Туркестанѣ.

„ 8. Надгробная хивинская стела.

Таб. XVIII. Рис. 1. Бюстъ на стѣнахъ погребальной пещеры Куржонэ во Франціи.

„ 2 и 6. Бюсты погребальной пещеры Куазара во Франціи.

„ 3. 4. 5. Скульптуры, вырѣзанныя на дольменахъ Авени, Бури и Оберженвиль во Франціи.

„ 7. 8. 11. Группа скульптуръ найд. въ департаментѣ Гаръ близъ Коллорга Франціи.

„ 9-10. Монолиты острова Гернезей въ Ламаншъ.

12. 13. 14. 15. Итальянскія стелы найд. въ окрестностяхъ гор. Болоньи.

Таб XIX. Рис. 1-2. Статуя—менгиръ Морела департамента Авейрона во Франціи.

„ 3. Статуя—менгиръ Пустоми департ. Авейрона.

„ 4. Статуя-менгиръ Серъ-Гранъ

prov. de Tourgaï. (Conservée au musée d'Orenbourg).

Pl. XVII. Fig. 1-2. Stèles tuques (turques) trouvées sur les tombes d'anciens khans turcs en Mongolie dessinées d'après l'atlas de Radloff).

„ *3. Baba très primitive trouvée à Buordy près d'Orenbourg. (Conservée au musée).*

„ *4-5. Stèles funéraires du cimetière tartare d'Orenbourg.*

„ *6. Stèle d'une tombe de nomade kirghize du district d'Aktioubinsk (environs du Korsak-Bass) prov. de Tourgaï.*

„ *7. Stèle à turban d'un cimetière sarte du Turkestan.*

„ *8. Stèle d'une tombe de khivien (Khanat de Khiva).*

Pl. XVIII. Fig. 1, 2, 6. Bas-reliefs ornant les antigrottes des cryptes funéraires de la vallée du Petit-Morin (grottes de Courjeonnet et de Coizard.

„ *3, 4, 5. Sculptures gravées sur les dolmens d'Aveny dans l'Eure, de Bourg dans l'Oise et d'Aubergenville en Seine-et-Oise.*

„ *7, 8, 11. Groupe de sculptures du département du Gard trouvées près de Collorgues (France).*

„ *9, 10. Monolithes de l'île Guernesey*

„ *12, 13, 14, 15. Stèles italiennes trouvées dans les environs de Bologne.*

Pl. XIX. Fig. 1-2. Statue-menhir des Maurels département de l'Aveyron. (France).

„ *3. Statue-menhir de Pousthomy, dép. de l'Aveyron.*

„ *4. Statue-menhir de Serre-Grand, dép. de l'Aveyron.*

„ 5-6. Статуя-менгиръ С.-Серненъ департ. Авейрона.

Таб. XX. Рис. 1. 7. 8. 9. Статуи найд. около Бамберга въ Баваріи.

„ 2. Елиткентская статуя найд. въ Восточной Пруссіи.

„ 3. Статуя найд. на островѣ Рюгенъ.

„ 4. 5. 10. 14. Статуи (штейнфигуры) Розенберга въ Восточ. Пруссіи.

„ 6. Статуя Кристбурга въ Германіи.

„ 11. 12. (*a. b. c. d.*) Гусіатинскій памятникъ найд. въ Галиціи и перевезенъ въ Краковскій музей.

„ 13. Пятигорская камменная баба.

Таб. XXI. Рис. 1. и 4. Пуническая погребальная маска (прямо и профиль найд. въ развалинахъ древняго Карѳагена.

„ 2 и 3. — тоже —

„ 5. Лицевая урна съ двумя фаллусами найд. въ Германіи около Майнца. Хранится въ Боннскомъ музеѣ.

„ 6. 7. 8. 9 10. 11. Лицевыя урны найд. въ Троѣ.

„ 12. Статуя найд. около кургана близъ Тіауанако въ Боливіи. (Южн. Америка)

„ 13. Каменная баба съ фаллусомъ найд. въ Екатеринославской губ.

„ 14. Деревянная статуя найд. въ одномъ курганѣ въ Сальскомъ округѣ въ области Войска-Донского.

„ 15-16. Деревянныя статуи племенъ Тихаго океана Ново-Гебридскихъ острововъ.

„ 17. Пуническая надгробная стела найд. на развалинахъ древняго Карѳагена.

„ *5-6. Statue-menhir de Saint-Sernin, dép. de l'Aveyron.*

Pl. XX. Fig. 1, 7, 8, 9. Statues primitives trouvées près de Bamberg en Bavière.

„ *2. Statue de Elitken, Prusse orientale.*

„ *3. Statue trouvée dans l'île de Rügen.*

„ *4, 5, 10, 14. Statue de Rosenberg, Prusse orientale.*

„ *6. Statue de Christburg(Allemagne).*

„ *11-12.(a.b.c.d)Monument d'Husyatin (Galicie) de nos jours au musée de Cracovie.*

„ *13. Baba de Piatigorsk (Caucase).*

Pl. XXI. Fig. 1. et. 4. Masque funéraire punique (face et profil) découvert dans les fouilles de Douïmès à Carthage.

„ *2-3. Masque funéraire découvert dans les fouilles d'une nécropole punique à Carthage.*

„ *5. Urne à visage avec phallus découverte aux environs de Mayence, conservée au musee de Bonn.*

„ *6, 7, 8, 9, 10, 11. Urnes à visage découvertes dans les ruines de Troie.*

„ *12. Statue trouvée dans le voisinage de Tiahuanaco (Bolivie).*

„ *13. Baba avec phallus du gouv. d'Ekatérinoslaw.*

„ *14. Statue de bois découverte dans un tumulus du district de Salsk, prov. du Don.*

„ *15-16. Statues de bois encore en usage aux Nouvelles-Hébrides*

„ *17. Stèle funéraire de Carthage avec vase à offrande.*

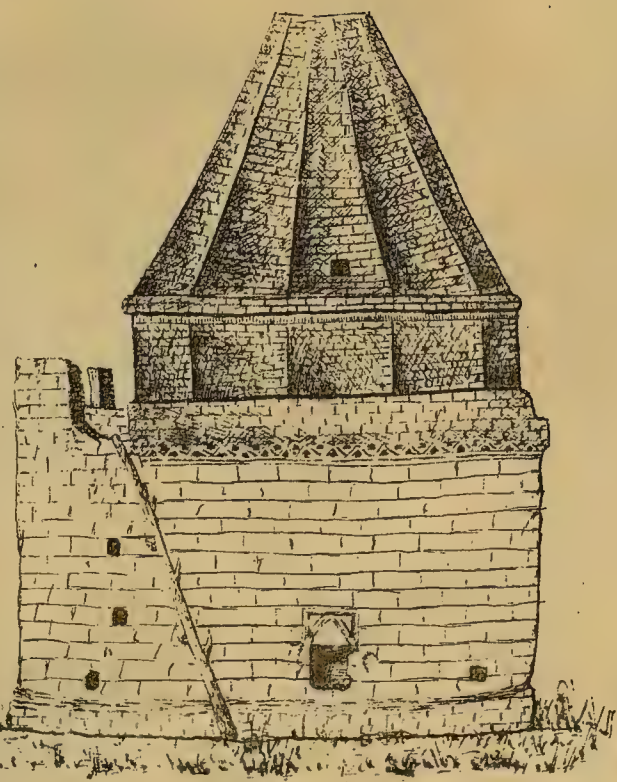
Замѣчежныя опечатки.

Страница	Строка.	Столб.	НАПЕЧАТАНО.	НАДО.
31	12 снизу	2	въ Архивъ комиссіи	въ Архивѣ Комиссіи
31	3 снизу	1	скечета	скелета
33	18 сверху	1	дорогѣ	по дорогѣ
33	11 снизу	1	Малаховское	Малаховскаго
34	16 снизу	1	къ приколу	къ приколу;
38	17 сверху	2	.....	.....“
48	3 снизу	1	Въ Троцкомъ	Въ Троицкомъ
59	2 сверху	2		(см. таб. X. рис. 3).
64	2 снизу	2	одинаковымъ	одинаковомъ
69	8 сверху	2	лажалъ	лежалъ
69	11 снизу	2	кайденъ	найденъ
70	12 сверху	2		(см. таб. X. рис. 3).
71	1 снизу	2	Дидрихся	Дитрихса
73	2 сверху	2	описюваетъ	описываетъ
74	8 снизу	1	отправиться	оправиться
74	6 сверху	2	Bushara	Buchara
76	9 сверху	1	и бычаевъ	и обычаевъ
77	5 снизу	1	не будитъ	не будетъ
77	3 снизу	1	ошибочно (Полф.)	
77	18 сверху	2	ошибочно (I. K.)	.“
79	20 сверху	2	Кутебай-атыръ	Кутебай-Батыръ
79	15 снизу	2	об-обросли	обросли
82	2 снизу	1	Voyage d!Orenbourg	Voyage d’Orenbourg
82	2 снизу	1	Iaubert	Jaubert.
82	6 снизу	2	Орсквй	Орской
87	7 снизу	1	состоящіе	стоящіе
88	19 снизу	1	уѣада	уѣзда
88	11 снизу	1	По собщенію	По сообщенію
88	9 снизу	2	стеницы	станицы
91	11 снизу	1	до	да

Страница	Строка.	Столб.	НАПЕЧАТАНО.	НАДО.
95	12 сверху	1	стало	стали
97	4 снизу	1	степе	степей
100	5 снизу	1	па мнѣніи	по мнѣнію
116	5 снизу	1	жженнаго и	жженнаго кирпича и
116	9 сверху	2	котораго	которое
118	8 снизу	1	стойкомъ	стойко
118	6 снизу	2	верх	верху
123	5 сверху	2	стороны	сторонѣ
126	16 снизу	1	тѣчки	рѣчки
127	19 сверху	1	кимней	камней
127	2 снизу	1	проселечной	проселочной
128	22 снизу	2	1/4 в. въ	1/4 в.
130	2 сверху	1	На	Ни
134	6 снизу	1	исповѣдающіе	исповѣдующіе
151	6 сверху	2	идушая	идущая
157	10 сверху	1	высоты	высоты,
157	15 сверху	2	и не въ	и въ недалекомъ
157	22 сверху	2	виднѣется	виднѣются
158	14 снизу	1	а въ Ю. части ея	?
164	12 сверху	1	кетменемъ	»
173	8 сверху	2	въ	знати Хамукатонъ
176	11 снизу	2	звати Хамукатонъ	Богасовской
137	8 сверху	1	Богасовско	имѣются
137	19 сверху	1	имѣется	животнаго
137	13 снизу	2	животное	лошади
137	12 снизу	2	лошадь	камней
138	1 снизу	1	камнемъ	недруговъ,
138	6 сверху	2	недруговъ	гдѣ,
140	14 снизу	1	гдѣ	горизонтахъ,
140	13 снизу	1	горизонтахъ	суевѣрія
144	1 сверху	1	суеверія	repertis
144	12 снизу	1	r-p rtis	проходитъ
145	16 сверху	2	приходитъ	фронтонъ,
146	6 сверху	1	фронтонъ	тождественно
177	14 снизу	1	тожественно	одинъ
177	11 снизу	2	одиъ	236
236	—	—	23	scientifique
318	2 —	—	scientifique	Востока-Масперо.
318	1 —	—	Востоа-Масперок	

Таб. 1

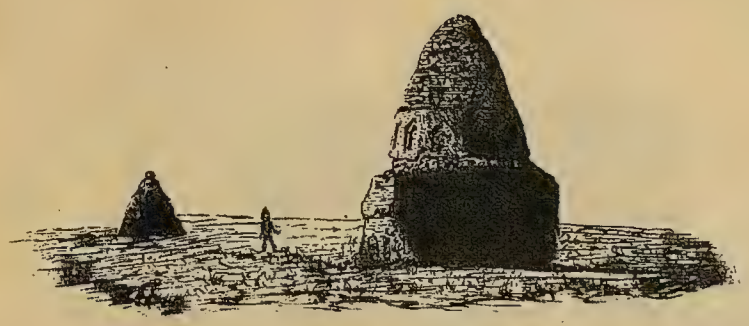
1



2

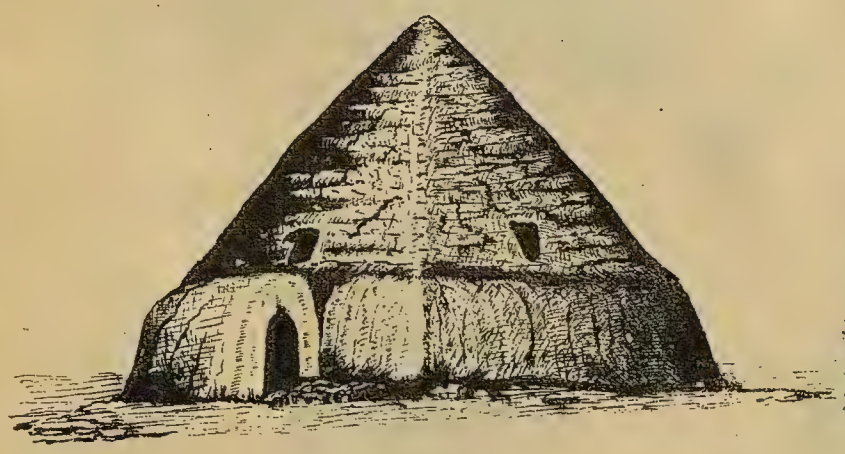
3

T. II



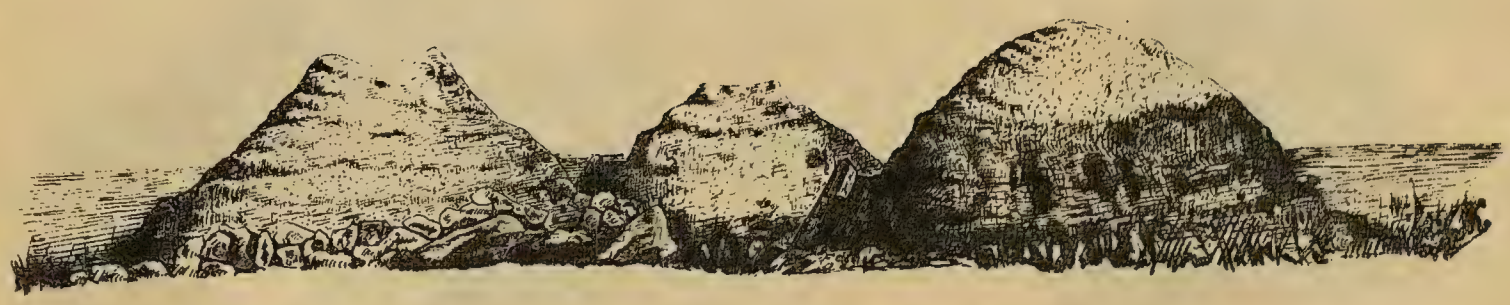
1

2



3

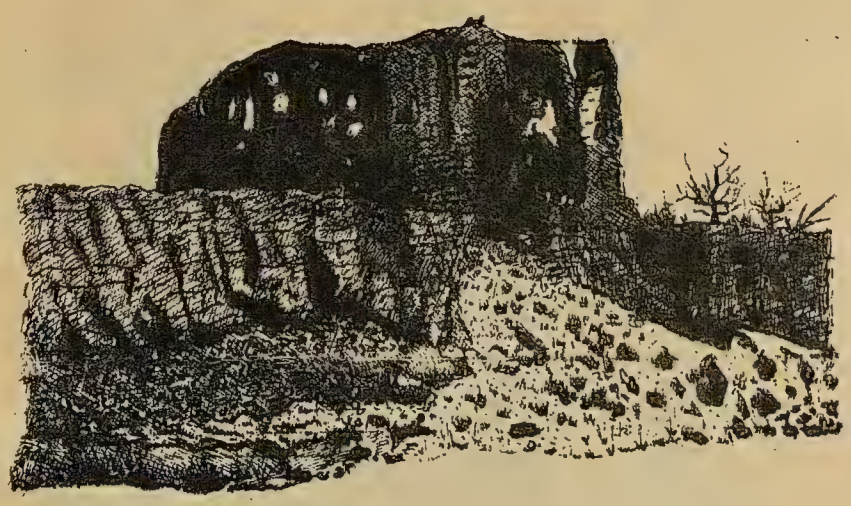
4



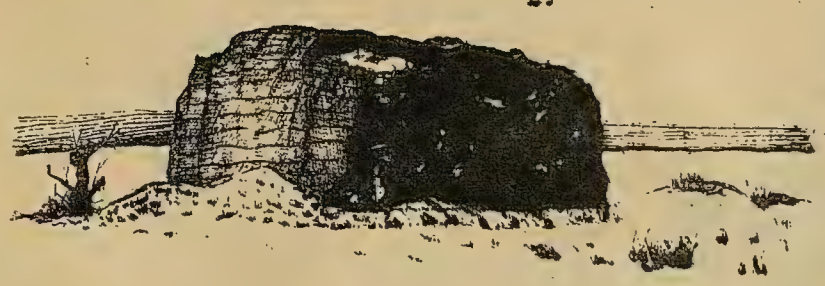
5

Таб. III.

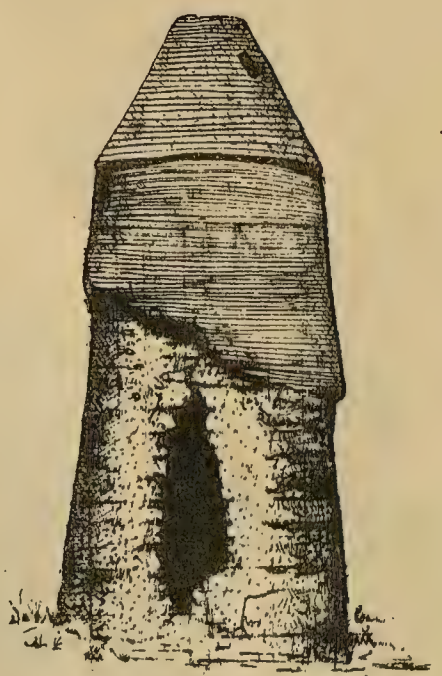
1.



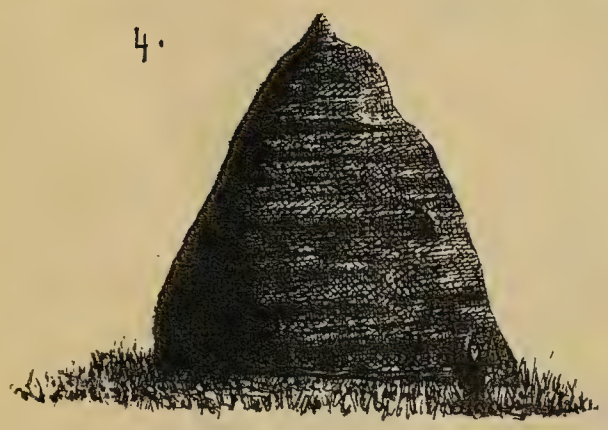
2.



3.

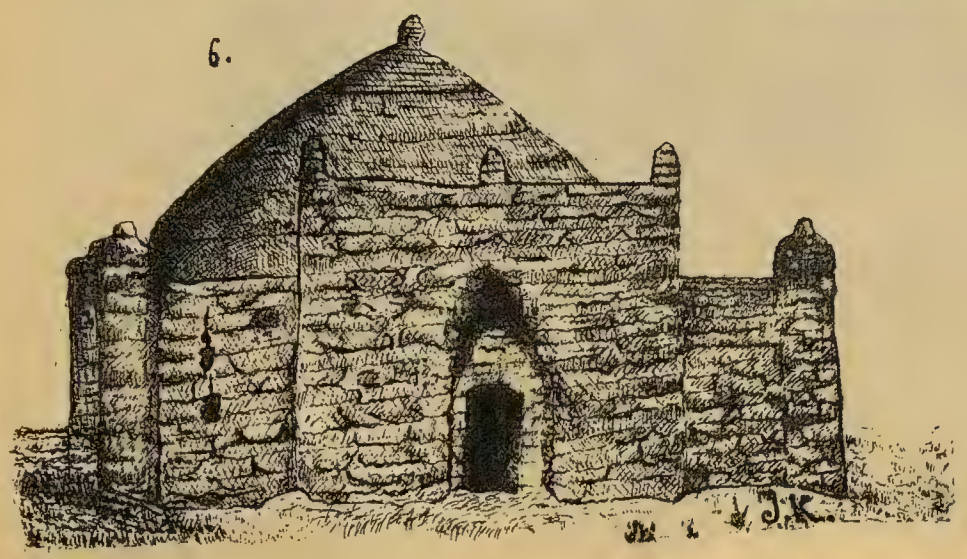


4.



5.

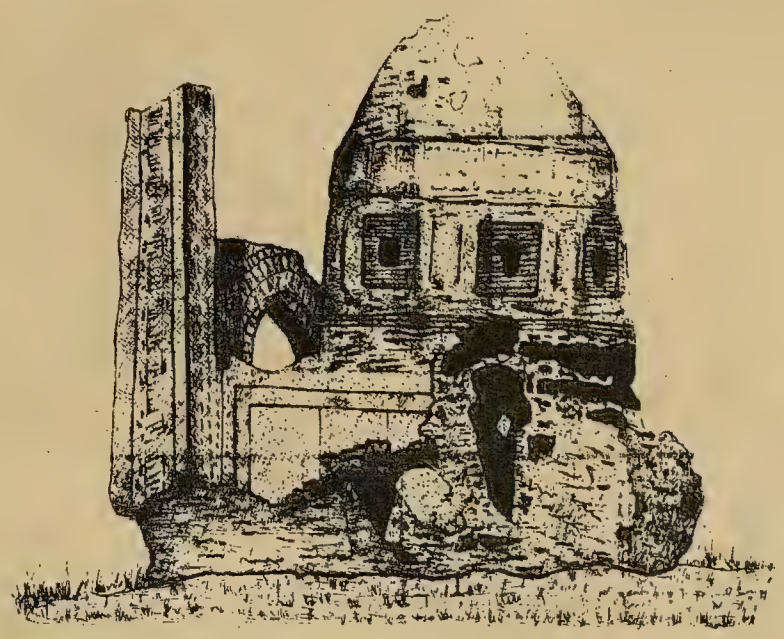
6.



7.

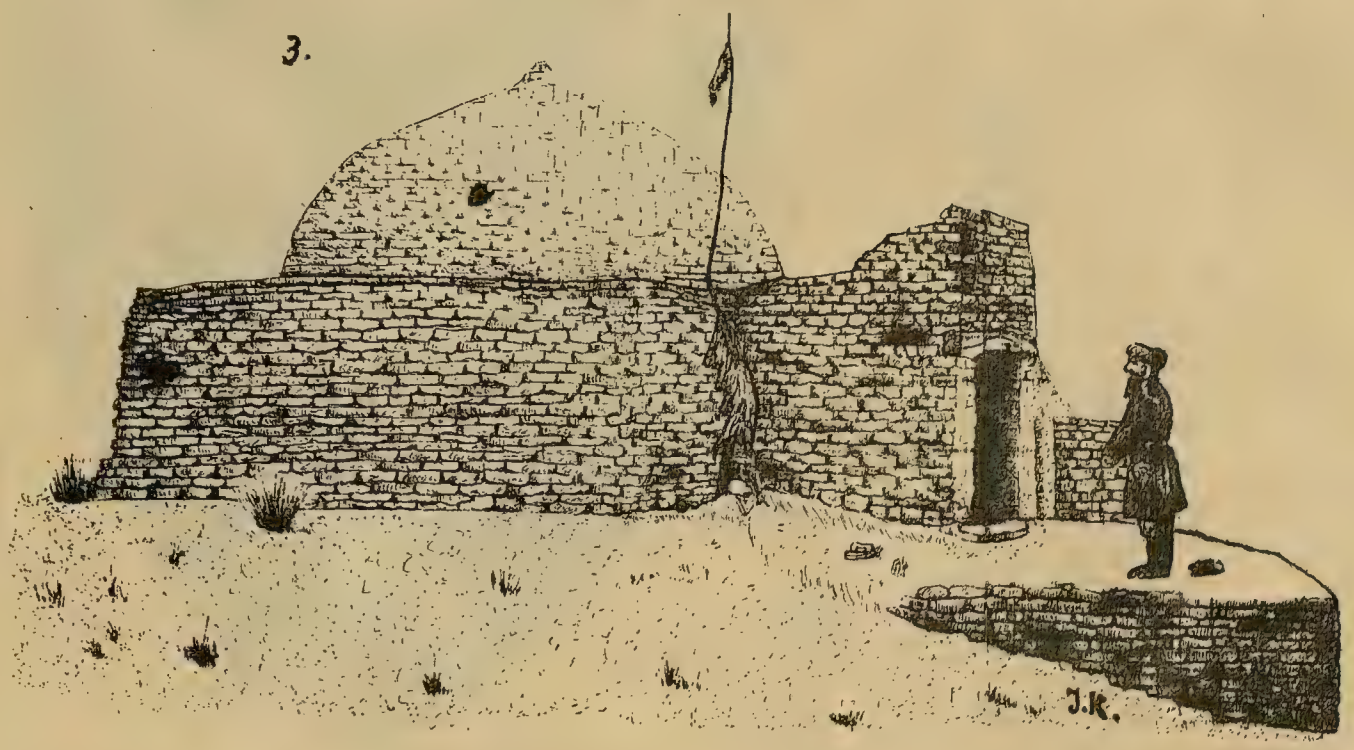
Tab. IV.

1.



2.

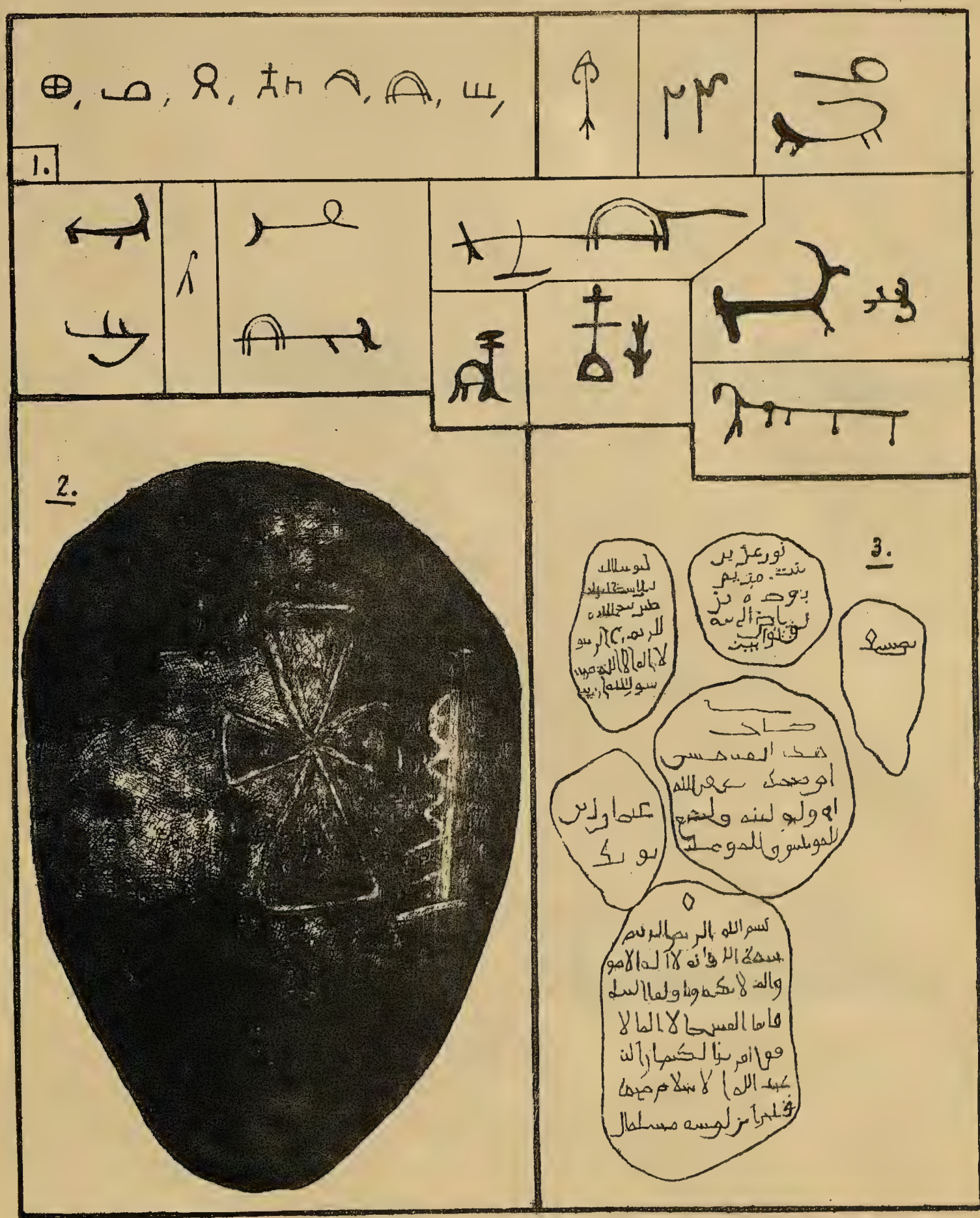
3.



J.K.

Таб. V.

1.



2.

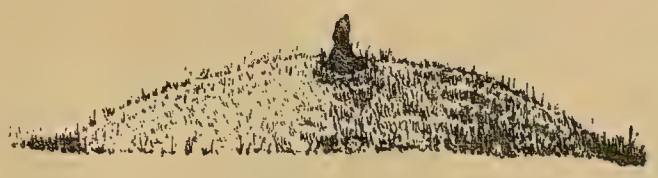
3.

Tav. VI.

1.

2.

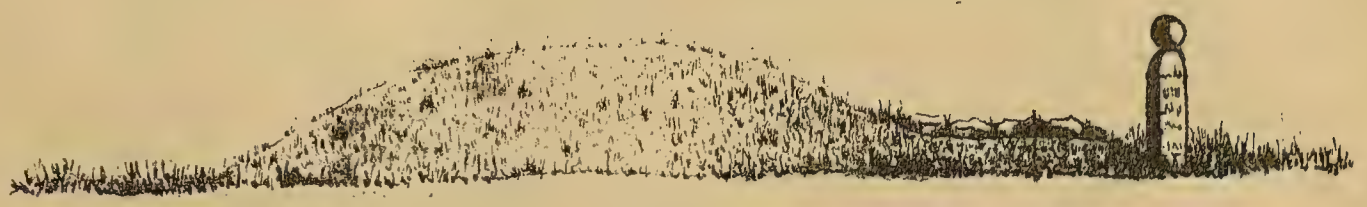
3.



4.

5.

6.



Taf. VII.

7.

8.

9.

10.

11.

12.

13.

14.

Tab. VIII.

15.

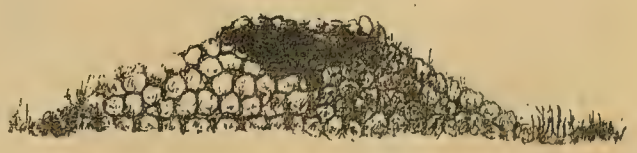
16.

17.

18.

19.

20.



21.

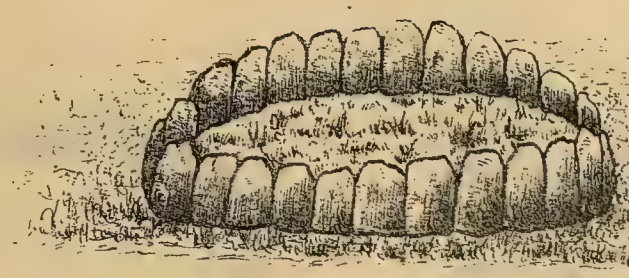
22.

Таб. IX.

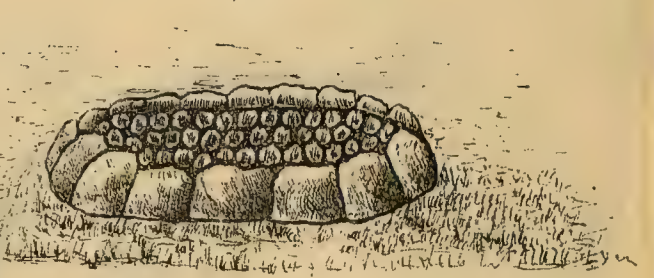
23

24

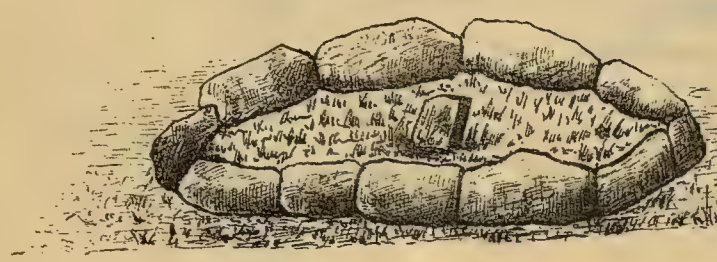
25



26



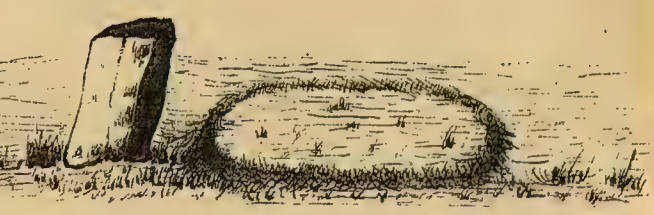
27



28

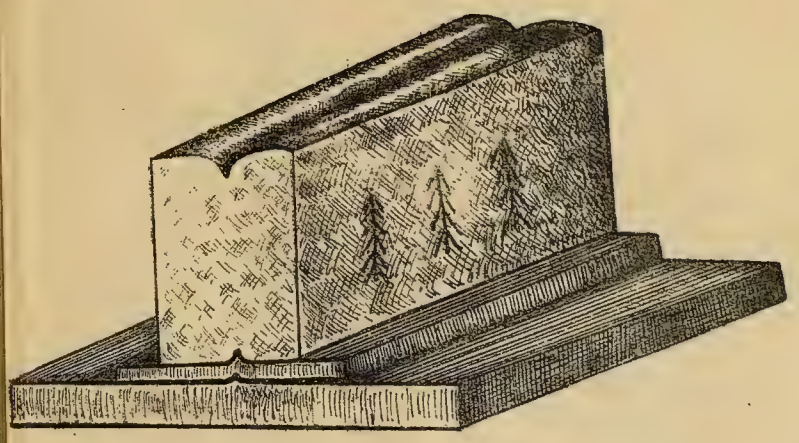
29

30

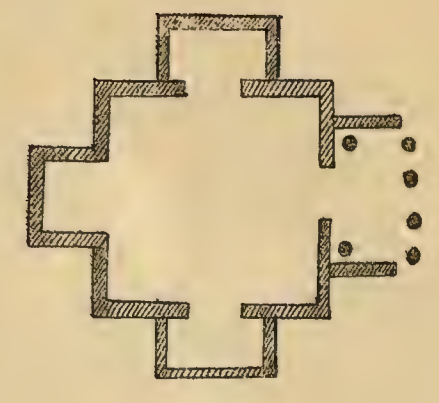


Tab. X.

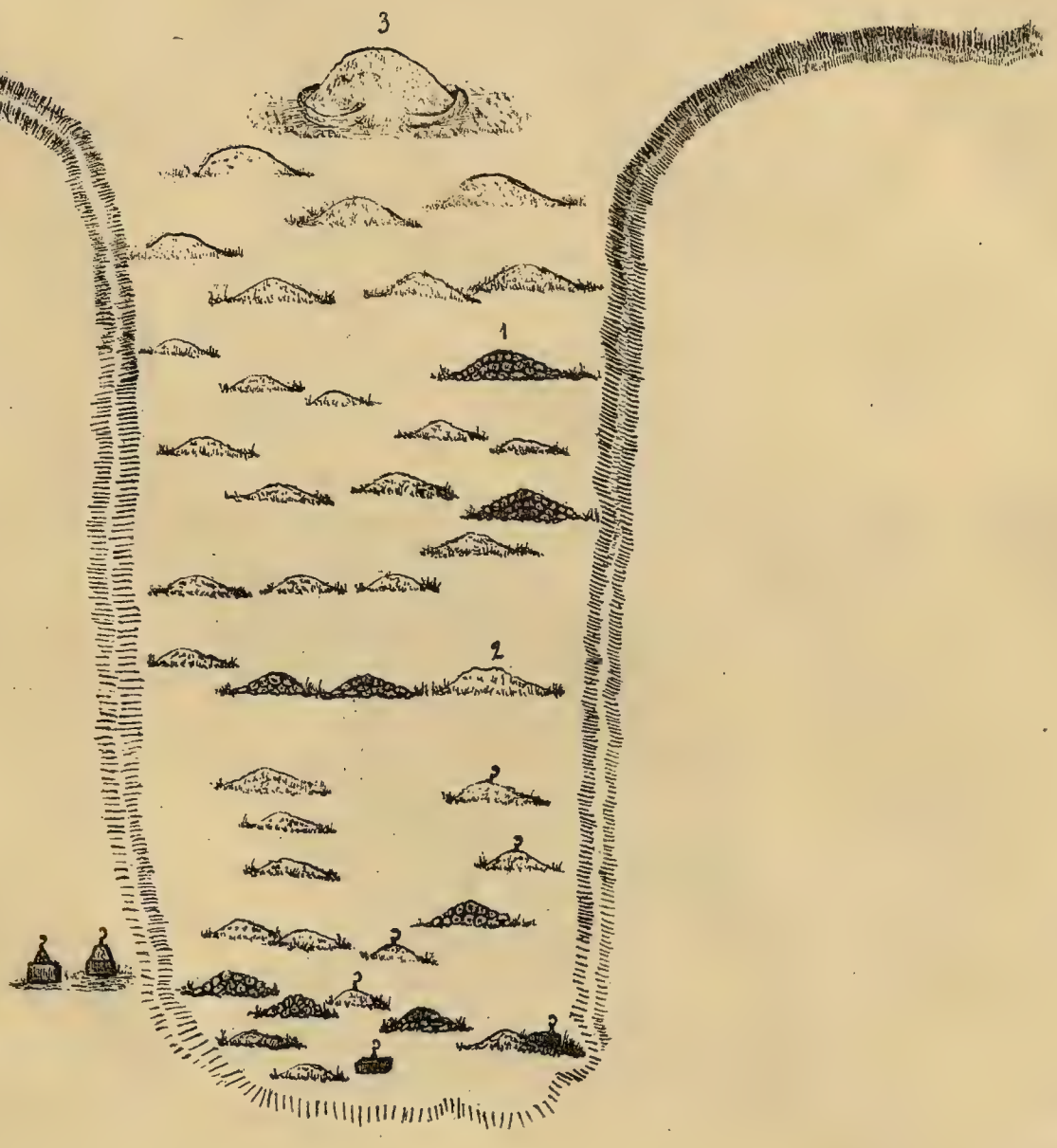
1



2



3



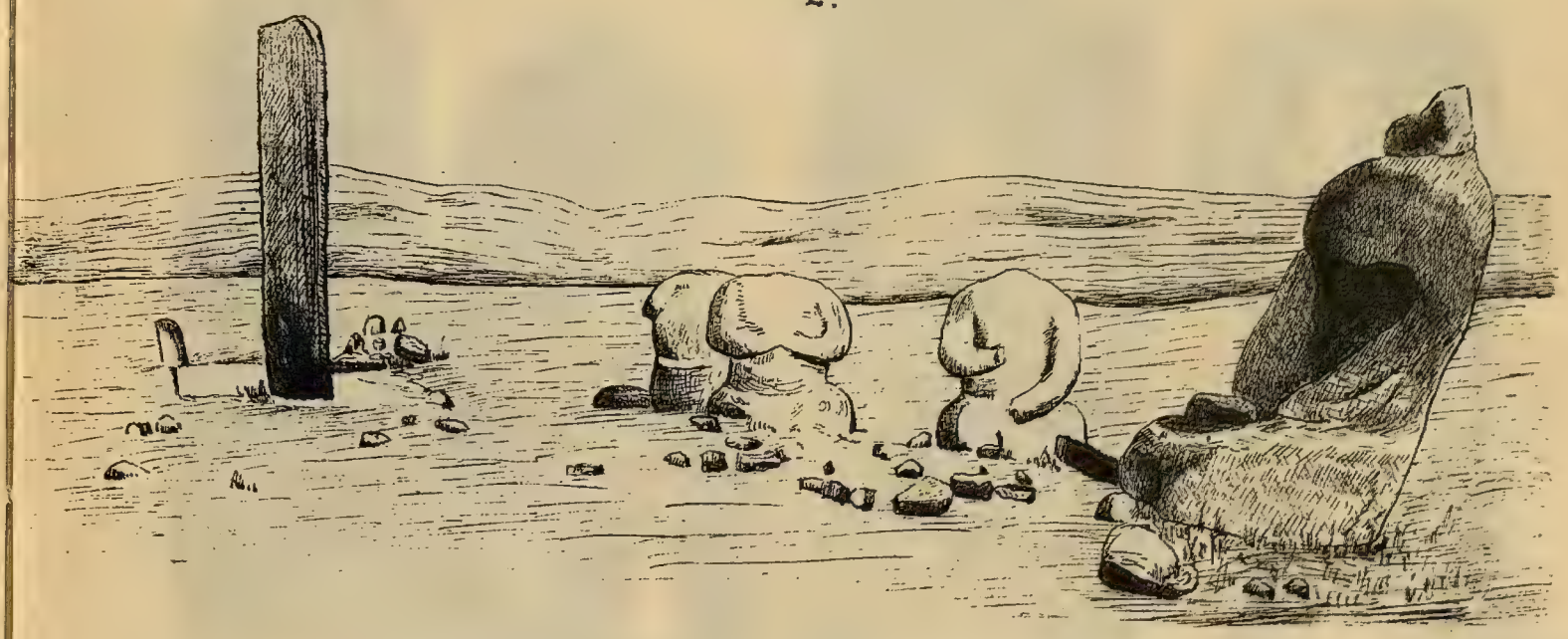
Таб. XI.

PL. XI.

PL. XII.

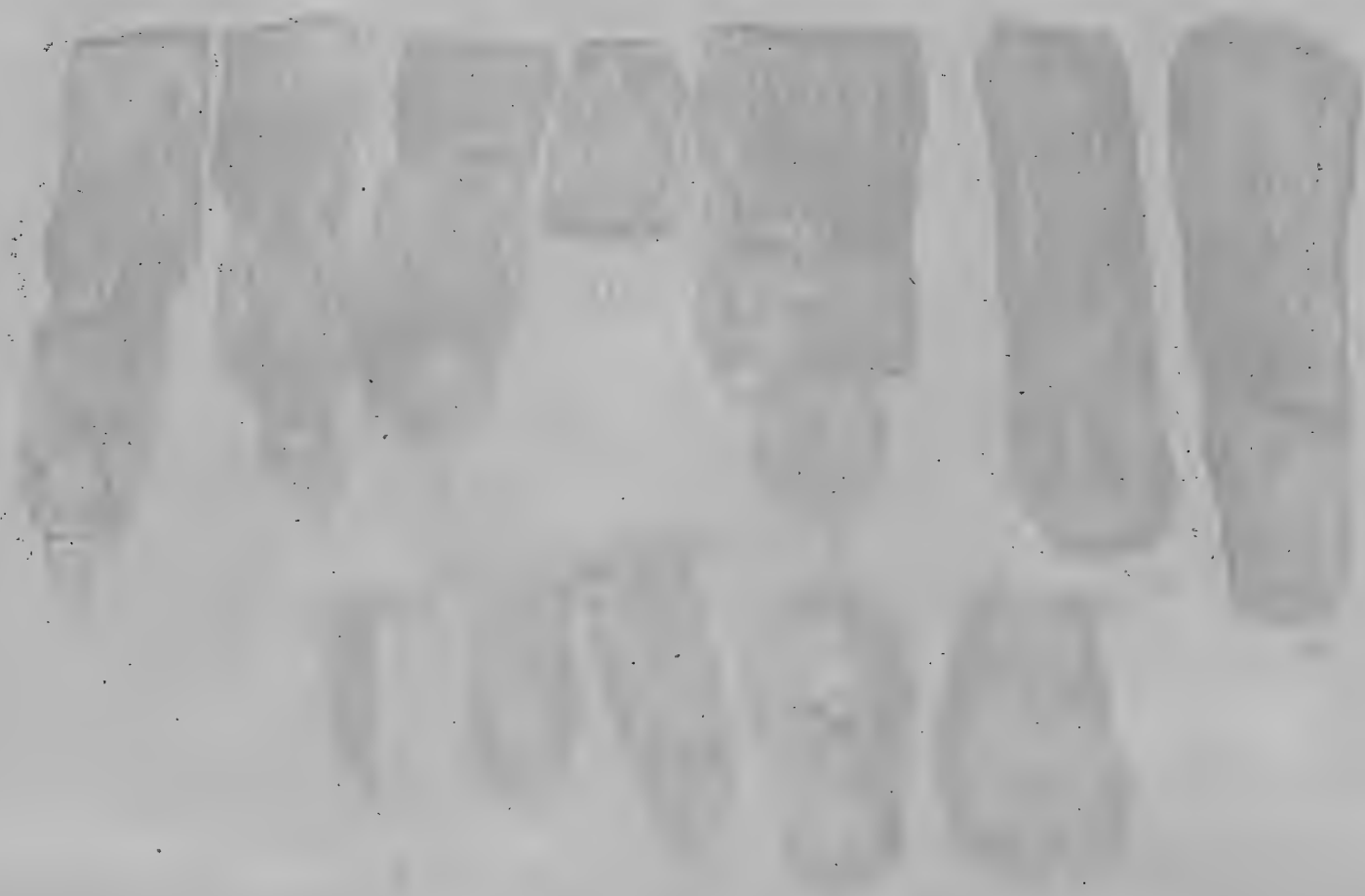
1.

2.



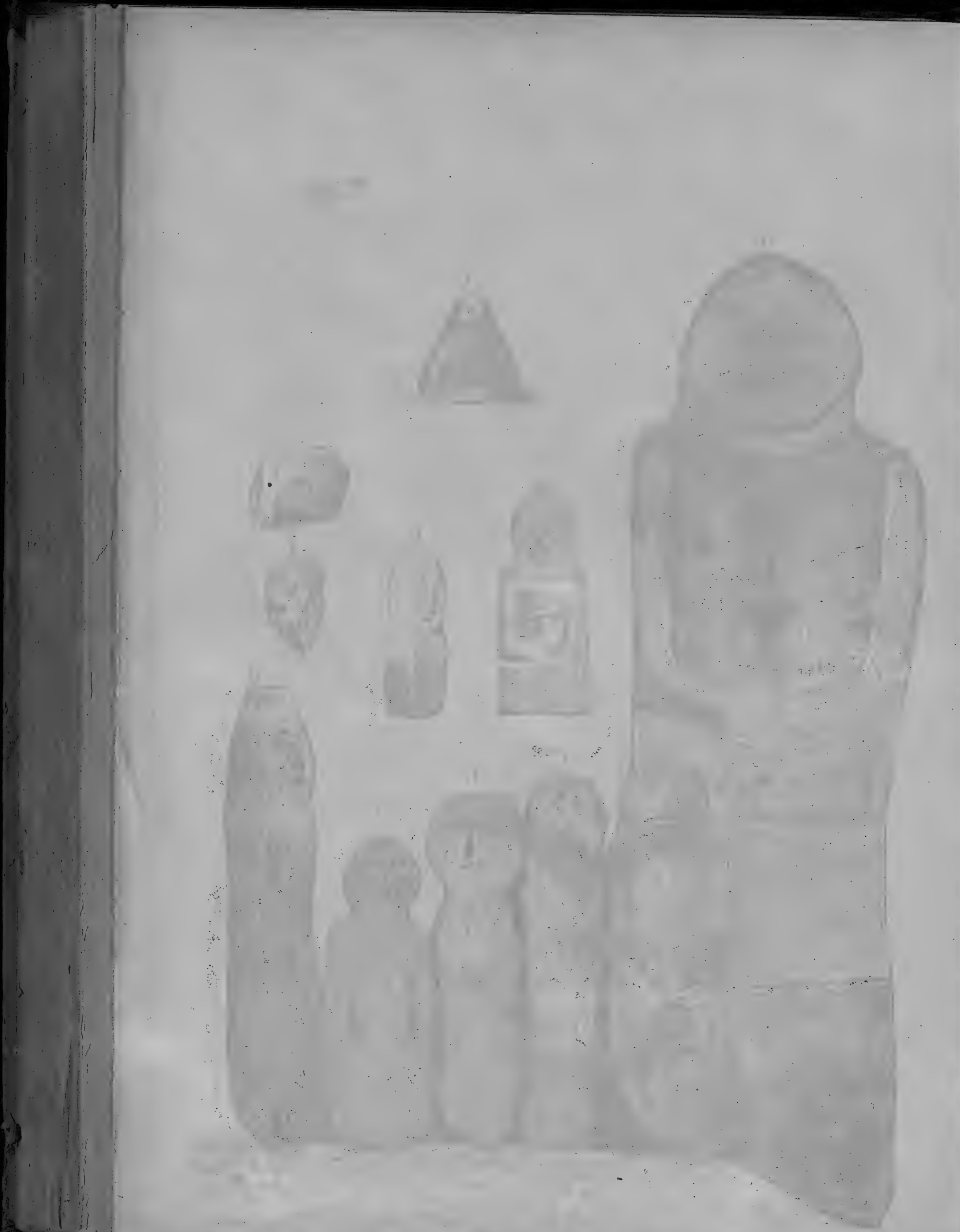
PL. XIII.

PL. XIV.



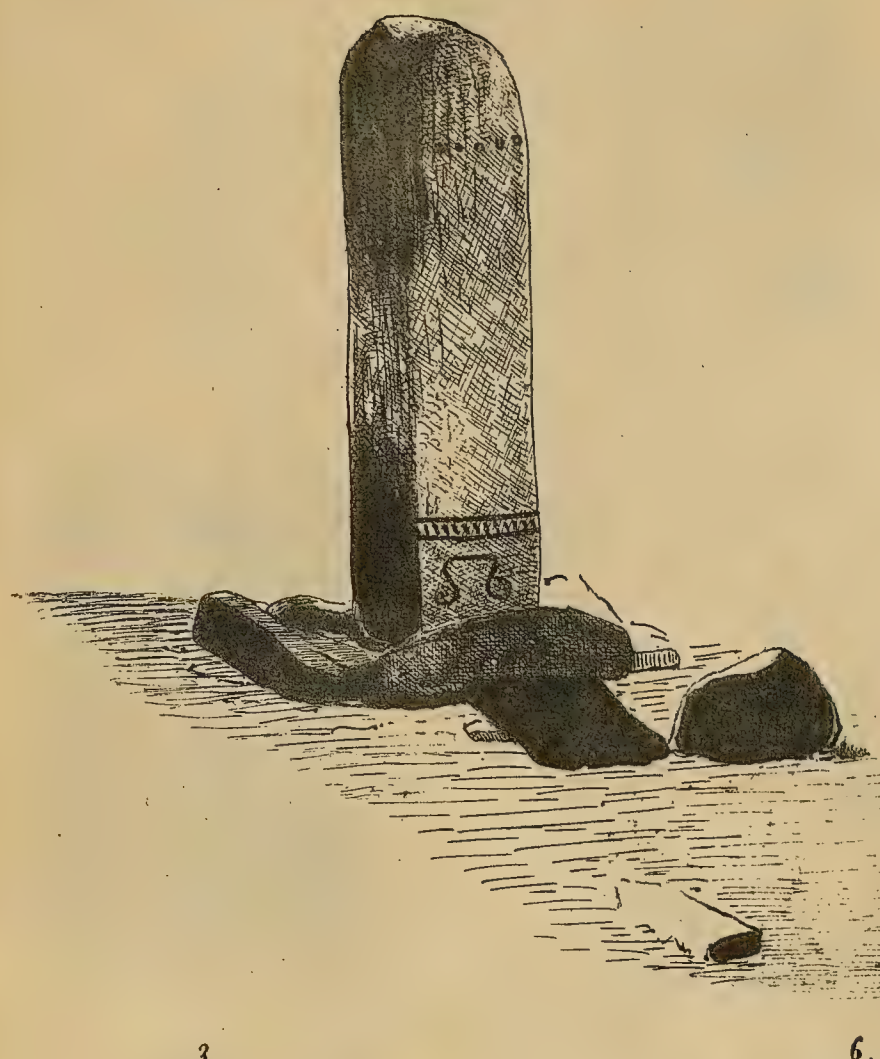
PL. XV.

PL. XVI.

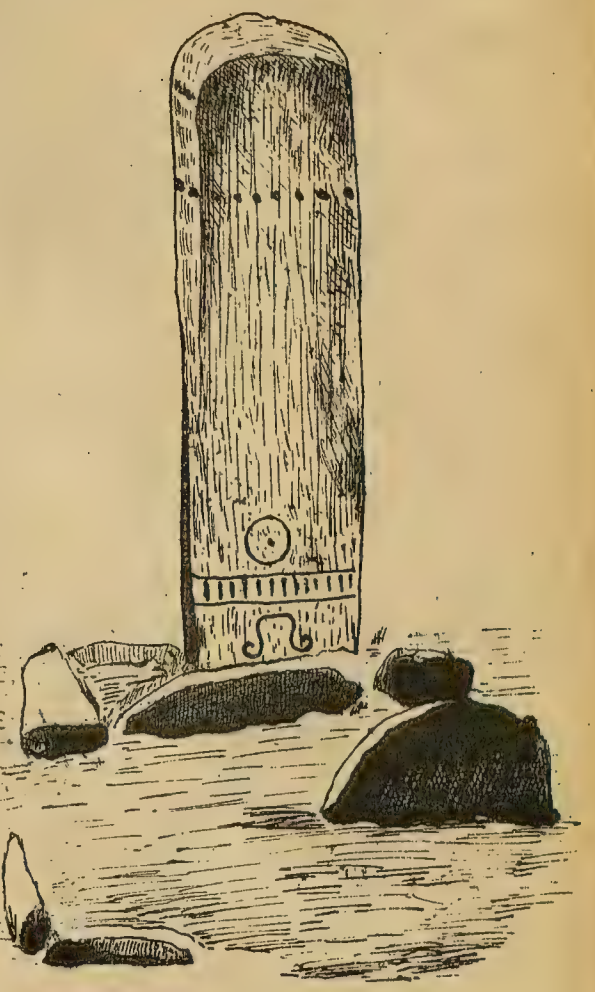


PL. XVII.

1.

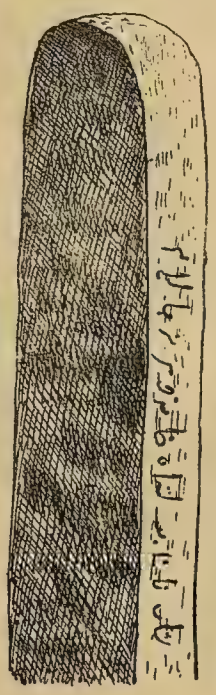


2.



3.

4.



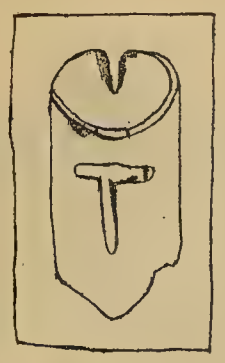
5.

6.

7.

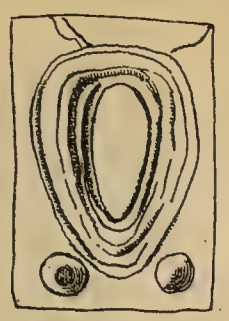
8.

1.



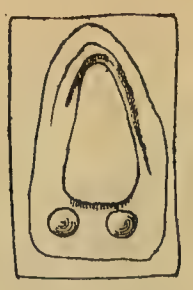
2.

3.



4.

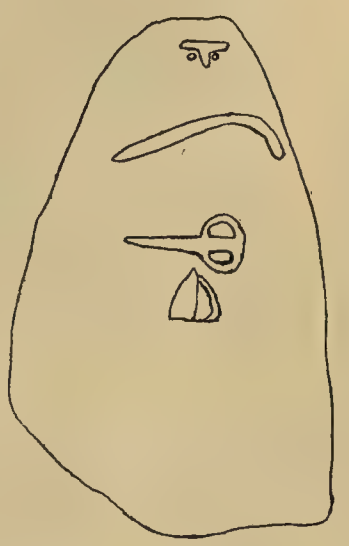
5.



6.

7.

8.

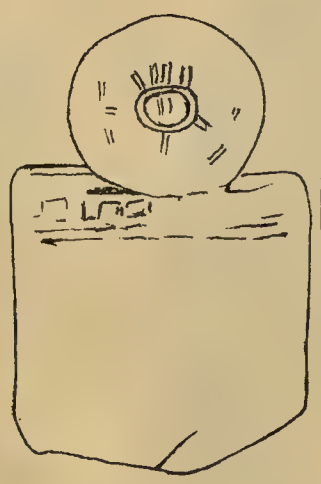


9.

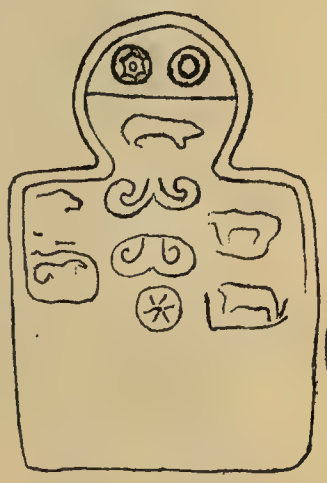
10.

11.

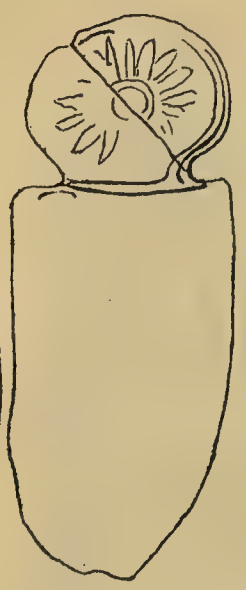
12.



13.



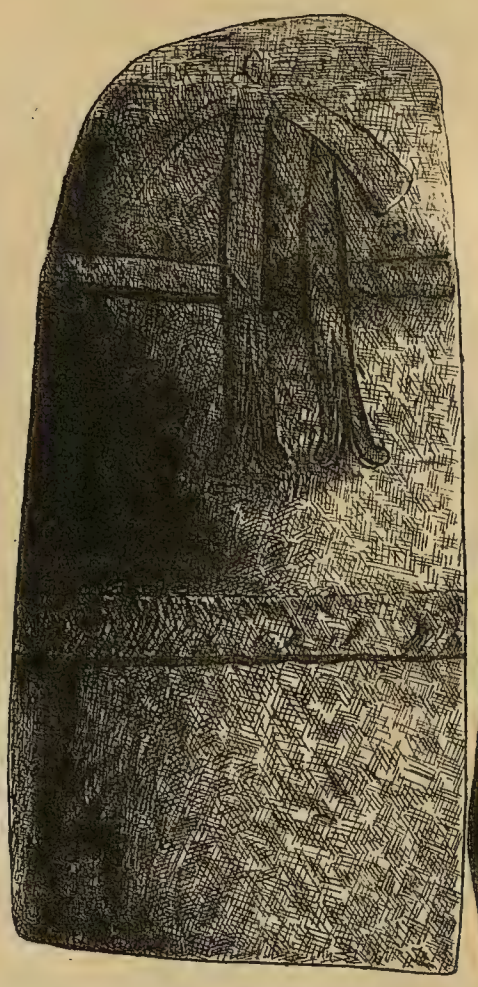
14.



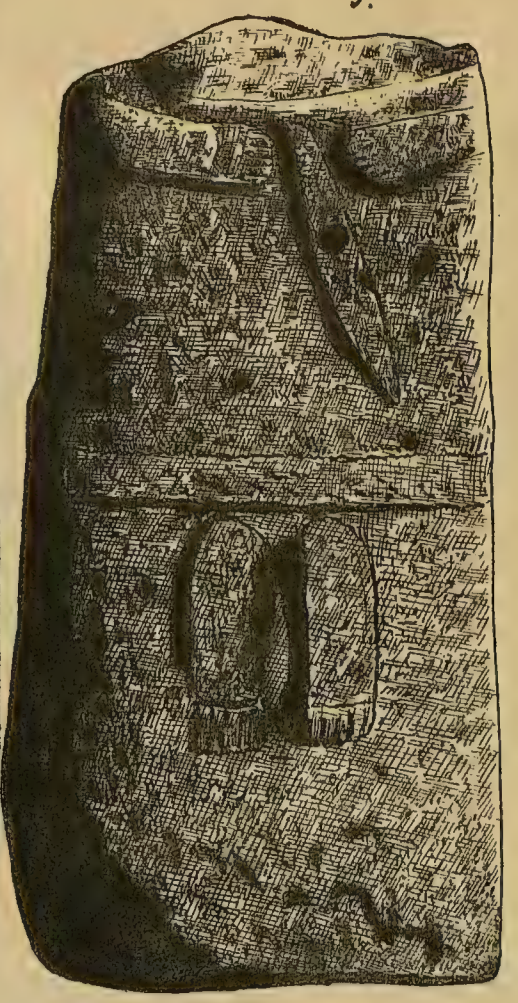
15.

1.

2.



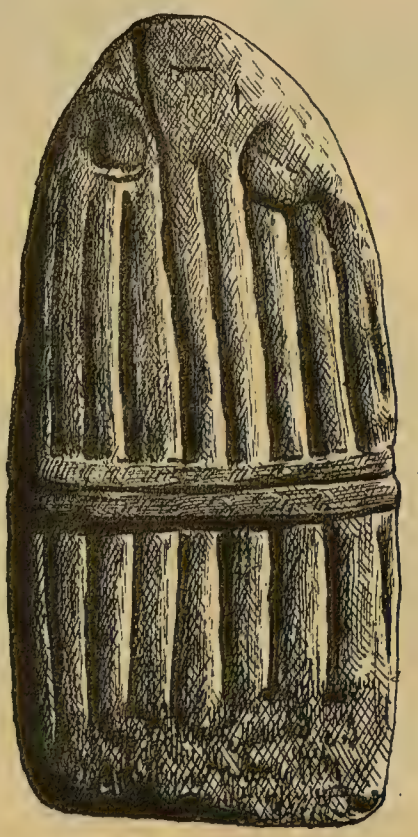
3.



4.

5.

6.



PL. XX.

1.

2.

3.

4.

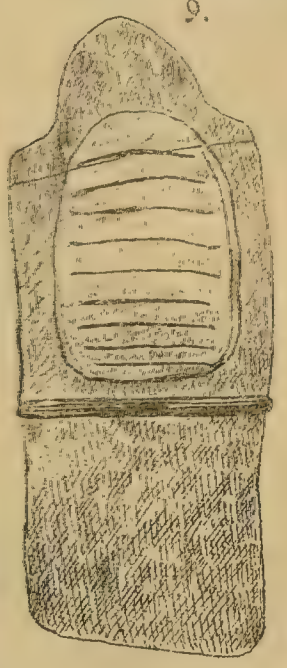
5.

6.

7.

8.

9.



10.

11.

a.

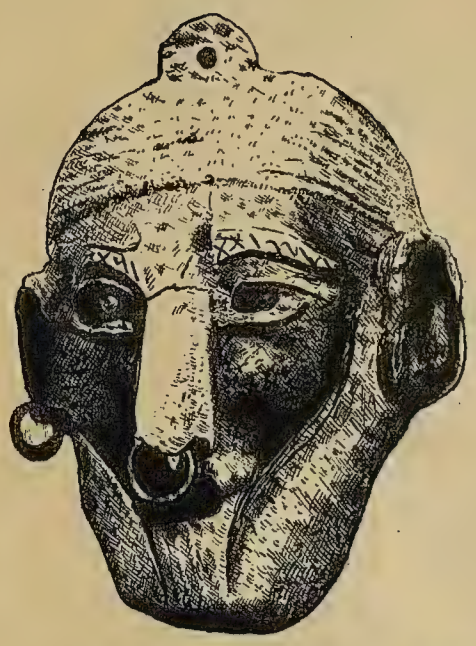
12.

b. c. d.

13.

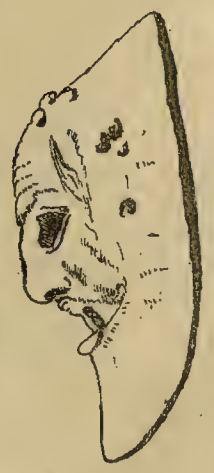
14.

1.

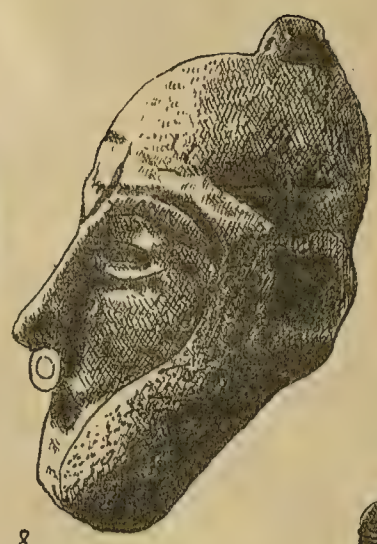


2.

3.



4.

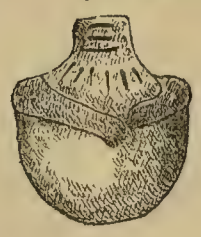


5.

6.

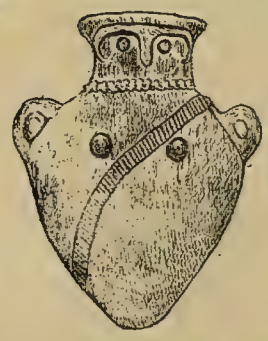
7.

8.

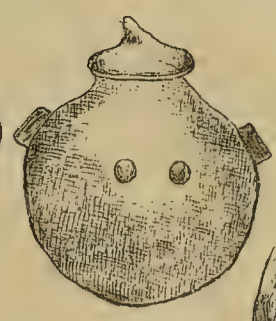


9.

10.



11.



12.

13.

14.

15-16.

17.